

АРТУР
КОНАН ДОЙЛ

АРТУР
КОНАН ДОЙЛ

Собрание сочинений

в четырнадцать
томах

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Собрание сочинений

в четырнадцати
томах

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

Издательство
«НАТАША»

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Собрание сочинений

Том 13

РОМАН О СПИРИТИЗМЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

*Биографический очерк
йога Романантаты*

МИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ПАРАЗИТ

Повесть

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Научное исследование

ЗАПИСКИ О СПИРИТИЗМЕ

Публицистика

КЛУБ

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

Издательство
«НАТАША»

УДК 82/89
ББК 84 (4 Вл)
Д62

Литературная обработка
и новая редакция переводов —
фирма «Наташа» и АО «Гарт»

Составитель
Б. АКИМОВ

Художник
Б. ЛАВРОВ

Дойл Артур Конан
Д62 Собрание сочинений: В 14 т. Т. 13: Роман о спиритизме длиною в жизнь; Биографический очерк йога Романантаты; Мистические рассказы; Паразит; Новое откровение; Записки о спиритизме / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; Наташа; Литература, 1998. — 544 с.
ISBN 5-300-02152-0 (т. 13)
ISBN 5-300-01363-3

Артур Конан Дойл (1859—1930) — всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе.

В тринадцатый том Собрания сочинений включены произведения разных жанров, затрагивающие вопросы спиритизма и мистицизма: «Мистические рассказы», повесть «Паразит», публицистические статьи.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Вл)

ISBN 5-300-02152-0 (т. 13)
ISBN 5-300-01363-3

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998
© Издательство «Наташа», 1998
© Издательство «Литература», 1998

**РОМАН О СПИРИТИЗМЕ
ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ**

*Биографический очерк
йога Романантаты*

Роман о спиритизме длиною в жизнь

«Человек, посвятивший себя
этим исследованиям, занят в
жизни делом, не заставляю-
щим раскаиваться».

Платон

Наверное, нет человека, который бы не читал Конан Дойла, но нет и человека, который бы прочитал всего Конан Дойла. Это, при всём желании, невозможно даже в Англии.

Так уж повелось, что большинство российских читателей, слышав имя Конан Дойла, про себя радостно отметит: «А, это автор знаменитого Шерлока Холмса!» И только. Таким образом оказывается, что чуть ли не самая важная сторона духовной жизни писателя — его научные и философские искания, его бурная общественная деятельность — остаётся неведомой русскоязычному читателю. И действительно, произведения эти в русском переводе никогда не издавались, а в статье «брежневской» БСЭ, посвящённой Конан Дойлу, об этом не сказано ни слова. И только в «сталинской» энциклопедии говорится, что он «в последние годы жизни проповедовал мистицизм и спиритизм». Причём сказано это таким тоном, который подразумевает, что на старости лет почтенный писатель «несколько умом тронулся». Оставим это смещение акцентов на совести авторов энциклопедии, ныне покойных, и поговорим об этой стороне жизни и творчества сэра Артура Конан Дойла — человека, мыслителя, учёного и писателя.

Читатель, возможно, недоумевает: Конан Дойл — тот самый Конан Дойл, отец Шерлока Холмса, этого педантичного, скрупулёзно-точного детектива, который не верит ни во что, кроме анализа и доказательства, наблюдательности и дедукции, который соединяет материальные улики с логикой и здравым смыслом и преобразует в научное исследование романтическую погоню за ворами и убийцами?

И это он-то вдруг поверил в спиритические сказки и принял их популяризировать; возможно ли такое? Однако не будем спешить с выводами. Да, это тот самый Конан Дойл, который, подобно своему герою, прежде чем прийти к окончательному решению (т. е. примкнуть к спиритическому движению), накапливал и накапливал доказательства и улики в течение терпеливого и кропотливого расследования, гораздо более длительного, чем самое сложное дело сыщика с Бейкер-стрит, поскольку расследование это продолжалось без малого пятьдесят лет.

В целом же недоумение иных читателей вполне можно понять, ведь если они воспитывались и выросли в лоне материалистической и марксистской идеологии, то многие вещи должны были выпасть из круга их внимания или выглядеть суевериями. Поэтому вначале по необходимости немного коснёмся вопроса о том, что, собственно, такое «спиритизм».

Спиритизмом в XIX веке называли религиозно-философско-научное движение, которое возникло в результате ознакомления людей с особым рода феноменами, так называемыми «спиритическими манифестациями». Надо, однако, признать, что такой взгляд весьма поверхностен и отдаёт марксистским подходом, который всякое возникшее в обществе явление пытается объяснить историческими причинами и вписать его во временной поток. По отношению к Спиритизму такой подход был бы совершенно неверен. Дело в том, что движение, возникшее в XIX веке, правильное было бы именовать не спиритизмом, а неоспиритизмом, новейшим спиритизмом, ибо спиритизм не есть какое-то изобретение XIX века, с ним же и закончившееся. Спиритизм, строго говоря, существовал всегда по той простой причине, что природа человека всегда была тою же и, стало быть, связанные с нею явления и законы существовали всё то время, что существует человечество. Сведения об этих явлениях доносят дошедшие до нас древнейшие, древние и средневековые памятники письменности. Все эти явления естественным образом вписывались в жизнь людей и были одной из её естественных составляющих. Но понимание их природы было вотчиной магов, мистиков, оккультистов, жрецов и духовенства (вернее сказать, той части последнего, которая ещё владела эзотерическим знанием). Когда же наступил так называемый «век

просвещения», то человечество просто почувствовало и осознало себя в совершенно новом качестве. Но одной из особенностей этого ощущения и самосознания было нежелание со стороны передовых умов эпохи признать реальность, стоящую за мистикой и оккультизмом. Так им тогда было удобнее, и это ограничение, действительно, в какой-то мере было необходимо. Но тем не менее, из-за одного только игнорирования явления, существующие объективно, исчезнуть не могли. И вот, когда они вновь заявили о себе, а случилось это в 1847 году, в Соединённых Штатах (феномен сестёр Фокс), тогда началось их рационалистическое осмысление и освоение, получившее название «спиритизма», от латинского слова «spiritus», что значит «дух».

В XX веке к вещам этим изменился подход и сдвинулась точка отсчёта (как раз это обстоятельство вполне можно объяснить историко-социологическими причинами), однако явления изучаются — и это называется уже «парапсихологией». Сейчас, по завершении этого века механического суеверия, мы переживаем такую пору, когда всё становится на свои места и возможно будет также понята ошибочность парапсихологии и её методов, и тогда Спиритизм снова станет называться «спиритизмом» и наконец займёт в жизни человечества подобающее ему место. Такова история вопроса.

Сэр Артур Конан Дойл впервые публично заявил о своей вере в общение с умершими в статье, которая появилась в газете «Light» от 21 октября 1916 года. Это заявление для многих прозвучало тогда как гром среди ясного неба. Но первый спиритический сеанс, на котором он присутствовал — надо сказать, с сильно скептическим настроением ума — состоялся в конце 1886 года, когда Конан Дойл был ещё только начинающим практиковать врачом. Интерес же его к психическим феноменам обозначился за несколько лет до этого первого опыта.

«Когда в 1882 году я закончил своё медицинское образование, то, как и большинство врачей, я оказался убеждённым материалистом во всём, что касалось нашей участи. И в то же время я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный звёздной ночью Наполеоном профессорам-атеистам во время его египетского похода:

«Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?»... Но когда я подходил к вопросу о наших хрупких личностях, переживающих смерть, мне казалось, что многие аналогии, наличествующие в природе, отвергали сохранение личности после смерти тела. Так, когда свеча догорает, свет гаснет; когда провод обрывается, прекращается ток; и когда гибнет тело, сознание исчезает.»¹ Чтобы объяснить это противоречие между верой в Бога и отрицанием выживания души после смерти тела, он пользуется поэтическим образом: «Разбитая скрипка не издаст ни звука, хотя бы музыкант и остался прежним».²

Однако природа его ума — научного по складу — была далека от того, чтобы замкнуть этот ум в пределах проторенных путей; она, напротив того, постоянно направляла и подстёгивала его любопытство и наблюдательность. И вместо того, чтобы отрицать пока для себя непонятное, он всегда стремится его понять и объяснить. Среди психических феноменов, которыми в ту пору увлекаются в Англии, он выделяет один, который считает нужным изучить лично. Речь идёт о телепатии. Можно вспомнить, что эта форма общения равным образом была близка и жильцу с Бейкер-стрит, 221-б, который как бы читал мысли своего собеседника с притворным равнодушием, только подчёркивавшим его мастерство.

«Помогать мне в моих исследованиях вызвался г-н Болл, весьма известный в городе архитектор. Множество раз, сидя позади него, я чертил графики, тогда как он, со своей стороны, чертил почти то же самое; так я констатировал, что, без сомнения, могу передавать свою мысль без посредства слов».³

Это открытие несколько пошатнёт материалистические убеждения Конан Дойла, и когда к концу 1886 года семья одного из пациентов предложит ему принять участие в «сеансе столоверчения», он это приглашение примет. И всё же против такого рода опытов он пока что останется весьма предубеждён. Тем более что проводились они в полумраке — условие, как понятно, способное облегчить меди-

¹ «The New Revelation», New York, George H. Doran Company, 1918.

² «Memories and Adventures», Boston, Little, Secker and Warburg, 1926

³ I bidem.

умам любую мистификацию, а надо сказать, что некоторые из них к тому времени уже были пойманы на месте преступления с поличным. Феномены наблюдавшегося телекинеза повергают Конан Дойла в смущение: он опасается, как бы его партнёры не приписали их его вмешательству, тогда как у него те же подозрения возникают в отношении их. По окончании этих первых попыток он весьма близок к тому, чтобы думать, как то впоследствии напишет его друг д-р Эдмонд Локард: «Мир загробный, если рассматривать его только как пляску мебели, выглядит весьма похожим на детскую или на дом умалишённых».

Конан Дойла, в частности, удручает незначительность, ничтожность получаемых сообщений, но он понимает, что это зачастую вызвано настроением ума участников сеанса. В этой связи он признаёт, что получил достойный урок в тот день, когда, спросив у стола, сколько у него с собой денег, в ответ услышал: «Мы приходим сюда, чтобы просвещать и возвышать души, а не за тем, чтоб решать детские загадки».

Он делится своими сомнениями с одним из знакомых, генералом Дрейсоном, страстно увлечённым астрономией и психическими исследованиями. Конан Дойл восхищается им, но, уточняет он, не в связи с блестящими результатами, которых тот добился в ходе своих спиритических опытов, а в связи со смелостью его астрономических теорий, касающихся центра описываемого Землёю круга. Авторитет учёного — это единственный авторитет, который признаётся молодым врачом. Дрейсон, который в ту пору при содействии сильного медиума¹ проводил удивительные опыты, объясняет бедность результатов, полученных Конан Дойлом, неэффективностью его метода. «Заниматься психизмом без медиума — всё равно что заниматься астрономией без телескопа», — сурово изрекает он.

Заручившись услугами профессионального медиума Хорстеда, молодой врач и начинающий писатель организует у себя на дому, с 24 января по конец июня 1887 года, 6 сеансов. Здесь ему снова ассистирует архитектор Болл. На одном из них Конан Дойл получает интересное сообщение, которое затем в избытке энтузиазма публикует в

¹ Читателю не следует путаться слова «медиум». В переводе на современный язык это значит «экстрасенс». Так, например, пресловутая Ванга — типичный медиум. (Й. Р.)

газете «Лайт». Эта публикация от 2 июля 1887 года позволяет датировать первое публичное выражение интереса создателя Шерлока Холмса к Спиритизму. Сообщение, им полученное, давало ему совет: «Не читайте книгу Лея Ханта» как раз в то самое время, когда он спрашивал себя, стоит ли ему браться за одну из работ этого автора, посвящённую комическому театру периода Реставрации.

Однако, сбитый с толку хаотическим положением дел в Спиритизме и кажущейся неопределённостью его доктрины, поскольку в ту пору ему ещё не были известны работы Аллана Кардека и Леона Дени, Конан Дойл на несколько лет предпочтёт ему структурно хорошо организованную систему теософии. Её основательница, русский медиум Е. П. Блаватская, учредила символический Ватикан теософии в Индии, в Адьяре. Но псевдоопровержения, вскоре последовавшие в адрес госпожи Блаватской даже из стана её друзей, побуждают Конан Дойла искать доказательств, которые он надеялся у неё найти, в другом месте.

Всегда ведомый духом научности и критичности, широко открытым сомнению, но мало склонным преобразоваться в уверенность без наличия на то осязаемых и весомых доказательств, Конан Дойл вступает в 1891 году в Общество психических исследований (ОПИ), организацию, возможно более досконально изучающую все «случаи, касающиеся проявления потусторонних сил». Анализ материалов, собранных ОПИ, открывает перед ним значительное количество случаев, не имеющих объяснения, и лишь довольно ничтожное число тех, которые оказались мистификацией¹. Получив полномочия от ОПИ, он выезжает изучать события на место происшествий и в компании с двумя другими наблюдателями проводит ночь в «непокойном доме», чтобы изучить очередное проявление полтергейста. Некоторое время спустя в подвале того дома будет найден человеческий скелет.

В 1893 году, в качестве руководителя Аппер-Норвудского литературного общества, он приглашает Вильяма

¹ Что касается мистификаций и обманов, то любой род человеческой деятельности платит свою долю дани людской непорядочности. Разве не профанировались людьми, корысти или тщеславия ради, самые святые вещи? И всё это с самых незапамятных времён. То же самое и здесь. (И. Р.)

Баррэта, «пионера английского спиритизма», выступить с лекцией о психических явлениях. Хотя в данном случае Конан Дойл и исполняет приятную и пассивную роль председателя собрания, тем не менее эта встреча оказывается прелюдией бесчисленных конференций по Спиритизму, в которых он позднее выступит в куда более активной роли лектора и рассказчика.

С терпением и настойчивостью Конан Дойл продолжает собирать доказательства. Одно из наиболее интересных свидетельств было доставлено ему в ходе сеанса в 1896 году духом путешественника, встреченного им когда-то в Каире за несколько недель до смерти этого человека. Подробности их последнего разговора, как подчёркивает Конан Дойл, не могли быть известны другим участникам сеанса. В том же году дух одной женщины связным и точным образом описывает ему жизнь в потустороннем мире. Накопившиеся свидетельства, а также работы Мейерса и Крукса, подтверждающие реальность определённых психических явлений, укрепляют его симпатии, но всё ещё не могут создать в нём убеждённости, и ещё менее — обратить его в новую веру.

Конан Дойл полагает, что убедить и обратить его сможет какое-либо решительное событие интимного характера. Этого события он долго ждал. И вот наконец оно происходит где-то в период между январём 1916 года и публикацией его статьи в газете «Лайт» от 21 октября того же года, в которой изложено его спиритическое кредо. К этой дате бесследно исчезла Лили Лодер-Саймондс, близкая подруга его жены, с которой он сотрудничал в опытах по крипстестезии и автоматическому письму. Конан Дойл остаётся весьма сдержан и немногословен по поводу природы этого события, послужившего ему толчком и ставшего причиной его уверенности в реальности потустороннего.

Спиритизм, если верить его хулителям, находит себе сторонников лишь среди людей, жестоко истерзанных разрывом сердечной привязанности и стремящихся найти компенсацию своей слабости в неясном мистицизме. Иначе говоря, он надежда тех, у кого более нет надежды. Есть и другой упрёк, быть может, ещё более серьёзный: Спиритизм якобы ущемляет, обедняет личность своих сторонников, которые, утратив всякую предприимчивость и

инициативность,веряют руководство своей жизнью тем, кто уже прожил собственную.

Так вот, едва ли можно найти какого иного человека, который был бы более ярким и впечатляющим опровержением этим расхожим обвинениям, нежели сэр Артур Конан Дойл. Человек, счастливый в личной жизни, имевший множество друзей, достигший благодаря своему писательскому таланту мировой известности, он ни в коей мере не искал в Спиритизме компенсации внутренним драмам. И та рациональность и определённости, с которыми он вступил в ряды его сторонников, никак не были у него продиктованы внезапным разрывом сердечной привязанности, но, напротив, зрели в нём в течение тридцати лет. Тем самым мы желаем сказать всем доморощенным и титулованно-дипломированным скептикам: если уж столь логичный, взыскательный и методичный ум в результате своих многолетних исследований и размышлений признал реальность спиритических фактов и стал сторонником философии Спиритизма, то, значит, всё это не может быть «чудовищным суеверием» и бабушкиными сказками, но, напротив того, является выражением действительной природы вещей.

Спиритизм, по всей видимости, удесятерил, а не ослабил предприимчивость и инициативность этого великана, за благодушным обликом которого скрывалась кипучая энергия, неустанно ищущая себе выражения и предпочитающая дела трудные или безнадежные. Если большинство знаменитостей, ушедших на покой, купаются в лучах славы и только и помышляют о том, как бы не позволить ей угаснуть, ревностно оберегая её от всего, что могло бы ей повредить, то Конан Дойл в эту самую пору дополняет свой труд писателя апостольской деятельностью, которой он посвящает все минуты досуга, весь свой престиж, значительную долю состояния — порядка 750000 фунтов стерлингов — и многие свои сочинения. Беря на себя ответственность за эти действия, вплоть до самых крайних последствий их, он не может избежать и того, что связано с примыканием к спиритическому движению. Обращённый в новую веру, он не может довольствоваться ролью простого сторонника, ему необходимо броситься ещё и на передний край борьбы, которую вело движение, подвергавшееся после мировой войны всё более резким напад-

кам. Сделавшись проповедником, он объезжает мир с апостольской миссией, содействуя делу как устным словом, так и пером.

В это время претерпевает серьёзные изменения и его художественное творчество. Отныне он не стремится пользоваться фантастическим, чтобы удивить, но лишь затем, чтобы созидать. Он более не рассматривает фантастическое как повод, дабы рассказать чудесные сказки и блеснуть игрой воображения, но, напротив, силится включить сверхъестественное в реальность в том виде, в каком оно открывается ему *новой верой*¹. Постепенно он лишает сверхъестественное драматических и легкомысленных аксессуаров, чтобы зримее проступило его религиозное и нравственное содержание. Этот долгий путь от тревоги к миру, от сказки к аргументированной вере естественным образом выводит его к «Стране туманов»² — последней уступке издателям, которые умоляют его продолжить приключения старых героев. Напрасные мольбы. Слишком поздно. «Мне бы очень хотелось сделать то, о чём Вы просите, но, как Вам известно, моя жизнь отныне посвящена одной-единственной цели, и в настоящее время у меня не предвидится никаких литературных замыслов, которые могли бы представлять для вас малейший интерес. Я могу писать только то, что выходит у меня из-под пера». Да, другое время, другие нужды. Единственный мир, который он теперь желает описывать, — это мир иной. Единственные голоса, которые он слушает, — это голоса умерших, ибо они помогают ему услышать музыку разбитой скрипки.

В июне 1917 года, менее чем через десять месяцев после заявления в «Лайт», появляется первая его книга, посвящённая данной теме, — «Новое Откровение», заглавие которой, не любя (как и все англичане) термина «спиритизм», Конан Дойл заимствует у почитаемого им французского автора, одного из апостолов учения — Леона Дени. В «Христианстве и спиритизме» (1898 г.) Дени анализирует

¹ Термин «вера» мы используем здесь лишь по аналогии. На самом деле речь не идёт о вере, но о знании. (И. Р.)

² «The Land of Mist» — роман, завершающий серию приключений профессора Челленджера. Другой вариант для перевода его названия — «Земля Туманная». Пропагандистский роман о Спиритизме. (И. Р.)

проблему в четырёх ракурсах: «Неясности и искажения в Евангелии», «Эзотерическое учение христианства», «Общение с духами умерших» и «Новое Откровение». Конан Дойл, прекрасно сознавая важность темы, остановил свой выбор на последнем, объясняя в своей книге, как это откровение к нему пришло и как он его принял. Он излагает перед читателем свои сомнения и колебания, как бы приглашая его, в свою очередь преодолеть их, как это сделал он сам.

«Жизненно важное Послание», появившееся в августе 1919 года, пронизано тоном убеждённости и намеренно полемично. Оно раскрывает достаточно широкое видение спиритического учения, которое противопоставляется летаргии общественного сознания, позволившей человечеству докатиться до жестокости, бреда и безразличия, в каковые мир был ввергнут катаклизмом 1914—1918 гг., оказавшимся лишь логическим её итогом. Конан Дойл обличает коррупцию и грубость русской аристократии накануне большевицкой революции, непристойность и эгоизм британского империализма, заносчивость и хищность германской империи и колониализм в лице Леопольда Бельгийского, «этого демона во плоти, скарденность и алчность которого плодили убийства и пытки на значительной части африканского материка и который, тем не менее, был принят при всех дворах мира и погребён после панегирика, произнесённого кардиналом католической церкви — церкви, ни разу не возвысившей голоса, чтобы покаяться в своих дьявольских деяниях».¹ И прежде чем говорить о духовном возрождении, совершаемом Спиритизмом, Конан Дойл восклицает: «Взгляните на всё это и скажите: представлялось ли когда человечество в более неприглядном виде?»²

Между двумя этими произведениями, всё возрастающее воодушевление в которых позволяет судить о степени самоотдачи автора делу Спиритизма, он проводит ряд конференций, в высшей степени успешных, средства от которых поступают в спиритические общества. Первая конференция состоялась 7 октября 1917 года. 25 числа того же месяца в Лондоне прошла вторая. Летом 1918 года Конан Дойл выступает на юге Англии, затем в центральной

¹ «Le Message vital», Paris, Jean Meyer edit., 1925. (Й. Р.)

² I *ibidem*.

Англии, осенью в Ноттингэме и Лидсе. С осени 1918 по весну 1919 он проводит не менее 60 встреч-бесед в различных городах Объединённого Королевства. Начиная с 1920 года Конан Дойл старается вести проповедническую деятельность и в других странах. Объехав Австралию с сентября 1920 по февраль 1921 года, он предпринимает поездку по США с апреля по июль 1922 года. Для него эта поездка является своего рода паломничеством к первоисточникам. Приезд на родину неоспиритизма наводит его на мысль воздвигнуть монумент в память сестёр Фокс. Он высказывается на эту тему в статье, появившейся в «Прогрессив синкер» от 24 мая 1922 года. Эта идея была тут же с энтузиазмом воспринята. В итоге же было построено здание спиритической церкви, открытое в 1928 году. В её строительстве Конан Дойл оказывает внушительную финансовую помощь.

В 1923 году он возвращается в США для чтения нового ряда лекций и посещает также Канаду. Когда к концу 1923 года он на несколько лет прерывает свои поездки за границу, то оказывается, что к этому времени им с проповедью спиритического учения проезжено порядка 80 000 км, а это то же самое, что дважды объехать земной шар по экватору. Но и отложив на некоторое время поездки за границу, Конан Дойл не перестаёт служить делу духовного возрождения человечества, только теперь он делает это не столько голосом, сколько пером.

Восхищённый новой и смелой интерпретацией исторической легенды, которую Леон Дени предлагает в своей «Правде о Жанне д'Арк», он решает сделать перевод этой замечательной книги на английский. Его перевод появляется в 1924 году под заглавием «The Mystery of Joan of Arc» и сопровождается предисловием, в котором он воздаёт должное автору и святой врагине англичан в выражениях, благородство коих далеко выходит за рамки традиционной британской fair play. «Я настолько люблю эту книгу и ей восхищаюсь, что мне бы очень хотелось следовать ее тексту как можно ближе. Изложение темы в ней настолько полно и совершенно, что мне ничего не остаётся добавить от себя, кроме разве только того, что, на мой взгляд, и я совершенно в этом убежден, непосредственно после Христа, Жанна д'Арк является на этой земле наиболее высоким духовным существом, о котором у нас

имеются достоверные сведения. Пред ней чувствуешь потребность преклонить колена».

В 1925 году Конан Дойл открывает на Виктория-стрит спиритическую библиотеку, предназначенную также для издания его собственных работ в этой области. Он сам руководит библиотекой вместе с дочерью Мэри, и друзья нередко застают его там за переносом кипы книг или изготовлением пакетов для их пересылки. Два тома его монументальной «Истории спиритуализма» появляются в 1926 и 1927 годах между двумя международными спиритическими конгрессами, на которых представители 27 стран всякий раз избирают его председателем.

Во время Парижского конгресса (6—13 сентября 1925 года) Конан Дойл, по словам очевидца, был неразлучен с Леоном Дени, французским патриархом Спиритизма, для которого это публичное появление оказалось уже последним. «Добрый великан склонялся к почти слепому старцу, с трогательной заботливостью вёл его по лабиринту коридоров Зала учёных обществ, помогая занять место в президиуме. Добрейший учитель наш был этим сильно тронут: «Конан Дойл, каков он из себя? Я плохо его вижу...» — «О, он очень высокий, — отвечали мы, — у него прекрасная большая голова, серые глаза и усы *a la gauloise*. Это не англосакс. Взять хотя бы его имя. Конан — «вождь», ведь это бретонское имя!»¹

И Конан Дойл был совершенно очарован превосходным приёмом, который Париж оказывал знаменитому писателю, равно как и блестящим успехом, какой он имел у парижан. Нет, то был не приём, не успех, — это был триумф. В тот день, когда создатель Шерлока Холмса и доктора Уотсона попросил слова, зал, в котором шло заседание, хотя организаторы и постарались выбрать достаточно просторное помещение, не смог вместить всех желающих, и тысячи людей стояли в дверях. Оратор энергично обрисовал научные основы спиритической веры, каковая, на его взгляд, является верой, подтвержденной ещё и фактами. «Есть нечто более сильное, чем просто вера, — это знание... Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не *верю*, я *знаю*».²

¹ Gaston Luce «Leon Denis, lapotre du Spiritisme», Paris, Jean Meyer edit., 1928. (И. Р.)

² «Compte rendu du Congres spirite international de 1925», Paris. Jean Meyer edit., 1928.

Тремя годами позже, 13 сентября 1928 года, произнося заключительную речь на Лондонском конгрессе, Конан Дойл выказывает ту же твёрдость, но теперь она направлена не против скептиков, но против политических деятелей и властей, преследующих Спиритизм. «От своего имени я написал главам некоторых политических групп в Англии и сказал им, что если всё это не прекратится к полному нашему удовлетворению, то я сделаю и невозможное для того, чтобы добиться восстановления справедливости. Если то будет нужно, я публично предстану перед какой угодно партией, которая вздумает творить над нами суд (*Аплогисменты*). У нас пятьсот церквей в Англии, из которых четыреста объединены внутри Лондонского спиритического альянса, а остальные сто — независимы. Пятьсот церквей! мы сможем преобразовать каждую из них в политический центр, мы прекрасным образом организованы, и я не знаю никакой другой группы, которая была бы способна объявить забастовку лучше, чем то можем сделать мы (*Аплогисменты*). Я уверяю вас, что если только вы пожелаете это осуществить, вы добьётесь отмены преследующего нас законодательства (*Смех и аплогисменты*)».¹

Конечно же, никто не стоял в дверях зала, как то было в Париже — ведь никто не пророк в своём отечестве, — но вечернюю конференцию в рамках Лондонского конгресса Конан Дойл посвящает психофотографии. И в конце концов конференция буквально завораживает его слушателей. Среди супранормальных снимков, которые проецирует сэр Артур, некоторые сделаны им самим, а другие присланы его корреспондентами и отобраны им после удостоверения в их подлинности. По большей части это были обычные фотоснимки эктоплазмы. Самым удивительным из всех показанных им снимков был тот, автором которого являлся фотограф из «Морнинг пост», бывший, кстати сказать, скептиком. Свой снимок он сделал по ходу сеанса у лондонского медиума миссис Дин в присутствии множества свидетелей, часть которых составляли журналисты; вслед за этим он сам же этот негатив проявил. «На данном снимке, — поясняет докладчик, — видно характерное

¹ «Compte rendu du Congrès spirite international de 1928», Paris, Jean Meyer edit., 1929.

лицо старикам.» Нам интересно было узнать, что единственный человек, которому можно было приписать это лицо, — это старый профессор, д-р Белл, тот самый, с которого Конан Дойлом были срисованы некоторые черты его знаменитого детективного персонажа¹. Образ на экране являл характерные черты Джо Белла, всегда походившего на вождя краснокожих, но теперь он выглядел так, как должен был бы смотреться в старости».²

На Конгрессе Конан Дойл как почётный Председатель произнёс речь в память о Леоне Дени, где прославил его кельтскую духовность. «Это был, по моему мнению, отважный воин, настоящий борец. При взгляде на его прекрасную голову, я тут же представлял её себе увенчанной двурогим воинским шлемом. Когда-то прежде он сражался на поле брани, принося свою жизнь в жертву великому и чистому идеалу. В наши же дни он бился силою просвещения за самое благородное дело, какое только есть на земле. Работа над переводом его книги о великой французской героине, медиуме и мученице Жанне д'Арк, была для меня почётной миссией. Я полагаю, что его понимание Жанны д'Арк более здраво, наконец, более истинно, чем те, что даны Бернардом Шоу или Анатолем Франсом».³

Переводчик «Правды о Жанне д'Арк», одарённый мягким юмором в той же мере, что и великодушием, проявил в ту пору незаурядную интуицию, питая мало симпатии к знаменитому английскому драматургу из-за ироничного и резкого скептицизма последнего. Так, некоторое время спустя, Шоу хвалился тем, что на одном из спиритических сеансов ему удалось устроить мистификацию, которая оказалась неразоблачённой. Тем самым он подрывал доверие и ко всем остальным зарегистрированным феноменам. Конан Дойл обрушил на него своё негодование в предпоследнем своём произведении, «Наша африканская зима», появившемся в 1930 году. «Не приходится сомневаться, что я, в присутствии свидетелей, видел свою мать также и после её кончины. Но, похоже, люди уже не верят моему слову, поскольку Бернард Шоу обманул своих друзей.

¹ Речь, разумеется, идёт о Шерлоке Холмсе. (Й. Р.)

² «Compte rendu du Congrès spirite international de 1928», Paris, Jean Meyer edit., 1929.

³ I bidem.

Можно ли придумать софизм более бессовестный?» Его реплика в адрес Шоу вписывается в ряд бесчисленных полемик, в которых Конан Дойлу приходилось принимать участие: его миссионерская деятельность не всегда вызывала любопытство, соединённое с симпатией. Так, с сентября 1921 по март 1922 гг. в колонках «Санди экспресс» он ведёт долгую и жёсткую полемику с Джоном Дугласом по поводу статьи последнего, озаглавленной «А не сошёл ли Конан Дойл с ума?»

Если тон сэра Артура остаётся учтивым в споре с его другом Джеромом К. Джеромом в июле 1921 года в «Каммен сенс» или с Бертраном Расселом в «Санди экспресс», то он делается резким и почти саркастическим, когда противником Конан Дойла оказывается с 1928 по 1930 гг. Г. Дж. Уэлс. Автор «Человека-невидимки» и «Войны миров» в своём новом романе «Диктатура мистера Пархема» вообразил, будто эктоплазмическое порождение одного персонажа, возникшее в ходе спиритического сеанса, приходит к власти в Великобритании, для того чтобы свергнуть мир в войну. Статья «Чем раздражён Г. Дж. Уэлс?» говорит о всё возрастающем отчаянии Конан Дойла перед непрекращающимися нападками и атаками, объектом которых служит Спиритизм. «Одно из двух: либо наблюдатели все суть лжецы и глупцы, либо же их наблюдения истинны. Если я без тени сомнения утверждаю, что в присутствии свидетелей, одновременно видел свою мать и племянника, когда их обоих уже не было в живых, то вполне ясно, что я принадлежу или к той, или к другой из этих двух категорий. Заботу решать это я предоставляю тем, кто меня знает и может судить обо всём сделанном мною».¹

Как Парижский конгресс стал последним, где появился Леон Дени, так и Лондонский конгресс оказался последним, на котором присутствовал сэр Артур Конан Дойл. Его «земная миссия», если говорить спиритическим языком, завершилась 7 июля 1930 года, но он исполнил её до конца. Едва закончился Лондонский конгресс, как сэр Артур вновь взял в руки свой страннический посох: в 1928 году он проповедует в Южной Африке, Родезии и Кении, в 1929 объезжает Голландию, Бельгию, Данию, Норвегию

¹ «Sunday Express», January, 8, 1928.

и Швецию. Незадолго перед кончиной он намеревался отправиться в Рим, Афины и Константинополь, дабы принести в три великих духовных столицы мира свет Нового Откровения.

Спиритическое кредо сэра Артура Конан Дойла покоилось на трёх главнейших постулатах.

Прежде всего, на необходимости этого Нового Откровения в связи с крушением религий и их беспомощностью перед бесчинствами материализма. Конан Дойл обвиняет религии, и в особенности христианство, в том, что они обращаются к изношенным и оскорбительным символам, не способным удовлетворить своих приверженцев. «Они потеряли всякое соприкосновение с живой духовной реальностью и довольствуются тем, что увязывают всё с далекой античностью, воздавая сугубо формальную дань уважения отмирающей системе, связанной с теологией настолько невероятной, что порядочный человек не может помышлять о ней без содрогания».¹

Во-вторых, спиритическое Откровение даёт ясный и простой ответ на вопросы, связанные с выживанием души после смерти тела и человеческим бессмертием. Оно принимает в расчёт необходимость искупления, ибо указывает, что духам дозволено очищаться, переходя из низших миров в миры высшие, но при этом оно исключает понятие ада, «уже давно исчезнувшее из мыслей всякого разумного человека. Это одиозное представление, столь клеветническое на Создателя, возникло из-за сгущения красок цветистой восточной фразеологии и могло быть уместно только в первобытную эпоху, когда люди пугались огня так же, как дикие звери пугаются путешественника».² В спиритическом видении, потусторонний мир не отдаёт никакого предпочтения одной религии перед другой. Умершие, какова бы ни была их прежняя вера, проходят через те же испытания и оказываются в том же самом положении, которое они принимают с чувством братской солидарности. Таким образом, Спиритизм, а именно этим он и привлёк к себе столь великодушного человека, каким был Конан Дойл, осуществляет единство веры, которого никогда не удавалось добиться в мире материальном.

¹ «History of the Spiritualism», (2 vols.), Cassell, 1926, 1927.

² «The New Revelation».

Наконец, согласно последнему постулату, Спиритизм — это единственная вера, примиряющая религию и науку. Через общение с умершими Спиритизм доказал выживание души после смерти тела и тем рассеял сумерки и мрак потустороннего мира. Откровения Спиритизма не приписываются древним пророкам или каким-либо очевидцам, жившим в глубокой древности и само существование которых представляется мифом и может быть законно взято под сомнение. Нет, его откровения даны нам самими нашими современниками. Его откровения были удостоверены не мистиками или поэтами, но учёными, чей авторитет не подлежит обсуждению. Единственная возможность стать убеждённым спиритом — это самому получить доказательства реальности тех явлений, на которых Спиритизм основывается и которые он утверждает. И если именно на соби́рание этих доказательств столь требовательный, строгий и педантичный ум, как сэр Артур Конан Дойл, потратил более сорока лет своей жизни, то после этого всякому серьёзному человеку сомневаться в реальности этих явлений не дозвоительно. Во всяком случае, он может позволить себе это лишь в той же мере, в какой будет сомневаться в твердо установленных законах и истинах математики, физики, химии и других наук. «Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть».¹

Удостоверившись в реальности духовных истин, Конан Дойл перестал интересоваться научной стороной психических явлений, для того чтобы целиком сосредоточиться на их религиозной и моральной стороне. Он говорит, что «время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства». По его глубокому убеждению, психические явления были важны лишь постольку, поскольку они служили основанием «великому множеству знаний, призванных коренным образом изменить наши старые религиозные представления. При верном понимании и усвоении эти знания должны превратить религию в явление в высшей степени действенное, которое, однако, более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину».²

¹ «The New Revelation».

² *Ibidem*.

Говоря о духовной эволюции и прогрессе, которые возможны для человечества лишь благодаря закону перевоплощения, Конан Дойл предвещает, что «если предки наши смогли найти прибежище в теле обезьяны, то наши потомки смогут облачиться в тело ангелов».¹

Настоящим переводом мы надеемся привлечь внимание русской читающей публики к этой не известной ей ранее стороне творчества замечательного английского писателя. Основу данной нашей книги, помимо «Нового Откровения», составляют случайно попавшие в поле нашего зрения разрозненные статьи-письма писателя, напечатанные при его жизни в различных газетных изданиях. Стало быть, данная подборка никоим образом не является лучшим, что им было написано по этому поводу. А значит, очень может быть, что как раз самые интересные из его коротких публикаций на эту тему и не попались нам на глаза.

Надо сказать, что публицистическое наследие Конан Дойла невероятно велико. Оно охватывает собой широчайшую тематику, отражающую весь круг незаурядных интересов этого выдающегося человека в самых различных областях науки, общественной жизни и духовных исканий: от медицины до оккультных явлений. Между этими двумя полюсами помещаются история, политика, право, военное дело, криминалистика, религия, философия, искусство и многое другое. Во всех этих своих публикациях он снова и снова выступает как человек, наделённый могучим здравым смыслом и самостоятельностью суждения, как человек, чьи взгляды и идеи, направленные на совершенствование его соотечественников, вполне заслуживают того, чтобы быть услышанными и нами. Полное издание его работ в этом жанре, насколько нам известно, в самой Англии всё ещё не было осуществлено, и тем более оно ждёт своего издателя и переводчика у нас, в России. Мы, таким образом, закладываем здесь лишь первый камень той интересной литературоведческой и философской работы, которую нашим филологам предстоит ещё совершить в будущем.

Свой рассказ о спиритуалистических изысканиях сэра Артура Конан Дойла мы не могли бы, на наш взгляд, завершить лучше, нежели приведя слова итальянского писателя Курцио Малапарте:

¹ «History of the Spiritualism».

«Chi ritorna vivo da quello straordinario viaggio nell'al di là, non puo' piu' guardare il mondo con gli occhi di prima. Non vede piu' le cose nei loro mutevoli aspetti, ma nella loro segreta natura. Tornera' mutato: tornera' libero, un uomo libero, nel senso piu' profondo. Poiche' la liberta' non e' altro che la conoscenza del rapporto fra la vita e la morte, fra il mondo dei vivi e quello dei morti».¹

Йог Раманантата

¹ Обрусим сказанное, дабы мысли эти ни для кого не оказались потерянными: «Кто возвращается живым из поразительного путешествия в мир потусторонний, тот не может уже взирать на мир физический прежними глазами. Ему становится зрима не изменчивая видимость вещей, но их сокровенная природа. Он вернётся из путешествия этого совершенно преображённым: он станет свободен, сделается свободным человеком в самом глубоком смысле слова. Потому что свобода — это не что иное, как знание взаимосвязи между жизнью и смертью, между миром живых и миром умерших». (Й. Р.)

СОЧИНЕНИЯ СЭРА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА О СПИРИТИЗМЕ

THE NEW REVELATION. НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ.

THE VITAL MESSAGE. ЖИЗНЕННО ВАЖНОЕ ПОСЛАНИЕ.

HISTORY OF THE SPIRITUALISM. ИСТОРИЯ СПИРИТИЗМА (2 тома).

THE CASE FOR SPIRIT PHOTOGRAPHY. ФАКТЫ В ПОЛЬЗУ СПИРИТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ.

THE COMING OF THE FAIRIES. ПРИШЕСТВИЕ ФЕЙ.

THE EARLY CHRISTIAN CHURCH AND MODERN SPIRITUALISM. РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВРЕМЕННЫЙ СПИРИТУАЛИЗМ.

EDGE OF THE UNKNOWN. ГРАНЬ НЕВЕДОМОГО.

INDEPENDANT TESTIMONY AS TO THE MEDIUMSHIP OF FLORENCE COOK. НЕЗАВИСИМОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО КАСАТЕЛЬНО МЕДИУМИЗМА ФЛОРЕНЦИИ КУК.

IN QUEST OF TRUTH. В ПОИСКАХ ИСТИНЫ.

THE LAND OF MIST. ЗЕМЛЯ ТУМАННАЯ.

LETTERS TO THE PRESS. ПИСЬМА В ПРЕССУ.

MEMORIES AND ADVENTURES. ВОСПОМИНАНИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

OUR AFRICAN WINTER. НАША АФРИКАНСКАЯ ЗИМА.

OUR AMERICAN ADVENTURE. НАШИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АМЕРИКЕ.

OUR SECOND AMERICAN ADVENTURE. НАШИ НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АМЕРИКЕ.

«PHENEAS SPEAKS» (Direct Spirit Communications in the Family Circle Reported by Sir A. C. Doyle). «ГОВОРIT ФИНИЙ» (Прямые сообщения духа в одном семейном кружке в изложении сэра А. Конан Дойла).

THE ROMAN CATHOLIC CHURCH. РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

SPIRITUALISM AND RATIONALISM. СПИРИТИЗМ И РАЦИОНАЛИЗМ.

THE SPIRITUALIST'S READER (compiled by Sir A. C. Doyle). СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ (составлено Артуром Конан Дойлем).

THE WANDERINGS OF A SPIRITUALIST. СТРАНСТВИЯ ОДНОГО СПИРИТА.

THE TRUTH OF SPIRITUALISM (Verbatim Report of a Public Debate between Sir A. Conan Doyle, M. D ; L I D; and Joseph McCabe, Held at the Queen's Hall, London, on March 11, 1920. Revised by Both Disputants). ИСТИННОСТЬ СПИРИТИЗМА. (Дословная запись публичного диспута, имевшего место в Куинз-холле, Лондон, 11 марта 1920 г., между сэром Артуром Конан Дойлом, доктором медицины, доктором права, и Джозефом Мак-Кэбом, удостоверянная обоими участниками).

LEON DENIS, «THE MYSTERY OF JOAN OF ARC», transl. from the French and with a Preface by A.C.Doyle. ЛЕОН ДЕНИ, «ТАЙНА ЖАННЫ Д'АРК», перевод с франц и предисловие А. Конан Дойла.

**МИСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ**

Рука-призрак

Посещают ли тени умерших наш материальный мир? Даже скептический, не склонный к сентиментальности д-р Джонсон¹ полагает, что утверждать обратное — значит оспаривать многочисленные свидетельства, ведь во все времена самые разные народы — как варварские, так и цивилизованные — независимо друг от друга постоянно сообщали о призраках и верили в них. «Разве что придиры подвергают это сомнению, — добавляет он, — но едва ли они способны умалить значение общепризнанных фактов, тем более, что отрицающие появление призраков на словах, нередко подтверждают его своими страхами на деле».

В августе прошлого года, путешествуя по Северной Европе в обществе трёх друзей, я оказался в «Отель де Скандинави» в самом центре Христиании². Не прошло и двух дней, как мы досыта насмотрелись на достопримечательности небольшой норвежской столицы: посетили королевский дворец, величественное белое здание, охраняемое сутулыми норвежскими стрелками в долгополых мундирах и шляпах с широкими полями и зелёным плюмажем; огромное кирпичное здание стортинга³, где повсюду натыкаешься на красного льва, начиная с королевского трона и кончая угольным ведёрком в привратницкой; наконец замок Аггеруис и его скромную оружейную, состоящую из одного одинокого рыцарского доспеха да длинных мушкетов шотландцев, павших в битве при Ромсдале. После этого уже и смотреть не на что; и когда в десять часов вечера маленький сад Тиволи закрывается, вся Христиания погружается в сон до рассвета.

¹ Имеется в виду Самюэль Джонсон (1709—1784) — знаменитый английский писатель, публицист, литературный критик и филолог, автор первого толкового словаря английского языка в двух томах. (Й.Р.)

² Христиания — старое название города Осло, столицы Норвегии. (Й. Р.)

³ Стортинг — название норвежского парламента. (Й. Р.)

Должно заметить, английские экипажи совершенно бесполезны в Норвегии; мы заказали себе к отъезду четыре местных одноколки, так как были полны решимости отправиться в дикий горный район, именуемый Доврефельдом. Однако задержка с прибытием важных писем вынудила меня остаться в Христиании ещё на пару дней; друзья уехали, обещав дожидаться меня в Роднэсе, что расположен поблизости от величественного Ранс-фьорда. Если бы не эта задержка и связанная с нею необходимость путешествовать в одиночестве по совершенно незнакомым местам при моём плохом знании языка, я бы не узнал истории, которую и собираюсь теперь поведать.

В роскошных гостиницах Христиании обед заканчивается к двум часам пополудни, поэтому лишь к четырём часам вечера мне удалось выехать из города, своими улицами и архитектурой сильно напоминающего Тотенхэм-кортроуд, перемешанную со старым Честером. В моей одноколке — весьма, надо сказать, комфортабельной — разместились также мой чемодан и футляр с ружьём; всё это вместе с моей персоной и самим средством передвижения было покрыто огромным брезентом, какой поставляет в Стэндгейтский магазин английская кабриолетная компания.

Едва я оставил позади город красных черепиц и медных шпилей, позеленевших от времени, зарядил сильный дождь, весьма обыкновенный для Норвегии. Но он не помешал мне восхищаться удивительной красотой пейзажа. Низкорослая выносливая лошадка неспешной рысью везла мой лёгкий экипаж по неровной горной дороге; по сторонам тянулся дремучий лес, состоящий из тёмных, торжественных сосен, среди которых порой мелькали островки стройных белых берёз. Зелень деревьев ярко контрастировала с голубизной узких фиордов, то тут, то там открывавшихся по обеим сторонам дороги, а также с ярким цветом, казалось, игрушечных деревенских домиков с белоснежными бревенчатыми стенами и огненно-красными крышами, покрытыми дранкой. Даже у некоторых деревенских шпилей был такой же кровавый оттенок, являя собой как бы характеристическую черту норвежского пейзажа.

Дождь припустил, сделавшись совершенно невыносимым; казалось, день превратился в сумрачный вечер, а вечер, в свою очередь раньше обычного сменился ночью; плотные массы тумана скатывались по крутым бокам лесистых холмов; поверх тумана повсюду, насколько хватало глаз, возвышались мрачные ели, из-за чего пространство,

открывавшееся до самого горизонта, походило на море конусообразных вершин. Дома попадались всё реже; не встретилось ни одного прохожего. Путеводителем мне была всего лишь карманная карта в моём «Джони Мюррее». Сверившись с нею, я вскоре убедился в том, что еду не в сторону Роднэса, а плутаю где-то на берегах Тири-фьорда, заехав по меньшей мере на три норвежские мили (т. е. на 21 английскую) в противоположную сторону. Лошадка моя притомилась, дождь по-прежнему стоял стеной, близилась ночь, и со всех сторон меня обступали величественные громады гор. Дорога пошла по глубокому ущелью, около места, носившего — как я потом узнал — название Кроклевен. Миновав его, я очутился в почти круглой долине, посреди холмов.

Из-за крутизны дороги и изношенности упряжи моего наёмного экипажа построжки разошлись, и я оказался — с бесполезными теперь лошадьё и кабриолетом — вдали от какого бы то ни было жилища, где я смог бы починить свою одноколку или найти приют; дождь лил не утихая, вокруг меня высились дремучие непроходимые леса норвежских сосен, и необычайная мрачность ночи делала их тени ещё чернее.

Невозмутимо оставаться в экипаже для человека со столь беспокойным, как у меня, нравом было решением неприемлемым. Я оттащил одноколку с дороги, накрыл брезентом свой скромный багаж и ружьё, привязал поблизости пони и — ооченевший, злой и усталый — поплёлся искать подмогу; хотя я был вооружён всего лишь норвежским ножом, воров или чьего-либо нападения я не опасался.

Я продолжал так идти по дороге, дождь хлестал в лицо и слепил глаза. Единственной моей защитой были теперь шотландский плед и дождевик; вскоре я различил ограду и небольшую дорожку, что явно указывало на близость жилья. Пройдя ещё ярдов триста, я увидел, что лес поредел, впереди замелькал свет. Он горел, как я понял, в нижнем окне небольшого двухэтажного деревянного особняка. Створки окна оказались не только не запертыми, но даже распахнутыми, как будто приглашали войти. Зная гостеприимство норвежцев, я не стал утруждать себя поисками входной двери и шагнул в дом прямо через низкий подоконник. В комнате никого не оказалось. Я огляделся, ища глазами звонок, но затем вспомнил, что у

норвежцев нет каминов и звонок обычно помещается за дверью.

Крашенный коричневый пол, разумеется, ничем не был устлан; в углу на каменной подставке, подобно чёрной железной колонне, высилась продолговатая немецкая печка; дверь, ведущая, по-видимому, в другие комнаты, была двустворчатая с поворачивающейся ручкой, столь распространённой в деревенских домах. Мебель из простой норвежской сосны была прекрасно отполирована; единственную роскошь составляли две оленьи шкуры: одна — постеленная прямо на полу, другая — накинутая на мягкое кресло. На столе лежали номера «Иллюстрет тидене», «Афтонблат» и других утренних газет, а также пенковая трубка с кisetом. Всё указывало на то, что комнату покинули совсем недавно.

Едва я успел осмотреться, в комнату вошёл высокий худой мужчина благородной наружности. Одет он был в грубый костюм из твида и ярко-красную рубашку с растёгнутым воротом — наряд простой и непринуждённый, каковой он, казалось, носил с врождённым изяществом, а надо сказать, не каждому дано в таком облачении сохранить облик, исполненный достоинства. Остановившись в нерешительности, хозяин удивлённо и выжидательно воззрился на меня, в то время как я извинился по-немецки и начал объяснять причину своего вторжения.

— Taler de Dansk-Norsk?¹ — отрывисто спросил он.

— Я не могу бегло говорить ни на том, ни на другом, но...

— Что ж, добро пожаловать, постараюсь сделать всё, чтобы вы продолжили путешествие. А пока не угодно ли коньяку? Я старый солдат, и мне известны прелести хорошего стола и индийского табака в промокшем бивуаке. К вашим услугам также и трубка.

Я поблагодарил его и, пока он отдавал распоряжения слугам сходить за лошадью и одноколкой, внимательно разглядывал его, так как что-то в его голосе и наружности вызвало во мне некие смутные воспоминания.

Он был весьма красив собой, в чертах лица его проглядывало что-то орлиное, но вместе с тем на них запечатлелись следы глубокой меланхолии, скрытой, неизбывной печали, какая исходит от разбитого сердца. Лицо было

¹ Вы говорите по-датски или по-норвежски? (норв.)

бледное, измождённое, волосы и усы очень густые, но поседевшие добела, хотя ему, судя по всему едва перевалило за сорок. Голубизна его глаз была лишена мягкости, свойственной этому тону, отчего взгляд делался пронизательным и грустным, по временам же он становился тревожным, и тогда в нём читались то страх, то боль, то безумие, а быть может, и всё смешение этих чувств. Столь неприятное выражение в значительной мере сводило на нет правильность черт, благодаря которой лицо бесспорно выглядело бы привлекательным. Но когда я сбросил своё промокшее одеяние, лицо хозяина словно озарилось изнутри, и он воскликнул:

— Да ведь вы говорите по-датски, и по-английски тоже, я знаю! Неужели вы совсем забыли меня, герр капитан? — добавил он, сжав мне руку в дружеском порыве. — Неужели вы не помните Карла Гольберга из датской гвардии?

Голос был тем же, что и у моего давнего знакомого — молодого датского офицера, жизнерадостного и общительного, чей неуёмный нрав и удаль снискали ему репутацию сорвиголовы и повесы. Он имел обыкновение устраивать ужины в Клампенбургских садах, с одинаковой щедростью угощая шампанским как первых дам двора, так и театральных танцовщиц. Многие прекрасные датчанки отдали ему своё сердце, и, как рассказывали, он имел дерзость флиртовать даже с одной наследной принцессой, находясь в карауле в Амалиенбургском дворце. Но как я мог соотнести с ним этого преждевременно состарившегося человека?

— Я прекрасно помню вас, Карл, — ответил я, пока мы обменивались рукопожатиями, — хотя много времени прошло со дня нашей последней встречи. Прошу прощения, я даже не мог поручиться, живы ли вы или уже на том свете.

Странное выражение, которое я не берусь определить, появилось на лице его, когда он тихо и печально произнёс:

— Бывают минуты, когда я и сам не знаю, жив ли я или уже на том свете. Прошло двадцать лет с той счастливой поры, когда мы были вместе, двадцать лет, как я был ранен в битве при Идштедте¹, — а кажется, будто прошло двадцать веков.

¹ Имеется в виду один из эпизодов австро-датско-прусской войны 1864 г. (Й. Р.)

— Старина, ты даже не представляешь себе, как я рад тебя видеть.

— Да... ты и впрямь можешь теперь называть меня стариной, — промолвил он с грустной и усталой улыбкой, проводя дрожащей рукой по поседевшим волосам, некогда бывшим, как я помню, тёмно-каштановыми.

Церемонную сдержанность как рукой сняло, мы живо припомнили наши бесчисленные шалости и забавы, в основном периода голштейнской кампании, в Копенгагене, в этом самом весёлом и восхитительном из всех северных городов. Под влиянием воспоминаний изнурённое лицо Карла прояснилось и на нём постепенно проступило прежнее беззаботное выражение.

— Ты здесь рыбачишь или охотишься? — спросил я.

— Ни то, ни другое. Тут моё постоянное пристанище.

— В таком уединённом сельском утолке? Э, да ты, небось, наконец женился, живёшь себе в любовном домашнем гнёздышке... Пстой-ка, я что-то не вижу твоей...

— Тише! ради Бога! Ты понятия не имеешь, кто слышит нас, — прервал он меня, и ужас исказил его лицо. Тут он отдернул руку, дотеле покоившуюся на столе; движение было резким, нервным, будто её коснулось раскалённое железо. Всё это показалось мне странным.

— Но почему? Разве об этом нельзя говорить? — удивился я.

— Навряд ли здесь, или уж во всяком случае не со мною, — невнятно пробормотал он. Затем, подкрепившись немалой порцией коньяка и пенящейся сельтерской, добавил:

— Ты ведь знаешь, что моя помолвка с кузиной Марией-Луизой Виборг была расторгнута, хотя это была прелестная женщина. Она, возможно, осталась такою же красавицей и доныне — думаю, что и двадцать лет не могли уничтожить очарование и выразительность её прекрасного лица, но ты, похоже, никогда и не знал, почему это случилось?

— Я думаю, ты скверно обошёлся с нею. Это и в самом деле было безумием с твоей стороны.

Судорога пробежала по его лицу. Он снова отдернул руку, словно его ужалила оса, или коснулось нечто незримое:

— Она была очень горда, надменна и ревнива, — промолвил он.

— Вполне естественно: она негодовала, что ты открыто носил кольцо с опалом, которое тебе бросила из дворцового окна принцесса..

— Кольцо, кольцо! Ах, прошу тебя, не говори мне о нём! — произнёс он замогильным голосом. — Это было безумием, говоришь ты? Да, я и в самом деле был безумен, потому что испытал, да и теперь испытываю то, что разбило бы сердце любого датского удалца! Ну да ты сейчас всё узнаешь, если только мне удастся связно и без помех рассказать о причине, заставившей меня спешно покинуть большой свет, отгородиться от мира и на все эти двадцать несчастных лет похоронить себя здесь, в этом горном безлюдье, где леса нависают над фиордом и где мне не улыбнётся ни одно женское лицо!

Так после продолжительного размышления и нескольких непроизвольно вырвавшихся вздохов, после моих настоятельных просьб и некоторых колебаний Карл Гольберг наконец поведал мне историю, столь невероятную и единственную в своём роде, что если б не его печальная серьёзность или чрезвычайная торжественность повествования и вместе с тем исходившая из него глубокая убеждённость, я счёл бы, что друг мой полностью лишился рассудка.

— Как ты помнишь, мы с Марией-Луизой должны были пожениться. Я надеялся, что этот брак исцелит меня от шалостей и мотовства. Уже был назначен день свадьбы, тебе предстояло быть шафером, и ты успел выбрать драгоценности для невесты в Конгенс-Ниторре, но в Шлезвиг-Гольштейне началась война, и мой гвардейский батальон был спешно переброшен на фронт, куда я отправился, скажу откровенно, не особенно сожалея о разлуке с невестой; по правде сказать, мы оба были не очень-то рады этой помолвке, и совершенно не подходили друг другу. У нас и секунды не обходилось без колкостей, холодности, даже ссор, как ни старались мы придать своим лицам скучающее выражение.

Я был с генералом Крогом, когда произошло решающее сражение при Идштедте между нашими войсками и немецкими войсками Гольштейнов под командованием генерала Виллинсена. Мой гвардейский батальон сняли с правого фланга, приказав двинуться от Сальбро в гольштейнский тыл, в то время как главные силы противника предполагалось атаковать и смять в центре, разметав в штыковой атаке его батареи. Вся эта операция была про-

ведена отлично. Но я, командир роты, получил приказ: рассыпаться цепью и атаковать противника, расположившегося в зарослях кустарника, на невысоком холме, увенчанном руинами величественного здания — старинного монастыря с уединённым кладбищем.

Только мы собрались открыть огонь, как мимо нас вдруг двинулась похоронная процессия. Хоронили, судя по всему, знатную даму, и я приказал своим людям посторониться, чтобы освободить путь открытому катафалку, на котором стоял гроб, усыпанный белыми цветами и серебряными венками. Позади следовали служанки, закутанные по обычаю в чёрные плащи; они несли венки белых цветов и бессмертника с тем, чтоб возложить их на могилу. Я желал только, чтобы скорбящие прибавили шаг, иначе им грозило оказаться под пушечным и мушкетным огнём, который буквально в шестистах ярдах отсюда открыли по боевым порядкам Голштейнов мои товарищи, а надо заметить, противник наступал с превеликим воодушевлением. Мы вели бой более часа в долгих прозрачных июльских сумерках и постепенно, хотя со значительными потерями, вытесняли противника из зарослей и с холма, где находятся развалины. Вдруг осколочная пуля просвистела через отверстие в рассыпавшейся стене и ударила меня сзади в голову чуть ниже кивера. Мне почудилось, будто вспыхнули тысячи звёзд, затем всё померкло. Я зашатался и упал, полагая, что смертельно ранен; слова, обращённые к Богу, замерли на моих губах; стих грохот кровавой и далёкой битвы, я потерял сознание.

Как долго я пролежал без чувств, мне неизвестно, но когда сознание ко мне вернулось, я увидел, что лежу в красивой, хотя и довольно старомодной комнате, осенённой с одной стороны гобеленом, а с другой — богатой драпировкой. Комнату освещал приглушённый свет, проникавший непонятно откуда. На буфете лежали моя сабля и коричневый кивер датского гвардейца. Ясно, что меня перенесли с поля боя, но когда и куда? Я был распростёрт на мягком диване или кушетке, мундир мой растёгнут. Кто-то заботливо поддерживал мне голову — оказалось, женщина, одетая, как невеста, в белое, да такая юная и прелестная, что тщетно и пытаться описать её.

Она казалась красавицей, сошедшей со сказочного полотна, какие иногда случается видеть, потому что... она была божественна, истинно так, как вдохновенная мечта или счастливейший из замыслов живописца. Глубокий вздох

восхищения, восторга и боли исторгся из моей груди. Красота её была утончённой. Нежная, бледная, стройная, обворожительно округлые формы, руки — само изящество и великолепные золотистые волосы, пышно вьющиеся вокруг лба и ниспадающие с плеч; и в шелковистом обрамлении локонов, будто из гнёздышка, выглядывает прелестное личико. Никогда не забыть мне её лица! Да мне и не дано забыть его, покуда я жив, — добавил он, при этом черты Карла странным образом исказились, выражая скорее ужас, нежели восторг. — Оно стоит передо мной во сне и наяву, оно запечатлелось и в сердце у меня, и в уме!

Я силился подняться, но девушка заботливым движением успокаивала или удерживала меня, словно мать своё дитя, глаза же её, живые и лучистые, нежно улыбались мне, да, в них было, пожалуй, более нежности, чем любви. Во всём же облике её чувствовались достоинство и уверенность в себе.

— Где я? — был мой первый вопрос.

— Со мной, — наивно ответила она, — разве этого недостаточно?

Я поцеловал ей руку и сказал:

— Помню, что пуля будто ранила меня на кладбище на Сальбро-роуд — вот странно!

— Почему странно?

— Потому что, когда меня одолевают раздумья, я люблю бродить среди могил.

— Среди могил? Но почему? — изумилась она.

— Они выглядят так мирно и покойно.

Рассмешила ли её моя необычная мрачность, но некий странный огонёк заискрился в её глазах, заиграл на губах и прелестном лице. Я снова поцеловал ей руки, и она не отняла их. Обожание и восхищение заполняли моё сердце и взор, губы невинтно пытались выразить переполнявшие меня чувства: необыкновенная красота девушки смущала и опьяняла; возможно, смелости мне придавали мои прежние победы. Она захотела освободить руку, промолвив с укоризною:

— Не смотрите на меня так! Я знаю, как легко вы завоевали любовь одной особы.

— Моей кузины Марии-Луизы? О! что с того! Я никогда, никогда, клянусь вам, не любил до сей минуты! — и сняв кольцо с её пальчика, я надел вместо него свой прекрасный опал.

— И вы любите меня? — прошептала она.

— Да, тысячу раз, да!

— Но вы — солдат. Вы ранены! Боже! А если вдруг вы умрёте прежде, чем мы встретимся вновь!

— А если вдруг эта участь постигнет вас? — со смехом возразил я.

— Что смерть!.. Я уже мертва для этого мира, полюбив вас; но, живые или умершие, души наши соединились и...

— Ни небесные, ни адские силы не разлучат нас во веки веков! — воскликнул я, охваченный внезапной страстью, правда, сознавая, что это звучит немного театрально. Порывистая, страстная, точно не ведающая уныния — как не походила она на Марию-Луизу! Я смело обнял её, и чудесные глаза девушки озарились тончайшим светом любви, хотя в её прикосновении и, всего более, в поцелуе таилось нечто необычное, месмерическое.

— Карл! О, Карл! — вздохнула она.

— Как? Ты знаешь моё имя?.. А как будет твоё?

— Тира. Но не спрашивай меня более ни о чём.

Моё тогдашнее состояние можно выразить тремя словами: растерянность, опьянённость, безумие. Я осыпал поцелуями её прекрасные очи, шелковистые локоны, губы, искавшие мои; но радость, как и боль от раны, сломили меня. Тщетно сопротивлялся я растущему дремотному оцепенению: сон всё же одолел меня. Я помню, как сжимал её твёрдую, маленькую ручку, силясь удержаться и не впасть в забытё, а потом — ничего! — провал, пустота...

Когда я вновь пришёл в себя, то оказался в одиночестве. Уже рассвело, но солнце ещё не встало. Рядом высились заросли, в которых накануне кипел бой, — тёмные, цвета индиго на фоне янтарной зари; и меркнущая луна ещё серебрила заводи и затоны у берегов озера Лангсё, где лежали восемь тысяч окоченевших тел, — столько погибло людей во вчерашнем бою. Мокрый от росы и крови я приподнялся на локте и огляделся. Неприятное изумление овладело мною, и тоска пронзила мне сердце. Я вновь очутился на кладбище, на том самом месте, где был сражён пулей; маленький серый филин моргал большими глазами в углублении обвалившейся стены. Была ли драпировка комнаты всего лишь этим шелестящим плющом? Ведь там, где стоял освещённый буфет, я увидел теперь лишь старый, квадратный могильный камень; на нём лежали моя сабля и кивер!

Последние лучи блекнувшей луны пробирались сквозь развалины к свежей могиле — воображаемому дивану, —

на которой я бесцеремонно разлѣгся. Могила была вся усыпана вчерашними цветами, в изголовье стоял временный крест, увешанный белыми гирляндами и венками бес-
смертника. Но на руке моей всё же оказалось кольцо. *Другое*. А где же она, давшая его? О, что же это было — наваждение или помешательство?

Некоторое время я был совершенно ослеплён яркостью своего недавнего сна, поскольку счёл всё случившееся именно сном. Но как в таком разе у меня на пальце могло очутиться это удивительное кольцо с квадратным изумрудом? И где в таком случае было моё? Сбитый с толку этими размышлениями, охваченный изумлением и сожалением из-за того, что красавица оказалась всего лишь плодом моего воображения, я пробирался сквозь призрачные дебри поля битвы; голова кружилась, меня била лихорадка, мучила жажда, но наконец, пройдя длинную липовую аллею, я набрёл на пристанище в величественном кирпичном особняке, который, как я узнал позднее, принадлежал графу Идштедскому, чьим гостеприимством — он благоволил к Голштейнам — я отнюдь не собирался злоупотреблять.

Тем не менее он принял меня учтиво и радушно. Я застал его в глубокой скорби. Когда же он случайно узнал, что именно я тот офицер, который накануне остановил стрельбу перед похоронной процессией, он от всей души поблагодарил меня, со вздохом пояснив, что то были похороны его единственной и обожаемой дочери.

— Полжизни я потерял с нею! Она была так мила, герр капитан, так нежна и до необычайности красива, моя бедная Тира!

— *Кто*, простите, вы сказали? — воскликнул я не своим голосом, чуть не вскочив с софы, на которой устроился с тоскою в сердце и дурнотою от потери крови.

— Тира, моя дочь, герр капитан, — ответил граф, слишком погружённый в своё горе, чтобы заметить моё волнение, вызванное этим чудным и старинным датским именем из моей грёзы. — Взгляните, какое дитя я потерял! — добавил он, отодвигая занавес, скрывавший портрет в полный рост, и я, к своему возрастающему изумлению и бесконечному ужасу, узрел облачённую в белое, как и в моём видении, прелестную девушку с густыми золотистыми волосами, прекрасными очами и обворожительной, даже на полотне, улыбкой, озарявшей её лицо. Я застыл на месте.

— И это кольцо, герр граф?.. — еле выдавил я из себя.

Он выпустил занавес из рук, и ужасный гнев охватил его, когда он чуть ли не сорвал драгоценность с моего пальца.

— Кольцо моей дочери! — воскликнул он. — Оно было похоронено вместе с нею вчера. Её могилу осквернили! Осквернила ваша презренная солдатня!

Пока он говорил, мой взор заволокло туманом; голова у меня пошла кругом, и вдруг потом — нежная ручка из моего сновидения прошлой ночи с опаловым кольцом на среднем пальце — незримо! я лишь ощутил её! — появилась на моей ладони. Мало того, поцелуй трепетных, но таких же незримых губ, запечатлелся на моих устах, и в следующее мгновение я упал без чувств!

Конец моей истории можно рассказать коротко. С военной службой мне пришлось распрощаться, так как со столь расшатанной нервной системой нечего было и думать о продолжении военной карьеры. Возвращаясь домой, где меня ждала женитьба на Марии-Луизе, союз с которой был мне теперь попросту отвратителен, я всё размышлял над необыкновенным поприщем законов природы, случившимся в моём приключении или, быть может, сумасшествии, поразившем меня.

В тот день и миг, когда я предстал перед своей наречённой невестой и приблизился, чтобы поприветствовать её, я ощутил руку — ту же самую руку, лежащую на моей. Я вздрогнул и с трепетом огляделся, но ничего не увидел. Пожатие было крепким. Свободной рукой я провёл по незримой руке, держащей мою, и почувствовал тонкие пальцы и тонкое запястье; однако я по-прежнему ничего не видел, а Мария-Луиза пристально наблюдала за моими движениями, бледностью, душевными колебаниями и ужасом со спокойным и холодным негодованием.

Я уже было собирался всё объяснить, сказать, сам не знаю что, как вдруг поцелуй незримых губ сковал мои уста, и я с воплем бросился вон.

Все посчитали меня сумасшедшим и с сочувствием говорили о моей раненой голове, а когда я гулял по улицам, люди с любопытством смотрели на меня, как на человека, над которым тяготеет злой рок и с кем должно произойти что-то ужасное. И я зачах от своих мрачных мыслей и стал подобен тени.

Моё повествование может показаться невероятным, однако незримая, но осязаемая спутница неотступно следует

за мной, и если почему-либо, например, радуясь нашей с тобой неожиданной встрече, я на минуту забуду о ней, мягкое нежное прикосновение женской руки напоминает мне о прошедшем и не даёт покоя, ибо демон-хранитель, если можно так его назвать, хотя и прекрасный как ангел правит моею судьбою.

В жизни моей нет теперь места удовольствиям, её заполняют лишь страхи. Печаль, сомнение и вечный ужас заставили меня утратить вкус к жизни, ибо в сердце моём всегда живёт дикий и непрерывный страх перед тем, что может произойти в следующее мгновение, а когда призрачные прикосновения возобновляются, душа словно умирает во мне.

Теперь ты знаешь, что преследует меня. Помоги мне, Боже! Ты скажешь, что не понимаешь этого. Да ведь я понимаю ещё меньше твоего! Во всех пустых и нелепых рассказах о привидениях — некогда эти истории увлекали и забавляли меня, потому как я усматривал в них лишь плод невежества и предрассудка — так называемые сверхъестественные посетители были различимы глазом, или же слышны человеческим ухом. Но призрак, или злой дух, незримое Нечто, сопровождающее Карла Гольберга, воспринимается только через прикосновение. Существо этого призрака не зрительное, но именно осязательное!

Дойдя до этого места своего повествования, он вздрогнул, мертвенно побледнел и, вода дрожащими пальцами правой руки по левой на расстоянии дюйма над нею, промолвил:

— Она здесь... сейчас.. несмотря на твоё присутствие. Я чувствую её руку на своей, пожатие крепкое и нежное, и она никогда не оставит меня в покое, пока я жив!

И затем этот некогда весёлый, сильный, галантный мужчина, а ныне лишь жалкое подобие самого себя как телом, так и духом, уронил голову на колени и зарыдал.

Спустя четыре месяца, охотясь вместе с друзьями на медведей в Гаммерфесте, я прочёл в норвежской «Афтен-постен», что Карл Гольберг застрелился в постели в канун Рождества.

Игра с огнем

Не буду даже пытаться объяснить, что произошло четырнадцатого апреля сего года в доме № 17 на Бэддерли Гарденс. Если я честно поделюсь своими догадками, ко мне вряд ли отнесутся всерьез — уж очень эта история абсурдна и неправдоподобна. И тем не менее этот неправдоподобный абсурд действительно произошел, да еще в присутствии пяти свидетелей, причем относится он к ряду явлений, которые оставляют в душе человека след на всю жизнь, мы все согласно это подтверждаем. Я не собираюсь ничего доказывать, не собираюсь высказывать никаких предположений. Я просто опишу события того апрельского вечера, попрошу Джона Мойра, Гарви Дикона и миссис Деламир прочитать рассказ и опубликую его только в том случае, если они подтвердят, что все здесь до малейших подробностей — правда. Я не смогу представить свидетельств Поля Ле Дюка, потому что он, судя по всему, уехал из Англии.

Мы заинтересовались оккультными явлениями благодаря Джону Мойру — знаменитому главе фирмы «Мойр, Мойр и Сандерс». Он, как и многие деловые люди с жесткой практической хваткой, был склонен к мистике, и эта мистическая жилка страстно влекла его к изучению тех ускользающих от науки феноменов, которые нередко смешивают в одну кучу с мошенническими трюками шарлатанов и уже вовсе откровенной глупостью, именуемой спиритизмом. Когда Мойр начал опыты, это был человек гибких и широких взглядов, но с течением времени он, увы, превратился в догматика, фанатичного и непререкаемого в своих суждениях. В нашем небольшом обществе он представлял именно то направление спиритов, которые возвели удивительную возможность общаться с потусторонними силами в ранг религии.

Наш медиум, миссис Деламир, была его сестра, жена того самого скульптора, о котором сейчас все только и говорят. Мы на опыте убедились, что пытаться исследовать эти феномены без медиума невозможно — все равно, что астроному наблюдать небо без телескопа. Однако мысль о

том, чтобы воспользоваться услугами платного медиума, казалась нам всем чуть ли не кощунством. Разве не очевидно всякому, что человек, которому платят, считает себя обязанным «отработать» полученные деньги и вряд ли удержится от соблазна смошенничать? Если в деле замешаны деньги, на чистоту опыта надеяться нельзя. Но нам повезло: Мойр обнаружил, что его сестра обладает способностями медиума: иными словами, она излучает животный магнетизм — единственный вид энергии, который чутко отзывается на воздействия как с духовного уровня, так и с нашего, материального. Конечно, я понимаю, что это утверждение вполне бездоказательно, но я ничего не доказываю, я просто кратко излагаю суть теории, которой мы пользовались — уж не знаю, обоснованно или нет, — чтобы объяснить наблюдаемые нами явления. Миссис Деламир стала принимать участие в наших сеансах, причем супрут ее был отнюдь не в восторге, и хотя ей ни разу не удалось индуцировать действительно мощное поле психической энергии, мы по крайней мере обрели возможность, как все порядочные спириты, вертеть столы и, задавая духам вопросы, получать на них ответы, то есть предаваться занятию вполне ребяческому, которое тем не менее сталкивало нас лицом к лицу с непостижимыми тайнами. Мы устраивали сеансы каждое воскресенье, вечером, в студии Гарви Дикона на Бэддерли Гарденс, второй дом от угла, где бульвар пересекает Мертонпарк-роуд. Было бы естественно ожидать, что Гарви Дикон, как натура артистическая, должен пылко увлекаться всем необычным и волнующим умы. Однако к оккультным явлениям его поначалу привлекала некая театральность антуража, в котором проводились опыты. Тем не менее явления, о которых я уже говорил, потрясли его, и он заключил, что щекочущие нервы послеобеденные игры, как он сначала называл наши спиритические сеансы, на самом деле являются нам реально существующие грозные силы. У Гарви на редкость ясный логический склад ума — он достойный внук своего деда, знаменитого шотландского ученого, — и в нашем маленьком кружке он представлял критическое направление: подходил ко всему непредвзято, был готов следовать за фактами туда, куда они его ведут, и отказывался строить какие бы то ни было теории, пока не получит точных данных. Его осторожность возмущала Мойра — в той же мере, в какой Дикона забавляла кондовая вера Мойра,

но оба с одинаковым увлечением, хотя каждый на свой лад, предавались нашим мистическим забавам.

А что же я? Какая роль принадлежала мне? Я не был энтузиастом спиритизма. Не был и критически настроенным ученым. Я обыкновенный светский лентяй, стараюсь быть в центре всего нового, что входит в моду, радуюсь любой сенсации, которая развлечет меня и посулит возможность интересно провести время, — вот, пожалуй, и все, что я могу сказать о себе. Сам я не способен увлекаться чем-то самозабвенно, но люблю общество людей увлеченных. Я слушал рассуждения Мойра с таким чувством, будто у нас есть собственный ключ от двери в царство мертвых, и это наполняло меня странным удовлетворением. Я буквально блаженствовал во время сеансов в затемненной студии. Словом, все это было очень занятно, и я с удовольствием бывал на Бэддерли Гарденс.

То удивительное событие, о котором я хочу сейчас рассказать, произошло, как я уже упомянул, четырнадцатого апреля сего года. Из мужчин я первый появился в студии, но миссис Деламир была уже там и пила чай с миссис Гарви Дикон. Обе дамы и сам Дикон стояли перед мольбертом с его незаконченной картиной. В живописи я не знаток и никогда не пытался делать вид, будто понимаю картины Гарви Дикона; но в тот вечер я сразу обратил внимание, что он изобразил что-то безумно сложное и фантастическое; сказочные существа и животные, разные аллегорические фигуры. Дамы бурно восхищались картиной, и действительно, цветовая гамма была хороша.

— А вы что скажете, Маркем? — спросил Гарви.

— Для меня это слишком мудрено, — отвечал я. — Что это за звери?

— Мистические чудовища, существа, созданные воображением, геральдические животные — эдакая inferнальная, зловещая процессия.

— А впереди белая лошадь!

— Это не лошадь! — вскрипел он, к великому моему изумлению, потому что человек он на редкость добродушный и не склонен относиться к себе всерьез.

— А кто же?

— Неужели вы не видите у него на лбу рог? Это единорог. Я же сказал вам, что здесь у меня геральдические животные. Вы что же, не способны их отличить?

— Ради Бога, Дикон, не сердитесь на меня, — сказал я, потому что он и в самом деле был крепко раздосадован.

Он засмеялся над собственной вспышкой.

— Это вы, Маркем, простите меня! — сказал он. — Дело в том, что я просто измучился с этим зверем. Целый день его писал — напишу, замажу, снова напишу... и все пытаюсь представить себе живого, настоящего единорога, взвившегося на дыбы, как их изображают на гербах. Наконец-то у меня получилось — так во всяком случае мне казалось, — а тут являетесь вы и говорите: лошадь, ну и, конечно, меня это задело за живое.

— Да нет, это, без сомнения, единорог, — стал убеждать я его, потому что моя тупость его явно огорчила. — Вон рог, он ясно виден, просто я никогда не видел единорогов, только на старинных рыцарских гербах, и мне, естественно, в голову не пришло, что вы именно его изобразили. А остальные кто: грифоны, василиски, драконы, да?

— Да. Они-то неприятностей не доставили. А вот единорог просто доконал. Но на сегодня все, я снова возьмусь за него только завтра. — Он отвернул картину к стене, и мы заговорили о другом.

Мойр в этот вечер опоздал, а когда наконец явился, то привел с собой, к нашему удивлению, невысокого плотного француза и представил его нам: месье Поль Ле Дюк. Я говорю — к нашему удивлению, ибо все мы были убеждены, что присутствие постороннего, кто бы он ни был, расстраивает психическое равновесие, установившееся в нашем спиритическом кружке, и вносит элемент недоверия. Мы знали, что можем доверять друг другу, но кто поручится, что появление чужого для нас человека не повлияет на результаты опыта? Однако Мойру быстро удалось примирить нас с нововведением. Месье Поль Ле Дюк — знаменитый ученый в области оккультных наук, ясновидящий, медиум, мистик. Он приехал в Англию с рекомендательным письмом к Мойру от парижского братства «Розовый крест». Мог ли Мойр не привезти его к нам, на сеанс в наш маленький кружок, ведь его присутствие — огромная честь для нас, мы должны быть благодарны судьбе.

Француз, как я уже сказал, был невысок и плотен, не приметной наружности, с широким, невыразительным бритым лицом, единственное, что привлекало в нем внимание, это большие, карие, бархатные глаза, глядящие перед собой как бы в пустоту. Одет он был от хорошего портного, безупречные манеры, легкий забавный акцент, который вызвал улыбку у дам. Миссис Дикон не одобряла наших

опытов и потому покинула нас, мы же, как обычно, при- тушили огни и сели на свои места вокруг квадратного сто- ла красного дерева, который стоял в центре студии. Свет был очень слабый, но мы ясно видели друг друга. Помню, я даже рассмотрел странные маленькие руки француза, короткопалые и квадратные, когда он положил их на стол.

— Великолепно! — воскликнул он. — Я уже много лет не сидел вот так, и нас ожидает много интересного. Мадам — медиум, не так ли? Мадам впадает в транс?

— Нет, транса у меня не получается, — объяснила миссис Деламир. — Но я всегда ощущаю очень сильную сонливость.

— Это первая стадия. Если вы будете все глубже по- гружаться в это состояние, вы достигнете транса. А когда наступит транс, ваш дух покинет ваше тело, зато в него войдет другой дух и будет говорить вашими устами или писать вашей рукой. Вы отдаете ваш механизм кому-то другому, и он начинает действовать вместо вас. *Hein?*¹ Од- нако причем тут единороги?

Сидящий на стуле Гарви Дикон вздрогнул. Француз медленно поворачивал голову и всматривался в тени, стус- тившиеся у стен.

— Странно, очень странно! — протянул он. — Сплош- ные единороги. Кто так сосредоточенно думал о столь эк- зотическом существе?

— Нет, это просто потрясающе! — воскликнул Ди- кон. — Я целый день мучился, пытался написать единоро- га. Но как вы догадались?

— Вы думали о них в этой комнате?

— Конечно.

— Но ведь мысль материальна, мой друг. Когда вы представляете себе какой-то предмет, вы его творите. Вы этого не знаете, *hein?* Но я вижу ваших единорогов, пото- му что обладаю способностью видеть не только глазами.

— Вы хотите сказать, что довольно о чем-то поду- мать — и я создам то, что никогда не существовало?

— Ну, разумеется! Это данность, которая лежит в ос- нове всех других данностей. Вот почему дурная мысль так же опасна, как и дурной поступок.

— Они, я полагаю, находятся на астральном уров- не? — спросил Мойр.

¹ Здесь: понимаете? (фр).

— А, друзья мои, какая разница, все это лишь слова. Эти создания здесь — там — всюду — я сам не знаю, где. Я просто их вижу. И могу дотронуться до них.

— А вы можете сделать так, чтобы мы тоже их увидели?

— Для этого их нужно материализовать. Подождите! Давайте попробуем. Но нам потребуется много энергии. Посмотрим, чем мы располагаем, и попытаемся поставить опыт. Вы позволите мне рассадить вас по моему усмотрению?

— Вы, несомненно, владеете несравненно более глубокими познаниями, чем мы, — сказал Гарви Дикон. — Я считаю, что вы и должны здесь распоряжаться.

— Может так случиться, что условия окажутся неблагоприятными. Но мы постараемся сделать все возможное. Мадам останется на своем месте, я сяду рядом с ней, а этот джентльмен возле меня. Мистер Мойр благоволит сесть по другую руку от мадам, потому что желательно чередовать брюнетов и блондинов. Великолепно! А теперь я с вашего позволения погашу свет.

— Почему темнота предпочтительнее? — спросил я.

— Дело в том, что энергия, с которой мы имеем дело, представляет собой вибрацию эфира и в то же время есть не что иное, как свет. Теперь мы соединим все связи, hein? Мадам, вы не боитесь темноты? Это просто великолепно, что мы устроили такой сеанс!

Сначала темнота казалась непроницаемой, однако через несколько минут наши глаза привыкли к ней, и мы даже стали различать силуэты друг друга, правда, очень смутные и расплывчатые. Больше я в комнате ничего не видел — только чернели неподвижные фигуры моих друзей за столом. Никогда еще мы не были настроены во время сеанса так серьезно, как нынче.

— Положите руки перед собой на стол. Взять друг друга за руки мы не сможем, нас слишком мало, а стол такой большой. Теперь, мадам, вы должны вызвать в себе чувство покоя и если почувствуете, что вас сковывает сон, не боритесь с ним. А мы все будем сидеть, не произнося ни слова, и ждать, hein?

И вот мы в молчании сидим и ждем, уставясь перед собой в темноту. В коридоре тикают часы. Где-то далеко время от времени начинает лаять собака. По улице проехала коляска, потом еще одна, лучи их фонарей ворвались в щель между шторами и приятно развлекли нас в

нашем томительном мрачном бдении. В теле появились знакомые ощущения, которые я испытывал во время прежних сеансов: ступни похолодели, кисти рук покалывало иголочками, ладоням стало жарко, по спине пронеслось как бы дуновение холодного ветра. Руки от кисти до локтя пронзало странной легкой болью, впрочем, в левой руке — а наш гость сидел слева от меня — эти пронзания, как мне казалось, были острее: без сомнения, боль была вызвана спазмами сосудов, но все равно это явление заслуживало внимания. И еще меня переполняло напряженное ожидание, не просто напряженное, а даже мучительное. По тягостному, застывшему молчанию моих друзей я понял, что их нервы тоже вот-вот не выдержат.

И вдруг в темноте раздался звук — тихий, как бы свистящий: это дышала женщина, часто и неглубоко. Дыхание все учащалось, становилось все поверхностней, вырываясь сквозь стиснутые зубы, и вдруг она хрипло вскрикнула, глухо зашуршала ткань.

— Что это? Что-то случилось? — спросил один из нас в темноте.

— Ровным счетом ничего, все идет как надо, — ответил француз. — Это мадам. Она впала в транс. А теперь, джентльмены, наберитесь терпения, надеюсь, вы увидите нечто очень интересное.

Как и прежде, в коридоре тикают часы. Слышится дыхание медиума, теперь уже более глубокое и полное. Как и прежде, время от времени мелькают огни проезжающих экипажей, и как же мы им радуемся. Через какую бездну мы перекидываем мост! На одном краю — приподнятая пелена вечности, на другом — Лондон с его экипажами. Стол напряжился могучей силой. Он ровно, плавно раскачивался, послушно подчиняясь легкому нажиму наших пальцев. В нем что-то стучало, скрипело, стреляло залпами и отдельными выстрелами, словно бы трещал хворост в вешело горящем костре, который развели морозной ночью.

— Какой огромной силы дух явился, — сказал француз. — Посмотрите на поверхность стола!

Я-то решил, что у меня просто галлюцинация, но теперь этот феномен увидели все. Над столом переливалось зеленовато-желтое свечение — вернее, даже не свечение, а светоносный мерцающий туман. Он клубился волнами, колыхался прозрачными зыблущимися складками, свивался змеиными кольцами, как дым. И в этом зловещем свете

я видел на столе белые квадратные руки медиума-француза.

— Великолепно! — воскликнул он. — Потрясающе!

— Будем называть буквы? — спросил Мойр.

— Ну что вы, зачем, есть несравненно более тонкие приемы, — возразил наш гость. — Вертеть стол, перебирая все буквы алфавита, нет, это слишком примитивно; с таким медиумом, как мадам, нам доступны более изощренные методы.

— Да, они вам доступны, — подтвердил чей-то голос.

— Кто это? Кто произнес эти слова? Вы, Маркем?

— Нет, я молчал.

— Эти слова произнесла мадам.

— Но голос был не ее.

— Это вы сказали, миссис Деламир?

— Говорит не медиум, а дух, который использует одни органы речи медиума, — произнес все тот же странный глубокий голос.

— А где же миссис Деламир? Надеюсь, то, что сейчас происходит, не причинит ей вреда?

— Медиум находится в другом измерении бытия, и ей там очень хорошо. Она заняла мое место в том измерении, а я — ее в этом.

— Но кто вы?

— Кто я — вам совершенно не важно. Я — существо, которое жило когда-то земной жизнью, как сейчас живете вы, а потом умерло, как и вы в свой час умрете.

К соседнему дому подъехала коляска, мы слышали, как скрипят и шуршат по мостовой колеса. Извозчик заспорил с пассажиром, что тот мало ему заплатил, потом долго и хрипло ворчал на всю улицу. Зеленовато-желтое облачко по-прежнему реяло над столом, тусклое по краям, но наливающееся мрачным свечением ближе к медиуму. Оно словно бы устремлялось к спящей женщине. В сердце мне стал вползать холодный страх. Я подумал, что мы бездумно и легкомысленно приблизились к величайшему из таинств, к разгадке бытия, которая должна внушать благоговейный трепет, — к тому самому общению с мертвыми, о котором рассказывали отцы церкви.

— Вам не кажется, что мы зашли слишком далеко? По-моему, нам следует прервать сеанс! — не скрывая волнения, сказал я.

Но все остальные непременно хотели довести его до конца. Они лишь посмеялись над моими сомнениями.

— Все виды энергии существуют для того, чтобы их использовали, — заявил Гарви Дикон. — Если мы можем что-то сделать, значит, мы просто не имеем права упустить возможность. Любое открытие, опровергающее общепризнанные догмы, сначала всегда провозглашалось ересью. И мы не нарушаем никаких законов, пытаясь понять, что такое смерть. Это наше право и наш долг.

— Это ваше право и ваш долг, — повторил голос.

— Ну вот, какое еще подтверждение вам нужно? — вскричал Мойр; он был чрезвычайно возбужден. — Давайте испытаем дух. Ты согласишься подвергнуться испытанию и доказать, что действительно существуешь?

— В чем состоит испытание?

— Сейчас придумаю... ну вот, у меня в кармане несколько монет. Можешь нам сказать, что это за монеты?

— Мы возвращаемся в этот мир не для того, чтобы отгадывать детские загадки, мы надеемся просветить и возвысить людские души.

— Ха-ха-ха, мистер Мойр, здорово вас отчитали, — воскликнул француз. — Но поверьте, Обладающий Высшими Знаниями говорит очень разумные вещи.

— Это не игра, это так же свято, как религия, — изрек суровый женский голос.

— Да, да, конечно, я и сам так считаю, — залепетал Мойр. — Умоляю вас, простите мне этот дурацкий вопрос. Мне бы очень хотелось знать, кто вы.

— Разве это имеет значение?

— Вы давно стали духом?

— Да.

— А сколько лет?

— У нас иная мера времени. И вообще это совсем другой мир.

— Вы счастливы?

— Да.

— Вы хотели бы вернуться в земную жизнь?

— О нет, ни за что!

— Вы трудитесь?

— Если бы мы не трудились, мы не могли бы быть счастливы.

— И что же вы делаете?

— Я же сказал, что это совсем другой мир.

— А вы не могли бы нам дать хотя бы общее представление о том, чем вы занимаетесь?

— Мы стараемся самоусовершенствоваться и помогаем в этом другим.

— Вы рады, что появились сегодня здесь?

— Я всегда рад, если мое появление на Земле приносит добро.

— Значит, ваша цель — творить добро?

— Это цель всякой жизни на любом уровне.

— Слышали, Маркем? Теперь, надеюсь, ваши сомнения исчезли без следа.

Действительно, я совершенно успокоился, и мне было очень интересно.

— Вы испытываете боль в вашем нынешнем состоянии? — спросил я.

— Нет, боль — удел смертной оболочки.

— А страдания?

— Да, некоторые пребывают в постоянной печали или в тревоге.

— Вы встречаетесь с друзьями, которые окружали вас на Земле?

— Не со всеми.

— Почему не со всеми?

— Только с теми, кто был по-настоящему нам близок.

— А мужья встречают жен?

— Только те, кто истинно любил.

— А если истинной любви не было?

— Тогда они не нужны друг другу.

— Стало быть, непременно должна существовать духовная связь?

— Конечно.

— Благо ли то, что мы сейчас делаем?

— Да, если это делается с благой целью.

— А что следует считать дурной целью?

— Любопытство и желание позабавиться.

— Это может принести вред?

— Да, очень большой.

— В чем он выразится?

— Может так случиться, что вы вызовете силы, которые вам неподвластны.

— Злые силы?

— Низшие.

— Вы говорите, они опасны. Опасны потому, что грозят нашей жизни или нашей душе?

— Иногда и душе, и жизни.

Наступило молчание, темнота, казалось, сгустилась еще плотнее, только над столом вился и курился зелено-желтый туман.

— А вы, Мойр, хотите что-нибудь узнать? — спросил Гарви Дикон.

— Только одно: вы молитесь там, в вашем мире?

— Молиться должно в любом мире.

— Почему?

— Потому что, молясь, мы отдаем дань уважения силам, которые сотворили нас.

— Какую религию вы исповедуете там?

— Мы исповедуем разные религии, точно так же, как и вы.

— Вы не обладаете точными знаниями?

— У нас есть только вера.

— Господи, ну сколько можно рассуждать о религии, — не выдержал француз. — Вы, англичане, — народ серьезный, для вас нет ничего важнее веры и религии, но до чего же это скучная материя! Мне кажется, с помощью этого духа мы можем поставить грандиозный опыт, hein? Это будет сенсация, величайшая сенсация.

— Но ведь вопросы веры и религии действительно самое важное, что может интересовать человека, — возразил Мойр.

— Ну что же, если вы так считаете, продолжайте в том же духе, — недовольно отозвался француз. — Что касается меня, то я все это слышал невесть сколько раз, мне хочется провести эксперимент с помощью духа, который к нам явился. Но если вы еще не удовлетворили свое любопытство, то, пожалуйста, задавайте ему вопросы, а когда вы их исчерпаете, мы займемся кое-чем поинтереснее.

Но чары рассеялись. Сколько мы ни задавали вопросов медиуму, она молчала, неподвижно сидя на стуле. Только глубокое ровное дыхание доказывало, что она жива. Над столом все еще клубился туман.

— Вы нарушили гармонию. Она отказывается отвечать.

— Но ведь мы узнали от нее все, что она могла нам сказать, hein? Что касается меня, я хочу увидеть то, чего никогда не видел раньше.

— Что же это такое?

— Вы позволите мне попробовать?

— Что именно?

— Я говорил вам, что мысль материальна. Сейчас я хочу это доказать и дать возможность увидеть то, что на самом деле представляет собой всего лишь мысль. Мне это доступно, не сомневайтесь, сейчас вы сами увидите. Пожалуйста, сидите и не двигайтесь, ничего не говорите, и пусть ваши руки спокойно лежат на столе.

В студии стало еще темнее, еще тише. Я снова почувствовал страх, который такой тяжестью сдавил мне сердце в начале сеанса. Волосы на голове зашевелились.

— Получается! Получается! — вскричал француз срывающимся голосом, и я понял, что нервы его тоже напряжены до предела.

Светящийся туман медленно соскользнул со стола и поплыл мерцающим облаком по комнате. В дальнем углу, где темнота была особенно густой, облако остановилось и стало сгущаться, разгораясь, и постепенно превратилось в плотный ослепительно яркий овал — странный зыблущийся источник света, который ничего не освещал, сияние, не посылающее лучей в темноту. Раньше туман светился зеленовато-желтым, теперь он налился сумрачно-красными оттенками, переходящими в багровый. Но вот на это багровое пятно стала напоздать темная, похожая на дым субстанция, ее слой становился все толще, все плотнее, тверже, все чернее. И вдруг свет исчез, его полностью поглотила тьма, обвившаяся вокруг него.

— Дух покинул нас.

— Тише... здесь кто-то посторонний.

Из угла, где раньше был свет, доносилось тяжелое дыхание, кто-то беспокойно двигался в темноте.

— Что это? Ле Дюк, что вы сделали?

— Все идет как надо. Нам решительно ничего не угрожает. — Голос француза дрожал от возбуждения.

— Боже милосердный, Мойр, здесь в студии какое-то большое животное! Вот оно, возле моего стула! Кыш! Брысь!

Это был голос Гарви Дикона, его заглушил удар по какому-то тяжелому предмету. Потом... потом началось нечто невообразимое. Какое-то огромное существо затаилось среди нас в темноте, оно взвивалось на дыбы, всхрапывало, било копытами, насакивало на мебель, разнося ее в щепы. От стола остались одни обломки. Мы бросились кто куда. Существо бешено носилось по студии, грохоча копытами. Мы вопили от ужаса, расползаясь по сторонам в надежде

где-нибудь спрятаться. Вдруг тяжелое копыто опустилось на мою левую руку, кости хрустнули.

— Свет! Зажгите свет! — последовал истошный крик.

— Мойр, спички! Скорее спички!

— Да нет у меня спичек. Дикон, где спички?

— Не могу найти. Эй вы, француз, прекратите это светопреставление.

— Это не в моих силах. О, mon Dieu, я ничего не могу сделать! Откройте дверь! Где дверь?

Шаря наугад в темноте, я, к великому счастью, нащупал рукой дверную ручку. Тяжело дыша и всхрипывая, существо промчалось мимо меня и с ужасающим громом стукнуло копытами по дубовой перегородке. Едва зверь пронесся, я тотчас же повернул ручку, и в следующий миг все мы были в коридоре, а дверь захлопнута. В студии оглушительно гремело, трещало, слышался грохочущий стук копыт.

— Кто это? Ради всего святого, кто это?

— Лошадь. Я видел, когда дверь открылась. Стойте, а как же миссис Деламир?

— Нужно вынести ее оттуда. Идемте. Маркем, нельзя медлить, дальше будет еще хуже.

Мы распахнули дверь и вбежали в студию. Она лежала на полу среди обломков сокрушенных стульев. Мы подхватили ее на руки и быстро вынесли. Я все-таки оглянулся: из темноты на нас глядели странные горящие глаза, потом застучали копыта, я едва успел захлопнуть дверь, и тут на нее с силой обрушился могучий удар, она треснула сверху донизу.

— Он хочет вырваться! Он сейчас вырвется!

— Бегите, иначе мы все погибнем! — закричал француз.

Животное снова обрушилось на дверь, и что-то высунилось из пролома. Это был длинный белый рог, он блеснул в свете лампы. Его блеск поразил нас, но рог тут же исчез.

— Скорее, скорее! Сюда! — кричал Дикон. — Вносите ее! Быстро!

И вот наконец мы в столовой, и тяжелая дубовая дверь заперта. Мы положили бесчувственную женщину на кушетку, и тут Мойр, этот знаменитый делец с железной хваткой, потерял сознание и рухнул на коврик возле камина. Гарви Дикон был бледен, как покойник, он судорожно дергался, точно в эпилептическом припадке. И вот

мы услышали, как с громом разлетелась дверь студии и животное вырвалось в коридор, оно носилось взад-вперед, взад-вперед, фыркая и стуча копытами в такой ярости, что весь дом дрожал. Француз закрыл лицо руками и плакал, как испуганный ребенок.

— Что нам делать? — я резко встряхнул его за плечо. — Может быть, попробовать ружье?

— Нет, нет. Дух сам истощит свою силу. И тогда все кончится.

— Вы чуть не убили нас всех, идиот несчастный! Это же надо придумать такой кошмарный эксперимент!

— Но я не знал. Разве я мог предвидеть, что он так испугается? Животное обезумело от ужаса. А виноват мистер Дикон. Он избивал его.

Гарви Дикон вскочил.

— Господи Боже мой! — вскричал он.

По дому пронесся леденящий душу вопль.

— Это моя жена! Скорее к ней. Пусть там сам Сатана, мне все равно!

Он распахнул дверь и выскочил в коридор. В дальнем конце, у подножия лестницы, лежала без чувств миссис Дикон — так ее потрясло зрелище, которое она увидела. Но больше никого там не было.

Мы с ужасом огляделись, но все было тихо и спокойно. Я медленно двинулся к черному проему в студию, где еще несколько минут назад была дверь, — шаг, еще шаг... сейчас оттуда выскочит чудовище. Но никакого чудовища не выскочило, и в студии тоже стояла тишина. Настороженно озираясь, мы подошли к порогу и стали глядеть в темноту. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. В студии по-прежнему ни звука, но темнота не такая густая и плотная, как раньше. В дальнем углу реяло светящееся облачко, словно бы тлеющее багровым пеплом по краям и ослепительно яркое в середине. Оно медленно тускнело, меркло, как бы рассеиваясь и тая, и наконец студию заполнил прежний бархатный мрак. Вот в нем утонул последний отблеск этого жуткого свечения, и француз разразился восторженной тирадой.

— Изумительно! Потрясающе! Никто не пострадал, только дверь сломана и дамы перепугались. Но, друзья мои, нам удалось то, что еще никогда не удавалось никому!

— Я приложу все усилия, — перебил его Гарви Дикон, — чтобы ничего подобного никогда больше не повторилось.

Вот что произошло четырнадцатого апреля сего года в доме № 17 на Бэддерли Гарденс. Я с самого начала предупредил вас, что история эта наверняка покажется вам слишком неправдоподобной, и потому ничего категорически утверждать не буду; я лишь описал, не мудрствуя лукаво, то, что я сам видел и ощущал, — вернее, то, что мы видели и ощущали, ибо и Гарви Дикон, и Джон Мойр полностью подтверждают мой рассказ. Кто-то из вас, вероятно, сочтет, что мы оказались жертвами необычайно эффектной и сложной мистификации, что ж, это ваше право. У других не возникнет и тени сомнения, что мы действительно пережили этот кошмар, — как нет сомнений у нас. Кто-то, вероятно, глубже нас постиг оккультные науки и мог бы рассказать о сходных явлениях. В таком случае прошу вас написать Уильяму Маркему, 146М, Олбени, — вы поможете нам понять то, что поистине кажется нам тайной за семью печатями.

Джон Баррингтон Каулз

I

Я не хотел бы спешить с выводами и потому не стану голословно обвинять мистические силы в смерти моего бедного друга, Джона Баррингтона Каулза. Без неопровержимых доказательств мне попросту не поверят, ведь общепринятый взгляд отвергает самое существование подобных сил.

Я лишь обрисую обстоятельства, приведшие к печальному событию, и сделаю это по возможности просто и сжато, а дальше пускай читатель домысливает сам. Возможно, кому-то и удастся проникнуть в тайну, которая мучает меня по сей день.

С Баррингтоном Каулзом я познакомился в Эдинбурге, когда учился на медицинском отделении университета. Я проживал на улице Нортумберленд, в огромном доме; домовладелица, вдовая и бездетная, не имея иных доходов, сдавала комнаты студентам.

Баррингтон Каулз поселился по соседству, и мы сошлись коротко — даже сняли на двоих маленькую гостиную, где обыкновенно обедали. Так началась дружба, которая — не омраченная ни малейшим разногласием — длилась до самой его смерти.

Отец Каулза был полковником в сикхском полку. Многие годы он безвыездно прослужил в Индии и, обеспечивая сыну изрядное содержание, ничем более не выказывал отцовской любви, писал мало и крайне редко.

Мой друг родился в Индии, и это наложило на его натуру явственный южный отпечаток. Небрежение отца задевало его болезненно. Матери давно не было в живых, да и вообще не было у него в мире ни единой родной души. И оттого, должно быть, все тепло, всю сердечность свою он обращал на меня — редко встретишь у мужчины столь доверительную дружбу. Даже когда им завладела любовь — чувство более сильное и глубокое, это не поколебало его нежной ко мне привязанности.

Каулз был высок, строен, с удлинённым, точно на портретах Веласкеса, лицом и темными мягкими глазами. Внешность его притягивала женщин магически. Каулз часто

бывал задумчив, порой даже вял. Но, коснись разговор интересующего его предмета, мгновенно оживлялся, на щеках появлялся румянец, в глазах — блеск, и Каулз говорил с одушевлением, мгновенно увлекая слушателей.

Несмотря на дарованные природой достоинства, Каулз сторонился женского общества. Книгочей и отшельник, на курсе своем он был из первых студентов: по анатомии получил большую медаль, а по физике — приз Нила Арнота.

Как ясно, как отчетливо запомнилась мне первая встреча с этой женщиной! Снова и снова я пытаюсь вернуть то первоначальное, свежее впечатление — оно особенно важно, — поскольку позже, когда нас представили, на него наслоилося слишком многое и судить непредвзято мне стало трудно.

Весной 1879 года открылась Шотландская королевская академия. Мой бедный друг пылко и благоговейно любил искусство во всех его формах: сладкозвучный аккорд, перелив красок доставляли ему тончайшую, неизъяснимую радость. Мы стояли в огромном центральном зале академии, когда я заметил у противоположной стены необычайной красоты женщину. Такую совершенную классическую красоту я встретил впервые в жизни. Настоящая греческая богиня: широкий мраморно-белый лоб, обрамленный нежнейшими локонами; прямой точеный нос, тонкие губы, округлый подбородок, плавный изгиб шеи — черты бесконечно женственные, и все же за ними угадывался недюжинный характер.

А эти глаза, эти чудные глаза! Как же скуден наш словарь: взгляд изменчивый, стальной, тающий, по-женски чарующий, властный, пронзительный, беспомощный... Однако все это увиделось потом, позже, не сразу...

Женщину сопровождал высокий светловолосый молодой человек, студент-юрист, которого я немного знал.

Арчибальд Ривз — так его звали — был поразительно красив, породист, и прежде все студенческие загулы и эскапады происходили под его предводительством.

В последнее время я встречал его редко, ходили слухи, будто Ривз помолвлен, из чего я и заключил, что его спутница, должно быть, и есть его невеста. Усевшись в центре зала на обитую бархатом банкетку, я стал украдкой, прикрываясь каталогом, разглядывать эту пару.

И чем дольше я смотрел на девушку, тем больше покоряла меня ее красота. Невеста Ривза была невысока скорее, даже мала ростом, но сложена идеально и несла

себя столь горделиво, что малый рост ее замечался лишь в сравнении с окружающими.

Пока я смотрел на них, Ривза кто-то отозвал, и молодая женщина осталась одна. Повернувшись спиной к картинам, она коротала время, разглядывая посетителей салона; десятки прикованных к ней глаз, любопытных и восхищенных, ее ничуть не смущали. Теребя рукою красный шелковый шнур, отделявший картины от публики, она, в ожидании спутника, бесцеремонно разглядывала людские лица, будто они были не живые, а тоже нарисованные на холсте. Вдруг взгляд ее стал пристальней, жестче. Недоумевая, что же могло привлечь столь напряженное внимание, я проследил этот взгляд.

И увидел Джона Баррингтона Каулза, застывшего подле какой-то картины. По-моему, она принадлежала кисти Нозя Патона, во всяком случае, предмет ее определенно был возвышен и благороден. Мой друг стоял к нам в профиль, и красота его — очевидная во всякую минуту — в тот миг казалась особенной. Он, похоже, совершенно забылся, всецело поглощенный картиной. Глаза его сияли, под смуглотой щек проступал густой румянец. Девушка все не сводила с него пристального заинтересованного взгляда, он же вдруг, мгновенно вернувшись из забытья, оглянулся, и взгляды их скрестились. Она тут же отвела глаза, а он, напротив, глядел на нее неотрывно, позабыв о картине. Душа его вернулась на грешную землю.

Девушка встретила нас в залах еще несколько раз, и мой друг неизменно провожал ее взглядом. Однако заговорил о ней лишь на улице, когда мы, рука об руку, шли по улице Принсес.

— Ты заметил красавицу — помнишь, в темном платье с белой меховой оторочкой? — спросил он.

— Заметил, — ответил я.

— А не знаешь, кто она? — оживился Каулз.

— Нет, но могу разузнать. Насколько я понимаю, она помолвлена с Арчи Ривзом, а у нас с ним много общих друзей.

— Помолвлена! — воскликнул Каулз.

— Но, дружище, неужели ты способен так легко влюбиться? — рассмеялся я. — Ты с нею даже незнаком, а печалишься из-за ее помолвки!

— Ну, печалюсь, конечно, чересчур, — промолвил Каулз, выдавив улыбку. — Но, знаешь, Армитейж, никогда в жизни женщина не увлекала меня столь сильно. И дело

не только в красоте, хотя черты ее совершенны, главное — в глазах ее светятся характер и ум. И если она в самом деле помолвлена, надеюсь, что избранник достоин ее.

— Однако она здорово разбередила тебе душу! — заметил я. — Джек, да это любовь, любовь с первого взгляда! Ладно, обещаю разузнать о ней подробно, как только повстречаю общих знакомых.

Баррингтон Каулз поблагодарил меня, и разговор перешел на другое. Несколько дней мы к этой теме не возвращались, хотя мой компаньон был, пожалуй, задумчивее и рассеяннее обычного. Происшедшее почти изгладилось у меня из памяти, когда я повстречал своего двоюродного брата, младшего Броуди. Он подошел ко мне у дверей университета и спросил, точно заговорщик:

— Ты ведь знаешь Ривза?

— Да. А что с ним?

— Его помолвка расторгнута.

— Расторгнута? — воскликнул я. — Погоди, вроде на днях все было в силе?

— А вот теперь дело расстроилось. Мне его брат рассказал. Со стороны Ривза просто подло пойти сейчас на понятную, если, конечно, это его затея. А невеста у него удивительно милая.

— Я ее видел, — сказал я. — Только не знаю, как ее зовут.

— Зовут ее мисс Норткот, живет со старухой теткой в Аберкромби. О родных ничего неизвестно. Никто даже не знает, из каких она мест. Так или иначе, она самая что ни на есть разнесчастная девочка на свете.

— Отчего же?

— Видишь ли, это ее вторая помолвка, — принялся объяснять Броуди, умудрявшийся знать все обо всех. — Женихом ее был Прескотт, Уильям Прескотт, тот что умер. Ужасная история. Уж и свадьбу назначили, короче — верное дело, как вдруг — такой удар!

— Какой удар? — спросил я, что-то смутно припоминая.

— Ну как же! Смерть Прескотта. Он приехал вечером в Аберкромби, засиделся допоздна. Когда он ушел отсюда — неясно, но около часу ночи один приятель встретил его неподалеку от Королевского парка. Прескотт шел, не разбирая дороги, на приветствие не отзывался. Больше его живым не видели. Три дня спустя его тело выловили из Маргаритина озера, прямо возле церкви святого Антония.

До сих пор в голове не укладывается. В бумагах, как водится, записали кратковременное помрачение ума.

— Престранный случай, — заметил я.

— Еще бы. Девочка много выстрадала, — сказал Броди. — А теперь еще новый удар, не везет бедняжке. Такая милая и так хороша собой...

— Ты, выходит, с ней знаком? — перебил я.

— Разумеется. Встречал не единожды. Хочешь, и тебя представлю? Мы с нею накоротке.

— Пожалуй... — ответил я. — Понимаешь, с нею очень хотел бы познакомиться мой друг... Впрочем, она вряд ли скоро появится в свете. Но уж тогда не премину воспользоваться твоим предложением.

На том мы и распрощались, и я совсем было выкинул из головы эту историю.

Следующий эпизод касается мисс Норткот непосредственно, и я опишу его во всех подробностях, хотя подробности эти весьма неприятного свойства. Впрочем, быть может, именно они подскажут разгадку всех последующих трагедий. Однажды, морозным вечером, спустя несколько месяцев после разговора с Броди, я шел от пациента по самой запущенной и омерзительной части города. Было очень поздно, я пробирался мимо пивной сквозь толпу грязных бездельников. Вдруг от толпы отделился какой-то забуддыга и, приблизившись нетвердым шагом, с пьяной ухмылкой протянул мне руку. Свет газового рожка упал на его лицо, и в этом жалком, опустившемся существе я с изумлением узнал своего знакомого, Арчибальда Ривза, который прежде славился безупречными манерами и одевался с иголки. Я был так ошеломлен, что поначалу не поверил собственным глазам; однако черты его, хоть и расплывшиеся от пьянства, все же сохранили остатки былой привлекательности. И я твердо решил вызволить его — пусть на одну только ночь — из столь ужасного окружения.

— Привет, Ривз! — сказал я. — Пойдем-ка со мной, нам по пути.

Он невинно извинился, что нетрезв, и уцепился за мою руку. Я довел его до дома, еще по дороге поняв, что нынешнее состояние Ривза — отнюдь не случайность, что его нервы и рассудок расстроены неумеренным потреблением спиртного. Он шарахался от каждой колышущейся тени и хватался за меня сухой горячей рукой. Речь его была

бессвязна и более походила на горячечный бред, чем на пьяные откровения.

Доставив Ривза домой, я снял с него верхнюю одежду и уложил в постель. Судя по пульсу, у него был сильнейший жар. Он, казалось, впал в забытие, и я уже хотел укрادкой выскользнуть из комнаты и предупредить хозяйку, что жилец заболел, как вдруг Ривз вздрогнул и ухватил меня за рукав.

— Не уходи! — воскликнул он. — Мне с тобой легче. Ей тогда меня не достать.

— Ей? — переспросил я. — Кому?

— Ей! Да неужели не ясно? — раздраженно проговорил он. — Ты просто ее не знаешь! Она — дьявол! Она прекрасна, но она сущий дьявол!

— У тебя жар, ты не в себе, — проговорил я. — Попробуй заснуть хоть ненадолго. Поспишь и полегчает.

— Поспишь! — простонал он. — Да не могу я спать! Только лягу — сядет в ногах и глазищи свои с меня не сводит. Часами так сидит. Всю душу, все силы вытянет. Оттого и пью. Господи, спаси меня и помилуй, я пьян, пьян...

— Ты очень болен. — Я протер ему виски уксусом — Ты бредишь. Сам не знаешь, что говоришь.

— Прекрасно знаю, — оборвал он и взглянул на меня в упор. — Я знаю, что говорю. Сам навлек на себя все это. Сам выбрал такую жизнь. Но я не мог — клянусь Богом — не мог сделать иного выбора. Не мог относиться к ней по-прежнему. Это выше человеческого сил.

Я сидел возле кровати, держа его пылающую руку в своей, и пытался осмыслить его слова. Помолчав, он снова вскинул глаза и вдруг жалобно спросил:

— Но зачем она не предупредила меня раньше? Зачем дождалась, чтобы я полюбил ее так глубоко?

Разметавшись на подушках, он повторял свой вопрос снова и снова и наконец заснул, беспокойно и тяжело. Я на цыпочках выбрался из комнаты и, убедившись, что хозяйка о нем позаботится, пошел домой. Однако слова его остались в памяти надолго, а позже обрели для меня новый глубокий смысл.

У моего друга Баррингтона Каулза в ту пору были летние каникулы, и я несколько месяцев не имел от него вестей. Когда же начался семестр, я получил телеграмму с просьбой снять прежние наши комнаты на улице Нортумберленд, он сообщил также номер поезда, с которым

приедет. Я встретил его на вокзале. Каулз заметно поспе-
жел и выглядел прекрасно.

В первый вечер, когда мы, сидя у камина, обменива-
лись новостями, он вдруг сказал:

— Кстати! Поздравь меня!

— С чем же?

— Разве ты не слышал о моей помолвке?

— О помолвке? Нет! Но теперь слышу и счастлив за
тебя, мой дорогой. Поздравляю от всего сердца.

— И как это до тебя не дошли слухи? — сказал Ка-
улз. — Ведь получилось удивительное совпадение. По-
мнишь девушку, которой мы с тобой любовались на от-
крытии академии?

— Что?! — воскликнул я, охваченный смутным пред-
чувствием. — Не хочешь ли ты сказать, что она — твоя
невеста?

— Так и знал, что ты удивишься! Я жил у старой те-
тушки в местечке Петерхед в Абердиншире, а они тоже
приехали туда — кого-то навестить. Нашлись общие дру-
зья, и мы вскоре познакомились. Выяснилось, что ее по-
молвка — просто ложная тревога, ну и... Сам понимаешь
в такую девушку нельзя не влюбиться, да еще в такой
глухомани. Нет-нет, не подумай, что я сожалею, — доба-
вил он поспешно. — Я не сглупил и не поспешил. На-
оборот — с каждым днем восхищаюсь и влюбляюсь все
больше. Вот я вас скоро познакомлю, и ты оценишь ее сам.

Я выразив полную готовность познакомиться с его не-
вестой. Говорил я — по возможности — непринужденно,
но на самом деле был глубоко встревожен и огорчен. Сло-
ва Ривза, ужасная судьба бедняги Прескотта — все вдруг
всплыло в памяти, соединилось, и, без видимой причины,
я ощутил смутный страх и недоверие к мисс Норткот.
Быть может, именно из-за этого глупого предубеждения
все ее поступки и слова стали укладываться для меня в
некую надуманную дикую схему. По-вашему, я заранее
настроился на поиски зла? Что ж, каждый вправе думать,
как хочет. Но неужели то, что я сейчас расскажу, вы тоже
спишете на мою предвзятость?

Спустя несколько дней я в сопровождении Каулза от-
правился с визитом к мисс Норткот. В Аберкромби нас ог-
лушил истошный собачий визг. При подходе к дому обна-
ружилось, что визг доносится именно отсюда. Нас прове-
ли наверх, и Каулз представил меня старой тетушке,
миссис Мертон, и своей невесте. Не удивительно, что мой

друг совсем потерял голову — девушка была необыкновенно хороша. Сейчас на ее щеках проступил румянец, в руке она сжимала толстую собачью плетку. У стены, поджав хвост, поскуливал маленький скотч-терьер, его-то визг мы, похоже, и слышали с улицы. Очевидно, побои привели пессика в совершенное смирение.

Когда мы уселись, мой друг укоризненно заметил:

— Кейт, ты, я вижу, опять повздорила с Карло.

— Ну, на сей раз слегка, — сказала она, очаровательно улыбнувшись. — Он симпатяга и всем бы хорош... Впрочем, острстка никому не помешает. — И, повернувшись ко мне, добавила:

— Плетка любому полезна, не так ли, мистер Армитейж? Чем после смерти ждать кары за содеянное, не лучше ли сразу получать кнутом за каждый проступок? Тогда и люди, верно, стали бы куда осмотрительней.

Я поневоле согласился.

— Только представьте! Поступает человек дурно, и тут же одна гигантская рука хватает его покрепче, а другая хлещет кнутом, пока человек не обезумеет от боли... — Плетка в ее руках со зловещим свистом рассекала воздух. — Это подействует на людишек почище заушных нравоучений.

— Ты сегодня чересчур кровожадна, Кейт, — заметил мой друг.

— Ну что ты, Джек, — рассмеялась она. — Я всего лишь предлагаю мистеру Армитейжу поразмыслить над моей идеей на досуге.

Тут они принялись вспоминать о днях, проведенных в абердинской глуши, а я смог наконец рассмотреть миссис Мертон, которая во время нашей краткой беседы не pronunciла ни слова. Старушка была престранная. Прежде всего, в ней поражала совершенная блеклость, полное отсутствие иных тонов: абсолютно седые волосы, бледное лицо, бескровные губы. Даже глаза голубели слабо, не в силах оживить общей мертвенной бледности, которой вполне подстать было и серое шелковое платье. На лице ее отпечаталось какое-то особое выражение, но определить его я пока затруднялся.

Она сидела с работой, плела какие-то старомодные кружева, и от движения рук ее платье шуршало сухо и печально, точно листья в осеннем саду. От нее веяло чем-то скорбным, гнетущим. Придвинувшись вместе со стулом

поближе, я спросил, нравится ли ей в Эдинбурге и как долго она здесь прожила.

Поняв, что я обращаюсь к ней, старушка вздрогнула и взглянула на меня с испугом. Я вдруг понял, что за выражение не сходило с ее лица, какое чувство постоянно владело ею — страх. Жуткий, всепоглощающий страх. Он отпечатался на лице старушки явственно — я мог бы поклясться, что когда-то она испугалась так сильно, что не знала с тех пор иных, кроме страха, чувств.

— Да, мне тут нравится, — ответила она тихо и робко. — Мы пробыли долго, то есть не очень долго... Мы вообще постоянно ездим, — неуверенно добавила она, словно боясь выдать какую-то тайну.

— Вы ведь, насколько я понимаю, родом из Шотландии? — спросил я.

— Нет, то есть — не вполне. У нас вообще нет родины. Мы, знаете ли, космополиты. — Она оглянулась на стоявшую у окна мисс Норткот, но влюбленные были поглощены друг другом. И тут старушка неожиданно наклонилась ко мне и чрезвычайно серьезно шепнула:

— Пожалуйста, не говорите со мной больше. Она этого не любит. Я еще поплачусь за наш разговор. Пожалуйста...

Я хотел было выяснить причину столь непонятной просьбы, но увидев, что я снова собираюсь к ней обратиться, старушка поднялась и поспешно вышла из комнаты. Разговор за моей спиной тут же оборвался, и я почувствовал на себе пронзительный взгляд серых глаз.

— Простите тетушку, мистер Армитейж, — произнесла мисс Норткот. — Она у меня со странностями и к тому же быстро утомляется. Взгляните лучше на мой альбом.

И мы принялись рассматривать фотографии. Ни мать, ни отца мисс Норткот не отличала та особая печать, которая лежала на челе их дочери. Зато мое внимание привлек один старый дагерротип — лицо весьма красивого мужчины лет сорока. Чисто выбритый, тяжелый, властный подбородок, резко очерченные упрямые губы... Безупречную внешность портили лишь чересчур глубоко посаженные глаза и по-змеиному уплощенный лоб. Я, не удержавшись, воскликнул:

— Вот ваш истинный предок, мисс Норткот.

— Вы полагаете? — Она вздернула брови. — Боюсь, это сомнительный комплимент. Дядю Энтони в нашей семье ни в грош не ставили.

— Неужели? Что ж, простите великодушно.

— Извиняться тут вовсе не за что. Я-то уверена, что все мои родственнички, вместе взятые, и мизинца его не стоят. Он был офицером в Сорок первом полку и погиб на Персидской войне. Так что умер он, во всяком случае, вполне достойно.

— Вот о какой смерти можно мечтать! — сверкнул глазами Каулз. — Жаль, что я выбрал никому не нужные градусники и клизмы и не пошел по стопам отца. Лучшая смерть — в бою.

— Бог с тобой, Джек, тебе еще очень далеко до смерти, — сказала она, нежно взяв его за руку.

Я положительно не мог в ней разобраться. Смесь мужской решительности и женской слабости, да еще нечто совершенно свое, особое, какая-то загадка... Потому я и затруднился ответить, когда Каулз по дороге домой задал вполне естественный вопрос:

— Ну что ты о ней думаешь?

— Что она удивительно красива, — ответил я уклончиво.

— Разумеется! — вспыхнул мой друг. — Но это ты знал и прежде.

— Кроме того, она очень умна, — продолжил я.

Баррингтон Каулз промолчал, а потом внезапно спросил:

— А она не жестока? Тебе не показалось, что ее радует чужая боль?

— Ну, знаешь, об этом мне пока трудно судить.

Мы снова замолчали.

— Старая дура... — пробормотал вдруг Каулз. — Со всем из ума выжила.

— Ты о ком? — спросил я.

— О тетке, конечно, о миссис Мертон или как там ее...

Я понял, что моя бесцветная бедняжка обращалась со своей просьбой и к нему, но о предмете разговора Каулз не обмолвился ни словом.

В тот вечер мой друг ушел спать прежде меня, а я долго еще сидел у камина, перебирая все увиденное и услышанное. Я чувствовал, что в девушке есть какая-то тайна, какое-то темное начало, ускользающее, непостижимое. Вспомнилась встреча Прескотта с невестой накануне свадьбы и трагическая развязка. В моих ушах зазвучал пьяный вопль бедняги Ривза: «Отчего она не призналась раньше?» И остальное, что он рассказывал, вспомнилось тоже. А потом всплыл боязливый шепот миссис Мертон,

бормотанье Каулза и — наконец — плетка над съезжившейся, визжавшей собачонкой.

В целом, все это складывалось в весьма неприятную картину, но в то же время обвинить девушку было не в чем. И по меньшей мере, бесполезно предостерегать друга, если толком не знаешь от чего. Он с негодованием отвергнет любое обвинение в адрес невесты. Что же делать? Как разобраться в ее характере, как узнать о ее родне? В Эдинбурге они чужаки, прежде их тут никто не знал. Девушка — сирота, откуда приехала, неизвестно. И вдруг меня осенило. Среди отцовских друзей был некий полковник Джойс, который довольно долго прослужил в Индии, в штабе. Он наверняка знает офицеров, служивших там после Восстания. И я, придвинув лампу, незамедлительно принялся за письмо к полковнику. Внешность капитана Норткота я описал очень подробно — насколько позволил несовершенный дагерротип — и добавил, что служил он в Сорок первом полку и пал на Персидской войне. Об этом человеке меня интересовало все, совершенно все. Написав конверт, я в тот же вечер отослал письмо и улегся спать с сознанием выполненного долга. Впрочем, события эти так меня растревожили, что я долго еще ворочался без сна.

II

Ответ из Лестера, где проживал по выходе на пенсию полковник Джойс, пришел спустя два дня. Вот это письмо, передо мной, и я привожу его дословно.

«Дорогой Боб. Помню его прекрасно! Мы встречались в Калькутте и позже — в Хайдерабаде. Занятный был человек, держался особняком, но солдат хороший — отличился при Собраоне и, если мне не изменяет память, даже был ранен. В полку его не любили, считали чересчур хладнокровным, безжалостным, жестоким. Ходили слухи, будто он слуга дьявола или кто-то в этом роде, что у него дурной глаз и прочая, и прочая. Были у него, помнится, прелюбопытные идеи о силе человеческой воли, о воздействии мысли на материальные предметы.

Как твои успехи на поприще медицины? Не забывай, мой мальчик, что сын твоего отца может располагать мною всецело, буду рад служить тебе и впредь.

С неизменной любовью *Эдвард Джойс*.

P.S. Кстати, Норткот вовсе не пал в бою. Уже после подписания мирного договора этот безумец пытался украсть огонь из храма солнцепоклонников и погиб при не вполне ясных обстоятельствах».

Я перечел это послание несколько раз, сначала — удовлетворенно, потом — разочарованно. Информация интересная, но я ждал чего-то совсем иного. Норткота считали эксцентричным человеком, слугой дьявола, боялись его сглаза. Что ж, взгляд племянницы — холодный, стальной, недобро мерцающий — вполне может навлечь любую беду, любое зло. Но мои ощущения ничего не доказывают. А нет ли в следующей фразе более глубокого смысла? «...идеи о силе человеческой воли, о воздействии воли на материальные предметы». Когда-то и я читал подобный трактат об особых способностях некоторых людей, о воздействии на расстоянии. В ту пору, однако, я считал это попросту шарлатанством. Быть может, мисс Норткот тоже наделена выдающимися способностями такого рода? Эта идея укоренилась во мне крепко, а вскоре я получил явное подтверждение своей правоты.

Как раз в ту пору я наткнулся в газете на объявление: к нам едет доктор Мессинжер, известный медиум и гипнотизер — из тех, чье искусство не отрицают даже знатоки и разоблачители всевозможных трюков. Он считался крупнейшим из современных авторитетов в области животного магнетизма и электробиологии. Я твердо решил посмотреть, на что же способна его воля — там, под лучами прожекторов, на глазах у сотен людей. И мы с несколькими однокурсниками отправились на премьеру.

Билеты купили загодя, в боковую ложу; когда приехали, представление уже началось. Не успел я сесть, как увидел внизу, в третьем или четвертом ряду партера, Баррингтона Каулаза с невестой и старой миссис Мертон. Они меня тоже заметили, мы раскланялись. Первая половина лекции была вполне банальна; пара расхожих трюков, несколько гипнотических воздействий — на собственного ассистента. Нам продемонстрировали и ясновидение: введя ассистента в транс, доктор заставил его подробно рассказать, что делают отсутствующие друзья и где находятся спрятанные предметы. Сеанс шел гладко, но ничего нового для себя я пока не видел. Когда же он начнет гипнотизировать кого-нибудь из публики?

Мессинжер приберег это под конец.

— Вы убедились, что загипнотизированный человек полностью попадает под власть гипнотизера. Он начисто лишается волеизъявления; воля властелина диктует все — вплоть до мыслей, которые родятся в вашей голове. Подобных результатов можно достичь и вне специальных гипнотических сеансов. Даже на расстоянии сильная воля способна поработить слабую, подчинить себе ее желания и поступки. И если бы на Земле, допустим, нашелся человек с волей на порядок более сильной, нежели у нас с вами, он вполне мог бы править миром, и люди стали бы марионетками в его руках. К счастью, сила человеческой воли имеет природный потолок, и относительно этого потолка все мы сильны, а вернее, слабы одинаково... Так что подобная катастрофа человечеству пока не грозит. Однако в определенных, весьма узких пределах, людская воля все же бывает сильнее и слабее. Потому-то столь велик интерес к моим сеансам. Итак, сейчас я заставляю — да-да, заставляю усилием воли — кого-нибудь из публики выйти на сцену. И человек этот будет делать и говорить только то, что пожелаю я. Предварительный сговор совершенно исключается и, поверьте, избранного мною человека ничто не будет подстегивать, кроме моей воли.

С этими словами Мессинжер подошел к самому краю сцены и оглядел первые ряды партера. Крайняя возбужденность и впечатлительность, отличавшие Каулза, несомненно, отражались на его смуглом нервном лице, в его пылающем зоре, и, мгновенно выделив его, гипнотизер глянул Каулзу прямо в глаза. Мой друг удивленно вздрогнул и уселся плотнее, точно решив ни за что не поддаваться гипнотизеру. На сцене же стоял Мессинжер — на вид самый обычный, ничем не выдающийся человек, но напряженный взгляд его был тверд и неумолим. И вот под этим взглядом Каулз несколько раз дернулся, точно пытаясь удержаться напоследок за подлокотники кресла, затем приподнялся... И — плюхнулся обратно, совершенно без сил. Я следил за ним неотрывно, но вдруг обратил внимание на мисс Норткот. Она не сводила с гипнотизера стального, пронзительного взгляда. Такого неистового порыва воли я не видел никогда и ни у кого. Зубы, сжатые до скрежета, плотно сомкнутые губы, лицо, словно окаменевшее, беломраморное, прекрасное... А серые холодно мерцающие из-под сдвинутых бровей глаза все сверлили и сверлили Мессинжера.

Я перевел взгляд на Каулза: вот сейчас он встанет, сейчас подчинится воле гипнотизера. Вдруг со сцены донесся вскрик, отчаянный вскрик сдавшегося, обессиленного в долгой борьбе человека. Мессинжер, весь в поту, рухнул на стул и, прикрыв рукой глаза, произнес:

— Я не могу продолжать. Здесь, в зале, есть воля сильнее моей. Она мешает. Простите... Сеанс окончен...

Гипнотизер был в ужасном состоянии. Занавес упал, и публика стала расходиться, бурно обсуждая неожиданное бессилие Мессинжера.

Я дожидался Каулза и его спутниц на улице. Мой друг радовался неудаче гипнотизера.

— Боб, со мной у него не вышло! — торжествующе воскликнул он, пожимая мне руку. — Не по зубам оказался орешек!

— Еще бы! — подхватила мисс Норткот. — Джеку есть чем гордиться. У него очень сильная воля, правда мистер Армитейж?

— Но и мне туго пришлось, — продолжал Каулз. — Несколько раз показалось — все, силы кончились. Особенно перед тем, как он сдался.

Вместе с Каулзом я отправился провожать дам. Он шел впереди, поддерживая миссис Мертон; мы с девушкой оказались сзади. Сначала шли молча, а потом я вдруг резко, вероятно, даже испугав ее, произнес:

— Мисс Норткот, а ведь это сделали вы!

— Что именно?

— Загипнотизировали гипнотизера. Иначе, наверное, и не скажешь.

— Что за нелепость? — засмеялась она. — Вы, значит, полагаете, будто у меня сильнее воля?

— Да. И очень опасная.

— Чем же она опасна? — удивилась мисс Норткот.

— Я полагаю, что любая чрезмерная сила опасна, если использовать ее во зло.

— Вы, мистер Армитейж, из меня какое-то чудовище делаете, — сказала она. А потом, взглянув на меня в упор, продолжила:

— Вы меня не любите. И всегда меня в чем-то подозревали, не доверяли мне, хотя я никакого повода не давала.

Обвинение было настолько неожиданным и точным, что я не нашелся, что возразить. Она же, помолчав, сказала жестко и холодно:

— Не вздумайте вмешиваться в мою жизнь, мистер Армитейж. И не вздумайте из предубеждения настраивать против меня вашего друга. Не стоит ссорить нас с мистером Каулзом, ни к чему хорошему это не приведет.

В ее словах, в звучании ее голоса слышалась явная угроза.

— Вмешаться не в моей власти, но я боюсь за друга, — ответил я. — То, что я видел и слышал, дает веские основания для страха.

— Ох уж эти страхи... — сказала она презрительно. — Что, интересно, вы видели и слышали? Что-нибудь от мистера Ривза? Он ведь тоже, кажется, ваш друг?

— Ривз никогда не упоминал при мне вашего имени, — сказал я, ничем не погрешив против истины. — Кстати, я должен сообщить вам печальную новость — он при смерти.

И я взглянул на девушку: проверить, какое впечатление произвели мои слова. Мы как раз проходили мимо окон, свет падал на лицо мисс Норткот. Она смеялась! Да-да, тихонько смеялась, лицо ее сияло неприкрытой радостью. Тут я испугался уже не на шутку. С этой минуты я не доверял ни единому слову мисс Норткот.

До дома дошли молча. Прощаясь, она взглянула на меня предостерегающе. «Не вздумайте мешать мне, это опасно», — читалось в этом взгляде. Однако меня не останавливали бы никакие угрозы, если б имелся очевидный способ защитить Баррингтона Каулза. Но какой? Рассказать ему? О чем? Что женихов этой девушки преследует злой рок? Что его невеста жестока? Что в ней таится сверхчеловеческая воля?.. Для страстно влюбленного Каулза все это сущие мелочи. Человек такого склада просто не поверит, что его любимая виновата или нехороша. И я молчал.

В рассказе моем наступает перелом. Все, описанное доселе, основано на предположениях, логических рассуждениях и выводах. А теперь я, уже как непосредственный свидетель, обязан бесстрастно и точно описать смерть моего друга и то, что ей предшествовало.

В конце зимы Каулз заявил, что хочет жениться на мисс Норткот не откладывая, вероятно — весной. Он, как я уже говорил, был вполне состоятельным человеком, у невесты его тоже имелись сбережения. Причин для отсрочки не было.

— Мы снимем домик на Косторфайне и надеемся, что ты нет-нет да и заглянешь на огонек, — сказал он мне.

Я поблагодарил, отгоняя дурное предчувствие и убеждая себя, что все обойдется.

Недели за три до свадьбы Каулз предупредил меня, что вернется за полночь.

— Кейт прислала записку. Просит зайти вечером, часов в одиннадцать. Поздновато, конечно, но она, должно быть, хочет обсудить что-нибудь по секрету от старушки.

Каулз ушел. Лишь тогда я вспомнил о таком же ночном разговоре мисс Норткот с беднягой Прескоттом — как раз перед его самоубийством. Вспомнился мне и горячий бред Ривза, о смерти которого, по трагическому совпадению, я узнал именно в тот день. Что же все это значит? Быть может, у прекрасной ведьмы есть какой-то секрет, который она непременно раскрывает накануне свадьбы? А может, ей запрещено выходить замуж? Или на ней нельзя жениться? Меня снедало беспокойство. Я наверняка догнал бы Каулза и попытался отговорить его от встречи с невестой — пускай даже с риском потерять его дружбу, — но, взглянув на часы, понял, что опоздал.

И решил не ложиться, а дожждаться его возвращения. Подбросил угля в камин, снял с полки какой-то роман... Вскоре, однако, я отложил книгу: собственные мысли, тревожные и гнетущие, занимали меня куда больше. Двенадцать, половина первого, Каулза все нет. Наконец уже около часа ночи с улицы донеслись шаги, потом раздался стук в дверь. Я удивился: мой друг никогда не выходил без ключей. Поспешив вниз, я распахнул дверь и понял, что сбылись мои худшие опасения. Баррингтон Каулз стоял, прислонясь к перилам лестницы, низко опустив голову — в полнейшем, бездонном отчаянии. Переступая порог, он пошатнулся и упал бы, не обхвати я его за плечи. Так, одной рукой поддерживая друга, сжимая фонарь в другой, я довел Каулза до нашей гостиной. Он молча повалился на кушетку. Здесь было светлее, чем на лестнице, и, взглянув на друга, я ужаснулся разительной перемене, происшедшей с ним за эти часы. Лицо, даже губы мертвенно бледные, щеки и лоб в липком поту, взгляд блуждает — короче, другой человек! Он словно пережил какое-то страшное потрясение, глубоко поколебавшее самые глубины его разума и чувств.

— Милый друг, что случилось? — отважился я нарушить молчание. — Надеюсь, ничего ужасного? Ты здоров?

— Бренди! — выдохнул он наконец. — Налей мне бренди!

Не успел я достать графин, он выхватил его трясущейся рукой и плеснул себе в стакан чуть не половину. Обыкновенно он был весьма воздержан, но сейчас выпил бренди залпом, не разбавляя. Похоже, спиртное придало ему сил, щеки слегка порозовели. Каулз приподнялся на локте.

— Свадьбы не будет, — сказал он с нарочитым спокойствием. Впрочем, голос его заметно дрожал. — Все кончено.

— Ну и не грусти! — попытался я ободрить его. — У тебя вся жизнь впереди. А что, собственно, случилось?

— Что случилось? — простонал он, закрыв лицо руками. — Боб, ты не поверишь. Это слишком страшно, слишком ужасно... невысказанно... непостижимо... — Он горестно замотал головой. — Ох, Кейт, моя Кейт! Я считал тебя ангелом во плоти, а ты...

— А ты? — повторил я. Мне очень хотелось, чтобы Каулз договорил.

Он посмотрел на меня отрешенно и вдруг воскликнул:

— Чудовище! — Он воздел руки к небу. — Исчадие ада! Вампир, прикинувшийся агнцем! Боже, Боже, прости меня... — Он отвернулся к стене. — Я и так сказал слишком много, — произнес он едва слышно. — Но я люблю ее, я не в силах ее проклясть. Я люблю ее по-прежнему.

Умолкнув, Каулз лежал теперь неподвижно, и я было обрадовался, что алкоголь его усыпил. Вдруг он повернулся ко мне.

— Слышал когда-нибудь про оборотней? — спросил он.

— Слышал.

— Знаешь, у Мариетта¹ в одной книге есть прекрасная женщина — она ночью превратилась в волка и сожрала собственных детей. Интересно, откуда он взял этот сюжет?

Мой друг, глубоко задумавшись, снова умолк. Потом попросил еще бренди. Под рукой у меня оказался опий и, наливая бренди, я щедро подмешал туда порошка. Каулз выпил и снова уткнулся головой в подушку.

¹ Мариетт Фредерик (1792—1848), английский писатель.

— Что угодно, только не это... — простонал он. — Смерть и то лучше... Какой-то замкнутый круг: жестокость, преступление, снова жестокость... Все, что угодно, только не это, — повторял он монотонно. Наконец, слова стали неразличимы, веки его сомкнулись, и Каулз погрузился в тяжелый сон. Я бережно перенес его в спальню и, соорудив себе лежанку из стульев, провел возле него всю ночь.

Проснулся Баррингтон Каулз в сильнейшем жару. Многие недели был он меж жизнью и смертью. Его лечили все медицинские светила Эдинбурга, и сильный, крепкий организм Каулза одолел болезнь. Все это время я не отходил от его постели, но даже в самом бессвязном бреду с его губ не слетело ни слова, приоткрывшего бы мне тайну мисс Норткот. Иногда он произносил ее имя — нежно и благоговейно. Иногда же опять восклицал: «Чудовище!» — и отталкивал ее, невидимую, точно спасаясь от цепких рук. Несколько раз говорил, что не продаст душу за красоту. Чаще же всего он жалобно повторял: «Но я люблю ее, люблю... Я не смогу разлюбить...»

Мой друг выздоровел, но это был уже не прежний Каулз, а совершенно иной человек. Лишь глаза на изможденном долгой болезнью лице блестели по-прежнему, пылали из-под темных густых бровей. Каулз стал эксцентричен, непредсказуем: то раздражался беспричинно, то невпопад хохотал. Прежней естественности не было и в помине. Порой он испуганно озирался, но, похоже, и сам не сказал бы определенно, чего он все-таки боится. Имя Норткот больше не упоминалось — ни разу до того рокового вечера.

Я же все пытался отвлечь друга от печальных мыслей, пытался разнообразить его впечатления: мы облазили все живописные уголки в горах Шотландии и все восточное побережье. Однажды нас занесло на остров Мей, что отделяет Ферт-оф-Форт от моря. Туристский сезон еще не начался, на острове, голом и пустынном, оставались лишь смотритель маяка да несколько бедных рыбацких семей; рыбаки пробавлялись жалким уловом, который приносили сети, и ловили на мясо бакланов и прочих морских птиц.

Это унылое место буквально заворожило Каулза, и мы недели на две сняли комнатенку в рыбацкой хижине. Я сразу заскучал, зато на моего друга одиночество явно оказывало благотворное действие. Отступила постоянная ныне настороженность, он ожил, стал слегка походить на

себя прежнего. Целыми днями бродил по острову, взбирался на вершины громадных прибрежных утесов и смотрел на зеленые валы: как накатываются с ревом, как разбиваются на тысячи брызг у его ног.

Однажды вечером, на третий или четвертый день нашего пребывания на острове, мы с Баррингтоном Каулзом вышли перед сном подышать — комната наша была мала, к тому же чадила лампа, и духота стояла одуряющая. Тот вечер мне запомнился до мельчайших подробностей. Надвигался шторм, с северо-запада гнало черные тучи, они то скрывали луну, то расступались, и она снова струила бледный свет на изрытую непогодой землю и беспокойное море.

Мы беседовали в трех шагах от дома; казалось, к Каулзу возвращается прежняя жизнерадостность. Но не успел я подумать, что друг мой наконец оправился от болезни, как вдруг он вскрикнул испуганно и резко, и на лице его, освещенном луной, отразился неизъяснимый ужас. Глаза неотрывно глядели на что-то невидимое, оно явно приближалось, и Каулз указал длинным дрожащим пальцем:

— Смотри! Это она! Она! Видишь, там, на склоне?!

Он ухватил меня за запястье.

— Видишь? Вон же она, идет прямо к нам!

— Кто?! — Я отчаянно вглядывался в темноту.

— Она... Кейт! Кейт Норткот! — выкрикнул он. — Она пришла, пришла за мной. Не отпускай меня, друг! Держи меня крепче!

— Да будет тебе, старина, — сказал я бодро, хлопнув Каулза по плечу. — Очнись! Бояться нечего, тебе померещилось.

— Ушла... — Он с облегчением вздохнул. — Ах нет, вон же она, все ближе, ближе!.. Грозилась ведь, что придет за мной. Она сдержала слово.

— Пойдем-ка в дом, — сказал я, взяв его за холодную как лед руку.

— Я так и знал! — закричал он. — Вот она, совсем близко, машет, зовет меня... Это знак. Я должен идти. Я иду, Кейт! Иду...

Я вцепился в него обеими руками, но Каулз стряхнул меня, точно букашку, и ринулся в темноту. Я поспешил следом, умоляя Каулза остановиться, но он бежал все быстрее. Меж туч проглядывала луна, и я увидел его темный силуэт: мой друг бежал прямо, никуда не сворачивая,

точно стремясь к невидимой цели. А вдали — если это только не игра воображения — я различил в неверном свете призрачное нечто, оно ускользало от Каулза и манило его за собой вперед и вперед. Вот силуэт Каулза явно отпечатался на фоне неба: он застыл на миг на вершине холма и — сгинул. Больше Баррингтона Каулза не видели на этом свете.

Мы с рыбаками прочесывали остров ночь напролет, облазили все гроты и бухточки, но мой бедный друг как сквозь землю провалился. Убежал он в сторону острых прибрежных утесов, круто обрывающихся к морю. Земля тут на самом краю осыпалась, сбита, похоже, ногой человека. Мы подползли к обрыву и, свесив фонари, заглянули вниз, в двухсотфуттовую пропасть с бурлящей на дне пеной. И оттуда вдруг, сквозь рев шторма и вой ветра, до нас донесся дикий, безумный звук. Рыбаки, народ суеверный, божились, что это женский смех. Сам я думаю, что кричала какая-нибудь морская птица, вспугнутая с гнезда светом фонарей. Так или иначе, звук был ужасен — не приведи Бог услышать такое снова. Моя печальная повесть подошла к концу. Говорить о смерти Баррингтона Каулза мне безмерно тяжело, но я, тем не менее, постарался описать эту смерть и все, что ей предшествовало, с максимальной достоверностью и точностью.

Уверен, что многие не найдут в моей истории ничего примечательного. Вот, скажем, вполне прозаическая заметка, опубликованная в газете «Шотландец» через день после трагедии:

«Печальное происшествие на острове Мей. Остров Мей стал свидетелем весьма печального происшествия. В этом отдаленном уголке поправлял здоровье мистер Джон Баррингтон Каулз. Он был широко известен в университетских кругах как один из наиболее талантливых студентов, обладатель приза Нила Арнота за успехи на поприще физики. Позапрошлой ночью мистер Каулз неожиданно оставил своего друга мистера Роберта Армיתейжа и скрылся. С тех пор о нем ничего неизвестно. Предполагают, что он сорвался в море с прибрежных скал. Сомнений в этом, увы, почти нет. В последнее время мистер Каулз не отличался крепким здоровьем, здесь сыграли свою роль и переутомление, и семейные волнения. Ранняя смерть унесла одного из самых многообещающих студентов нашего университета».

Мне же добавить больше нечего. Камень с души сброшен: теперь вы знаете все, что прежде знал только я. И вряд ли кто — по зрелом размышлении — отважится обвинить мисс Норткот в смерти Баррингтона Каулза. Если человек от природы впечатлителен, если он, жестоко разочаровавшись, в конце концов кончает жизнь самоубийством, нет никаких оснований обвинять в его смерти любимую им девушку. Так скажут многие, и переубеждать их я не стану. Но я эту женщину обвиняю. Именно она убила Уильяма Прескотта, Арчибальда Ривза и Джона Баррингтона Каулза. Я в этом уверен абсолютно — как если бы видел, что она всаживает каждому острый кинжал прямо в сердце.

Вы, разумеется, попросите объяснений. У меня их нет. Лишь смутно, на ощупь, могу я искать разгадку. Очевидно, мисс Норткот обладала необычайной способностью поработать людей, подчиняя себе их волю и тело. Очевидно также, что — сообразно своей натуре — она использовала свою власть над ближними ради низких и жестоких целей. Полагаю, что за всем этим кроется некая чудовищная, ужасная тайна, та самая тайна, которую она обязана была, согласно непреложному правилу, открыть перед свадьбой. Тайна была воистину ужасна: всех троих женихов вызвала мисс Норткот на роковой разговор, и все трое, влюбленные без памяти, отвратились от невесты, узнав ее страшный секрет. К трагедиям же, на мой взгляд, привела месть. Девушка предательства не прощала и сразу предупреждала, что будет мстить — это явствует из слов Ривза и Каулза. Вот и все. Факты изложены строго по порядку. Мисс Норткот я с тех пор не встречал, да мне, откровенно говоря, и не хочется ее видеть. Если же печальная повесть о смерти моего бедного друга послужит кому-то уроком, если хоть одну человеческую жизнь удастся уберечь от блеска глаз этой женщины, от ее магической красоты, я откладываю перо со спокойной душой — я потрудился не зря.

Кожаная воронка

Мой приятель Лионель Дакр жил в Париже на авеню Ваграм, в том небольшом доме с чутунной оградой и зеленой лужайкой спереди, что стоит по левую сторону улицы, если идти от Триумфальной арки. По-моему, он стоял там задолго до того, как была проложена авеню Ваграм, поскольку его серые черепицы поросли лишайником, а стены выцвели от старости и покрылись плесенью. Со стороны улицы дом кажется небольшим — пять окон по фасаду, если мне не изменяет память, — но он продолговат, и при этом всю его заднюю часть занимает одна большая вытянутая комната. Здесь, в этой комнате, Дакр поместил свою замечательную библиотеку оккультной литературы и коллекцию диковинных старинных вещей, которую он собирал ради собственного удовольствия и ради развлечения своих друзей. Богач, человек утонченных и эксцентричных вкусов, он потратил значительную часть своей жизни и своего состояния на создание совершенно уникального частного собрания талмудических, кабалистических и магических сочинений, по большей части редчайших и бесценных. Особенно привлекало его все непостижимое и чудовищное, и, как я слышал, его эксперименты в области неведомого переходили все границы благопристойности и приличия. Другьям-англичанам он никогда не рассказывал об этих своих увлечениях, придерживаясь тона ученого и коллекционера-знатока, но один француз, чьи вкусы имели сходную направленность, уверял меня, что в этой просторной и высокой комнате, среди книг его библиотеки и диковинок музея, отправлялись самые непотребные обряды черной мессы.

Внешность Дакра с достаточной наглядностью свидетельствовала о том, что к этим тайнам психики он питал не духовный, а сугубо интеллектуальный интерес. В его полном лице не было ни намека на аскетичность, зато огромный купол его черепа, который круто вздымался над оборкой редеющих локонов, как снежная вершина над кромкой елового леса, говорил о мощном интеллекте. Познания явно преобладали у него над мудростью, а сила

способностей — над силой характера. Его маленькие, глубоко посаженные глазки, живые и блестящие, искрились умом и жадным любопытством к жизни, но это были глаза сластолюбца и самовлюбленного индивидуалиста. Впрочем, хватит о нем: бедняги уже нет в живых — он умер в тот блаженный момент, когда окончательно уверовал в то, что наконец открыл эликсир жизни. Речь у нас пойдет не о его сложной натуре, а об одном чрезвычайно странном и необъяснимом случае, который произошел, когда я гостил у него ранней весной 1882 года.

Познакомился я с Дакром в Англии, когда занимался исследованиями в ассирийском зале Британского музея, где тогда же работал и он, пытаюсь разгадать тайный мистический смысл древних вавилонских письмен. Общность интересов сблизила нас. От обмена случайными фразами мы перешли к ежедневным беседам, и между нами завязалось некое подобие дружбы. Я пообещал навеститься к нему в следующий свой приезд в Париж. В тот раз, когда я, выполняя обещание, навестил его, я жил за городом, в Фонтбло, а так как вечерние поезда отходили в неудобное время, он предложил мне остаться у него на ночь.

— У меня только одно свободное ложе, — сказал он, указывая на широкий диван в просторной комнате, служившей библиотекой и музеем, — надеюсь, вам здесь будет удобно.

Это была необычайная спальня, с высокими стенами из коричневых фоллиантов, но для книжного червя вроде меня нет ничего милей такой мебели, как нет для моих ноздрей аромата приятней едва уловимого тонкого запаха, исходящего от старинной книги. Я заверил его, что не мог бы и пожелать себе более восхитительной спальни и более подходящего антуража.

— Если эту обстановку не назовешь ни удобной, ни обычной, то уж во всяком случае она дорогая, — проговорил он, окидывая взглядом полки. — На все то, что окружает вас здесь, я потратил, наверное, четверть миллиона. Книги, оружие, геммы, резные украшения, гобелены, статуэтки — чуть ли не каждая вещь тут имеет свою историю и, как правило, достаточно интересную, чтобы ее рассказать.

Мы разговаривали, сидя у горящего камина, он — по одну сторону, я — по другую. Справа от него стоял стол для чтения, в кружке яркого золотистого света от висящей над ним сильной лампы. На столе лежал наполовину

развернутый палимпсест, возле которого валялось много причудливых антикварных вещей. Среди них была большая воронка, какими пользуются для заполнения винных бочек. Судя по ее виду, она была сделана из черного дерева и окаймлена ободками из потускневшей меди.

— Вот любопытная вещь, — заметил я. — Какова ее история?

— А! — воскликнул он. — У меня было основание задать себе этот же вопрос. Я бы много отдал, чтобы знать точный ответ. Возьмите-ка ее в руки и осмотрите как следует.

Повертев ее в руках, я обнаружил, что на самом деле она вовсе не из дерева, как мне показалось, а из кожи, только ссохшейся и затвердевшей от времени. Это была большая воронка, вмещавшая, вероятно, целую кварту. Медный ободок окаймлял ее широкий конец, но горлышко тоже имело металлический наконечник.

— Ну, что вы о ней скажете? — спросил Дакр.

— По-моему, эта штука принадлежала какому-нибудь средневековому виноторговцу или солодовнику, — предположил я. — В Англии я видел высокие пивные кружки из просмоленной кожи, такие же черные и твердые, как эта воронка. Ими пользовались в семнадцатом веке.

— Пожалуй, она относится примерно к тому же времени, — сказал Дакр, — и ею, несомненно, пользовались для вливания жидкости в сосуд. Однако, если мои подозрения верны, пользовался ею престранный виноторговец и заполнял он престранный сосуд. Не замечаете вы ничего необычного у горлышка воронки?

Поднеся ее к свету, я обратил внимание на то, что дюймах в пяти над медным наконечником узкое горлышко кожаной воронки как бы исцарапано и зазубрено, как если бы кто-то кромсал его тупым ножом. Только в этом месте гладкая черная поверхность имела шероховатый, неровный вид.

— Кто-то пытался отрезать горлышко.

— Разве это похоже на надрез?

— Кожа порвана и измочалена. Нужна была немалая сила, чтобы оставить следы на таком твердом материале, каким бы инструментом при этом ни пользовались. Но что вы-то об этом думаете? Я же вижу, что вы знаете больше, чем говорите.

Дакр улыбался, и его глазки знающе поблескивали.

— Входит ли в круг ваших ученых занятий психология сновидений? — спросил он.

— Я даже не подозревал о такой психологии.

— Друг мой, вон та полка над шкафом с геммами сплошь заполнена томами и томами, написанными исключительно на эту тему, начиная от сочинений Альберта Великого и далее. Это же целая наука.

— Наука шарлатанов.

— Шарлатан всегда первопроходец. Из астролога вышел астроном, из алхимика — химик, из гипнотизера — психолог-экспериментатор. Вчерашний знахарь — это завтрашний профессор. Даже такая тонкая и неуловимая субстанция, как сны, со временем будет систематизирована и упорядочена. И когда это время придет, изыскания наших друзей там, на полке, превратятся из забавы мистики в основы науки.

— Предположим, что так оно и будет, но какое отношение к науке о сновидениях имеет большая черная воронка с медным ободком?

— Сейчас скажу. Как вам известно, у меня есть агент, который постоянно охотится за редкими и антикварными вещами для моей коллекции. Несколько дней тому назад он прослышал, что антиквар, торгующий на одной из набережных, приобрел кое-какой старый хлам, найденный в чулане дома старинной постройки на задворках улицы Матюрен в Латинском квартале. Столовая в этом старинном доме украшена гербом в виде щита с шевронами и красными полосами на серебряном поле; как выяснилось, это был герб Никола де ла Рейни — вельможи, который занимал высокую государственную должность в правление короля Людовика XIV. Другие предметы, обнаруженные в чулане, относятся, как было с несомненностью установлено, к раннему периоду правления этого короля. Отсюда вывод: все эти вещи принадлежали упомянутому Никола де ла Рейни, в обязанности которого, насколько я понимаю, входило обеспечить соблюдение драконовских законов той эпохи и следить за их исполнением.

— И что из этого следует?

— Возьмите воронку в руки еще раз и внимательно рассмотрите верхний медный ободок. Не различаете ли вы на нем какой-нибудь надписи?

На медной поверхности и впрямь виднелись какие-то черточки, почти стертые временем. Общее впечатление

было такое, что это несколько букв, из которых последняя несколько напоминала большую букву «Б».

— Вам не кажется, что это Б?

— Да.

— Мне тоже. Больше того, я нисколько в этом не сомневаюсь.

— Но ведь у вельможи, о котором вы рассказывали, стоял бы другой инициал — Р.

— Вот именно! В этом-то вся прелесть. Он был владельцем этой занятой вещицы, но притом пометил ее чужими инициалами. Почему?

— Понятия не имею. А вы?

— Может быть, догадываюсь. Вы не замечаете, подальше на ободке как будто что-то изображено?

— Похоже, корона.

— Корона, вне всякого сомнения: однако, если вы приглядитесь при хорошем освещении, вы увидите, что это не совсем обычная корона. Это геральдическая корона — эмблема титула, а так как составляют ее четыре жемчужины, чередующиеся с земляничными листьями, это безусловно эмблема маркиза. Значит, человек, чьи инициалы заканчиваются на букву Б, имел право носить такую корону.

— Так что же, выходит, эта обычная кожаная воронка принадлежала маркизу?

Дакр загадочно улыбнулся.

— Или кому-то из членов семьи маркиза, — сказал он. — Хотя это мы с достаточной определенностью вывели из надписи на ободке.

— Но какая же тут связь со снами? — Не знаю уж, то ли потому, что я уловил что-то такое в выражении лица Дакра, то ли потому, что мне что-то передалось через манеру его речи, только глядя на этот старый, покоробившийся кусок кожи, я вдруг почувствовал отвращение и безотчетный ужас.

— Из снов я не раз получал важную информацию, — заговорил мой собеседник наставительным тоном, так как питал слабость к поучениям. — Теперь, когда у меня возникают сомнения насчет каких-нибудь существенных моментов атрибуции, я, ложась спать, непременно кладу интересующий меня предмет рядом с собой в надежде что-то узнать о нем во сне. Мне этот процесс не кажется таким уж загадочным, хотя он и не получил еще благословения ортодоксальной науки. Согласно моей теории,

любой предмет, оказавшийся тесно связанным с каким-нибудь крайним пароксизмом человеческого чувства, будь то боль или радость, запечатлевает и сохраняет определенную атмосферу или ассоциацию, которую он способен передать впечатлительному уму. Под впечатлительным умом я разумею не нормально восприимчивый, а тренированный и образованный ум, такой, как у нас с вами.

— Вы хотите сказать, что если бы я, например, лег спать, положив рядом с собой вон ту старую шпагу, что висит на стене, мне могла бы присниться какая-нибудь кровавая переделка, в которой эта шпага была бы пущена в ход?

— Превосходный пример, потому что, сказать по правде, я уже проделал подобный опыт с этой шпагой и увидел во сне, как умер ее владелец, погибший в яростной схватке, которую я не смог опознать как какую-то известную в истории битву, но которая произошла во времена Фронды. Некоторые народные обычаи, если задуматься, свидетельствуют о том, что этот факт уже признавался нашими предками, хотя мы, мнящие себя мудрецами, отнесли его к суевериям.

— Какие, например?

— Ну, скажем, обычай класть под подушку свадебный пирог, чтобы спящему приснились приятные сны. Этот и несколько других примеров вы найдете в брошюрке, которую я сам пишу сейчас на эту тему. Но ближе к делу. Однажды я положил перед сном рядом с собой эту воронку, и мне приснилось нечто такое, что безусловно пролило весьма любопытный свет на ее происхождение и способ применения.

— И что же вам приснилось?

— Мне приснилось... — Он вдруг замолчал, и на его дородном лице появилось выражение живейшего интереса. — Честное слово, это отличная мысль! — воскликнул он. — Мы с вами проведем чрезвычайно интересный психологический опыт. Вы наверняка легко поддаетесь психическому воздействию: ваши нервы должны чутко реагировать на всякое внешнее впечатление.

— Я никогда не проверял своих способностей в этой области.

— Тогда мы проверим их этой же ночью. Могу я попросить вас об одном величайшем одолжении? Когда вы ляжете сегодня спать на этом диване, положите возле вашей подушки эту старую воронку, ладно?

Его просьба показалась мне нелепой, но моему многостороннему характеру тоже не чужда тяга ко всему причудливому и фантастическому. Я, конечно, не поверил в теорию Дакра и не думал, что эксперимент может удасться, но меня увлекла сама идея участия в подобной затее. Дакр с самым серьезным видом придвинул к изголовью моего дивана столик и положил на него воронку. Затем, перебросившись со мной еще несколькими фразами, он пожелал мне спокойной ночи и вышел.

...

Некоторое время перед тем, как лечь, я курил, сидя у догорающего камина, снова и снова возвращаясь мыслями к этому любопытному эксперименту и странным снам, которые, может быть, мне приснятся. Впечатляющая уверенность, с какой говорил Дакр, необычность всей окружающей обстановки, сама эта огромная комната со странными, сплошь и рядом зловещими предметами, развешанными по стенам, — все это, несмотря на мой скептицизм, создало у меня в душе серьезный настрой. Наконец я разделся и, потушив лампу, лег, но еще долго ворочался с боку на бок, пока не заснул. Постараюсь со всей точностью, на которую я способен, описать сцену, привидевшуюся мне во сне. Она встает сейчас у меня в памяти более отчетливо, чем что бы то ни было виденное мною наяву.

Дело происходило в комнате, похожей на склеп или подвал. От ее грубой сводчатой архитектуры с крутым куполом потолка веяло мощью. Это помещение явно было частью какого-то большого здания.

Трое мужчин в черном одеянии и в черных бархатных головных уборах странной формы — расширяющихся кверху — сидели в ряд на помосте, застеленном красным ковром. Лица их были чрезвычайно серьезны и скорбны. Слева стояли двое мужчин в длинных мантиях и с папками в руках; папки, судя по их виду, были набиты бумагами. Справа, лицом ко мне, стояла женщина маленького роста, светловолосая и с необыкновенными бледно-голубыми глазами ребенка. Была она не первой молодости, но и женщиной средних лет я бы ее не назвал. Ее фигура говорила о склонности к полноте, а осанка — о горделивой уверенности в себе. Лицо у нее было бледно, но невозмутимо спокойно. Странное впечатление производило это лицо: в его миловидных чертах проглядывало что-то

хищное, кошачье, а в линиях маленького сильного рта с узкими губами и округлого подбородка угадывалась жестокость. Одета она была в какое-то подобие свободного белого платья. Сбоку от нее стоял худой и ревностный священник, который что-то с жаром шептал ей на ухо, снова и снова поднося к ее глазам распятие. Она же отворачивала голову и продолжала пристально смотреть мимо распятия на тех троих мужчин в черном, которые, как я понял, были судьями.

Вот три судьи встали и что-то объявили; слов я не разобрал, хотя видел, что говорил тот из них, который был в центре. Затем они величественно удалились, а следом за ними — двое мужчин с бумагами. И в тот же миг в комнату поспешно вошли люди грубого обличья в коротких мужских куртках из плотной материи и сначала убрали красный ковер, а потом, разобрав помост, вынесли доски, так что освободилось все пространство комнаты. Теперь, когда помост, загораживавший глубину помещения, исчез, моему взору открылись весьма странные предметы обстановки. Один напоминал кровать с деревянными цилиндрами с обоих концов и рукояткой ворота для регулирования ее длины. Другой походил на деревянного гимнастического коня. Было там еще несколько диковинных предметов, а сверху свисали, раскачиваясь тонкие веревки, перекинутые через блоки. Все вместе имело некоторое сходство с современным гимнастическим залом.

После того как из комнаты убрали все лишнее, появилось новое действующее лицо. Это был высокий сухопарый мужчина, одетый в черное, с худым и суровым лицом. При виде этого человека я невольно содрогнулся. Одежда его, сплошь покрытая грязными пятнами, жирно лоснилась. Он держал себя с медлительным и выразительным достоинством, как если бы с его приходом все здесь поступило в полное его распоряжение. Чувствовалось, что, несмотря на его грубую внешность и грязную одежду, теперь он хозяин в этой комнате, теперь он займется здесь своим делом, теперь он станет командовать. На согнутой левой руке у него висели связки тонких веревок. Женщина смерила его с головы до ног испытующим взглядом, но выражение ее лица не изменилось. Оно оставалось уверенным и даже вызывающим. Зато священник потерял всякое самообладание. Лицо его покрылось мертвенной бледностью, на высоком покатом лбу выступили капли

пота. Воздев руки в молитве, он непрестанно наклонялся к уху женщины, бормоча какие-то отчаянные слова.

Человек в черном тем временем подошел и, сняв со стгиба локтя одну из веревок, связал женщине руки. Она сама протянула их и смиренно держала их перед собой, пока он это делал. Затем, грубо взяв женщину за руку, он подвел ее к деревянному коню, который был в высоту ей по грудь. Ее подняли и положили на коня лицом к потолку, а священник, трясшийся от ужаса, бросился вон из комнаты. Губы женщины быстро зашевелились, и хотя мне не было слышно ни слова, я понял, что она молится. Ноги ее свешивались с обеих сторон коня, и я увидел, что грубые мужланы-прислужники привязывают к ее лодыжкам веревки, прикрепляя их другим концом к железным кольцам, вделанным в каменный пол.

При виде этих зловещих приготовлений сердце у меня упало, и все же, загипнотизированный ужасом, я не мог оторвать глаз от этого странного зрелища. В комнату вошел человек с двумя полными ведрами. Другой внес вслед за ним еще одно ведро. Ведра поставили возле деревянного коня. Второй из вошедших держал в свободной руке деревянный черпак с прямой ручкой. Черпак он отдал человеку в черном. В ту же минуту к лежащей приблизился прислужник с темным предметом в руке, который даже во сне показался мне смутно знакомым. Это была кожаная воронка. С огромной силой просунул он ее... но я больше не мог вынести этого кошмара. Волосы встали у меня дыбом. Я бился и метался, выбираясь из пут сна, пока с громким криком не вырвался к собственной своей жизни. Очнувшись, я увидел, что лежу, дрожа от ужаса, в просторной библиотеке, через окно которой льется серебристый лунный свет, отбрасывая на противоположную стену причудливый переплетающийся узор из черных теней. О, каким блаженным облегчением было сознавать, что я вернулся в девятнадцатый век — вернулся из этого средневекового склепа в мир, где в груди у людей бьются человеческие сердца. Я сел на диване, ощущая дрожь во всех членах, и сознание мое раздиралось между счастливым чувством избавления и недавним ужасом. Страшно подумать, что подобные вещи когда-то совершались, что они могли совершаться и рука Господня не разила злодеев на месте! Что это было — игра воображения или же реальный отзвук чего-то такого, что происходило в черные, жестокие времена мировой истории? Дрожащими руками

обхватил я виски, в которые стучала кровь. И вдруг сердце остановилось у меня в груди. Объятый леденящим ужасом, я даже не мог вскрикнуть. Что-то приближалось ко мне из темноты комнаты.

Когда человек, не опомнившийся от пережитого ужаса, переживает его снова, это может сломить его дух. Не способный ни рассуждать, ни молиться, я сидел в немом оцепенении, глядя на темную фигуру, двигавшуюся ко мне через комнату. Но тут фигура попала в белую полосу лунного света, и я ожил. Это был Дакр, и по его лицу я понял, что он испуган не меньше, чем я.

— Господи Боже, что с вами? Что случилось? — спросил он хриплым голосом.

— О, Дакр, как я рад вашему приходу! Я побывал в аду. Какой это ужас!

— Значит, это вы кричали?

— Наверное.

— Ваш крик переполошил весь дом. Все слуги до смерти перепутаны. — Он чиркнул спичкой и зажег лампу. — Попробуем-ка снова разжечь огонь, — добавил он, подбрасывая поленья в камин, где дотлевали последние красные угольки. — Боже мой, дружище, вы бледны как мел! У вас такой вид, будто вы видели призрака.

— Так оно и было — нескольких призраков.

— Выходит, это кожаная воронка оказала-таки действие?

— Я больше не согласился бы спать рядом с этой чертовой штуковиной, предложи вы мне хоть все свое состояние!

Дакр хихикнул.

— Я так и думал, что вам предстоит рядом с ней веселенькая ночка, — сказал он. — Но и вы в долгу не остались: быть разбуженным в два часа ночи страшным криком — удовольствие маленькое! Насколько я понял из ваших слов, вы видели всю эту ужасную процедуру.

— Какую ужасную процедуру?

— Пытку водой — «допрос с пристрастием», как это называлось в славные времена Короля Солнца. Вы выдержали до самого конца?

— Нет, я, слава Богу, проснулся, прежде чем к ней приступили.

— А! Тем лучше для вас. Я продержался до третьего ведра. Но ведь это очень старая история, ее участники давным-давно в могиле, так не все ли нам теперь равно, как

они кончили? Я полагаю, вы не имеете ясного представления о том, что видели?

— Пытали какую-то преступницу. Если тяжесть наказания соразмерна с тяжестью ее преступлений, она должна была совершить поистине страшные злодеяния.

— Что ж, это маленькое утешение у нас есть, — проговорил Дакр, кутаясь в халат и наклоняясь поближе к огню. — Ее преступления и впрямь были соразмерны наказанию. Конечно, если я правильно установил личность этой женщины.

— Но каким образом вы смогли узнать кто она?

Дакр молча снял с полки старинный том в пергаментном переплете.

— Вот послушайте-ка, — сказал он. — Это написано на французском языке семнадцатого столетия, но я буду давать приблизительный перевод. А уж вы судите сами, удалось мне разгадать загадку или нет.

«Узница предстала перед судом Высшей палаты парламента по обвинению в убийстве мэтра Дре д'Обрей, ее отца, и двух ее братьев, мэтров д'Орбей, гражданского лейтенанта и советника парламента. Глядя на нее, трудно было поверить, что это и впрямь она совершила столь гнусные злодеяния, поскольку при невеликом росте обладала она благообразной внешностью, кожу имела светлую, а глаза голубые. Однако же суд, найдя ее виновной, постановил подвергнуть ее допросу, обычному и с пристрастием, дабы заставить ее назвать имена своих сообщников, после чего, по приговору суда, ее надлежало отвезти в повозке на Гревскую площадь, где и обезглавить, тело же сжечь и развеять пепел по ветру».

Эта запись сделана 16 июля 1676 года.

— Очень интересно, — сказал я, — но неубедительно. Как вы докажете, что речь тут идет о той самой женщине?

— Я к этому подхожу. Дальше в этой книге рассказывается о поведении женщины во время допроса. «Когда палач приблизился к ней, она узнала его по веревкам, которые он держал, и тотчас же протянула к нему руки, молча оглядев его с головы до ног». Что вы на это скажете?

— Да, все так и было.

— Она и бровью не повела при виде деревянного коня и колец, при помощи которых было вывернуто столько членов и исторгнуто у страдальцев столько воплей и стонаний. Когда взор ее обратился на приготовленные для

нее три ведра воды, она с улыбкой заметила: «Мсье, как видно, вся эта вода принесена сюда для того, чтобы утопить меня. Надеюсь, вы не рассчитываете заставить проглотить столько воды такую малютку, как я?» Дальше идет подробное описание пытки. Читать?

— Нет, ради Бога, не надо!

— Вот фраза, которая наверняка уж докажет вам, что вы видели сегодня во сне ту самую сцену, которая описана здесь: «Добрейший аббат Пиро, будучи не в силах вынести зрелище мук своей подопечной, поспешил выйти из комнаты». Ну как, убедились?

— Полностью. Это, вне всякого сомнения, одно и то же событие. Но кто же была она, эта женщина, такая милостивая и так ужасно кончившая?

Вместо ответа Дакр подошел ко мне и поставил лампу на столик, стоявший у изголовья моей постели. Взяв злополучную воронку, он поднес ее медным ободком близко к свету. В таком освещении гравировка казалась более отчетливой, чем вечером накануне.

— Мы с вами уже пришли к выводу, что это эмблема титула маркиза или маркизы, — сказал он. — Мы далее установили, что последняя буква — Б.

— Несомненно, Б.

— А теперь насчет других букв. Я думаю, что это, слева направо, М, М, д, О, д и — последняя — Б.

— Да, вы безусловно правы. Я совершенно ясно различаю обе маленькие буквы д.

— То, что я вам читал, — это официальный протокол суда над Мари Мадлен д'Обрей, маркизой де Брэнвилле, одной из знаменитейших отравительниц и убийц всех времен.

Я сидел молча, ошеломленный необычайностью происшедшего и доказательностью, с которой Дакр раскрыл его истинный смысл. Мне смутно вспоминались некоторые подробности беспутной жизни этой женщины: разнузданный разврат, жестокое и длительное истязание большого отца, убийство братьев ради мелкой корысти. Вспомнилось мне и то, что мужество, с которым она встретила свой конец, каким-то образом искупило в глазах парижан те ужасы, которые она творила при жизни, и что весь Париж сочувствовал ей в ее смертный час, благословляя ее как мученицу через каких-нибудь несколько дней после того, как проклинал ее как убийцу. Лишь одно-единственное возражение пришло мне в голову.

— Как же могли попасть ее инициалы и эмблема ее титула на эту воронку? Ведь не доходило же средневековое преклонение перед знатью до такой степени, чтобы украшать орудия пытки аристократическими титулами?

— Меня это тоже поставило было в тупик, — признался Дакр. — Но потом я нашел простое объяснение. Эта история вызывала к себе жгучий интерес современников, и нет ничего удивительного в том, что Рейни, тогдашний начальник полиции, сохранил эту воронку в качестве жутковатого сувенира. Не так уж часто случалось, чтобы маркизу Франции подвергали допросу с пристрастием. И то, что он выгравировал на ободке ее инициалы для сведения других, было с его стороны совершенно естественным и обычным поступком.

— А что это? — спросил я, показывая на отметины на кожаном горлышке.

— Она была лютой тигрицей, — сказал Дакр, отворачиваясь. — И как всякая тигрица, очевидно, имела крепкие и острые зубы.

Смуглая рука

Всем известно, что сэр Доминик Холден, знаменитый хирург, трудившийся чуть ли не всю жизнь в Индии, завещал свое состояние мне и что после его смерти я превратился из скромного врача, который трудится ради куска хлеба, в богатого владельца старинного поместья и огромных земель. Известно также, что у сэра Доминика было по меньшей мере пять более близких родственников, чем я, и согласно закону им-то и должно было достаться наследство, так что его выбор сочли необъяснимой причудой. Однако я уверяю всех, кто разделяет это мнение, что они глубоко заблуждаются, ибо хоть я и подружился с сэром Домиником, когда он уже был в преклонных годах, тем не менее существовали веские причины, почему он выказал таким способом свое расположение мне. Между прочим, хоть я и рассказываю эту историю сам, поверьте — мало кто оказывал когда-либо ближнему столь важную услугу, какую оказал моему индийскому дядюшке я. Вы наверняка назовете эту историю небылицей, но она столь необычна, что я просто почитаю своим долгом ее рассказать, а уж как вы к ней отнесетесь — дело ваше. Итак, приступим.

Сэр Доминик Холден, кавалер ордена Бани III степени, кавалер ордена «Звезда Индии» II степени, а также обладатель множества других наград всех и не перечислишь, прославился в свое время как самый талантливый хирург из всех наших врачей в Индии. Начал он свою карьеру в армии, но потом открыл частную практику в Бомбее и в качестве консультанта изъездил Индию вдоль и поперек. Однако главная его заслуга — Бомбейская больница для индусов, которую он построил и содержал на свои средства. Но шло время, и его железное здоровье стало сдавать под колоссальным бременем, которое он взвалил на себя еще в молодости, а коллеги-врачи принялись единодушно (хотя, подозреваю, не бескорыстно) убеждать его вернуться в Англию. Он противился сколько мог, но скоро у него появились ярко выраженные симптомы нервного расстройства, и в конце концов, окончательно сломленный, он

уехал на родину, в графство Уилтшир. Там он купил большое имение со старинным замком, которое находится у отрогов равнины Солсбери Плейн и посвятил последние годы своей жизни изучению сравнительной патологии, которой этот замечательный ученый увлекался всю жизнь и в которой был крупнейшим авторитетом.

Всю родню, как и следовало ожидать, чрезвычайно волновала весть о возвращении в Англию богатого бездетного дядюшки. Он же, отнюдь не проявляя чрезмерного радушия, все же считал долгом установить добрые отношения с родственниками, и все мы в свою очередь получили от него приглашение нанести ему визит. Кузены и кузины, побывавшие в гостях, рассказывали, что изнывали у дядюшки от скуки, и потому, когда я наконец был призван в Роденхерст, то испытал прилив противоречивых чувств. Моя жена столь демонстративно не упоминалась в письме, что первым моим побуждением было отказаться от визита, однако я не имел права забывать об интересах детей, и, получив согласие жены, я отправился пасмурным октябрьским днем в Уилтшир, совершенно не представляя, какие важные последствия повлечет за собой этот визит.

Имение моего дяди было расположено в том месте равнины, где кончаются пахотные земли и полого встают плавные склоны меловых холмов, столь характерных для ландшафта этого графства. Когда я сошел с поезда в Динтоне и кучер повез меня в имение дядюшки в гаснущем свете осеннего дня, я был поражен странной таинственностью пейзажа. Развалины гигантских древних сооружений настолько подавляли разбросанные по округе крестьянские фермы, что настоящее казалось сном — его властно, повелительно вытесняло прошлое. Дорога вилась среди поросших травой холмов, вершины которых, все до единой, увенчаны мощнейшими бастионами — круглые или квадратные, они мужественно отражают натиск стихий и тысячелетий. Кто-то называет их римскими крепостями, кто-то — британскими, однако, до сих пор так и не выяснено с достаточной степенью достоверности, кто именно построил эти укрепления и почему их так много именно здесь, в этой части Англии. На ровных пологих серо-зеленых склонах там и сям поднимались маленькие округлые холмики — могильники. Под ними лежат обращенные в пепел останки народа, глубоко зарывшего себя в эти холмы, но их могилы говорят нам только одно: в этом сосуде

покоится прах человека, который трудился некогда под солнцем.

По этой-то полной тайн местности я приблизился наконец к имению дядюшки в Роденхерсте и обнаружил, что оно удивительно гармонирует с окружающей обстановкой. Ворота, за которыми начиналась неужоженная аллея, ведущая к дому, висели на разрушающихся, облупленных столбах с искалеченными геральдическими щитами наверху. Холодный ветер шумел в кронах вязов, которыми была обсажена аллея, дождем сыпались листья. Вдали, там, где кончался мрачный свод деревьев, ровно горел желтым светом один-единственный фонарь. В последних проблесках дня я увидел длинное низкое здание с несимметричными крыльями, покатою мансардной крышей и низко свешивающимся карнизом, с узором перекрещивающихся деревянных балок на стенах — архитектура эпохи Тюдоров. Широкое зарешеченное окно слева от невысокого крыльца приветливо теплилось светом горящего камина, и, как оказалось, это было окно дядюшкиного кабинета, потому что именно туда провел меня дворецкий знакомиться с хозяином замка.

Он сидел, съевшись, у камина, непривычный к промозглому холоду английской осени. Лампу в кабинете еще не зажгли, и я увидел в красном свечении тлеющих углей лицо с крупными резкими чертами: огромный нос и выступающие скулы, как у индейца, глубокие складки, прорезающие щеки от глаз до подбородка — сумрачная маска, скрывающая необузданные страсти. При моем появлении он быстро поднялся со старомодной учтивостью манер и любезно сказал: «Добро пожаловать в Роденхерст». Внесли лампу, и я почувствовал, что его голубые глаза в высшей степени критически рассматривают меня из-под косматых бровей, точно спрятавшиеся под кустом лазутчики, и что я для моего заморского дядюшки словно открытая книга — он читает в моей душе с легкостью опытного психолога и искушенного светского человека.

Я тоже внимательно разглядывал его, потому что наружность этого человека буквально приковывала внимание. Огромного роста и могучего сложения, он так исхудал, что пиджак висел на нем как на вешалке, и меня поразило, до чего костлявы его широкие плечи. Руки и ноги у него были крупные, но иссохшие, я не мог оторвать взгляд от его запястий с выступающими костями, от длинных узловатых пальцев. Но больше всего поражали его

глаза — светло-голубые, пронизательные, острые. Поражал не столько цвет, не густые ресницы и косматые брови, из-под которых эти глаза сверкали, поражало выражение, которое я в них заметил. Для человека такого могучего сложения и с такой внушительной осанкой естественна была бы некая властность во взгляде, спокойная уверенность, а я почувствовал, что дух его сломлен и полон страха, мне представились робкие, просящие прощения глаза собаки, чей хозяин снял со стены плетку. И я, едва увидев эти изучающие и в то же время как бы молящие о пощаде глаза, поставил ему врачебный диагноз. Я решил, что у него неизлечимая болезнь, он знает, что каждую минуту может умереть, и жизнь его отравлена страхом. Вот какое я сделал заключение и, как показали дальнейшие события, ошибся; но я рассказываю об этом, чтобы вам легче было представить выражение его глаз.

Я уже сказал, что дядюшка приветствовал меня чрезвычайно любезно, и через час я сидел в уютной столовой между ним и его женой, стол был уставлен пряными экзотическими деликатесами, а из-за стула дядюшки то и дело неслышно возникал всевидящий слуга-индус. Пожилая чета вступила в ту печальную пору, которая, как это ни парадоксально, напоминает счастливое начало семейной жизни — они снова вдвоем, снова одни, дети умерли или разлетелись по свету, труд жизни завершен, и сама жизнь быстро приближается к концу. Те, кто открыл в себе такие глубины любви и преданности, кому удалось обратить суровую зиму в светлое бабье лето, вышел победителем из жизненных испытаний. Леди Холден была миниатюрная живая дама с удивительно добрыми глазами, и, когда она смотрела на своего мужа, сразу становилось ясно, как она гордится им и восхищается. Но я прочел в их взглядах не только любовь друг к другу, я прочел в них ужас и распознал в ее лице отражение того тайного страха, которое еще раньше заметил в лице сэра Холдена. Они то весело шутили, то вдруг голоса их начинали звучать грустно, причем насколько принужденным казалось их веселье, настолько естественной была грусть; я понял, что рядом со мной сидят люди, у которых тяжело на сердце.

Но вот слуги ушли, мы налили себе вина, и тут разговор коснулся темы, которая чрезвычайно волновала хозяина и хозяйку дома. Не помню, с чего зашла у нас речь о сверхъестественных явлениях, только я признался им, что, как и многие невропатологи, посвящаю довольно много

времени исследованию всякого рода отклонений человеческой психики. И в заключение поведал, как я и еще двое моих коллег, тоже являющихся членами Общества по изучению человеческой психики, провели ночь в доме, где водятся привидения. Ночь прошла без особых приключений, никаких сенсационных открытий мы не сделали, но почему-то этот рассказ в высшей степени заинтересовал моих родственников. Они слушали затаив дыхание, причем однажды я поймал многозначительный взгляд, которым они обменялись. Едва я кончил рассказывать, как леди Холден поднялась и оставила нас.

Сэр Доминик пододвинул ко мне коробку с сигарами, и несколько минут мы курили молча. Я видел, как дрожит его крупная худая рука, когда он подносил к губам свою маленькую манильскую сигару, и чувствовал, что нервы его напряжены до предела. Чутье подсказывало мне, что он готовится сделать какое-то сокровенное признание, и я не произносил ни слова, боясь спугнуть его. Наконец он резко поднял голову и посмотрел на меня с таким выражением, как будто решил на отчаянный шаг.

— Я очень мало знаю вас, доктор Хардэйкр, но мне кажется, вы именно тот человек, которого я давно ищу.

— Рад слышать это, сэр.

— У вас ясный трезвый ум. Надеюсь, вы не заподозрите меня в неискренности, ведь дело это слишком серьезное, лезть была бы просто неуместно. Вы обладаете достаточными познаниями в области, которая меня интересует, и, насколько я могу судить, относитесь к сверхъестественным явлениям как философ, а такой взгляд исключает свойственный невежеству страх. Полагаю, появление призрака не нарушит ваше душевное равновесие?

— Думаю, что нет, сэр.

— Может быть, даже заинтересует?

— В высшей степени.

— Как исследователь человеческой психики, вы, вероятно, будете наблюдать за ним столь же отвлеченно, как астроном наблюдает блуждающую комету?

— Совершенно верно.

Он тяжело вздохнул.

— Поверьте, доктор Хардэйкр, было время, когда я ответил бы в точности так же, как вы. В Индии о моем бесстрашии ходили легенды. Даже во время восстания сипаев оно не изменило мне ни на миг. А сейчас... вы видите, во что я превратился сейчас наверное, во всем графстве

Уилтшир не найти существа столь же малодушного. Не будьте так самоуверенны, когда дело касается сверхъестественного: судьба может подвергнуть вас такому же нескончаемому испытанию, какому подвергла меня, — испытанию, которое способно привести человека в сумасшедший дом или свести в могилу.

Я терпеливо ждал, когда он наконец откроет мне свою тайну. Стоит ли говорить, что начало не только заинтересовало меня, но и сильно взволновало.

— Вот уже несколько лет, — продолжал он, — как моя жизнь и жизнь моей жены обратились в кромешный ад, и причина тому не просто нелепа, она воистину смехотворна. Казалось бы, за столько-то времени можно было бы и привыкнуть к этому аду, но нет, наоборот чем дальше, тем невыносимей это постоянное напряжение: мои нервы вот-вот не выдержат. Если вы не опасаетесь за свое здоровье, доктор Хардэйкр, я просил бы вас помочь мне понять природу феномена, который так нас терзает, ибо я чрезвычайно ценю ваше мнение.

— Оно к вашим услугам, хотя я и не уверен, что скажу вам что-то путное. Могу я узнать, о каком феномене идет речь?

— Мне кажется, вы составите более непредвзятое суждение, если не будете знать заранее, с чем вам предстоит столкнуться. Кому как не вам, известна огромная роль подсознания и наших собственных субъективных впечатлений: ведь живущий в вас, ученом, скептик наверняка подвергнет сомнению то, что вы видели. Так что давайте уж примем меры предосторожности.

— Что я должен сделать?

— Я все объясню. Пойдемте со мной, прошу вас.

Мы вышли из столовой и двинулись по длинному коридору; возле последней двери сэр Доминик остановился. За ней оказалась просторная, с голыми стенами комната, оборудованная под лабораторию; здесь было множество научных приборов, инструментов и химической посуды. К одной из стен во всю длину была пристроена полка, на ней стоял длинный ряд стеклянных банок с различными органами и тканями, пораженными болезнью.

— Как видите, я не бросил своего прежнего увлечения, — пояснил сэр Доминик. — Это банки — все что осталось от некогда великолепной коллекции, остальное, увы, погибло в девяносто втором году, когда сгорел мой дом в Бомбее. Для меня это обернулось большим несчастьем во

многих отношениях. У меня были образцы редчайших заболеваний, а коллекция больных селезенки, подозреваю, не имела себе равных в мире. Только это и удалось спасти.

Я стал рассматривать коллекцию и сразу же понял, что с точки зрения врача это поистине редчайшее сокровище: увеличенные внутренние органы, зияющие полости кишк, искривленные кости, омерзительные паразиты, развивающиеся в организме человека — ярчайшая иллюстрация того, что делает с человеком Индия.

— Тут есть небольшая кушетка, видите, — продолжал хозяин поместья. — Разумеется, нам и в голову бы не пришло предложить гостю столь убогое помещение, но раз уж события приняли такой неожиданный поворот, я буду вам бесконечно признателен, если вы согласитесь провести здесь ночь. Но, может быть, подобная перспектива отталкивает вас — в таком случае вы должны без колебаний сказать мне это, прошу вас.

— Отталкивает? Напротив, — возразил я, — она меня чрезвычайно привлекает.

— Моя спальня — вторая слева, и если вы почувствуете, что вам необходимо общество, позовите меня, я тотчас буду здесь.

— Надеюсь, мне не придется тревожить ваш сон.

— Я вряд ли буду спать. У меня бессонница. Так что зовите меня, не сомневайтесь.

Условившись таким образом, мы вернулись в гостиную, где нас ждала леди Холден, и стали беседовать о предметах не столь серьезных.

Когда я сказал дяде, что с удовольствием приму участие в ночном приключении, это вовсе не было бравадой. Я никогда не стал бы утверждать, что я сильнее или храбрее кого бы то ни было, но когда вы уже сталкивались со сверхъестественным, у вас пропадает тот смутный необъяснимый ужас перед неведомым, который трудно вынести человеку с воображением. Человеческая душа не способна испытывать более одного сильного чувства одновременно, и если вас переполняет любопытство или нетерпение ученого, для страха просто не остается места. Правда, дядя мне признался, что и сам когда-то придерживался таких же взглядов, но я рассудил, что еще неизвестно, что именно надорвало его психику — сорок лет работы в Индии или нервное потрясение, которое ему пришлось пережить. У меня, во всяком случае, нервы железные, голова холодная,

и потому я закрыл за собой дверь лаборатории, чувствуя волнение и азарт охотника, который подстерегает дичь, снял обувь и пиджак и прилег на покрытую ковром кушетку.

Лаборатория оказалась далеко не самой удобной спальней. Сильно пахло разными химическими реактивами, особенно остро ощущался метиловый спирт. Да и обстановка не располагала к отдыху. Взгляд мой упирался в отвратительный ряд стеклянных сосудов с пораженными болезнью тканями и органами, которые доставили когда-то людям столько страданий. Окно было без штор, и в комнату лила свой белый свет почти полная луна, на противоположной стене горел серебряный квадрат с черным ажурным узором решетки. Когда я погасил свечу, это единственное яркое пятно во тьме комнаты сразу же вызвало у меня тревогу: мне стало жутковато. В старом доме застыла мрачная, ничем не нарушаемая тишина, я слышал тихий шепот деревьев в саду. Может быть, эта вкрадчивая колыбельная убаюкала меня или сказалась усталость трудного дня, но только я задремал, проснулся, снова задремал, долго боролся со сном, и все-таки он меня сморил — глубокий, без сновидений.

Проснулся я от какого-то звука в комнате и тотчас же приподнялся на локте. Прошло несколько часов, потому что лунный квадрат на стене сполз по стене вниз и в сторону и теперь косо лежал в ногах моей кушетки. Остальная часть комнаты была погружена в непроглядный мрак. Сначала я в нем ничего не мог разглядеть, но постепенно глаза привыкли к слабому свету, и хотя я весь трепетал от азарта исследователя, сердце мое дрогнуло: что-то медленно двигалось вдоль стены. Вот я расслышал тихое шарканье словно бы войлочных туфель, с трудом различил силуэт человека, крадущегося со стороны двери. Вот он вступил в полосу лунного света, и стало ясно видно и его самого, и его одежду. Это был мужчина, невысокий и коренастый, в просторном темно-сером балахоне до пят. Луна осветила половину его лица, и я увидел, что оно темно-коричневого цвета, а черные волосы собраны на затылке в пучок, как у женщины. Он медленно продвигался вперед, глаза его были устремлены на ряд банок, в которых хранились печальные реликвии людских страданий. Он внимательно рассматривал сосуд за сосудом. Дойдя до конца полки, который находился прямо напротив моей

кушетки, он остановился, увидел меня, в отчаянии затряс руками и исчез — как сквозь землю провалился.

Я сказал, что он затряс руками, но когда его руки взметнулись вверх в жесте отчаяния, я заметил странную особенность. У него была только одна кисть! Широкие рукава соскользнули к плечам, и левую кисть я разглядел ясно, а вот вместо правой была безобразная узловатая культя. Больше он ничем не отличался от индусских слуг сэра Доминика, а видел я его и слышал так ясно, что готов был принять за одного из них — наверное, ему что-то понадобилось в моей комнате, и он зашел сюда. Лишь его неожиданное исчезновение навело на недобрые мысли. Я вскочил с кушетки, зажег свечу и внимательно осмотрел всю комнату. Никаких следов моего гостя; и я был вынужден признать, что его появление действительно противоречило законам природы. Остаток ночи я пролежал без сна, но никто меня больше не тревожил.

Встал я по обыкновению рано, но дядя оказался еще более ранней птишкой — он уже расхаживал взад и вперед по лужайке возле дома. Когда я вышел на крыльцо, он в волнении бросился ко мне.

— Ну что, видели вы его? — крикнул он.

— Однорукого индуса?

— Именно.

— Видел. — И я рассказал ему все, что произошло ночью. Выслушав, он повел меня в свой кабинет.

— Скоро завтрак, но у нас еще есть немного времени, — сказал он. — Я успею объяснить вам это необыкновенное явление — насколько вообще можно объяснить то, что не имеет объяснения. Для начала открою вам, что вот уже четыре года этот человек приходит ко мне каждую ночь и будит, где бы я ни находился: в Бомбее ли, в каком-то пароходе или здесь, в Англии, и вы поймете, почему я сам превратился чуть ли не в привидение. Каждую ночь происходит одно и то же. Он появляется возле моей кровати, сердито трясет за плечо, потом идет из спальни в лабораторию, медленно проходит возле полки с моими банками и исчезает. Почти полторы тысячи ночей, и всегда одно и то же.

— Что ему нужно?

— Он приходит за своей рукой.

— За своей рукой?

— Да, сейчас я расскажу, как все случилось. Лет десять назад меня пригласили в Пешавар проконсультировать

больного, и, пока я был там, попросили осмотреть руку одного туземца, который шел с афганским караваном. Туземец этот был из какого-то племени горцев, которое живет Бог знает где — далеко за Гиндукушем. Говорил он на исковерканном пушту, понять его было очень трудно. У него оказалась саркома одного из пястных суставов, и я ему объяснил, что придется отнять кисть, иначе он умрет. Уговаривал я его очень долго, и наконец он согласился на операцию, а когда я ее сделал, он спросил, какое вознаграждение я с него потребую. Бедняга был чуть ли не нищий, о каком вознаграждении могла идти речь, и я в шутку сказал, что платой будет его рука, она пополнит мою коллекцию опухолей.

К моему удивлению, он решительно отказался и объяснил, что, когда человек умирает, все части тела должны быть похоронены вместе, это очень важно — ведь, согласно его религии, душа потом воссоединяется с телом, и ей нужен удобный дом. Конечно, это одно из древнейших верований человечества, сходные представления были и у египтян, потому-то они и бальзамировали своих покойников. Я ответил ему, что рука уже все равно отрезана, и поинтересовался, как же он собирается ее хранить. Он объяснил, что поместит ее в соляной раствор и будет всюду возить с собой. Я предложил оставить ее в моей коллекции — тут уж она точно не потеряется, к тому же в моих растворах сохранится лучше, чем в соляном. Убедившись, что я и в самом деле намерен бережно хранить руку, он тотчас же согласился. «Но помните, сахиб, — сказал он, — когда я умру, я приду за ней». Я засмеялся в ответ на эти слова, и тем все и кончилось. Я вернулся в Бомбей, а он, без сомнения, поправился — смог продолжать свое путешествие в Афганистан.

Вчера я уже говорил вам, что в моем доме в Бомбее случился пожар. Сгорело больше половины, и к тому же сильно пострадала моя коллекция пораженных органов и тканей. То, что вы видели, лишь жалкие остатки. Среди погибших экспонатов оказалась и рука горца, но в то время я не придавал этому большого значения. После этого прошло уже шесть лет.

А четыре года назад, через два года после пожара, я проснулся однажды ночью от того, что кто-то изо всех сил дергает меня за рукав. Я сел, решив, что это меня будит мой любимец мастифф. Но вместо собаки увидел моего давнего пациента-индуса в длинном сером балахоне, какие

носят люди его племени. Он с укором глядел на меня, показывая свою культю. Потом подошел к моим банкам, которые стояли тогда у меня в комнате, внимательно осмотрел каждую, сердито взмахнул руками и исчез. Я понял, что он только что умер и пришел за рукой, которую я обещал свято хранить для него.

Ну вот, доктор Хардэйкр, теперь вы знаете все. Эта сцена повторяется четыре года — каждую ночь, в одно и то же время. В сущности, ничего дурного горец мне не делает, но его появление вымотало меня до предела, я словно подвергаюсь пытке водой. У меня жесточайшая бессонница, я не могу заснуть — лежу и жду, когда он появится. Он отравил мою старость и старость моей жены, которая страдает не меньше меня. Слышите — гонг, приглашают к завтраку, она с нетерпением ждет нас, ей хочется знать, видели ли вы что-нибудь ночью. Мы безмерно благодарны вам за доброе участие, ведь когда друг разделил наше горе, когда он рядом, пусть даже недолго, одну-единственную ночь, нам легче выносить эту муку, вы убедили нас, что мы с женой не сумасшедшие, а порой нам кажется, что мы теряем рассудок.

Вот какую странную историю поведал мне сэр Доминик — я знаю, многие бы посмеялись над ней и, не поверили ни слову, но я после того, что приключилось со мной ночью, и после того, что мне довелось видеть раньше, я принял ее как совершенную непреложность. Я тщательно все обдумал, сопоставив с тем, что мне довелось читать и пережить. После завтрака я сказал леди Холден и сэру Доминику, что возвращаюсь следующим поездом в Лондон, чем сильно удивил их.

— Мой дорогой племянник, — воскликнул дядя в величайшем огорчении, — я понимаю, что грубо нарушил законы гостеприимства, навязав вам это злосчастное привидение. Нужно нести свой крест самому.

— Признаюсь, что моя поездка в Лондон и вправду связана с привидением, — ответил я, — но если вы думаете, что ночное приключение вызвало у меня хоть тень неудовольствия, вы ошибаетесь, уверяю вас. Напротив, я прошу у вас позволения вернуться вечером и провести в вашей лаборатории еще одну ночь. Я горю желанием еще раз встретиться с этим ночным гостем.

Дяде чрезвычайно хотелось знать, что я затеваю, но я не стал посвящать его в свой план, боясь дать надежду, которая может и не сбыться. Около полудня я уже сидел

в своей приемной и перечитывал то место в недавно вышедшей книге по оккультизму, которое привлекло мое внимание, когда я только купил ее.

«Что касается духов, связанных с землей, — писал их знаток, — то если перед смертью они были одержимы навязчивой идеей, эта идея способна удержать их в нашем материальном мире. Эти духи — своего рода амфибии, они могут существовать и в этой жизни, и в иной, как черепахи живут и на суше и в воде. Причиной того, что душа оказывается столь крепко привязанной к жизни, которую покинуло тело, может быть любая сильная страсть. Известно, что такой эффект производят алчность, жажда мести, тревога, любовь, жалость. Как правило, подобные чувства порождаются неисполненным желанием, и если желание выполнить, материальная связь слабеет. Описано немало случаев, когда духи преследуют людей с редкостным упорством, но исчезают, стоит лишь выполнить их желание, причем иногда бывает достаточно заменить предмет, которого они добиваются, чем-то сходным».

«Заменить предмет, которого они добиваются, чем-то сходным» — именно над этими словами я и размышлял все то утро: оказывается, я все правильно запомнил. Вернуть туземцу руку невозможно, а вот заменить другой — это стоит попытаться! Я поехал в Шадуэлл¹, досадуя, что поезд тащится так медленно, к моему старому Другу Джеку Хьюэтту, который работал старшим хирургом в больнице для моряков. Не посвящая его в суть дела, объяснил, что мне нужно.

— Коричневую руку индуса! — с изумлением повторил он. — Да зачем она вам, ради всего святого?

— Потом расскажу. Я знаю, у вас в больнице полно индусов.

— Да уж хватает. Но ведь вам рука нужна... — Он задумался, потом взял колокольчик и позвонил.

— Скажите, Трейверс, — обратился он к студенту-медику, который практиковался в его отделении, — что сделали с руками матроса-индийца, которые мы вчера ампутировали? Я о том бедняге из Ост-Индских доков, которого затащило в паровую лебедку.

— Его руки в секционной, сэр.

¹ Железнодорожная станция в районе лондонских доков. (Прим. пер.)

— Положите одну из них в банку с формалином и передайте доктору Хардэйкру.

Незадолго до обеда я возвратился в Роденхерст со странным предметом, который мне все же удалось раздобыть в Лондоне. Сэру Доминику я решил пока ничего не рассказывать, однако на ночь расположился в его лаборатории, где и поставил банку с рукой матроса-индийца на полку с того края, который был возле моей кушетки.

Конечно, мне было не до сна, настолько я был заинтерегован исходом опыта, который задумал поставить. Я сел, прикрутил фитиль лампы и стал терпеливо ждать ночного гостя. На сей раз я ясно увидел его сразу же, как только он появился. А появился он возле двери: сначала возник в виде туманного облака, но туман быстро сгустился и обрел четкие очертания — человек как человек, ничем не отличается от любого другого. Туфли, мелькающие из-под подола серого балахона, были красные и без пятток — а, вот, значит, откуда этот тихий шаркающий звук при ходьбе. Как и в прошлую ночь, он медленно прошел мимо банок на полке и остановился возле последней, в которой была рука. Он шагнул к ней, задрожав от радости всем телом, снял ее и впился в руку глазами, потом лицо его искажилось от горя и ярости, и он хватил банку об пол. Звону и грохоту было на весь дом, но, когда я поднял голову, однорукий индеец уже исчез. Через минуту распахнулась дверь, в комнату вбежал сэра Доминик.

— Вы живы, не ранены? — вскричал он.

— Жив и не ранен... но ужасно огорчен.

Он в изумлении уставился на осколки стекла и на коричневую руку, которая лежала на полу.

— Боже милосердный! — воскликнул он. — Что это? Я посвятил его в свой замысел, из которого, увы, ничего не вышло. Он внимательно выслушал меня, потом покачал головой.

— Мысль была превосходная, — сказал он, — но боюсь, избавить меня от страданий не так-то просто. Однако теперь вы ни под каким предлогом не будете ночевать здесь, я этого ни за что не допущу. Когда я услышал грохот, я так испугался за вас: такого ужаса я в жизни не испытывал. И не хочу еще раз испытать.

Однако он позволил мне остаться в лаборатории до утра. Безмерно расстроенный, что из моей затеи ничего не вышло, я стал думать как помочь беде. Стало светать, на полу вырисовывалась валяющаяся рука матроса, она

вновь напомнила мне, какое фиаско я потерпел. Я лежал и глядел на нее, и вдруг меня словно молнией озарило, я вскочил с кушетки, весь дрожа от возбуждения. Поднял зловещие останки. Да, так оно и есть. Это же левая рука матроса-индийца!

Первым же поездом я поехал в Лондон, в больницу для моряков. Я помнил, что индусу ампутировали обе руки, и холодел от страха, что драгоценную правую кисть, которая мне так нужна, уже сожгли в печи. Однако мои мучительные сомнения скоро развеялись. Кисть все еще была в секционной. И к вечеру я вернулся в Роденхерст, добившись того, что мне нужно, и привезя все необходимое для следующего эксперимента.

Но когда я заикнулся о лаборатории, сэр Доминик Холден и слушать меня не захотел. Как я ни умолял его, он оставался непреклонен. Он и так возмутительно нарушил традиции гостеприимства, больше он такого никогда себе не позволит. Поэтому я поставил, как и вчера вечером, банку с правой рукой на полку и отправился ночевать в уютную спальню в другом крыле дома, подальше от места, где разыгрались ночные приключения.

Но мне не суждено было мирно проспать до утра. Среди ночи в спальню ворвался с лампой в руке мой дядюшка. Огромный, худой как скелет, в развевающемся халате, он наверняка испугал бы человека со слабыми нервами больше, чем вчерашний индус. Но меня поразило не столько его появление, сколько выражение его лица. Он вдруг помолодел лет на двадцать, а то и больше. Глаза сияют, лицо счастливое, сам победно машет в воздухе рукой. Я оторопело сел и, не совсем проснувшись, уставился на своего неожиданного гостя. Но при первых же его словах сон улетучился без следа.

— Удача! Неслыханная, невероятная удача! — закричал он. — Дорогой доктор Хардэйкр, как мне благодарить вас?

— Вы что же, хотите сказать — наш план удался?

— Именно, именно! Я разбудил вас, потому что был уверен — вы не рассердитесь и будете рады столь счастливой вести.

— Рассержусь? Наоборот! Но вы уверены, что все и вправду получилось?

— Без всяких сомнений. Я в неоплатном долгу перед вами, дорогой племянник, никто не сделал бы для меня больше, чем вы, я и не представлял, что такое благодеяние

возможно. Как я смогу достойно отблагодарить вас? Это судьба послала вас ко мне, чтобы спасти меня. Вы сохранили мне рассудок и жизнь: еще полгода такого ужаса — и я попал бы в сумасшедший дом или лег в могилу. А жена — ведь она таяла у меня на глазах. Я не верил, что в человеческих силах освободить нас из этого ада. — Он схватил меня за руку и стиснул своими иссохшими руками.

— Я просто поставил опыт почти без надежды на успех и теперь безмерно счастлив, что он удался. Однако почему вы решили, что он больше не появится? Он подал вам какой-то знак?

Дядя сел в ноги моей кровати.

— Да, подал, — ответил он. — И этот знак убедил меня, что больше он меня тревожить не будет. Сейчас я вам все расскажу. Вы знаете, что индус всегда приходит ко мне в один и тот же час. Вот и сегодня он явился, как обычно, но разбудил еще более грубым толчком. Могу объяснить это лишь одним: разочарование, которое он пережил прошлой ночью, разожгло его гнев против меня. Он злобно поглядел мне в глаза и пошел по обыкновению в лабораторию. Но через несколько минут вернулся ко мне в спальню — в первый раз за все годы, что он меня преследует. Он улыбался. В темноте спальни я видел, как блестят его зубы. Он встал лицом ко мне в изножье кровати и три раза низко по-восточному поклонился — это они там так прощаются, когда желают выказать почтение. Отдав третий поклон, он высоко поднял руки над головой, и я увидел, что у него две кисти. После чего исчез — я уверен навсегда.

Вот эта-то странная история и вызвала любовь ко мне и благодарность у моего знаменитого дядюшки, прославленного хирурга из Индии. Он оказался прав: беспокойный горец перестал тревожить его и никогда больше не приходил за своей ампутированной конечностью. Сэр Доминик и леди Холден прожили счастливую, безоблачную старость, ничто, насколько мне известно, не нарушало их покоя, и умерли во время повальной эпидемии гриппа, чуть ли не в одну неделю. При жизни он всегда советовался со мной во всем, что касалось английских обычаев, с которыми он был не слишком хорошо знаком; я оказывал ему также помощь, когда он приобретал новые земли

и вводил усовершенствования в своем имении. Поэтому я не очень удивился, что он назначил наследником меня, минуя пятерых кузенов, пришедших в ярость, и я в один день превратился из провинциального врача, который трудится ради куска хлеба, в главу одного из лучших семейств Уилтшира. Во всяком случае, у меня есть все основания чтить память человека, который искал свою коричневую руку, и благословлять тот день, когда мне удалось избавить Роденхерст от его нежеланных визитов.

Сквозь пелену

Он был громадный шотландец, — буйная копна волос, все лицо в веснушках, — прямой потомок Лидсдейлского клана воров и конокрадов. Несмотря на такую родословную, он был гражданином в высшей степени основательным и здравомыслящим — городским советником в Мелроузе, церковным старостой и председателем местного отделения Христианской ассоциации молодых людей. Браун была его фамилия, и вы могли видеть ее на вывеске «Браун и Хэндлсайд, над большим бакалейным магазином посреди Хай-стрит. Его жена Мэгги Браун, в девичестве Армстронг, вышла из старой фермерской семьи с Тевiot-хедских пустошей. Она была маленькая, смуглая и темноглазая, с необычной для шотландской женщины нервной натурой. Нельзя представить себе контраста более резкого, чем этот рослый рыжеватый мужчина рядом со смуглой маленькой женщиной, а между тем, оба уходили корнями в прошлое этой земли так далеко, насколько хватало человеческой памяти.

Однажды (это была первая годовщина их свадьбы) они отправились поглядеть на раскопки римской крепости в Ньюстеде. Место оказалось не слишком живописным. От северного берега Твида, как раз оттуда, где река делает петлю, покато спускается поле. Через него-то и прошли траншеи археологов, обнажив местами старинную каменную кладку — основания древних стен. Раскопки были обширные, потому что лагерь занимал пятьдесят акров, а сама крепость — пятнадцать. Но мистер Браун был знаком с фермером — хозяином поля, и это облегчило всю их экскурсию. Они провели долгий летний вечер, бродя следом за своим проводником от траншеи к траншее, от шурфа к шурфу, разглядывали укрепления, дивились странному разнообразию предметов, которые ждали отправки в Эдинбургский музей древностей. В этот самый день нашли женскую поясную пряжку, и фермер увлекся рассказом о новой находке, как вдруг его взгляд остановился на лице миссис Браун.

— Ваша женушка притомилась, — сказал он. — Может, передохнете малость, а после еще походим.

Браун посмотрел на жену. Она и в самом деле была очень бледна, а ее темные глаза сверкали ярко и возбужденно.

— Что такое, Мэгги? Я тебя замучил! Пора возвращаться.

— Нет, нет, Джон, пожалуйста, пойдем дальше! Здесь замечательно! Как будто в стране снов: все кажется таким близким и знакомым. Долго римляне пробыли на этом месте, мистер Каннингхэм?

— Изрядно, сударыня. Надо бы вам поглядеть на помойные ямы возле кузни, вы бы поняли, сколько понадобилось времени, чтобы набить их доверху.

— А отчего они ушли?

— Как сказать, сударыня, оттого, по-видимости, что пришлось уйти. Окрестным людям стало невмоготу, тогда они поднялись, да и запалили всю крепость кругом. Вон они — следы огня на камнях, сами видите.

Быстрая, короткая дрожь пробежала по плечам женщины.

— Дикая ночь... Страшная, — сказала она. — Небо было красное в ту ночь.. и эти серые камни тоже, верно, покраснели.

— Да, наверно, и они были красные, — откликнулся муж. — Странное дело, Мэгги, и, может быть, тому причиной твои слова, но я как будто сейчас вижу все, что здесь творилось. Зарево играло на воде...

— Да, зарево играло на воде! И дым перехватывал дыхание. И дикари истошно вопили.

Старый фермер засмеялся.

— Госпожа будет писать рассказ про старую крепость, — промолвил он. — Я многих здесь водил, показывал, но ни разу еще не слыхивал, чтобы так говорили — как все равно по писаному читали. У некоторых прямо дар от Бога.

Они медленно шагали по краю рва; справа вдруг открылась яма.

— Эта яма была глубиной четырнадцать футов, — объявил фермер. — И знаете, что мы вытащили со дна? Скелет, вот что! Скелет мужчины с копьем. Я думаю, он так и помер, вцепившись в свое копьё. Но как мужчина с копьем попал в дыру четырнадцати футов глубиной?

Это не могила — мертвых они сжигали. Как вы растолкуете сударыня?

— Он спасался от дикарей и сам прыгнул вниз, — сказала женщина.

— Что ж, похоже на правду, и даже очень. Профессорам из Эдинбурга, и тем лучше не объяснить. Хорошо бы вы всегда были под рукой, чтобы так же легко отвечать на разные другие хитрые вопросы. А вот алтарь, который мы нашли на прошлой неделе. А на нем надпись. Мне сказывали, она по-латыни, и будто значение у ней такое, что, дескать, люди из этой крепости благодарят бога, который за них заступается.

Они рассматривали древний, ноздреватый камень. На верхней грани виднелись большие, глубоко врезынные буквы.

— Что это значит? — спросил Браун.

— А кто ж его знает? — откликнулся их гид.

— Валерия Виктрикс,¹ — сказала женщина тихо.

Ее лицо стало еще бледнее, глаза смотрели и не видели — так смотрят, вглядываясь в туманные пролеты под сводами столетий.

— Что это? — отрывисто спросил муж.

Она вздрогнула, словно пробуждаясь ото сна:

— О чем мы говорили?

— Об этих буквах на камне.

— Без сомнения, это имя легиона, который поставил алтарь.

— Но ты произнесла какое-то имя?

— Да что ты? Какая ерунда! Откуда мне знать, как он назывался?

— Ты сказала что-то вроде «Виктрикс» — так, по-моему.

— Наверно, я пробовала угадать. Я как-то очень странно себя чувствую на этом месте, словно я не я, а кто-то еще.

— Да, место жуткое, — согласился муж, и в его серых глазах мелькнуло что-то очень похожее на страх. — Я и сам это чувствую. Пожалуй, мы попрощаемся с вами, мистер Каннингхэм: надо вернуться домой за светом.

Но ни она, ни он не могли избавиться от странного впечатления, которое оставила в них эта прогулка по раскопкам. Словно какие-то миазмы поднялись со дна сырых

¹ Valeria Victrix — Валериев Победоносный (лат.) — название одного из римских легионов

траншей и проникли в кровь. Весь вечер оба были молчаливы и задумчивы, но и те немногие замечания, которыми они обменивались, показывали, что на уме у обоих одно и то же. Браун спал тревожно и видел странный, но вполне связный сон, видел настолько живо, что проснулся весь в поту, охваченный дрожью, как испуганный конь. Утром, когда они сели завтракать, он попытался пересказать сон жене.

— Все было очень отчетливо, Мэгги, — начал он. — Гораздо отчетливее, чем когда-нибудь наяву. Мне и теперь чудится, будто эти руки были липкие от крови.

— Расскажи мне... расскажи по порядку, — попросила она.

— Сперва я был на каком-то откосе. Я лежал, распластавшись на земле. Земля была неровная, поросшая вереском. Вокруг темнота, хоть глаз коли, но я слышал шорох и дыхание. Казалось, что по обе стороны от меня люди, много людей, но я не видел никого. Временами глухо звякала сталь, и тогда несколько голосов сразу шептали: «Ш-ш-ш!» В руке у меня была узловатая дубина с железными шипами на конце. Сердце билось быстро, я чувствовал, что близится миг великой опасности и великой тревоги. Раз я уронил дубину, и снова в темноте вокруг меня зазвучали голоса: «Ш-ш-ш!» Я вытянул руку, и она коснулась ноги человека, лежавшего впереди. Были соседи и с боков, у самого локтя. Но все молчали.

Потом мы двинулись. Казалось, весь откос начал сползать вниз. Внизу была река и горбатый деревянный мост. За мостом горели частые огни — факелы на стене. Люди крадучись скатывались к мосту. Ни звука, ни скрипа, одна лишь бархатная тишина. А потом в темноте раздался крик, крик человека, пронзенного внезапною болью до самого сердца. Одно мгновение этот одинокий крик рос, ширился и тут же сменился бешеным ревом из тысячи глоток. Я бежал. Все бежали. Сиял алый свет, и река превратилась в багровую полосу. Теперь я увидел своих товарищей. Одетые в звериные шкуры, с длинными волосами и бородами, они больше походили на бесов, чем на людей. От ярости все обезумели — то и дело высоко подпрыгивали на бегу, неистово разевали рот, размахивали руками, и красные отблески плясали на их лицах. Я тоже бежал и тоже выкрикивал проклятия, как все. Я услышал оглушительный треск бревен и понял, что палисад рухнул. Пронзительный свист наполнял уши, и я знал, что это стрелы проносятся

мимо. Я скатился на дно рва и увидел протянувшуюся сверху руку. Я схватил ее, и меня втащили на стену. Мы глядели вниз, под нами были серебряные люди с копьями. Несколько наших прыгнули прямо на копья, потом — мы, остальные, следом. Мы перебили солдат, прежде чем они успели выпростать и снова поднять свои копья. Они громко кричали на каком-то непонятном языке, но пощады не было никому. Мы прокатились по ним, как волна, и втоптали их в грязь, потому что их было мало, а нас — без числа.

Я очутился среди домов, один из них горел. Я видел, как струи пламени бьют сквозь крышу. Я побежал дальше. теперь я был один между зданиями. Кто-то промелькнул передо мной. Это была женщина. Я поймал ее за руку, взял за подбородок и повернул ей голову так, чтобы свет от пожара упал на лицо. И кто, ты думаешь, это был, Мэгги?

Жена облизнула пересохшие губы.

— Это была я, — сказала она.

Он глядел на нее в изумлении.

— Ловко угадала, — сказал он. — Да, это была именно ты. Понимаешь, не просто кто-то похожая на тебя. Это была ты, ты сама: ту же самую душу я увидел в твоих испуганных глазах. Ты была белая и удивительно красивая в огне пожара. В голове осталась одна мысль: увести тебя отсюда, чтобы ты была моей, только моей, в моем доме где-то за грядою холмов. Ты вцепилась ногтями мне в лицо. Я вскинул тебя на плечо и стал искать пути назад, от этого света горящих домов — назад, в темноту.

И тут случилось самое удивительное, то, что я запомнил лучше всего остального. Тебе плохо, Мэгги? Дальше не рассказывать? Господи! У тебя то же выражение лица, что было ночью в моем сне! Ты отчаянно завизжала. Он примчался в пламени пожара. Голова его была непокрыта. волосы черные и курчавые, в руке обнаженный меч, короткий и широкий, чуть длиннее кинжала. Он бросился на меня, но споткнулся и упал. Одной рукой я удерживал тебя, а другой...

Жена вскочила на ноги, ее черты исказились.

— Марк! — закричала она. — Мой ненаглядный Марк! Ах ты зверь! Зверь! Зверь!

Зазвенели чашки, и она без чувств упала на стол.

Они никогда не говорили об этом странном случае, который стоял особняком во всей их супружеской жизни. На миг завеса прошлого отдернулась, и мимолетная картина забытого существования коснулась их взора. Но потом занавес закрылся, чтобы не открыться больше никогда. Они продолжали жить в своем тесном кругу — для мужа он ограничивался магазином, для жены домом, — и, однако ж, новые, более широкие горизонты смутно засинели вокруг них с того летнего вечера у разрушенной римской крепости.

Карета призраков

(история благородного семейства в правление террора)

I

Господин виконт де Мори! Январским вечером 1792 года эти слова, произнесённые с порога дальней гостиной в замке де Гру, произвели необычайно сильное впечатление на его обитателей — шестерых знатных благовоспитанных особ.

Старая маркиза, восседавшая в высоком кресле возле пылающего камина, устремила свирепый и в то же время насмешливый взгляд на своего сына — маркиза, когда тот вскочил из-за стола, не доиграв в трик-трак с шевалье де Мазаном, двоюродным братом своей жены. Младшая маркиза, худая, педантичная дама сорока пяти лет, поджала губы в совершенно непозволительной гримасе, насупила и подняла полуослепшие глаза от пальцев, за которыми, согнувшись, она с невесткой — графиней де Гру — вышивала. Заметив резкое движение отца, граф тоже поднялся со стула и с величественной неторопливостью, как бы в укор встревоженным родственникам, сделал два шага к порогу.

Но что-либо сказать или изменить уже не было времени. Незванный гость прошёл в гостиную, где встретил молчаливый приём со стороны собравшихся, в глазах которых читались любопытство, гнев, презрение, холод и надменность. Ни одного дружелюбного взгляда, ни тени радушия. Щёки гостя, и без того зардевшиеся на холоде, почти побагровели, когда он раскланивался с обитателями негостеприимного салона. Наружность виконта отнюдь не давала повода к такому приёму. Это был красивый и, судя по всему, энергичный молодой человек, оказавшийся на целую голову выше мужчин, присутствовавших в гостиной. Черты лица его были весьма выразительны, и людям непредубеждённым оно бы тотчас внушило симпатию и доверие. Однако в замке де Гру виконта де Мори не без основания считали врагом. Вот почему не сразу, а после долгого колебания старая маркиза заставила себя, наконец,

отнестись к гостю как к равному и вежливо указала на свободный стул.

— Прощу садиться, сударь, — сказала она. — Вы что-то поздно разъезжаете с визитами, но, может быть, такова ныне мода. Давно я не бывала в Париже, не знаю, право, какие теперь там порядки.

— Простите, мадам, что я появился у вас в столь необычный для визитов час, — произнёс де Мори. — Но как вы, вероятно, догадываетесь, меня могло привести сюда лишь дело чрезвычайной важности.

— Ах, вот что. И чему мы обязаны столь редкой чести? — осведомилась маркиза.

— Делу, от которого зависит жизнь или смерть, мадам. Или, если угодно: быть может, зависит.

— Неужели? Однако, прежде чем мы перейдём к столь серьёзным материям, позвольте узнать от вас последние новости из Парижа. Что поделявают ваши доблестные друзья-патриоты?

— На этой неделе никаких особенных новостей не было, мадам. Разумеется, там по-прежнему волнения и беспорядки, но со временем народ уgomонится. Если конституция, которую мы разработали, будет принята, в стране наступят мир и процветание, и все прошлые распри будут позабыты.

— В таком случае, сударь, нам всем остаётся только уповать на возврат мрачного прошлого, — сказал шевалье.

— А что поделявает ваш непогрешимый герой де Лафайет? Или как вы его называете — гражданин Мотье? — усмехнулся маркиз. — Кстати, примите мои извинения за моих невежественных слуг, наградивших вас титулом во время доклада. Дело в том, сударь, что я, собственно, забыл, кто вы есть. Гражданин...

— Бернар Лавинь, — с лёгкой улыбкой подсказал молодой человек. — Надо безропотно жертвовать пустыми титулами, если народ того хочет. Однако позвольте, сударь, и мне, в свою очередь, спросить вас: совершались ли когда-либо великие, благородные дела без нелепых эксцессов?

— Быть может, и нет, — ответил маркиз. — Но чтобы оправдывать нелепости, надо самим быть благородными. Скажу вам откровенно: в последние два года я видел немало нелепостей и ужасов, но даже в самые сильные увеличительные стёкла мне не удалось разглядеть что-нибудь возвышенное и благородное.

— Нам сегодня ещё предстоит услышать нечто возвышенное и благородное, — заметила старая маркиза. — Дело, от которого зависит жизнь или смерть. Господин де Мори, извольте рассказать нам, прежде чем маркиз углубится в разговор о де Лафайете.

— Мадам, — с некоторой нерешительностью начал Бернар. Он дважды обвёл взглядом лица собравшихся, точно желая рассеять последние сомнения.

— Не беспокойтесь, — сказала мадам де Гру. — У нас не настолько слабые нервы, чтобы мы не перенесли плохих новостей. Во всяком случае, обещаю, что с нашей стороны вы не увидите никаких проявлений слабости.

Виконт отвечал поклоном.

— Мадам, — продолжал он, — до нас дошли сведения, что вы собираетесь покинуть Францию. Об этом поговаривают и в городе, и в соседних деревнях. Ходят слухи, что вы намерены выехать в парадной карете, причём открыто, торжественно, ни от кого не таясь. Дамы и господа, — объявил виконт, поднявшись со стула и решительным взглядом окидывая погружённые в полумрак лица собравшихся, — поверьте моим словам, отбросив всякие подозрения на мой счёт. При нынешних умонастроениях в народе ваше предприятие чрезвычайно опасно. Вашу карету не пропустят. Так, ища свободу, вы окажетесь за решёткой. Предупреждаю вас совершенно искренно, как друг.

После того, как молодой человек изложил своё дело, ненадолго воцарилось молчание.

— И что же, как друг, вы посоветовали бы нам предпринять? — спросил маркиз.

— Ах, дорогой маркиз, безгранично благодарен вам за этот вопрос. Вы доверитесь мне? Вы последуете моему совету? В таком случае умоляю и заклинаю вас: оставайтесь в замке, откажитесь от всяких помыслов об эмиграции. Здесь, у себя дома, вы в относительной безопасности. Ещё есть люди, которые питают к вам уважение. Отец употребит всё своё влияние, чтобы отвести от вас угрозы. Скажите мне, наконец, что вы согласны отказаться от этой безумной и опасной поездки.

Шевалье посмотрел с язвительной усмешкой на графа и снова склонился над игровой доской. Маркиз тоже улыбнулся.

— Так вот какова ваша хвалёная свобода! — воскликнул он. — Нельзя даже выехать из дома в собственном

экипаже без того, чтобы тебя не задержали и не заточили в тюрьму. Любопытно, что и говорить.

— Не надо ходить далеко за примерами, дорогой маркиз, — промолвил шевалье де Мазан и, не оборачиваясь, кивнул в сторону де Мори. — Примите за общее правило: когда чернь вдруг начинает бунтовать, за этим всегда стоит подстрекатель — человек иного, более высокого сословия, который руководствуется своими мотивами. Но таким людям весьма свойственно портить себе игру: они не могут избавиться от смутного желания угодить всем — и нашим и вашим.

Шевалье де Мазан слыл в семье острословом и мудрым советчиком. Вот и теперь его выслушали с необычным вниманием, а затем с улыбкой посмотрели на гостя: интересно, как он воспримет эти слова.

— Надеюсь, господин де Гру не разделяет гнусных подозрений своего кузена. Господин де Гру давно меня знает...

— А есть ли у меня какие-нибудь основания относиться к вам с большим уважением после того, как я достаточно хорошо вас узнал? — спросил маркиз, слегка поклонившись гостю.

Молодой человек уже готов был ответить, но вдруг осекся: в эту минуту из дальней двери, занавешенной gobеленом, в гостиную вошла девушка в белом платье, удивительно стройная, исполненная грации и изящества, с милым личиком и большими испуганными голубыми глазами. Она застыла у порога, уставившись на гостя. Низкий поклон виконта, похоже, вывел её из замешательства. Она учтиво поклонилась в ответ и, плавно пройдя по паркету позади младших дам де Гру, стала в углу за креслом, где сидела старая маркиза.

— Ты принесла мне мой веер, Леонора? — спросила старуха.

— Вот он, мадам, — тихо проговорила девушка, подавая веер.

Но произнося эти слова, она не сводила глаз с виконта де Мори, стоявшего напротив, лицом ко всем собравшимся. Её появление, похоже, лишило их на мгновение дара речи. Шевалье по-прежнему улыбался, впериw свои чёрные глаза в Бернара, — такое выражение взгляда бывает у змей, — между тем маркиз обнаружил некоторые признаки беспокойства, а лицо его исказилось гневом.

Маленькая графиня де Гру, слабонервная, нетерпеливая особа, посмотрела на мужа, стоявшего подле неё, как бы умоляя: «Ради Бога, сделай что-нибудь, чтобы прекратить эту сцену». И граф, напустив на себя величественную важность, под стать Людовику XIV, выступил вперёд и пожелал знать, сообщил ли господин де Мори всё, что имел сообщить.

— Я предупредил вашу семью об опасности, сударь, — спокойно ответил Бернар, — и всё ещё смею надеяться, что предупредил не напрасно. Мой долг безропотно сносить ваши обвинения, к которым склоняет вас подозрительность. Я мог бы предполагать, что найду здесь такой приём. Я рад, что среди вас есть, по крайней мере, один человек, не разделяющий ваших подозрений.

— Я никогда, никогда не унижусь до этого, — слышался торопливый полушёпот из-за кресла маркизы.

Бернар поклонился в знак благодарности.

— Довольно! Это уже слишком, — тихо проговорил шевалье, обратившись к маркизу де Гру. — Вы сами положите этому конец, или прикажете мне?

Но тут вмешалась старая маркиза.

— Ну что же, прощайте, сударь, — сказала она, вставая. — Покорнейше благодарим вас. Если ваше предостережение не лишено оснований, мы, вероятно, никогда больше не увидимся с вами. Я бы только попросила вас употребить всё своё влияние, прибегнув также к содействию вашего отца, дабы по возможности сократить наше пребывание в тюрьме.

Виконт де Мори низко поклонился и вышел из гостиной. Маркиз дал знак сыну оставаться на месте и сам направился проводить виконта.

— Послушайте, что я скажу, дорогой друг, — произнёс он, заводя гостя в приёмную. — Что касается меня, то я несколько не сомневаюсь в ваших честных намерениях. Но видите ли, вы в немилости у де Мазана и дам. Он ревнует вас, а они на его стороне.

— Позвольте с вами не согласиться. Отнюдь не все. Иначе с чего бы он стал ревновать ко мне?

— А, вы о мадемуазель. Она не в счёт. Однако послушайте: на свой страх и риск хочу предоставить вам хорошую возможность. Поезжайте с нами. Доверьтесь нашей небезопасной карете. Когда мы благополучно пересечём границу, вы можете поспориться с де Мазаном — вызовите

его на дуэль и убейте, если вам так угодно. И тогда вы сможете попытать счастья...

— Вы очень любезны, сударь. Но я связал свою судьбу с Францией. Что же касается кареты, жаль, что вы никак не хотите поверить в опасность вашей затеи. Ах, позвольте хотя бы, я спасу вашу племянницу!

— Это невозможно! — отвернувшись, произнес маркиз. — Я дал слово де Мазану и при всём желании не могу нарушить его.

— Ужасно! Какое варварство! Жертвовать такой жизнью.

— Ни слова больше. Сюда кто-то идёт. Благодарю вас за ваши добрые намерения. Прощайте.

Виконт де Мори покинул замок. Когда маркиз де Гру вернулся в гостиную, вид у него был усталый и мрачный; казалось, будто он за один миг превратился в старика.

II

Мадемуазель Леонора де Гру д'Изамбер играла далеко не последнюю роль в замке. Её отец женился — весьма необычный шаг для младшего сына и, что ещё удивительнее, женился по любви — на наследнице имения Изамбер. Таким образом он стал владельцем большого поместья с великолепным замком и обрёл полную независимость от родителей. Но фортуна улыбалась ему недолго. Он и его жена умерли в молодом возрасте, а их единственный ребёнок был отдан на попечение бабушке — старой маркизе де Гру.

Леонора, тихая, застенчивая девушка, во всём беспрекословно подчинялась величественной, строгой и властной старухе, что было необычно даже для Франции того времени. Ей прочили в мужья де Мазана, бессердечного салонного фата, который был к тому же на двадцать лет её старше. «Умён, прекрасно воспитан, аристократ, обаятельный человек», — твердили де Гру всякий раз, когда заходила о нём речь. Лишь один маркиз не присоединял свой голос к хвалебному хору: кое в чём он расходился во мнениях с блестящим кузеном своей жены. Разумеется, открыто несогласие не проявлялось — лишь нет-нет возникали сомнения: неужели и впрямь можно быть таким алчным, скупым и жестоким и в то же время первенствовать среди людей благородного сословия.

Господин де Мазан ещё не был даже помолвлен с мадемуазель д'Изамбер, но все понимали, что их брак дело решённое, и одобряли его. Кто как не шевалье лучше всех распорядится прекрасными поместьями д'Изамбер. Родственные отношения шевалье с де Гру тоже говорили в его пользу. Леоноре шёл уже девятнадцатый год, и её брак с де Мазаном, возможно, уже состоялся бы, если бы не известные волнения во Франции, которые заметно остудили пыл шевалье.

Замок д'Изамбер находился недалеко от Парижа, в самой гуще революционных событий, и господин де Мазан рассудил за благо подождать, когда волнения улягутся, дабы не обременять себя хлопотами о молодой невесте, поневоле выходящей за него замуж. Её родственники сами позаботятся, чтобы она от него не ускользнула.

А предстоящая эмиграция избавит её от влияния молодого Бернара де Мори. Его отец, граф де Мори, ближайший сосед де Гру, никогда особенно не питал к ним дружественных чувств. Его отношение к знати было до того своеобразно, что не вписывалось ни в какие великосветские традиции. Тем не менее до последнего года Бернар часто бывал в замке де Гру; давнишняя детская дружба между ним и Леонорой переросла в некое чувство, не менее нежное и пылкое, по причине своей безнадежности, а также потому, что оно не выражалось напрямую и изъяснялось лишь немногими словами.

Но даже теперь у Бернара были свои союзники в замке, хотя, быть может, и не очень могущественные. Среди них была старая няня Пернэт Флике, носившая некогда на руках мать Леоноры, а затем и её самоё. После смерти матери Леонора была доставлена из Изамбера в Гру именно под присмотром Пернэт.

Дочь няни Жаннет приехала в свите юной мадемуазель и вскоре получила разрешение у маркиза выйти замуж за Люка Бьенбона, дворецкого господина де Мори. Пернэт сразу же не поладила со старой маркизой, которая часто грозилась её уволить, но всякий раз с презрением прощала её: она понимала, что дерзкая, прямодушная старуха-республиканка вряд ли заменима для Леоноры.

— *Allez!*¹ — говорила маркиза. — Пернэт несёт несусветный вздор, но в душе она добрая. Кому какое дело до неё и её острого языка. Пусть остаётся в замке.

¹ *Allez!* (здесь) — Ладно! (франц.)

Если бы Пернэт и её дочь взялись отравить де Мазана и отдать юную госпожу в руки Бернара де Мори, они бы сделали это без особенных угрызений совести. Но сладить с многочисленным семейством де Гру им было не под силу, и до последнего времени им оставалось только роптать.

Приготовления к отъезду велись совершенно открыто. Дамы руководили укладкой гардероба, и Пернэт получила распоряжение от маркизы собрать все лучшие платья и драгоценности мадемуазель д'Изамбер.

— Ха! — воскликнула Пернэт. — Хороший подарочек восставшему народу! Мадам изволит — будет исполнено. Только на вашем месте я бы закопала несколько сундуков во дворе замка.

— Чтобы, когда мы уедем, ты их откопала? да, моя дорогая Пернэт? — ответила маркиза де Гру.

— Как вам будет угодно, мадам. Но мадемуазель я не оставляю. Куда она поедет, туда и я, — хладнокровно ответила Пернэт.

— Что я слышу? Ты хочешь отправиться с нами в это опасное путешествие? Нет, серьёзно, ты разве не слышала, что нам предрекают: мы едем прямёхонько на гильотину. Или, по-твоему, виконту де Мори всё это приснилось?

При этих словах сердце Пернэт смягчилось, и она прониклась расположением к старой маркизе. Было видно, что госпожа обратилась к ней как к другу, взгляд её выражал вполне понятную тревогу, но в нём не было ни малейшей тени страха.

— Мадам знает, какие злые у нас в деревне люди. Псы сущие, — проговорила она. — Мне дочь сказывала, а ей муж говорил, что очень опасное это дело. Господин виконт умнее, чем все эти господа. Он знает, о чём говорит.

— Но мы не доверяем ему, — замотав головой, возразила маркиза. — Он и его отец лживые, бесчестные люди. Ступай, Пернэт, делай, что тебе велено, и скажи мадемуазель, чтобы зашла ко мне.

«Бедные господа! — рассуждала про себя Пернэт, спеша исполнить приказание маркизы. — Конечно, душою я с патриотами, так ведь и этих жалко. Тех, кто нам дорог, мы ещё можем спасти, но остальные пускай спасаются сами: что посеешь, то и пожнёшь.»

Разумеется, предостережений было более чем достаточно. На другой день и на следующий все собаки, обитающие в замке, лаяли почти не переставая; призрак старого маркиза, который и раньше, бывало, шелестя крылами

и белыми одеяниями, пролетал над головой путника, достигнутого темнотой за крепостными стенами, неожиданно обрёл голос и ночь напролёт стонал и кричал навзрыд то за одной, то за другой башней, подобно знаменитой ирландской плакальщице. Во всяком случае, так потом утверждали.

Мадемуазель д'Изамбер приснился странный и очень страшный сон; она рассказала его Пернэт, а затем бабушке. Обе посмеялись над ней, однако сон запечатлелся в памяти и, более того, имел последствия.

— Мадам, — рассказывала Леонора маркизе, — мне снилось, будто большая карета, запряжённая шестью бурыми лошадьми, подъехала вон туда, под наши окна, и стала на лужайке за рвом.

— А почему не у парадного подъезда? — удивилась мадам де Гру.

— Право, не знаю. Она остановилась, и вы стали в неё садиться. Я смотрела в окно и видела, как вы входите один за другим: вы, тётушка, дядя, кузен с кузиной, господин шевалье.

— А ты сама разве в неё не села? Это довольно забавно.

— Я была в своей комнате. Дверь была заперта снаружи, на окнах решётки, так что я никак не могла выбраться. Боже, какой ужас меня охватил! Я кричала вам, но вы меня не слышали. Я металась по комнате, пыталась протиснуться между прутьев оконной решётки. Мне казалось, что меня оставили одну в замке, что все обо мне забыли. Карета тронулась, съехала с лужайки — была ночь, горели фонари, и я видела, что трава серебрится от инея. Я вновь попыталась вылезти в окно, насилу протиснулась, спустилась по плющу — право, не знаю, как мне это удалось. Побежала по холодной мокрой траве и нагнала карету за поворотом, перед самым спуском. Подпрыгнула, ухватилась за дверцу обеими руками, прокричала вам, чтобы меня впустили. Ах, сейчас расскажу вам самое страшное. Знаете, кто сидел в карете? Это были не вы, а призраки — много призраков. О, Боже! Это было ужасное зрелище. Я отшатнулась, упала навзничь на траву и проснулась.

Впервые, забыв свой страх перед бабушкой, Леонора присела на корточки у её кресла и зарылась лицом в её платье из тяжелого атласа. Мадам де Гру посмотрела на

внучку с улыбкой, ласковой и в то же время презрительной.

— Удивительный сон, ничего не скажешь, — усмехнулась она. — Однако в нашем роду не принято предаваться страхам, будь то во сне или наяву. Дорогая Леонора, утешься. О твоей безопасности позаботятся. Когда мы отправимся на чужбину, о тебе, разумеется, не забудут. Никто не оставит тебя в замке. Глупенькая, наберись мужества и научись смеяться над своими снами. А ну-ка встань, сюда кто-то идет.

— Вы никому не расскажете, мадам? — поднимаясь, спросила Леонора.

— Да уж, конечно, не стану повторять этот вздор, — уверила её мадам де Гру. — И наперёд знай: когда тебя начнут терзать всякие страхи, изволь держать их при себе.

В комнату стремительно вошла молодая графиня, она хотела что-то спросить у бабушки, и Леонора, не любившая свою кузину, удалилась на балкон и стала смотреть на зимний пейзаж. Замок стоял на высоком холме; с тыльной стороны склон был покрыт лесом, а впереди простирался обширный отлогий парк с аллеями; внизу по обеим сторонам речной долины раскинулась деревня Гру. За нею, за длинной грядой холмов скрывались деревня и замок Мори. Поместье у них было меньше Гру и уступало тому по значению, зато его владельцы на протяжении многих веков имели безупречную репутацию; во всей провинции не было им равных на поле брани, да и на благородных собраниях слово их было веско. Теперь же они запятнали себя предательством, изменив вековым устоям, и, если какая-нибудь дама из замка Гру, озирая окрестности, вдруг, паче чаяния, переводила взгляд с дымков и темных крыш в долине на отдалённые холмы, где догорали последние лучи солнца, то было бы оскорбительно предположить, будто её благовоспитанные мысли могли ненароком залететь в замок Мори.

III

У владельцев Гру никогда не было принято запирать ворота от кого бы то ни было: они были слишком горды, чтобы питать подозрения. Вот почему в любое время суток во двор замка беспрепятственно проникали крестьяне и столь же свободно выходили за ворота. Так Люк со своей

женой могли в любое время и сколько вздумается навещать матушку Пернэт.

В один из дней, исполненных тревожного ожидания, перед отъездом, около пяти часов вечера, Леонора сидела у окна в своей комнате. Полчаса тому назад она потихоньку вышла из большой гостиной и принялась за чтение «Imitation»¹, утешая себя и укрепляя свой дух, но быстро смеркалось, и ей пришлось отложить книгу. Длинные, бледные пальцы Леоноры ещё лежали на буром её переплёте, но глаза уже обратились к окну.

На небе не было ни одного облака, но над землёй уже сгустились сумерки, отчётливо виднелась только отдалённая гряда холмов, и это навевало печальные мысли. Но если что и выражалось на неподвижном бледном лице Леоноры, так это горестное смирение. В ее восемнадцать лет надеяться ей было не на что, судьба была предопределена, желать — и то казалось чем-то предосудительным и запретным.

Леонора вряд ли бы призналась в том, чего именно она хочет. В конце концов, жизнь её мало чем отличалась от жизни других девушек знатного сословия. А если жизнь устроена так, что не доставляет особенного удовольствия, — что ж, ничего не поделаешь. Не лучше ли совсем отказаться от желаний? Да и жилось ли когда-нибудь счастливо в этом мире? Высокие заповеди, которые она почерпнула из книги, заставляли её стыдиться собственного чувства неудовлетворённости, но при этом даже усугубляли её отчаяние: ей никогда не достичь таких высот добровольного самоотречения.

— Моя красавица совсем здесь зачахнет, — послышался голос старой Пернэт. — Эта книжка, что взяли вы у мадам маркизы, доведёт вас до обморока, если будете тут подолгу сидеть читать да предаваться всяким фантазиям.

— Это очень хорошая книга, Пернэт. Прекрасная книга! — возразила Леонора. Её голубые задумчивые глаза не сразу оторвались от окна и остановились на встревоженном морщинистом лице старой няни.

¹ Имеется в виду «Imitation de Jesus-Christ», французское издание «De imitatione Christi», литературного памятника средневековья, включающего в себя трактаты религиозно-нравственного содержания. Анонимное сочинение. (Й. Р.)

— Оно, может, и так. Я вот грамоте всякой не училась, мадмуазель знает, зато живу не тужу. От этих книжек какой прок? Одни охи да вздохи, да ещё морщины на лице — я так вам скажу. Мадам маркиза, как начитается этих книжек, потом не знает, на ком злобу сорвать, словно бес в неё вселяется. А мадемуазель, не в пример ей, кроткая точно ангел, только чтение и ей не в прок — одна горечь и печаль на сердце. А бедным-то слугам её какво! Им ещё тяжелее видеть, как мадемуазель страдает. Вот и сейчас она не в духе, а я, между прочим, пришла попросить её кое о чём.

— О чём попросить, Пернэт? Что тебе до моего настроения? — с милой улыбкой спросила Леонора.

— А вот о чём, мадемуазель. Дочь моя, Жаннет, сейчас в саду у двери, что ведёт на лестницу, в башенку. У неё есть какое-то важное сообщение, и не для кого-нибудь, а для нашей маленькой принцессы. Не соблаговолит ли принцесса накинуть этот плащ и спуститься переговорить с бедняжкой Жаннет?

— Но почему она сама не поднялась ко мне? — удивилась Леонора. Однако же она встала, и Пернэт поспешно накинула плащ ей на плечи.

— Торопилась она, мать моя. Как видно, была на то особая причина.

Мадемуазель д'Изамбер, привыкшая слепо верить старой няне, последовала за ней. Они вошли в небольшую дверь, что вела в башенку, спустились по винтовой лестнице в сад; точнее сказать, то была окраина сада, расположенная между крепостной стеной и рвом. Здесь росло несколько вечнозелёных кустов и деревьев, под сенью которых можно было укрыться, а рядом виднелся дощатый мост, построенный для удобства передвижения слуг, чтобы те могли кратчайшим путём выйти к деревне.

Жаннет, в высоком накрахмаленном чепце, в жакете и коротких юбках, стояла на траве у входа в башенку.

— Что ты хочешь сообщить мне, Жаннет? — тихо спросила Леонора, остановившись на пороге.

— Сделайте милость, мадемуазель, выйдите в сад. Вас там ждут — переговорить с вами желают, — проворчала Жаннет Бьенбон.

— Скорее, дитя моё! — прошептала Пернэт. — Вон там, в тени кустов. Говорит, от этого, мол, зависит жизнь или смерть.

Хотя Леонора была застенчивой и робкой девушкой, её никоим образом нельзя было назвать трусливой. Она переступила порог и плавной походкой зашагала по траве. В сумерках она походила на привидение, стройное и изящное. Вскоре она дошла до кустов, на которые указывала Пернэт. Там, в густой тени, стоял какой-то мужчина. Он порывисто шагнул навстречу и поцеловал ей руку.

— Ах, мсье, это вы? — воскликнула Леонора.

— Не сердитесь на вашего несчастного друга, мадемуазель Леонора, вы хорошо меня знаете. Хотел бы надеяться, что вы доверяете мне. Доверяете или нет?

— Стоит ли об этом спрашивать?

Леонора подняла глаза и задумчиво посмотрела на Бернара, на бледном её лице показалось мечтательное выражение. Сильные чувства, овладевшие ею, внезапно вытеснили все мысли о правилах приличия, о строгой бабушке, о шевалье, о чопорных и слабонервных родственниках. Её переполняли чувство гордости за своего возлюбленного и радость от того, что он рядом с нею. Бернар был так не похож на всех других дворян, которых она знала, — не похож своею открытостью, великодушием, врождённым благородством. По сравнению с шевалье де Мазаном он был воистину Гиперион¹, а тот — сатир, хотя Леонора предпочитала более благочестивое сравнение: архангел Михаил и Вельзевул. Леонора и виконт стояли в тени кустов, и надо ли говорить, что им обоим казалось, будто на дворе была не зима, а тёплый летний вечер. Однако вскоре к ней мало-помалу вернулись девичья застенчивость и беспокойство.

— Вам, верно, опасно здесь находиться? — прошептала Леонора. — Зачем вы пришли?

— Леонора, прошу вас, сначала ответьте мне. Вы сделаете то, о чём я вас попрошу? Обещайте мне, что вы исполните мою просьбу.

— Ах, если бы я могла, дорогой, но я не смею. С моей стороны нехорошо, грех, что я пришла сюда. Но понимаете, меня обманули эти женщины. И я нисколько не сожалею. Я давно хотела поблагодарить вас за то, что вы приехали тогда и предупредили нас, как настоящий друг.

¹ Гиперион — в греческой мифологии сын Титана и Геи, отец Гелноса, бога солнца, часто отождествляемый с ним (Й. Р.)

— Так, значит, они не изменили своих планов? Неужели по-прежнему вы всё хотите ехать в этой ужасной карете?

— О, да. Мне кажется, эта поездка обернётся для нас гибелью. Мне приснился страшный сон, — добавила Леонора с трепетом. — Не хочу рассказывать его вам, хотя вы, конечно, не станете надо мной смеяться, как бабушка. Но вы не сердитесь, Бернар, что я не могу ничего обещать вам? Что вы хотите от меня? Я сделаю, если это возможно.

— Позвольте увезти вас сию же минуту в безопасное место. Вы должны согласиться. Если вы хоть немного меня любите, вы согласитесь.

— А остальных пусть постигнет ужасная участь? — помолчав немного, вопрошала она.

— Они сами выбрали себе эту судьбу, — страстно возразил он. — По какому праву люди, упрямо стремящиеся к своей гибели, должны тянуть за собой в пропасть и вас? Это чудовищно, это тиранство! Неслыханное тиранство! Если вы откажетесь от моего предложения, значит, вы никогда не любили меня. Решайтесь, мой ангел!

— Почему вы можете спасти только меня, а не их? Каким образом? — спросила Леонора, отстраняясь от вилконта.

— В Мори вы будете в безопасности. Отец примет вас как родную дочь. Народ не питает к вам злобы и ненависти. Да и за что им быть озлобленными против вас? Впрочем, в такое время не щадят ни правых, ни виноватых. Вы идёте со мной?

— Не просите меня — я не могу.

— В таком случае, прошу извинить, я, видно, ошибся. Я имел глупость вообразить, что я для вас что-то значу, мадемуазель, — стиснув зубы, произнес Бернар и зашагал прочь.

— Бернар, постойте! Если бы ценой своей жизни я могла спасти вас, вы бы вскоре убедились... Ах, что я такое говорю! Наберитесь терпения и выслушайте меня. Я очень несчастна, но долг превыше всего. Когда-то вы тоже были склонны так думать. Могу ли я бросить бабушку на произвол судьбы, позволить ей одной пуститься в это опасное путешествие? Я была предана ей всю свою жизнь. Могу ли я теперь бежать тайком, трусливо бросив её? Мне всегда недоставало смелости — не возражайте, я знаю, — но я не пойду на то, что вы предлагаете. Это было бы слишком бесчестно с моей стороны. Я привязана к своей семье

и должна быть с семьёй. Ах, остаётся одно: попытаемся оба мужественно примириться с судьбой. Идите и забудьте меня. Это самое лучшее, что вы можете сделать.

— А вы останетесь здесь и забудете меня? — вопрошал де Мори.

Леонора замотала головой, по щекам её струились слезы.

— Моя королева, моя добрая фея, мой лучезарный ангел! — воскликнул виконт, внезапно припав на одно колено. — Выслушайте мою клятву. Даже если вы не хотите позаботиться о своём спасении, всё равно вы будете спасены! Вы не сердитесь на меня за эти слова? Вы видите; я готов навлечь на себя даже ваш гнев.

— Если вы ради меня вовлечёте себя в беду, я действительно рассержусь. Ах, Жаннет, в чём дело?

— Мадемуазель, по лестнице поднимается мадам маркиза.

— О, Боже! Прощайте, Бернар! Если она узнает, она убьёт меня.

Леонора стремглав побежала по траве, а виконт де Мори провожал взглядом её белую фигуру, пока она не скрылась за дверью. Затем он надвинул на лоб фетровую шляпу и медленно, осторожно двинулся в обратный путь. Спускаясь с холма, он почти забыл о своей неудаче: необходимость побуждала его строить новые планы. Какие бы трудности и опасности ни сулило будущее, Бернара воодушевляла уже одна мысль о том, что нежная, застенчивая дева из замка Гру оказалась вполне достойна его выбора. Он не сомневался, что его преданность и отвага будут вознаграждены.

IV

На следующий день после полудня в большой гостиной собрались на семейный совет. Леонору на него не пригласили; она сидела у камина в гостиной маркизы и вышивала за пяльцами, когда вошла молодая графиня, её кузина, и остановилась у камина, чтобы погреться; было видно, что её пробирает дрожь.

Леонора никогда не испытывала симпатии к младшей из дам де Гру, которая обыкновенно вела себя как дитя, с той лишь разницей, что была лишена детской привлекательности. Однако теперь, взглянув на её лицо, Леонора заметила на нём новое, дотоле невиданное выражение. Раскрасневшаяся, возбуждённая, графиня смотрела на неё

с необычайным беспокойством; в глазах у неё застыли слёзы, а дрожь в теле не унималась.

— Что случилось, кузина? — спросила Леонора. — Ты из гостинной? Что они решили?

— Ах, это просто ужасно. Уверяю тебя: если каким-то чудом я переживу эту ночь, то после неё остаётся только умереть от ужаса. Да, я знаю, мне должно быть стыдно. Тебе легко удивляться. Ты полагаешь, что во всём доме только ты одна подвержена страху и малодушию. Во всяком случае, так всегда говорит наша бабушка. Ну вот, теперь ты не одинока.

— А что произошло? — удивилась Леонора.

— Отъезд намечен нынче ночью, дитя моё. Ты только представь себе! Какая ужасная это будет сцена. И знаешь, карету подадут не к парадному крыльцу, а вон на ту лужайку. И поедем мы, вообрази, по просёлочной дороге, чтобы держаться подальше от деревни. Это бабушка и шевалье де Мазан придумали. Что ты на это скажешь? По-моему, что может быть хуже? Но разве мой голос что-нибудь значит! Маркиз де Гру во всём беспрекословно подчиняется своей матушке; у младшей маркизы де Гру вообще нет собственного мнения, а Франсуа никогда не станет спорить с Ксавье де Мазаном. Такова наша семейка. Впрочем, если ты решишься поговорить с Ксавье, может быть, они немного одумаются.

— Дорогая моя, ты глубоко заблуждаешься. Я никто в этом доме.

Положив иглу, Леонора посмотрела на полыхавшие в камине дрова. Короткий день скоро перейдёт в сумерки, настанет вечер, а там решится: жизнь или смерть. Графиня, стоявшая рядом, являла собой разительную противоположность мечтательной грации Леоноры: маленького роста, с напряжённой деревянной осанкой, высокие каблуки и копна густо напудренных волос.

— Но почему тебе не нравится их план? — не поднимая глаз, спросила Леонора.

— Ах, я не выношу темноты, — в раздражении проговорила графиня. — Поверишь ли, я боюсь. Эти ужасные факелы. Мне кажется, это гораздо опаснее, чем путешествовать днём. И потом такой холод! Как жаль, что мы не можем остаться здесь. Не думаю, чтобы нас кто-нибудь тронул. Если они только посмеют, они будут самыми последними негодяями, неблагодарными свиньями. Скажи мне правду, Леонора: ты думаешь, нас пропустят?

— Не знаю. Полагаю, что нет.

— В таком случае, в этом будут виноваты эти противные де Мори.

Маленькая графиня не на шутку испугалась, увидев, как гневно заблестели глаза кузины, обыкновенно такой кроткой и робкой.

— Ты не имеешь права обвинять их в чём бы то ни было! Если бы в их власти было спасти нас, мы были бы уже в безопасности, хотя, разумеется, мы не достойны таких знаков внимания с их стороны. Если бы о знатности судили по заслугам человека, де Мори были бы самым знатным родом во Франции.

Графиня пожала плечами и рассмеялась.

— Что я слышу, Леонора, дитя моё! Вот это мило! Твой энтузиазм достоин похвал. Но позволь дать тебе добрый совет: постарайся, чтобы Ксавье де Мазан не услышал от тебя подобные речи.

— Услышит он — не услышит, какое мне дело! Мне это совершенно безразлично, — объявила Леонора. — Если неминуема гибель, если суждено расставание с этой жизнью, по крайней мере, утешительно, радостно сознавать, что ты встречала на этой земле что-то воистину доброе и благородное.

— Бог мой, сестра! — воскликнула кузина на сей раз уже серьёзным тоном. — Твои речи неприличны и не к лицу благородной девушке. Уверяю тебя, можно даже подумать, что ты влюблена в молодого де Мори. Но я не настолько неучтивая, чтобы пересказывать кому бы то ни было твои слова. Только прошу тебя, будь осторожна: хоть немного сдерживай свои чувства.

— С какой стати я должна их сдерживать, особенно теперь! — сказала Леонора, устремив на графиню решительный взгляд. Глаза у неё сверкали, но лицо и голос не выдавали волнения. — Если ты сама обо всём догадалась, что же, пусть все знают. Да, я люблю его! Люблю всем сердцем. И я бы предпочла сегодня ночью умереть, чем, бежав из страны, выходить замуж за... Ах...

Голос у неё внезапно осекся, сдавленный стон, похожий на рыдание, вырвался из её груди, и она закрыла лицо руками.

— Леонора, не путай меня, а то я застыну от ужаса! — воскликнула её кузина. — Боже милостивый! Неужели это возможно! До чего я дожила! Услышать такие слова от родственницы, от мадемуазель де Гру! Тебе не стыдно?

Другая бы сторела от стыда. Какое падение! Верх неприличия! Не могу поверить своим ушам. Ты, милая, верно, не в своём уме?

— Нет, — отвечала Леонора, — я в своём уме. Я только сказала правду, быть может, впервые в своей жизни. И я рада этому.

— А мне жаль, — с достоинством парировала графиня, — жаль, что ты оказалась недостойна своего имени. Несчастное дитя! Я постараюсь забыть всё, что ты наговорила мне в сердцах. Через год, если, конечно, мы доживём до этого, ты скажешь мне спасибо за то, что я не напоминала тебе о сегодняшнем конфузе.

Шорох платья и размеренный стук каблуков по паркету подсказали Леоноре, что кухня удаляется. Девушка сидела неподвижно, закрыв лицо руками, похолодев от обрушившегося на неё горя, которое было так велико, что не поддавалось слезам. Спустя какое-то время до неё донеслись отдалённые звуки: в замке засуетились, старая маркиза возвращалась в свою комнату. Леонора не отважилась показаться ей на глаза в расстроенных чувствах. Оставив пляцы у камина, она прошла по амфиладе комнат, минуя свою спальню, и поднялась по лестнице в небольшую каморку, расположенную в одной из башенок. Комнатка была почти пустая, если не считать стола, скамьи для молитвы да распятия на стене.

Здесь летом Леонора обыкновенно проводила большую часть дня; сквозь старые побелённые стены не проникала полуденная жара, только утром солнечные лучи врывались в проём окна, сквозь завесу из листьев плюща, и отбрасывали на распятие трепетные гирлянды теней. Но теперь в молельной было очень холодно, и она была погружена в полумрак. Леонора преклонила колени перед распятием в надежде поскорее обрести силы и спокойствие духа. Она пойдёт к бабушке и снова будет умолять её последовать совету Бернара — отказаться от безумной затеи. Быть может, старая маркиза прислушается на сей раз? А если нет? Где они окажутся через сутки? Легко сказать. Где угодно!

V

Леонора застыла в коленопреклонённой позе, склонив лицо на скамейку и вытянув сложенные руки. Солнце село, на холмах Мори погасли розоватые отблески, на небе

замерцали звёзды, но в молевойной было совсем темно, и молитвы Леоноры незаметно перешли в сновидения. Поначалу они были приятны и безмятежны, но какое-то время спустя сменились томительными и мрачными, и вот повторился кошмар, приснившийся ей несколько дней назад, только теперь он был ещё ужаснее. Карету подали не к подъезду, а на лужайку; надо заметить, мадам де Гру действительно затем прибегла к этому смелому плану. Ужас отчаяния охватывает Леонору. Неужели её оставят в замке? Она спускается по стене, нагоняет карету и видит в ней призраков. Но теперь они протягивают к ней руки, пытаются затащить её к себе. Это было невыносимо. Леонора закричала, проснулась — оказалось, она в молевойной, продрогшая, измученная, на грани обморока, на полу, и у неё дрожат колени.

Часов у Леоноры не было, она не знала, сколько времени проспала она в молевойной, но была уверена, что прошло несколько часов — так темно было и холодно. С трудом поднявшись на ноги, она добрела до двери и попыталась её открыть, но безуспешно: видать, она была заперта снаружи. Леонора принялась стучать в неё кулаками, звала Пернэт — кричала так, что, казалось бы, не могли не услышать. У неё было такое чувство, что это происходит не наяву, а опять в том сне, что она всё ещё не проснулась. Никто не отозвался. Леонора опустила на скамейку, перед которой она дотоле стояла на коленях, и, подперев лицо руками, стала смотреть в узкое окно. Сквозь толстое зеленоватое стекло проглянула большая яркая звезда, и её свет достиг каморки, где томилась в одиночестве Леонора. Девушка вспомнила, что говорил ей Бернар накануне: «Даже если вы не хотите позаботиться о своем спасении, всё равно вы будете спасены». Она не придавала особенного значения его словам; это казалось невозможным — она должна была смириться и разделить судьбу своих родственников, никто не сможет избавить её от горького жребия. И тем не менее сейчас эти слова пробудили в её усталом сознании волю к жизни, ей больше уже не казалось, что всё это ей лишь снится. Ей захотелось узнать, что они сейчас делают и как ей выбраться из этой темницы. А вдруг они уехали несколько часов назад и оставили её в замке одну? Нет-нет, не может быть.

И тут она заметила какие-то странные тени и отблески света, которые то и дело падали на каменные стены в проёме окна и тускло отсвечивали на стекле. До её слуха

донеслись звуки: позвякивание сбруи, скрип колёс, глухой гул голосов. Леонора вскочила на ноги, исполненная ужаса при мысли о том, что её оставят одну. Неужели и впрямь бабушка про неё забыла? И Пернэт тоже? Может быть, дверь заперли по ошибке, и её, Леонору, ждёт горькая участь: смерть от голода? Вылезти в окно невозможно: такое могло получиться только во сне. Голодная смерть ещё страшнее, чем гильотина. Леонора снова застучала в дверь кулаками, крикнула, прислушалась — полная тишина. Несомненно, входная дверь, ведущая на винтовую лестницу, тоже заперта. Явь оказалась страшнее сна. Итак, её заперли — все забыли о ней. Крестьяне, возможно, подожгут замок, и ей не выбраться отсюда, спасения нет, если только случайно Бернар не сообразит, что она осталась в замке, и не разыщет её здесь. Боже, какой ужас!

Она стояла в темноте и дрожала, не зная, что и подумать, что предпринять. Она смотрела на отблески огней и тени, мелькавшие в окне, и ей пришла в голову мысль: по крайней мере, можно попытаться выяснить, что случилось. Леонора принялась подтаскивать к окну стол — он был тяжёлый, и она насилию его придвинула, затем поставила на него скамейку и кое-как вскарабкалась на покатый подоконник. Ухватившись одной рукой за задвижку, она потянула её вниз, другой рукой толкнула окно — и оно распахнулось. Створки смяли покрытый инеем плющ, и вялые листья, сорвавшись, разлетелись в стороны. Леонора просунула голову в окно, посмотрела вниз: под звёздным небом на зелёной лужайке за крепостным рвом виднелось что-то большое и тёмное, вокруг него мерцали факелы и толпились люди. Это была парадная карета маркизы. Позвякивали удила, лошади вскидывали головы и били копытами, но густая трава заглушала стук подков. Глядя вниз, Леонора задрожала от холода. Что и говорить, сцена походила на безумный сон, на какое-то инобытие. Слуги сновали между каретой и чёрным ходом — видно, очень торопились. Вскоре они отступили в сторону, и показались два факельщика, а за ними — шесть человек. Парами они осторожно двинулись по траве, приближаясь к карете.

Леонора не видела их лиц, но отлично знала каждое. В первой паре шли старая маркиза и её сын, за ними — младшая маркиза со своим сыном, графом, а замыкали шествие графиня и шевалье де Мазан.

Леонора, насколько могла, наклонилась вниз и замаха-ла рукой в морозной темноте.

— Мадам! — закричала она сорвавшимся голосом. — Вы уезжаете? А как же я?! Я здесь! Меня заперли. Не оставляйте меня!

Быть может, её голосу не доставало силы, и старая маркиза не расслышала слов, однако она остановилась перед тем, как ступить на подножку, и обернулась. Произошло некоторое замешательство, родственники Леоноры принялись торопливо переговариваться о чём-то, но вскоре все сомнения были отброшены и, к удивлению девушки, де Гру один за другим взошли в карету, слуги отступили назад, форейторы щёлкнули кнутами, и с тяжким скрипом и грохотом огромная колымага съехала с лужайки и покатила в сторону гужевой дороги, ведущей в просёлки, где де Гру надеялись избежать погони.

Таким образом, сон Леоноры повторился в третий раз наяву, только теперь она не могла выбраться из своего узилища. К счастью для неё, наяву оказалось невозможным даже попытаться догнать отъезжающую карету. Леонора всё ещё глядела ей вслед, пока не смолк вдалеке последний звук, и даже когда он растаял во тьме, она не слезала с подоконника. Находиться в таком положении было очень неудобно и тяжело, зато, по крайней мере, она могла видеть звёзды, а под ними тусклую землю. Леонора ещё смотрела в окно, как вдруг до неё донёсся другой звук — яростный рёв толпы со стороны деревни. Толпа подступала всё ближе и ближе, и Леонора различила горящие факелы и голоса, которые мало-помалу, казалось, переходили в приглушённый злобный рык. Холодный ветер, пронесаясь над толпой, зашелестел плющом, и Леоноре удалось расслышать несколько слов:

— Огня! Огня! Поджечь гадов в их логове!

Голова у Леоноры пошла кругом, сознание помутилось. Она качнулась и, соскользнув с подоконника, упала без чувств на стол, а со стола на пол, где осталась лежать недвижно.

VI

Мадемуазель д'Изамбер очнулась от обморока не в замке, а на краю рва, в густой тени кустов и деревьев, где накануне вечером она встречалась со своим возлюбленным. Он был рядом с ней, голова её лежала у него на руке, а волосы и лицо были мокры от холодной воды, которую он брызгал на неё пригоршнями. Холод был леденящий;

ров частично замёрз, но, может быть, это даже облегчало задачу Бернара, приводившего её в чувство.

— Леонора, — прошептал он, — умоляю вас: ни звука! Нам грозит смертельная опасность, но я спасу вас, Вы можете встать? Я боюсь, что вы замёрзнете на траве.

Врождённая склонность к подчинению, которая редко изменяла ей, заставила Леонору тотчас встать — она поднялась, опираясь на его руку. Недавние переживания не изгладились в её памяти даже в его присутствии, хотя оно внушало покой и чувство безопасности.

— Они все уехали в карете, — прошептала она, — а меня оставили в замке. Неужели бабушка про меня забыла? О, Боже! Как же так? Не понимаю.

— Наберитесь терпения. Со временем вы всё узнаете. А ваша бабушка будет рада вас видеть живой и невредимой, — проговорил Бернар; голос его немного дрожал, выдавая волнение.

— С ними ничего не случилось, как вы думаете? Никак не пойму, почему они уехали без меня. А что делают там эти люди? Они ещё не подожгли замок?

— Нет. Когда они уйдут, я отведу вас в безопасное место.

Бернар замер и стал прислушиваться к странным звукам, нарушавшим величественную тишину ночи. Из внутренних покоев и со двора доносились хриплые голоса, топот, буйный смех и крики ликования. В окнах мелькали факелы; часть толпы крушила всё подряд в пышных гостиных и опочивальнях, но многие оставались у крыльца и чего-то ждали. Вскоре по ужасному рёву стало ясно, чего они ждали. Виконт де Мори отлично знал причину их ликования и осторожно привлёк к себе своё сокровище. Для Леоноры всё происходящее по-прежнему казалось сном, только теперь к страху примешивалось ещё и другое чувство — смутное чувство счастья.

Грохоча по неровной дороге, к замку медленно приближалась тяжёлая колымага. Из-за топота толпы, сопровождавшей её, стука копыт не было слышно. С мрачной пугающей торжественностью — вполне в духе Великой французской революции — карету маркизы под конвоем водворяли на место. Наблюдая из своего укрытия Бернар и Леонора увидели, как она медленно подкатила к замку и остановилась на том же месте, что и прежде; толпа расступилась, освободив ей пространство. При свете мерцающих факельных огней было видно, как отворились двери, и

шести сидевшим в карете дамам и господам было приказано выйти. Впрочем, никакого принуждения и не требовалось; все, включая даже маленькую графиню де Гру, спускались с подножки с таким невозмутимым и гордым изяществом, что можно было подумать, будто они направляются в Версаль, а не шагают навстречу гильотине. Лишь одна старая маркиза дала знак сыну отойти в сторону, когда тот подчёркнуто важно предложил ей руку, чтобы прошесть в дом, — повернулась к толпе с властным, неустрашимым видом и пожелала знать:

— Где эта предательница? Где старуха Пернэт? Кто-нибудь из вас может сказать? Что она сделала с моей внучкой, мадемуазель д'Изамбер?

Она ждала ответа, но все молчали, тогда маркиз взял её под руку, и они снова переступили порог старого дома.

— Отпустите меня! Я должна быть с ней! — вскричала Леонора.

— Нет, Леонора, не пушу, — ответил Бернар де Мори.

Она вновь начала терять сознание — сильные руки молодого виконта подхватили Леонору как ребёнка. Он понёс её по дощатому мосту через ров, затем по склону холма, через долину в своё родовое имение, между тем доблестные местные патриоты грабили замок де Гру, прежде чем отправить его владельцев под конвоем в тюрьму и на гильотину.

Из обречённого рода де Гру спаслась лишь мадемуазель д'Изамбер. Она тоже оказалась в заточении, но её стражами стали виконт де Мори и старуха Пернэт с дочерью. Лишь спустя много дней после этой ужасной ночи Леонора смогла успокоиться и найти в себе силы выслушать рассказ о том, как всё произошло.

Разумеется, тогда, в молельной, её заперла рука не злоумышленника, а доброжелателя. Поспешность отъезда ускорило сообщение, пришедшее вечером из деревни: толпа жителей Гру под предводительством некоего патриота двинулась к замку и через час будет у его стен. Немедленно было велено подать карету, последние приготовления велись в лихорадочной спешке; только перед самым отъездом маркиза обнаружила исчезновение внучки. Дверь в башенку тоже была заперта, ключ бесследно исчез. Пернэт словно сквозь землю провалилась.

Поначалу маркиза объявила, что она ни за что не поедет без Леоноры, но её спутники придерживались иного

мнения, даже шевалье не видел никакого резона в том, чтобы ради неё ставить на карту жизнь шестерых человек.

Тут вперёд выступила маленькая графиня и заявила во всеуслышание:

— Я думаю, вам не нужно беспокоиться, мадам. Леонора, вероятно, убежала в Мори. Не далее как сегодня вечером она призналась мне, что любит виконта.

Эта новость, похоже, ошеломила маркизу, и она уже не чинила никаких препятствий к отъезду.

Когда карета отъехала от замка, Пернэт, подслушивавшая в чулане, занавешенном гобеленом, вышла из своего укрытия и открыла виконту входную дверь. Вдвоём они поднялись в молельную, где нашли Леонору, лежавшую без чувств на полу.

Таким образом девушка была спасена вопреки своей воле.

* * *

Внуки графини де Мори, урождённой де Гру д'Изабер, рассказывают эту историю друзьям всякий раз, когда водят их по старинному замку, испытавшему революционные потрясения, обезображенному, полуразрушенному, но ещё сохранившему своё величие. Мы стоим у окна и смотрим на зелёный партер за крепостным рвом, который теперь осушили и превратили в сад, и молодая хозяйка Леонора де Мори, с большими испуганными, голубыми, как у её бабушки, глазами глядит на нас и внезапно понижает голос.

— И поверите ли, до сих пор в морозное январское утро на траве, вон там, можно увидеть след от кареты и отпечатки шести пар ног.

Кажется, невозможно усомниться в этих словах, но любовь к доказательствам, свойственная англичанам, заставляет нас полюбопытствовать у молодой хозяйки, видела ли она сама призрачные отпечатки. В отчаянии от нашей недоверчивости очаровательная Леонора вскидывает брови, всплескивает руками и пожимает плечами.

— Mais oui! certainement!¹

И что тут возразишь после этого!

1895г.

¹ Ну да, конечно! (франц.)

Серебряное зеркало¹

3-го января. — Дело Уайта и Везерпуна представляет из себя гигантскую задачу. Приходится проверять массу счетов и проглядывать и подсчитывать двадцать толстых счетных книг. Невесело быть младшим партнером! Однако это первое большое дело, предоставленное мне целиком, и нужно оправдать оказанное доверие. Но дело необходимо окончить так, чтобы адвокаты узнали результат вовремя, к началу следствия. Сегодня утром Джонсон сказал, что я должен представить отчет до 20-го числа этого месяца. Боже милостивый! Если только выдержат нервы и мозг, то я добьюсь этого. Ведь работать придется в конторе от десяти до пяти и потом с восьми до часа ночи. И в жизни счетовода есть своя драматическая сторона. Когда поздно ночью, в то время как все спят, я охочусь за теми недостающими цифрами, которые должны превратить почтенного оддермена в мошенника, я понимаю, что моя профессия не совсем прозаическая.

В понедельник я напал на первый след мошенничества. Самый ярый охотник вряд ли испытывает такую дрожь восторга в ту минуту, когда нападает на первый след преследуемой им добычи. Но при этом я взглянул на двадцать счетных книг, подумал о дебрях, по которым мне придется пробираться, прежде чем можно будет убить дичь. Трудная работа... но и интересная; в своем роде спорт. Я видел как-то этого толстяка на обеде в Сити, его красное лицо блестело над белой салфеткой. Он взглянул мельком на бледного человека на краю стола. Как бы он сам побледнел, если бы предвидел, какая обязанность будет возложена на меня.

6-го января. — Что за бессмыслица со стороны докторов предписывать отдых, когда об отдыхе не может быть и речи! Ослы! С одинаковым успехом они могли бы кричать о полном покое человеку, за которым гонится стая

¹ Печатается по изданию: Дойл А. К. «Тигр из Сан-Педро и другие рассказы» — М.: тип. Поплавского, 1909.

волков. Мой отчет должен быть готов к известному числу, не то я потеряю единственный шанс в моей жизни, — какой же тут может быть отдых! После суда я отдохну неделю-другую.

Может быть, я сам сделал глупость, что пошел к доктору. Но по ночам, за работой, я становлюсь нервен и возбужден. Голова у меня не болит, но словно чем-то налита, а перед глазами по временам туман. Я думал, что какой-нибудь препарат брома, хлорала или чего-нибудь в этом роде может помочь мне. Но бросить работу! Какое нелепое требование! Ведь у меня такое чувство, будто я составляю в беге на дальнюю дистанцию. Сначала чувствуешь себя странно: и сердце бьется, и дыхания не хватает, — но стоит только не потерять смелости, и все пойдет на лад. Я не брошу работы и буду ждать, пока все наладится. А если и не удастся, то дела я все же не брошу. Я уже проверил две книги и просматриваю третью. Мошенник искусно замел следы, но я все же нахожу их.

9-го января. — Я не хотел идти еще раз к доктору. А пришлось. «Напрягая нервы, рискуя полным упадком сил, — опасность может грозить даже рассудку». Славный приговор, выпаленный сразу. Ну и что же — буду напрягать нервы, буду рисковать, но пока в состоянии сидеть на стуле и водить пером, буду выслеживать старого грешника.

Между прочим, нужно записать странный случай, заставивший меня во второй раз пойти к доктору. Я тщательно опишу все мои ощущения и симптомы, во-первых, потому, что они интересны сами по себе — «любопытное психофизиологическое явление», говорит доктор, — а во-вторых, потому, что убежден, что когда эти явления пройдут, то будут казаться неясными и нереальными, чем-то вроде странного видения в полусне. Поэтому я запишу их, пока они свежи у меня в памяти, хотя бы ради отвлечения мысли от бесконечных цифр.

В моей комнате есть старинное зеркало в серебряной оправе, подаренное мне одним моим приятелем, любителем древностей. Насколько я знаю, он купил его на каком-то аукционе, не имея понятия, откуда оно взялось. Зеркало это имеет три фута в длину и два фута в высоту и прислонено к столику, стоящему слева от того стола, на котором я пишу. Рамка плоская, около двух дюймов в ширину, и очень старинная — слишком старинная для того, чтобы иметь клеймо или какие-нибудь другие признаки,

указывающие на время ее происхождения. Само стекло очень ровное и гладкое и обладает той великолепной способностью отражения, которая свойственна, по моему мнению, только очень старинным зеркалам. В них чувствуется такая перспектива, какой незаметно в нынешних зеркалах.

Зеркало стоит так, что с моего места я могу видеть в нем только отражение красных занавесей окна. Но вчера ночью произошло нечто странное. Я работал в продолжение нескольких часов, очень неохотно; часто перед глазами у меня вставал туман. Мне приходилось бросать работу и протирать глаза. В одну из таких минут я случайно взглянул в зеркало и увидел странное зрелище. В зеркале не отражались, как всегда, красные занавеси; стекло казалось затуманенным и запотевшим — не на поверхности, блестящей, как сталь, но в самой глубине. Когда я стал пристально вглядываться, то заметил, что эта непроницаемая масса, казалось, медленно вращалась то в одну, то в другую сторону, пока не появилось густое белое облако, свивавшееся большими клубами. Все это казалось настолько реальным, а я настолько владел рассудком, что помню, как обернулся посмотреть, не горят ли занавеси. Но в комнате царил мертвая тишина; не было слышно ничего, кроме тиканья часов, не заметно никакого движения, за исключением медленного вращения странного волокнистого облака в самом сердце старинного зеркала.

Когда я взглянул опять, туман или дым или облако — назовите это как хотите — казалось, собрался и уплотнился в двух точках и, скорее с чувством интереса, чем страха, я убедился, что то были два глаза, смотревшие в комнату. Увидел я и слабые очертания головы — судя по волосам, головы женщины, но очень неясные. Ясно видны были только глаза; какие глаза, — темные, блестящие, полные какого-то страшного чувства, ярости или ужаса, — я не мог решить. Никогда не приходилось мне видеть глаз, полных такой интенсивной жизни. Они не были устремлены на меня, но пристально смотрели в комнату. Я выпрямился, провел рукой по лбу и сделал напряженное, сознательное усилие, чтобы овладеть собой. Неясные очертания головы исчезли в общей непроницаемой глубине, зеркало медленно прояснилось, и в нем снова показались красные занавеси.

Люди скептического склада ума, наверное, скажут, что я заснул над цифрами и видел все это во сне. Но никогда в жизни я не чувствовал себя настолько бодрствующим.

Даже в то время, как я смотрел в зеркало, я доказывал себе, что это субъективное впечатление — химера, вызванная расстройством нервов вследствие усталости и бессонницы. Но почему расстройство вылилось в такую особенную форму? И кто эта женщина, что значит страшное волнение, которое я прочел в ее удивительных карих глазах? Эти глаза стоят между мной и моей работой. В первый раз я сделал менее назначенного мною урока. Поэтому, может быть, сегодня вечером я и не испытывал никаких ненормальных явлений. Завтра надо встряхнуться во что бы то ни стало.

11-го января. — Все хорошо, и работа идет успешно. Петля за петлей, я обвиваю сетью тучное тело виновного. Но все же победа может остаться на его стороне, если мои нервы не выдержат. Зеркало служит словно барометром утомления моего мозга. Каждый вечер, прежде чем я кончу работу, я вижу, как оно заволакивается.

Доктор Синклер (по-видимому, он занимается психологическими вопросами) так заинтересовался моим рассказом, что пришел сегодня вечером посмотреть зеркало. Я заметил на задней стороне его несколько слов, написанных старинными крючковатыми буквами. Доктор принялся рассматривать надпись в лупу, но не мог ничего понять. «Sans. X. Pal» вот все, что он разобрал, а это, конечно, не подвинуло дела. Синклер посоветовал мне поставить зеркало в другую комнату; но что бы я ни видел там, это, по его словам, только симптом болезни, а опасность лежит в причине ее. Нужно убрать, если возможно, эти двадцать счетных книг, а не зеркало. Я настолько успел в своем деле, что проверяю уже восьмую книгу.

13-го. — Пожалуй, было бы умнее, если бы я спрятал зеркало. Вчера ночью произошло необыкновенное событие. Но все это так интересно, так завлекательно, что я все-таки оставляю зеркало на месте. Что бы могло это значить?

Я думаю, было около часа ночи; я захлопнул книгу, собираясь ложиться в постель, как вдруг увидел ее перед собой. Должно быть, я не заметил, как закончился период тумана; во всяком случае теперь она обрисовалась передо мной во всей своей красе, страсти и отчаянии так ясно, словно я видел ее во плоти. Ее фигурка видна очень отчетливо — так отчетливо, что каждая черта ее лица, каждая подробность ее костюма запечатлелись в моей памяти. Она сидит в зеркале в крайнем углу, налево. У ног ее лежит какая-то туманная фигура — я едва мог различить,

что это фигура мужчины; а за ними — облако, в котором я вижу фигуры — движущиеся фигуры. Я вижу не картину. Передо мной сцена из жизни, действительный эпизод. Она наклоняется и дрожит. Мужчина припадает к ее ногам. Неясные фигуры делают порывистые движения и жесты. Все мои страхи поглощаются возбужденным во мне интересом.

Но по крайней мере женщину я могу описать в малейших подробностях. Она очень красива и молода, ей не более двадцати пяти лет, насколько я могу судить. Волосы ее чудного темно-каштанового оттенка, переходящего на концах в золотой. Маленький чепчик спускается на лоб углом; он из кружев и обшит жемчугом. Лоб высок, может быть, слишком высок для совершенной красоты; но вряд ли можно пожалеть об этом, так как он придает величие и силу слишком нежному, женственному лицу. Брови над тяжелыми веками изогнуты необыкновенно изящно, а затем эти удивительные глаза — такие большие, темные, полные безграничного волнения, ярости, ужаса, борющихся с гордым самообладанием, удерживающим ее от полного безумия! Щеки ее бледны, губы белы от муки, подбородок и шея округлены изящно. Она сидит в кресле, подавшись вперед, вся напряженная, словно застывшая от ужаса. На ней платье из черного бархата, на груди горит, словно пламя, какой-то драгоценный камень, золотое распятие выглядывает из складок платья. Такова женщина, образ которой еще живет в старинном серебряном зеркале. Какое ужасное событие оставило в нем такой след, что и теперь, в другом веке: человек, находящийся в подходящем настроении, может отзываться на него.

Еще одна подробность: внизу с левой стороны черного платья я увидел нечто, показавшееся мне бесформенной массой белых лент. Когда я вгляделся пристальнее или, может быть, когда видение стало определеннее, я увидел что это было. То была человеческая рука, конвульсивно сжатая и ухватившаяся в агонии за складку платья. Остальные части фигуры представляли собой только неясные очертания, но эта напряженная рука ясно выделялась на темном фоне; ее отчаянный жест указывает на какую-то зловещую трагедию. Человек этот испуган... страшно испуган. Это легко было заметить. Что так испугало его? Зачем он ухватился за платье этой женщины? Ответ должны датьдвигающиеся на заднем плане фигуры. Они угрожают опасностью и ему и ей. Интерес мой все воз-

растал, и все мое внимание было приковано к зеркалу. Я уже не думал о вредном влиянии на мои нервы и смотрел, не отрываясь, как на сцену в театре. Но я не мог узнать ничего больше. Туман стал рассеиваться. Все фигуры принимали участие в его бурных движениях. Потом зеркало снова стало ясным.

Доктор говорит, что я должен бросить работу на один день. Я согласен сделать это, так как работа у меня сильно подвинулась. Очевидно, видения вполне зависят от моего нервного состояния; сегодня вечером я, например, просидел перед зеркалом целый час без всякого результата. День отдыха прогнал всякие видения. Хотелось бы мне знать, удастся ли мне проникнуть в их значение? Сегодня вечером я разглядывал зеркало при сильном освещении и, кроме таинственных слов «*Sanc. X. Pal*», я заметил еще какие-то знаки, может быть, геральдические, еле заметные на серебре. Должно быть, эти знаки очень старинные, так как они почти совсем стерлись. Насколько я мог разобрать, это три острия копья, два наверху и одно снизу. Завтра я покажу их доктору.

14-го января. — Чувствую себя отлично и решил, что теперь ничто не должно мешать мне окончить мою работу. Я показал доктору знаки на зеркале, и он согласился со мной, что они геральдические. Он очень заинтересован всем, что я рассказал ему, и подробно расспрашивал обо всех деталях. Мне забавно видеть, как его обуревают два противоположных желания — одно, чтобы пациент излечился от симптомов его болезни, другое, чтобы медиум — каким он считает меня — разрешил эту тайну прошлого. Он советует мне отдохнуть основательно, но не слишком сильно восстал, когда я объявил ему, что это невозможно, пока я не проверю остальных десять книг.

17 января. — Вот уже три ночи со мной не случилось ничего особенного. День отдыха принес свои плоды. Остается непроверенной только четвертая часть книг; но приходится работать усиленно, так как адвокаты требуют материала. Я дал им достаточно материала. Я уличу его на ста счетах. Когда они поймут, что это за изворотливый, хитрый мошенник, это дело доставит мне прочное положение. Фальшивые торговые отчеты, фальшивые балансы, дивиденды, взимаемые из капитала, убытки, записанные, как приход, прекращение расходов на работу, манипуляции с мелкими деньгами — чудесный выйдет протокол!

18-е января. — Головные боли, нервные подергивания, туман перед глазами, тяжесть в висках — все предвещало нервное возбуждение, и оно наступило.

Но все же мое главное огорчение не в том, что у меня снова были видения, а в том, что они окончились раньше, чем я успел разглядеть все.

Но на этот раз я видел больше. Я мог рассмотреть человека на коленях так же хорошо, как и женщину, за платье которой он ухватился. Это маленький смуглый человек с черной остроконечной бородкой. На нем просторная одежда из камчатной материи, обшитой мехом. Преобладающий цвет его платья — красный. Однако, как он перепуган! Он извивается, дрожит и бросает яростные взгляды через плечо. В другой руке у него маленький нож, но он слишком дрожит и слишком трусит, чтобы воспользоваться им. Я смутно начинаю различать фигуры на заднем плане. Свиристые, бородатые, смуглые лица вырисовываются среди тумана. Я вижу ужасное существо, скелет человека с провалившимися щеками и впалыми глазами. У него также нож в руке. Справа от женщины стоит высокий, очень молодой человек с белокурыми волосами, угрюмым и суровым лицом. Прекрасная женщина, как и человек у ее ног, смотрит на него также с мольбою. Этот юноша кажется вершителем их судьбы. Человек на коленях подползает и прячется в складках платья женщины. Высокий юноша наклоняется и пытается оттащить ее от него... Вот что я видел вчера, прежде чем зеркало прояснилось. Неужели я никогда не узнаю, к чему привело все это и откуда появилось это видение? Я вполне уверен, что это не простая игра воображения. Когда-нибудь, где-нибудь разыгралась эта сцена, и старинное зеркало отразило ее. Но когда... где?..

20-го января. — Моя работа идет к концу. И пора. Я чувствую такое напряженное состояние мозга, которое предупреждает меня, что мне не вынести больше. Я заработался до последней крайности. Но сегодня последняя ночь. Я употреблю все усилия, проверю последнюю книгу и не встану со стула, пока не окончу дела. Я сделаю это. Сделаю.

7-е февраля. — Я сделал. Боже мой, что я испытал! Не знаю, хватит ли у меня сил записать все.

Прежде всего я должен объяснить, что пишу в частной лечебнице доктора Синклера, спустя три недели после моей последней заметки в дневнике. В ночь на 20-е

января моя нервная система окончательно не выдержала, и я ничего не помню больше до тех пор, пока не очутился через три дня в здешнем мирном убежище. Теперь я могу отдыхать со спокойной совестью. Работа моя была окончена прежде, чем я потерял силы. Цифры в руках адвоката. Охота закончена.

Теперь следует описать последнюю ночь. Я поклялся окончить мою работу и занимался так усердно, несмотря на то, что голова у меня словно хотела лопнуть, что не отрывался от работы, пока не проверил последнего столбца. И много мне было нужно самообладания, так как я знал, что в зеркале все время происходили удивительные вещи. Каждый нерв во мне говорил это. Взгляни я туда раз — и конец моей работе. Поэтому я не смотрел в зеркало, пока не окончил всего. Когда я наконец бросил перо и с бьющимися висками поднял глаза, какое зрелище представало предо мной!

Зеркало в своей серебряной оправе казалось блестяще освещенной сценой, на которой происходило драматическое представление. Тумана не было. Напряжение моих нервов вызвало удивительную ясность. Каждая черта лица, каждое движение было отчетливо, как сама жизнь. Только подумать, что мне, усталому счетоводу, самому прозаичному существу на свете, с лежащими предо мной счетными книгами мошенника-банкрота, суждено было из всего человечества видеть подобную сцену.

Сцена, как и действующие лица, была та же, но драматическое действие развилось. Высокий молодой человек держал женщину. Она вырывалась и с выражением отвращения, подняв голову, смотрела на него. Человека, стоявшего на коленях и ухватившегося за складки платья, оторвали от нее. Его окружало с дюжину людей — грубых, бородатых. Они устремились на него с ножами в руках. Казалось, все сразу ударили его. Их руки подымались и опадали. Кровь не текла из его тела — она была фонтаном. Его красное платье было промочено кровью. Он бросался во все стороны. Они продолжали наносить удары, и брызги крови взлетали из его тела. Это было ужасно, ужасно! Они потащили его по полу, продолжая наносить удары. Женщина взглянула на него через плечо, и рот ее открылся. Я ничего не слышал, но знал, что она закричала. Потом — от ужасной ли картины, подействовавшей на мои нервы, или от переутомления после непосильной работы последних недель, — но комната внезапно заплесала

вокруг меня, пол словно исчез из-под моих ног, и я больше ничего не помню. Ранним утром хозяйка нашла меня без чувств перед серебряным зеркалом, но я ничего не помнил, пока не очнулся через три дня в мирном покое лечебницы.

9-го февраля. — Только сегодня я рассказал доктору все, что мне пришлось испытать. Раньше он не позволял мне говорить об этом. Он слушал меня с живейшим интересом.

— Не припоминается ли вам при этом какая-нибудь сцена из истории? — спросил он, и подозрение мелькнуло у него в глазах.

Я уверил его, что не помню ничего подобного в истории.

— Вы не знаете, откуда это зеркало и кому оно принадлежало? — продолжал он.

— А вы знаете? — спросил я, заметив, что он говорит многозначительно.

— Это невероятно, — сказал он, — но как же объяснить иначе? Рассказанные вами сцены уже навели меня на эту мысль, а теперь не может быть и речи о совпадении. Я принесу вам сегодня вечером несколько заметок.

Позже. — Он только что ушел. Запишу его слова насколько возможно точно. Прежде всего он положил передо мной несколько заплесневелых книг.

— Вы можете прочитать их на свободе, — сказал он. — Тут я сделал несколько заметок, которые вы можете подтвердить. Нет ни малейшего сомнения в том, что виденное вами — убийство Риччио шотландскими дворянами в присутствии шотландской Марии, произошедшее в марте 1566 года. Ваше описание женщины в зеркале совершенно верно. Высокий лоб и тяжелые веки в соединении с выдающейся красотой едва ли можно встретить у двух женщин. Высокий молодой человек — ее муж, Дарнлей. Риччио, как говорит хроника, «был одет в просторную одежду из камчатной материи, опушенной мехом, и в бархатные штаны рыжевато-бурого цвета». Одной рукой он цеплялся за платье Марии, в другой держал кинжал. Ваш свирепый человек со впалыми глазами был Рутвэнь, только что вставший с одра болезни. Все подробности точны.

— Но почему же это видел именно я? — с изумлением спросил я. — Почему именно я изо всех людей?

— Потому что вы были в подходящем состоянии ума для получения данного впечатления. Потому что вы

случайно владеете зеркалом, которое может вызвать это впечатление.

— Зеркало! Так вы думаете, что зеркало королевы Марии... что оно стояло в комнате, где произошло это событие?

— Я уверен, что это зеркало Марии. Она была ведь королевой Франции. На ее личной собственности должен быть королевский герб. То, что вы приняли за три острия копья, в действительности французские лилии.

— А надпись?

— «Sanc X. Pal». Можно расшифровать ее «Sanctae Crucis Palatium». Кто-то отметил на зеркале, откуда оно получено. Из «Дворца Воздвижение Честного Креста.»

— Из Голируда?¹

— Вот именно. Ваше зеркало из Голируда... Да, многое пришлось вам пережить, и вы остались невредимы. Надеюсь, что вам не придется в другой раз испытать что-нибудь в этом роде.

¹ «Palace of the cross» — «Holy cross day, Holygood-day» — Воздвижение Честного Креста. Голируд — дворец, где произошло описанное событие.

Топор с посеребренной рукояткой

(действительное происшествие)

3 декабря 1881 года д-р Отто фон Гопштейн, профессор сравнительной анатомии Будапештского университета и попечитель Академического музея, был самым подлым образом зверски убит прямо у входа в здание университета.

Мало того, что жертвой подобной жестокости оказался человек видный и весьма популярный среди студентов и горожан, но имелись в деле ещё и особые обстоятельства, способствовавшие тому, что данный случай привлёк живейшее внимание публики и заставил говорить о себе всю Австро-Венгрию.

Газета «Пештер Абендблатт» опубликовала на следующее утро статью, с которой могут ознакомиться любопытные. Я приведу из неё лишь несколько отрывков, имеющих отношение к некоторым обстоятельствам данного преступления, каковые поставили в тупик венгерскую полицию.

«Насколько можно судить, — сказано в этой замечательной газете, — профессор фон Гопштейн покинул здание университета около половины пятого пополудни, чтобы успеть на вокзал к прибытию венского поезда в 17.05. Профессора сопровождал приват-доцент химии г-н Вильгельм Шлезингер, его давнишний и преданный друг и главный помощник в заботах о музее. Цель, которую задался оба господина, направляясь встречать названный поезд, состояла в том, чтобы принять коллекцию, переданную в дар Будапештскому университету после смерти её владельца графа Шуллинга. Как известно, этот несчастный дворянин, трагическая гибель которого ещё у всех на устах, завещал уже знаменитому музею в своей alma mater непревзойдённую коллекцию средневекового оружия владельцем коей он являлся, а также несколько поистине бесценных инкунабул¹.

¹ Старинные книги, изданные в первые годы после изобретения книгопечатания. (И. Р.)

Достопочтенный профессор слишком дорожил подобными реликвиями, чтобы доверить их получение и доставку кому-нибудь из подчинённых. Таким образом, с помощью г-на Шлезингера он намеревался принять коллекцию прямо на вокзале и разместить её в небольшой повозке, предоставленной для этой цели университетским руководством. Большая часть книг и наиболее хрупких предметов прибыла упакованная в деревянные ящики, однако значительная часть оружия была без особых затей обложена соломой, так что разгрузка оказалась делом отнюдь не лёгким.

Тем не менее профессор был настолько озабочен тем, как бы бесценные реликвии не повредились, что решительно отверг услуги носильщиков. Каждый из экспонатов переносился по перрону непосредственно г-ном Шлезингером и передавался им прямо в руки профессору фон Гопштейну, который находился в повозке и занимался погрузкой.

Когда всё было уложено, оба учёных, печась о сохранности груза, вернулись в университет. Профессор был в превосходном настроении. Он явно гордился тем, что смог в свои преклонные годы выказать столько умения и сноровки при погрузке всех этих весьма тяжеловесных и громоздких предметов. Он даже отпустил по этому поводу несколько шутивных замечаний Рейнмаулю, университетскому привратнику, который с помощью своего друга Шиффера, еврея из Богемии, разгружал повозку по прибытии её в университет.

После того, как реликвии были надёжно размещены в университетском хранилище, профессор самолично запер дверь, передал ключ от неё своему помощнику, г-ну Шлезингеру, и, попрощавшись со всеми, отправился домой. Г-н Шлезингер со своей стороны, ещё раз убедившись, что всё в полном порядке, также ушёл, оставив Рейнмауля с его приятелем Шиффером курить в привратничкой.

В одиннадцать часов вечера, приблизительно через полтора часа после ухода фон Гопштейна, один солдат 14-го стрелкового полка, возвращаясь в казарму и проходя мимо здания университета, натолкнулся на тело профессора, лежавшее чуть поодаль от обочины дороги. Фон Гопштейн лежал ничком, раскинув руки. Голова была разрублена пополам страшным ударом, который, как видно, был нанесён сзади, поскольку на лице старика застыла мирная улыбка; должно быть, смерть настигла его внезапно, когда

он был погружён в приятные мысли о своём последнем приобретении. Иных увечий на теле не обнаружено, если не считать отёка в области левого колена, вызванного, по всей видимости, ушибом уже после нанесения удара, когда профессор упал. Самое, пожалуй, необъяснимое в этой истории то, что кошелёк профессора с сорока тремя флоринами, а также дорогие часы остались нетронутыми. Стало быть, мотивом преступления не могло быть ограбление, если только убийцам не помешали прежде, чем они смогли довершить начатое.

Однако последнее предположение отпадает по той причине, что тело убитого, по-видимому, пролежало в таком положении не менее часа. Всё это дело окутано непроницаемой тайной. Д-р Лангенманн, знаменитый врач-криминалист, пришёл к выводу, что рана могла быть нанесена тяжёлым сабельным штыком, причём нападавший, несомненно, отличается незаурядной силой. Полиция воздерживается от каких-либо комментариев по данному поводу, а это даёт основания полагать, что она уже напала на след. Возможно, в скором времени преступники будут найдены».

Вот и всё, что сообщала об этом происшествии «Пештер Абендблатт». Тем не менее поиски полиции не пролили ни малейшего света на обстоятельства убийства. Не удалось найти даже намёка на след убийцы, и самые хитроумные уловки не помогли обнаружить ни малейшего повода, который мог бы послужить мотивом к совершению столь ужасного преступления. Покойный профессор был настолько поглощён своими научными изысканиями, что жил, как бы оттородясь от мира, и определённо не мог дать повода кому бы то ни было для проявления враждебности. Оставалось только допустить, что удар этот был нанесён каким-то демоном, кровожадным дикарём.

Хотя городские власти были весьма далеки от того, чтобы прийти к какому-либо заключению касательно данного убийства, обыватели в городе по своей подозрительности всё же не замедлили найти себе козла отпущения. Как, может быть, помнит читатель, в первых газетных сообщениях фигурировало имя некоего Шиффера; было известно, что он оставался с привратником после ухода профессора. Шиффер был еврей, а к евреям в Венгрии всегда относились прескверно. Общественность стала громко требовать ареста Шиффера, но поскольку против него не было ни малейшей улики, то у властей всё же

хватило здравого смысла не совершать столь опрометчивого шага.

Притом убеждённый седи́нами Рейнмауль, один из наиболее уважаемых граждан города, клятвенно заверил, что Шиффер был неотлучно с ним, а когда солдат закричал от ужаса, они оба тотчас поспешили к месту трагического события. При таких обстоятельствах никому не приходило в голову обвинять Рейнмауля, но шёпотом поговаривали, будто его давняя и всем известная дружба с Шиффером вполне могла заставить его солгать, дабы выгородить приятеля.

Народные страсти начали накаляться, над Шиффером нависла серьёзная опасность расправы со стороны разъярённой толпы, когда вдруг произошло событие, заставившее взглянуть на всю эту историю под совершенно иным углом зрения.

Утром 12 декабря, то есть ровно через девять дней после таинственного убийства профессора, на окраине Большой площади Будапешта был найден окоченелый труп Шиффера, еврея из Богемии; тело его было так изувечено, что опознать его составило немало труда. Голова оказалась рассечена пополам почти так же, как и у фон Гопштейна.

При осмотре тела обнаружили множество глубоких ран, как если бы убийца был вне себя и в ярости продолжал наносить своей жертве удары. Накануне выпало много снега, огромная площадь вся оказалась заметена сугробами толщиной более фута. Снег шёл и ночью, как явствует из того, что он тонкой плёнкой, словно саваном, покрыл тело Шиффера.

Поначалу надеялись, что данное обстоятельство поможет обнаружить следы, оставленные убийцами, но, к сожалению, убийство произошло в таком месте, где в дневное время бойко илюдно. Следов было множество и вели они во все стороны. Кроме того, снег, выпавший позднее, настолько исказил сами очертания следов, что было уже невозможно извлечь из них сколько-нибудь ценные сведения.

Тайна убийства, таким образом, казалась столь же непостижимой, а злодеяние — лишённым мотивов, как и убийство профессора фон Гопштейна. В одном из карманов Шиффера был найден бумажник, в котором содержалась значительная сумма золотом и множество крупных банкнот, но, по всей видимости, убийцами не было

предпринято ни малейшей попытки завладеть ими. Если допустить, как предполагала полиция, будто кто-то, кому убитый одолжил денег, употребил столь варварское средство, чтобы избежать необходимости вернуть долг, трудно было поверить, что злодей в таком случае оставил нетронутой подобную добычу.

Шиффер жил у вдовы по фамилии Груга на улице Марии-Терезии, 49, и допрос домовладелицы и её детей позволил установить, что весь предыдущий вечер Шиффер провёл, запершись у себя дома, в состоянии самой глубокой подавленности, связанной, по-видимому, с теми слухами, что ходили в городе на его счёт. Домовладелица слышала, как к одиннадцати часам вечера он вышел из дому на прогулку, оказавшуюся для него роковой, и поскольку у него был ключ от входной двери, она легла спать, не дожидаясь его возвращения. Если он выбрал себе для прогулки столь поздний час, то, видимо, потому, что не чувствовал себя в безопасности днём, боясь, что его узнают на улице.

Это второе убийство, совершённое вскоре же после первого, вызвало необычайное беспокойство и даже панику не только в Будапеште, но и во всей Венгрии. Казалось, нет такого человека, который мог бы быть уверен, что его минует страшная участь — смерть от неведомой силы. Единственное, что сопоставимо со всеобщим напряжением, царившим тогда в Венгрии, так только настроение у нас в Англии после злодейств, совершённых Вильямсом, как всё это описано у де Квинси.

Столь разительно было сходство между убийством фон Гопштейна и убийством Шиффера, что казалось невозможным усомниться в существовании между обоими преступлениями некой связующей причины. Отсутствие мотива, отсутствие ограбления, полнейшее отсутствие следов и улик, обличающих убийцу, наконец чудовищность ран, нанесённых, по-видимому, тем же самым или схожим оружием — всё это указывало на общность источника.

Таково было положение дел к тому времени, когда случились события, о которых я расскажу сейчас, но чтобы рассказ этот был более понятным, мне придётся начать с другого.

Отто фон Шлегель был младшим отпрыском славного рода силезских Шлегелей. Его отец поначалу прочил ему армейскую карьеру, но, приняв к сведению мнение учителей, восхищённых талантами, кои проявлял юноша, он в

конце концов отправил его изучать медицину в Будапештский университет. Молодой Шлегель отличился там во всех науках; многие полагали, что он блестяще сдаст выпускные экзамены, приумножив славу университета. Хотя читал он необычайно много, всё же его нельзя было назвать «книжным червём». Напротив, в молодом человеке кипели силы и была через край энергия; молодецкой удали и склонности ко всяческому юношеским проказам ему было не занимать, так что популярность его среди студентов и сотоварищей была необычайная.

Приближались очередные экзамены, и Шлегель упорно готовился, настолько упорно, что даже страшные убийства, повергшие будапештцев в ужас, не смогли отвлечь его от занятий. В рождественский вечер, когда окна домов ярко и празднично светились, а из винного погребка, расположенного в студенческом квартале, доносились разудалые застольные песни, он отказался от настойчивых приглашений и призывов на ночные пирушки и с книгами под мышкой отправился к своему приятелю Леопольду Штраусу, чтобы сообща позаниматься до зари.

Штраус и Шлегель были неразлучными друзьями. Оба уроженцы Силезии, они знали друг друга с детства; их взаимная привязанность вошла в университет в поговорку. Штраус был, пожалуй, столь же замечательным студентом, как и сам Шлегель; между земляками постоянно случались по такому поводу самые горячие состязания, но всё это служило только укреплению их дружбы, внося в неё элемент взаимного уважения. Шлегель восхищался неуёмным упорством и безграничным добродушием своего давнишнего товарища по играм, а тот взирал на Шлегеля с его щедрыми талантами и блестящей способностью к учёбе как на совершенный образец человеческой личности.

Оба друга усердно занимались — один читал вслух трактат по анатомии, другой с черепом в руке прослеживал по нему детали, указанные в тексте, когда строгий звон с колокольни Святого Григория возвестил полночь.

— Послушай, старина, — сказал Шлегель, внезапно закрыв книгу и вытянув перед камином длинные ноги. — Вот и Рождество. Бог даст, не последнее, какое мы проводим вместе!

— Да, нам бы только управиться с этими проклятыми экзаменами до наступления следующего, — ответил

Штраус. — Слушай, Отто, бутылочка винца по такому поводу придётся нам очень кстати. Я нарочно запасся такой.

Его добродушная физиономия немца-южанина осветилась задорной улыбкой; из груды книг и костей в углу комнаты он вытянул высокогорлую бутылку рейнского вина.

— Да, сегодня одна из тех ночей, когда так приятно сидеть дома, пока за окном царят холод и мрак, — задумчиво протянул Отто фон Шлегель, созерцая зимний пейзаж. — Твоё здоровье, Леопольд!

— *Lebe hoch!*¹ — ответил ему товарищ. — До чего же приятно хоть на минуту отвлечься от этих дурацких костей. Скажи, Отто, а что нового среди наших? Что слышно о Граубе и его противнике?

— Они дерутся завтра на кулаках, — ответил Шлегель. — Боюсь, как бы нашему удалцу не разукрасили физиономию, ведь у него руки чуть короче. Но при своей ловкости и проворстве, он вполне может с честью выйти из этого дела. Говорят, он знает какой-то особый приём.

— И что, это и все студенческие новости? — спросил Штраус

— Только и разговоров, по-моему, что о последних убийствах. Но я все эти дни, как ты знаешь, сижу за книгами и почти не обращаю внимания на подобные рассказы.

— Скажи, а ты ещё не успел посмотреть книги и оружие, о которых хлопотал наш почтенный профессор незадолго до того, как его нашли мёртвым? — спросил Штраус — Говорят, их весьма стоит посмотреть.

— Как раз сегодня видел, — ответил Шлегель, разжигая трубку. — Рейнмауль, привратник, провёл меня в хранилище, и я помогал ему наклеивать этикетки на многочисленные экспонаты, сверяясь с каталогом музея графа Шуллинга. Судя по всему, в коллекции не хватает одного предмета.

— Не хватает одного предмета? — поразился Штраус. — Знал бы старик Гопштейн, он бы перевернулся в гробу. И что-нибудь существенное?

— По каталогу тот предмет значится как старинный боевой топор; само оружие стальное, а рукоятка покрыта серебром. Мы написали извещение в железнодорожную компанию, и его несомненно разыщут.

¹ Будь здоров! (Нем.)

— Надо надеяться, — согласился Штраус.

После этого разговор перешёл на иную тему.

Огонь в камине уже погас, бутылка рейнского опустела, друзья наконец поднялись, и Шлегель собрался уходить.

— Бррр... какая холодная ночь, — поёжился он, стоя на пороге и облачаясь в пальто. — Как, Леопольд, ты хватаешься за фуражку? Надеюсь, ты не собираешься выходить?

— Нет, как раз собираюсь. Я тебя провожу, — сказал Штраус, затворяя за собой дверь. — Чувствую потребность пройтись, — добавил он, взяв друга под руку и начав спускаться с ним по лестнице. — Думаю, что прогулка до твоего дома поможет мне взбодриться.

Студенты прошли по Штеффенштрассе и пересекли площадь Святого Юлиана, беседуя на разные темы. Но когда они оглянулись угол Большой площади, на которой было найдено тело Шиффера, разговор, естественно, снова коснулся убийства.

— Вот здесь его нашли, — заметил Шлегель, показывая место.

— Быть может, убийца сейчас где-то поблизости, — сказал Штраус. — Поторопимся.

Они хотели было продолжить путь, как вдруг Шлегель вскрикнул от боли и нагнулся.

— Как больно! Видно, что-то впилося в подошву, — воскликнул он и, шаря рукой в снегу, извлёк оттуда маленький боевой топор, который весь сверкал в лунном свете, словно был целиком отлит из металла.

Топор лежал остриём сверху и чуть не поранил студенту ногу, когда он наступил на него.

— Оружие убийцы! — изумился он.

— Серебряный топорик из музея! — одновременно воскликнул Штраус.

Друзья нисколько не сомневались, что их догадки в одинаковой степени верны. Мысль о том, будто есть ещё один такой же диковинный топор, казалась просто невероятной, а зная заключение криминалистов, студенты сразу предположили, что раны были нанесены именно этим предметом.

Убийца, без всякого сомнения, просто бросил оружие, совершив своё чёрное дело; засыпанный снегом топор был найден в двадцати метрах от места убийства. Казалось невероятным, что его никто не заметил, ведь в течение дня

тут очень людно; но снег был глубоким, а оружие злодеяния лежало несколько в стороне от протоптанной дорожки.

— Как нам с ним поступить? — спросил Шлегель, держа топор в руке. Он вздрогнул, увидев при свете луны множество темно-бурых пятен на поверхности стали.

— Отнесём его комиссару полиции, — предложил Штраус

— В это время он уже спит. Но всё-таки, я думаю, ты прав. Дождусь утра, а там перед завтраком отнесу его комиссару. Пока же придётся забрать его домой.

— Да, так наверно лучше, — согласился с ним друг.

И они продолжили путь, рассуждая о важности только что сделанной ими находки.

Когда наконец подошли к дому Шлегеля, Штраус пожелал другу спокойной ночи и, отклонив радушное предложение зайти, быстрым шагом двинулся по улице, стремясь поскорее попасть домой.

Шлегель уже было нагнулся, чтобы вставить ключ в замочную скважину, как вдруг какое-то странное, непостижимое изменение произошло во всём его существе. Он весь буквально затрясся от ярости, так что даже ключ выпал из его дрожащих пальцев. Правая рука судорожно сжала серебряную рукоятку топора, а в глазах вспыхнуло дикое пламя ненависти, — он устремил взгляд на удаляющуюся фигуру друга. Несмотря на холод рождественской ночи, по лицу Шлегеля градом катился пот. С минуты он как бы боролся с каким-то внутренним порывом. Он даже поднёс к воротнику руку, словно бы задыхаясь. Затем Шлегель пригнулся и, крадучись, устремился за своим приятелем, с которым только что расстался.

Штраус ступал по снегу тяжёлым и твёрдым шагом, бодро насвистывая мотив какой-то студенческой песенки и ничего не подозревая о крадущейся сзади зловещей фигуре. На Большой площади их разделяло сорок метров; на площади Святого Юлиана — уже только двадцать; на улице Святого Этьена — всего лишь десять, и преследователь, словно пантера, постепенно настигал беззаботно шедшего студента.

Вот он уже всего лишь на расстоянии вытянутой руки от ничего не подозревающего человека. Топор холодно сверкнул в лунном свете, когда какой-то слабый звук, видимо, привлёк внимание Штрауса, он резко обернулся и оказался вдруг лицом к лицу со своим преследователем.

Штраус вздрогнул от неожиданности и издал удивлённое восклицание, увидев мертвенное и сведённое судорогой лицо, сверкающие безумным огнём глаза и стиснутые зубы подкравшегося сзади преследователя.

— Что с тобой, Отто?! — воскликнул он, узнав своего друга. — Тебе плохо? Ты что-то бледен. Пойдём со мной... Стой, сумасшедший, брось этот топор! Брось его, говорю тебе, не то, клянусь небом, я тебя задушу!

Шлегель, издав страшный крик, бросился на него, потрясая топором, но студент был человеком смелым и решительным. Он уклонился от удара, который бы раскроил ему голову, обхватил нападающего одной рукой за талию, а другой за руку, сжимавшую топор. Какой-то миг они боролись в смертельном объятии. Шлегель пытался высвободить руку, но Штраусу в отчаянном усилии удалось повалить его на землю, и оба покатались по снегу; Штраус старался не выпускать руку, сжимавшую топор, и громко звал на помощь.

И хорошо, что звал, ибо не кричи он, Шлегелю наверняка удалось бы высвободить руку, но тут на шум подошли два рослых жандарма. Однако даже втроём им стоило невероятных усилий управиться со Шлегелем, силы которому придавало какое-то яростное безумие; при этом так и не удалось вырвать у него из руки злополучный топор — так цепко Шлегель сжимал рукоять. У одного из жандармов оказался с собою моток верёвки, которою он и поспешил воспользоваться. Студент был связан. Затем то толчками, то волоком, невзирая на яростные крики и иступлённые телодвижения, Шлегеля в конце концов препроводили в главный комиссариат полиции.

Штраус помогал тащить своего старого друга и последовал с ним и полицейскими до самого комиссариата. По дороге он всячески увещевал жандармов не применять насилия к задержанному и уверял, что дом умалишённых более подходящее место для бедолаги, нежели тюрьма. События минувшего получаса были столь чудовищны и невероятны, что он чувствовал, что и у него самого с головой не всё ладно.

Что, в самом деле, всё это значило? Несомненно, Шлегель — друг детства! — только что пытался его убить и едва не преуспел в этом. Как прикажете это понимать? Уж не он ли убийца профессора фон Гопштейна и богемского еврея?

Штраус понимал, что это невозможно. Шлегель всегда питал к профессору особенную симпатию, а что до еврея, так он даже и в глаза его не видел. Штраус машинально шёл за другом и конвоирами до самых дверей комиссариата, охваченный мучительным недоумением.

Дежурил, замечая комиссара, инспектор Баумгартен, один из самых энергичных и уважаемых сотрудников будапештской полиции, человек высокого роста, нервический, подвижный, но в обращении спокойный и выдержанный, одарённый к тому же незаурядной наблюдательностью. Даже после шести часов ночного дежурства Баумгартен, как всегда, был бодр и деловит. Он сидел у себя в кабинете, за своим бюро, в то время как его друг, младший инспектор Винкель, сладко похрапывал на стуле возле камина.

Несмотря на обычную бесстрастность инспектора, на лице его выразилось удивление, когда дверь вдруг широко распахнулась и в комнату втолкнули связанного Шлегеля, бледного, в разорванной одежде и с топором, который он по-прежнему судорожно сжимал в руке. Баумгартен удивился ещё более, когда Штраус и жандармы изложили суть дела, каковая должным образом и была внесена им в протокол.

— Эх, молодой человек, молодой человек, — укоризненно сказал Баумгартен, отложив наконец перо в сторону и строго глядя на злоумышленника. — Хороший же подарок вы припасли нам на рождественское утро! Зачем вы это сделали?

— Бог его знает, — ответил Шлегель, закрывая лицо руками. Как только топор выпал у него из руки, в нём снова произошла поразительная перемена: гнев и лихорадочное возбуждение исчезли без следа; казалось, он совершенно подавлен случившимся.

— Вы поставили себя в весьма неприятное положение. Есть все основания подозревать, что именно вы совершили два убийства, которые потрясли наш город.

— Нет, нет, что вы! Упаси Бог... — пробормотал Шлегель.

— По меньшей мере, вы виновны в том, что покушались на жизнь господина Леопольда Штрауса.

— Дороже, чем он, друга у меня нет! — простонал студент. — О, как я мог! Как я мог?!..

— Эта самая дружба делает ваше преступление лишь ещё более омерзительным, — сурово изрёк инспектор и

обратился к жандармам. — Пусть до утра его отведут в... Минутку! Что такое?

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл человек с безумным, блуждающим взглядом, одетый на скорую руку, походивший скорее на призрак, чем на живого человека. Он едва стоял на ногах и потому, чтобы приблизиться к столу инспектора, принуждён был опираться на спинки стульев. В этом несчастном и сломленном существе было не так-то легко узнать приват-доцента Вильгельма Шлезингера, жизнерадостного и краснощёкого помощника попечителя университетского музея, однако наметанным глазом Баумгартен сразу узнал вошедшего, несмотря на разительные перемены, происшедшие в его облике.

— Доброе утро, сударь! — сказал он. — Рановато вы к нам пожаловали. Надо полагать, всему виной то, что один из ваших студентов — Шлегель — арестован при попытке убийства Леопольда Штрауса?

— Нет, я явился по собственному делу, — прохрипел Шлезингер, поднося руку к вороту рубашки. — Я пришёл успокоить свою совесть и сознаться в лежащей на мне тяжкой вине. И всё же, видит Бог, господа, всё это случилось против моей воли... Это я, тот, кто... О, Боже! вот он! Вот он, этот проклятый топор... О, если б только он никогда не попадался мне на глаза!

И Шлезингер попятился, охваченный невольным ужасом, широко раскрытыми глазами глядя на топор, всё ещё лежавший на полу.

— Он здесь! — воскликнул Шлезингер, указывая дрожащим пальцем на зловещее изделие средневековья. — Взгляните только на него! Он попал сюда, чтобы обличить меня. Ведите бурю ржавчину, которой он весь покрыт? Знаете ли вы, что это такое? Это кровь моего самого дорогого, самого любимого друга, профессора фон Гопштейна! Я видел, как она брызнула из-под топора до самой рукоятки, когда всадил его в мозг моему другу... О, mein Gott! Эта картина и по сию пору стоит у меня перед глазами...

— Младший инспектор Винкель, — сказал Баумгартен, сиюсь сохранить официальное хладнокровие, — арестуйте этого человека. Он подозревается в убийстве на основании его собственного заявления. Точно так же передаю вам Шлегеля, здесь присутствующего, обвиняемого в покушении на убийство г-на Штрауса. Поместите в надёжное место и это оружие, — Баумгартен взял в руку топор. —

По всей видимости, оно послужило орудием для двух преступлений.

Вильгельм Шлезингер стоял, опершись на стол, лицо его было покрыто смертельной бледностью. Как только инспектор умолк, он в крайнем изумлении вскинул голову и воззрился на присутствующих.

— Как вы сказали? — воскликнул он. — Шлегель покушался на жизнь Штрауса? Да ведь это два самых неразлучных друга во всём университете! И я тоже убил своего друга и учителя! Это колдовство, говорю я вам, магия, эффект заговора. Мы все жертвы магической силы. Это... О, я понял! Во всём повинен топор, этот серебристый топор, будь он трижды проклят!

И он судорожно указал пальцем на оружие, которое инспектор Баумгартен всё ещё держал в руке. Инспектор презрительно улыбнулся.

— Успокойтесь, милейший, — сказал он. — Вы только усугубляете свою вину, пытаясь навязать столь необычайное объяснение преступному деянию, в котором только что сами сознались. Магия и колдовство не значатся в уголовном кодексе, как вам подтвердит и мой друг Винкель, и потому не могут быть приняты во внимание.

— Всё так, конечно, но тем не менее... — замялся младший инспектор, пожимая широкими плечами — На свете порой случаются странные вещи. Кто знает, если...

— Что?! — в ярости взревел инспектор Баумгартен. — Вы ещё смеете мне противоречить?! Я не потерплю тут никаких собственных мнений! Может быть, вы ещё вздумаете защищать этих проклятых убийц, болван несчастный? Олух, пробил твой последний час!!!

И, бросившись на потрясённого Винкеля, Баумгартен замахнулся на него топором. Последний час младшего инспектора и впрямь пробил бы, если бы Баумгартен в ярости не забыл о том, что в комнате слишком низкий потолок. Топор вонзился остриём в балку на потолке и, дрожа, застрял в ней, а рукоятка его разлетелась от удара на мелкие куски.

— Господи! что со мной? — проговорил Баумгартен, словно придя в себя и падая на свой стул. — Что я наделал?!

— Вы просто неопровержимо доказали, что слова господина Шлезингера — сущая правда, — сказал Шлегель, выступая вперёд: поражённые жандармы совершенно застыли при арестованного. — Наглядно доказали. Пусть это

и противоречит рассудку, науке или чему-нибудь ещё, тем не менее несомненно, что заговор проявил себя на деле. Это и даёт всему объяснение. Штраус, дружище, ты же знаешь, что, будь я в здравом уме, я бы и волоса не тронул на твоей голове... И вы, Шлезингер. Всем известно, как были вы дружны с профессором. А вы, инспектор Баумгартен, по собственному ли почину чуть не убили своего друга Винкеля?

— Нет, разумеется, ни за что бы на свете... — простонал инспектор, закрывая лицо руками.

— В таком случае, господа, разве не всё нам ясно? Но теперь, хвала небу, проклятое оружие разбилось и не сможет плодить новые несчастья... Но что это? Взгляните!

При этих словах на середину комнаты, в буквальном смысле с потолка, свалился тонкий свиток пожелтевшего пергамента. При взгляде на обломки рукоятки стало ясно, что она была полый. По всей вероятности, пергаментный свиток был всунут в неё через узкое отверстие, которое затем было запаяно.

Шлегель развернул документ. Прочесть его было почти невозможно: пергамент был ветхий, но всё же, что удалось разобрать (текст написан был по-немецки, на одном из средневековых диалектов), сводилось к следующему:

«Diese waffe benutzte Max von Erlichingen um Joanna Bodeck zu ermorden, deshalb beschuldige Ich, Johann Bodeck, mittelst der macht welche mir als mitglied des Concils des Rothen Kreuzes verliehen wurde, dieselbe mit dieser unthat. Mag sie anderen denselben schmerz verursachen den sie mir verursacht hat. Mag Jede hand die sie ergrifft mit dem blut eines freundes geroethet sein.

Immer uebel — niemals gut

Geroethet mit freundes blut!»

Что приблизительно можно перевести так:

«Сим оружием Макс фон Эрлихинген лишил жизни Иоанну Бодек. А посему я, Иоганн Бодек, властью, дарованной мне как члену великого Совета Розенкрейцеров, пользуясь, налагаю на него свое проклятие. Пусть причинит оно другим ту же боль, какую причинило мне. Пусть каждая рука, держащая его, обагрится кровью близкого друга.

Живи убийством, не любовью,

И умывайся дружьей кровью!»

Когда Шлегель кончил разбирать по складам этот диковинный документ, в комнате воцарилась глубокая тишина. Вот он кладёт пергамент на стол, и Штраус, дружески беря его за руку, говорит:

— Да мне и не нужно такого доказательства, дружиче. Ещё когда ты на меня замахнулся, я от всего сердца простил тебя. И я знаю, что, будь наш бедный профессор сейчас здесь, он сказал бы то же самое господину Шлегелю.

— Однако, господа, — заметил инспектор, вставая и снова приняв официальный тон, — сколь бы странным ни было это дело, оно должно вестись в соответствии с правилами и в установленном законом порядке. Младший инспектор Винкель, я, ваш непосредственный начальник, приказываю вам арестовать меня как виновного в покушении на вашу жизнь. Вам надлежит препроводить меня в тюрьму, равно как и господ фон Шлегеля и Вильгельма Шлезингера. Нас троих следует содержать под стражей до решения суда. Потрудитесь как можно скорее поместить в надёжное место данный предмет, — добавил он, указывая на пергаментный свиток. — И время, что я буду находиться в заключении, постарайтесь употребить на то, чтобы как можно скорее отыскать убийцу господина Шиффера, богемского еврея.

Вскоре и единственное звено, недостававшее в цепи свидетельств, было восстановлено. 28 декабря, жена привратника Рейнмауля, войдя в спальню после непродолжительного отсутствия, нашла мужа мёртвым. Он повесился на крюке в стене. На столе лежала записка, в которой Рейнмауль признавал себя виновным в убийстве еврея Шиффера и добавлял, что убитый был его лучшим другом и что убил он его не по злему умыслу, а под влиянием непреодолимого побуждения. Угрызения совести и чувство неизбывной вины, говорилось в записке, в конце концов толкают его на самоубийство. И, завершая признание, он сообщал, что вверяет свою душу милосердию Божию.

Судебные дебаты, развернувшиеся вслед за этим, были, пожалуй, самыми необычайными во всей истории юриспруденции. Департамент полиции тщетно указывал на несостоятельность объяснений, которые представили обвиняемые; тщетно прокурор призывал запретить употребление в судебной дискуссии, происходящей в конце XIX века, такого понятия, как магия. Стечение обстоятельств

выглядело слишком убедительным, и суд присяжных единогласно вынес оправдательный приговор.

Подводя итог спорам, судья сказал:

— Данное орудие убийства более двухсот лет провисело на стене в родовом замке графа Шуллинга, и всё это время его не касалась рука человеческая. Ужасная смерть, постигшая графа в результате ударов, которые нанёс ему друг-интендант, державший в руке этот топор, ещё у многих свежа в памяти. Следствию удалось установить, что за несколько дней до убийства интендант перенёс старинное оружие в другое место и занимался его чисткой, а когда дошла очередь до серебристого топора, интендант, взяв его в руки, сразу же убивает своего хозяина, которому верой и правдой прослужил более двадцати лет.

Затем, в соответствии с волей, выраженной в завещании графа, коллекция оружия была перевезена в Будапешт; её разгрузка на вокзале производилась господином Шлезингером, и менее чем через два часа после этого он убивает профессора. Следующим, кто взял оружие в руки, был, как выяснилось, г-н Рейнмауль, университетский привратник, помогавший при переноске коллекции из поковки в хранилище, и при первой же возможности он ударяет этим топором своего друга Шиффера.

Далее мы имеем покушения на убийство, совершённые Шлегелем против Штрауса и инспектором Баумгартеном против младшего инспектора Винкеля, каждое из которых происходит сразу же после того, как топор оказывается в руке обвиняемого. Наконец, словно само Провидение являет нам этот чрезвычайный документ, зачитанный вам г-ном секретарём Суда.

Господа присяжные заседатели, я призываю вас как можно тщательнее взвесить все эти факты и проследить их взаимосвязь и знаю, что вы вынесете приговор, который будет продиктован вашей совестью, без боязни и принуждения.

Быть может, после этого английскому читателю будет интересно узнать заключение д-ра Лангенманна, хотя в венгерской аудитории оно и встретило мало сторонников. Д-р Лангенманн — ведущий эксперт в области судебной медицины, а также автор нескольких классических трактатов по металлургии и токсикологии — заявил на суде:

— Я не уверен, господа, что есть надобность в некромантии или чёрной магии для объяснения случившегося. То, что я утверждаю, всего лишь гипотеза, не основанная

на каких-либо доказательствах. Но в столь необычайном случае, как этот, наверное, нет предположения, которым можно было бы пренебречь.

Розенкрейцеры, о которых говорится в данном документе¹, были самыми сведущими химиками раннего средневековья; среди них были и крупнейшие алхимики, имена коих дошли до нас. Несмотря на все новейшие научные достижения, в химии есть отдельные области, в которых древние ушли значительно дальше нас, и это особенно справедливо в том, что касается изготовления тонких и смертельных ядов. Этот Иоганн Бодек, один из старейших розенкрейцеров, несомненно, владел рецептом целого ряда снадобий такого рода. Некоторые из них, как, например, «аква тофана», излюбленная семьёй Медичи, вызывали смертельное отравление, проникая через поры кожи.

Можно, таким образом, предположить, что рукоятка топора была обработана каким-то особым составом, представлявшим собою летучий яд. Он вызывает у человека внезапные приступы ярости, сопровождаемые маниакальной потребностью в убийстве. Известно, что при такого рода приступах ярость одержимого направляется как раз против тех, кого, будучи в здравом состоянии, он больше всего любит.

Однако, как я уже отметил у меня нет никаких фактов в поддержку этой моей теории; я предлагаю её лишь в качестве гипотезы.

Данным отрывком из выступления пронизательного и учёного профессора мы и можем, я полагаю, завершить свой рассказ о знаменитом судебном процессе.

Остаётся только добавить, что обломки пресловутого топора были брошены в глубокое болото, для чего пришлось прибегнуть к помощи одного смышлёного спаниэля; собака переносила их в зубах: никто из людей не решился притронуться к ним из страха сделаться жертвой уже известной всем мании. Пергамент же хранится и доньше в музее университета. Ну а Штраус и Шлегель, равно как Баумгартен и Винкель — по-прежнему самые лучшие друзья на свете и намереваются оставаться таковыми, насколько я знаю, и впредь. Шлезингер в качестве военного хирурга поступил на службу в кавалерийский полк и

¹ Один из тайных религиозно-мистических орденов эпохи средневековья и начала новейшей истории. (И. Р.)

пятью годами позже был сражён пулей в одной из битв, когда под шквальным огнём противника пробирался к раненым, чтобы оказать помощь. В согласии с волей покойного, его небольшое имение было продано, а деньги употреблены на сооружение мраморного обелиска на могиле профессора фон Гопштейна.

1883 г.

Джордж Вени и привидение

Однажды поздним вечером (было нас человек шесть) мы сидели у огня и рассуждали о привидениях — да и о чём ещё можно говорить зимним вечером у камина? Ничего нового к общеизвестным фактам никто из нас, очевидно, добавить не мог, каждый лишь пересказывал истории, когда-то прочитанные, а делать вид, будто сам некогда пережил подобное, не хотел. Один рассказчик развернул повествование со слов деда, другой поведал нам о якобы «неспокойном» доме, в котором жили его родственники, — судя по всему, ничего более конкретного нам услышать в тот день было не суждено. Самым популярным у нас оказалось слово «говорят...» — реальные факты отсутствовали: вздумай мы вынести своё «дело о призраках» на суд присяжных, ни один бы из наших доводов не прошёл.

Были, впрочем, в комнате и такие, кто говорил больше других. В любой беседе, как на скачках, тут же выявляются лидеры, оставляющие другим лишь право довольствоваться участием в соревновании. С другой стороны, продолжая сравнение, стоит заметить, что не всегда фавориту удаётся выдержать взятый темп: вот он сбавляет скорость, начинает отставать, и к финишу первой приходит тёмная лошадка, поначалу державшаяся позади.

В комнате наступило молчание. Рассказчики исчерпали тему — уж очень невелик был запас известных нам историй. В эту минуту один из присутствовавших поднялся (всё это время он, надо сказать, сидел несколько в стороне и говорил меньше прочих), подошёл к огню, вынул щипцами раскалённый уголёк и принялся методично раскуривать трубку. Вышло так, что пока он совершал этот бесхитростный ритуал, остальные молча наблюдали за ним, словно замороженные. Наверное, сам ход нашей беседы предрасполагал к тому, чтобы малейшим пустякам придавалось чрезвычайное значение. К теме мы подошли в общем-то легкомысленно, и никто из нас не осмелился бы заявить, будто верит в собственную историю. Но постепенно, помимо воли рассказчиков, предмет разговора прочно

завладел нашим небольшим кружком. Настало мгновение, когда каждый вдруг ощутил в своём соседе не столько поддержку, сколько источник страха и неуверенности; иными словами, мы застращали друг друга до такой степени, что раздайся стук в дверь, упади стул или мигни лампа — и все обезумели бы от ужаса. Вот в таком несколько болезненном возбуждении мы и наблюдали за тем, как Джордж Венн при помощи уголька методично раскуривает трубку.

— Сдаётся мне, друзья мои, что предмет разговора знаком вам лишь понаслышке, — проговорил он отрывисто, попыхивая дымком.

Обычно Венн говорил спокойно и медленно, почти величаво, а в тот вечер, возможно умышленно, он был как-то особенно нетороплив: затаив дыхание, все мы ждали, что же он скажет дальше.

— Выслушав все ваши рассказы, я пришёл к выводу, что никто из вас, похоже, своими глазами привидения так и не видел. Мне же — выпало такое счастье.

Последние слова он произнёс громко и как-то слишком, по-моему, многозначительно. Венн всегда говорил глуховатым басом, а тут мне и вовсе показалось, будто голос его доносится из-под земли. В какой-то момент вспышка уголька осветила лицо говорившего загадочным алым светом; затем Венн окутал себя облаком дыма и стал пробираться к своему креслу — во взглядах наших, прикованных к его фигуре, уже горел неподдельный интерес, пожалуй даже, предчувствие чего-то таинственного.

Наверное, не только у меня возникла курьёзная мысль: а что, ведь если учесть все обстоятельства и сопоставить факты, то, простите, кому же ещё, как не Джорджу Венну мудрое Провидение должно было предоставить этот чудесный шанс — вплотную соприкоснуться с миром неведомого? Дело, может быть, ещё и в том, что Венн с самого начала был для нас тёмной лошадкой; все мы знали друг друга в основном ещё со школьной скамьи, он же вошёл в наш круг сравнительно недавно. Будучи самым старшим в нашей компании, он обладал характером решительным и молчаливым; остальных же всегда отличала склонность к излишнему многословию. Венн не изображал скуку, он действительно сохранял полнейшее хладнокровие, когда все мы парили душами в высочайших сферах, и оставался безмятежен и невозмутим, пусть бы нами овладевало самое буйное веселье. Следует заметить, что

Венн не поддавался всеобщему настроению — будь то возбуждение или, напротив, подавленность; мы же, совсем ещё юноши, имели обыкновение попеременно бросаться из одной крайности в другую, то преисполняясь восторгом, то погружаясь во мрак уныния.

О Венне нам было известно немного. Как и многие художники, большую часть своей жизни он провёл за границей; сейчас ему было около тридцати. Несколько лет назад он осел в Лониони и сблизился с нами — кружком совсем ещё юных джентльменов, в основном студентов художественных колледжей и давнишних друзей. Несмотря на то, что встречи наши были неподготовлены, нерегулярны и почти случайны, круг наш превратился постепенно в своего рода молодёжный клуб, объединивший людей, единых в своих склонностях и устремлениях. Время от времени мы собирались у кого-нибудь, курили трубки, спорили об искусстве, обсуждали свои достижения и делились планами, проводили боксёрские бои, фехтовали и, конечно же, осушали один за другим бокалы пунша. Мы были безумно, невообразимо молоды (о чём читатель, наверное, уже догадался) и, само собой, с радостью потеснились ради того, чтобы принять в свои ряды Джорджа Венна. В конце концов, он был опытнее, умнее, уравновешеннее всех нас и обладал массой полезной информации о художественных методах, имеющих место на континенте. Разумеется, тот факт, что Венн был совершенно непохож на остальных, и оказался основной причиной, побудившей нас принять его в свой круг без колебаний и в высшей степени благосклонно.

Да, подумал я, вот человек, который действительно видел привидение. Чем больше размышлял я об этом, тем больше утверждался во мнении, что Венн именно тот счастливчик, который должен хотя бы раз в жизни повстречать призрака. Ведь если не он, то кто же? Олимпийское спокойствие, не подверженное влиянию внешних сил, глубокий глухой бас, тяжёлый взгляд тёмных серьёзных глаз — всё выдавало в нём человека, однажды заглянувшего в бездну неведомого. Таких людей ничто не может ужаснуть в нашей брэнной жизни: побывав в контакте с миром иным, они не подвластны разного рода мелочам. Если бы в комнату нашу ввели сейчас незнакомца и предложили бы ему указать пальцем на человека, возможно видевшего привидение, ни секунды не сомневаюсь в том, что его выбор естественно пал бы на Венна. Любые

претензии прочих собравшихся на какой-либо авторитет в этой области были бы попросту смешны.

Внешне он мало чем от нас отличался — разве что одевался попроще, впрочем, делал он это умышленно. Как и все, наверное, студенты художественных колледжей, мы склонны были к некоторой эксцентричности в выборе туалетов и причудливой избыточности во всём, что касалось укладывания волос, подравнивания усов и ухода за бородой. Не обладая в полной мере упомянутыми атрибутами, мы, разумеется, изо всех сил старались их себе завести — в результате появлялось нечто пушистое, но крайне недостаточное, и всегда только над верхней губой. Вени, если и был когда-либо подвержен такого рода слабостям, то сейчас от них совершенно избавился. Он никогда не появлялся в живописных ярких камзолах с огромным количеством пуговиц, к коим все мы были равнодушны, а ходил в простом твидовом костюме, напоминая, скорее, охотника или простого обывателя, нежели человека, которому предстоит работать за мольбертом. Собственно говоря, он никогда особенно не выпячивал свою принадлежность к нашей общей профессии — в отличие, разумеется, от нас, всегда придававших излишнее значение внешней стороне своего дела. Бороды Вени не носил, выбривая лицо до синева, хотя, судя по наличию последней, мог бы при желании украсить себя весьма буйной растительностью. Волосы он стриг коротко, причёской напоминая первого из Наполеонов; что действительно отличало его, так это прямые строгие брови, оливковый цвет кожи и правильные черты лица, также характерные для великого императора. В облике его было нечто орлиное, ростом же Вени был хоть и повыше Наполеона, но особенной полнотой и шириной в плечах не выделялся.

— Так ты видел привидение, Вени? — спросил кто-то из нас. — Это правда?

— Да, видел, — просто отвечал тот.

— И где же?

— Вот в этой студии.

По комнате пронёсся вздох изумления. Наверное, мне следовало бы сразу заметить, что в тот вечер мы сидели в студии Венна. Такая была у нас привычка — встречаться то у Фрэнка Рипли, то у Тома Торотона, то у Венна, то у меня. Всё происходило при этом без особых приготовлений и даже без приглашений: просто время от времени в нашей маленькой компании как бы проскакивала искорка,

и все знали, что в назначенный вечер Фрэнк, Том или Джордж «будет у себя дома», а значит, все остальные смогут прийти его «навестить». Информация распространялась среди нас молниеносно. Мы были слишком молоды и дружны, чтобы обустраивать свои взаимоотношения с излишней помпой. Никто не ждал каких-либо особых сообщений относительно встречи, но как только наступал вечер, тотчас направлялся к другу, нисколько не сомневаясь в том, что хозяин примет его с величайшим радушием. В общем, по воле случая, в тот вечер мы сидели в студии Венна, в креслах Венна, курили табак, предложенный Венном и попивали грог, приготовленный им же.

Была у нашего старшего друга одна особенность: он никогда не поступал так, как на его месте поступили бы все остальные. В его профессиональной жизни всё отличалось от нашего студенческого уклада. И если мы снимали себе меблированные комнаты, превращая их в студии, то Венн один занимал целый дом.

— В конце концов, стоит это не намного дороже, — объяснил он нам однажды, как всегда, очень спокойно. — Между тем, преимущества такого одиночества неисчислимы. Иногда мне нравится, очень нравится побыть в тишине; имея соседей, это, знаете ли, невозможно. Но бывает и так, что мне хочется пошуметь на славу: скажем, проверить, сохранил ли я прежнее чувство мишени, крепость нервов и зоркость глаза, и тогда я паю из револьвера часами. Иногда, ощутив вдруг потребность в физических упражнениях, я сдвигаю мебель и развлекаюсь, прыгая через неё, а то и сигаю прямо через лестничный пролёт, приземляясь со страшным грохотом (уж в этом можете не сомневаться!). Были бы в доме другие жильцы — они непременно стали бы возражать против такого рода разминок, и имели бы на то все основания. Они не вынесли бы моего соседства, я — их. Мы никогда не смогли бы договориться, в какой из дней всем нам одновременно надлежит галдеть и топать, а в какой — затаиться тише воды, ниже травы. Я ведь пробовал уже снимать квартиры и пришёл к выводу, что жизнь в них для меня неприемлема. Проходило немного времени, и хозяйка шла ко мне с предложением съехать немедленно, причём, происходило это, как правило, в ту минуту, когда и я сам готов был бежать к ней с тем же. Теперь жизнь моя устроена иначе. Мой дом — моя крепость. Крепость Венна, если вам угодно; тут мне дозволено всё: бить по барабану, играть на органе, прыгать выше

головы, палить куда попало из чего попало — от духового ружья до армстронга¹ — сидеть, затаившись, или громыхать, как оркестр, исполняющий Верди, — и никто не сможет помешать мне в этом ни словом, ни делом. Дом этот, должен признаться, требует немалого внимания, а по правде сказать, вопиет о срочном ремонте — но ведь, с другой стороны, потому-то и обходится он мне так дешево. Хозяин палец о палец не ударит, пока не истечёт срок оплаты, а ни один нормальный (я хотел сказать — уважающий себя) жилец не станет вкладывать кучу денег в обустройство развалюхи, не будучи уверен в том, что договор с ним будет продлён. Но я не привередлив: меня и такое жилище устраивает. Не смущают меня ни трещины в потолке, ни обвалившиеся карнизы, ни вздувшийся пол; покуда есть в доме лестницы, какой, право, смысл ещё и в перилах? Что же до паутины, то я к ней просто-таки неравнодушен: не мне объяснять вам, сколь живописна любая грязь. Так что здесь я и обосновался и намерен жить причём жить вполне прилично, — если удастся, конечно, заставить публику покупать мои картины. Впрочем, именно в этом и состоит ведь цель любого художника.

Странное это было место, крепость нашего Венна. Дом был явно построен в те времена, когда Лонион ещё не был перенаселён. Многочисленные комнаты были просторны, коридор широк: строение явно застало ещё те времена, когда в моде были настоящие холлы — это позже их сменили «пассажи». Массивная старая лестница полого шла вверх; обращали на себя внимание огромные площадки с деревянными шарами по углам перил.

Дом располагался неподалёку от Сохо-сквер и был когда-то богат, пожалуй, даже фешенебелен, но славные дни минули, и от прежней роскоши не осталось и следа. Сегодня вокруг «Крепости Венна» теснились лишь пивные и мелкие лавчонки: весь район погряз в бездне запустения и нищеты.

Всё здесь казалось ветхим, изношенным. Мусорщики позабыли о сборе мусора, власти — о состоянии дорог, не говоря уж об освещении. Всё поросло грязью, дорога вздыбилась ухабами, вдоль обочин торчали немногочисленные фонари. Подчинив себе всю округу, нищета так и осталась тут править бал.

¹ Армстронг — марка револьвера (Й. Р.)

Направляясь к Венну в гости, не следовало забывать о том, что вас ждёт район, числящийся в правительственных и парламентских сводках как «густонаселённый и очень бедный». Доказательства тому разбросаны были повсюду: достаточно было лишь бросить взгляд на ряды птичьих клеток, на голубей, рассеявшихся по карнизам, на размалёванные алой краской горшки или ярко-зелёные ящички с резедой... А этот бесконечный детский поток, разбивающийся о бордюры и рассеивающийся множеством точек: толпы детей, играющих в какие-то странные игры, устраивающих дикие танцы, явно испытывающих недостаток в чистом воздухе и хорошей пище — и тем не менее, счастливых, бодрых!

Чтобы пробраться к дверям Венна, необходимо было преодолеть плотный заслон: целая бригада сорванцов, оккупировав ступеньки, храбро противостояла каждому, кто к ним приближался. Как только вы добирались до дверного молоточка, практически овладевая входом в дом, вся банда тут же перестраивалась у вас за спиной, словно начиная подготовку к отражению любой вашей попытки отступить тем же путём. Юные обитатели района явно настаивали на том, что подходы к строению в силу давних традиций принадлежат им в гораздо большей степени, нежели Венну, и если кто-то и должен тут испрашивать разрешения, так это он у них, но никак не наоборот.

— Так, значит, ты видел привидение в этой самой студии, Венн?

— Да, в этом нет ни малейших сомнений.

Что ж, если Венн был единственным из нас, кому довелось лицезреть гостя из мира иного, то где же ещё мог бы появиться последний, как не здесь, в этой студии? Комната сия была настолько велика, что, казалось, никакое, даже самое яркое освещение не способно рассеять мрак по углам. Можно подумать, что сам дом всем своим существом так и манит в гости привидений.

Почти всё здесь было окутано таинственной мглой: выпирающие на стенах бугры отбрасывали длинные тени, углублённые окна, покрытые слоем пыли, пожирали почти весь дневной свет. Тут скрипели лестницы, подпрыгивали половицы, постоянно потрескивала деревянная панель — причём так, что на душе сразу становилось как-то уж очень тревожно, и мысль о присутствии привидения вновь и вновь лезла в голову.

Правда, до сих пор, поднимаясь по лестнице, я и представить себе не мог, что где-то впереди, возможно, уклоняясь от рокового столкновения, пробирается призрак — или сидит, затаившись в уголке, и наблюдает за моими перемещениями. Теперь, однако, всё представилось мне в ином свете. Присутствие невидимки чувствовалось всюду. Украдкой оглядев комнату через плечо — надо сказать, не без опасений, что увижу нечто ужасное где-то во мраке теней, — я ещё более утвердился в прежней мысли. Мы часто смеялись над Венном по поводу дешёвизны его жилья, нередко с издёвкой упоминали о его денежных затруднениях и намекали на то, что домовладелец, должно быть, явно не в себе. Но только теперь со всей ясностью осознал я то, до чего не мог додуматься ни один из нас: ну, конечно же, Венну жильё это досталось так дёшево потому лишь, что дом был «непокоен» и хозяин просто не мог подыскать себе другого жилья!

Скудно обставленная студия была в сущности не более чем огромной комнатой и из-за массы разнообразных неудобств казалась нежилой. Свою идею о живописности грязи Венн воплотил в жизнь, пожалуй, даже с излишним усердием: каждая кучка мусора, не говоря уж о паутине, явно пользовалась тут его личным покровительством. Между тем многие из нас к обстановке в собственной студии относились с величайшим пиететом, прилагая немало усилий к тому, чтобы украсить её изделиями из резного дерева, декоративного фарфора, венецианского стекла, средневековыми гобеленами, отрезами бархата или дублёной кожей; другими словами, обставляя своё рабочее место так, что оно вполне могло бы сравниться с будуаром иной барышни. Венн всё это считал пустым щегольством и излишества отвергал.

— Терпеть не могу, когда меня окружают вещи, которые можно разбить или испортить, — говорил он. — Мне нужна такая комната, в которой я чувствовал бы себя просторно, где я не боялся бы брызнуть в сторону краской или скипидаром. Это же студия, а не парикмахерский салон. Вы вот, ребята, не в силах двинуть кистью, прежде чем не нацепите по бриллиантовому перстню на палец, не смажете волосы медвежьим жиром и не надушите все свои платочки. Так вы скоро и краски начнёте разводить одеколоном. Вам эта студия кажется неудобной? Но чего же вам в ней не хватает? Разве нет тут стульев и квадратного коврика у камина? Готов признать, он слегка потёрт и

плешив — но это из-за угольков, которые знай себе выпрыгивают из камина, да тех ребят, что то и дело роняют здесь трубки. Нет, я не стану, как вы, загромождать место мебелью и всяким хламом. Какая от этого польза? Всё оно только поглощает деньги и свет. Меж тем, избытка ни того, ни другого, я не ощущаю.

В общем, Венн хранил верность своей бедной студии с несколькими полуразломанными виндзорскими стульями, неровным полом и едва видимым где-то наверху потолком, гладкими панелями, лишь местами украшенными рисунками, выполненными «с натуры». Место мебели занимали полотна, обращённые к стене — типичные обитатели всех студий, наброски, которые художник не в силах ни выбросить, ни завершить: вместо этого он забывает о них и оставляет погибать собственной смертью — от времени, пыли и влаги.

— Ну, так Расскажи же нам о своём привидении, Венн, — попросил Том Торотон после того, как несколько минут мы тщетно ждали, что хозяин сам заговорит об интересующем нас предмете. Судя по всему, он был вовсе не расположен к продолжению разговора — просто сидел себе, тихо раскуривая трубку, и разглядывал ярко раскрашенный бокал. Стало ясно, что без расспросов и просьб тут не обойтись.

— Ну, Расскажи же нам о своём привидении, Венн.

— Что именно вы хотели бы о нём знать?

— Когда ты его впервые увидел?

— Вскоре после того, как здесь поселился.

— И оно тебя не испугало?

— Ну, «испугало» — это, пожалуй, не то слово. Сначала я был смущён, растерян — потом по привычке: в облике его нет ничего такого, что бы очень уж тревожило воображение.

— И оно подолгу бывает здесь?

— По несколько дней.

— Что?! Так ты видел его и при свете дня? А я-то думал, что призраки появляются лишь по ночам.

— Ну вот, сразу ясно, что единственным источником информации о привидениях служат тебе театральные спектакли. «Принц Датский», Банко, потом ещё эта сцена в палатке из «Ричарда Третьего». Но привидения тоже меняют привычки: днём они теперь прогуливаются ничуть не менее охотно, чем ночью.

— Ты шутишь, Венн.

— Прекрасно, в таком случае, давайте переменяем тему разговора. Не я его начал, и будьте уверены, мне совсем не хотелось бы его продолжать.

С таким поворотом событий мы, разумеется, согласиться никак не могли. Венн своим лукавством только распалял наше любопытство.

— Нет-нет, — возразил я, — давай-ка, приятель, рассказывай обо всём по порядку. Часто оно к тебе приходит?

— Ну, не сказал бы. Частых визитов я бы не потерпел: как говорится, хорошенького понемножку. Как бы я смог работать в студии, если бы призрак вздумал поселиться здесь навсегда? В таком случае, определённо, съехать отсюда пришлось бы мне.

— Но как часто он здесь появляется?

— Раза два-три в год, не чаще.

— И каждый раз останавливается на несколько дней?

— Именно так.

— Мне бы это, чёрт побери, не понравилось, — проговорил Том Торотон, вытирая ладонью лоб. — Удивляюсь тебе, Венн, как спокойно ты говоришь об этом! Я бы, например, ужасно расстроился, если бы ко мне на квартиру повадился призрак, да ещё и вздумал бы оставаться на несколько дней. У меня рука бы с кистью не поднялась, я ни спать, ни есть, ни пить бы не смог! — с этими словами Том Торотон осушил свой бокал. Вид у него, как мне показалось, был бледноватый. Он всегда отличался очень живым воображением.

— Ко всему рано или поздно привыкаешь, — философски заметил Венн. — Аппетит — он всегда так: то пропадает, то возвращается снова. Вот бы ещё так же обстояло дело и с деньгами.

— Он является неожиданно или ты бываешь готов к его появлению?

— Ну... иногда он заранее подаёт знак.

— А, ясно — возникает как бы предчувствие!

— Ну, пусть будет предчувствие, если хотите.

— Ощущение надвигающейся беды?

— Пусть будет так, если настаиваете. Сам бы я так красиво ни за что не выразился.

— Твои мысли начинают путаться, ты ощущаешь необъяснимую подавленность?

— Тут есть одна закономерность: стоит мне слегка расслабиться, начудить малость, а потом несколько дней

побездельничать — как вскоре возникает подавленность, а вслед за ней и привидение.

— Но ты, Венн, всегда в прекрасном расположении духа!

— Нет, всякое бывает. Но, как бы то ни было, я всегда знаю, как бороться с депрессией: ухожу, как говорится, в себя. Никогда не стараюсь переложить свои проблемы на плечи друзей. Не цепляюсь к первому встречному с тем, чтоб и его заразить тем же недугом. Депрессия — это ведь болезнь заразная, и человек, ей подверженный, способен натворить немало бед, если, конечно, возьмётся за дело всерьёз. Я же в таких случаях чувствую лишь стыд да раскаяние: запираюсь у себя и жду, пока не пройдёт. Зачем бродить по знакомым и портить всем настроение, делая вид, будто так уж остро нуждаешься в сочувствии?

Не знаю, право, насколько искренен был Венн в этой своей тираде, но только тут он попал в самую точку. Каждый из нас, сознаюсь, любил поделиться с другом — не только, и даже не столько радостью, сколько неприятностью, не особенно задумываясь о том, как это может подействовать на ближних. Что ж, желание, в общем, естественное — излияния такого рода, согласитесь, приносят определённое облегчение.

— Слушай, Венн, может быть, всё-таки, это не привидение, а, скажем, мысленный образ, видение — словом, порождение мрачного состояния духа, безделья, некоторых, скажем так, отклонений от здорового образа жизни и естественного в таких случаях раскаяния? Наверное, этот твой призрак — плод воображения, порождение фантазии и расшатанных нервов, может быть, даже болезни?

— Ничего подобного, — невозмутимо отвечивал Венн. — Моё привидение совершенно реально: его можно потрогать руками. Оно является в студию и по многу часов просиживает вот в этом кресле. — Он указал на платформу, где стояло обычное для любой студии кресло натурщика. Мы все как один повернули туда головы и уставились в одну точку, ожидая, наверное, что тотчас увидим там призрачного гостя. Кресло, однако, пустовало.

— Боже мой, какой ужас! — голос Тома Торотона задрожал. — Вы только представьте себе: призрак заявляется к парню в студию и просиживает тут часами! Да от этого кто хочешь сойдёт с ума!

— Всё это, Том, действует, конечно, на нервы, но только до тех пор, пока не привыкнешь.

— А призрак этот, случайно, не дама? — спросил Фрэнк Рипли.

— Нет, Фрэнк, на женщину он похож меньше всего, и нечего ухмыляться.

Фрэнк Рипли, надо сказать, никогда особой тактичностью не отличался. А ведь дело-то мы обсуждали нешуточное, и насмешки были тут неуместны. Не исключено, впрочем, что этой выходкой Фрэнк просто попытался скрыть собственное смущение.

— Женщину, Том, я бы тут точно не вынес. С чего ты взял, что нервы у меня железные? Честное слово, призрак этот обликом своим вовсе не вызывает у меня каких-либо тяжёлых чувств. Совсем наоборот, это непретенциозный, простой, очень тихий субъект — и по природе своей, и по характеру. Он явно старается причинить мне как можно меньше хлопот — насколько это возможно, конечно, в данных обстоятельствах.

— В каком же облике он является?

— Это маленький сухонький старичок. На нём длинное поношенное пальто и красный шарф, обмотанный вокруг шеи.

— Погоди-ка... — начал, было, я.

— Что такое? В чём дело? — спросил Венн, как мне показалось, излишне резко.

— Ну, как же, неужели ты не помнишь? Однажды я зашёл к тебе (столкнулся, правда, при входе с некоторыми препятствиями, но всё-таки был пропущен), и тут находился человек, как раз отвечающий этому описанию! Это был старичок в длиннополом пальто и красном шарфе, обёрнутом вокруг шеи. Он сидел в этом кресле тихо-тихо и даже не проронил ни слова, когда я вошёл. По-моему, он и не пошевелился.

— Постой-ка, когда это было?

— Да перед Рождеством.

— А, ну конечно. Так это и был мой призрак.

— В таком случае, клянусь Богом, я его видел! — вырвалось у меня.

Я вдруг словно взглянул на себя другими глазами: оказывается, и со мной произошёл совершенно небывалый случай! Привидение и мне позволило себя лицезреть! То, что я сразу не догадался, с кем имею дело, было, безусловно, слегка неприятно, но, по правде сказать, теперь уже решающего значения не имело.

— Ну да, я тоже видел его! — теперь все взоры обратились ко мне.

— Ну, так давайте же, наконец, отбросим всякие сомнения и скептицизм, — воскликнул Вени, как-то странно развеселившись. — Хватит разговоров о нервах, болезненной фантазии, плохом здоровье и тому подобном. Моё заявление убедительно подкрепляется свидетельством очевидца — весьма, надо сказать, неожиданного! Не я один видел призрака.

— Слушай, старина, а ты-то, что, не испугался? — обратился ко мне Том Торотон.

— Ну... не так сильно, как того можно было ожидать, Том. Видишь ли, мне, признаться, и в голову не пришло, что передо мной привидение. В нём не было ровно ничего призрачного — если руководствоваться, конечно, привычными представлениями об этих существах. На привидение он походил ничуть не больше, чем я или, скажем, ты, Том... хотя, что-то сегодня ты мне кажешься бледным.

— Что?! В этом кресле восседало привидение, а ты его даже не распознал?

— Я думал, старикашка просто позировал. Более того, кажется, именно так Вени и объяснил его присутствие. Ну да, вспоминаю: он действительно делал набросок с натуры.

— Ты писал портрет привидения? — изумлённо воскликнули все в один голос.

— Да так... В общих чертах.

— О, Боже! Ну у тебя и нервы! — восхищённо вскричал Том Торотон.

— Сейчас покажу вам этот набросок. — Вени направился в угол комнаты и вскоре извлёк откуда-то кусок толстого картона. — Линии слабоваты, цвет блеклый... Но тогда был очень пасмурный день. Теперь, по крайней мере, вы сможете получить общее представление о внешности этого человека. Я действительно представил его натурщиком потому что... Ну, потому что мне показалось, что для всех будет лучше, если правду о нём не говорить, — объяснил Вени со смешком. — Это действительно позволило нам избежать множества совершенно ненужных распросов и объяснений. Ничто, поверьте мне, не даётся так трудно, как церемония представления призрака живому существу. Не сомневаюсь, он был благодарен мне за то, что я тогда проявил деликатность. На эскиз, Том, ты взглянуть не боишься? Уж он-то точно не причинит тебе никакого вреда.

Все мы жадно впились глазами в кусок картона. Рисунок, выполненный маслом, набросан был очень тонко и покрашен лишь местами. Силуэт действительно был расплывчат: местами линия его обрывалась. Но сходство персонажа с тем человеком, которого я видел в студии, было неоспоримо.

— И всё-таки поражаюсь я, Венн, твоей выдержке. — продолжал долдонить своё Том Торотон.

— Видишь ли, Том, я человек практичный. Если уж призрак решил поселиться в студии, вопрос лишь в том, как использовать его в своих целях. Делать наброски, как известно, всегда полезно — и с живой натуры, и с мёртвой. Так что ничего во всём этом нет особенного.

— А призрак не проявлял недовольства?

— Ничуть. Пожалуй, он был даже польщён тем, что я нашёл ему применение. Мне кажется, привидения, в основном, страдают теми же слабостями, что и мы, смертные. И уж во всяком случае, не так они страшны, как нам их представляют. Я предложил призраку чувствовать себя как дома, и он с большим удовольствием принял моё предложение. «Располагайтесь поудобнее», — сказал я; он послушался. Господин этот до того здесь освоился, что даже выкурил со мной трубку.

— Выкурил трубку! — повторили мы хором.

— Подумать только, выкурить трубку с призраком! — голос Тома дрожал от страха.

— Да, вот она: я всегда держу её тут, в сторонке, на случай, если она ему ещё понадобится.

Венн поднял с крышки камина длинный глиняный «чёрч-урден», и мы осмотрели реликвию с огромнейшим интересом. По правде говоря, ничего такого, что отличало бы трубку от тысяч ей подобных, мы не обнаружили, но, с другой стороны, «чёрч-урден», выкуренный привидением, чего-то да стоит!

— Так твой призрак ещё и курит. А он разговаривает?

— Да, хотя особым красноречием, признаться, не отличается. Он сделал всё, чтобы его общество показалось мне приятным, и сам, думаю, остался доволен хорошим к себе отношением. Я вежлив со всеми без разбора — с какой стати, спрашивается, я должен менять свои привычки в присутствии призрака? Я был вежлив с ним, предупредителен и пытался сделать его визит ко мне настолько взаимоприятным, насколько это вообще возможно. Полагаю, в иных домах, где ему приходится иногда бывать, он встречает

куда менее радушный приём. Люди, знаете ли, в отношениях с привидениями страшные грубияны. Они glareют на гостя, начинают кричать, обзывать — «ужасная тень!», «проклятое существо!» — и это ещё не самое худшее, а то и просто, завидев призрака, падают в обморок или начинают биться в конвульсиях.

Всё это привидению весьма неприятно; такое поведение человека ставит гостя в неловкое, двусмысленное положение. Он ведь является совсем не за тем, чтобы нарушить мир, царящий в семье или причинить хозяину вред. Если он и хочет чего-то, так только одного — чтобы его, наконец, оставили в покое. Абсолютную тишину привидение всегда предпочтёт грохоту и суете. Если внешность его не вызывает восхищения, так разве оно виновато в этом? Что оно может поделать, если его присутствие вызывает у кого-то неудовольствие? Призраки — они ведь, позволю себе заметить, вовсе не рвутся докучать честным людям. Будь у них возможность самим решать свою судьбу, они уж точно предпочли бы сидеть у себя дома — где бы он, этот самый дом, ни находился.

— Всё это, Венн, замечательно. Ну, а что, если призрак появится здесь прямо сейчас — наверное, ты не придёшь от этого в большой восторг?

— Бесспорно, Фрэнк. Мне бы этого совсем не хотелось. И тем не менее, надеюсь, я встретил бы его достойно. Привидение способно оценить приличное обращение. Более того, убеждён: призраки знакомы с правилами хорошего тона ничуть не меньше, чем скажем, торговцы живописью.

— Но ты уверен в том, что это именно призрак, а, Венн? В доме больше никто не живёт?

— Никто, кроме хозяйки. Она вас сюдапустила — она же и выпроводит, так что спешить, право, некуда.

— Но как ты сам объясняешь появление здесь привидения?

— О, это очень серьёзный вопрос: вопрос жизни и смерти, я бы сказал — уж не сочтите за каламбур. Вообще-то, есть у меня на этот счёт своя теория...

— Ну, и что же это за теория?

— Давайте-ка вы сначала расскажете мне, чем обычно объясняют появление призрака? Только в двух словах.

— Бывает, что человек умирает с какой-то навязчивой идеей, — сказал Том Торотон. — Она остаётся с ним и после смерти — и привязывает его к земле.

— Ну, и с какой же такой идеей, к примеру, он может испустить дух?

— Ну, допустим, он зарыл где-то сокровище и умер внезапно, не успев о том никому рассказать. А семья его мается в нищете; как может он отдыхать спокойно — только и остаётся, что бродить туда-сюда по тому месту, где зарыт клад. Наверное, Венн, у тебя тут под полом что-то спрятано.

— Сказал бы ты мне об этом чуть раньше, Том, непременно разворотил бы все половицы. Но нет, я в это не верю. Пятнадцать шиллингов и четыре пенса вот тут (при этом Венн хлопнул себя по карману) — единственное в этой комнате богатство. А задолжал я... впрочем, надеюсь, это мало кого интересует. Конечно, кое-какую мелочь и вы, ребята, носите при себе, но она — увы, никакого отношения к этой комнате не имеет. Нет, Том, твоя теория относительно сокровищ не выдерживает никакой критики. Невероятно. Сокровище — в студии? Не бывает такого.

— Ну, так тут может быть и совсем другое объяснение! — поспешно вскричал Том. — Привидения являются и по другим причинам. Согрешил, например, человек, а наказания не понёс и вины своей не смог искупить.

— Ах, вот как! — похоже, эта мысль Венна заинтересовала. — Но как тут следует согрешить? Наверное, натворить что-то серьёзное?

— Изменить жене! — выпалил Торотон наугад. Должно быть, в последнее время он прочёл немало популярных романов.

— Заняться подделкой денежных знаков? — предположил кто-то ещё.

— Стать мошенником!

— Совершить поджог!

— Нет, убийство!

На несколько минут в комнате воцарилась гробовая тишина.

— Что ты на это скажешь, Венн? — едва слышно прошептал Том Торотон.

— Ну, убийство, Том, это уж слишком... Но возмездие!..

— Возмездие! — повторили мы хором.

— Он имеет в виду казнь... как в «Трёх мушкетёрах»! — пробормотал Том.

Прежде чем Венн успел ответить, раздался громкий стук в дверь. Все замерли.

— Войдите, — сказал Венн.

Послышалось шарканье, дверь медленно, очень медленно отворилась, и на пороге возникла человеческая фигура. Гость прошёл в комнату и остановился. *Это был призрак!*

Все мы застыли от ужаса. У меня, во всяком случае, сердце ушло в пятки. Это был тот самый старичок, которого, ни о чём ещё не подозревая, я видел однажды в этой самой студии: сухонький старикашка в длиннополом коричневом пальто и красном шарфе — тот человек, чей незавершённый портрет Венн нам только что демонстрировал! Мы стояли, глядя то на призрака, то друг на друга, то на Венна. Лица наши были белы, как мел — от света газовых ламп, не иначе.

Внезапное появление привидения произвело немалое впечатление даже на Венна; после некоторой паузы, он шагнул к старичку, явно пытаясь как-то сдержать обуревавшие его чувства.

— Наверное, я пришёл поздновато, — едва слышно проблеял призрак. При этом он вдруг отвесил поклон — совершенно смехотворный в своём показном раболепии.

— Да, уж поздненько, — заметил Венн, изо всех сил стараясь сохранять невозмутимость.

— Лучше поздно, чем никогда, мистер Венн, — вымолвил призрак.

— Нет уж, позвольте в этом с вами не согласиться, — возразил хозяин с холодной сдержанностью. Должно быть, в тот вечер он был настроен критически: подумать только — вступить в пререкание с существом из иного мира — и по какому ничтожному поводу! С каким восхищением глядел на него Торотон!

— Боюсь, я помешал вам, досточтимые джентльмены. — Привидение окинуло всех нас странным улыбки-вым взглядом. В его круглых тёмных глазках мелькнула, как мне показалось, какая-то дьявольская искра. И всё же — думаю, не ошибусь, если предположу, что мы почувствовали себя польщёнными: призрак назвал нас джентльменами!

— Тогда усодьте меня куда-нибудь, чтоб не мешался. Мне, чай, много не требуется, мистер Венн. Кто я, вообще, такой? — ничтожная тень! («Надо же, — пробормотал Торотон. — Я-то думал, призраки по-английски говорят чуть получше!») Только вы уж сами знаете, мистер Венн: во всём доме нет другого утолка, пригодного для обитания. Честное слово, я неприхотлив. Хотя, если уж пожаловал

не вовремя — посижу на ступеньках снаружи. Только давайте договоримся: чтобы без фокусов — не выносить ничиво, и не ломать — и так здесь немного осталось. — С этими словами он, как мне показалось, не слишком благосклонно оглядел комнату и те действительно немногочисленные предметы, что в ней находились. — Вы всегда относились до меня, как истинный джентльмен, мистер Венн: чаевых не жалели, обхаживали всячески... Ничиво, джентльмены, если я посижу тут с вами часок-другой? — Он вновь оглядел нас по очереди.

— Мы, пожалуй, пойдём по домам, Венн. — Гонимые единственным желанием — убраться отсюда как можно скорее — мы двинулись к своим пальто и шляпам.

— Стойте! — голос нашего друга прозвучал глухо и торжественно, но, судя по подрагивавшим уголкам губ, можно было даже подумать, что он еле сдерживает смех. — Нет, так просто я вас не отпущу. Непредвиденные обстоятельства вынуждают меня во всём признаться, хотя, видит Бог, делать я этого не собирался. Кто-то из вас предположил, будто в доме этом совершено убийство. Я тогда предложил другое слово: «возмездие». Ещё точнее было бы сказать — «экзекуция» — вот это, джентльмены, чистая правда. Да, в доме присутствует экзекутор¹. Собственно говоря, опись тут проводилась уже не раз. И мой дорогой призрак — не кто иной, как временный владелец строения!

— Владелец! — едва слышным эхом отозвались мы.

— Он появляется в этом доме, преследуя меня, словно привидение, по истечении очередного квартального срока. Дело в том, что у хозяина, несомненно, испытывающего ко мне, как к жильцу, огромное уважение, есть одна смешная слабость: он удивительно щепетилен во всём, что касается пунктуальной платы за жильё. Я же — несомненно, питая к нему, как к хозяину, глубочайшее уважение, — в силу некоторых обстоятельств (каких именно — распространяться не стану) нередко оказываюсь не в силах выплатить необходимую сумму в срок. В результате происходит опись имущества и появляется мой добрый друг, исполняющий роль временного владельца. Неудобства такого рода приходится испытывать, наверное, каждому, кто решается снять дом в одиночку. Впрочем, они с лихвой окупаются

¹ Экзекутор (англ.) — судебный исполнитель. (Й. Р.)

многочисленными преимуществами, о которых я уже говорил. Что-то такое я, помнится, заметил о подавленности, которая наступает сразу же после нескольких дней безделья... Проще говоря, запустив работу, я влезаю в долги. Хозяин, не получив ренты, тут же вызывает чиновника для проведения описи, а затем прибывает и мой приятель — homo sapiens «обитающий» — достойнейший в своём роде джентльмен, который сейчас выкурит с нами трубку и опрокинет стаканчик грога, как он это проделывал тут уже не раз.

В понедельник я получу деньги, расплачусь с самыми горячими долгами, в том числе и с тем, который причиняет столь жгучее беспокойство моему почтенному хозяину, и наш гость уйдёт. Ну, не спешите же уходить. Пустим графинчик по кругу. И хватит о духах — пусть винный дух царит в этом доме. За спиритизм! — в смысле, за спирт! — разбавленный, разумеется, в должной пропорции, а главное, с сахаром и лимоном.

Наверное, пытаясь разгадать тайну характера Джорджа Венна, мы упустили из виду одну деталь: наш старший друг, несомненно, обладал ещё и чувством юмора. Впрочем, все мы, как я уже говорил, были очень молоды и, наверное, подчас давали повод для шуток.

1895 г.

Привидение из Лоуфорд-Холла

(правдивая история)

Прошло без малого тридцать лет с той поры, как мы с мужем — то было вскоре после нашей свадьбы — посетили Лоуфорд-Холл, старинное поместье неподалёку от Рэгби, повидать которое мне хотелось давно. Припоминаю, что я добиралась туда одна, на почтовых из Ковентри — города, в окрестностях которого мы накануне остановились. Муж мой уехал двумя днями раньше: здесь, в графстве Уорвик, проводились скачки, и на них семейство Лоуфордов выставяло своего любимого скакуна. На следующий же день мужу предстояло вместе со старым бароном отправиться на охоту в его имение. Погода была тоскливая, шёл дождь, и в доме, где мы тогда остановились, я отыскала в библиотеке старую книгу судебных записей; в ней мне встретились кое-какие сведения о Лоуфорд-Холле.

В течение трёх часов в укромном уголке старой комнаты елизаветинской эпохи, где кавалеры на портретах в стиле Ван Дейка, казалось, страстно желали выйти из своих рам, чтобы побеседовать со мной, я сидела, погружившись в чтение странного и ужасного дела об отравлении, шестьдесят лет назад потрясшего всё графство Уорвик. Бывают дни, когда мозг становится необыкновенно восприимчив к разного рода впечатлениям. И все подробности того преступления по какой-то странной причине предстали перед моим внутренним взором или, вернее сказать, оказались запечатлены зрительной памятью с чёткостью и живостью почти болезненными.

Я как бы видела огромную драпированную кровать с балдахинном, на которой лежал богатый вельможа. А вот худая, в манере Хогарта¹ фигура его младшего сводного брата в костюме той эпохи — он крадётсЯ в тени широкой дубовой лестницы. Вот я вижу, как он проходит мимо кровати больного к камину, на котором длинным рядом

¹ Вильям Хогарт (1697—1764) выдающийся английский живописец, график и теоретик искусства. Нарисованные им лица и фигуры стилизованы в несколько вытянуто-утопчённой манере. (И. Р.)

составлены склянки с разного рода снадобьями. Вижу, как его дрожащая, тонкая и бледная рука, окаймлённая кружевами, наполовину выплёскивает содержимое одного из фиалов и наливает в него лавровую воду, которую он с жестоким тпцанием только что приготовил, запершись у себя в комнате. Я слышу страшный крик умирающего в тот миг, когда сводный брат склоняется над ним. Мне слышен также стук копыт — это лошадь доктора мчится рысью по Рэгби-роуд. Мне видится строгое лицо человека в чёрном, когда он, стоя у ложа, приподнимает холодную, как бы вылепленную из воска голову и опускает её с короткими торжественными словами:

— Слишком поздно. Он умер!

Затем я следую за врачом в кабинет, и здесь убийца с лицемерной печалью сообщает ему вымысел о причинах случившегося с братом приступа и с дьявольской ловкостью предотвращает осмотр тела. Потом я вижу, как отравитель идёт по тихому осеннему саду. Вот он проходит мимо лавра, с которого накануне сорвал роковые листья, и смотрит на него с горькой усмешкой. Теперь он останавливается, и я слышу, как он с ликованием говорит старому садовнику, который отдыхает, опершись на лопату:

— Теперь-то уж для старых слуг наступят лёгкие дни, не то что при сэре Эдварде. Долго я трудился, чтобы стать владельцем Лоуфорд-Холла, и этот день наконец наступил.

Вот я вижу, как он вздрогнул, получив письмо от сэра Вильяма, друга погибшего. Сэр Вильям жёстко и непреклонно настаивает на необходимости осмотреть тело умершего. Шаг за шагом я следую за вкрадчиво говорящим, жестоким негодяем с кошачьими повадками, пока наконец не оставляю его в наручниках на тонких запястьях. Вот он поднимается в тюремную повозку, и его везут на виселицу в Уорвик. Всё это время он непрестанно лжёт, упрямо отрицая свою вину, хотя следствие уже собрало несчётное множество улик, и те неопровержимо изобличают его как убийцу брата. Вот ещё я вижу, как в ночь накануне казни, когда его суровые стражи спят, он — столь редко склонявшийся пред Богом — украдкой встаёт с кровати и падает на колени. Сложив закованные в цепи руки, он со страстной мольбой обращается к Верховному Судии, и мне хочется надеяться, что хотя бы в этот последний миг он обретает Божье прощение.

Подобные сцены снова возникли перед моим мысленным взором, когда почтовая карета, в которой я ехала, свернула за Ньюболдом на дорогу к Литтл-Лоуфорду. После нескольких часов сильного дождя опять засверкало солнце. Свет играл на пожелтевших листьях лип и отражался на мокрой крыше старого дома. Это было большое, мрачное здание, одна половина оказалась построена в стиле Тюдоров, другая — классическая. Его большое елизаветинское крыльцо неприятно контрастировало с безобразными квадратными окнами эпохи короля Георга, делавшимися ещё более неприглядными из-за того, что они перемежались живописными нишами. Чувствовалась особая прочность в тяжёлых каменных переплётах, и даже лёгкие современные рамы на окнах — последнее голландское изобретение — не могли поколебать её.

Я с сожалением подумала о том, что этот старый дом был столь неудачно отремонтирован. Справа от крыльца помещалось старинное окно в тудоровском вкусе, которое особенно поразило меня. Оно было увито виргинским плющом, и листья его сделались уже почти алыми. В ту минуту, когда я взглянула на это окно, сцены из старой жизни, связанные с когда-то совершённым здесь преступлением, вновь завладели моими мыслями. Именно под этим окном стоял отравитель в то роковое утро, и весело, беззаботно звал сестру, чтобы узнать, готова ли она к верховой прогулке перед завтраком. Сестра только что вышла из комнаты больного брата. Она дала ему той отравы, которую приняла за лекарство; больной, казалось, уснул. Направляясь из его комнаты к себе, она через окно в коридоре услышала, что сводный брат зовёт её со двора.

— Я буду готова через четверть часа! — крикнула она в окно. Тогда младший брат, отойдя от окна, неспешно двинулся к конюшне, сел на свою уже осёдланную гнедую кобылу и поскакал в Уэльс. Через пять минут сестра вернулась в комнату старшего брата и застала того в предсмертных судорогах.

Пока почтовая карета подъезжала к парадному крыльцу, я заметила справа небольшой дворик, о котором также читала накануне. Он был огорожен с двух сторон, большие железные ворота вели в сад. Именно там отравитель беседовал с двумя арендаторами, пришедшими навестить его больного брата, а потом направился готовить вытяжку из лавра.

Как ни величествен был этот дом, охраняемый липовой аллеей и обширными садами, мне невольно казалось, что над ним всё ещё тяготеет проклятие. Во всём облике дома было что-то зловещее, злополучное. Оно действовало на моё слишком бурное воображение и вызывало томительное предчувствие надвигающейся на меня неотвратимой беды. Такое ощущение можно сравнить с тем громким и жалобным звуком, какой издаёт большой колокол, когда его вытаскивают из гнезда: звук этот отдаётся скорбным эхом по бесконечным переходам и, кажется, не кончится никогда.

...

Обед получился скучный. Леди Лоуфорд, в Париже показавшаяся мне такой восхитительной, очаровательной и живой дамой, выглядела теперь удручённой своими обязанностями графини-хозяйки и никак не могла в одиночку развлечь собравшихся за столом местных знаменитостей. Мне казалось при этом, будто на неё невесть откуда обрушилось какое-то скрытое беспокойство, какая-то тайная печаль. Она была рассеянна, часто впадала за столом в неловкое молчание. Врач, адвокат, пастор, две-три старые девы и несколько застенчивых дочерей деревенских помещиков — вот те люди, которых ей надлежало развлекать; и пока что она в этом не преуспела.

Место, где проводились конные состязания, находилось весьма не близко, и поэтому наши с нею мужья ожидали только к позднему вечеру. Пару раз за обедом леди Лоуфорд сильно встревожила меня, упомянув, что по дороге домой им предстояло проехать по довольно опасному месту. Но она тем не менее надеялась, что всё обойдётся благополучно. Уже мы, женщины, собирались встать из-за стола, к явному удовольствию врача, пастора и адвоката, когда в холле вдруг послышался шум голосов, топот ног, а затем чей-то стон. В ту же минуту в залу поспешно вошёл сэр Эдвард Лоуфорд в забрызганном грязью алом сюртуке. Он был бледен и взволнован, одна рука у него висела на перевязи.

— Господин Добсон, — сказал он, обращаясь к врачу, который весь напрягся, — нам незамедлительно требуется ваша помощь. Бедняга упал с коня и сильно ушибся.

Когда же он увидел меня, лицо его приняло ещё более строгое выражение.

— Моя дорогая миссис..., — сказал он, подойдя и беря меня за руку. — Вам не следует волноваться. Спору нет, ваш муж упал с лошади. У него повреждено плечо и, может статься, одно из рёбер. Но всё, я думаю, обойдётся.

Больше я ничего не помню: мне рассказали потом, что я тут же лишилась чувств. Нервы у меня от природы, надо сказать, крепкие, но со слов сэра Эдварда мне сразу стало ясно, что с Джорджем случилось несчастье и что он опасно ранен. Так оно в действительности и оказалось.

...

Лишь через неделю жизнь моего мужа была вне опасности. У него оказалось вывихнуто плечо и сломаны два ребра. Кроме того, при падении он сильно повредил колено. Я сидела, не отходя от него ни днём ни ночью, и сама давала ему лекарства: необходимо было заглушить боль, вызванную вывихом и переломами, а также сбить температуру. Если б не обезболивающее, он не смог бы забыть-ся столь необходимым для него сном.

Припоминаю, что только на девятый день после случившегося несчастья, бледная, встревоженная и измождённая, я смогла впервые спуститься вниз и занять своё место за обеденным столом. Мне было очень грустно и одиноко, хотя сэр Эдвард — сама внимательность и сердечность — неустанно оказывал мне всяческие знаки внимания и на все лады выражал сочувствие.

— Как всё это прискорбно. И как некстати! — заявил он. — Надо же этому было случиться в самом начале охотничьего сезона. Уж хотя бы в конце, тогда бы не так обидно было. Я как раз собирался показать сэру Джорджу, какая у нас тут славная охота. Да! передайте ему, бедняге, когда подлечится, что нам пришлось пристрелить Пенелопу: она тогда сломала себе ногу. Впрочем, по мне, лучше застрелить всех своих лошадей, лишь бы гости были целы и невредимы.

— Теперь, уверяю вас, опасность уже позади, — вмешался в наш разговор сельский врач, похоже, постоянный гость на всех обедах в Лоуфорд-Холле. — Клянусь врачебной честью, сударыня, что если только супруг ваш будет следовать всем моим предписаниям, то мы сможем поддерживать искусственный сон, не причиняя вреда системе кровообращения и органам пищеварения.

— Ох, уж эта мне верховая езда, сэр Эдвард! — заметил столь же непременный при этих застольях пастор. — Она, скажу я вам, изрядно походит на скачки царя Ииуя, сына Намессия¹. Именно так. Явление это делается всё более распространённым среди нашей сельской аристократии, и оно, уверяю вас, будет сопровождаться куда более страшными происшествиями. Где вы достаёте столь отменное мозельское, сэр Эдвард?

Равно необходимые за таким обедом старые девы издавали свои обычные восклицания, с тем же успехом приложимые к чему угодно:

— Как неприлично! Это просто возмутительно! О, Боже, даже страшно об этом подумать, дорогая!

Я терпела всё это, насколько хватало сил, но этот длинный, томительный вечер — казалось, он длится уже целое столетие — невольно располагал к тому, чтобы после целый год провести в затворничестве. Ох уж эта соната Бетховена, которая никак не желала кончаться! С какой беспощадной точностью отбарабанила её добросовестная дочь пастора. О, убийственная скука строго-научной игры в роббер, на которой я присутствовала уже словно во сне. В конце концов игра начала усыплять и остальных. Сэр Эдвард, утомившись днём во время охоты на лис, заснул при раздаче карт, и я внутренне возликовала, когда лакей наконец-то объявил, что чей-то экипаж подан. И тут леди Лоуфорд сказала:

— Думаю, мы все уже засыпаем, поэтому, может быть, лучше пойти спать?

«Неужели это та самая леди Лоуфорд, с которой я познакомилась в Париже?» — подумалось мне, когда я поднималась по старинной дубовой лестнице, с опаской поглядывая на собственную тень. Я вошла в длинный коридор — жилой в нём была только одна наша комната. Жалким и печальным оказалось наше пребывание здесь. Если когда-то в доме этом и было совершено преступление, то неужели же тень его должна омрачать жизнь всех последующих его обитателей? Я не могла понять перемены, происшедшей в людях, которых знала прежде такими весёлыми и приятными, и тщетно искала её причину. Можно было ожидать, что они окажутся расточительны, поскольку

¹ Здесь, помимо своей общей недалёкости, пастор демонстрирует ещё и плохое знание Библии: Ииуй — сын не Намессия, а Иосафата. (И. Р.)

жизнь их — нескончаемая круговерть развлечений; но того, что они будут до такой степени измучены заботами и скукой, я не могла себе и представить. В самом деле, можно подумать, будто тем стародавним убийцей был отец сэра Эдварда, а не какой-то далёкий и бездетный двоюродный дед. О, только бы с Джорджем всё было хорошо! И я подумала, что нам следовало бы поскорее уехать из этого ужасного места.

Последние слова, как оказалось, я, задумавшись, произнесла вслух, когда открывала дверь спальни. Я сказала их так громко, что испугалась, не разбудила ли Джорджа. Но он крепко спал, дыша с трудом и положив забинтованную руку поверх стёганого одеяла. Лампа в комнате не была зажжена, но в камине горел огонь, и весёлые тени от него плясали на потолке. Пузырьки с лекарствами были составлены в ряд на камине; заботливый слуга на маленьком столике оставил для меня варенье, немного мяса и фруктов.

В изнеможении я опустилась в большое резное кресло, стоявшее подле камина, и прислушалась к дыханию мужа. Кроме этого звука да размеренного тиканья часов в коридоре, ничего не было слышно. В дальнем крыле дома вдруг хлопнула дверь, и послышался звук задвигаемого засова. После этого весь дом, казалось, погрузился в глубочайший сон. Стало тихо, как в фамильном склепе. Один раз ветка клематиса постучала в стекло, словно фея, умолявшая, чтобы её впустили в комнату. Другой раз поток холодного воздуха, неизвестно откуда взявшийся и куда затем девшийся, вполз из-под двери и, незримый, холодной струёй пронёсся по комнате подобно привидению. Прошло ещё с полчаса, я всё сидела и прислушивалась, но вот внезапно ветер с улицы забрался в большую трубу нашего камина и тревожно зашумел в ней, а потом затих, как бы успокоенный таинственной силой, которой не мог противиться.

Я смотрела на огонь, задумавшись неизвестно о чём, и ждала, когда наконец наступит половина второго, чтобы разбудить Джорджа и дать ему укрепляющее питьё. И тут мой взгляд упал на картину, висевшую в ряду других портретов. Раньше я не обратила на неё внимания, поскольку этот портрет висел в том углу комнаты, который даже днём оставался тёмным из-за того, что находился в тени от тяжёлых алых штор. Но сейчас огонь из камина полностью осветил портрет, и я смогла разглядеть нарисованное на нём лицо так же ясно, как если бы на него

упал луч солнца. Там был изображён мужчина лет тридцати. Черты лица были твёрдыми и довольно резкими, вольтеровского типа. Напудренные волосы собраны и перевязаны лентой. На тонких губах играла холодная, натянутая улыбка. И тут на ум мне пришла мысль, прогнать которую было уже не в моих силах: «Это портрет убийцы», — подумалось мне. Именно таким — тонким, змеиным — представляла я себе его лицо.

И снова сцены происшедшей здесь когда-то трагедии предстали перед моим умственным взором. Вот человек с портрета склоняется в притворном сострадании над мёртвым телом. Вот лицо его с торжеством улыбается садовнику. Вот человек с портрета укоряет сестру, когда у неё возникли какие-то смутные подозрения после того, как он прополоскал фиал, в котором больному была подана отравы. Затем это же лицо с отточенной учтивостью выражало притворную готовность ответить на все вопросы следствия.

Я понимала, что портрету убийцы не висеть бы здесь, знай Лоуфорды о его существовании. И всё же мне думалось, что хотя имя негодяя с течением времени и забылось, но на портрете изображён именно он. Приговорённый к изгнанию на чердак, портрет этот с дьявольской изворотливостью каким-то образом сумел найти дорогу назад и пробрался в своё прежнее жилище. Возможно, что наша комната была как раз спальней злодея и где-то здесь имела дверь в потайную комнату, запершись в которой он и приготовил яд. Возможно, — и страшная мысль заставила меня помимо воли содрогнуться — наша комната принадлежала убитому и именно в ней больной умер в мучительной агонии. О, этот ужасный дом! Я никогда не буду в нём счастлива. И мысли мои потекли по прежнему руслу.

Мне представилась такая сцена: явились два врача, за которыми послал сам убийца; им поручено провести осмотр тела. Злодей встречает их в холле со свечой в руке и приглашает войти. Он учтив и предупредителен.

— Сэр Вильям, — говорит он им, — выразил желание, чтобы тело было осмотрено.

— С какой целью? — спрашивают они.

— Единственно с целью удовлетворить семью, — отвечает он и показывает им письмо от сэра Вильяма, где выражена воля последнего. — Исключительно для того, чтобы

снять всякие подозрения с находившихся рядом с умершим.

— Не написал ли сэр Вильям также и другого письма? — спрашивает самый недоверчивый из врачей.

— Да, было и другое письмо, такое же дружественное, — заверяет он их.

Но в действительности то другое письмо ни в коей мере нельзя было назвать дружественным: в нём выражалось подозрение, что больного попросту отравили. Злодей же сделал вид будто ищет это второе письмо в кармане жилета, и вытащил из него какой-то конверт. Доктор едва успел взглянуть на него, как убийца уже положил его назад в карман. Но поскольку доктор узнал на конверте почерк сэра Вильяма, то ничего и не сказал. В результате осмотр тела тогда так и не состоялся и факт совершения преступления ещё долго оставался неустановленным, до той поры, пока другой, куда более проникательный и не такой доверчивый медик с чрезвычайной энергией не взялся уличить этого изощрённого преступника.

Я взглянула на часы: была половина второго. Я тут же встала и, подойдя к кровати, попыталась разбудить мужа, чтобы дать ему лекарство. Однако он, недовольно шевельнувшись и глубоко вздохнув, так и не проснулся. Лучше было вовсе не будить его, пусть спит. Поэтому, переодевшись в ночную рубашку, я сгребла в кучку оставшиеся в камине дрова — остальное сгорело уже до белого пепла, и легла рядом с мужем. Я только начала засыпать, как вдруг какой-то звук разбудил меня. Из-за бессонных ночей чувствительность моя обострилась, и я сразу же проснулась. Звук был очень слабый, казалось, будто кто-то пытается повернуть ручку двери. Я опять прислушалась — всё тихо. Может быть, то была крыса, которая скреблась за стеной панелью: ночью ведь даже самый слабый шум увеличивается до грохота нашей фантазией. Я привстала в кровати и снова прислушалась: ничего. Дрова, слабо тлевшие до этого, как раз вспыхнули и загорелись ярким пламенем.

Я снова легла и, как мне казалось, уснула. И вот я вновь пробудилась, но на этот раз не от звука, а от щемящего чувства неопишуемого ужаса, какой овладевает нами при встрече со сверхъестественным. Открыв глаза, я не шевелясь смотрела на дверь. Ужас парализовал меня: я увидела, как дверь мягко и бесшумно открывается и из темноты коридора в комнату медленно wpłyает фигура

какого-то старика, одетого в поношенный жёлтый халат. Тихо закрыв за собой дверь, он повернулся, и передо мной оказалось тонкое, измождённое лицо, бледное как у мертвеца, голова чем-то обмотана, а челюсть подвязана, как это бывает у покойников. Взгляд пустых, совершенно бесцветных глаз был устремлён на камин. Вошедший, казалось, не замечал кровати и тех, кто лежал на ней. Медленно скользя по полу, дух убитого — у меня не было сомнений, что это он — двигался в направлении огня и, словно в задумчивости, остановился подле камина. Затем, взяв один из флаконов с лекарствами, стоявших на камине, он внимательно осмотрел его и вылил содержимое в стакан. После чего призрачная фигура уселась в старинное кресло у камина и долго сидела в нём, двигая над пламенем белыми, почти прозрачными руками.

Смелость медленно возвращалась ко мне, и я серьёзно задалась вопросом — вижу ли я сон или просто брежу. Желая увериться в том, что проснулась, я потихоньку протянула руку и сжала руку мужа. Он шевельнулся и издал слабый стон. Взглянув вверх, я сосчитала зелёные и красные цветы на балдахине кровати. Я вспомнила, где находится звонок, но до него мне было не дотянуться. Тогда я сняла с пальцев кольца, потом снова надела их. Я даже достала часы и посмотрела, сколько времени, — было четверть третьего.

Итак, я лежала и пыталась убедить себя, что открывшаяся дверь и бледная фигура в полинялом жёлтом халате, сидящая в кресле, были лишь обманом чувств, вызванным нервным перевозбуждением. Я снова крепко сжала руку мужа, на этот раз так крепко, что он вздрогнул и застонал. При этом звуке фигура у огня встала с кресла, помешала угли в камине и медленно направилась к нашей кровати. В свете огня от камина я к своему неопишуемому ужасу увидела, что в одной руке призрак держит длинный, острый нож. Блеснувшее в отсветах пламени остриё его было обращено вверх и направлено в нашу сторону.

Обуглившиеся дрова в камине горели так слабо, что едва отбрасывали на пол красноватые блики, и всё же света было достаточно, чтобы я увидела, что фигура, подняв нож, крадёт ко мне. Я похолодела от ужаса. Страх настолько сковал меня, что у меня не было сил ни шевельнуться, ни позвать на помощь. Вдруг фигура наткнулась на стул, стоявший у стола, за которым я имела обыкновение

читать, и опрокинула его. В ту же секунду мозг мой скинул оцепенение и силы вернулись ко мне. Сердце у меня учащённо забилося.

Это вроде бы незначительное происшествие убедило меня в том, что в фигуре не было ничего сверхъестественного. То мог быть кто угодно: убийца или лунатик, но он явно состоял из плоти и крови. Я не знала, какова его цель — она, несомненно, была ужасна. Он, однако, всё стоял вблизи нас с ножом в руке, глядя на меня пустым, мертвенным взглядом, в котором читалась дьявольская злоба. Я уже было собралась вскочить с кровати, попытаться отнять у него нож и звать на помощь, когда фигура вдруг повернулась к двери и выскользнула из комнаты так же бесшумно и призрачно, как и вошла. Я глядела ей вслед. Затем, ощутив внезапный прилив сил вскочила с кровати, захлопнула дверь, быстро повернула ключ, молниеносно задвинула щекоду и без чувств упала на пол.

...

На следующее утро я как обычно спустилась вниз и присоединилась ко всей компании за завтраком. Я решила ничего не рассказывать о ночном происшествии, лишь пожаловалась на бессонницу и недомогание. Со всех сторон раздались возгласы сочувствия и посыпались советы, что мне не стоит сидеть у постели больного ещё одну ночь.

— Моя дорогая миссис., через год вы будете относиться к таким вещам гораздо спокойнее, — цинично заверил сэр Эдвард.

Я заметила, что леди Лоуфорд смотрит на меня с тревогой и какой-то особенной серьёзностью. Когда завтрак закончился, она незаметно увела меня к себе в будуар.

— Дорогая миссис., — сказала она, беря меня за руку. — У вас очень усталый вид и вы чем-то в конце расстроены — я женщина светская, старше и опытнее вас — так что и не пытайтесь этого отрицать. Нынешней ночью с вами несомненно приключилось что-то ужасное. Думаю, я догадываюсь, что бы это могло быть. Конечно же, не из-за ночного бдения подле постели больного так дрожит сейчас ваша рука. Ну же, милая, откройтесь мне, расскажите, в чём дело.

И я рассказала ей всё, ничего не утаив, начав со своих мыслей о портрете отравителя и до той минуты, как я без

чувств свалилась на пол подле двери. Рассказывая, я заметила, что лицо леди Лоуфорд становится всё печальнее и серьезнее. Когда я закончила, она тяжело вздохнула:

— Моя милая, — сказала она мне в ответ, — я просто обязана раскрыть вам эту тайну, но мне бы очень хотелось, чтоб это объяснение осталось между нами. Дело в том, что в дальнем крыле своего дома мы держим сумасшедшего. Этот старик — родственник сэра Эдварда. Он очень любил сэра Эдварда, когда тот был ещё ребёнком, и мой муж в благодарность за его доброту взял на себя заботу о нём теперь, когда жена и друзья его совершенно покинули. Он требует от нас огромного внимания, так как временами подвержен мании человекоубийства. В такие периоды он очень коварен и опасен, а потому за ним необходимо особенно строго присматривать. Однако как раз прошлой ночью, человек, приставленный к нему, выпил лишнего вместе с прислугой, и его сморил сон, как он сам теперь признаётся. Старик, воспользовавшись этим, украдкой покинул свою комнату и по чёрной лестнице, ведущей на кухню, спустился вниз. Там он взял со стола среди кухонной утвари большой нож для разделки мяса и направился с ним на вашу половину дома. Человек, присматривающий за ним, проснулся и, хватившись своего подопечного, побежал за ним на розыски. Нашёл он его в холле, где старик скорчившись лежал на полу. Из его бессвязных слов слуга понял, что тот входил к кому-то в спальню, в вашу или в чью-то поблизости. Вот и вся тайна, моя дорогая миссис... Мне остаётся только глубоко сожалеть, что вам довелось подвергнуться столь страшной опасности.

Мы оставались, вернее, были вынуждены оставаться в этом доме ещё много дней. Но должна признаться, что, несмотря на всё гостеприимство леди Лоуфорд я была бесконечно рада наконец-то увидеть карету, которая увезла нас подальше от этого ужасного дома. И в своих снах, как жуткий кошмар, я часто вижу старинное окно эпохи Тюдоров, огромные железные ворота, портрет в тёмном углу, освещённый отсветами огня в камине, и призрачную фигуру в старом жёлтом халате.

1895 г.

Секрет комнаты кузена Джеффри¹

I

Считайте: Энни и Маргарет Дьюси — два человека. Затем госпожи Лассель — уже пять. Не представляю себе, где мы можем разместить ещё одну молодую леди. Это невозможно, — сказала миссис Пагониль.

Уже в шестой раз мы с Беатрис выслушивали от неё эти слова, и неизменно она заканчивала свою речь жалобным обращением к нам:

— Девочки, что же мне делать?

— Право, не знаю, мама, — ответила Беатрис. — Остаётся только сказать им правду: напишите, что вы очень сожалеете, как обычно пишут в таких случаях.

— Какие-нибудь неприятности? — спросил с порога Хью Пагониль, собравшийся на охоту.

— Ах, дорогой, разве ты не слышал за завтраком? Эти Мортонны... Какие же они надоедливые! Нет, я не сомневаюсь, они очень милые люди... Просто они создают нам неудобства. Я только что получила от них письмо. Они хотят приехать с одной молодой особой — своей племянницей, просят, чтобы та осталась у нас на бал, что будет в новогодний вечер.

— Ничего страшного, мама. Как-нибудь уж потеснимся. Не отказать же ей? Как говорится, в тесноте да не в обиде. Пусть она займёт мою комнату. Я найду себе пристанище где угодно.

— Спасибо, мой дорогой мальчик. Ты самый добрый, — отвечала миссис Пагониль, с нежностью оглядывая статную фигуру сына и его добродушное, сияющее улыбкой лицо. — Но твой план вряд ли удачен. Не могу же я предложить незамужней даме комнату в холостяцком углу, с отдельной лестницей и прочими атрибутами. Это невозможно. Да и горничную туда не отправишь... Это будет неудобно, нехорошо. Нет-нет. Видно, я и впрямь

¹ Случай, описанный в этом рассказе, действительно имел место (А. К. Д.)

должна написать им, как предлагает Беатрис. Только это так раздражает твоего отца. Не будет ли это негостеприимно с моей стороны?

— Разве Би и Кэтти не могут две ночи провести вдвоём в одной комнате?

— Кэтти и так будет чувствовать себя у нас весьма неудобно, — возразила миссис Пагониль и улыбнулась мне. — Мы думаем постелить ей в небольшом дубовом кабинете. Но он такой тесный, что и одному-то в нём не повернуться. А Би уступит свою комнату господам Дьюси, а сама будет спать в моей уборной. Удивительно, в таком огромном доме, где столько всяких комнат, негде даже разместить гостей на ночлег.

— Что же, я вижу только один выход, мама, — сказал Хью. — Мисс... как там её зовут... ей надо предоставить выбор: либо остаться у себя дома, либо ночевать у нас в комнате кузена Джеффри.

— И в самом деле, мама. Мы почему-то об этом не подумали, — подхватила Беатрис. — Та комната ведь нежилая. Почему бы на время, в виде исключения, не поставить там кровать. Вы же, надеюсь, не верите, что там обитает привидение?

— Не очень. Но это такая мрачная комната, на первом этаже, и никого поблизости даже нет. Вряд ли можно отдавать её гостям.

— Нет, мама, я вовсе не предлагаю предоставить её нашей гостье. Но почему бы мисс Мортон не ночевать в твоей уборной? Она должна примириться с теснотой в нашем доме. Я распоряжусь, чтобы в комнате кузена Джеффри поставили раскладную кровать.

— Дитя моё, я ни за что на свете не стану рисковать твоими нервами. Не дай Бог, тебя что-нибудь испугает.

— Уверяю вас, мама, моим нервам ничто не угрожает, — спокойно возразила Беатрис, которой всегда были свойственны рассудительность и серьёзность. — Я не верю в призраков.

— Это вовсе не значит, что ты не должна их бояться, — заметила я. — Лучше бы ты уступила мне эту комнату с привидением. Ты же знаешь, я верю в призраков. Почему бы не предоставить мне возможность увидеть хотя бы одного. Это будет очень забавно.

— Я думаю, мы и так обошлись с вами весьма нелюбезно, Кэтти, — сказала миссис Пагониль. — Мы совсем с вами не церемонимся, точно вы у нас и не гостья. — И со

своей милой улыбкой она протянула мне руку — тонкую, необычайно ухоженную, с мягкой ладонью и нервными подрагивающими пальцами, столь похожую, как всегда мне казалось, на нее самое, на её характер. Я ещё не утратила детского восхищения и всякий раз с удовольствием прикасалась к блестящим кольцам на её руке. Взяв её руку, я ответила так:

— И хорошо, что всё просто, без церемоний. Если я где и чувствую себя уютно, как дома, так это в добром старом Эрнскилфе.

— Сделаем так, как я предложила, мама. Прошу вас, — сказала Беатрис, выказывая, по обыкновению, своевременную решительность и трезвомыслие, которые всегда выручали миссис Пагониль, когда её терзали тревоги и неопределённость. — Если позволите, я сейчас же пойду и поговорю с мисс Уайт. Она распорядится, чтобы до тридцать первого декабря комнату хорошенько проветрили.

И, оговорив с матерью свои предстоящие планы, Беатрис вышла из комнаты.

— Пойду-ка и я, мама, — произнёс Хью, по доброте душевной ждавший, не потребуется ли его помощь. — Би просто чудо, не правда ли? Всегда находит правильное решение. Если она чего доброго увидит призрак, надеюсь, она не забудет спросить у него, где спрятан клад. Ей-богу, его нам очень не хватает.

И он тоже удалился. Как ни легкомысленны были слова Хью, они вызвали у миссис Пагониль глубокий вздох. Я отчасти догадывалась о причине её грусти. Будучи посвящённой во многие тайны Эрнскилфа, я хорошо знала, что его владельцы испытывали денежные затруднения, которые весьма омрачали им жизнь. Старого сквайра, милейшего, на редкость доброго, но, увы, далеко не самого мудрого человека, вовлекли в нелепые денежные аферы, в результате чего он понёс чувствительные убытки. Он принуждён был заложить поместье, потеря дохода от которого не могла не повлечь горьких последствий для такой гостеприимной и хлебосольной семьи, какой была семья Пагонилей. Они занимали в обществе значительное положение — его надо было как-то поддерживать, к тому же огромное поместье требовало бесконечных расходов, а Пагонили имели давние традиции гостеприимства и благотворительности: разрыв хотя бы с одной из них оказался бы для сквайра слишком болезненным. Я знала, что миссис Пагониль очень не хотела приглашать на Новый год

соседей, как было исстари заведено в Эрнскилфе, но её муж не мог потерпеть, чтобы нарушалась добрая традиция, тем более, что Хью, чей день рождения приходился на тридцать первое декабря, в этом году отмечал своё совершеннолетие, и сквайр давно решил, что такое событие надлежит отпраздновать балом.

— Давайте экономить на чём-нибудь другом, — говорил он по обыкновению.

Его жена знала, что то же самое он сказал бы, стань она вдруг отговаривать его от поездки в Лондон или в Шотландию, словом, предложи она отказаться от любого другого времяпрепровождения, сопряжённого с денежными расходами. Итак, с тихим вздохом она уступила мужу — лишь предпринимала слабые попытки внести в приготовления небольшие хозяйственные поправки, что, разумеется, встречало стойкое противодействие со стороны старых слуг; её планы никогда бы не осуществились, если бы не Беатрис с её замечательным даром управлять со всем и вся. Обычно планы рождались в голове у Беатрис, а я была исполнительницей, на побегушках, ибо, как я уже говорила, Пагонили принимали меня как родную, точно я была их второй дочерью; хотя наше родство — нас с Беатрис называли кузинами — было на редкость туманным и отдалённым. Мой отец, генерал Ситон, и мистер Пагониль учились некогда в одной школе, а затем служили в одном полку; их дружба ещё больше окрепла после того, как они в течение двух лет женились один за другим на двух благородных девицах, которые состояли между собой в отдалённом родстве, росли и воспитывались вместе.

Мои родители последние десять лет жили в Индии, а я оставалась на попечении милейшей дамы, державшей небольшой частный пансион. Под кровом моей наставницы я вела здоровую и вполне обеспеченную жизнь, но Эрнскилф, где я всегда проводила каникулы, был моим истинным домом. Мне было грустно при мысли о том, что в следующий раз я вернусь сюда, вероятно, спустя многие годы, так как через несколько месяцев мне предстояла поездка в Индию, где я должна была остаться с родителями.

Эрнскилф привлёк бы любого ребёнка, в особенности наделённого богатым воображением, подобно мне, привыкшей к узкому ограниченному пространству лондонских площадей. В парке, необычайно обширном, с буйной

растительностью, были и лес, и холмы, и вересковые пустоши. Замок, чрезвычайно массивный, с толстыми тёмно-красными стенами, стоял на самом краю крутого спуска, у подножья которого приютилась деревня стародавних времён. Она располагалась до того близко, что если бы из какого-нибудь окна замка бросили камень, он угодил бы прямо на рыночную площадь деревни. Эрнскиф представлял собой причудливое разбросанное строение со множеством узких коридоров и больших сводчатых залов. В самом неожиданном месте, за углом, за которым чудился кто-то страшный, возникала лестница, ведущая на чердак, где, казалось, живут привидения, или в погреба, больше похожие на казематы. Как чудесно было играть там в прятки, и мы — Хью, Беатрис и я — заглядывали во все уголки. Холл был обшит тёмным дубом, пол каменный; по бокам две тяжёлые двери вели одна в парадную гостиную и библиотеку, другая — открывали её редко — как раз в ту комнату, о которой я уже говорила, — голубую опочивальню, где, как сказывали, обитал призрак кузена Джеффри.

Что и говорить, это была и впрямь мрачная, страшная комната, отчасти оттого, что на протяжении нескольких поколений оставалась нежилой и постепенно превратилась в приют для мебели, отслужившей свой век, и в склад всякой рухляди. И хотя раз в три месяца здесь, как и везде в замке, подметали и мыли пол, не думаю, чтобы в другое время сюда наведывались горничные. Несмотря на то, что я ни разу не слышала сколько-нибудь достоверного рассказа о привидении, не знала, как оно выглядит, изрекает ли какие-нибудь слова, место это было овеяно страхом, и этот страх, как, впрочем, и необычное название места, передавались из поколения в поколение, подобно другим традициям Эрнскифа.

Когда Хью отправился на охоту, миссис Пагониль принялась писать записку соседям, а я стала вспоминать, что я слышала про страшную комнату, и, к удивлению своему, обнаружила, как в сущности мало мне о ней известно. В детской эта тема вряд ли когда-нибудь обсуждалась в нашем присутствии; я знала, что миссис Пагониль, искренно верившая, что у всех людей такие же слабые нервы, как у неё самой, не стала бы поощрять подобные разговоры; тем не менее я твердо решила при первой возможности расспросить Беатрис и Хью, что они знают о покойном

кузене Джеффри, призрак которого обитал в комнате, названной его именем.

Вскоре мне представилась эта возможность. Обедали в те годы раньше, чем в наше время; священного обычая — чая в пять часов пополудни — тогда ещё не существовало, но Беатрис по этой части шла впереди века: она пристрастила и меня к чаепитиям в неурочные часы. Обыкновенно в сумрачные зимние дни, после полудня, мы с Беатрис уединялись в холле, где перед широким старомодным камином был расстелен большой меховой ковёр; там, сидя на корточках по разные стороны очага, подальше от пламени, мы наслаждались теплом, болтали и пили чай, который мы перехватывали у прислуги на пути из кухни в комнату экономки. Часто к нам присоединялся Хью. Он был рад случаю передохнуть перед тем, как идти переодеваться к обеду; его измазанные грязью гетры и мокрая охотничья куртка бросали вызов цивилизованному гостининому и прилегающим к ним залам. Чаепития у камина были самыми счастливыми часами за многие дни моего безмятежного пребывания в Эрнскилфе: так легко и свободно слетали слова с языка, так приятно было слушать рассказы других, когда красное пламя отбрасывало на стене причудливые призрачные тени под весёлый аккомпанемент потрескивающих дров и стук неутомонных спиц в руках Беатрис.

В тот вечер мы собрались у камина раньше обычного. Весь день мы украшали залы ветвями остролиста по случаю приближающегося Рождества, руки у нас болели, пальцы были все в ссадинах.

Когда мы расселись у камина, Хью, любезно приехавший с охоты пораньше, чтобы помочь нам украшать замок, спросил у сестры, остаётся ли в силе её решение ночевать в сочельник в комнате кузена Джеффри.

— Да, — с улыбкой ответила она. — Мама боится, что там это привидение. Но думаю, мой план самый лучший. И я охотно готова пойти на риск.

— Хотелось бы знать, что же в действительности произошло в той комнате, — сказала я. — Говорить на эту тему в детской категорически запрещалось. Я слышала лишь какие-то несвязные отрывки. Расскажи мне, Би, что ты знаешь. Очень прошу тебя.

— Я бы с удовольствием, но, право, сама ничего толком не знаю, — скромно проговорила Беатрис. — Меня не интересуют рассказы о привидениях.

— Я так и не мог разобраться: а было ли в самом деле какое-то привидение, — произнёс Хью. — На днях мне пришлось просмотреть кучу старых, заплесневевших от времени бумаг; и я узнал некоторые сведения о человеке, жившем в той комнате. Как вы, надеюсь, понимаете, начало его жизни не имеет никакого отношения к привидениям.

— В таком случае, расскажи нам и постарайся, пожалуйста, чтобы это было интересно слушать, — попросила я, прижавшись к стене и сладко поёживаясь в ожидании какой-нибудь восхитительной жуткой истории.

— Итак, было это во время правления королевы Елизаветы. Пагонили в ту пору — как вы догадываетесь, другая ветвь рода — имели несчастье быть католиками. В правление Марии Стюарт они были в фаворе, но по восшествии на трон её сестры оказались в весьма неловком положении. Семья состояла из двух братьев — Ральфа, владельца Эрнскифа, и Джеффри. Полагаю, Джеффри был не вполне доволен своею участью — он безвыездно жил в замке, занимаясь тем, чем не стал бы заниматься никто другой, как, впрочем, жили многие младшие братья в те времена. Но вот между ними произошла ссора. Оба влюбились в красавицу кузину Беатрикс Пагонилю, которая росла и воспитывалась вместе с ними.

— И кого же она предпочла?

— Будучи хорошо воспитанной девушкой, она предпочла старшего брата. И я нисколько не удивляюсь её выбору. Судя по фамильным портретам, Ральф во всём превосходил своего брата. Вон там висит его портрет. Сейчас, правда, темно, ничего не видно, но ты помнишь, какое красивое, благородное у него лицо.

— На твоём месте я бы так не превозносила его, — с улыбкой заметила Беатрис, — ведь это суцая копия твоего лица.

— Приятно слышать, что у меня такая счастливая наружность. Остаётся только надеяться, что меня не повесят, как моего предка.

— Повесят? Его повесили? А что он сделал?

— Сейчас узнаете. Пагонили были преданы своей вере, даже когда времена изменились. Впрочем, в замке всё оставалось по-прежнему, разве что ненадолго исчез старый капеллан. Исчез и возвратился под видом секретаря и управляющего. Довольно прозрачная уловка, я бы сказал, но, по-видимому, никто не желал зла Пагонилям. Итак,

продолжаю. Легенда гласит, что где-то в лабиринтах замка было потайное место, столь искусно сокрытое от посторонних глаз, что человеку несведущему найти его было невозможно. По традиции о нём знал лишь владелец замка и одно из его доверенных лиц. Говорят, что даже политических и религиозных беженцев, которых там иногда укрывали, проводили туда, а затем выводили с завязанными глазами — столь ревностно Пагонили оберегали свою тайну. Ральф Пагониль доверился своему брату Джеффри. Полагаясь на надёжность потайного укрытия, куда за считанные мгновения можно было спрятать старого капеллана и церковную утварь, они справляли католические обряды гораздо безбоязненнее, чем прочие их единоверцы в славные годы правления королевы Елизаветы. Наконец, спустя несколько лет после женитьбы Ральфа, холодность, с какою братья относились друг к другу, переросла в откровенный разлад. Ральф Пагониль указал Джеффри на дверь, в гневе наговорив весьма нелицеприятных слов, которых Джеффри, несомненно, заслуживал, и тот ушёл, поклявшись отомстить брату.

— А, я знаю, чем закончится эта история. Джеффри донесёт на брата, — вырвалось у Беатрис.

— Когда прихожане Эрнскифа собрались на очередное тайное богослужение, вбежал дозорный, который всегда в таких случаях вёл наблюдение за окрестностями, и предупредил, что к замку приближаются люди шерифа. К их появлению необходимые меры предосторожности были приняты, сэр Пагониль с женой вышли встречать гостей и учтиво поздоровались с ними. Они надеялись провести шерифа, как уже неоднократно бывало раньше, но вообразите их смятение и ярость, когда они вскоре увидели Джеффри, а рядом с ним бедного старого священника с церковной утварью, которую прятали от посторонних глаз в потайном месте. О нём, кроме Ральфа, знал лишь один Джеффри.

— Презренный негодяй! Неудивительно, что он не может обрести покой даже в могиле.

— Не уверен, не знаю, был ли он предан земле.

— Что же, он до сих пор бродит по свету, как Агасфер? Надеюсь, Хью, он не явится к нам в один прекрасный день и не предъявит права на поместье.

— Подожди, выслушай до конца эту историю. Не знаю, насколько достоверны подробности, но могу сказать совершенно точно, что Ральф и Беатрикс Пагониль, а также

священник Фрэнсис Риверз разделили судьбу многих погибших на эшафоте, после чего Джеффри по высочайшему соизволению получил поместье «в знак признательности за большие заслуги перед короной». Здесь в замке он, по-видимому, влачил самое что ни на есть жалкое существование: все сторонились его как предателя и братоубийцы. Под конец Джеффри остался совсем один, разогнав даже слуг, и жил затворником в той мрачной комнате.

— У меня нет к нему никакого сочувствия.

— О нём говорили, что он стал страшным скрягой, безбожно притеснял арендаторов. Полагали, что он скопил в замке огромные капиталы, однако, когда наш род вступил во владение поместьем, в замке не нашли ни одной монеты, не видно было ни малейших признаков богатства. Бесследно исчезла и фамильная посуда с драгоценностями, которым ещё в ту пору цены не было.

— А когда ваши предки вступили во владение поместьем?

— Это случилось после того, как Джеффри таинственным образом исчез. В семейных бумагах точно не говорится, как обнаружили его исчезновение. Возможно, причиной тому был его странный отшельнический образ жизни. Как бы то ни было, спустя несколько месяцев после исчезновения Джеффри приехал наш предок, и вскоре замок перешёл к нему.

— Интересно, где это потайное место? — спросила я.

— Сказать по правде, я не верю в его существование. Как ты знаешь, в Эрнскифе на каждом шагу закоулки, и потайные чуланы. Любой человек, кто знал все ходы и выходы в замке, мог с успехом сыграть в прятки и провести незваных гостей. Думаю, отсюда и взялась легенда о потайном месте.

— А кто-нибудь видел своими глазами этого ужасного кузена Джеффри?

— Не знаю — ни разу не слышал, чтобы его кто-нибудь видел, но не сомневаюсь, его так боялись увидеть, что всё время запирали его комнату на ключ. И конечно, это создало почву для слухов и рассказов. Все обитатели Эрнскифа были убеждены, что свои сокровища Джеффри спрятал где-то здесь в замке и, терзаемый раскаянием, может появиться в образе призрака и указать, где они находятся.

— Какой прекрасный предоставляется тебе случай, Би!

Беатрис усмехнулась и заметила, что она никоим образом не желает встречаться со своим отвратительным предком, но потом, вздохнув, добавила:

— Всё, что угодно — только не это. А так бы я не упустила случая найти спрятанный клад.

— Ах, я тоже. Неужели я бы упустил случай! — воскликнул Хью. — Не могу смотреть, как бедного старого сквайра терзают заботы. Я бы пошёл на всё что угодно, только бы восстановить справедливость

— Надеюсь, не на всё, Хью? — иронично спросила его сестра, и я заметила при свете пламени, что Хью покраснел до корней волос.

— Что ты хочешь сказать? — произнёс он. — Почему ты это говоришь?

— Потому что я знаю: есть вещи, через которые ты никогда не переступишь, даже ради кого бы то ни было, — ответила Беатрис. — Ты слышал: мама говорит, что с господами Лассель на бал приедет эта мисс Барнет?

Не знаю почему, но при упоминании о богатой наследнице из Бланкшира мне стало неприятно; весёлый, беззаботный смех Хью пришёлся как нельзя кстати.

— Ну нет, чёрт возьми, до этого, слава Богу, мы ещё не опустились. Да я скорее предпочту бедность, чем стану жертвовать своей свободой. — Хью замолчал, а когда заговорил снова, в голосе его прозвучала мрачная грусть. — Во всяком случае, я никогда не сделаю ничего такого, что добавило бы отцу забот и хлопот.

Воцарилось молчание, мы смотрели на огонь в камине, и я чувствовала... не могу даже изъяснить себе, что это было за чувство. Хью Пагониль был мне всегда очень дорог, дороже всех; он был моим кузеном, товарищем, моим отважным защитником, но я никогда не представляла его в каком-либо ином свете, и потому, когда в семнадцать лет ко мне вместе с робким самосознанием пришло понимание того, что моя дружба с Хью не может быть такой же близкой и свободной, как дружба с Беатрис, я была скорее раздражена и расстроена, нежели смущена этим откровением. Странное дело, предложение Беатрис было мне даже противно. Тут только я осознала, как ужасно будет, если Хью женится на другой женщине. С болью в сердце я вспомнила, что мой отец живёт исключительно на своё жалованье, а для Хью взять в жёны девушку без приданого означало бы верный способ усугубить затруднительное положение сквайра. Подняв глаза, я поймала на себе

взгляд Хью; он был серьёзный и грустный, как, верно, и у меня в ту минуту. Впервые его взгляд смутил меня, и потому я почувствовала некоторое облегчение, когда зазвонил большой гонг, и мы разбрелись в разные стороны переодеваться к обеду.

II

В канун Нового года на бал по случаю совершеннолетия Хью съехались гости. Они должны были остаться на ночь и на другой день, когда намечался торжественный ужин в честь арендаторов. Нет нужды описывать здесь гостей; это были приятные добросердечные люди, большинство из них — старые друзья и соседи Пагонилей. Так как я регулярно встречалась с ними каждый год, когда приезжала в Эрнскиф на каникулы, все они любезно оказали мне внимание и учтиво сожалели, что я уезжаю из Англии и в последний раз гощу в Эрнскифе.

Если не считать мисс Мортон, чей приезд вызвал столько досужих толков, единственным новым лицом среди приезжих была мисс Барнет, наследница огромного имения. Она прибыла из поместья Лассель с генерал-лейтенантом¹ и его свитой. Я невольно с необычайным интересом разглядывала эту девушку и, боюсь, испытывала жестокое раздражение, найдя её очень юной и миловидной, манеры её простыми, а наряды скромными. Она так искренне восхищалась огромным старинным замком, обширным парком, через который она проезжала в экипаже, что я по злобе своей едва не обвинила её в том, будто она расхваливает Эрнскиф, чтобы завоевать сердце Хью, поскольку тот был беззаветно предан родному дому. Имея наивно-детское представление о богатых наследницах, я была немало удивлена, увидев на ней скромное, тёмных тонов платье из грубой полушерстяной ткани и самую непритязательную шляпку из обыкновенной крупной соломки. Однако после обеда, когда мы все отправились наряжаться к балу, я услышала слова леди Лассель. Она рассказывала миссис Пагониль, что «уговорила Изабеллу привезти с собой фамильные бриллианты, так как они по истине достойны того, чтобы их видели все».

¹ Генерал-лейтенант — глава судебной и исполнительной власти в английском графстве. (Й. Р.)

И действительно, мисс Барнет появилась в большой бальной зале во всём блеске своих бриллиантов; они сверкали на лифе её белого кружевного платья и горели, как звёзды, в её светло-каштановых волосах, заплетённых в тугие косы. Она слегка покраснела, когда все, кто считал себя в достаточно доверительных отношениях с ней, чтобы открыто высказываться на этот счёт, наперебой выразили ей искреннее восхищение. Она поспешно принялась объяснять, что её попросила надеть украшения леди Лассель: как будто она боялась, что её заподозрят в желании выставить их напоказ.

И вновь благоразумие мне изменило и сменилось досадой: меня бесила милая застенчивость гостьи, столь выгодно контрастировавшая с её роскошным туалетом. Самолюбие моё было жестоко уязвлено, когда, глянув в зеркало, я увидела в нём свою высокую фигуру, облачённую в самое обыкновенное муслиновое платье (я сшила его сама под руководством горничной миссис Пагониль), а на голове простой веночек из остролиста, сбившийся набок на чёрных волосах. Осознав, что моё лицо скривилось в безобразной кислой гримасе раздражения, я опомнилась и, поборов свои чувства, попыталась придать лицу менее злобное выражение, чтобы хоть как-то смягчить разительный контраст с миловидной мисс Барнет. Я отвернулась от зеркала и попыталась предаться весёлой суете.

Бал начался и продолжался с большим оживлением. Меня без конца приглашали танцевать и я бы наслаждалась балом вполне, если бы не одно печальное обстоятельство: Хью ни разу не пригласил меня, чего никогда раньше не было, хотя я с семилетнего возраста принимала участие во многих празднествах в замке. Год назад я бы беззастенчиво отчитала его за такое пренебрежение моей особой, отчитала бы, как сестра брата. Теперь же мне оставалось только копить в душе злобу и раздражение, хотя при этом я напускала на себя преувеличенно весёлый вид всякий раз, когда Хью оказывался неподалёку, и особенно, когда он танцевал с мисс Барнет.

Дело кончилось тем, что бал ещё продолжался, а я уже изрядно устала, поэтому я была несказанно рада, когда гости, которые не оставались ночевать в замке, стали отдавать распоряжения насчёт экипажей; и когда сквайр настоял на том, чтобы под конец сыграли «Весёлого Род-

жерса», я потихоньку удалилась в небольшую комнату, «спиритическую», как её называли¹. Это название она получила не из-за того, что была как-то связана с привидением, — просто предки Пагонилей, подобно миссис Гемп², предпочитали иметь поблизости что-нибудь крепкое, горячительное, которое в любой подходящий момент можно было бы отведать. Комната была обставлена как небольшой будуар. Войдя в неё, я сразу увидела Беатрис. Она была одна; лицо её казалось таким посиневшим от холода, что я невольно воскликнула:

— Что ты с собой сделала, Би? Ты точно привидение.

— Не говори со мной про привидения, — поёжившись, сказала она. — Мне так стыдно за себя, Кэтти. У меня самый что ни есть настоящий нервный приступ. Это так на меня не похоже.

— Би, дорогая, ты не заболела?

— Я совершенно здорова. Всё вышло так глупо. Ты знаешь, я не могу танцевать долго — у меня всякий раз начинается колоть в боку. У Маргарет Дьюси, кстати, тоже. Так вот, мы зашли сюда передохнуть, потом к нам присоединились наши кавалеры. И, слово за слово, стали расспрашивать о фамильных картинах, что висят в холле. Потом заговорили про комнату кузена Джеффри. Меня упросили рассказать эту историю.

— И это тебя испугало? Ах, Би, поздравляю! Я думала, ты мудра и не придаёшь значения рассказам про привидения и домовых.

— Я испугалась не от этого. Маргарет принялась описывать, какое жуткое привидение у них в доме. А капитан Лассель добавил страху и рассказал такое, от чего меня до сих пор мороз по коже пробирает. Помому, это всё праздная болтовня и пустое щекотание нервов. Но я не смогла их остановить, а они... они не знали, что мне предстоит ночевать в этой ужасной нежилой комнате.

¹ Непереводимая игра слов: «spirits» значит по-английски «духи» и вместе с тем — «спиртное», «алкоголь». Это обстоятельство обыгрывается и в рассказе «Джордж Венн и привидение». (И. Р.)

² Персонаж одного из романов Диккенса, весьма неравнодушная к спиртному. (И. Р.)

— Ты не будешь ночевать в ней, — заявила я. — Би, дорогая, устраивайся в моей комнате. Во всяком случае, я могу спокойно заночевать на первом этаже.

— Нет-нет, я не могу этого позволить — я не настолько эгоистична, — ответила Беатрис. — Вот лягу в постель, засну и всё пройдёт. Никак не пойму, отчего это вдруг у меня разыгрались нервы. У меня никогда так не было. Конечно, я лшу себе. Как всё это странно, глупо!

— Ничего странного, дорогая. Не забывай, что ты на ногах с пяти часов утра, украшала стол к празднику, работала не покладая рук. У тебя, возможно, есть сила духа, но ты ведь не Геркулес, а нервы это из области физиологии, разве не так?

Последний танец окончился, гости разъезжались, и мы вышли из своего укрытия. У двери, прислонившись к стене, стоял Хью; вид у него был довольно мрачный. Хью неотрывно смотрел куда-то в конец залы. Проследив его взгляд, я с болью и трепетом в сердце заметила, что он устремлён на мисс Барнет, стоявшую рядом с капитаном Ласселем и слушавшую, что он говорит. В чарующем сверкании своих бриллиантов мисс Барнет казалась особенно изысканной и привлекательной.

— Ты восхищён ею, Хью? — услышала я шёпот Беатрис.

— Я восхищён её бриллиантами, — ответил Хью. — Но они не очень сочетаются с её светло-каштановыми волосами. Как бы они заиграли на чёрных! Нет, право слово, мне нравятся бриллианты.

— А кому они не нравятся? — улыбнулась его сестра.

— Как бы я хотел надеяться, что когда-нибудь смогу украсить платье жены такими бриллиантами, — проговорил Хью.

— Ты знаешь, где выход из этого положения, — сказала Беатрис, с напускной серьёзностью поглядев на брата. — Робкий духом не покорит сердце красавицы.

— Да нет, бриллианты должны быть моим подарком, иначе для меня они потеряли бы цену. — И Хью отошёл от нас, чтобы подать руку какой-то даме, направлявшейся в свой экипаж, а я почувствовала чудесное просветление на душе, и когда Беатрис принялась расхваливать мисс Барнет, я готова была во всём с ней соглашаться, от моей злобы не осталось и следа.

Спустя какое-то время оставшихся гостей стали разводить по комнатам. Как только они разошлись, я затащила

свою подругу в маленькую каморку, где мне предстояло ночевать. У Беатрис был очень бледный утомлённый вид. Хотя я прекрасно отдавала себе отчёт, как нелегко убедить её отказаться от какого бы то ни было избранного ею плана, я тем не менее была преисполнена решимости не допустить, чтобы она ночевала в ужасной комнате кузена Джеффри.

— Беатрис, — начала я, стараясь придать голосу властность. — Я помогу тебе снять бальное платье, дам тебе свой пеньюар и затем перенесу свои вещи вниз, а твои доставлю сюда. Я твердо решила: мы поменяемся с тобой местами.

— Ты не сделаешь ничего подобного, Кэтти. Мне и так ужасно стыдно за своё малодушие, но не воображай, будто я такая законченная эгоистка.

— Эгоистка? Но уверяю тебя совершенно искренне и серьёзно: меня это очень позабавит. Ты ведь знаешь: я люблю приключения, а тут такая возможность! И потом я сегодня очень спокойная — с нервами у меня всё в порядке.

— Ни в коем случае. Разве нельзя нам вдвоём как-нибудь разместиться здесь? Ведь всего одна ночь.

И она посмотрела на крошечную кровать, которую с немалым трудом втиснули между двух стен каморки. Я посмеялась над предложением подруги, но была несказанно рада этим признакам нерешительности. Усилив натиск, я наконец добилась своей цели: Беатрис и впрямь была утомлена, к тому же у неё были расстроены нервы. Однако в одном она была непреклонна — настояла на том, чтобы помочь мне перенести вниз спальные принадлежности. Я не стала перечить ей: я знала, что слуги ещё не спят и потому её ночное путешествие по мрачному замку не так уж страшно, как кажется на первый взгляд.

Мы подошли к комнате кузена Джеффри, дверь на ржавых петлях угрожающе закрипела и отворилась. Свет наших свечей не рассеял темноты — она казалась только ещё более непроницаемой. Комната и впрямь вызывала тягостные чувства, даже если отбросить воспоминания о грехе, угрызаниях совести и убогом существовании Джеффри, — воспоминания, которые здесь невольно приходили на ум. Подобно большинству комнат, стены в ней были обшиты дубом, проёмы окон были такой толщины, что образовывали ниши, которые по размеру вполне могли бы сойти за небольшие комнаты. Окно наполовину занавешивали

шторы, до того драные и обветшавшие, что, казалось, они висят ещё со времён кузена Джеффри. Большую часть комнаты загромождали мрачные горы колченогих стульев, сломанных столов и каких-то немислимых обломков, изгнанных по причине своего безобразия из более цивилизованных покоев замка; посредине, на небольшом, очищенном от рухляди пространстве виднелись лёгкие носилки, напоминавшие о военных походах сквайра, наспех поставленный туалетный столик и ванна с губкой; ванна — детище девятнадцатого века, использовавшаяся в повседневных нуждах, являла собой довольно отрадное зрелище на фоне всеобщего упадка и разрушения. Горничная то ли заблудилась, то ли побоялась наведаться в комнату с наступлением темноты, и дрова в камине, прогорев, едва тлели. Это в первую очередь поразило Беатрис и, поёжившись от холода, она воскликнула:

— О Боже! Огонь в камине потух! Как здесь ужасно мрачно!

— Ничего страшного, — успокоила я её. — Всё как полагается. Сразу скажешь, что тут обитает привидение. Было бы странно, окажись здесь тепло и светло, как в самой обычной комнате. А теперь Би, отправляйся-ка наверх к себе. Пора спать. Вот возьми, накинь эти вещи на руку. Спокойной ночи.

— Так ужасно оставлять тебя здесь. Я не могу, — сказала Беатрис, замешкавшись, но я была решительно настроена на приключения и ни за что не хотела отказываться от своего предприятия. Я посмеялась над её колебаниями и напрасными угрызениями совести и добавила, что если она останется здесь, то через минуту сама превратится в привидение. Наконец я уговорила её и, заметив её печальный встревоженный взгляд, поцеловала её напоследок и уверила:

— Дорогая моя, не надо из-за меня терзаться. Ты ведь знаешь: у меня стальные нервы. Никогда в жизни я ничего не боялась.

Глупые, хвастливые слова! Я нередко говорила их прежде, но после всего случившегося уже не повторю никогда!

III

Когда шаги Беатрис стихли, мне вдруг стало одиноко и как-то нехорошо, тревожно; однако, собравшись с духом, я успокоила себя мыслью, что «это чертовски забавно»,

как бы сказал Хью, и поспешила заняться приготовлениями ко сну, не позволяя себе расслабиться и впасть в нервное состояние.

Вскоре, выйдя из бального платья, я надела тёплый пеньюар и меховые комнатные туфли; они пришлись как нельзя кстати в этом промозглом погребе. Куда сложнее было расплести косы. Сидя перед зеркалом, я невольно предавалась фантазиям и, забыв про испуг и холод, про всё на свете, размышляла о том, женится ли Хью на мисс Барнет, поправит ли он таким образом пошатнувшееся семейное благосостояние. С завидным упорством я предавалась самобичеванию, которое никогда, полагаю, не бывает столь изощрённым, как в семнадцатилетнем возрасте. Я строила самые мрачные воздушные замки: Хью женится на богатой наследнице, Беатрис уезжает и поселяется вдали от Эрнскифа, и я уже никогда не вернусь в старый добрый замок. Я попыталась представить себе своё будущее — и мной овладел неукротимый приступ уныния: я оказываюсь в далёкой незнакомой стране, живу с родителями, о которых у меня сохранились лишь смутные воспоминания.

Я сидела, скорбно глядя в глубину зеркала, как вдруг заметила, что за спиной, с портрета в меня угрюмо вперились чьи-то глаза. Они смотрели серьёзно и важно, как обыкновенно глядят портретные лица. Я поспешно обернулась и устремила взгляд на портрет, прежде мной не замеченный; на него падал свет от моей свечи. На картине был изображён молодой человек, вовсе не безобразной наружности, хотя глаза, точно всматривающиеся во что-то, были прищурены, напряжены и хмуры, как бывает у близоруких людей, а губы вот-вот готовы были скривиться в презрительной усмешке, что придавало неприятное выражение его чертам, которые, если б не это, можно было бы назвать красивыми. Несомненно, это был злосчастный Джеффри. Чей ещё портрет убрали бы из холла, где в память о прежних владельцах Эрнскифа была устроена почётная портретная галерея? Пристальные, внимательные глаза заставили меня содрогнуться. Загипнотизированная, я насилу смогла оторвать взгляд; казалось, будто губы Джеффри вот-вот придут в движение, а палец — поднимется и укажет на спрятанные сокровища. О, как легко было смеяться над призраком в светлых, праздничных комнатах наверху! Совсем иное дело оказаться одной в

зловещей комнате, под неподвижным взглядом прищуренных портретных глаз.

У меня возникло ощущение, будто по затылку стекают холодные капли воды; я поняла, что оказалась во власти нервного перенапряжения. Оставалось только одно: поторопиться с ночными приготовлениями, юркнуть под одеяло, укрыться с головой и попытаться рассеять сном дурное наваждение.

Решительно, но чересчур резко я встала со стула и ненароком задела подсвечник: он грохнулся на пол, свеча погасла и я оказалась в кромешной темноте.

Что и говорить — ужасное положение! И всё же было в нём что-то комическое, смешное, что придавало мне духу. Я тотчас вспомнила, что не далее как несколько минут назад в холле пылал камин, а на нём всегда можно найти коробку спичек и две запасные свечи. О том, чтобы переодеться в темноте, наедине с ужасным портретом, и речи быть не могло. Я протянула руку и, хоть и не совсем представляла себе, куда идти, всё же стала ощупью двигаться, как мне казалось, в сторону двери. И вдруг нога моя подвернулась — должно быть, утодила в дыру в ветхом ковре — я стала падать, но меня поддержала стена впереди, точнее сказать, дверь; когда я навалилась на неё, она вдруг подалась, отворилась, я обо что-то споткнулась, и в то же мгновение услышала позади резкий щелчок — дверь захлопнулась.

Несомненно, я очутилась в холле, только почему вдруг такая кромешная тьма? Мог ли камин, ещё недавно горевший, вдруг за какие-то считанные минуты потухнуть? И даже если он потух, почему не светится окно на парадной лестнице? И почему здесь такой странный затхлый запах, как будто сюда почти не проникает свежий воздух?

Какое-то мгновение я пребывала в замешательстве, затем решила пройти ощупью вдоль стены. В скором времени я непременно добреду до стола, он стоит всего в нескольких шагах справа от двери, что ведёт в комнату кузена Джеффри. Я зашагала вперёд, как вдруг моя рука упёрлась в другую стену, перпендикулярную той, вдоль которой я шла. Миновав угол, я двинулась дальше и вскоре наткнулась на какой-то сундук или ящик, по высоте приходившийся мне по пояс. Я обошла его и опять на моём пути стали попадаться сундуки, мешки и ящики.

Господи, где я? Неужели я ненароком забрела в какой-то чулан? Нет, не похоже. Его нет в комнате кузе-

на Джеффри, — я была в этом уверена. Снова и снова я пыталась нашарить вверху и внизу ручку двери, но мои попытки оказались тщетны: деревянные стены были гладки, дверь, в которую я вошла, бесследно исчезла, хотя, несомненно, я не один раз обшарила стены по всему периметру своей темницы. По-видимому, это была небольшая комната, длинная, но очень узкая. Я подняла руку и убедилась, что она не достаёт до потолка. Я была озадачена и испугана — кажется, я даже не отдавала себе отчёта в том, что начала кричать: мной овладела уверенность, что сбылись мои легкомысленные слова, причём сбылись самым ужасным образом. Похоже, я обнаружила потайную комнату, в существование которой никто не верил, а может быть, если судить по сундукам и мешкам, что стоят вдоль стен, я нашла и клад, который когда-то искали в замке и не нашли.

Голос мой отозвался эхом во мраке, но никто не пришёл на помощь, не слышно было ни малейшего звука, ни одного шороха. До сих пор с содроганием вспоминаю чувство полного одиночества и отчаяния, сковавшее мне холодом сердце. Я была совершенно одна в жестокой враждебной темноте, невесть где!

Мне кажется, я могла бы сойти с ума, но, по счастью, самая мысль, что сознание меня оставляет, придала мне сил, коих хватило на последнюю решительную попытку вернуть себе самообладание. Я принялась молиться всем сердцем, вверяя свою судьбу Богу, затем до меня дошло, что, в конечном счёте, моё положение скорее можно назвать смехотворным, нежели ужасным. По-видимому, я оказалась в каком-то дотоле неведомом углублении в стене, вероятно, где-то внутри наружной стены; и хотя, возможно, моим спасателям потребуется немало времени, чтобы обнаружить потайную пружину, на которую я нечаянно наступила, зато, несомненно, не составит большого труда выставить дубовую панель, чтобы я могла вылезти в отверстие в стене. В восемь, самое позднее, девять часов, за мной придёт горничная, и всё, что мне сейчас нужно, так это побереечь голос, а не срывать его понапрасну, чтобы, когда придёт горничная, она услышала меня и поняла, что надо делать.

Успокоив себя этой мыслью, я опустилась на пол, в том месте, где стояла, — где-то посредине своего узилища — протянула руку и стала ощупывать один из сундуков — если это и впрямь был сундук: я хотела проверить,

можно ли к нему прислониться спиной. Силы небесные! Что я нащупала! Что свисало сбоку сундука! Похолодевшие пальцы мои вцепились в чьи-то пальцы, заостреневшие, жёсткие, без кожи и мяса. То были кости! В ту же секунду что-то — что именно, я не смела даже помыслить; вероятно, оно лежало на крышке сундука — в ответ на моё испуганное судорожное рукопожатие со страшным грохотом рухнуло на пол, почти на меня, и жутко отозвалось эхом. Смертельный страх — мерзкий, леденящий душу страх — охватил меня, и впервые в жизни я лишилась чувств. Помню, потом я долго приходила в себя, мало-помалу соображая, где я и что со мной. Когда сознание вернулось, первым моим побуждением было согнуть ноги в коленях и, подобрав платье, обтянуться им туго-туго, чтобы оно не касалось мерзкого безымянного предмета, лежавшего подле меня.

И тут меня снова охватил страх. Как долго продлился мой обморок? Неужели, пока я лежала без чувств, приходила горничная, а я не в состоянии была дать о себе знать? Если это так, то теперь, вероятно, лишь через несколько дней — а может, недель! — заглянут в эту роковую комнату. Было что-то чудовищное, невыносимое в самой мысли о том, что меня сейчас, возможно, повсюду ищут, гадают, куда я исчезла, а я в нескольких шагах от них слабею от голода, погибаю, испытывая все муки медленной смерти.

Я вспомнила бедную невесту из старой баллады «Ветка белой омелы», и слезы, которых у меня не хватило, чтобы заплакать в своём бедственном положении, полились потоком при воспоминании о какой-то страшной истории, давным-давно закончившейся благополучно. Да и была ли она на самом деле? Медленно — о, как медленно! — тянулись томительные часы, и волей-неволей я уверилась в том, что мои худшие опасения, похоже, сбылись. Несомненно, уже давно день, хотя в моей темнице, в этом узком гробу, день и ночь были неразличимы. Казалось, с того часа, как кончился бал, прошла целая вечность; казалось, что я сижу взаперти уже давно. Меня пронизывал холод, горло горело от жажды, обморочная слабость сковала конечности, и это только подтверждало мои страшные догадки. Неужели это первые признаки медленной агонии, а за ней неминуемо последует смерть?

При этой мысли мной овладел безумный ужас, всё моё самообладание как рукою сняло и я вскричала в отчаянии:

— Неужели мне не поможет никто? Никто не услышит? О Боже, я не могу! Как, я умру здесь?! Я не могу умирать так! — И я завизжала, надрывно, истошно.

И вдруг — о радость! — мне ответили. Послышался чей-то голос, громкий, сильный, хотя звучал он довольно странно: приглушённо, однако же где-то поблизости.

— Что такое? Что за чертовщина! Что бы это значило?

— Ах, это ты, Хью? Это я! Я! Выпусти меня отсюда!

— Кэтти?! Где же ты? Я не вижу. Твой голос точно из стены доносится.

— Я и есть в стене. Я уверена, это то самое потайное место. А впрочем, не знаю, что тут. Какой ужас я пережила, сколько кошмаров! Ты не можешь вывести меня отсюда? Хью! Милый дорогой Хью!

— Разумеется, выведу. Только, чёрт побери, как ты туда проникла?

— Из этой жуткой комнаты! Комнаты кузена Джеффри. Я ночевала в ней вместо Би.

— Ах, вот что. Тогда мне лучше пройти в неё с другой стороны. Я сейчас приду.

И голос его отдалился; я всё гадала и не могла понять, откуда говорил со мной Хью. Только что страшное чувство одиночества снова начало овладевать мной, я услышала долгожданные звуки: торопливые шаги, скрип открывающихся дверей, а затем его бодрый, жизнерадостный голос, всегда такой милый моему сердцу — о, как мне радостно было слышать его теперь! Он прозвучал за противоположной стеной, на сей раз гораздо отчётливее.

— Кэтти, откликнись! Ума не приложу, где ты?

— Я здесь! Здесь! Ах, не оставляй меня одну! Прошу тебя. Я упала: должно быть, наступила на потайную пружину. Где я?

— Удивительно! Просто непостижимо! Бедная моя Кэтти! Ты кажется в наружной стене. Занятное дело, нечего сказать!

Через минуту он заговорил спокойным и серьёзным тоном, но мои нервы ещё долго не могли успокоиться.

— Кэтти, я должен оставить тебя на несколько минут. Пока я найду эту потайную пружину, я могу прокопаться здесь целую вечность. Ты, очевидно, угодила туда, нечаянно нажав на пружину. Самое лучшее — выставить дубовую

панель, но для этого я должен сходить за Адамсом и принести инструмент. По счастью, Адамс сейчас в замке: накануне бала ему пришлось изрядно потрудиться. Вероятно, он ещё спит, так что, может быть, понадобится какое-то время, пожалуй, минут десять, чтобы...

— Ещё спит? А который час, интересно знать?

— На моих часах только половина седьмого.

— Ещё нет даже семи?! О Боже! А мне казалось, что я пробыла здесь целую вечность. Я думала: горничная верно, приходила, а я не слышала. Хью, ты не ушёл, нет?

— Пока ещё не ушёл, но уйду.

— Не уходи! Слышишь! — вскричала я. — Ты отлучишься минут на пять, а мне, я знаю, они покажутся часом. Я этого не вынесу. Я не смогу! — И как я ни стыдилась своей детской чувствительности, голос у меня сорвался и я зарыдала. Когда Хью откликнулся, меня поразило его голос, успокаивающий, ласковый, нежный. Никогда прежде Хью не говорил со мной так.

— Бедная маленькая Кэтти! Милая Кэтти! У тебя нервный припадок. Мы никогда не простим себе, что подвергли тебя этим ужасам. Но будь благоразумной, поверь мне: я не задержусь ни на одну минуту дольше того, чем это потребуется. Я уйду, милая Кэтти. Не бойся, через несколько минут ты выберешься оттуда, и всё будет хорошо.

Я услышала, что его шаги удаляются, но не успела дать волю своему беспокойству, как в комнате прозвучали другие шаги, раздались голоса. В них слышались нотки сочувствия и испуга, но были и шуточные восклицания, и в первую очередь они-то и принесли мне несказанное облегчение: ведь в ужасе и смятении я перестала замечать комически нелепую сторону своего положения.¹ Прибежала Беатрис, я узнала невозмутимый голос сквайра, мягкий голос его жены, а затем снова раздался самый желанный и

¹ Психологически весьма точное наблюдение. Для того, чтобы ужас мог сковать человека, тот прежде должен напрочь утратить чувство юмора. Улыбка и смех убивают эмоции страха и ужаса. Именно поэтому человека, которому не изменяет чувство юмора, все низкопробные триллеры (а у триллера по самой его природе, собственно, и не может быть пробы высокой) могут лишь рассмешить; хотя смех этот и не окажется свободен от горечи, а нередко и чувства омерзения, каковые, естественно, вызывает скудоумие создателей такого рода творений. Ибо любование мерзостью и желание внушить другим людям ужас и иные чёрные эмоции вместо светлых, добрых и жизнеутверждающих есть несомненный признак скудоумия, поскольку такой человек ложно понимает собственные жизненные интересы. (И. Р.)

дорогой для меня голос, и вскоре я догадалась, что Адамс отдирает дубовую панель. И наконец — о, радость! — я увидела огни свеч и знакомые фигуры в причудливом ночном дезабилье. Я почувствовала, как сильные руки — это был Хью — вытащили меня из узкого отверстия в стене и поддерживают, чтобы я не упала. Выбравшись на свободу, я, преисполненная чувства внезапного облегчения, беспомощно уронила голову на плечо Хью и потеряла сознание.

Через несколько минут, придя в себя, я увидела, что лежу на постели; миссис Пагониль и Беатрис приступили к моему лечению, между тем сквайр и Хью, похоже, занялись исследованием потайной комнаты, которую мне удалось обнаружить при столь курьёзных обстоятельствах. До меня донеслись удивлённые и радостные возгласы, сменившиеся испуганными восклицаниями. Тут вмешалась миссис Пагониль и объявила, что меня немедленно надо перенести в более тёплую и светлую комнату. К моей постели подошёл сквайр и предложил мне опереться на его руку, но я заметила выражение ужаса и отвращения на его широком румянном лице и услышала, как он пробормотал, обращаясь к Хью:

— Какой ужас! Воистину, верно сказано: «Мне отмщение, и аз воздам».

Весь день я провела в совершенно расстроенных чувствах: мучась от головной боли, такой сильной, что мне оставалось только лежать пластом и терпеливо сносить её. Однако к вечеру я погрузилась в глубокий сон, а когда проснулась, боль как будто прошла. Я раздвинула полог — оказалось, я лежала в комнате миссис Пагониль — и очень обрадовалась, увидев Беатрис; она сидела у камина за столиком, на котором был расставлен великолепный чайный сервиз.

— Ах, Кэтти, прости, я так виновата перед тобой, — сказала она, заметив, что я очнулась.

— Тебе не за что себя корить, Би. Всё позади, я уже совершенно поправилась, — ответила я, поспешно встала и тотчас принялась скручивать волосы и оправлять на себе платье. Затем, сев в кресло, которое Беатрис пододвинула мне поближе к камину, я спросила: — Скажи мне лучше: я в самом деле нашла то потайное место?

— В самом деле, — подтвердила Беатрис, подавая мне чашку чая.

Никогда ещё я не пила чай с таким удовольствием.

— Не только потайное место, но и клад! Сколько сокровищ, Кэтти! Сундуки и мешки набиты монетами. Сыскались все драгоценности, вся посуда, которые, как ты знаешь, считались утерянными, хотя у нас сохранилась их опись. Ах, Кэтти, как нам благодарить тебя! Теперь я уверена, папа вздохнёт спокойно, а то он совсем истерзался.

— Слава Богу. Не зря всё-таки я прошла через эти ужасные испытания. Но Би, объясни мне: как, по-твоему, туда попал клад? Что, интересно, случилось с этим злосчастным Джеффри? Страшно рассказывать: что мне только не чудилось, не казалось, когда я была в его комнате.

— Ты уверена, что тебе это лишь казалось? — почти шёпотом проговорила Беатрис. Я устремила на неё вопросительный взгляд и она продолжала: — Да, дорогая Кэтти, бедняжка. По всей видимости, его постигла участь, которая тебя так пугала. Как это произошло с ним, — конечно, сейчас никто не может сказать. В конце концов, мы можем только строить предположения. Однако скелет, что обнаружили в потайной комнате, несомненно, его, Джеффри. Он, видно, умер от голода посреди своих припрятанных богатств.

— Да. Ради них он продал душу дьяволу! Жалкий несчастный человек! — с трепетом промолвила я: эта тема была для меня слишком болезненной, чтобы вдаваться в её обсуждение, и, когда Беатрис заметила, что едва ли можно сочувствовать такому злодею, я не могла согласиться с ней. Для Беатрис этот кошмар был всего лишь романтическим приключением, овеванным туманом и кажущимся почти нереальным; но для меня он был жестокой страшной действительностью, событием сегодняшнего дня.

Я ещё не вполне оправилась от случившегося и не принимала участия в торжественном ужине, устроенном в честь арендаторов. Однако я всё же спустилась в «спиритическую комнату», куда ко мне по-одному, по-двое то и дело наведывались гости. Последним заглянул Хью, пожелавший справиться о моём здоровье, как только освободился от хлопотных обязанностей произносить тосты, отвечать на поздравления и поддерживать порядок в рядах арендаторов.

— У тебя очень бледный вид, Кэтти, — сказал он, усаживаясь подле меня, — почти такой же, как утром, когда ты вышла из комнаты кузена Джеффри. Как хорошо, что после бала у меня была бессонница и я решил пойти

подышать свежим воздухом и попытаться до рассвета подстрелить хотя бы одну дикую утку.

— Ах, вот значит, как это было!

— Именно так. Я вышел из дома — вдруг явственно слышу твой голос. Наверно, где-то там есть дымоход. Завтра мы это место хорошенько осмотрим. Бедный кузен Джеффри! В конце концов, он оказал нам добрую услугу, не так ли? Ну а его останки... наконец-то их предадут земле, похоронят по-христиански.

Я была не в силах поддерживать этот разговор, и Хью поспешно добавил:

— А знаешь, ты отыскала для нас сущие золотые горы! Отец хочет как можно больше пустить на благотворительные цели, а то, не дай Бог, это богатство обернётся для нас проклятием. Но даже после пожертвований хватит, чтобы выкупить имение, а это так его всё время удручало.

— Я очень рада.

— А я, скажешь, не рад?! Ты просто не представляешь себе, как гадко было у меня на душе в последние дни.

Ослабевшая, ещё не оправившаяся от потрясения, я почувствовала, что не могу без слёз ответить на эти слова, и, видя это, Хью поспешил добавить:

— Завтра, Кэтти, с твоего позволения, я покажу тебе эту диковинную старину — фамильную посуду и драгоценности. Какие кольца, какие бриллианты! Мисс Барнет будет сражена наповал и умрёт от зависти. Но одну вещь я должен показать тебе сейчас — я не могу ждать до завтра.

Он взял мою руку и поднёс к среднему пальцу плоское бриллиантовое кольцо, тяжёлой, старинной огранки, с большими необычайной красоты камнями.

— Кэтти, милая, мы посмотрели в описи, что это за кольцо. Сказать тебе, как оно называется? «Кольцо верности». Его дарят при помолвке. Оно служило не одному поколению Пагонилей, переходило по наследству. Кэтти! Разве мы не созданы друг для друга самой природой? Ты обещаешь мне, что ты не поедешь в Индию? Позволь, я надену это кольцо тебе на палец.

Таким образом Хью удалось осуществить заветное желание: он преподнёс своей невесте драгоценности, которые затмили бриллианты Барнетов. Вот чем закончилась история о том, как я провела ужасную новогоднюю ночь в комнате кузена Джеффри.

Почему в новых домах водятся привидения

Н а днях за обеденным столом я познакомился с интересным человеком. Он сидел по правую руку от меня. В наружности его не было почти ничего примечательного. Он бегло говорил по-немецки и привлёк моё внимание тем, что отпускал весьма меткие замечания — свойство, присущее людям с густыми бровями и зоркими, как у него, глазами. В нём меня поразили именно дар физиономиста, способного с первого взгляда отличить лицо от маски, его скрывающей, и точно угадать характер человека. Верхняя губа у моего соседа была сильно оттопырена, так что когда он улыбался, рот приобретал форму треугольника, как и у Гейне, но при этом юмор, переходивший в сарказм, не был горьким.

— Сегодня, знаете ли, я встретил здесь знакомого, — обратился он вдруг ко мне, заложив руку за спинку стула. — Мы познакомились с ним нынешним летом в Энгейдене.

— И что же, вы были рады вновь увидеться с ним? — спросил я.

— Рад, и даже очень, — ответил он, многозначительно кивнув головой. — Хотя я не обмолвился с ним за всё время и тремя словами, всё же, признаюсь, всегда безмерно рад его видеть. Соскучиться с ним невозможно!

— А вы что, часто скучаете? — поинтересовался я.

— Скучаю? я? — переспросил он. — Ну, что вы! За мной такого греха, слава Богу, не водится. Я, сударь, горжусь тем, что не скучал в жизни ни часа. Вижу, как другие люди буквально изнывают от скуки, но, право слово, пока вокруг да и во мне самом столько глупости и безрассудства, над которыми можно вдоволь посмеяться, скука мне не грозит. Ну, а вздумай она ко мне подступить, я вспомню своего знакомого из Энгейдена — и скуку как рукой снимет. Опишу-ка я его вам. Если встретите, паче чаяния, узнаете его без труда, потому как другого такого оригинала в целом свете не сыщешь. Поверьте, природа одарила бы нас, смертных, непозволительной роскошью, создай она ему живую копию. Роста он, пожалуй, среднего,

волосы седые, а голос похож на отдалённые раскаты грома. Я бы даже сказал, это голос, грохочущий под сводами винного погреба и тщетно ищущий себе выхода. Нос его, поверите ли, — сущая находка для живописца: сочная палитра цветов. Вообразите, такой носиче отликает всеми оттенками от пурпурно-красного до синего. Удивительное зрелище, доложу я вам! Летом наш джентльмен ходит на прогулки в сопровождении двух молоденьких служанок. Обе рослые, выносливые, как лошади. В красных шёлковых косынках. Девушки тащат трость хозяина и все принадлежности для рисования, а он, известное дело, художник и рисует прелестные картины в зелёных и синих тонах. Правда, сравнишь картину с моделью, и диву даёшься — ни малейшего сходства! Ну а когда он устанет, девушки развлекают его.

Тут на лице моего сотрапезника появилась треугольная улыбка.

— Развлечения у него, надо сказать, столь же оригинальные, как и он сам, — продолжил он, ухмыльнувшись. — Такие игры на свежем воздухе. Швыряет палки и заставляет девушек, словно собак, приносить их, прыгать через валуны или через ветку, которую он им держит; иногда он и сам к ним присоединяется и принимается перескакивать через гостиничные столы и стулья, попадающиеся на пути, пока его не сморит усталость, и тогда девушки продолжают резвиться без него.

— Да он, должно быть, не в своём уме! — неприязненно воскликнул я.

— Ничуть не бывало. Он, видите ли, англичанин, — как нельзя более серьёзно ответил мой собеседник, но при этом в глазах его всё же мелькнул озорной огонёк. — А родился он, кажется, в Италии и владеет там рестораном в окрестностях какого-то большого города. Он, однако, сдаёт его внаём, а ренту, смею заверить, тратит на самые весёлые развлечения.

— И что, здесь он тоже прогуливается со служанками? — полюбопытствовал я.

— Нет, — ответил немец. — Он оставил их в Энгейдене. Скорее всего, на зиму он наймёт здесь других. Да их вам и не надобно — и без того его узнаете! Один нос чего стоит. Подлинный шедевр, поразительная палитра цветов!

Заинтригованный я, разумеется, принялся искать пожилого джентльмена, но всё впустую. Мой немецкий знакомец уже уехал, рассказ его почти позабылся, как вдруг

однажды вечером я вспомнил о нём, услышав в другом конце огромного обеденного стола, вокруг которого сидели постояльцы, Голос — я намеренно пишу слово это с заглавной буквы, ибо никогда не предполагал, что он может принадлежать человеку.

Его отзвук прокатился по *salle a manger*¹ торжественно, точно самая низкая нота органа. Невозможно было подумать, что Голос этот принадлежит кому-либо из сидящих за столом: мнилось, он исходит из огромного подземелья, какой-то необъятной, таинственной пещеры, населённой привидениями и вурдалаками. И Голос этот произнёс:

— Нет, никогда не знаешь, чего ждать от всех этих шипучих напитков. Например, от содовой!

Сказанные замогильным тоном слова эти показались до того нелепыми, что вызвали взрыв всеобщего смеха; он становился всё громче и громче, так как его поочерёдно подхватывал каждый сидящий за столом, сперва с усмешкой глядя, как хохочет сосед, а затем и сам принимаясь хохотать без удержу. Взрывы хохота не прекращались; казалось, трясутся стены. Наконец, когда все понемногу успокоились, снова, будто из склепа, послышался Голос, размеренный и задумчивый:

— Или от имбирного пива!

Бессмысленное веселье тут же возобновилось. Я задумался над заразной силой смеха, продолжая, однако, от души смеяться вместе с остальными. И пока я размышлял, мне на память пришёл вдруг рассказ немца о своём приятеле из Энгейдена. Я подался немного вперёд, чтобы рассмотреть виновника всеобщей потехи. Он задумчиво наливал «кьянти» из бутылки в свой бокал, и отсвет рубиновой жидкости падал на «сущую находку для живописца», на которой играли все оттенки красного, пурпурного и синего.

Повелитель Дев оторвался от своего занятия.

— Сэр, — проговорил он, и удивительный Голос вновь загремел в комнате, заглушая всё остальное, — всё это без толку! Вы совершаете большую ошибку. Хотя двадцать раз снесите дом, населённый привидениями, и собирайте его заново где угодно и сколько угодно, можете даже разделить кирпичи на двадцать отдельных домиков — привидения всё равно никуда не денутся. Уж поверьте

¹ *Salle a manger* — столовая (франц.).

мне, господин адвокат, я-то знаю это по собственному горькому опыту!

— Тогда расскажите нам, господин Брейс, — попросил его собеседник, выполнявший, по-видимому, роль председателя на своей половине стола.

— Вот как! Рассказать вам? Ох, сэр, а моя совесть? Я ведь человек очень совестливый.

— Мы в этом не сомневаемся, — подтвердил адвокат.

— Да, но у меня тяжёлый грех на душе, и поэтому совесть моя никогда не дремлет и не даёт мне ни минуты покоя, — простонал Голос.

— Исповедь облегчает душу человека, сэр, — заметил какой-то американец.

— Да? — печально осведомился Голос. — А вы, быть может, будете моим отцом-исповедником? Сомневаюсь, сэр, сомневаюсь. Для исповедника вы ещё слишком молоды, да впридачу к тому, чертовски смазливый!

И опять начался безудержный хохот. Когда глупое веселье наконец улеглось, одна из женщин спросила:

— Так, значит, вы не хотите рассказать нам?

И снова послышался величавый Голос, похожий на заывание духов, отчего у меня по телу пробежали мурашки:

— Почему бы и не рассказать, мадам? — пробасил он. — Извольте. Когда дама просит, я при любых обстоятельствах повинуюсь. Если вам, сударыня, охота будет выслушать, я, разумеется, поведаю вам свою печальную историю.

Достигнув совершеннолетия, я унаследовал от отца два дома и рассчитывал, как и отец, на солидную ренту. Один из них, по счастью, действительно доходен и всё время растёт в цене, зато другой — и тут уж ничего не поделаешь — источник нескончаемых бед. Я говорю о нём в настоящем времени, хотя он, слава Богу, уже давно мне не принадлежит. Но новым хозяевам он досаждал теперь не меньше, чем досаждал когда-то мне.

Я не стану уточнять, где именно он был первоначально построен; в конце концов, это не имеет никакого отношения к сути дела. Он мог стоять в России, в Японии или где-нибудь в Мексике. Думаю, то, что случилось в одной стране, рано или поздно может произойти и в другой. Случаи могут быть разными, но объяснения схожи, коль скоро причины одинаковые. Ведь это логично, не правда ли, господин адвокат?

— Да, именно так, — надменно ответил адвокат. — Скажите, ваш отец был, кажется, поверенным, господин Брейс?

— Да, им самым, — прорычал Голос. — А можете вы сказать, сэр, какая, собственно, разница между адвокатом и поверенным?

— Нет, не могу, — выдавил из себя председательствующий.

— Такая же, как между аллигатором и крокодиллом, — сердито прорычал Голос.¹ И пока все хохотали над жертвой шутки, господин Брейс налил себе еще один бокал «кьянти» и залпом осушил его.

— Итак, мадам, — уже спокойно продолжал он, — этот второй дом достался моему отцу по окончании одного дела. Надо сказать, что когда клиенты не могли заплатить гонорар наличными, он иной раз соглашался принять плату недвижимостью. «Дома приносят десять процентов годовых, поэтому, мой мальчик, вкладывать в них деньги — надёжно и выгодно», — бывало, говаривал он. Однако, тут он оказался не совсем прав, иначе я был бы намного богаче. Отец ничего не сказал мне о своей сделке, и я узнал о ней лишь после его смерти, когда прочёл завещание. С первого же взгляда на это сооружение я понял, что влип в историю.

Это было мрачное, квадратное здание, сплошь заросшее плющом, стоящее посреди запущенного парка в несколько акров. От остального мира дом был отделён высокими кирпичными стенами. Входишь за ворота — и до того одиноко, уныло делается душе в этом замкнутом пространстве, что кажется, будто ты первый или последний (это уж на ваш выбор) человек на земле. Заморские деревья вокруг, редкие кусты, унылые останки разрушенных непогодой и временем статуй, покрытые мхом фонтаны, заросшие травой аллеи — это печальное зрелище свидетельствовало о безвозвратно ушедшем великолепии. Внутри всё то же запустение: глухие коридоры, винтовые лестницы, лабиринты комнат и коридоров с росписью на потолках. Честное слово, когда я бродил по этому дому, у меня сразу же возникло какое-то странное чувство.

¹ Поверенный (сегодня принято говорить «солиситор») — адвокат, подготавливающий дела и выступающий в судах низшей инстанции. (И. Р.)

— Эге! — в конце концов воскликнул я, обращаясь к старухе, присматривавшей за домом. — Да здесь, наверное, водятся привидения?

— Водятся, сэр, — невозмутимо ответила она, — но я уже к ним привыкла. Они меня не трогают, нужно только с наступлением темноты держаться подальше от Красной комнаты.

— Вот как! Красная комната? — сказал я, глядя на женщину (она походила на старое пугало). — Это ещё что такое?

Она привела меня в большую пустую комнату на первом этаже. Скопище пыли, крутом паутина, райская жизнь для пауков. Напротив камина стояло высокое зеркало. Свет проникал в комнату через застеклённые двери, выходявшие на террасу, с одной стороны которой от самых ворот тянулась дорожка, покрытая гравием, а с другой была стена и железная дверь, ведущая в фруктовый сад. Разбитые каменные ступеньки вели с террасы на лужайку, где вокруг глубокого водоёма со стоячей водой буйно разрослась трава, а в дальнем конце стоял унылый ряд терракотовых ваз. Сама лужайка была окружена густыми кустами лавра, за которыми скрывались внешние стены, покрытые плющом. По лужайке было невозможно пройти, не примяв травы; железную же дверь нельзя было открыть, потому что ключ был у меня. Я решил закрыть и большие ворота под аркой, чтобы никто не проник через них, пока я буду ночевать в Красной комнате.

Когда я рассказал старухе о своей затее, она странно побледнела, но это лишь придавало мне решимости. Как я могу сдавать дом, не доказав прежде, что привидения — это бредни? А как ещё, спрашивается, доказать это, если не собственным примером? Ну а для полной уверенности в том, что спокойно проведёшь ночь, нельзя дать плутам, которые пугают людей, времени на подготовку. Поэтому я приказал старухе помалкивать.

— Об этом доме и его прошлом мне ровным счётом ничего не известно, — сказал я. — Так что воображение моё вряд ли разыграется. Ну а в крайнем случае, всё это выльется в весьма любопытное приключение.

Я велел постелить мне у камина, откуда не было видно отражения в зеркале, вымести всех пауков, принести из других комнат стулья, хорошенько разжечь огонь, дабы в комнате стало уютнее, а сам тем временем съездил в

город за провизией, свечами и прочая, не забыв прихватить также пару пистолетов и собаку.

Замба была датским догом пегого окраса, нрава свирепого. Причём свирепа она была до необычайности со всеми, кроме меня. Бедняжка любила меня ревниво, точно женщина, только со своими соперницами ей справиться было бы гораздо легче. Мы приехали в дом перед заходом солнца и пребывали в самом бодром расположении духа. Я разделался с багажом, закрыл все ворота и с помощью Замбы внимательно осмотрел дом изнутри и снаружи. От её любопытного, чуткого носа ничто не могло укрыться. Замба выказала редкостное усердие: обнюхала каждую ямку в земле, вдоль и поперёк обошла лужайку возле пруда — но ничего не обнаружила. Осмотрели чердаки и подвалы — всё тихо, спокойно, одна только пыль крутом. В этом проклятом доме не было даже ни одной крысы, не считая смотрительницы, разумеется.

Я забыл сказать, что погода стояла отменная и что для этого времени года было довольно светло. По счастью, наступило полнолуние, и я надеялся, что луна будет освещать террасу большую часть ночи. Казалось, сама природа благоволила ко мне.

Закончив обход, мы с Замбой отправились в Красную комнату. Здесь ей, однако, не понравилось. С подозрением принявшись, она вопросительно посмотрела мне в глаза, затем медленно подошла к застеклённой двери, посмотрела во двор и вернулась, нерешительно помахивая хвостом и как бы спрашивая, всё ли в порядке. Но когда я успокоил её, потрепал по голове, её сомнения сразу же рассеялись, и она вытянулась на полу перед камином.

Смеркалось, и старуха, которую я позвал распаковать вещи, попросила разрешения уйти. Я приказал ей прежде зажечь обе лампы и поставить их в два самых тёмных угла комнаты. Она одобрительно усмехнулась в ответ на мою предосторожность и сделала, как было велено. Затем, уже собираясь удалиться в более безопасное место, остановилась на пороге и, взявшись за ручку двери, скороговоркой прошептала:

— Никакие лампы и свечи, сэр, — она бросила взгляд на четыре свечи, оставленные мною на столе, — не помогут вам, если не будет достаточно спичек. Вот ещё один коробок, сэр. Да смотрите, не кладите его на стол!

Дверь за ней захлопнулась, но через секунду открылась вновь, и старуха добавила:

— Но и спички вам не помогут, сэр, потому что ещё ни один человек не остался в живых после проведённой здесь ночи... И никогда не останется!

Прокаркав это, она наконец ушла. Я поднял старухины спички с пола и мысленно поблагодарил ее за предусмотрительность, потому что свои, признаться, забыл дома. Только я сунул спички в карман, Замба вдруг заскулила.

— Что случилось, девочка? — спросил я. — Нам с тобой предстоит развеселенькая ночь, ты это хочешь сказать?

Но собака лишь глубоко вздохнула и положила голову на передние лапы.

За едой, кормлением Замбы, чтением и курением время пролетело незаметно. Пробило десять часов. Я увидел, что через высокие застеклённые двери ярко светит полная луна, и решил пройти по террасе. Позвал Замбу, зажёл новую сигару и вышел на воздух.

Тишина, ни один листок не шелохнётся. Лунный свет падает на капельки росы, повисшие на длинных, нежных травинках, и каждая капля своим чистым и нежным сиянием напоминает жемчужину. Тихо, безмолвно. Не слышно ни стрекота кузнечиков, ни кваканья лягушек. Ещё ни разу в жизни я не ощущал такой тишины; но она не была гнетущей, скорее это походило на какой-то блаженный сон, сладкое и неизбывное ощущение покоя. Даже Замба прониклась очарованием этого безмолвия и неспешно шла рядом со мной, то и дело тыкаясь носом в мою руку или полизывая мне пальцы, — просила, чтобы её погладили.

Не знаю, как долго мы так прогуливались, но вдруг Замба наострила уши.

— В чём дело? — шёпотом спросил я её. Она посмотрела на меня, помахивая хвостом, затем прижала уши и заскулила. Я в тревоге прислушался.

И тут в тишине моего слуха коснулся красивый, звучный женский голос. Казалось, он доносится с посыпанной гравием дорожки, неподалёку от ворот. В этом не было ничего необычного. Я решил, что это поёт какая-нибудь бродячая артистка в надежде получить пару пенсов, хотя голос был гораздо благозвучнее, чем обычно у такого рода людей. По правде сказать, лучшего голоса мне не доводилось слышать ни на одной оперной сцене. Он то приближался, то отдалялся, словно бы певица рассказывала взад-вперёд перед домом, стараясь разглядеть в окнах свет. Слов песни разобрать было нельзя. Переливы, трели

необычайной красоты и отдельные печальные ноты следовали одна за другой довольно мелодично, но как-то беспорядочно; очень странная это была композиция, мне, по крайней мере, ни разу не пришлось слышать мелодию, построенную по такому принципу. Песня увлекла меня. Я слушал заворожённо, сигара уже потухла, а я всё внимал чарующей мелодии, которая то усиливалась, то затихала. Наверное, думал я, женщина то приближается к террасе, то отдаляется от неё. Внезапно песня оборвалась.

— Бедняжка! — сказал я громко, словно очнувшись. — Надо бы дать ей поесть; может, ей нужна помощь. Пойдём, Замба!

Замба поплелась вслед за мной. Только на следующий день мне вспомнилось, с какой неохотой она повиновалась. Вошёл в Красную комнату, я огляделся в поисках хлеба и куска курицы, оставшихся после ужина. Пока я собирал остатки трапезы, вновь полилась песня, но теперь голос звучал прямо у меня за спиной, словно певица поднялась на террасу и стояла на пороге комнаты.

Я обернулся не сразу: никак не мог уложить куриное мясо на булку. Когда же наконец я повернулся в сторону двери, песня оборвалась и, к моему большому удивлению, на пороге никого не оказалось.

— Вот так раз! — пробормотал я, — здесь что-то не то!

Выйдя на порог комнаты, я увидел, что на террасе также никого нет. Тут только мне впервые и пришло в голову, что большие-то ворота закрыты, что ключ у меня, а стало быть, *ни одна живая душа* не могла пробраться сюда без моего ведома! Позвав Замбу, я выбежал во двор, собираясь обыскать сад и кусты за окном. Нехотя собака последовала за мной; я приказал ей идти быстрее, но она посмотрела мне в глаза и жалобно заскулила. Когда же я снова позвал её, она встала на задние лапы и положила передние мне на грудь. Бедное животное! Мы вернулись в Красную комнату, так ничего и не узнав. Входя, я посмотрел на часы. Было двадцать минут первого.

Я подбросил дров в камин и сел в кресло. Замба вновь улеглась на ковре, положив голову на лапы и подозрительно глядя на застеклённые двери. Минут через десять погасла одна из ламп, и Замба медленно поднялась с сердитым ворчанием. Минутой позже потухла и вторая лампа, и собака с яростным лаем бросилась на незваного гостя, входящего с террасы. Я увидел, как она прыгнула, будто пытаясь схватить его за горло. Однако, странное дело, кроме

нас с Замбой, в комнате не было никого! Лунный свет падал на траву, пруд и террасу, и если бы кто-то вошёл, тень его неизбежно легла бы на пол. Но тени не было! И все же Замба явно напала на Что-То или на Кого-То: я увидел, как она мгновенно была отброшена назад и упала к моим ногам. Собака была мертва — какая-то чудовищная, неведомая сила свернула ей шею.

Я схватил пистолет и выстрелил в пустоту. Одна свеча — на столе их было четыре — погасла. Помня предупреждение старухи, я положил револьвер на стол и попытался зажечь погасшую свечу от другой. И тут в зеркале напротив я впервые заметил ночного пришельца. Это была Рука, бледная и цепкая. Она схватила револьвер со стола и исчезла. Погасла ещё одна свеча.

— Это уже не шутки! — сказал я себе и сунул второй пистолет в карман, чтобы попытаться зажечь одновременно обе свечи. Зажёг, но две другие погасли. Я снова засветил их. И вновь две свечи потухли. Второй револьвер непонятным образом был вытащен у меня из кармана. Погасла третья свеча. Я схватил спички и зажёг её, но тут же потухла другая. Я опять зажёг её — и так игра продолжалась: как только гасла очередная свеча, я чиркал спичкой, немедленно зажигал её, но она гасла — и всё начиналось *da capo*¹. Я заметил также ещё одну Руку, потом еще, и наконец много-много Рук. Они кружились в воздухе, то исчезая, то вновь появляясь, отражались в зеркале, и мнилось, им несть числа! Я был слишком возбуждён, и у меня не было времени их рассматривать, тем более что они пока что не подлетали ко мне слишком близко. Но тут мне пришло в голову: «Как я буду удерживать их на расстоянии, когда кончатся спички?». Я чуть не споткнулся о тело несчастной Замбы, и по спине у меня пробежал холодок. В ту же секунду, как я его ощутил, Руки приблизились. Призрачные их пальцы хищно сжимались и разжимались, словно норовя схватить меня за горло. Это мне не очень понравилось. По правде сказать, такое соседство не доставляло мне большого удовольствия. Коробок уже почти опустел.

— Ну, что же! Летайте себе, коль вам охота! — громко и твердо заявил я. — Всё равно я останусь здесь на ночь

¹ *Da capo* — сначала (итал.).

и утром выйду отсюда живым! Будут ли спички и свечи — не будут. С вами или без вас — не уйду, и всё тут!

Я сел и зажёл ещё одну свечу. Внезапно дрова в камине рассыпались. Я с трудом собрал их, ведь всё моё внимание было поглощено спичками. Несмотря на грозившую мне опасность, я всё же почувствовал комичность своего положения. В самом деле, трудно придумать более дурацкое занятие, чем зажигать ночью свечи, для того чтоб их тут же задували привидения! Если бы тело бедной Замбы со свёрнутой шеей не говорило о страшной реальности, творящейся у меня на глазах, я бы, ей-богу, рассмеялся во весь голос, но тут я заметил, что в коробке осталось всего три спички!

— Всё равно до утра я никуда не уйду отсюда, — упорно повторил я. — Меня не смутят ни темнота, ни ваше присутствие!

Полку противников моих между тем всё прибывало: от пола до потолка были Руки. Бледные, хищные, призрачные; правда, меня они пока не трогали. Я удивился: что, собственно, помешало им задушить меня сразу же, как они задушили мою собаку? Но вот я потратил последнюю спичку, последняя свеча погасла. Я было снова попытался разжечь дрова в камине — сноп искр взлетел в воздух, погас и я оказался в крошечной темноте, в окружении отвратительных, хищных созданий. Это была страшная минута, но кровь во мне кипела.

— Нет, я останусь здесь! — в ярости вскричал я. — Плевал я на ваши проделки! Настанет утро — и выйду из этой хоромины цел и невредим!

Тут бесовские создания замерли. Но лишь на секунду — и снова всё закружилось да завертелось; они выныривали из темноты, камнем падали на меня, словно хищные птицы, норовя разорвать на куски, и тотчас исчезали. Но им не удалось запутать меня. Заметив, что враги приближаются только в те мгновения, когда храбрость меня оставляет, и отступают, едва она возвращается, я рассудил, что меня защитит сила воли, ну а если я дрогну, — меня тут же постигнет участь Замбы. Поэтому я подавлял в себе малейшее поползновение страха. Сидя на стуле, я ждал рассвета, и мне казалось, что он никогда не наступит. Иногда от изнеможения и нервного напряжения на лбу у меня выступал каплями пот: всюду виделись хищные, но бесплотные Руки, нацеленные на меня со всех сторон, и их длинные бледные пальцы, готовые сжаться на моём

горле. В такие мгновения, как я мог видеть, существ этих становилось значительно больше и они подлетали совсем близко, чуть же касаясь меня. И тогда я опять напрягал всю свою волю. Да, в эти несколько часов уместилась половина моей жизни.

Наконец, когда силы и надежда уже начали оставлять меня, небо стало светлеть; слабый, тихий ветерок заколыхал кроны деревьев. Прокричал петух. И тут бледные Руки яростно кинулись на меня — я решил уже, что погиб, но они бесследно исчезли.

Голос умолк. Мы ждали в безмолвии, затаив дыхание.

— Я понял, что спасён, но здесь, мадам, силы оставили меня. Должно быть, я потерял сознание, а когда очнулся, солнце уже ярко светило. Я лежал на полу, рядом с телом несчастной Замбы, а старуха смотрела на меня через раскрытое окно.

Она взвизгнула, старая гусыня, увидав, что я встаю, но надо отдать ей должное, обрадовалась, что я жив. Она принесла мне чаю — лучше бы коньяку, чёрт побери, — я бы скорей успокоился. Но Замбе помочь было уже ничем нельзя. Бедная моя Замба!

Господин Брейс взял бутылку кьянти и продолжал, наливая себе последний бокал:

— А теперь, мадам, объясню, почему меня мучит совесть. Расспросив смотрительницу, я узнал, что в каждой комнате этого распроклятого дома водятся привидения; правда, ведут они себя по-разному. Привидения обитают и на каждой аллее парка. Голос, пение которого я тогда слушал, был самым приятным и безобидным из всей их компании. Такого балагана я, понятное дело, стерпеть не мог. Одно привидение — это ещё куда ни шло, но если они на каждом шагу — нет уж, увольте! Я продал подрядчику унаследованное мною имение, поставив условие, чтобы он снёс этот вертеп с привидениями. Подрядчик, в свою очередь, перепродал кирпичи и камни строителю, а тот построил из них целую улицу аккуратнейших двухэтажных особнячков поблизости от одного фабричного городка. Поначалу домики эти шли нарасхват, но на второй год охотников жить в них стало меньше, на третий — ещё меньше, а на четвёртый не удалось сдать ни одного! Поэтому что во всех них, мадам, водятся привидения. Бледные

Руки и прочие духи, жившие в моём большом привиденческом зверинце, теперь резвятся по ночам в тех самых особнячках, что сложены из кирпичей, составлявших их прежнее обиталище. Так и живут там, все, кроме певицы: она обитает теперь на дороге по соседству с моими бывшими владениями.

— Да, но при чём здесь ваша совесть? — спросила дама.

— Она у меня очень ранима, — простонал мистер Брейс, — и не может вынести мысли, что я, пусть и невольно, оказался виновником стольких неприятностей для многих людей, выпустив на свободу весь этот сонм духов. С тех пор я не знаю покоя!

— Так вы полагаете, мистер Брейс, что призраки переехали вместе с кирпичами? — поинтересовался адвокат.

— Несомненно, сэр, — грустно подтвердил Голос. — Каждый дом, построенный из старых материалов, может быть населён привидениями, ведь подрядчику нет дела, где он взял кирпичи — были бы только дешёвы! Вот откуда разговоры о привидениях, вдруг объявляющихся в совершенно новых домах, и вот почему многие из них опасны. Духи, знаете ли, тоже не любят, когда их тревожат.

— Весьма любопытно, — протянул в задумчивости адвокат.

— Кажется, я уже раньше слышал что-то об этих Руках, — заметил американец. — Скажите, вы бывали когда-нибудь в России, господин Брейс?

— Сэр, — сердито рыкнул Голос, — вы необычайно проницательный молодой человек, как и вся ваша нация. Но сначала ответьте мне, почему вы не ослиный хвост?

— Почему я не ослиный хвост? — недоумённо переспросил американец. — Затрудняюсь сказать. Может, потому, что осёл мне не родственник?

— Потому что вы ослиная задница, сэр! — рявкнул Голос. И с этими словами пожилой джентльмен отодвинул стул и покинул *salle a manger*.

1895 г.

Тайна замка Горсорп-Грэйндж

Я убежден, что природа не предназначала меня на роль человека, самостоятельно пробивающего себе дорогу в жизни. Иной раз мне кажется совершенно невероятным, что целых двадцать лет я провел за прилавком магазина бакалейных товаров в Ист-Энде в Лондоне и именно этим путем приобрел состояние и Горсорп-Грэйндж. Я консервативен в своих привычках, вкусы у меня изысканны и аристократичны. Душа моя не выносит вульгарной черни. Род наш восходит к еще доисторическим временам — это можно заключить из того факта, что появление нашей фамилии Д'Одд на исторической арене Британии не упоминается ни единым авторитетным историком-летописцем. Инстинкт подсказывает мне, что в жилах моих течет кровь рыцаря-крестоносца. Даже теперь, по прошествии стольких лет, с моих уст сами собой слетают такие восклицания, как «Клянусь Божьей матерью!», и мне думается, что если бы того потребовали обстоятельства, я был бы способен приподняться в стременах и нанести удар неверному, скажем, булавой, и тем немало его поразить.

Горсорп-Грэйндж, как указывалось в объявлении и что сразу же привлекло мое внимание, — феодальный замок. Именно это обстоятельство невероятно повлияло на его цену, преимущества же оказались, пожалуй, скорее романтического, нежели реального характера. И всё же мне приятно думать, что, поднимаясь по винтовой лестнице моих башен, я могу через амбразуры пускать стрелы. Приятно также сознание своей силы, уверенности в том, что в моем распоряжении сложный механизм, с помощью которого можно лить расплавленный свинец на голову непрошеного гостя. Все это вполне соответствует моим склонностям, и я не жалею денег, потраченных на свои удовольствия. Я горжусь зубчатыми стенами и рвом — открытой сточной канавой, опоясывающей мои владения. Я горжусь опускной решеткой в крепостных стенах и двумя башнями. Для полной атмосферы средневековья в моем замке не хватает лишь одного, что придало бы ему

полную законченность и настоящую индивидуальность: в Горсорп-Грэйндж нет привидений.

Отсутствие их разочаровало бы всякого, кто стремится устроить себе жилище согласно своим консервативным понятиям и тяготению к старине. Мне же это казалось особенно несправедливым. С раннего детства я горячо интересуюсь всем, что касается сверхъестественного, и твердо в него верю. Я упивался литературой о духах и призраках: едва ли сыщется хотя бы одна книга по данному вопросу, мною еще не прочитанная. Я изучил немецкий язык с единственной целью осилить труд по демонологии. Еще ребенком я прятался в темных комнатах в надежде увидеть тех страшилищ, которыми пугали меня няньки, — желание это не остыло во мне по сей день. И я весьма гордился тем, что привидение — это один из доступных мне предметов роскоши.

Да, конечно, о привидениях в объявлении не упоминалось, но, осматривая заплесневелые стены и темные коридоры, я ни на минуту не усомнился в том, что они населены духами. Я убежден, что как наличие собачьей конуры предполагает присутствие собаки, так в столь подходящем месте не может не обитать хотя бы один неприкаянный загробный дух. Господи Боже ты мой, о чем же думали в течение нескольких столетий предки тех отпрысков благородного рода, у которых я купил поместье? Неужели не нашлось среди них ни одного достаточно энергичного и решительного, кто бы отправил на тот свет возлюбленную или предпринял какие-либо другие меры, которые обеспечили бы появление фамильного призрака? Даже теперь, когда я пишу эти строки, меня разбирает досада при одной только мысли о подобном упущении.

Я долгое время ждал и не терял надежды. Стоило пискнуть крысе за деревянной панелью или застучать дождю сквозь прохудившуюся крышу, и меня всего бросало в дрожь: уж не появился ли наконец, думал я, признак долгожданного духа? Страх во мне подобные явления не вызывали. Если это случалось ночью, я посылал миссис Д'Одд, женщину очень решительную, выяснить, в чем дело, а сам, накрывшись одеялом с головой, наслаждался предвкушением событий. Увы, результат оказывался всегда один и тот же! Подозрительные звуки объяснялись так нелепо прозаически и банально, что самое пылкое воображение не могло облечь их блестящим покровом романтики.

Возможно, я бы примирился с таким положением вещей, если бы не Джоррокс, хозяин фермы Хэвисток, грубый, вульгарный тип, воплощение прозы, — я знаком с ним лишь в силу того случайного обстоятельства, что его поля соседствуют с моими владениями. И вот этот-то человек, абсолютно неспособный оценить, какое важное значение имеет завершенность замысла, обладает подлинным и несомненным привидением. Появление его относится, кажется, всего-навсего ко времени царствования Георга II, когда некая юная дева перерезала себе горло, узнав о смерти возлюбленного, павшего в битве при Деттингене¹. И все же это придает дому внушительность, в особенности когда в нем имеются еще и кровавые пятна на полу. Джоррокс, со свойственной ему тупостью, не может понять, до чего ему повезло, — нельзя без содрогания слушать, в каких выражениях отзывается он о призраке. Он и не подозревает, как жажду я, чтобы у меня в доме раздавались по ночам глухие стоны и завывания, по поводу которых он высказывает такую неуместную досаду! Да, плохо же обстоит дело, если призракам дозволяется покидать родные поместья и замки и, ломая социальные перегородки, искать убежища в домах незначительных личностей!

Я обладаю большой настойчивостью и целеустремленностью. Только эти качества и могли поднять меня до подобающего мне положения, если вспомнить, в сколь чуждом антураже провел я свои юные годы. Я хотел во что бы то ни стало завести у себя фамильный призрак, но как это сделать, ни я, ни миссис Д'Одд решительно не знали. Из чтения соответствующих книг мне было известно, что подобные феномены возникают в результате какого-либо преступления. Но какого именно и кому следует его совершить? Мне пришла в голову шальная мысль уговорить Уоткинса, нашего дворецкого, чтобы он за определенное вознаграждение согласился во имя добрых старых традиций принести в жертву самого себя или кого-либо другого. Я сделал ему это предложение в полушутливой форме, но оно, по-видимому, не произвело на него благоприятного впечатления. Остальные слуги разделили его точку зрения — во всяком случае, только этим могу я объяснить

¹ Деттинген — баварская деревня на реке Майн, где в 1743 году, во время войны за австрийское наследство, англо-австрийские войска одержали победу над французами.

тот факт, что к концу дня они все до одного отказались от места и покинули замок.

— Дорогой, — обратилась ко мне миссис Д'Одд как-то после обеда, когда я, будучи в дурном настроении, сидел и потягивал мальвазию — люблю славные, старинные названия, — дорогой, ты знаешь, этот отвратительный призрак в доме Джоррокса опять пошаливает.

— Пусть его пошаливает, — ответил я бездумно.

Миссис Д'Одд взяла несколько аккордов на спинете¹ и задумчиво поглядела в камин.

— Знаешь, что я тебе скажу, Арджентайн, — наконец проговорила она, назвав меня ласково тем именем, которым мы обычно заменяем мое имя Сайлас, — нужно, чтобы нам прислали привидение из Лондона.

— Как ты можешь городить такой вздор, Матильда! — сказал я сердито. — Ну кто может прислать нам привидение?

— Мой кузен Джек Брокет, — ответила она убежденно.

Надо заметить, что этот кузен Матильды всегда был неприятной темой в наших с ней беседах. Джек, бойкий и неглупый молодой человек, брался за самые разнообразные занятия, но ему не хватало настойчивости, и он не преуспел ни в чем. В это время он проживал в Лондоне в меблированных комнатах и выдавал себя за ходатая по всяческим делам; по правде сказать, он жил главным образом за счет своей смекалки. Матильде удалось устроить так, что почти все наши дела проходили через его руки, и это, разумеется, избавило меня от многих хлопот. Но, просматривая счета, я обнаружил, что комиссионные Джеку обычно превышают все остальные статьи расхода, вместе взятые. Данное обстоятельство побудило меня воспротивиться дальнейшим деловым связям с этим молодым человеком.

— Да-да, уверяю тебя, Джек сможет, — настаивала миссис Д'Одд, прочтя на моем лице неодобрение. — Помнишь, как удачно вышло у него с этим гербом.

— Это было всего-навсего восстановление старого фамильного герба, моя дорогая, — возразил я.

Матильда улыбнулась, и в ее улыбке было что-то раздражающее.

¹ Спинет — старинный музыкальный инструмент, разновидность клавесина

— А восстановление фамильных портретов, дорогой? — напомнила она. — Согласись, что Джек подобрал их очень толково.

Я представил себе длинную галерею персонажей, украшающую стены моего пиршественного зала, начиная с дюжего разбойника-норманна и далее через все градации шлемов, плюмажей и брыжжей до мрачного субъекта в длинном сюртуке в талию, словно налетевшего на колонну, оттого что отвергли его первую рукопись, которую он конвульсивно сжимал правой рукой. Я был вынужден признать, что Джек неплохо справился с задачей и справедливость требует, чтобы я заказал именно ему — на обычных комиссионных началах — фамильное привидение, если раздобыть таковое возможно.

Одно из моих неукоснительных правил — действовать немедленно по принятии решения. Полдень следующего дня застал меня на каменной винтовой лестнице, ведущей в комнаты мистера Брокета, и я мог любоваться начертанными на выбеленных стенах стрелами и указующими перстами, направляющими путь в апартаменты этого джентльмена. Но все эти искусственные меры были излишни: звуки лихой пляски, раздававшиеся у меня над головой, могли идти только из квартиры Джека Брокета. Они резко оборвались, едва я достиг верхнего этажа. Дверь мне открыл какой-то юнец, очевидно, изумленный появлением клиента, и провел меня к моему молодому другу. Джек энергично строчил что-то в огромном гроссбухе, лежащем вверх ногами, как я потом убедился.

После обмена приветствиями я сразу же приступил к делу.

— Послушай, Джек, — начал было я. — Нет ли у тебя... мне бы хотелось...

— Рюмочку винца? — с готовностью подхватил кузен моей жены, сунул руку в корзину для бумаг и с ловкостью фокусника извлек оттуда бутылку. — Что ж, выпьем!

Я поднял руку, безмолвно возражая против употребления алкоголя в столь ранний час, но, опустив ее, почти невольно взял бокал, поставленный передо мной Джеком. Я поспешно проглотил содержимое бокала, опасаясь, что вдруг кто-нибудь случайно войдет и примет меня за пьяницу. Право, в эксцентричности этого молодого человека было что-то забавное.

— Нет, Джек, я не то имел в виду, мне нужен дух, призрак, — объяснил я, улыбаясь. — Нет ли у тебя возможности раздобыть его? Я готов вступить в переговоры.

— Вам нужно фамильное привидение для Горсорп-Грэйндж? — осведомился Джек Брокет с таким хладнокровием, как если бы речь шла о мебели для гостиной.

— Да, — ответил я.

— Ничего не может быть проще, — сказал он и, не смотря на все протесты, снова наполнил мой бокал. — Сейчас посмотрим. — Он достал толстую красную тетрадь, снабженную алфавитом. — Значит, вы говорите, вам требуется привидение — так? «П»... Парики... пилы... пистолеты... помады... попугаи... порох... Ага, вот оно! Привидения. Том девятый, раздел шестой, страница сорок первая. Извините, одну минутку!

Джек мигом взобрался по лесенке к высокой полке на стене и принялся там рыться среди гротесков. Я хотел было, пока Джек стоит ко мне спиной, вылить вино из бокала в плевательницу, но, подумав, отделался от него обычным способом.

— Нашел! — крикнул мой лондонский агент, с шумом и треском спрыгивая с лесенки и бросая на стол огромный том. — Тут у меня все размечено, в момент найду любое, что требуется. Да нет, вино слабое (он снова наполнил наши бокалы). Так что мы ищем?

— Привидения, — подсказал я.

— Совершенно верно. Привидения. Страница сорок первая. Вот то, что нам нужно: «Дж. Х. Фаулер и Сын, Данкл-стрит. Поставщики медиумов дворянству и знати. Продажа амулетов и любовных напитков. Мумифицирование. Составление гороскопов». Нет, по вашей части тут, пожалуй, ничего не найдется, а?

Я уныло помотал головой.

— «Фредерик Тэбб, — продолжал кузен моей жены. — Единственный посредник в сношениях между живыми и мертвыми. Владелец духа Байрона, Керка Уайта¹, Гримальди², Тома Крибба³ и Иниго Джонса⁴». Вот этот как будто больше подходит.

¹ Уайт, Генри Керк (1785—1806) — английский поэт.

² Гримальди, Джозеф (1779—1837) — английский комический актер.

³ Крибб, Том (1781—1848) — английский боксер.

⁴ Джонс, Иниго (1573—1652) — английский архитектор.

— Ну что здесь романтического? — возразил я. — Господи Боже мой! Только представить себе духа с синяком под глазом и подпоясанного платком, кувыркающегося через голову и задающего вопросы вроде: «Ну, как поживаете завтра?»

Сама эта мысль до такой степени меня разгорячила, что я осушил свой бокал и снова его наполнил.

— А вот еще, — сказал мой собеседник. — «Кристофер Маккарти. Сеансы дважды в неделю. Вызов духов всех выдающихся людей древности и современности. Гороскопы. Амулеты. Заклинания. Сношения с загробным миром». Пожалуй, этот может быть полезным. Впрочем, завтра я сам все разузнаю, повидаюсь кое с кем из них. Мне известно, где они обретаются, и я буду не я, если не достану по сходной цене все, что нам надо. Ну, с делами покончено, — заключил Джек, швыряя книгу куда-то в угол. — Теперь полагается выпить.

Выпить нам нужно было за многое, и потому на следующее утро мои мыслительные способности были заметно притуплены и мне было затруднительно объяснить миссис Д'Одд почему я, перед тем как лечь в постель, повесил на крючок вместе с костюмом также сапоги и очки. Надежды, вновь ожившие во мне благодаря уверенности, с какой Джек взялся за порученное ему дело, оказались сильнее последствий возлияния накануне, и я расхаживал по обветшалым коридорам и старинным залам, пытаюсь представить себе, как будет выглядеть мое новое приобретение и где именно его присутствие окажется наиболее уместным. После долгих размышлений я остановился на пиршественном зале. Это было длинное помещение, с низким потолком, все увешанное ценными гобеленами и любопытными реликвиями древнего рода, прежних владельцев замка. Кольчуги и доспехи поблескивали, едва на них падал отсвет из горящего камина, из-под дверей дул ветер, колыхая тоскливо шуршащие портьеры. В одном конце зала возвышался помост, там в старые времена пировал за столом хозяин со своими гостями. От помоста шло несколько ступеней в нижнюю часть зала, где бражничали вассалы и слуги. Пол не был покрыт коврами, я распорядился, чтобы его устлали камышом. В общем, в этой комнате не имелось решительно ничего, что напоминало бы о девятнадцатом веке, за исключением массивного столового серебра с моим восстановленным фамильным гербом — оно красовалось на дубовом столе в центре зала. Вот

здесь, решил я, и будет обитать дух, если кузену Матильды удастся договориться с поставщиками призраков. А пока не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать новостей о результате поисков Джека.

Через несколько дней от него пришло письмо, краткое, но обнадеживающее. Оно было нацарапано карандашом на обратной стороне театральной программы и запечатано, по всей вероятности, табачным набойником. В письме я прочел: «Кое-что разыскал. От профессиональных поставщиков толку не добился, но вчера подцепил в пивной одного типа, он берется устроить то, что вы желали. Направляю его к вам — если не согласны, предупредите телеграммой. Зовут его Абрахамс, ему уже приходилось выполнять поручения такого рода». Письмо заканчивалось туманными намеками на высылку чека и было подписано: «Ваш любящий брат Джек Брокет».

Нечего и говорить, что телеграммы я не послал и с большим нетерпением стал ожидать прибытия мистера Абрахамса. Невзирая на свою веру в сверхъестественное, я с трудом допускал мысль, что смертному может быть дано так властвовать над миром духов и даже торговать ими, обменивая на земное золото. Однако Джек заверял меня, что подобный вид коммерции существует, и даже нашелся джентльмен с иудейской фамилией, готовый продемонстрировать свою власть над духами. Каким заунывным и вульгарным покажется привидение Джоррокса, восходящее всего лишь к восемнадцатому веку, если мне действительно посчастливится стать обладателем настоящего средневекового призрака! Я даже подумал, не выслали ли мне его заранее, так как однажды поздно вечером, перед сном, прогуливаясь вдоль рва, я наткнулся на темную фигуру, разглядывающую мою опускную решетку и подъемный мост. Но то, как незнакомец вздрогнул, завидев меня, и как поспешно кинулся прочь и скрылся в темноте, тут же убедило меня в его земном происхождении. Я принял эту неизвестную личность за воздыхателя одной из моих служанок, томящегося у грязного Геллеспонта, отделяющего его от возлюбленной. Но кто бы ни был этот незнакомец, он исчез и больше не показывался, хотя я еще побродил вокруг этого места, надеясь увидеть его и дать ему почувствовать мои феодальные права.

Джек Брокет слово сдержал. На следующий вечер, едва начали сгущаться сумерки, как звон колокольчика у ворот Горсорп-Грэйндж и скрип махового колеса у подъемного

моста возвестили о прибытии мистера Абрахамса. Я поспешил ему навстречу, почти ожидая увидеть человека с печальным взглядом и впалыми щеками, а за ним пеструю толпу призраков. Но торговец привидениями оказался коренастым здоровяком, с поразительно острыми, сверкающими глазами, и рот у него то и дело растягивался в добродушную, хотя, быть может, и несколько деланную улыбку. Весь его коммерческий реквизит состоял из небольшого кожаного саквояжа, крепко запертого и стянутого ремнями. Когда мистер Абрахамс поставил его на каменные плиты холла, он издал странное металлическое лязганье.

— Как поживаете, сэръ? — спросил меня мистер Абрахамс, с жаром трясая мне руку. — И как поживает миссис? И как поживают все остальные — все ли в добром здравии?

Я заверил его, что все в доме чувствуют себя вполне удовлетворительно, но мистер Абрахамс, заметив издали миссис Д'Одд, кинулся к ней с теми же расспросами о состоянии ее здоровья. Он говорил так многословно и горячо, что я невольно подумал: сейчас он начнет проверять ее пульс и потребует, чтобы она показала ему язык. И все время глаза у него так и бегали — с пола на потолок, с потолка на стены. Одним взглядом он как будто охватывал сразу все мельчайшие предметы обстановки.

Успокоившись на том, что все мы пребываем в нормальном физическом состоянии, мистер Абрахамс пошел вслед за мной вверх по лестнице в комнату, где для него была приготовлена обильная снедь — он ее не отверг. Таинственный маленький саквояж он потащил с собой и во время обеда держал у себя под стулом. Только когда убрали со стола и мы остались одни, мистер Абрахамс заговорил о деле, ради которого прибыл.

— Если я вас верно понял, — начал он, попыхивая своей «тричинополи», — вы желаете, чтобы я помог вам снабдить этот дом привидениями. Так или нет?

Я подтвердил правильность этого предположения, не переставая дивиться беспокойному взгляду гостя, озирающего комнату так, будто он занимался описью имущества.

— Так знайте же, более подходящего человека, чем я, вам не найти, говорю по чести, — продолжал мой собеседник. — Что ответил я тому молодому джентльмену в трактире «Хромой пес»? Он меня спросил: «Беретесь устроить это дело?» И я сказал: «Вы только испытайте,

проверьте, на что способны я и мой маленький саквояж». Лучше ответить я не мог, говорю по чести.

Мое уважение к коммерческим способностям Джека заметно возросло. Он, безусловно, устроил все отлично.

— Неужели вы держите... духов в саквояжах? — спросил я нерешительно.

Мистер Абрахамс улыбнулся снисходительной улыбкой человека, уверенного в своем превосходстве.

— Подождите, подождите, — сказал он. — Только дайте мне подходящее место, подходящее время да бутылочку люкоптоликуса, — он извлек из жилетного кармана небольшой пузырек, — и вам станет ясно, что нет такого духа, с которым я не сладил бы. Вы сами их увидите, своими глазами. Лучше я сказать не могу, говорю по чести.

Заверения мистера Абрахамса в своей честности сопровождались хитрой усмешкой и подмигиванием пронзительных глаз, что несколько ослабляло уверенность в искренности его слов.

— Когда вы намерены приступить к делу? — осведомился я почтительно.

— Без десяти час, — проговорил он твердо. — Некоторые считают, что надо ровно в полночь, а я говорю: нет, лучше попозже, тогда уже нет такой толчеи и можно подобрать духа, какой приглянется. А теперь, — продолжал он, вставая со стула, — не пройтись ли нам по дому? Вы мне покажете, куда решили его поселить. Духи ведь какие: одни места им нравятся, а о других они и слышать не хотят, даже если им и деваться больше некуда.

Мистер Абрахамс осмотрел коридоры и комнаты очень внимательно, с видом знатока пощупал гобелены и сказал вполголоса: «Очень-очень подходит», — но только когда мы вошли в пиршественный зал, восхищение его перешло в настоящий энтузиазм.

— Ну как раз то, что надо! — восклицал он, приплясывая с саквояжем в руке вокруг стола, на котором было расставлено фамильное серебро; мне показалось, что в эту минуту маленький, юркий мистер Абрахамс и сам напоминал какое-то странное порождение нечистой силы. — Очень все подходяще, лучше не придумаешь! Прекрасно! Благородно, внушительно! Не то что теперешнее накладное серебро, а настоящее, массивное! Да, сэр, именно так оно все и должно быть. Места вволю, есть где им разгуляться. Пришлите-ка мне сюда коньяку и сигар. Я тут посижу у

огонька, подготовлю все, что требуется, — повозиться придется немало. Эти духи, пока не сообразят, с кем имеют дело, иной раз такой шум и гам поднимут, только держись. Вы пока уходите, не то они вас еще, чего доброго, в куски разорвут. Лучше я буду тут один с ними управляться, а в половине первого возвращайтесь, к тому времени они поутихнут.

Требования мистера Абрахамса показались мне вполне резонными, и я ушел, оставив его одного в кресле перед камином; задрав ноги на каминную решетку, он стал готовиться к встрече со строптивыми пришельцами из иного мира, подкрепляя себя с помощью указанных им средств.

Мы с миссис Д'Одд сидели в комнате внизу, прямо под пиршественным залом, и я слышал, как некоторое время спустя мистер Абрахамс поднялся и начал рассказывать по залу быстрым, нетерпеливым шагом. Потом мы с Матильдой оба услышали, как он проверил замок на двери, подошвынул к окнам что-то тяжелое из мебели, и, по-видимому, взобрался на нее, потому что я слышал скрип ржавых петель на ромбовидной оконной раме, — стоя на полу, низкорослый мистер Абрахамс, безусловно, не смог бы дотянуться до окна. Миссис Д'Одд уверяет, что она различила его торопливый, приглушенный голос, но, возможно, это ей лишь показалось. Должен сознаться, что все происходящее произвело на меня впечатление более сильное, чем я того ожидал. Жутко было думать, что простой смертный стоит в полном одиночестве у открытого окна и призывает из тьмы исчадия ада. Я с трепетом, который едва мог скрыть от Матильды, увидел, что часовая стрелка приближается к назначенному сроку и мне пора идти наверх, разделить ночное бдение мистера Абрахамса.

Он сидел все там же, в той же позе, и не было заметно никаких следов таинственных шумов и шорохов, услышанных нами внизу, только круглое лицо мистера Абрахамса покраснело — похоже было, будто он только что изрядно потрудились.

— Ну как, получается? — спросил я с притворно-беспечным видом, но невольно озираясь, чтобы проверить, одни ли мы в комнате.

— Теперь требуется только ваша помощь, и дело завершено, — сказал мистер Абрахамс торжественно. — Садитесь рядом, примите люкоптоликус — это снимет пелену с наших земных глаз. Что бы вы ни увидели, молчите и не шевелитесь, не то разрушите чары.

Манеры мистера Абрахамса стали как-то мягче, присущая ему вульгарность лондонского кокни совершенно исчезла. Я сел в указанное кресло и стал ждать, что будет дальше.

Мистер Абрахамс стрёб камыш с пола около камина и, став на четвереньки, начертил мелом полуокружность, охватившую камин и нас обоих. По краю меловой линии он написал несколько иероглифов, что-то вроде знаков Зодиака. Затем, поднявшись, властитель духов произнес заклинание такой скороговоркой, что оно прозвучало как одно необыкновенно длинное слово на каком-то гортанном языке. Покончив с заклинанием, мистер Абрахамс достал тот самый пузырек, что показывал мне раньше, налил из него в фиял несколько чайных ложек чистой, прозрачной жидкости и подал ее мне.

У нее был чуть сладковатый запах, напоминающий запах некоторых сортов яблок. Я не решался коснуться ее губами, но нетерпеливый жест мистера Абрахамса заставил меня преодолеть сомнения, и я выпил все залпом. Напиток по вкусу не лишен был приятности, но никакого мгновенного действия не оказал, и я откинулся в кресле в ожидании дальнейшего. Мистер Абрахамс сидел в кресле рядом, и я замечал, что время от времени он внимательно вглядывается мне в лицо, бормоча при этом свои заклинания.

Постепенно меня охватило блаженное чувство тепла и расслабленности — отчасти причиной тому был жар из камина, отчасти что-то еще. Неудержимое желание спать смежало мне веки, но мозг работал с необыкновенной ясностью, в голове у меня теснились, сменяя одна другую, чудесные, забавные мысли. Меня совершенно сковала дрема. Я сознавал, что мой гость положил мне руку на область сердца, как бы проверяя его биение, но я не воспротивился, даже не спросил, с какой целью он это делает. Все предметы в комнате вдруг закружились вокруг меня в медленном, томном танце. Большая голова лося в конце зала начала раскачиваться, ведро для вина и нарядная ваза — настольное украшение — двигались в котильоне с массивными подносами. Моя отяжелевшая голова сама опустилась на грудь, и я бы совсем заснул, если бы внезапно открывшаяся в конце зала дверь не заставила меня очнуться. Дверь вела прямо на помост, туда, где когда-то пировал глава дома. Створка двери медленно подавалась назад. Я выпрямился, опершись о ручки кресла, и, не

отрывая глаз, с ужасом смотрел в темный провал коридора за дверь. Оттуда двигалось нечто бестелесное, бесформенное, но я все же ясно его ощущал. Я видел, как смутная тень переступила порог — по залу пронесся ледяной сквозняк, заморозив мне, казалось, самое сердце. Затем я услышал голос, подобный вздоху восточного ветра в верхушках сосен на пустынном морском берегу.

Дух молвил:

— Я незримое ничто. Мне присуща неуловимость. Я преисполнено электричества и магнетизма, я спиритуалистично. Я великое, эфемерное, испускающее вздохи. Я убиваю собак. О смертный, остановишь ли ты на мне свой выбор?

Я силился ответить, но слова застряли у меня в горле, и, прежде чем я успел их произнести, тень скользнула по залу и растаяла в глубине его — в воздухе пронесся долгий, печальный вздох.

Я снова обратил взгляд на дверь и к изумлению своему увидел низенькую, сгорбленную старуху; ковыляя по коридору, она ступила за порог и вошла в зал. Несколько раз она прошла взад и вперед, затем замерла, скорчившись, у самого края меловой черты на полу, и вдруг подняла голову — никогда не забыть мне выражения чудовищной злобы, написанной на ее безобразном лице, на котором, казалось, все самые низкие страсти оставили свои следы.

— Ха-ха-ха! — захохотала старуха, вытянув вперед высохшие, сморщенные руки, похожие на когти какой-то отвратительной птицы. — Видишь, кто я такая? Я злобная старуха. Я одета в шелка табачного цвета. Я обрушиваю на людей проклятия. Меня очень жаловал сэр Вальтер Скотт. Забираешь меня к себе, смертный?

Мне удалось отрицательно помотать головой — я был в ужасе, а она замахнулась на меня клюшкой и исчезла, испустив жуткий, душераздирающий вопль.

Теперь я, естественно, снова стал смотреть в открытую дверь и почти не удивился, заметив, как вошел высокий мужчина благородной осанки. Чело его покрывала смертельная бледность, но оно было в ореоле темных волос, спускавшихся завитками на плечи. Подбородок скрывала короткая борода клином. На призраке была свободная, ниспадающая одежда, по-видимому, из желтого атласа, шею покрывало широкое белое жабо. Он прошел по залу

медленным, величественным шагом и, обернувшись, заговорил со мной голосом мягким, с изысканными модуляциями.

— Я дух благородного кавалера. Меня пронзают, и я пронзаю. Вот моя рапира. Я лязгаю сталью. На груди слева, где сердце, у меня кровавое пятно. Я испускаю глухие стоны. Мне покровительствуют многие родовитые консервативные семьи. Я подлинное привидение старинных поместий и замков. Я действую один или в обществе вскрикивающих дев.

Он изящно склонил голову, как бы в ожидании моего ответа, но слова застряли у меня в горле, я опять не смог ничего произнести. Отвесив глубокий поклон, дух исчез.

Не успел он скрыться, как меня снова охватил невыразимый ужас — я ощутил появление страшного, сверхъестественного существа. Я различал только смутные очертания и неопределенную форму; то казалось, что оно заполняет собой всю комнату, то становилось вовсе невидимо, но я все время чувствовал его присутствие. Когда призрак заговорил, голос у него был дрожащий и прерывистый:

— Я оставляю следы и проливаю кровь. Я брожу по коридорам. Обо мне упоминал Чарльз Диккенс. Я издаю странные, неприятные звуки. Я вырываю письма и кладу невидимые руки на запястья людям. Я веселый дух. Я раздражаю взрывами ужасающего смеха. Показать, как я смеюсь?

Я поднял руку, чтобы остановить его, но опоздал и тут же услышал страшный, оглушительный хохот, прокатившийся эхом по залу. Я еще не успел опустить руку, как видение исчезло.

Я снова повернулся к двери, и как раз вовремя: из темного коридора в комнату торопливо проскользнул новый посетитель. Это был загорелый, мощного сложения мужчина, в ушах у него поблескивали серьги, вокруг шеи был повязан шелковый платок. Голова незнакомца поникла на грудь, казалось, его невыносимо терзала совесть. Сперва он метнулся в одну, затем в другую сторону, словно тигр в клетке. В одной руке у него блеснуло лезвие ножа, другой незнакомец сжимал лист пергамента. У этого Духа голос был глубокий и звучный.

— Я убийца, — произнес он. — Я негодай. Я хожу крадучись. Я ступаю бесшумно. Я специалист по затерянным сокровищам. Я знаю кое-что об испанских морях. У меня есть планы и карты. Вполне трудоспособен и

отличный ходок. Могу служить привидением в обширном парке.

Он смотрел на меня умоляюще, но я еще не успел подать ему знак, как почувствовал, что цепенею от страха при виде нового ужасного зрелища у раскрытой двери.

Там стоял необыкновенно высокого роста человек, если только можно назвать человеком эту странную фигуру — тощие кости торчали сквозь полусгнившую плоть, лицо было свинцово-серого цвета. Он был закутан в саван с капюшоном, из-под которого глядели глубоко сидящие в глазницах злобные глаза; они сверкали и метали искры, как раскаленные угли. Нижняя челюсть отвисла, обнажая сморщенный, съезжившийся язык и два ряда черных, щербатых клыков. Я вздрогнул и отшатнулся от страшного видения, приблизившегося к меловой черте на полу.

— Я американское страшилище, замораживающее кровь в жилах, — проговорил призрак глухим голосом, как будто идущим откуда-то из-под земли. — Все остальные — подделки. Только я подлинное создание Эдгара Аллана По. Я самый мерзкий, гнетущий душу призрак. Обратите внимание на мою кровь и на мою плоть. Я внушаю ужас, я отвратителен. Дополнительными искусственными ресурсами не пользуюсь. Мои атрибуты — саван, крышка гроба и гальваническая батарея. Люди от меня седеют за одну ночь.

Призрак протянул ко мне свои почти лишенные плоти руки, как бы умоляя меня, но я замотал головой, и он исчез, оставив после себя гнусный, тошнотворный запах. Я откинулся на спинку кресла, потрясенный страхом и отвращением до такой степени, что в этот момент охотно отказался бы от самой мысли о приобретении духа, если бы был уверен, что это последнее из кошмарных видений.

Легкий шорох волоочащейся по полу одежды дал мне понять, что меня ждет новая встреча. Я поднял глаза и увидел фигуру в белом, только что появившуюся из тьмы коридора и перешагнувшую порог. Это была прекрасная, молодая женщина, одетая по моде давно прошедших лет. Она прижимала руки к груди, на ее бледном, гордом лице были следы страстей и страданий. Она прошла через зал, и платье ее шелестело, как осенние листья. Обратив ко мне свои дивные, невыразимо печальные глаза, она проговорила:

— Я нежная, скорбящая, прекрасная и обиженная. Меня покинули, мне изменили. В ночные часы я вскрикиваю

и пробегаю по коридору. Предки мои почтенны и аристократичны. Я эстетка. Мебель старого дуба в этом зале как раз в моем вкусе, хорошо бы еще побольше кольчуг, лат и гобеленов. Я подхожу вам?

Голос ее постепенно замирал и наконец умолк. Она воздела руки в немой мольбе. Я равнодушен к женским чарам. И затем — что такое призрак Джоррокса по сравнению с этим видением? Что может быть прекраснее, изысканнее? К чему терзать дальше нервную систему зрелищем призраков вроде того, предпоследнего? Не лучше ли наконец остановить свой выбор? Как будто прочтя мои мысли, красавица улыбнулась мне ангельской улыбкой. Эта улыбка решила дело.

— Подойдет! — воскликнул я. — Я выбираю ее, вот этот призрак!

В порыве энтузиазма я шагнул вперед и ступил за черту магического круга.

— Арджентайн, нас обокрали!

Пронзительный крик звенел и звенел у меня в ушах, слова смутно доходили до моего сознания, но я не понимал их смысла — они как будто совпали с ритмом стучащей в висках крови, и я закрыл глаза под убаюкивающий напев: «обокрали... обокрали... обокрали...»

Кто-то сильно меня встряхнул, я открыл глаза. Вид миссис Д'Одда в самом скудном, какой только можно себе представить, наряде и в самом яростном настроении произвел на меня достаточно внушительное впечатление — я сделал усилие, собрал мысли и понял, что лежу навзничь на полу, головою в кучке пепла, выпавшего из камина, а в руке сжимаю небольшой стеклянный пузырек.

Я встал, пошатываясь, но чувствовал такую слабость и головокружение, что тут же упал в кресло. Постепенно мысли у меня прояснились, чему содействовали непрекращающиеся восклицания и крики Матильды. Я постарался мысленно восстановить события ночи. Вот дверь, через которую являлись гости из потустороннего мира. Вот начертанная мелом на полу полуокружность и вокруг нее иероглифы. Вот коробка от сигар и бутылка с коньяком, которому оказал честь мистер Абрахамс. Но где же сам властитель духов, где же он? И что значит открытое окно и свисающая из него наружу веревка? И где... о, где же гордость и краса замка Горсорп-Грэйндж, великолепное фамильное серебро, предназначенное быть гордостью будущих поколений Д'Оддов? И почему миссис Д'Одд стоит

в сером сумраке рассвета, ломает руки и все выкрикивает свой рефрен? Очень не скоро мой затуманенный мозг осознал один за другим все эти факты и понял их взаимосвязь.

Читатель, я больше никогда не видел мистера Абрахамса, я больше никогда не видел столового серебра с восстановленным фамильным гербом. И, что всего обиднее, я больше никогда, ни на одно мгновение не увидел печального призрака в платье со шлейфом и у меня нет надежды когда-либо его увидеть. Правду сказать, ночное происшествие излечило меня от моей страсти к сверхъестественному, и я вполне примирился с жизнью в самом заурядном доме, выстроенном в девятнадцатом веке на окраине Лондона, куда Матильда давно стремилась перебраться.

Что касается объяснения всему случившемуся, тут можно делать различные предположения. В Скотленд-Ярде почти не сомневаются, что мистер Абрахамс не кто иной, как Джемми Уилсон, alias¹ Ноттингем Крэстер, знаменитый громилка, — во всяком случае, описания внешности вполне совпадают. Небольшой саквояж, упомянутый мною выше, был на следующий же день найден на соседнем поле и оказался заполненным отличным набором отмычек и сверл. Глубоко отпечатавшиеся следы ног в грязи по обе стороны рва показали, что сообщник мистера Абрахамса, стоя под окошком, принял спущенный из него мешок с драгоценным серебром. Несомненно, что эта пара негодяев, рыская в поисках «дела», прослышала о нескромных расспросах Джека Брокета и решила немедленно воспользоваться столь соблазнительной возможностью поживиться.

Что касается моих менее реальных посетителей — странных, фантастических видений той ночи, — я не знал, можно ли это действительно отнести за счет власти над оккультным миром моего друга из Ноттингема. Долгое время я был полон сомнений, но в конце концов разрешил их, обратившись за советом к известному медику и специалисту по химическим анализам, которому отослал для исследования сохранившиеся в пузырьке несколько капель так называемого люкоптоликуса. Прилагаю письмо, полученное в ответ, — рад возможности заключить свой небольшой рассказ вескими словами человека науки:

¹ Он же (лат.).

*«Эсквайру Аргжентайну Д'Ogg
Бриксон, «Буки».*

Эранд-стрит.

Дорогой сэр!

Меня чрезвычайно заинтересовал Ваш необыкновенный случай. В присланном Вами пузырьке содержался сильный раствор хлорала, и, судя по Вашим описаниям, принятая Вами доза была, вероятно, не менее восьмидесяти гран. Подобное количество, безусловно, должно было довести Вас до частичной, а затем и полной потери сознания. При таком состоянии вполне возможны бреды и галлюцинации, в особенности у людей, непривычных к наркотикам. В своем письме Вы говорите, что зачитывались оккультной литературой и что у вас с давних пор нездоровый интерес к тому, в каких именно образах могут являться призраки. Не забудьте также, что Вы рассчитывали увидеть нечто в этом роде и Ваша нервная система была доведена до крайнего напряжения.

Учитывая все эти обстоятельства, я полагаю, что описанные Вами последствия отнюдь не удивительны. Более того, всякому специалисту по наркотикам показалось бы очень странным, если бы принятое снадобье не оказало на Вас подобного действия.

Остаюсь, сэр, искренне Вас уважающий

Т. Е. Штубе, доктор медицины».

Необычайный эксперимент в Кайнплатце¹

Из всех наук, над коими бились умы сынов человеческих, ни одна не занимала профессора фон Баумгартена столь сильно, как та, что имеет дело с психологией и недостаточно изученными взаимоотношениями духа и материи. Прославленный анатом, глубокий знаток химии и один из первых европейских физиологов, он без сожаления оставил все эти науки и направил свои разносторонние познания на изучение души и таинственных духовных взаимосвязей. Вначале, когда он, будучи еще молодым человеком, пытался проникнуть в тайны месмеризма, мысль его, казалось, плутала в загадочном мире, где все было хаос и тьма и лишь иногда возникал немаловажный факт, но не связанный с другими и не находящий себе объяснения. Однако, по мере того как шли годы и багаж знаний достойного профессора приумножался — ибо знание порождает знание, как деньги наращивают проценты, — многое из того, что прежде казалось странным и необъяснимым, начинало принимать в его глазах иную, более ясную форму. Мысль ученого потекла по новым путям, и он стал усматривать связующие звенья там, где когда-то все было туманно и непостижимо. Более двадцати лет проделывая эксперимент за экспериментом, он накопил достаточно неоспоримых фактов, и у него возникла честолюбивая мечта создать на их основе новую точную науку, которая явилась бы синтезом месмеризма, спиритуализма и других родственных учений. В этом ему чрезвычайно помогало доскональное знание того сложного раздела физиологии животных, который посвящен изучению нервной системы и мозговой деятельности, ибо Алексис фон Баумгартен из Кайнплатца располагал для своих глубоких научных исследований всем необходимым, что дает лаборатория.

Профессор фон Баумгартен был высокого роста и худощав, лицо у него было продолговатое, с острыми чертами,

¹ Кайнплатц (нем. Keimplatz) — нигде.

а глаза — цвета стали, необычайно яркие и пронизательные. Постоянная работа мысли избороздила его лоб морщинами, свела в одну линию густые, нависшие брови, и потому казалось, что профессор всегда нахмурен. Это многих вводило в заблуждение относительно характера профессора, который при всей своей суровости обладал мягким сердцем. Среди студентов он пользовался популярностью. После лекций они окружали ученого и жадно слушали изложение его странных теорий. Он часто вызывал добровольцев для своих экспериментов, и в конце концов в классе не осталось ни одного юнца, кто раньше или позже не был бы усыплен гипнотическими пассажами профессора.

Среди этих молодых ревностных служителей науки не находилось ни одного, кто мог бы равняться по степени энтузиазма с Фрицем фон Хартманном. Его приятели-студенты часто диву давались, как этот сумасброд и отчаянейший повеса, какой когда-либо являлся в Кайнплатц с берегов Рейна, не жалеет ни времени, ни усилий на чтение головолomных научных трудов и ассистирует профессору при его загадочных экспериментах. Но дело в том, что Фриц был сообразительным и дальновидным молодым человеком. Вот уже несколько месяцев, как он пылал любовью к юной Элизе — голубоглазой, белокурой дочке фон Баумгартена. Хотя Фрицу удалось вырвать у нее признание, что его ухаживания не оставляют ее равнодушной, он не смел и мечтать о том, чтобы явиться к родителям Элизы в качестве официального искателя руки их дочери. Ему было нелегко находить поводы свидеться с избранницей своего сердца, если бы он не усмотрел способ стать полезным профессору. В результате его стараний Баумгартен стал часто приглашать студента в свой дом и Фриц охотно позволял проделывать над собой какие угодно опыты, если это давало ему возможность перехватить взгляд ясных глазок Элизы или коснуться ее ручки.

Фриц фон Хартманн был молодым человеком, несомненно, вполне привлекательной наружности. К тому же после смерти отца ему предстояло унаследовать обширные поместья. В глазах многих он казался бы завидным женихом, но мадам фон Баумгартен хмурилась, когда он бывал у них в доме, и порой выговаривала супругу за то, что он разрешает такому волку рыскать вокруг их овечки. Правду сказать, Фриц фон Хартманн приобрел в Кайнплатце довольно скверную репутацию. Случись где шумная ссора или дуэль, или какое другое бесчинство, молодой выходец с рейнских берегов оказывался главным зачинщиком.

Не было никого, кто бы так сквернословил, так много пил, так часто играл в карты и так предавался лени во всем, кроме одного — занятий с профессором. Не удивительно поэтому, что почтенная фрау профессорша прятала свою дочку под крылышко от такого *mauvais sujet*¹. Что касается достойного профессора, он был слишком поглощен своими таинственными научными изысканиями и не составил себе об этом никакого мнения.

Вот уже много лет один и тот же неотвязный вопрос занимал мысли фон Баумгартена. Все его эксперименты и теоретические построения были направлены к решению все той же проблемы: по сотне раз на дню профессор спрашивал себя, может ли душа человека в течение некоторого времени существовать отдельно от тела и затем снова в него вернуться? Когда он впервые представил себе такую возможность, его ум ученого решительно восстал против подобной несуразности. Это оказывалось в слишком резком противоречии с предвзятыми мнениями и предрассудками, внушенными ему еще в юности. Однако постепенно, продвигаясь все дальше путем новых, оригинальных методов исследования, мысль его стряхнула с себя старые оковы и приготовилась принять любые выводы, продиктованные фактами. У него было достаточно оснований верить, что духовное начало способно существовать независимо от материи. И вот он надумал окончательно решить вопрос путем смелого, небывалого эксперимента.

«Совершенно очевидно, — писал он в своей знаменитой статье о невидимых существах, приблизительно в это самое время опубликованной в «Медицинском еженедельнике Кайнплатца» и удивившей весь научный мир, — совершенно очевидно, что при наличии определенных условий душа, или дух человека, освобождается от телесной оболочки. Тело загипнотизированного пребывает в состоянии катаlepsии, но душа его где-то витает. Возможно, мне возразят, что душа остается в теле, но также находится в процессе сна. Я отвечу, что это не так — иначе чем объяснить ясновидение, феномен, к которому перестали относиться с должной серьезностью по милости шарлатанов с их мошенническими трюками, но который, как то может быть легко доказано, представляет собой несомненный факт? Я сам, работая с особо восприимчивым медиумом,

¹ Никудышный человек (франц.).

добивался от него точного описания происходящего в соседней комнате или в соседнем доме. Какой другой гипотезой можно объяснить эту осведомленность медиума, как не тем, что дух его покинул тело и блуждает в пространстве? На мгновение он возвращается по призыву гипнотизера и сообщает о виденном, затем снова отлетает прочь. Так как дух по самой своей природе невидим, мы не можем наблюдать эти появления и исчезновения, но замечаем их воздействие на тело медиума, то застывшее, инертное, то делающее усилия передать восприятия, которые никоим образом не могли быть им получены естественным путем. Имеется, я полагаю, только один способ доказать это. Плотскими глазами мы не в состоянии узреть дух, покинувший тело, но наш собственный дух, если бы его удалось отделить от тела, будет ощущать присутствие других освобожденных душ. Посему я имею намерение, загипнотизировав одного из моих учеников, усыпить затем и самого себя способом, вполне мне доступным. И тогда, если предлагаемая мною теория справедлива, моя душа не встретит затруднений для общения с душой моего ученика, так как обе они окажутся отделенными от тела. Надеюсь в следующем номере «Медицинского еженедельника Кайнплатца» опубликовать результаты этого интересного эксперимента».

Когда почтенный профессор исполнил наконец обещание и напечатал отчет о происшедшем, сообщение это было до такой степени поразительным, что к нему отнеслись с недоверием. Тон некоторых газет, комментировавших статью, носил столь оскорбительный характер, что разгневанный ученый поклялся никогда более не раскрывать рта и не печатать никаких сообщений на данную тему — угрозу эту он привел в исполнение. Тем не менее предлагаемый здесь рассказ опирается на сведения, почерпнутые из достоверных источников, и приводимые факты в основе своей изложены совершенно точно.

Однажды, вскоре после того как у него зародилась мысль проделать вышеупомянутый эксперимент, профессор фон Баумгартен задумчиво шел к дому после долгого дня, проведенного в лаборатории. Навстречу ему двигалась шумная ватага студентов, только что покинувших кабачок. Во главе их, сильно навеселе и держась весьма развязно, шагала молодой Фриц фон Хартманн. Профессор прошел было мимо, но его ученик кинулся ему наперерез и загородил ему дорогу.

— Послушайте, достойный мой наставник, — начал он, ухватив старика за рукав и увлекая его за собой, — мне надо с вами кое о чем поговорить, и мне легче сделать это сейчас, пока в голове шумит добрый хмель.

— В чем дело, Фриц? — спросил физиолог, глядя на него с некоторым удивлением.

— Я слышал, господин профессор, что вы задумали какой-то удивительный эксперимент — хотите извлечь из тела душу и потом загнать ее обратно? Это правда?

— Правда, Фриц.

— А вы не подумали, дорогой профессор, что не всякий захочет, чтобы над ним проделывали такие штуки? Potztausend!¹ А что если душа выйдет и обратно не вернется? Тогда дело дрянь. Кто станет рисковать, а?

— Но, Фриц, я рассчитывал на вашу помощь! — воскликнул профессор, пораженный такой точкой зрения на его серьезный научный опыт. — Неужели вы меня покинете? Подумайте о чести, о славе.

— Дудки! — воскликнул студент сердито. — И всегда вы со мной будете так расплачиваться? Разве не стоял я по два часа под стеклянным колпаком, пока вы пропускали через меня электричество? Разве вы не раздражали мне тем же электричеством нервы грудобрюшной преграды и не мне ли испортили пищеварение, пропуская через мой желудок гальванический ток? Вы усыпляли меня тридцать четыре раза, и что я за все это получил? Ровно ничего! А теперь еще собираетесь вытащить из меня душу, словно механизм из часов. Хватит с меня, всякому терпению приходит конец.

— Ах, Боже мой, Боже мой! — восклицал профессор в величайшей растерянности. — Верно, Фриц, верно! Я как-то никогда об этом не думал. Если вы подскажете мне, каким образом я могу отблагодарить вас за ваши услуги, я охотно исполню ваше желание.

— Тогда слушайте, — проговорил Фриц торжественно. — Если вы даете слово, что после эксперимента я получу руку вашей дочери, я согласен вам помочь. Если же нет — отказываюсь наотрез. Таковы мои условия.

— А что скажет на это моя дочь? — воскликнул профессор, на мгновение потерявший было дар речи.

¹ Черт побери! (нем.)

— Элиза будет в восторге, — ответил молодой человек. — Мы давно любим друг друга.

— В таком случае она будет ваша, — сказал физиолог решительно — У вас доброе сердце, и вы мой лучший медиум — разумеется, когда не находитесь под воздействием алкоголя. Эксперимент состоится четвертого числа следующего месяца. В двенадцать часов ждите меня в лаборатории. Это будет незабываемый день, Фриц. Приедет фон Грубен из Йены и Хинтерштейн из Базеля. Собираются все столпы науки Южной Германии.

— Я явлюсь вовремя, — коротко ответил студент, и они разошлись. Профессор побрел к дому, размышляя о великих грядущих событиях, а молодой человек, спотыкаясь, побежал догонять своих шумных товарищей, занятый мыслями только о голубоглазой Элизе и о сделке, заключенной с ее отцом.

Фон Баумгартен не преувеличивал, говоря о необыкновенно широком интересе, какой вызвал его новый психофизиологический опыт. Задолго до назначенного часа зал наполнился целым созвездием талантов. Помимо упомянутых им знаменитостей, прибыл крупнейший лондонский ученый, профессор Лерчер, только что прославившийся своим замечательным трудом о мозговых центрах. На небывалый эксперимент собрались с дальних концов несколько звезд из плеяды спиритуалистов, приехал последователь Сведенборга¹, полагавший, что эксперимент прольет свет на доктрину розенкрейцеров².

Высокая аудитория продолжительными аплодисментами встретила появление профессора и его медиума. В нескольких продуманных словах профессор пояснил суть своих теоретических положений и предстоящие методы их проверки.

— Я утверждаю, — сказал он, — что у лица, находящегося под действием гипноза, дух на некоторое время высвобождается из тела. И пусть кто-нибудь попробует выдвинуть другую гипотезу, которая истолковала бы природу ясновидения. Надеюсь, что, усыпив моего юного друга и затем также себя, я дам возможность нашим освобожденным от телесной оболочки душам общаться между

¹ Сведенборг, Эммануил (1688—1772 гг.) — шведский мистик и теософ.

² Розенкрейцеры — члены одного из тайных религиозно-мистических масонских обществ XVII—XVIII веков.

собой, пока тела наши будут инертны и неподвижны. Через некоторое время души вернутся в свои тела, и все станет по-прежнему. С вашего любезного позволения мы приступим к эксперименту.

Речь фон Баумгартена вызвала новую бурю аплодисментов, и все замерли в ожидании. Несколькими быстрыми пассажами профессор усыпил молодого человека, и тот откинулся в кресле, бледный и неподвижный. Вынув из кармана яркий хрустальный шарик, профессор стал смотреть на него, не отрываясь, явно делая какие-то мощные внутренние усилия, и вскоре действительно погрузился в сон. То было невиданное, незабываемое зрелище: старик и юноша, сидящие друг против друга в одинаковом состоянии каталепсии. Куда же устремились их души? Вот вопрос, который задавал себе каждый из присутствующих.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Еще пятнадцать, а профессор и его ученик продолжали сидеть в тех же застывших позах. За это время ни один из собравшихся ученых мужей не проронил ни слова, все взгляды были устремлены на два бледных лица — все ждали первых признаков возвращения сознания. Прошел почти целый час, и наконец терпение зрителей было вознаграждено. Слабый румянец начал покрывать щеки профессора фон Баумгартена — душа вновь возвращалась в свою земную обитель. Вдруг он вытянул свои длинные, тощие руки, как бы потягиваясь после сна, протер глаза, поднялся с кресла и начал оглядываться по сторонам, словно не понимая, где он находится. И вдруг к величайшему изумлению всей аудитории и возмущению последователя Сведенборга, профессор воскликнул: «Tausend Teufel!»¹ — и разразился страшным южнонемецким ругательством.

— Где я, черт побери, и что за дьявольщина тут происходит? Ага, вспомнил! Этот дурацкий гипнотический сеанс. Ну ни черта не вышло. Как заснул, больше ничего не помню. Так что вы, мои почтенные ученые коллеги, притащились сюда попусту. Вот потеха-то!

И профессор, глава кафедры физиологии, покатился со смеху, хлопая себя по ляжкам самым неприличным образом. Аудитория пришла в такое негодование от непристойного поведения профессора фон Баумгартена, что мог бы разразиться настоящий скандал, если бы не тактичное

¹ Тысяча чертей! (нем.).

вмешательство Фрица фон Хартманна, к этому времени также очнувшегося от гипнотического сна. Подойдя к краю эстрады, молодой человек извинился за поведение гипнотизера.

— К сожалению, вынужден признаться, что этот человек действительно несколько необуздан, хотя вначале он отнесся с подобающей серьезностью к эксперименту. Он еще находится в состоянии реакции после гипноза и не вполне ответствен за свои слова и поступки. Что касается нашего опыта, я не считаю, что он потерпел неудачу. Возможно, что в течение этого часа наши души общались между собой, но, к несчастью, грубая телесная память не соответствует субстанции духа, и мы не смогли вспомнить случившегося. Отныне моя деятельность будет направлена на изыскание средств заставить души помнить то, что происходит с ними в период их высвобождения, и я надеюсь, что по разрешении данной задачи буду иметь удовольствие снова встретить вас в этом зале и продемонстрировать результаты.

Подобное заявление, исходящее от молодого студента, вызвало среди присутствующих в аудитории большое удивление. Некоторые почли себя оскорбленными, полагая, что он взял на себя слишком большую смелость. Большинство, однако, расценило его как обещающего молодого ученого, и, покидая зал, многие сравнивали его достойное поведение с неприличной развязностью профессора, который все это время продолжал хохотать в уголке, нимало не смутившись провалом эксперимента.

Но хотя все эти ученые мужи выходили из зала в полной уверенности, что они так ничего замечательного и не увидели, на самом деле на их глазах произошло величайшее чудо. Профессор фон Баумгартен был абсолютно прав в своей теории: его дух и дух студента действительно на некоторое время покинули телесную оболочку. Но затем получилось странное и непредвиденное осложнение. Дух Фрица фон Хартманна, возвратившись, вошел в тело Алексиса фон Баумгартена, а дух Алексиса фон Баумгартена — в телесную оболочку Фрица фон Хартманна. Этим и объяснялись сквернословие и шутовские выходки серьезного профессора и веские, солидные заявления, исходящие от беззаботного студента. Случай был беспрецедентный, но никто о том не подозревал, и меньше всего те, кого это непосредственно касалось.

Профессор, почувствовав вдруг необычайную сухость в горле, выбрался на улицу, все еще посмеиваясь про себя по поводу результатов эксперимента, ибо душа Фрица, заключенная в профессорском теле, преисполнилась веселья и бесшабашной удалы при мысли о том, как легко ему досталась невеста. Первым его побуждением было пойти повидать ее, но, пораздумав, он решил временно держаться в тени, пока профессор фон Баумгартен не оповестит супругу о заключенном соглашении. Посему он отправился в кабачок «Зеленый молодчик», излюбленное место сборищ студентов-гуляк. Лихо размахивая тростью, он вбежал в маленький зал, где сидели Шпигель, Мюллер и еще человек шесть веселых собутыльников.

— Здорово, приятели! — заорал он. — Так и знал, что застану вас здесь. Пейте все, кому что охота, заказывайте, что угодно, сегодня за все плачу я!

Если бы сам «зеленый молодчик», изображенный на вывеске этого популярного кабачка, вошел вдруг в зал и потребовал бутылку вина, это изумило бы студентов не столь сильно, как неожиданное появление уважаемого профессора. С минуту они, совершенно ошеломленные, таращили глаза, будучи не в состоянии ответить на это сердечное приветствие.

— Donner und Blitzen!¹ — сердито гаркнул профессор. — Да что это с вами, черт вас подери? Что это вы таращитесь на меня, как поросята на вертеле? Что тут стряслось?

— Такая неожиданная честь... — забормотал Шпигель, возглавлявший компанию.

— Честь? Ерунда и чушь, — заявил профессор раздраженно. — Думаете, если я показываю гипнотические фокусы кучке старых развалин, так я уж и возгордился, не желаю больше водить дружбу с закадычными приятелями? Ну-ка, Шпигель, дружище, слезай со стула, командовать буду я. Пиво, вино, шнапс — требуйте все, что душе угодно, все за мой счёт!

Никогда еще не бывало столь буйного веселья в кабачке «Зеленый молодчик». Пенящиеся кружки с пивом и бутылки с зеленым горлышком, полные рейнвейна, бойко ходили по кругу. Постепенно студенты перестали робеть перед профессором. А он пел, вопил во все горло, балан-

¹ Гром и молния! (нем.).

сировал длинной табачной трубкой, положив ее себе на нос, и предлагал каждому по очереди бежать с ним наперегонки на дистанцию в сто ярдов. За дверью удивленно шушукались кельнер и служанка, пораженные поведением высокоуважаемого профессора, возглавляющего кафедру в старинном университете Кайнплатца. У них стало еще больше поводов шушукаться, когда ученый муж стукнул кельнера по макушке, а служанку расцеловал, поймав ее возле двери в кухню.

— Господа! — крикнул профессор, поднявшись со своего места в конце стола. Он стоял, пошатываясь и вертел в костлявой руке старомодный винный бокал. — Сейчас я объясню причину сегодняшнего торжества.

— Слушайте! Слушайте! — заорали студенты, стуча о стол пивными кружками. — Речь, речь! Тише вы!

— Дело в том, друзья мои, — сказал профессор, сияя глазами сквозь стекла очков, — что я надеюсь в недалеком будущем сыграть свою свадьбу.

— Как? Сыграть свадьбу? — воскликнул один из студентов побойчее. — А мадам? Разве мадам умерла?

— Какая мадам?

— То есть как это какая? Мадам Баумгартен!

— Ха-ха-ха! — засмеялся профессор. — Я вижу, вы в курсе моих прежних затруднений. Нет, она жива, но, надеюсь, браку моему больше противиться не будет.

— Очень мило с ее стороны, — заметил кто-то из компании.

— Мало того, — продолжал профессор, — я даже рассчитываю, что она посодействует мне заполучить мою невесту. Мы с мадам никогда особенно не ладили, но теперь, я думаю, со всем этим будет покончено. Когда я женюсь, она может остаться с вами, я не возражаю.

— Счастливое семейство! — выкрикнул какой-то шутник.

— Ну да! И, надеюсь, все вы придете ко мне на свадьбу. Имени молодой особы называть не буду, но... Да здравствует моя невеста!

И профессор помахал бокалом.

— Ура! За его невесту! — надрывались буяны, покатываясь со смеху. — За ее здоровье! *Soll sie leben — hoch!*¹

Пирушка становилась шумнее и беспорядочнее по мере того, как студенты один за другим, следуя примеру профессора, пили каждый за даму своего сердца.

¹ За ее здоровье (нем.).

Пока в «Зеленом молодчике» шло это веселье, неподалеку разыгрывалась совсем иная сцена. После эксперимента Фриц фон Хартмани все в той же сдержанной манере и храня на лице торжественное выражение, сделал и записал кое-какие вычисления и, дав несколько указаний, вышел на улицу. Медленно двигаясь к дому фон Баумгартена, он увидел впереди фон Альтхауса, профессора анатомии. Ускорив шаг, Фриц догнал его.

— Послушайте, фон Альтхаус, — проговорил он, тронув профессора за рукав. — На днях вы справлялись у меня относительно среднего покрова артерий мозга. Так вот...

— Donnerwetter!¹ — заорал фон Альтхаус, очень вспыльчивый старик. — Что значит эта дерзость? Я подам на вас жалобу, сударь!

После этой угрозы он круто повернулся и пошел прочь.

Фон Хартмани опешил. «Это из-за провала моего эксперимента», — подумал он и уныло продолжал свой путь.

Однако его ждали новые сюрпризы. Его нагнали два студента, и эти юнцы вместо того, чтобы снять свои шапочки или высказать какие-либо другие знаки уважения, завидев его, издали восторженные крики и, кинувшись к нему, подхватили его под руки и потащили с собой.

— Gott im Himmel!² — закричал фон Хартмани. — Что означает эта бесподобная наглость? Куда вы меня тащите?

— Распить с нами бутылочку, — сказал один из студентов. — Ну идем же! От такого приглашения ты никогда не отказывался.

— В жизни не слышал большего бесстыдства! — восклицал фон Хартмани. — Отпустите меня немедленно! Я потребую, чтобы вы получили строгое взыскание! Отпустите, я говорю!

Он яростно отбивался от своих мучителей.

— Ну, если ты вздумал упрямиться, сделай милость, отправляйся куда хочешь, — сказали студенты, отпуская его. — И без тебя отлично обойдемся.

— Я вас обоих знаю! Вы мне за это поплатитесь! — кричал фон Хартмани вне себя от гнева. Он вновь направился к своему, как он полагал, дому, очень рассерженный происшедшими с ним в пути эпизодами.

¹ Черт побери! (нем.).

² Отец небесный! (нем.).

Мадам фон Баумгартен поглядывала в окно, недоумевая, почему муж запаздывает к обеду, и была весьма поражена, увидев шествующего по дороге студента. Как было замечено выше, она питала к нему сильную антипатию, и если молодой человек осмеливался заходить к ним в дом, то лишь с молчаливого согласия и под эгидой профессора. Она удивилась еще больше, когда Фриц вошел в садовую калитку и зашагал дальше с видом хозяина дома. С трудом веря своим глазам, она поспешила к двери — материнский инстинкт заставил ее насторожиться. Из окна комнаты наверху прелестная Элиза также наблюдала отважное шествие своего возлюбленного, и сердце ее билось учащенно от гордости и страха.

— Добрый день, сударь, — приветствовала мадам фон Баумгартен незваного гостя у входа, приняв величественную позу.

— День и в самом деле неплохой, — ответил ей Фриц. — Ну что же ты стоишь в позе статуи Юноны? Пошевеливайся, Марта, скорее подавай обед. Я буквально умираю с голоду.

— Марта?! Обед?! — воскликнула пораженная мадам фон Баумгартен, отшатнувшись.

— Ну да, обед, именно обед! — завопил фон Хартманн, раздражаясь все больше. — Что такого особенного в этом требовании, если человек целый день не был дома? Я буду ждать в столовой. Подавай, что есть — все сойдет. Ветчину, сосиски, компот — все, что найдется в доме. Ну вот! А ты все стоишь и смотришь на меня. Послушай, Марта, ты сдвинешься с места или нет?

Это последнее обращение, сопровождаемое настоящим воплем ярости, возымело на почтенную профессоршу столь сильное действие, что она стремглав промчалась через весь коридор, затем через кухню и, бросившись в кладовку, заперлась там и закатила бурную истерику. Фон Хартманн тем временем вошел в столовую и растянулся на диване, пребывая в том же отменно дурном настроении.

— Элиза! — закричал он сердито. — Элиза! Куда девалась эта девчонка? Элиза!

Призванная таким нелюбезным образом, юная фрейлейн робко спустилась в столовую и предстала перед своим возлюбленным.

— Дорогой! — воскликнула она, обвивая его шею руками. — Я знаю, ты все это сделал ради меня! Это уловка, чтобы меня увидеть!

Вне себя от этой новой напасти фон Хартманн на минуту онемел и только сверкал глазами и сжимал кулаки, барахтаясь в объятиях Элизы. Когда он наконец снова обрел дар речи, Элиза услышала такой взрыв возмущения, что отступила назад и, оцепенев от страха, упала в кресло.

— Сегодня самый ужасный день в моей жизни! — кричал фон Хартманн, топая ногами. — Опыт мой провалился, фон Альтхаус нанес мне оскорбление. Два студента силой волокли меня по дороге. Жена чуть не падает в обморок, когда я прошу ее подать обед, а дочь бросается на меня и душит, словно медведь.

— Ты болен, дорогой мой! — воскликнула фрейлейн. — У тебя помутился разум. Ты даже ни разу не поцеловал меня...

— Да? И не собираюсь! — отвечал фон Хартманн решительно. — Стыдись! Лучше пойди и принеси мне мои шлепанцы да помоги матери накрыть на стол.

— Ради чего я так страстно любила тебя целых десять месяцев? — плакала Элиза, уткнувшись лицом в носовой платок. — Ради чего терпела маменькин гнев? О, ты разбил мне сердце — да, да!

И она истерически зарыдала.

— Нет, больше терпеть это я не желаю! — заорал фон Хартманн, окончательно рассвирепев. — Что это значит, девчонка, черт тебя подери? Что такое я сделал десять месяцев назад, что внушил тебе столь необыкновенную любовь? Если ты действительно меня так любишь, пойди скорее и разыщи ветчину и хлеб, вместо того чтобы болтать тут всякий вздор.

— О дорогой, дорогой мой! — рыдала несчастная девица, бросаясь к тому, кого почитала своим возлюбленным. — Ты просто шутишь, чтобы напугать свою маленькую Элизу!

Все это время фон Хартманн опирался о валик дивана, который, как большая часть немецкой мебели, был в несколько расшатанном состоянии. Именно у этого края дивана стоял аквариум, полный воды: профессор проделывал какие-то опыты с рыбьей икрой и держал аквариум в гостиной ради сохранения ровной температуры воды. От дополнительного веса девицы, слишком бурно кинувшейся на шею фон Хартманна, ненадежный диван рухнул, и несчастный студент упал прямо в аквариум: голова его и плечи застряли, а нижние конечности беспомощно болтались в воздухе. Терпению фон Хартманна пришел конец.

Еле высвободившись, он испустил нечленораздельный вопль ярости и ринулся вон из комнаты, невзирая на мольбы Элизы. Схватив шляпу, промокший, растрепанный, он помчался прямо в город с намерением разыскать какой-нибудь трактир и обрести там покой и пищу, в которых ему было отказано дома.

Когда дух фон Баумгартена, заключенный в тело Хартманна, мрачно размышляя о многочисленных обидах, продвигался по извилистой дороге, ведущей в город он заметил, что к нему приближается престарелый человек, находящийся, по-видимому, в крайней степени опьянения. Фон Хартманн остановился и наблюдал, как тот бредет, спотыкаясь, качаясь из стороны в сторону и распевая студенческую песню хриплым, пьяным голосом. Сперва интерес фон Хартманна был вызван лишь тем, что человек, с виду весьма почтенный, допустил себя до столь позорного состояния, но по мере того, как тот подходил ближе, фон Хартманн ощутил уверенность, что где-то видел старика, однако не мог вспомнить, где и когда именно. Уверенность эта все более крепла, и, когда незнакомец поравнялся с ним, фон Хартманн подошел к нему и стал внимательно всматриваться в его лицо.

— Эй, сынок, — заговорил пьяный, едва держась на ногах и оглядывая фон Хартманна. — Где, черт возьми, я тебя видел? Знаю тебя преотлично, прямо как самого себя. Кто ты такой, дьявол тебя заберит?

— Я профессор фон Баумгартен, — отвечал студент. — Могу я спросить: кто вы такой? Ваша внешность мне как-то странно знакома.

— Молодой человек, никогда не нужно врать, — последовал ответ. — Уж, конечно, сударь, вы не профессор — того я знаю, — старый чванливый урод, а вы здоровенный широкоплечий молодчик. А я, Фриц фон Хартманн, к вашим услугам.

— Это ложь! — воскликнул фон Хартманн. — Вы скорее могли бы быть моим отцом. Но позвольте, сударь, известно ли вам, что на вас мои запонки и часовая цепочка?

— Donnerwetter, — икнул пьяный. — Пусть я вовек не возьму в рот ни капли пива, если брюки на вас не те самые, за которые портной собирается подать на меня в суд.

Тут фон Хартманн, совершенно сбитый с толку странными происшествиями дня, провел рукой по лбу и, опустив глаза, случайно заметил свое отражение в луже, оставшейся после дождя на дороге. К полному своему

изумлению, он увидел молодое лицо, франтоватый студенческий костюм и понял, что внешне он являет собой полную противоположность той почтенной фигуре ученого, к которой привыкла его духовная сущность. В одно мгновение острый ум фон Баумгартена пробежал через всю цепь последних событий и сделал вывод. Это был удар, и несчастный профессор пошатнулся.

— Himmel! — воскликнул он. — Теперь я все понял! Наши души попали не в предназначенные им тела. Я — это вы, а вы — это я. Моя теория оправдалась. Но как дорого это обошлось. Может ли самый образованный ум во всей Европе помещаться в столь фривольной оболочке? О Боже, погибли труды целой жизни! — И в отчаянии он стал бить себя кулаками в грудь.

— Послушайте-ка, — сказал настоящий фон Хартманн. — Я вас понимаю, все это действительно очень серьезно. Но вы обращаетесь с моим телом слишком бесцеремонно. Вы получили его в превосходном состоянии. Но уже успели, как я вижу, и расцарапать его и где-то промокли. И засыпали пластрон моей рубашки нюхательным табаком.

— Ах, это не имеет большого значения, — сказал дух профессора утрумо. — Каковы мы есть, такими нам и суждено остаться. Справедливость моей теории блистательно доказана, но какой ужасной ценой!

— Действительно, это было бы ужасно, если бы я разделял ваше мнение, — произнес дух студента. — Что бы я стал делать с этими старыми негнушимися руками и ногами, как бы я ухаживал за Элизой, как смог бы убедить ее, что я не ее отец? Нет, благодарение Богу, хоть пиво и помутило мне голову так, как еще ни разу не случалось, когда я был самим собой, все же я не совсем потерял голову. Я вижу выход.

— Какой? — едва выговорил от волнения профессор.

— Надо повторить эксперимент, вот и все! Высвободите снова наши души, и, как знать, может, они на этот раз вернутся, каждая куда ей полагается.

Не так утопающий хватается за соломинку, как дух фон Баумгартена ухватился за эту идею. С лихорадочной поспешностью он повлек фон Хартманна к обочине дороги и тут же его усыпил и затем, вынув из кармана свой хрустальный шарик, проделал то же самое и с собой.

Несколько студентов и окрестных крестьян, случайно проходивших мимо, были весьма озадачены, увидев достойного профессора физиологии и его любимого ученика, сидящих на обочине грязной дороги в бессознательном состоянии. Не прошло и часа, как собралась целая толпа, и уже начали поговаривать, не послать ли за санитарной повозкой и отвезти их в больницу; но тут ученый муж открыл вдруг глаза и обвел присутствующих мутным взглядом. В первое мгновение он, очевидно, не мог вспомнить, как сюда попал, но потом поразил собравшихся, воздев тощие руки над головой и закричав восторженно:

— Gott sei gedanket!¹ Я опять стал самим собой! Я это ясно чувствую!

Изумление толпы возросло, когда студент, вскочив на ноги, разразился таким же бурным выражением восторга. Затем и тот и другой исполнили прямо на дороге нечто вроде *pas de joie*².

Некоторое время спустя после этого эпизода многие сомневались, в здравом ли рассудке оба его действующих лица. Когда профессор опубликовал все эти факты в «Медицинском еженедельнике Кайнплатца», как это было им обещано, даже его коллеги стали намекать, что ему не мешало бы немного подлечиться и что еще одна подобная статья, несомненно, приведет его прямо в сумасшедший дом. Студент, на собственном опыте убедившись, что благоразумнее помалкивать, не слишком распространялся обо всей этой истории.

Когда почтенный профессор вернулся в тот вечер домой, его ждал не слишком сердечный прием, на что он мог бы рассчитывать после стольких злоключений. Напротив, обе дамы как следует, отчитали его за то, что от него пахнет вином и табаком, и за то, что он где-то разгуливал в то время, как молодой шалопай ворвался в дом и оскорбил хозяек. Прошло немало времени, пока домашняя атмосфера семьи фон Баумгартена обрела свое обычное состояние, и понадобилось еще больше времени, прежде чем веселая физиономия фон Хартманна вновь стала появляться в доме профессора. Настойчивость, однако, побеждает все препятствия, и студенту удалось в конце концов

¹ Благодарение Богу! (нем.).

² Танец веселья (франц.).

умилостивить обеих разгневанных дам и восстановить прежнее положение в доме. А теперь у него уже нет никаких причин опасаться недоброжелательства фрау фон Баумгартен, ибо он стал капитаном императорских уланов, и его любящая жена Элиза успела подарить ему как вещественное доказательство своей любви двух маленьких уланчиков.

Тайна задернутого портрета

Обыкновенно утверждают, будто человек не способен общаться с так называемым Незримым Миром или созерцать что-либо сверхъестественное; но я, опираясь на собственный опыт, склонен сомневаться в истинности подобных утверждений.

Прошло около года после великого бенгальского мятежа, и я воротился домой в отпуск по болезни. Здоровье моё было серьёзно подорвано службой в Индии и тяготами, которые мы претерпели во время мятежа; ранение картечью, полученное под Лакнау сильно повлияло на мою нервную систему, в результате чего я стал замечать множество совершенно новых для себя вещей, причём настолько странных, что пока я не прочёл работу барона Рейхенбаха по магнетизму и кристаллизму, я, к своему ужасу, полагал, что схожу с ума. Я мог, например, чувствовать на себе влияние магнита, даже если тот находился за три комнаты от меня, а дважды в крошечной темноте — во всяком случае, так казалось гостям — видел, как моя комната начинает наполняться светом. Впрочем, барон считает, что тьма изначально пронизана светом и что если повысить восприимчивость глаз, то этот тончайший, находящийся на другой вибрационной частоте свет делается видимым для нас вместе со всем тем, что он объемлет.

Мне пришлось теперь признать существование в природе явления, которое барон именует «одическим светом», равно как и множества иных феноменов, описанных в «*Der Geist in der Natur*» Кристианом Эрштедом¹. Понимание этих вещей заставило меня взглянуть на окружающий мир совершенно иными глазами.

Вернёмся, однако, к моей истории.

После мятежа прошёл почти год. Армия возмездия, шедшая из Умбаллаха, жестоко отомстила туземцам за резню в Дели, Лакнау, Канпуре и других городах, а я,

¹ «Дух в Природе» — философско-мистическое сочинение Ганса Кристиана Эрштеда: Hans Christian Oersted, «*Der Geist in der Natur*», Muenchen, Literarisch-artistische Anstalt, 1850—1851. (Й. Р.)

совершенно опустошённый и обессиленный, или, говоря словами поговорки, «слабый словно дитя», очутился в Лондоне. Суматошная жизнь большой столицы оглушила и ошеломила меня; поэтому я с радостью принял радушное приглашение Сиднея Уоррена, одного из «наших», перешедшего впоследствии на штабную работу, провести несколько недель, а если угодно и месяцев, в Хёртсе, его имении. Жил Уоррен в прекрасном старинном замке эпохи Тюдоров, подъездная аллея вела в сторону дороги на Лондон. Эта аллея казалась огромной триумфальной аркой, созданной самой природой из величавого переплетения ветвей и густой листвы.

Как мог хозяин такого места, подумалось мне, по собственной воле перебраться в Индию, чтобы там задыхаться в казарме Дамдума или в покрытых тростником бараках Дели и Мирута?

Мой друг стремительно вышел мне навстречу.

— Как дела, дружище? Добро пожаловать в мои пены! — воскликнул он.

— Сидней, старина, привет!

И мы по-солдатски крепко пожали друг другу руки.

Я заметил, что Уоррен, с которым мы не виделись с самого начала мятежа, сильно изменился и что здоровье его тоже изрядно подорвано. Мне было известно, что во время резни в Мируте погибли его сын и жена, которых он безумно любил. Тем не менее, он принял меня сердечно, как и полагается старому другу и товарищу; нам было что вспомнить и обсудить, взять хотя бы наш полк, который уже ни одному из нас — а ему-то уж точно — не доведётся более увидеть: о нём мы могли говорить бесконечно.

Сиднею было уже за сорок, но выглядел он значительно старше своих лет. Его некогда тёмные волосы и чёрные, как смоль, усы, почти совсем поседели. Выражение лица было необычайно грустным, словно его снедала некая тайная печаль. Во взгляде сквозило что-то странное и отрешённое, и у меня возникло опасение, что Сиднею не суждено долго пребывать в этом мире. Между тем он прошёл сквозь пекло индийской войны, не получив даже царапины? Как это могло случиться?

За два дня, что я прожил в Хёртсе, Сидней уже успел показать мне все достопримечательности дома и его окрестностей: галерею, где висели портреты придворных в пышных рюшах и дам, являвших образцы мод разных времён: то длинные корсажи, то декольте; ознакомился я и с

коллекцией индийских древностей, собранных во время разграбления Дели; всего более заинтересовали меня рыцарские доспехи, разбитые и изрубленные ещё во времена войны Алой и Белой Розы, а также потрёпанный стяг, под которым уорреновский эскадрон сражался «за Бога и Короля» в битве при Нейсби.

Но одну вещь Сидней всё-таки мне не показал. Я заметил при этом, что всякий раз, как она попадалась ему на глаза, он вздрагивал, словно ужаленный. То была картина в его библиотеке, куда он наведывался весьма редко. Судя по размерам, эта картина могла быть портретом в полный рост, но она была плотно задёрнута зелёным сукном. Правила хорошего тона не позволяли мне говорить с другом на эту тему, но при первом же удобном случае я решил удовлетворить своё любопытство. Однажды, когда он отправился на конюшню, я отдернул покрывало с таинственной картины.

Она и впрямь оказалась портретом. На нём во весь рост была изображена очаровательная девушка, гордая, статная, в самом расцвете женской красоты. Черты лица правильные, классические, но смуглый цвет кожи, по-видимому, указывал на то, что она не англичанка, хотя вместе с тем красота её была чисто английского типа. Широкий, но невысокий лоб, тёмные, глубоко посаженные глаза, казалось, следившие за мною, чётко очерченные брови, довольно крупный подбородок свидетельствовали о решительном нраве — и вместе с тем нежные, чувственные губы; лицо обрамляли пышные, тёмные, волнистые волосы. Девушка была одета в зелёную амазонку, левой рукой она придерживала полу платья, а правой сжимала узду своего коня.

Женщина на портрете нисколько не походила на жену Сиднея; та, насколько я припоминаю, была невысокой блондинкой. Кто же была эта таинственная незнакомка? Не могу передать чувство, вызванное во мне портретом; но я вздрогнул и задёрнул покрывало с таким ощущением, словно кто-то или что-то невидимое мне, находится рядом со мной; я кинулся вон из полутёмной библиотеки на солнечный свет. Прекрасное лицо это — до сих пор помню каждую черту его — словно преследовало меня с какой-то неприятной, непостижимой настойчивостью. Впрочем, зрительные образы часто посещали меня.

«Здесь кроется какая-то тайна, — подумал я, — которую мне не суждено разгадать». Однако я ошибался. Как-то

в один из вечеров, а именно в воскресенье, 10 мая, в первую годовщину восстания в Мируте, после превосходного обеда и пары бутылок мозельского вина, а затем бренди со льдом (или «пауни», как мы по-прежнему предпочитали его называть), мы с Сиднеем возлегли на диванах в курительной комнате с «успокоительным зельем». Неожиданно Уоррен разоткровенничался, что, впрочем, нередко случается с нами в такие минуты, и пока он нещадно и горько упрекал себя в трагедии, виновником которой он стал, мне удалось мало-помалу вывести у него тайну задержанного портрета.

Примерно за десять лет до того, как я пишу эти строки, Сидней, служивший в то время в гвардии, промотал своё состояние и вконец запутался в долгах. Пока друзья пытались найти ему богатую невесту, он тайно женился на красивой, но бедной девушке, ничего не сказав родным. Вскоре случилось переукомплектование наших войск, он получил назначение в наш полк и должен был уехать в Индию. У молодой жены Сиднея здоровье в ту пору оказалось весьма расстроено, так что о путешествии по двум океанам нечего было и думать, да и врачи решительно возражали против подобного предприятия. Молодым предстояло на время расстаться, и минута отъезда, которая так страшила Констанцию, неумолимо приближалась.

Итак, наступил последний вечер, когда они вместе. Все вещи Сиднея, чемоданы, шпага и шлем, уложены в коробки и перенесены в прихожую. Восход солнца, по видимому, застанет мужа в сауттемптонском поезде; дом опустеет, и ей уже никогда не увидать ласковых карих глаз Сиднея!

— Ну вот, опять слезы! — слегка раздражённо проговорил он, нежно глядя тёмные, пышные волосы молодой жены. — Боже мой, Конни, и что ты так убиваешься? Ведь мы расстаёмся лишь на время.

— Как я могу быть в этом уверена? — воскликнула она. — Сидней, милый, мне так грустно. А ты ещё спрашиваешь почему! Мне не даёт покоя предчувствие, что над нами нависла беда.

— Предчувствие, Констанция! Не забивай себе голову такими глупостями.

— Если бы я не любила тебя, Сидней, стала бы я сейчас тревожиться?

— Это всё суеверие, дорогая. Я уеду — и тревога пройдёт.

Констанция нежно, с тоской посмотрела на него: час разлуки приближался, и она зарыдала.

— И много с тобой будет народу? — спросила она, превозмогая слезы.

— В каюте не очень, — беззаботно бросил он.

— А ты знаешь кого-нибудь?

— Да, там будет двое наших ребят из штаба.

— И женщины на пароходе будут? — помедлив, спросила она.

— Не знаю, Конни, дорогая. Какое мне до них дело?

— Я случайно слышала, что с вами едет... мисс Дэшвуд.

— Ну, может быть, и едет.

Она вздрогнула: говорили о связи мужа с этой записной кокеткой, но Констанция не заметила, как он покраснел; Сидней отвернулся, зажигая сигару. Итак, четыре, а то и шесть месяцев они с этой женщиной пробудут в море вдвоём.

Констанция слишком хорошо знала раздражительный нрав мужа и больше к этому разговору не возвращалась. Кроме того, она не желала, чтобы ревность отравила последние часы, которые им осталось провести вместе. Воцарилась тишина. Сидней стоял с угрюмым видом, прислонившись к камину и покручивая ус; а на лице его блуждало какое-то странное выражение. Тонкие пальчики Констанции коснулись его руки, и она прошептала:

— Сидней, милый, пожалуйста, прости, если я была сегодня скучной, грустной и такой... мрачной...

— Конечно, малютка, прощаю.

— Сидней, ведь ради тебя я готова умереть!

— Ну, будет, Конни, ты же знаешь, я не терплю сцен, — сказал он, игриво целуя её прекрасно-печальное личико; и бедняжке пришлось довольствоваться столь банальным выражением нежности.

Наступило утро, которого так боялась Констанция, настала минута расставания.

Чтобы заглушить шум отъезжающего экипажа, Констанция зарылась головой в подушки, разметав пышные тёмные волосы. Прошло несколько недель болезни и полнейшего одиночества. Констанция горела желанием вернуть себе здоровье и силы, чтобы наконец последовать за своим мужем через моря и океаны и вновь увидеть его. Но здоровье и силы вернулись, увы, весьма нескоро.

Она надеялась, что Сидней напишет ей перед отъездом из Сауттемптона — одной строчки хватило бы, чтоб успокоить её страждущее сердце; но он не написал ни слова, и Констанция решила, что у него не оказалось времени. А между тем, корабль целых три дня простоял в порту после того, как офицеры и солдаты поднялись на борт. Сидней обещал переслать письмо с первой оказией, и одно такое письмо, написанное на Асунсьоне, она действительно получила; но его холодный и беззаботный тон больно ранил чувствительную Констанцию; пара же ласковых слов, вписанных в него, явно звучала неискренне и фальшиво.

— Он пишет мне так... — прошептала Констанция, прижав к груди руку и чувствуя, как бешено колотится сердце. — А рядом с ним, быть может, эта женщина!

Она посмотрела на карту и увидела, как далеко-далеко в безбрежном океане затерян этот крошечный островок. Долгие месяцы прошли с той поры, как он побывал там; она знала, что теперь он должен быть уже в Индии, и надеялась, что наконец-то письма станут приходить регулярно. Но, увы, её чаяния не оправдались! Письмо, написанное ею в ответ, было длинным, нежным и страстным; она предлагала приехать в Индию, чтобы быть с ним, если он пришлёт денежный перевод. Но от Сиднея не было никаких вестей, и она невыразимо страдала, томясь в ожидании почтальона, а он так и не принёс ей ни одного письма!

И всё же Констанция не переставала писать, умоляя Сиднея ответить ей и уверяя, что по-прежнему любит его.

Мучительно тянулся год, целый год показавшийся ей вечностью!

— А если Сидней погиб? — со страхом спрашивала себя Констанция, хотя и знала, что родственники его (те даже не подозревали о её существовании) не носят траура: ведь, случись такая трагедия, они бы непременно ходили в трауре. По наивности, она даже не подумала обратиться в штаб конногвардейского полка, где могла бы многое узнать о своём муже, причём и такое, что она отнюдь не стремилась бы выяснить.

И вновь её мучили мысли о мисс Дэшвуд; в памяти то и дело всплывали сотни неприятных мелочей, приобретая реальные и осязаемые очертания. Но однажды ей случайно попался на глаза номер «Индия мэйл», и она узнала, что мисс Дэшвуд, её злой гений, вышла замуж за некоего

майора Мильтона. Кроме того, сообщалось, что полк Сиднея «находится в настоящее время на марше», но эта фраза представилась ей странной и непонятной.

Деньги кончились, а немногие друзья Констанции были не богаче её самой. Драгоценности — бесценные подарки Сиднея — пришлось продать в первую очередь. Такая же участь постигла мебель её уютного домика, а затем и сам домик с садом прекрасных роз. Пришлось переехать в скромную квартиру на улице победнее. И вскоре Констанция Уоррен поняла, что ей придётся жить, не рассчитывая на помощь мужа. В течение пяти — вообразите! — пяти долгих лет она вела отчаянную борьбу за существование.

Одной даме, отправлявшейся в Индию, «требовалась молодая женщина в качестве гувернантки и спутницы».

В Индию! В Индию! Констанция на коленях молилась, чтобы выбор пал на неё. И молитва её оказалась услышана: из сотни писем дама отобрала три, а из них отдала предпочтение письму Констанции. Констанция умолчала о своём браке, но о нём говорило обручальное кольцо, которого она, храня любовь к Сиднею, никогда не снимала. Пришлось сказать, что она вдова.

Наконец после долгого путешествия она оказалась вдали от Англии, в великолепном доме европейского квартала Калькутты — в настоящем дворце посреди города дворцов, выходящем на эспланаду перед фортом Вильям. Констанция присматривала за болезненной, но славной девочкой, дочерью хозяев.

Где-то через месяц после её приезда хозяева решили навестить своих родственников в Мируте, в городе, где, как знала Констанция, был расквартирован полк Сиднея! В этом совпадении ей почудилась рука судьбы. Как она обрадовалась! Там-то она узнает страшную тайну его судьбы, ибо к этому времени ей удалось выяснить, что его имя в полку не значит. Но сердце подсказывало, что его, возможно, перевели в какой-нибудь другой полк.

«Если он жив, то стоит ли он моей любви?» — спрашивала себя Констанция, но всякий раз отгоняла мрачные мысли. С великой радостью отправилась она в путешествие по Гангу на речных пароходах и лодках до Джехангирабада, откуда им предстояло проехать порядка пятидесяти миль до места назначения в дилижансе.

По дороге пришлось заботиться ещё и о маленьком мальчике, ехавшем к родителям в Мирут вместе со слу-

жанкой-индианкой. Мальчик был удивительно красив: ямочки на пухлых щеках, карие глаза, вьющиеся золотые волосы, весёлая обворожительная улыбка. Что-то в его лице привлекло внимание Констанции, сердце её невольно вздрогнуло. Где она видела эти глаза?

Констанция ласково обняла ребёнка, поцеловала его красивый открытый лоб, и тут её взгляд упал на кольцо, привязанное к его галстучку — простой синей ленте. На золотом кольце были выгравированы инициалы К. и С. и «узел верности» между ними. Это были инициалы её и мужа, Сидней никогда не снимал этого кольца. Констанция задрожала от волнения. Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица, и комната завертелась перед глазами. Всё же ей удалось совладать с собой, и она спросила:

— Дитя, позволь мне взглянуть на это кольцо!

Удивлённый мальчуган протянул ей свою безделку. Констанция осмотрела вещицу, и у неё не осталось и тени сомнения, что это то самое кольцо, которое она много лет назад так часто видела в Лондоне.

— Откуда оно у тебя?

— Это моего папы.

— Папы? А как тебя звать?

— Сидней.

— А дальше? — выдавила она из себя.

— Сидней Уоррен Мильтон.

— О, Господи! Но почему же тебя так называли? Здесь какая-то тайна, но она скоро раскроется. Где ты родился, малютка Сидней?

— В Калькутте.

— Сколько же тебе лет?

— На следующий год мне будет семь.

— Семь лет... Какое странное у тебя имя!

— Это папино имя, — гордо и чуть-чуть раздражённо ответил мальчуган.

— А где жил твой папа до того, как приехал в Калькутту?

— Не знаю... во многих местах — как все солдаты.

— Он солдат?

— Мой папа — майор Мильтон, и живёт в Мируте.

— Скоро я всё узнаю, — прошептала бедная Констанция, с ещё большей нежностью целуя мальчика.

Но приехав в Мирут, она заболела и на несколько дней слегла в постель, снедаемая слабостью и жаром. По ночам она не могла сомкнуть глаз, наблюдая за красными

светляками, вспыхивавшими за зелёными жалюзи, а днём её мучили странные, жуткие сны. У Констанции было лишь одно-единственное, жгучее желание — увидеть майора Мильтона и узнать от него о судьбе мужа. На пятый день, вечером 10 мая, она лежала на подушках, наблюдая, как лучи заходящего солнца падают на развалины мечетей и величественное надгробие Абу. В ту минуту, когда пушка крепости возвестила о заходе солнца, прислуга-индианка принесла визитную карточку, на которой было написано: «Майор Мильтон, штаб полка».

— Пусть майор войдёт! — проговорила Констанция упавшим голосом и дрожа от волнения: сейчас она узнает всё.

— Сюда, в спальню, мэм-сагиб? — удивилась индианка.

— Да... Скорей же!

Прислуга вышла, а Констанция, почувствовав прилив сил, соскочила с кровати, надела туфли, накинула на себя просторный кашемировый халат и села в бамбуковое кресло, трепеща от волнения. В зеркале напротив она увидела своё лицо, белое как мел. Дверь отворилась.

— Майор Мильтон, — послышался голос, заставивший её задрожать ещё сильнее. Одетый в полевую форму, со шлемом в руке, на пороге остановился её муж, который, казалось, не постарел ни на день. Он вздрогнул и застыл в замешательстве, точно вкопанный; ни на лице, ни во взгляде не изобразилось ничего, что хотя бы отдалённо походило на радость. Его облик был воплощением ужаса.

Годы промчались точно сон, и вот они снова вместе, эти двое, которых никакая человеческая сила так и не смогла разлучить. Нежность, печаль и упрёк на лице Констанции исчезли. Лицо её словно окаменело, глаза вспыхнули, полные губы сжались, а подбородок ещё сильнее прежнего выражал необычайную решимость.

— Ах, Констанция... Констанция, — с дрожью в голосе заговорил он. — Не знаю, что и сказать!

— Может быть, это и к лучшему, Сидней? — при одном только этом имени губы её задрожали. — Так ты и есть майор Мильтон, муж мисс Дэшвуд?

Наступила долгая пауза. Наконец Констанция сказала:

— Я не спрашиваю, почему ты так безжалостно бросил меня, но откуда взялось это имя — Мильтон?

— Я получил в наследство поместье. Оно так называется, и... Но ты, конечно, уже давно не любишь меня, Констанция?

— И ты же ещё смеешь говорить со мной таким укоризненным тоном?! — воскликнула она, и в глазах её сверкнула молния. Но затем, с мольбой обратив взор к небу, она прошептала — Боже мой! И это человек, ради которого я страдала все эти годы!

— Прости меня, Констанция! Ты теперь знаешь, что нет такого предательства, на которое не было бы способно сердце человеческое по своей слабости. И всё-таки я любил тебя, и любовь эта жива и доныне.

Констанция, ломая руки, спросила почти с былой нежностью:

— Так ты действительно когда-то любил меня, Сидней?

— Да, — ответил он и стал приближаться, но Констанция отпрянула от него.

— Тогда откуда в тебе такая жестокость?

— Не помню, кто написал: «Мы любим, полагая, что это и есть настоящее чувство, а потом вдруг встречаем другого человека, с которым, оказывается, действительно составляем целое, и тогда ничему уже нас не остановить».

— Какая отвратительная софистика! Но если у тебя нет сожаления, то, может быть, есть страх?

— Страх? О, да! Я боюсь, — дрогнувшим голосом ответил он. — И потому, Констанция, умоляю тебя, вспомни, что ты когда-то любила меня, пожалей... не меня, а моего мальчика и его бедную мать... не разбивай их счастья...

— И пожертвовать собственным? — глухо спросила она.

— Пожалей и не избочивай меня... ведь моё звание... моё положение здесь...

— Не я стану причиной твоих утрат, — ответила она всё слабеем голосом. — Но оставь меня... мне душно... темнеет в глазах. Прощай, Сидней... поцелуй за меня своего малыша...

Он хотел было взять её за руку, но она оттолкнула его последним отчаянным усилием и, вскинув руки, повалилась навзничь в кресло — в горле у неё что-то закатало, голова бессильно поникла, а рот приоткрылся.

— Боже!.. Она умерла! — воскликнул он. Однако к испугу примешивалось эгоистическое чувство удовлетворённости и облегчения от сознания вновь обрётённой свободы.

Казалось, даже кровь вольнее заструилась у него в жилах...

В крепости зазвонили, и этот звон, означавший, что уже девять часов, словно разбудил Сиднея.

— На помощь!.. Помогите! — закричал он, но никто не явился на его зов. Сидней бросился вон из комнаты и **вдруг** услышал грохот мушкетных выстрелов, крики и **стоны** — в Мируте началось восстание индийцев, а вместе с **ним** — нещадное избиение европейцев. Эта бойня не миновала и тех, кого он любил больше всего на свете: в **полночь** у него не осталось ни жены, ни ребёнка, а сам он **крался** по манговой роще в Карнаул, одинокий и убитый горем.

...

Пока я слушал рассказ своего друга Сиднея, часы на камине пробили девять, и он слабым голосом проговорил:

— В этот самый час, ровно двенадцать месяцев назад, мой мальчик и его мать были убиты. И произошло это в тот самый миг, когда умерла Констанция.

Только он произнёс эти слова, как в углу комнаты возникло странное белое сияние, и посреди него постепенно сделались ясно различимы две фигуры — маленький мальчик с золотыми кудрями и женщина, обнимавшая его левой рукой — красавица с точёными чертами лица, пышными волнистыми тёмными волосами, невысоким лбом, полными нежными губами, крупным подбородком и классическим бюстом — точь-в-точь женщина с портрета, задёрнутого покрывалом. Но только она, по всем признакам, была живой: грудь её вздымалась, движимая дыханием, во взгляде светилась небесная радость, и она улыбалась самой восхитительной и счастливой улыбкой. Вместо амазонки на ней было некое свободное белое одеяние, не поддающееся описанию. Лицо её излучало какой-то нездешний свет — преображение неземного восторга и великой любви.

— Констанция... Констанция и мой мальчик! — вскричал Сидней, но крик этот тут же перерос в его предсмертный вопль — и в ту же секунду белый свет и видение, с которого мы не сводили глаз, исчезли без следа!

Видение потрясло меня, сердце у меня бешено, до боли, забилося. Сознания я, правда, не потерял, но всё же прежде, чем я заметил, что включён свет и что на крик

моего друга в смятении сбежались слуги, прошло какое-то время. Они тщетно пытались привести Сиднея в чувство после случившегося с ним удара. Но он в себя так и не пришёл. Тяжёлое, хриплое дыхание его постепенно слабело и в конце концов затихло вовсе. Пришедший врач уже не застал его в живых.

Согласно медицинскому заключению, смерть Сиднея, столь же внезапная, как и смерть Констанции в ту полную событиями ночь, вызвана апоплексическим ударом. Но мне известно ещё и иное. С той поры последствия ранения на мою нервную систему почти изгладились, но я вынужден всё же согласиться с избитой фразой Гамлета: «есть многое на небе и земле, что и не снилось нашей школьной премудрости».

1895 г.

Вот как это было

Эта женщина обладала даром медиума. Вот что она записала однажды.

Некоторые события, которые произошли в тот вечер, я помню очень отчетливо; другие похожи на туманный прерванный сон. Вот почему трудно рассказать связно всю историю. Я не имею ни малейшего представления, что заставило меня тогда отправиться в Лондон и почему я вернулся так поздно. Все мои поездки в Лондон как бы слились в одну. Но, начиная с той минуты, когда я вышел из поезда на маленькой станции, я помню все чрезвычайно ясно. Мне кажется, я могу пережить все заново — каждое мгновение.

Хорошо помню, как шел по платформе и смотрел на освещенные часы в конце перрона; на них было половина двенадцатого. Помню, как прикидывал, успею ли до полуночи добраться домой. Помню большой автомобиль с сияющими фарами, сверкающий полированной медью. Он поджидал меня у станции. Это был мой новенький «Робур», в тридцать лошадиных сил. Его как раз доставили в тот день. Помню, я спросил моего шофера Перкинса, как машина, и он ответил: «Отлично!»

— Я поведу сам, — сказал я, забираясь на сиденье водителя.

— Тут передача работает по-другому, — ответил он. — Может, лучше мне сесть за руль?

— Нет, мне хочется испытать ее, — настаивал я.

И вот мы тронулись. До дома было пять миль.

Мой старый автомобиль имел обычный переключатель скорости, вделанный в углубление на панели. В новом автомобиле, чтобы увеличить скорость, нужно было нажать на рычаг, расположенный на специальном щите. Научиться этому было нетрудно, и вскоре я был уверен, что все понял. Конечно, глупо начинать осваивать новую машину в темноте, но ведь мы нередко совершаем глупости и далеко не всегда расплачиваемся за них сполна. Все шло хорошо до Клейстон Хилл. Это один из самых неприятных холмов в Англии, длиной полторы мили, с тремя крутыми

поворотами. Мой гараж расположен у самого подножья, а ворота выходят на Лондонское шоссе.

Едва мы миновали выступ этого холма, где самый крутой подъем, как начались неприятности. Я вел на предельной скорости и хотел сбросить газ, но переключатель вдруг заклинило между двумя скоростями. Я вынужден был опять прибавить газу. Мы мчались на бешеной скорости. Я рванул тормоза — один за другим они отказали. Это было еще полбеды: у меня оставался боковой тормоз. Но когда я всей тяжестью навалился на него, так, что лязгнула педаль, а результата не последовало, я покрылся холодным потом. В это время мы мчались вниз по склону. Ослепительно горели фары, и мне удалось проскочить первый поворот. Затем миновали и второй, хотя чуть не утодили в кювет. Оставалась всего миля по прямой и один поворот вниз, а там — ворота гаража. Если я смогу проскочить в это убежище — все в порядке: дорога к дому шла вверх, и машина сама остановится.

Перкинс вел себя безупречно; я хочу, чтобы об этом знали. Он был начеку и сохранял хладнокровие. Вначале я думал, не стоит ли круто повернуть и въехать на насыпь, но он как будто прочел мои мысли.

— Я бы не делал этого, сэр, — сказал он. — На такой скорости машина перевернется и придавит нас.

Конечно, Перкинс был прав. Он дотянулся до выключателя и повернул его. Машина шла теперь свободно. Но мы продолжали мчаться на бешеной скорости. Он схватился за руль.

— Я поведу, — крикнул он. — Прыгайте, не упускайте шанс. Нам не одолеть этот поворот. Лучше прыгайте, сэр.

— Нет, — ответил я. — Я буду держаться до конца. Прыгай, если хочешь. Перкинс.

— Я останусь с вами, — прокричал он.

Если бы это был мой старый автомобиль, я бы резко нажал назад переключатель скорости и посмотрел бы, что будет. Думаю, это сбило бы скорость или в моторе что-нибудь сломалось бы. По крайней мере, это был шанс. Но сейчас я был беспомощен. Перкинс пытался подползти и помочь мне, но что сделаешь на такой скорости! Колеса свистели, огромный корпус машины скрипел и стонал от напряжения. Но фары ослепительно сияли, и машиной можно было управлять с точностью до дюйма. Помню, я подумал, какое страшное и в то же время волшебное зрелище

мы представляем. Узкая дорога, и по ней мчится огромная, ревущая золотистая смерть...

Мы сделали поворот. Одно колесо поднялось над насыпью почти на три фута. Я думал, все кончено. Но, качавшись мгновение, машина выпрямилась и помчалась дальше. Это был третий, последний поворот. Оставались ворота гаража. Они были уже перед нами, но, к счастью, чуть сбоку. Ворота находились примерно в двадцати ярдах влево от шоссе, по которому мы ехали. Возможно, мне бы удалось проскочить, но, наверное, когда мы ехали по насыпи, рулевой механизм получил удар, и руль теперь поворачивался с трудом. Мы вынеслись на узкую дорожку. Слева я увидел раскрытую дверь гаража. Я изо всех сил крутанул руль. Мы с Перкинсом свалились друг на друга. В следующее мгновение, со скоростью пятьдесят миль в час, правое колесо ударилось что есть силы в ворота гаража. Раздался сильный треск. Я почувствовал, что лечу по воздуху, а потом... О, что было потом!

Когда сознание вернулось ко мне, я лежал среди каких-то кустов, в тени могучих дубов. Возле меня стоял человек. Вначале я подумал, что это Перкинс, но, взглянув снова, увидел, что это Стэнли — юноша, с которым я дружил, когда учился в колледже. Я всегда чувствовал к нему искреннюю привязанность.

Для меня в личности Стэнли было всегда что-то особенно приятное, и я гордился, что он симпатизировал мне. Я удивился, увидев его здесь, но я был как во сне, кружилась голова, я дрожал и воспринимал все, как должное, ни о чем не спрашивая.

— Ну и врезались! — воскликнул я. — Боже мой, как мы врезались! Он кивнул, и даже в темноте я увидел его мягкую, задумчивую улыбку. Так мог улыбаться только Стэнли.

Я не мог пошевелиться. Сказать честно, у меня и не было ни малейшего желания двигаться.

Но чувства мои были удивительно обострены. При свете движущихся фонарей я увидел останки автомобиля.

Я заметил кучку людей и услышал приглушенные голоса. Там стояли садовник с женой и еще один или два человека. Они не обращали на меня никакого внимания и суетились вокруг машины. Внезапно я услышал чей-то стон.

— Его придавило. Поднимайте осторожно! — закричал кто-то.

— Ничего, это только нога, — ответил другой голос, и я узнал Перкинса. — А где хозяин?

— Я здесь! — воскликнул я, но, похоже меня никто не услышал. Все склонились над кем-то, лежащим перед машиной.

Стэнли дотронулся до моего плеча, и это прикосновение было удивительно успокаивающим. Мне стало легко, и несмотря на все, что случилось, я почувствовал себя совершенно счастливым.

— Ну как, ничего не болит?

— Ничего, — ответил я.

— Это всегда так, — кивнул он.

И вдруг меня охватило изумление. Стэнли! Стэнли! Но ведь Стэнли умер от брюшного тифа в Блумфонтейне во время бурской войны! Это совершенно точно!

— Стэнли! — закричал я, и слова, казалось, застряли у меня в горле. — Стэнли, но ты ведь умер!

Он посмотрел на меня с той же знакомой мягкой улыбкой.

— И ты тоже, — ответил он.

ПАРАЗИТ

Повесть

24 -го марта. Вот и весна в разгаре.

Большой орешник, растущий перед окном моей лаборатории, покрылся набухшими почками, липкими и смолистыми, некоторые из них уже лопнули, и на их месте показались зелёные листочки.

Прогуливаясь по тропинкам, ощущаешь вокруг неудержимую работу могучих и молчаливых сил природы.

Влажная земля словно пахнет сочными плодами. Повсюду раскинулись зелёные ветви деревьев. Маленькие веточки распрямились от переполнившего их сока, и влажный, тяжёлый воздух Англии пронизан тонким ароматом смолы.

Над изгородами — почки, за изгородами — ягнята. Повсюду зарождается жизнь.

Внешнюю её сторону я вижу, а внутреннюю ощущаю.

У нас тоже есть своя весна, когда маленькие артерии наши расширяются, жизненные силы, точно вешние соки, бьют через край, а железы с удвоенной силой трудятся над выработкой этих соков и их очисткой.

Все годы нашей жизни природа неустанно занимается починкой механизма человеческого тела.

В этот самый миг я ощущаю в себе брожение крови и готов порхать словно мошка в освежающем луче, который заходящее солнце шлёт мне через окно.

Ещё немного и я бы пустился в пляс, меня удержало лишь опасение, что Чарльз Сэдлер примчится снизу взглянуть, что тут такое творится.

Нет, мне не следует всё-таки забывать, что я — профессор Джилрой.

Какой-нибудь убелённый сединами профессор может позволить себе роскошь быть естественным, но если фортуна дала одну из первых кафедр университета человеку сорока трёх лет, то ему приходится прикладывать усилия, чтобы быть на высоте положения.

Славный малый этот Вильсон.

Если бы только я мог вложить в физиологию столько энтузиазма, сколько он — в свою психологию, я давно бы стал по меньшей мере вторым Клодом Бернаром.

Все свои жизненные и душевные силы он направляет к одной заветной цели. Засыпая, он перебирает в уме результаты, полученные за день, а просыпаясь, намечает план исследований на начавшийся день.

И тем не менее, не считая весьма ограниченного круга знакомых, о Вильсоне и его работе мало кто знает.

Физиология же наука признанная. Если мне удаётся внести в неё хоть какую-то лепту, то все это видят и приветствуют мой успех.

Но Вильсону до всего этого нет дела: он стремится заложить фундамент будущей науки. Вся работа его проходит как бы под землёй и остаётся невидимой окружающим.

И всё же он без жалоб делает своё дело. И переписывается с сотнею других таких же одержимых.

В надежде найти хоть одно достоверное свидетельство, он тщательно изучает десятки и десятки научных подлогов, и в результате случай позволяет ему найти лишь ничтожную песчинку истины. Он роется в старых книгах и «глотает» новые. Ставит опыты, читает лекции. И всеми силами стремится разжечь в других страсть, снедающую его самого.

Я преисполнен удивления и восхищения, когда думаю о нём, и всё-таки, когда он предлагает мне присоединиться к его исследованиям, я всякий раз вынужден объяснять, что в нынешнем своём состоянии они мало привлекательны для человека, решившего посвятить себя точной науке.

Покажи Вильсон мне что-нибудь положительное, что-нибудь действительно объективное, я, быть может, и заинтересовался сим предметом не на шутку и углубился бы в него столь же рьяно, как сейчас углублён в физиологию.

Но, поскольку половина его субъектов запятнала себя шарлатанством и фиглярством, а другая оказалась подвержена истерии, то нам, физиологам, сегодня ничего иного не остаётся, как заниматься телом, а исследование души предоставить нашим потомкам.

Несомненно, я материалист. Агата даже утверждает, что я чудовищный материалист. А я ей отвечаю: это ли не прекрасный повод поскорее перейти от нашей помолвки к свадьбе; мне очень не хватает духовной поддержки, и я

думаю, что, при всём моём материализме, Агата бы мне сильно помогла.

И тем не менее я могу сойти за курьёзный пример того влияния, какое образование оказывает на наш темперамент, ибо, если только я не строю иллюзий на собственный счёт, то я по природе человек чрезвычайно психичный, т. е. на мне легко проводить исследования в психической области.

Я был весьма беспокойным, впечатлительным ребёнком, предавался мечтам, был подвержен сомнамбулизму, полон предчувствий.

Чёрные волосы, тёмные глаза, худое и смутное лицо, точёные пальцы — всё это характеризует мой темперамент; не случайно такой знаток физиогномики, как Вильсон, проявляет ко мне необычайный интерес и подспудно принимает меня за своего.

Но мой мозг словно пропитан точной наукой. Я привык признавать лишь факты и то, что поддержано доказательствами. В моём мышлении нет места предположению и вымыслу.

Покажите мне объект, который я могу наблюдать в микроскоп, разрезать скальпелем и взвесить на весах — я всю жизнь посвящу его изучению. Но если вы предложите мне взять в качестве объекта исследования чувства, впечатления, внушения, то вы тем предложите мне заняться делом для меня весьма неприятным, к которому я питаю искреннее отвращение.

Отход от чистого разума раздражает меня точно так же, как скверный запах или неблагозвучная музыка.

Вот почему я сейчас всячески оттягиваю свой вечерний визит к Вильсону.

Однако, похоже, невозможно уклониться от приглашения — это будет слишком невежливо, и теперь, когда туда идут госпожа Марден и Агата, я не могу не пойти, даже если б мне и удалось отказаться.

И всё же, я бы предпочёл встретиться с ними в каком-нибудь ином месте, неважно где.

Я знаю, что Вильсон опять попытается заманить меня, насколько то в его силах, в туманную полунауку, которую он культивирует. Энтузиазм делает его равно недоступным как неодобрительным мнениям, так и предостережениям.

Только серьёзная ссора сможет дать ему представление о том отвращении, какое во мне вызывают психические исследования.

Совершенно уверен, что у него будет какой-нибудь новый месмерист, или ясновидец, какой-то медиум или выделяватель фокусов, который опять обведёт нас вокруг пальца.

Всё это, разумеется, весьма неприятно, но, во всяком случае, для Агаты это будет настоящий праздник. Такие вещи её весьма интересуют, поскольку женщины вообще увлекает всё непонятное, таинственное, неопределённое.

10 часов вечера. Привычка вести дневник протекает, как мне кажется, от научного склада моего ума, о чём я писал сегодня утром.

Люблю записывать впечатления, пока они ещё совсем свежи в памяти.

По меньшей мере раз на дню я тем самым стремлюсь определить и проанализировать состояние своего ума.

Такая практика весьма полезна для самоанализа, и я склонен думать, что это придаёт твёрдости характеру.

А мой — должен честно признаться — весьма нуждается в том, чтобы я делал всё возможное для его укрепления. Я опасаясь, как бы однажды мой невротический темперамент не взял верх и я не оказался бы тогда вдали от той холодной и спокойной точности, что так выгодно отличает Мэрдока или Пратт-Голдейна.

Ведь если бы не этот мой темперамент, едва ли несообразные выходки, свидетелем коих я был сегодня вечером, расстроили бы мои нервы настолько, чтобы довести меня до потрясения.

Единственное, что меня несколько утешает, так это то, что ни Вильсон, ни мисс Пенелоса, ни даже Агата не могли ничего заподозрить о моей слабости.

А что, в самом деле, меня так разволновало? Да ничто, сущий пустяк, вызывающий у меня сейчас улыбку, когда я пишу об этом. Агата с матерью пришли раньше меня. Я действительно явился позже всех и застал в комнате уже множество гостей.

Едва я успел перемолвиться словом с госпожой Марден и Агатой — она была очаровательна в своём красном белом туалете с блестящими колосками-заколками в волосах — подошёл Вильсон и потянул меня за рукав.

— Вам требовалось нечто положительное, Джилрой, — объявил он, увлекая меня в угол. — Так вот! дорогой друг, у меня здесь феномен, настоящий феномен!

Могло ли это произвести на меня большое впечатление, если я прежде не раз слышал от него подобные заверения? В своём энтузиазме Вильсон готов превратить светляка в звезду.

— На сей раз, дорогой мой, сомнения в достоверности исключаются, — заявил он, быть может, отвечая на ироничное выражение, промелькнувшее в моем взгляде. — Моя супруга знакома с нашим феноменом уже давно. Они обе, знаешь ли, из Тринидада. Мисс Пенелоса в Англии всего лишь пару месяцев, никого за пределами университетского кружка не знает, но уверяю тебя: сказанного ею уже вполне достаточно, чтобы установить её способность к ясновидению на самой научной основе. Она не имеет равных ни среди любителей, ни среди профессионалов. Пойдём, я тебя представлю.

Я не жалею профессиональных торговцев тайнами, а любители такого рода меня ещё менее прельщают.

Одно дело, когда вы находитесь в присутствии платного исполнителя. Тогда вы хотя бы можете подскокить к нему и тут же разоблачить, коль скоро вы поняли, в чём собственно состоит его трюк. Он пришёл сюда, чтобы обмануть вас, а вы — чтобы уличить его.

Но что вы можете сделать, когда перед вами подруга хозяйки дома? Разве станете вы неожиданно включать свет, чтобы все удостоверились, как она в темноте манипулирует своими хитроумными орудиями? Или, быть может, вы станете брызгать краской ей на вечернее платье, пока она воровато бежит по комнате, перемещая свою светящуюся склянку и проделывая всякие плоские фокусы, являющиеся якобы проявлением потусторонних сил?

Получится конфуз, а вас сочтут невежей. Невелик же выбор ролей, отведённых вам при подобном сценарии: либо вы невежа, либо простофиля!

А потому я был не в очень-то хорошем расположении духа, когда в сопровождении Вильсона шёл знакомиться с этой дамой.

По ней никак нельзя было сказать, что она из Вест-Индии. Маленькая, хрупкая, ей, думаю, может быть, уже за сорок, лицо худое и заострённое, волосы каштанового цвета. Наружность её в высшей степени непримечательна, а манеры весьма сдержанны. Окажись она среди десятка

других женщин, она бы в последнюю очередь привлекла к себе ваше внимание.

Несомненно, самым примечательным в ней были глаза, но надо сказать, что и они далеко не привлекательная часть её физиономии: серые, немного зеленоватые, общее их выражение произвело на меня впечатление неискренности.

Да нет, неискренность, пожалуй, даже не то слово. Жестокость — вот что, наверное, всего более подходит. Хотя нет, и это не то. Во взгляде мисс Пенелосы было что-то кошачье, коварное. Костыль, прислонённый тут же к стене, сообщил мне о ещё одной неприятной особенности её облика, и, когда она встала, я увидел, что она действительно сильно хромает на одну ногу.

Итак, я был представлен мисс Пенелосе, и от меня не укрылось, что, когда Вильсон произнёс моё имя, она бросила взгляд в сторону Агаты.

Значит, Вильсон ей уже всё рассказал.

Конечно, подумалось мне, она сейчас сообщит, что ей оккультным образом известно, будто я обручён с одной молодой особой, у которой хлебные колоски в волосах. Интересно бы знать, как много Вильсон рассказал ей обо мне.

— Профессор Джилрой — страшный скептик, — заметил он. — Надеюсь, мисс Пенелоса, Вам удастся его убедить.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Профессор Джилрой совершенно прав, предпочитая оставаться скептиком, раз уж ему не было предъявлено ничего убедительного. Но мне, между прочим, кажется, — сказала она, обращаясь ко мне, — что вы и сами могли бы быть превосходным медиумом.

— Почему вы так считаете, позвольте вас спросить?

— Ну, например, по причине месмеризма.

— Опыт, однако, показал мне, что месмеристы берут в качестве субъектов лиц с повредившимся рассудком. И я полагаю, что все результаты, достигнутые ими, искажены тем обстоятельством, что они имеют дело с ненормальными организмами.

— Тогда скажите мне, какая из этих дам обладает нормальным организмом, по вашему мнению? — спросила она. — Я хотела бы, чтобы вы сами выбрали того человека, которого полагаете наиболее уравновешенным. Возьмём,

например, девушку в красно-белом туалете, мисс Агату Марден. Так её, кажется, зовут?

— Да, я придал бы определённую значимость результатам, достигнутым с её помощью.

— Я, разумеется, не могла проверить, до какой степени она впечатлительна. Совершенно естественно, что некоторые люди реагируют значительно быстрее других. Могу ли я спросить, до каких пределов простирается ваш скептицизм? Надеюсь, вы допускаете реальность месмерического сна и силы внушения?

— Я ничего не допускаю, мисс Пенелоса.

— Ах, Боже мой! я-то полагала науку более продвинутой. Разумеется, я ничего не смыслю в научной стороне дела. Я знаю только то, что могу сделать сама. Вот видите там девушку в красном платье, возле японской вазы. Сейчас я сделаю так, что она подойдёт к нам.

Говоря это, она наклонилась и уронила веер.

Девушка обернулась и направилась в нашу сторону с вопросительным видом, как если бы её кто позвал.

— Ну, что ты на это скажешь, Джилрой? — восторженно воскликнул Вильсон.

Я не рискнул высказать, что я об этом думаю. На мой взгляд, всё это было полнейшим бесстыдством, самым бессовестным обманом, какой мне когда-либо доводилось видеть.

Наличие сговора и сигнал не то что не вызывали сомнений, но просто бросались в глаза.

— Профессор Джилрой, как видно, не удовлетворён, — прокомментировала она, буквально впиваясь в меня своими странными прищуренными глазами. — Вся заслуга этого опыта досталась моему вееру. Ну, хорошо. Попробуем что-нибудь ещё. Мисс Марден, вы не будете иметь ничего против, если я вас усыплю?

— О, несколько. Напротив, мне было бы интересно, — с готовностью ответила Агата.

В эту минуту нас обступили собравшиеся. Мужчины с белыми манишками, женщины с декольтированной белоснежной грудью. На одних лицах было ожидание чуда, другие же выражали лишь полное внимание: казалось, сейчас произойдёт нечто, схожее одновременно с религиозной церемонией и с представлением, даваемым магом-волшебником.

На середину комнаты выдвинули кресло красного бархата. Агата расположилась в нём, зардевшись и слегка

дрожа при мысли об эксперименте, насколько я мог судить по колеблющимся колоскам в волосах.

Мисс Пенелоса встала со стула и склонилась над ней, опершись на свой костыль.

И вдруг эта женщина преобразилась. От её нерешительности и даже, как казалось, низкого роста не осталось и следа.

Она словно выросла на несколько дюймов и помолодела лет на двадцать.

Глаза заблестели, на блеклых щеках заиграл румянец. Лицо стало юным.

Произошло то же, что происходит со скучающим и рассеянным молодым человеком: стоит ему предложить дело, в котором он может показать свои силы, — и он тотчас загорается, в глазах азарт, задор.

Мисс Пенелоса бросила на Агату такой взгляд, который ранил меня до глубины души.

Точно так римская императрица смотрит на рабыню, стоящую перед ней на коленях.

Затем резким и повелительным жестом она вскинула руки и начала медленно опускать их перед Агатой.

Я внимательно следил за Агатой. Первые три пасса, казалось, лишь позабавили её. Но при четвёртом я заметил некоторое остекленение взгляда и незначительное расширение зрачков.

При шестом возникла временная ригидность.

При седьмом веки начали опускаться.

При десятом глаза застыли. Дыхание сделалось медленнее и громче обычного.

Наблюдая происходящее, я силился сохранить своё научное хладнокровие, но вместо этого ощущал себя во власти какого-то беспричинного и лихорадочного волнения.

Надеюсь, мне удалось хотя бы не подать вида, но я испытывал то же, что ребёнок, попавший в темноту.

Никогда бы не подумал, что могу ещё быть подвержен подобной слабости.

— Она в глубоком трансе, — возвестила мисс Пенелоса.

— Она всего лишь спит! — воскликнул я.

— Ну что же, разбудите её.

Я тряс Агату за руку, кричал ей в ухо.

Но тщетно, с тем же успехом я мог бы кричать мертвецу.

Тело Агаты покоилось на мягком сиденье. Организм был в целости и сохранности; работа лёгких и сердца не прекращалась. Но душа? Она как будто ускользнула в потусторонний мир. Что с нею случилось? Какая сила изгнала её?

Я был заинтригован и повергнут в замешательство.

— Извольте удостовериться: месмерический сон, который игнорирует наука, — объявила мисс Пенелоса. — Что до внушения, то всё, что я сейчас скажу мисс Марден, она непременно исполнит либо сейчас, либо по пробуждении. Вы просите доказательств этому?

— Разумеется, — ответил я.

— Что ж, вы их получите.

На лице у неё мелькнула улыбка, как будто мисс Пенелосе пришла на ум забавная идея.

Она наклонилась и с самым серьёзным видом прошептала что-то на ухо мисс Марден.

Агата, бывшая столь безучастной к моим призывам, кивнула в знак согласия.

— Проснитесь! — воскликнула мисс Пенелоса, с силой ударив костылём в пол.

Веки дрогнули и поднялись, взгляд мало-помалу принял осмысленное выражение; душа проглянула в нём, точно после мимолётного затмения.

Мы ушли рано.

Пережитое, казалось, не произвело на Агату никакого впечатления; что до меня, то я нервничал и был совершенно расстроен. Я даже оказался не в состоянии понять поток комментариев, который обрушил на меня Вильсон, и ничего ему не ответил.

Когда же я прощался с мисс Пенелосой, она вложила мне в руку какую-то бумажку.

— Прошу вас, не взыщите, — сказала она, — если я принимаю меры предосторожности, чтобы одолеть ваш скептицизм. Вскройте это письмо завтра, но не раньше десяти утра. Думаю, что подобный способ личного контроля покажется вам убедительным.

Ума не приложу, что она имеет в виду, но я исполню её просьбу — прочту записку в указанное время.

Сильно болит голова, обрываю записи, на сегодня достаточно.

Завтра, я уверен, всё, что сейчас выглядит необъяснимым, предстанет совершенно в ином свете.

Я не откажусь от своих убеждений без боя.

25-го марта. Ошеломлён, потрясён.

Ясное дело, я должен ещё раз подумать: не ошибочно ли моё мнение о месмеризме.

Но прежде всего расскажу, что же всё-таки произошло.

Я кончил завтракать и принялся рассмаривать диаграммы, с помощью которых надеюсь придать ясности моему сегодняшнему уроку, когда вошла гувернантка и сказала, что Агата ждёт в моём кабинете и что ей необходимо немедленно меня видеть.

Я взглянул на часы и с недоумением увидел, что всего лишь половина десятого.

Когда я вошёл в комнату, Агата стояла перед камином, лицом ко мне.

В её осанке было что-то такое, что повергло меня в крайнее замешательство, и слова приветствия замерли у меня на губах.

Буаль на лице моей невесты была приспущена, но я видел, что Агата бледна и ей не по себе.

— Остин, — сказала она. — Я пришла сообщить вам, что наша помолвка расторгнута.

У меня потемнело в глазах, я почувствовал обморочную слабость — и вынужден был прислониться к книжному шкафу.

— Но позвольте... — залепетал я. — Агата, ваше решение несколько поспешно.

— Да, Остин. Я пришла сказать вам, что наша помолвка расторгнута.

— Да нет же! — воскликнул я. — Извольте объяснить. Право, это так на вас не похоже, Агата. Скажите, неужели я имел несчастье оскорбить вас?

— Всё кончено, Остин.

— Но почему, Агата? Вас, должно быть, ввели в заблуждение. Вам, наверное, рассказали обо мне какую-то гнусную ложь? Или вы неверно истолковали мои слова. Скажите, в чём моя вина? В чём, собственно, дело? Одно-го вашего слова хватит, чтобы всё исправить!

— Считайте, что я освобождаю вас от обязательств.

— Но вчера вечером, когда мы расстались, между нами не было и тени недоразумения. Что могло произойти за это время? Отчего вы так переменились? Это, верно, произошло вчера вечером. Вы вспомнили о чём-то и не одобрили моего поступка. Уж не моё ли отношение к месмеризму тому причина? Вы рассердились на меня за то,

что я позволил этой женщине проводить с вами дурацкий опыт? Но вы же знаете, что при малейшем признаке вашего неудовольствия я бы немедленно вмешался?

— Не к чему говорить об этом, Остин. Между нами всё кончено.

Голос Агаты был какой-то невыразительный, в тоне не чувствовалось убеждённости. Во всей осанке сквозило что-то неуловимо принуждённое и неестественное.

Тем не менее было ясно, что Агата решительно не желает вдаваться в какие-либо объяснения и устраивать сцены.

Не так однако было со мной. Я буквально дрожал от возбуждения, пришлось даже отвернуться. Мне было стыдно показать Агате, что я до такой степени утратил контроль над собой.

— Вы должны знать, что это для меня значит! — воскликнул я. — Это крушение моих надежд. Вы одним махом взяли и разрушили мою жизнь! Надеюсь, вы хотя бы выслушаете меня и скажете наконец, в чём дело. Неужели вы думаете, что и я поступил бы с вами так же, при каких бы то ни было обстоятельствах? Ради Бога, Агата, скажите, в чём я провинился перед вами!

Она молча проследовала мимо и уже открыла дверь.

— Не вижу смысла что-либо объяснять, Остин, — ответила Агата. — Считайте нашу помолвку расторгнутой.

И она ушла, оставив меня в оцепенении. Придя в себя, я услышал, как за ней закрылась входная дверь.

Я бросился в комнату и принялся одеваться. Быть может, миссис Марден знает, какова причина свалившегося на меня несчастья.

Я был в столь лихорадочном возбуждении, что мне стоило немалых трудов завязать ботинки.

Никогда не забуду эти ужасные 10 минут.

Едва я надел пальто, как часы на камине пробили 10.

10 часов! Я вспомнил о записке мисс Пенелосы. Записка лежала на столе. Я подбежал и развернул её. Она была написана карандашом, весьма примечательным квадратным почерком.

Вот что в ней говорилось:

«Дорогой профессор Джилрой!

Прошу извинить, что мой опыт затронул Вашу личную жизнь, в которую я не смею вторгаться.

Профессор Вильсон случайно упомянул о Ваших отношениях с моим сегодняшним субъектом, и я подумала, что

ничто не сможет для Вас быть более убедительным, нежели указание, внушённое мною мисс Марден, нанести Вам визит завтра в половине десятого утра с тем, чтобы сообщить, будто Ваша помолвка расторгнута, каковое расторжение и должно будет продлиться около получаса.

Наука столь требовательна, столь взыскательна, что весьма затруднительно предложить ей такое средство контроля, которое бы могло её удовлетворить. Но я уверена, что подобное средство будет выглядеть вполне убедительно, поскольку субъект в данном случае всего менее расположен совершить это действие по собственной доброй воле.

Каков бы ни был результат, забудьте о нём: субъект в данном случае совершенно ни при чём, и у вашей избранницы сердца не останется ни малейшего воспоминания о пережитом опыте.

Пишу эти строки, чтобы Вас успокоить и попросить прощения за мимолётное страдание, которое, вероятно, я доставила Вам своим опытом».

И в самом деле, когда я прочёл записку, то испытал несказанное облегчение и был не в состоянии сердиться.

Конечно же, это на редкость бесцеремонно со стороны женщины, с которой я едва знаком. Но в то же время надо признать, что я сам спровоцировал её своим скептицизмом. Меня и в самом деле трудно убедить. Вот она и выбрала этот способ.

Мне и вправду нечего возразить, опыт оказался весьма убедителен. Гипнотическое внушение действительно имело место и стало теперь для меня твердо установленным фактом.

Приходится признать: Агата, самая уравновешенная из женщин, которых я знаю, была доведена до бессознательного автоматического состояния.

Другое лицо, находящееся на значительном удалении, заставило её двигаться наподобие того, как инженер управляет движением торпеды Бреннана.

Душа гипнотизёра вкралась в неё, изгнала её душу, завладела нервным аппаратом, как бы говоря: «Я буду распоряжаться твоим телом в течение получаса».

Агата, с момента её прихода и до самого ухода, должна была находиться в бессознательном состоянии.

Но как она в таком состоянии шла по улице, не подвергаясь при этом опасности?

Я взял шляпу и спешно вышел, чтобы убедиться, что с Агатой всё в порядке.

Да. Она была у себя.

Меня провели в салон, где я застал свою невесту с книгой на коленях.

— Вы наносите ранние визиты, Остин, — сказала она с улыбкой.

— Да, но во всяком случае не столь ранние, как вы, дорогая Агата, — ответил я.

Мои слова явно заинтриговали её.

— Что вы хотите этим сказать?

— Разве вы сегодня никуда не выходили?

— Выходила? Куда я могла выходить?

— Агата, — сказал я как нельзя более серьёзно, — вас не затруднит подробно описать мне, чем вы занимались сегодня утром?

Мой строгий вид её позабавил.

— Остин, сегодня вы говорите со мной как настоящий профессор. Вот что значит быть невестой учёного! Но я всё-таки скажу вам, чем я занималась, хотя мне и непонятно, что тут для вас интересного. Я встала в восемь часов. Позавтракала в восемь тридцать. В 9.10 пришла в эту комнату и принялась читать «Мемуары» мадам де Ремюза. И через несколько минут воздала должное этой французской даме — заснула за её книгой, а также и вам, сударь, поскольку видела вас во сне, что должно быть для вас как нельзя более лестным. И проснулась я всего лишь несколько минут назад.

— И что, вы оказались там же, где были до этого?

— А как бы я смогла оказаться в другом месте, позвольте вас спросить?

— Если не трудно, Агата, расскажите, что вам снилось обо мне? Уверяю, что мной движет не простое любопытство.

— У меня лишь смутное впечатление, что в этом сне вы играли какую-то роль. Но точно я ничего не помню.

— Если сегодня вы никуда не выходили, то тогда почему, Агата, ваши туфли в пыли?

На лице ее отразилась растерянность.

— Остин, что такое с вами сегодня? Можно подумать, что Вы мне не верите. Да, мои туфли в пыли — наверное, я надела пару, которую служанка не почистила со вчерашнего дня.

Было совершенно очевидно, что Агата ничего не знает, и я решил: пусть лучше она пребывает в неведении. Если бы я стал объяснять случившееся, то, пожалуй, испугал бы её и ничего хорошего бы из того не получилось. Поэтому я сменил тему и вскоре откланялся: мне надо было идти в университет.

Случившееся произвело на меня неизгладимое впечатление.

Горизонт научных возможностей для меня сразу же неимоверно раздвинулся. Меня больше не удивляют энергия и дьявольский энтузиазм Вильсона. Еще бы ему не работать рьяно! Он чувствует: стоит протянуть руку — и коснёшься огромного, невосделанного исследовательского поля.

Да, я помню, какое воодушевление я испытал, когда увидел, что ядро клетки принимает новую форму, или когда рассматривал все подробности мышечного волокна при трёхсоткратном увеличении.

И как всё-таки ничтожны подобные изыскания в сравнении с теми, что затрагивают самые основания жизни и природы души человеческой!

Я всегда считал дух производным материи. Ум, полагал я, вырабатывает мысль точно так же, как печень жёлчь.

Но можно ли утверждать такое теперь, когда я вижу, что дух воздействует на материю на расстоянии, играя на ней, словно музыкант на скрипке?

Отныне я вынужден признать, что тело не порождает души. Оно скорее лишь грубый инструмент, посредством которого проявляется дух. Так ветряная мельница не порождает ветра, а служит лишь его проявлением. Вот что противоречило всем моим устоявшимся мыслям и, однако, вне всякого сомнения, оказалось возможным и стоит тщательного изучения.

И почему мне, собственно, воздерживаться от изучения этой области? Вчера ведь я написал: «Покажи Вильсон мне что-нибудь положительное, что-нибудь действительно объективное, я, быть может, и заинтересовался сим предметом не на шутку и углубился бы в него столь же рьяно, как сейчас углублён в физиологию».

Ну что ж! Нечто положительное и объективное было мне предъявлено. И я сдержу слово, данное самому себе. Исследование этой области, я уверен, представляет огромный интерес.

Некоторые мои коллеги смотрят на данную тему искоса: наука действительно полна предрассудков, чуждающихся рассуждения. Но если у Вильсона хватает смелости отстаивать свои убеждения, то и я могу позволить себе то же самое.

Завтра утром я обязательно зайду к нему и к мисс Пенелосе. Наверняка её возможности не исчерпываются только тем, что она нам продемонстрировала. От неё естественно ожидать и большего.

26-го марта. Вильсон, как я и думал, в восторге от моего обращения. Что до мисс Пенелосы, то при всей её сдержанности видно, что она довольна удавшимся опытом.

Странная она женщина, право слово. Молчаливая, неинтересная, но когда проявляет свои способности, буквально преображается.

Стоит ей только сесть на своего конька, и от её бесцветности и вялости не остаётся и следа.

Странно, но мне кажется, что мисс Пенелоса мною интересуется. Я невольно замечал, что она следит за каждым моим шагом.

У нас была на редкость интересная беседа о её чрезвычайных способностях.

Постараюсь передать её способ видения, хотя, конечно же, за ним нельзя признать научной значимости.

— Вы находитесь лишь на подступах к самому предмету, — сказала мисс Пенелоса, когда я выразил ей своё изумление по поводу удивительного случая суггестии¹, продемонстрированного мне накануне. — Когда мисс Марден пришла к вам, у меня не было никакого прямого влияния на неё. Сегодня утром я даже не думала о ней. Вчера я всего лишь настроила её ум подобно тому, как я бы завела будильник, чтобы он зазвонил в назначенное время. Если бы действие внушения проявилось не через двенадцать часов, а через 6 месяцев, всё произошло бы точно так же.

— А если бы вы внушили мисс Марден убить меня?

— Она бы неминуемо исполнила это.

— Но тогда это — ужасная, чудовищная способность! — вырвалось у меня.

— Да, это действительно ужасная, чудовищная способность, вы совершенно правы, — строго ответила мисс

¹ Суггестия (suggestio, лат.) — внушение (Й. Р.).

Пенелоса. — И чем больше вы о ней узнаете, тем ужаснее, чудовищнее она вам покажется.

— Могу я вас спросить, — сказал я, — что именно вы имели в виду, говоря, будто внушение — лишь подступ, преддверие проблемы? Что вы считаете здесь главным?

— Я бы предпочла вам этого не открывать.

Я поразился силе, прозвучавшей в её словах.

— Вы понимаете, что я задал этот вопрос не из праздного любопытства, но в надежде найти научное объяснение фактам, которые вы мне представили.

— Профессор Джилрой, — ответила она, — честно признаюсь вам: наука меня ни в коей мере не интересует. Какое мне дело, сможет она или нет как-то объяснить эти явления?

— Но я надеялся...

— А, это совсем другое дело! Если это интересует лично вас, — сказала она с самой очаровательной улыбкой, — то я с удовольствием отвечу на любые ваши вопросы. Так о чём вы меня спрашивали? Ах, да, насчёт моих необычайных способностей. Профессор Вильсон никак не желает в них поверить, но они тем не менее существуют. Так, например, гипнотизёр вполне в состоянии обрести полную власть над своим субъектом, при условии что последний достаточно восприимчив. И гипнотизёру тогда нет нужды в каких-либо предварительных внушениях, он может сразу заставить субъекта сделать то, что захочет.

— И субъект не поймёт, что с ним происходит?

— Это зависит от разных обстоятельств. Если сила приложена достаточно энергично, субъект совершенно не поймёт, что с ним происходит. Как, например, мисс Марден, когда она пришла к вам и нагнала на вас такого страха. Даже если влияние не столь сильно, субъект, отдавая отчёт в своих поступках, всё равно не сможет противиться внушению.

— Тогда, получается, он лишится силы воли?

— Нет, просто она будет подчинена внешней воле, оказавшейся сильнее.

— Ну, а сами вы пользовались этой способностью?

— Много раз.

— Значит, у вас очень сильная воля.

— Но это не единственное из необходимых условий. У очень многих людей сильная воля, однако они не могут спроецировать её за пределы себя. Самое главное здесь — это умение направлять волю на другую личность, с тем

чтобы вытеснить волю субъекта. Я замечала, что эта способность изменяется у меня в зависимости от состояния здоровья и сил.

— Короче говоря, вы направляете свою душу в тело другого человека?

— Можно сказать и так.

— А что делает в это время ваше собственное тело?

— Оно попросту находится в состоянии летаргии.

— Но нет ли в этом какой опасности для вашего собственного здоровья?

— Небольшая опасность есть. Нужно всё время внимательно следить за своим сознанием, не позволяя ему ускользнуть полностью, иначе будет нелегко вновь обрести себя. Нужно постоянно сохранять связь, «коннексию», так сказать. Боюсь, что изъясняюсь в терминах весьма неточных, профессор Джилрой, но я не знаю, как придать этим вещам более научную форму. Во всяком случае, я говорю лишь о том, что испробовала и проверила.

Сейчас, перечитывая написанное, удивляюсь самому себе.

И это я, Остин Джилрой, чья нестигаемая логика и преданность фактам известны в университете и за его пределами!

И что же! С самым серьёзным видом я сижу и записываю фантазии женщины, заявившей, будто она способна спроецировать свою душу за пределы собственного тела и что, находясь в летаргии, она может издали направлять действия других людей!

И я должен согласиться?

Разумеется, нет!

Пусть она прежде докажет наглядно и недвусмысленно, а так я не уступлю ни на йоту. И всё же, если я и остался скептиком, то перестал быть насмешником.

Сегодня вечером у нас будет сеанс магнетизации, пусть же мисс Пенелоса попробует оказать на меня месмерическое влияние.

Если ей это удастся, отлично. Это станет отправной точкой моих дальнейших поисков.

Как бы то ни было, никто не сможет обвинить меня в пособничестве.

Если же у мисс Пенелосы ничего не получится, постараемся отыскать для неё такого субъекта, который, как и жена Цезаря, будет вне подозрений.

Вильсон едва ли подходит: он совершенно не поддаётся внушению.

10 часов вечера. Думаю, что нахожусь на пороге великих, эпохальных открытий.

Иметь возможность изучать загадочные явления изнутри, обладать организмом, способным реагировать на эти явления, и мозгом, оценивающим и контролирующим их, — несомненное преимущество, выпавшее на мою долю.

Уверен, Вильсон охотно пожертвовал бы пятью годами своей жизни ради той восприимчивости, в существовании которой я убедился на собственном опыте.

На сеансе не было никого, кроме Вильсона и его жены.

Я сидел, откинув голову назад. Мисс Пенелоса стояла передо мной, несколько слева, и делала те же самые пассы, какие накануне усыпили Агату.

После каждого пасса, я чувствовал поток тёплого воздуха, который, казалось, вызывал во мне дрожь и какой-то жар, охватывающий тело со всех сторон.

Я не сводил глаз с лица мисс Пенелосы, но постепенно черты её утрачивали ясность и в конце концов совершенно растворились.

Я сознавал, что вижу теперь только её глаза, серые, неподвижные, бездонные, глядящие в глубь моего существа. Они растут, ширятся и под конец превращаются в два горных озера, в которые я падаю из поднебесья с ужасающей быстротой.

Я вздрогнул, и в тот же миг в глубинах сознания возникла догадка, что эта дрожь есть не что иное, как фаза ригидности, которую я наблюдал накануне у Агаты, когда она покоилась в этом кресле.

Ещё через мгновение я достиг поверхности озёр, слившихся уже в одно, и погрузился в его воды с ощущением тяжести в голове и всплеском в ушах. Я скользил под водой всё вниз и вниз, а затем начал стремительно подниматься наверх, стремясь увидеть свет, разлившийся по разбегающимся волнам зелёных вод.

Я был возле самой поверхности воды, когда слово «Проснитесь!» зазвучало в моей голове: я подпрыгнул и увидел, что сижу в кресле в обществе мисс Пенелосы, стоящей передо мной, опершись на костыль, и Вильсона, который с записной книжкой в руке смотрел на меня из-за плеча.

У меня не осталось какого-либо ощущения тяжести или усталости.

Напротив, хотя после опыта прошёл только час, чувствую себя настолько бодрым, что скорее готов остаться в кабинете и работать за столом до утра, нежели отправиться в постель.

Я вижу, как передо мной разворачивается длинная серия опытов, и с нетерпением жду минуты, когда смогу наконец их начать.

27-го марта. Потерянный день.

Мисс Пенелоса поехала вместе с Вильсоном и его женой к Сеттонам.

Начал читать «Животный магнетизм» докторов Бинэ и Ферэ.

Сколь странная это область! Одни результаты. А что до причины, так полнейшая тайна!

Это подстёгивает воображение, но одновременно настораживает меня. Буду избегать заключений и дедукций, останусь на твёрдой почве фактов.

Я знаю теперь, что месмерический транс и внушение — реальность, и что сам я легко подвержен действию этой силы.

Таково моё настоящее положение.

Я завёл новую толстую тетрадь для записей и буду вносить в неё только научные наблюдения.

Вечером долго беседовал с Агатой и её матерью о свадебных приготовлениях.

Мы думаем, что самое начало летних каникул — наиболее подходящая пора для свадьбы.

Зачем ещё откладывать?

Хотя осталось несколько месяцев, но время тянется мучительно долго, а миссис Марден говорит, что нужно ещё многое уладить.

28-го марта. Был у мисс Пенелосы и снова решился подвергнуться гипнозу. Опыт во многом походит на предыдущий с тою лишь разницей, что потеря чувствительности наступила несколько быстрее. Смотреть «Журнал А», записи по поводу температуры в комнате, барометрического давления, пульса и дыхания, сделанные профессором Вильсоном.

29-го марта. Новый сеанс гипноза. Подробности в «Журнале А».

30-го марта. Воскресенье, потерянный день.

Меня раздражает всё, что прерывает наши опыты.

Пока что они не выходят за пределы физических признаков, сопровождающих потерю чувствительности, либо частичную, либо полную, либо крайнюю.

Затем мы намереваемся перейти к феноменам внушения и ясновидения.

Профессора уже доказали эти факты с помощью женщин-субъектов в Нанси и Сальпетриере.

Доказательство будет теперь ещё убедительнее, когда его получит женщина-гипнотизёр на профессоре, свидетелем чему будет другой профессор. Ведь подумать только! Субъектом являюсь я — скептик и материялист! По меньшей мере я докажу, что моя верность науке взяла верх над желанием оставаться самим собой. Заставить нас отказаться от собственных слов — это самая большая жертва, какую наука может когда-либо потребовать от нас.

Мой сосед Чарльз Сэдлер, молодой, обаятельный профессор с кафедры анатомии, зашёл сегодня вечером вернуть том «Архивов Вирхова», когда-то одолженный мною. Я назвал его «молодым», но на самом деле он на год старше меня.

— Я узнал, Джилрой, — сказал он, — что вы проводите над собой опыты совместно с мисс Пенелосой. — Так вот, — продолжил он после того, как я подтвердил, — на вашем месте, я бы не пошёл в этих опытах дальше. Несомненно, вы решите, что это большая дерзость с моей стороны говорить Вам такое. Но я считаю своим долгом предостеречь вас: не поддерживайте с мисс Пенелосой никаких доверительных отношений!

Я, естественно, выразил недоумение.

— Я, видите ли, при всём желании не могу вдаваться в подробности, — ответил он. — Мисс Пенелоса тесно связана с одним из моих друзей — так что моё положение довольно щекотливое. Могу сказать вам одно: эта женщина ставила опыты и надо мной, и они оставили у меня в памяти впечатление самое неприятное.

Напрасно он рассчитывал на то, что я удовлетворюсь столь скудными доводами; я приложил величайшие старания, дабы вытянуть из него подробности, но всё было тщетно.

Может быть, он просто ревновал из-за того, что я занял его место? Или, быть может, он один из тех учёных, которые воспринимают как личное оскорбление открытие фактов, опрокидывающих их предвзятые мнения?

Неужели он в самом деле полагает, будто я откажусь от опытов, которые, судя по всему, будут богаты результатами, и всё из-за того только, что у него есть какие-то неопределённые претензии?

Кажется, его задела та лёгкость, с которой я отнёсся к его туманным предостережениям, и мы расстались довольно холодно.

31-го марта. Загипнотизирован мисс Пенелосой.

1-го апреля. Загипнотизирован мисс Пенелосой. (Смотреть «Журнал А»).

2-го апреля. Загипнотизирован мисс Пенелосой (сфигмограмма, сделанная профессором Вильсоном).

3-го апреля. По-видимому, эти гипнотизации заметно влияют на общую конституцию.

Агата говорит, что я похудел и что у меня под глазами наметились мешки.

Я замечаю за собой раздражительность, чего не бывало прежде. Так, при малейшем звуке я вздрагиваю, иглупость студента уже не забавляет меня, а бесит.

Агата хочет, чтобы я прекратил опыты, но я отвечаю ей, что любая исследовательская работа, если ею упорно заниматься, утомительна и что научные результаты не даются даром.

Когда она увидит, какую сенсацию произведёт моя статья об «Отношениях между духом и материей», то и сама признает, что не зря я потратил столько усилий.

Не удивлюсь, если в конце концов меня даже изберут членом Королевского общества.

Вечером снова был загипнотизирован.

Воздействие производится теперь с гораздо большей быстротой, а субъективные видения менее выражены.

О каждом сеансе я делаю самые подробные записи в журнале.

Вильсон уезжает из города на восемь или десять дней, но мы не будем прерывать опыты, ценность которых

зависит не столько от его наблюдений, сколько от моих ощущений.

4-го апреля. Мне необходимо быть начеку. В наши опыты вкралось осложнение, которого я ранее не принял в расчёт. В своём стремлении получить научные факты я был достаточно слеп: не учёл, что мы все люди, мисс Пенелоса и я.

Я могу здесь писать то, что не посмел бы сказать ни одной живой душе.

Несчастливая, по всей видимости, в меня влюблена.

Я бы не высказал этого даже на страницах дневника, но дело зашло слишком далеко

В течение последней недели, были некоторые признаки, которые я упорно не хотел замечать: её оживление с моим приходом, её уныние, когда я уходил, поспешность, с которой она мне предлагает приходить почаще, выражение глаз, тембр её голоса.

Я делал всё возможное, чтобы не придавать этому значения, полагая, что это просто чересчур раскованные манеры людей из Вест-Индии.

Но прошлым вечером, когда я пробудился от гипнотического сна, я, сам того не ведая, потянулся к мисс Пенелосе и, не желая этого, пожал ей руки.

Когда я окончательно пришёл в себя, мы всё ещё сидели, держась за руки, и она смотрела на меня с тревожной улыбкой.

И что всего ужаснее: меня так и подмывало сказать то, что она ожидала услышать.

Сколь жалким лжецом я бы оказался! Какое отвращение я испытывал бы к себе самому, если бы в ту минуту поддался этому искушению!

Но, слава Богу, я нашёл в себе силы встать и выбежать из комнаты.

Боюсь, это выглядело грубо, но я ничего не мог поделать: ещё секунда — и я бы потерял власть над собой.

Я, дворянин, человек чести, обречённый с одной из самых очаровательных, прелестных девушек Англии, я чуть было не потерял рассудок, и, поддавшись слепой страсти, едва не признался в любви малознакомой женщине.

Мисс Пенелоса гораздо старше меня и к тому же хромот!

Это чудовищно, отвратительно — и всё же побуждение было столь сильно, что если б я хотя минуту ещё побыл с нею, то обесчестил бы себя.

Что всё это значило?

Мне доверено преподавание, я объясняю студентам функции организма, а что я сам о нём знаю?

Было ли это пробуждением каких-то дремавших во мне стремлений, инстинктов животного предка, который попытался вдруг утвердиться?

Я уже был близок к тому, чтобы поверить в сказки об одержимости бесом, настолько сильным оказалось это чувство.

И вот данное происшествие ставит меня в весьма затруднительное положение.

С одной стороны, мне не хотелось бы отказаться от опытов, уже так продвинувшихся и обещающих блестящие результаты. С другой, если эта несчастная женщина вспылала ко мне страстью?.. Нет, не может быть, наверное, я всё-таки обманулся.

Она! В её возрасте, с её-то внешностью!

И наконец, мисс Пенелосе известно о моей свадьбе с Агатой. Она понимает, в каком положении я нахожусь.

Если она и улыбалась, то лишь потому, что её, быть может, позабавило, когда я в состоянии головокружения взял её за руку.

Во всём виноват мой полузагипнотизированный ум: превратно истолковав происходящее, он поспешил направить меня по ложному пути.

Мне бы хотелось убедиться, что это действительно так.

Взвесив все «за» и «против», я думаю, что лучше всего отложить наши опыты до приезда Вильсона.

Я тотчас написал мисс Пенелосе письмо. Не делая никаких намёков на последний вечер, уведомил, что неотложные дела вынуждают меня прервать сеансы на несколько дней.

Вскоре я получил ответ; довольно сухо мисс Пенелоса сообщала, что если я передумаю, то застану её дома в обычный час.

10 часов вечера. Так вот я, оказывается, какая тряпка!

С некоторых пор я начинаю лучше разбираться в себе, и по мере того, как узнаю себя, моё самоуважение постепенно исчезает.

Определённо, я не всегда был столь слаб, как сейчас.

В четыре часа дня я улыбнулся бы, если б мне сказали, что сегодня вечером я пойду к мисс Пенелосе, и тем не менее в восемь часов я был, как обычно, у дверей Вильсона.

Не знаю, как это случилось, влияние привычки, я полагаю. Быть может, у подвергавшихся действию гипноза существует определённого рода голод на гипнотизацию, наподобие того как у курильщиков опиума, и я, получаясь, стал его жертвою.

Одно мне известно: работая у себя в кабинете, я с нарастающим волнением ощущал, что не могу усидеть на месте: я беспокоился безо всякой причины, никак не удавалось сосредоточить внимание на бумагах, лежащих передо мной. И тогда, наконец, даже не сознавая, что делаю, я схватил шляпу и поспешил на своё привычное свидание.

Вечер выдался интересный.

Мисс Пенелоса встретила меня как обычно, несколько не удивившись, что я пришёл вопреки своей записке.

Казалось, вчерашнее происшествие не произвело на неё никакого впечатления, так что я мог, до известной степени, надеяться, что я несколько преувеличил.

6-го апреля, вечер. Нет, нет, я ничего не преувеличил.

Я не могу более закрывать глаза на очевидность: эта женщина воспылала ко мне страстью.

Это чудовищно, но это правда.

Нынешним вечером, пробудившись от месмерического транса, я вновь обнаружил, что моя рука лежит в её руке, а я не могу избавиться от отвратительного ощущения, как будто меня принуждают погрязнуть собственную честь, своё будущее — всё на свете, и пасть к ногам этой твари, лишённой всякого земного очарования, как я это прекрасно вижу, когда нахожусь вне её влияния.

Но когда я нахожусь рядом с ней, то чувствую по-иному.

Она пробуждает во мне что-то дурное — нечто такое, о чём я не хотел бы думать. Она парализует всё лучшее в моей природе, поощряя недостойное и пагубное.

Определённо, нехорошо мне быть возле неё.

Последний вечер был опаснее предыдущего.

Вместо того, чтобы убежать, как ранее, я остался. Завладев моей рукой, мисс Пенелоса вникала в самые интимные темы. Среди прочего мы говорили об Агате.

Что именно?

Мисс Пенелоса утверждала, что Агата весьма заурядна, и я с ней... согласился!

Она ещё пару раз заговорила об Агате в мало лестных выражениях — и я не протестовал!

Какой дрянью я был.

Но несмотря на проявленную слабость, я ещё не совсем ослеп и хорошо понимаю, чем чреваты эти сеансы.

Буду настороже.

У меня достанет здравого смысла бежать, едва я почувствую, что отдаюсь во власть этой женщине.

Начиная с нынешнего воскресного вечера, никаких сеансов с мисс Пенелосой!

Откажусь от опытов; оставляю эти изыскания; что угодно, только не это мучительное, чудовищное искушение, заставляющее меня так низко падать в собственных глазах!

Я ничего не сказал мисс Пенелосе: постараюсь держаться от неё подальше.

Она поймет и без моих объяснений.

7-го апреля. Я не выходил из дома, как и решил.

Конечно, жалко оставить столь интересное исследование, но не губить же ради него свою жизнь, а я знаю, что эта женщина подчинит меня своей воле.

11 часов вечера. Помоги мне Бог! Что происходит?

Неужели схожу с ума?

Спокойно, спокойно, немного поразмыслим.

И прежде всего, постараюсь в точности описать, что же произошло.

Когда я писал эти строки, было около восьми часов.

Я испытывал странное беспокойство, и вышел, чтобы провести вечер с Агатой и её матерью.

Обе они заметили, что я растерян и бледен.

Часам к девяти пришёл профессор Пратт-Голдейн, и мы сели играть в вист.

Я делал отчаянные усилия, чтобы сосредоточить внимание на картах, но лихорадочное возбуждение лишь усилилось, и стало ясно, что мне с ним не справиться.

Я уже не владел собой.

В конце концов, во время раздачи карт, я бросил свои карты на стол. Пробормотав несвязные извинения по поводу какого-то свидания, я бросился вон из комнаты.

Смутно, как во сне, припоминая, что пробежал через холл, сорвал шляпу с вешалки и громко хлопнул дверью.

Вновь вижу словно во сне газовые фонари на улице: мои забрызганные грязью ботинки как бы говорят, что я, должно быть, бежал не разбирая дороги.

Всё было словно в какой-то дымке, странное, нереальное.

Так я влетел в дом Вильсона.

Я видел миссис Вильсон и мисс Пенелосу.

Я почти не помню, о чём мы говорили, но вспоминаю, что мисс Пенелоса шутя пригрозила мне рукояткой трости, обвинила в опоздании и в том, что я больше не проявляю былого интереса к опытам.

Гипнотизации не было, но я пробыл некоторое время там и вот только что вернулся.

Сознание вновь обрело ясность, и я могу размышлять о том, что произошло.

Нелепо приписывать всё случившееся слабости и силе привычки.

Прошлым вечером я пытался объяснить происходящее именно так, но теперь вижу, что дело гораздо серьёзнее и вместе с тем гораздо ужаснее.

Когда я сидел за карточным столом у миссис Марден, казалось, на меня накинута петля и тянут к этой женщине.

Я больше не могу скрывать это от самого себя.

Это чудовище держит меня в своей власти; но мне нужно сохранять хладнокровие и употребить весь свой ум на то, чтобы найти средство освободиться от её чар.

Но каким слепым глупцом я был однако!

В пылу исследовательского азарта я устремился прямо в пропасть, разверстую передо мной.

И разве мисс Пенелоса меня не предупреждала? Разве не сказала она — и это записано у меня в дневнике — что, когда она приобретает власть над своим субъектом, то может заставить его делать всё, что угодно?

Именно такую власть она и обрела надо мной.

И вот я полностью в подчинении хромоножки. Жалкая игрушка её капризов, я должен делать то, что ей хочется.

И что хуже всего: я должен испытывать те чувства, которые ей нравятся.

Я испытываю к ней омерзение, я боюсь её, и всё же, когда я оказываюсь под магическим влиянием, несомненно она может заставить меня любить себя.

Одно утешает: отвратительные побуждения, которыми я корил себя, идут не от меня, а от неё, хотя поначалу я об этом не догадывался.

Эта мысль утешительна: стало быть, дело не в моих дурных помыслах.

8-го апреля. Да, теперь, при свете дня, когда я совершенно спокоен и есть время собраться с мыслями, я вынужден подтвердить всё, что записал здесь вчера.

Я в ужасном положении, но что бы ни случилось, нельзя терять голову: её власти я должен противопоставить свой ум.

В конце концов, я не безмозглая марионетка, которую заставляют танцевать, дёргая за ниточку.

У меня есть энергия, ум и смелость.

Я могу ещё справиться с мисс Пенелосой, невзирая на все её дьявольские штуки.

Не только могу, но и должен... иначе, что станет со мной?..

Попытаюсь найти логичный выход.

Эта женщина, по её же признанию, может господствовать над моей нервной организацией. Она может проецировать себя в моё тело и управлять им.

У неё душа паразита, да, душа паразита, чудовищного паразита.

Она вторгается в мой остов, как рак-отшельник в раковину моллюска.

Я пассивен и бездейтелен.

Да и что я могу сделать? Я имею дело с силами, о которых мне ровным счётом ничего неизвестно.

И я никому не могу рассказать о своих мучениях.

Ещё подумают, что я сошёл с ума! И конечно же, если это станет известно в университете, мне объявят, что не нуждаются в услугах профессора, одержимого демоном.

А Агата?!

Нет и нет, нужно, чтобы я встретился с опасностью один на один.

Я перечитал мои заметки в том месте, где эта женщина говорит о своей силе.

Там есть одна фраза, которая меня совершенно обескураживает.

Мисс Пенелоса утверждает, что когда влияние слабо, субъект знает, что он делает, но всё равно не может

управлять собой; если же воля осуществляется энергично, то он оказывается совершенно бессознательным.

Так вот, я всегда сознавал, что я делаю, но прошлым вечером это сознание заметно ослабло.

А это, по видимости, означает, что мисс Пенелоса ещё не проявила всю силу своего внушения.

Был ли когда человек, оказавшийся в таком отчаянном положении, как я?

Да, вероятно, был один, и он даже находился совсем рядом со мной.

Чарльз Сэдлер должен что-нибудь знать об этом.

Его неопределённые советы, чтобы я держался начеку, сегодня вполне прояснились.

О, если бы я тогда послушался его! А я сам выковал себе цепи, продолжая эти сеансы.

Сегодня же встречусь с Сэдлером.

Извинюсь за то, что так легкомысленно отнёсся к его предупреждениям.

И посмотрю, может ли он дать мне какой-нибудь совет.

4 часа дня. Нет, Сэдлер мне не советчик.

Едва я намекнул на свой ужасный секрет, он выказал такое удивление, что я не пошёл далее.

Насколько могу судить (согласно смутным указаниям и скорее выводам, нежели определённым утверждениям), то, что испытал он, сводится к словам и взглядам, подобным тем, что были обращены и ко мне.

Сэдлер смог удалиться от мисс Пенелосы, и сам этот факт доказывает, что в действительности он никогда и не был её пленником.

О, знал бы он, чего ему удалось избежать!

Сэдлер, должно быть, обязан этим своему флегматичному англосакскому темпераменту. Я же брюнет и кельт, и потому яды этой колдуньи глубоко проникают мне в кровь.

Удастся ли освободиться от неё?

Стану ли я когда-нибудь снова тем, кем был ещё пятнадцать дней назад?

Так что же мне предпринять?

Оставить университет во время учебного года — об этом и речи быть не может.

Будь я свободен, я бы тотчас составил план действий.

Отправился бы путешествовать, например, в Персию. Но позволила бы мне уехать мисс Пенелоса? Быть может, даже и в Персии я не избавился бы от её влияния и поспешил бы обратно к её костылю?

Лишь на собственном горьком опыте я могу узнать пределы, до которых простирается её дьявольская власть надо мной.

Я буду сражаться с ней, покада есть силы.

Что ещё остаётся делать?

Я слишком хорошо знаю, что к восьми часам вечера необоримая потребность в её обществе, знакомое лихорадочное возбуждение вновь овладеют мною.

Как преодолеть их; что я должен для этого сделать?

Хорошо бы вообще не выходить из комнаты.

Закрою дверь на ключ и выброшу его в окно! Да, но что прикажете делать утром?

Не надо думать о завтрашнем утре: я должен любой ценой разорвать эти пути.

9-го апреля. Победа. Я поступил совершенно правильно.

Вчера, в семь часов вечера, после лёгкого ужина я заперся в своей комнате и выбросил ключ в сад.

Я взял один забавный роман и три часа кряду пытался читать в постели. Но в действительности мне было не до веселья, это были ужасные часы: каждую минуту я ожидал, что окажусь под влиянием мисс Пенелосы. Но ничего подобного не произошло; утром я встал с постели с таким чувством, словно освободился от кошмара.

Быть может, мисс Пенелоса догадалась и поняла, что воздействовать на меня бесполезно.

Во всяком случае, один раз я уже взял над ней верх, и если мне это удалось раз, то удастся и другой.

Что было гораздо затруднительнее, так это получить ключ назад.

По счастью, внизу оказался садовник, и я крикнул, чтобы он бросил ключ мне в окно. Он, наверное, подумал, что я только что его уронил.

Я прикажу наглухо забить двери и окна и скорее поручу шестерым дюжим молодцам держать меня в кровати, нежели соглашусь ещё хоть раз оказаться в обществе этой колдуньи.

Сегодня после полудня получил записку от мисс Марден: Агата просила зайти к ней.

В любом случае я так и намеревался поступить, но меня ждали плохие новости. Как выяснилось, Армстронги сели в Аделаиде на «Аврору» и скоро должны приплыть в Англию. Особенно неприятно, что они просили миссис Марден дожидаться их в городе.

Значит, я не увижу Агату в течение месяца или шести недель, а поскольку «Аврора» ожидается в среду, Марден нужно уезжать немедленно, если они хотят прибыть вовремя.

Остаётся утешать себя, что когда мы наконец окажемся вместе, то больше никогда не будем разлучаться.

— Я прошу вас только об одном, моя дорогая, — сказал я Агате, когда миссис Марден вышла. — Если вы случайно встретите мисс Пенелосу, либо в городе, либо здесь, обещайте, что вы никогда не позволите ей ещё раз загипнотизировать себя.

Агата в изумлении взглянула на меня.

— Но всего пару дней назад, Остин, вы уверяли, что заинтересованы в этих опытах и намерены довести их до конца.

— Да, но теперь я иного мнения.

— И вы намерены от них отказаться?

— Да.

— О, как я рада, Остин! Вы даже не представляете, какой усталый и бледный вид у вас последнее время. Между прочим, именно из-за вас мы с мамой до сих пор не уехали в Лондон; мы не хотели оставлять вас, ведь вы в таком подавленном состоянии! Вы очень переменились, Остин. Порой вы кажетесь странным. Я просто недоумевала в тот вечер: вы, бросив карты, покинули несчастного профессора Пратт-Голдейна и ушли, не сказавши ни слова. Я была убеждена, что эти опыты плохо сказываются на ваших нервах.

— И я так считаю, дорогая.

— А также и на нервах мисс Пенелосы. Вы слышали, что она больна?

— Нет.

— Нам сообщила миссис Вильсон. Она полагает, что это нервная лихорадка. Профессор Вильсон вернётся на следующей неделе, и миссис Вильсон мечтает, чтобы к тому времени мисс Пенелоса поправилась, ведь у профессора целая программа опытов, которые он намеревается довести до конца.

Я был крайне рад, что Агата обещала мне остерегаться мисс Пенелосы.

Довольно того, что эта женщина прибрала к рукам одного из нас.

С другой стороны, я встревожился, узнав о болезни мисс Пенелосы.

Вот что сильно снижает значимость победы, которую, как мне казалось, я одержал вчера вечером.

Насколько я помню, мисс Пенелоса говорила, что ухудшение её здоровья изрядно вредит силе внушения.

Не оттого ли победа далась мне так легко?

Ладно! Сегодня вечером нужно будет принять те же меры предосторожности, и тогда посмотрим, чья возьмёт.

У меня какой-то детский страх, когда подумую о ней.

10-го апреля. Вчера вечером снова всё обошлось.

У садовника нынешним утром было очень забавное лицо, когда я снова позвал его и попросил бросить мне ключ.

Представляю, что подумает обо мне прислуга, если я продолжу в том же роде. Зато я оставался дома, не ощущая ни малейшей потребности выйти, а это самое главное.

Мне кажется, что я наконец начинаю освобождаться от своего рабства у этой женщины, хотя, возможно, что её власть надо мной ослабела всего лишь до того дня, пока к ней снова не вернуться силы. Мне остаётся только молить Бога, чтобы это было не так.

Агата с матерью уезжают сегодня утром, и мне кажется, что весеннее солнце утратило весь свой блеск. И всё же, оно очень красиво, когда смотришь на него сквозь зелёные листья каштана, растущего под моими окнами, и когда оно оживляет мощные стены старых зданий колледжа, поросшие лишайником.

Как всё сладостно и упоительно в природе, как успокаивает она душу! И как поверить после этого, что она же таит в себе силы столь нечистые, возможности столь отвратительные?

В самом деле, понятно, что ужасное несчастье, меня постигшее, находится в природе вещей, оно не выходит за её пределы и не из области сверхъестественного.

Нет, это естественная сила, которой эта женщина лишь пользуется и которая неведома обществу.

Сам факт, что сила эта соотносится со здоровьем, ослабевает при его ухудшении, показывает, что она целиком и полностью подвластна законам физическим.

Если б у меня было время, я бы изучил эту силу и нашёл ей противодействие. Но, увы! Не тогда надо помышлять о дрессировке тигра, когда находишься в его когтях! Тут только одна забота: как бы вырваться.

Ах! Когда я гляжу в зеркало и вижу там свои чёрные глаза и испанское лицо с тонкими чертами, я хотел бы быть обезображенным оспой или серной кислотой.

Во всяком случае, это избавило бы меня от душевных мучений.

Судя по всему, вечером у меня будут неприятности. Некоторые обстоятельства заставляют меня опасаться этого.

Во-первых, я встретил на улице миссис Вильсон; она сообщила, что мисс Пенелосе уже лучше, хотя она ещё и слаба; во-вторых, скоро приедет профессор Вильсон и его присутствие будет для этой колдуньи помехой.

Я не боялся бы наших встреч, если бы они происходили в присутствии третьего лица. А так у меня дурное предчувствие, поэтому я принял те же меры предосторожности, что и накануне.

Вечер. Нет, слава Богу, и этим вечером всё обошлось.

На этот раз неловко было снова обращаться к садовнику. Затворившись, я подсунул ключ под дверь таким образом, чтобы утром был предлог обратиться к служанке. Но эта предосторожность оказалась совершенно ненужною, поскольку у меня ни разу не возникло побуждения выйти.

Три вечера подряд мне удалось остаться дома! Определённо, мои мучения подходят к концу, поскольку Вильсон вернётся не сегодня, так завтра.

Сказать ему, через что я прошёл, или не откровенничать?

Уверен, я не найду у него никакого сочувствия. Для Вильсона это всего лишь любопытный случай. Ещё расскажет обо мне в докладе на ближайшем заседании О П И¹, и все с важным видом начнут судить и рядить, насколько

¹ О П И — аббревиатура, означающая Общество психических исследований — организацию в Великобритании, ставившую себе задачей доскональное изучение всех фактов, имевших отношение к психической и бессмертной природе человека. Всемирную известность получили многотомные «Протоколы О П И», так называемые «Proceedings», в которых собрана бездна фактов, касающихся данного круга проблем. (И. Р.)

велика возможность того, что я бессовестно солгал, и сопоставлять её с вероятностью, что у меня попросту начинается помешательство.

Нет, я не стану просить помощи у Вильсона.

Я чувствую себя в добром здравии и в прекрасном расположении духа; сегодня, на занятиях в университете, я был как никогда в ударе.

О, если бы только избавиться от зловещей тени, омрачающей мою жизнь, как я был бы счастлив!

Я молод, не лишён привлекательности, достиг вершин в своей профессии, помолвлен с прекрасной и очаровательной девушкой — что ещё нужно мужчине моих лет?

Лишь одно не даёт мне покоя... Боже, как подумаешь, что мне грозит!

Полночь. Я схожу с ума!

Да, верно, эта история кончится сумасшествием.

Я и сейчас уже близок к помешательству.

В голове всё словно кипит, когда прикладываю к ней пылающую руку. По телу пробегает дрожь, как у испуганной лошади.

О, какую ночь я провёл!

И всё же есть основание испытывать некоторое удовлетворение.

Рискуя сделаться предметом насмешек для прислуги, я снова подсунул ключ под дверь, обрекая себя на добровольное заточение.

Затем, поскольку лечь спать было ещё рано, я не раздеваясь лёг на кровать и принялся читать Дюма.

Внезапно я оказался скинут... да, скинут, сброшен, стяннут на пол. Именно такие слова могут описать действие той подавляющей силы, которая вдруг навалилась на меня.

Я цеплялся за одеяло. Ухватился за ножку кровати. Думаю даже, что в своём исступлении я выл и кричал.

Но всё напрасно. Я ничего не мог с собою поделать. И должен был подчиниться. Мне было невозможно преодолеть влияние этой силы или как-то от неё укрыться.

Лишь поначалу я оказывал какое-то сопротивление. Влияние вскоре сделалось настолько подавляющим, что бороться с ним стало невозможно.

Благодарю Небо, что меня никто не удерживал, а то я, верно, не смог бы за себя поручиться.

Порываясь выйти из дому, я отчётливо сознавал, что для этого нужно сделать. Итак, я зажёл свечу, стал на колени перед дверью и попытался подтащить ключ кончиком гусиного пера; но оно было слишком коротким и только отодвинуло ключ ещё дальше.

Тогда я, со спокойным упрямством, взял из ящика нож для разрезания бумаги, просунул его под дверь и притянул ключ.

Открыв входную дверь, я вошёл в кабинет, взял с бюро одну из своих фотографий, написал на ней несколько слов и положил её во внутренний карман пальто. После этого направился к дому, где жил Вильсон.

Ясность сознания была удивительной, и однако ощущения непохожи на те, которые я воспринимал до этого в нормальном состоянии. Всё походило теперь на яркие образы и события, происходящие во сне.

Сознание словно раздвоилось.

С одной стороны, мною руководила чужая воля, влекущая меня к лицу, от коего она исходила; и была также другая личность, более слабая, протестующая, в которой я узнавал своё «я», слабо борющееся против этого необоримого влияния. Так, собака, рвущаяся с цепи, вынуждена вставать на задние лапы.

Я помню ещё, что осознавал конфликт этих двух сил, но не помню ни того, как я шёл, ни как меня впустили в дом.

Тем не менее у меня остался исключительно чёткий образ моей встречи с мисс Пенелосой.

В небольшом будуаре, в котором обыкновенно проходили наши опыты, она лежала на канаве, прикрывшись тигровой шкурой и подперев голову рукой.

Когда я вошёл, мисс Пенелоса подняла глаза: она, очевидно, ждала моего прихода; свет лампы падал прямо ей на лицо, и я заметил, что она очень бледна и расстроена, под глазами тёмные круги.

Больная улыбнулась мне и левой рукой указала на стоявший рядом стул.

Я быстро подошёл, схватил эту руку и... вспоминаю об этом с отвращением к себе... страстно поднёс к губам.

После чего я уселся на стул, не выпуская руки мисс Пенелосы, и протянул фотографию, которую принёс с собой.

Я говорил, без умолку, рассказывая о своей любви к ней, о страдании, которое мне причинила её болезнь, о радости,

какую мне доставляло её выздоровление, и о том, сколь несчастным я себя чувствую, когда оказываюсь вынужден провести хотя бы один вечер вдали от неё.

Она, слушая меня, оставалась неподвижна и лишь бросала на меня повелительные взгляды. На устах её играла вызывающая улыбка.

Припоминаю, что раз она провела рукой по моим волосам — так ласкают собаку, и что мне — о, ужас! — была приятна её ласка.

Я содрогаюсь при мысли об этом.

Я стал её рабом телом и душой, и даже радовался своему рабству.

Тогда-то и произошла счастливая перемена. И пусть мне никогда не говорят после этого, будто нет Провидения. Я был уже на краю гибели, ещё немного — и я шагнул бы в бездну.

Можно ли считать простым совпадением то, что помощь пришла ко мне именно в ту минуту?

Нет, нет, есть Провидение, оно отвело меня от пропасти, в которую я готов был низринуться.

Есть всё-таки в мире нечто более могущественное, чем эта ведьма со всеми её уловками.

Как утешительно, что я могу так думать!

Подняв глаза, я увидел, что моя мучительница заметно переменилась.

Лицо, бывшее до этого бледным, приобрело мертвенный цвет. Глаза остекленели, и веки их тяжело закрылись. Рот утратил былую твёрдость, лоб словно сузился.

Мисс Пенелоса казалась испуганной, самоуверенность сменилась полной нерешительностью.

Видя эту перемену, я почувствовал, как сердце у меня дрогнуло и забилося, словно пытаюсь вырваться из сжимающих его тисков — тисков, с каждой минутой теряющих свою силу.

— Остин, — проговорила она полушёпотом. — Я слишком много на себя взяла. У меня недостаточно сил. Я ещё не оправилась после болезни. Но я не могла больше жить, не видя вас. Вы не бросите меня сейчас, Остин! Это минутная слабость. Ещё пять минут — и я снова стану сама собой. Подайте мне маленький графин, что стоит на столе возле окна.

Но я уже овладел собой.

По мере того, как у моей мучительницы угасала сила, её влияние рассеивалось и я обретал свободу.

Во мне проснулась агрессивность, исполненная горечи и бешенства.

Хотя бы раз дам понять этой ведьме, каковы мои истинные чувства к ней!

Душу мою переполняла ненависть настолько же скотская, как и любовь, вызвавшая её. Это была дикая вспышка злобы, как у разъярённого оленя.

Я готов был схватить стоявший рядом костыль и ударить им мисс Пенелосу по лицу.

Больная выставила руки как бы в попытке отразить удар и, отшатнувшись, забилась в угол дивана.

— Водки! водки! — проговорила она не своим голосом.

Я схватил графин с водкой и вылил его содержимое под пальму, стоящую в кадке возле окна.

Затем вырвал у неё из рук свою фотографию и разорвал её в клочья.

— Гнусная женщина! — воскликнул я. — Убей я вас, я бы только исполнил свой долг перед обществом!

— Я люблю тебя, Остин, люблю тебя, — простонала мисс Пенелоса.

— Да, — воскликнул я. — Как вы уже любили Чарльза Сэдлера. И скольких других до него!

— Чарльза Сэдлера? — выдавила она из себя. — Так он вам сказал? Ах, Чарльз Сэдлер... Чарльз Сэдлер...

Губы её побледнели, а голос звучал, словно шипенье змеи.

— Да, я всё о вас знаю и расскажу всем, до какого бесстыдства вы опустились. Вы знали о моём положении, знали, что я обручён. И всё же употребили свою жуткую силу на то, чтобы приворожить меня. Вы сможете околдовать меня снова, но прежде я скажу: я люблю мисс Марден, люблю всем сердцем, а вы — вы внушаете мне лишь отвращение и ужас. Ваш вид, ваш голос мне ненавистны. При одной только мысли о вас мне становится тошно. Вот какие чувства на самом деле я к вам питаю. И если вам всё равно хочется притянуть меня к себе с помощью фокусов, как нынче вечером, то вам, я, надеюсь, хотя бы не доставит удовольствия сделать своим любовником человека, который сказал, что он по-настоящему о вас думает. Можете внушить мне любую речь, какую пожелаете, но вы не сможете забыть...

Я остановился, потому что мисс Пенелоса откинулась назад лишившись чувств.

У неё не хватило сил выслушать меня до конца.

О, какое пламенное ощущение триумфа я испытываю, думая о том, что теперь, будь что будет, она не может более обманываться насчёт моих истинных чувств к ней!

Но что теперь со мной станет? Ведь она на всё способна. Страшно даже подумать.

Уж конечно, она не оставит меня в покое. Но когда я подумаю о том, что ей сказал...

Не имеет значения, хотя бы один раз я оказался сильнее, чем она.

11-го апреля. Нынешней ночью я почти не спал и утром чувствовал себя настолько разбитым и вместе с тем возбуждённым, что мне пришлось попросить Пратт-Голдейна прочитать лекцию вместо меня.

Такое случалось со мной впервые. Я встал в полдень, но голова у меня болела, руки дрожали, а нервы были в самом жалком состоянии.

И вот сегодня вечером мне нанесли визит.

И кто! Вильсон собственной персоной пожаловал. Он только что воротился из Лондона, где читал лекции, разоблачил одного врача и провёл серию опытов по передаче мысли. Он принял также профессора Рише¹, приехавшего из Парижа; изучал свойства кристалла, неотрывно глядя в него несколько часов кряду, и добился определённых результатов относительно проникания материи через материю.

Всё это он выплеснул мне в уши единым махом.

— Послушай, — наконец заметил он, — ты что-то неважно выглядишь. Да и мисс Пенелоса пребывает в полной прострации. Ну, а наши опыты? Как они продвигаются?

— Я их прекратил.

— Да что ты! И почему, собственно?

— Это занятие показалось мне опасным.

Вильсон извлёк из кармана коричневую записную книжку.

— Вот это весьма любопытно, — сказал он. — И какие же у тебя причины говорить, будто исследования эти опасны? Прошу, укажи мне факты в хронологическом порядке,

¹ Профессор Шарль Рише — один из крупнейших авторитетов в области психических исследований. Поначалу был настроен скептически, но, убедившись в реальности спиритических явлений, принялся энергично изучать их и пропагандировать. (И. Р.)

с приблизительными датами и именами свидетелей, заслуживающих доверия, и их точными адресами.

— Прежде всего скажи: известны ли тебе случаи, когда гипнотизёр, обретя власть над субъектом, пользовался ею с преступной целью?

— Десятки случаев! — запальчиво воскликнул Вильсон. — Преступления, совершённые под влиянием суггестии.

— Я не имею в виду суггестию. Я про другое: когда внезапный импульс, непреодолимое побуждение поступает от лица, находящегося на удалении.

— Одержание!¹ — завопил он в полном восторге. — Это самое редкое явление. У нас только восемь случаев, из которых вполне удостоверены лишь пять. Не хочешь ли ты сказать...

Его возбуждение было столь сильно, что он едва выговаривал слова.

— Нет, этого я не хочу сказать, — отрезал я. — Ты меня извини, дорогой друг, но мне сейчас нездоровится. Всего доброго.

Таким-то бесцеремонным образом я в конце концов избавился от него.

Он ушёл, потрясая карандашом и записной книжкой.

Вполне возможно, что я не умею проявлять стойкость в несчастье, но лучше уж не выносить сор из дома, а тем более не устраивать из неприятностей ярмарочный аттракцион.

Вильсону уже давно чуждо всё человеческое. Для него жизнь сводится теперь только к случаям и феноменам.

Я скорее умру, чем стану откровенничать с ним.

12-го апреля. Вчерашний день был благословенным днём спокойствия, и вечер прошёл без всяких происшествий.

Возвращение Вильсона сильно меня утешает.

Что отныне может сделать эта женщина?

Конечно, теперь, после всего сказанного, она должна питать ко мне такую же антипатию, как и я к ней.

Нет, она не может, не может желать себе любовником того, кто оскорбил её таким образом.

¹ Сегодня в этом случае принято употреблять нелепый термин «кодирование». (И. Р.)

Нет, думаю, что я избавлен от её любви...

Но чего ожидать от её ненависти?

Не сможет ли она воспользоваться своей силой, чтобы отомстить?

Ба! к чему пугать себя призраками?

Она забудет меня, я забуду её, всё уладится.

13-го апреля. Нервы мои окончательно успокоились, а силы восстановились.

Я в самом деле думаю, что взял верх над этой тварью. Но должен сознаться, что какое-то опасение по-прежнему не оставляет меня. Мисс Пенелоса поправилась; мне стало известно, что сегодня в полдень она выезжала на прогулку в коляске вместе с миссис Вильсон по Грейт-стрит.

14-го апреля. Мне хочется вообще уехать отсюда.

И я уеду к Агате сразу же, как только закончится семестр.

Проявляю презренную слабость, но эта женщина ужасно действует мне на нервы.

Я снова виделся и разговаривал с ней.

Это случилось сразу же после ленча. Я курил в кабинете сигару, когда услышал в коридоре шаги Мюррея, моего слуги.

Послышались ещё чьи-то шаги. Следом за Мюрреем кто-то шёл.

Я не придавал этому значения, как вдруг необычный звук заставил меня вскочить со стула. По телу пробежала дрожь.

Я никогда раньше не обращал внимания на тот своеобразный звук, который производит костыль калеки, но возбуждённые нервы поведали мне, что я слышу именно этот сухой стук деревяшки, перемежаемый глухим звуком, какой издаёт нога, касаясь пола.

В следующее мгновение слуга ввёл мисс Пенелосу.

Я даже и не пытался выказать обычные в таких случаях знаки вежливости.

Также и она не сочла нужным делать этого.

Я просто стоял с сигарой в руке и молча разглядывал вошедшую.

Мисс Пенелоса, со своей стороны, тоже молча взидала на меня, и её взгляд напомнил мне те страницы моего дневника, где я пытаюсь описать выражение её глаз и понять, насмешливое оно или жестокое.

Но сегодня в таких усилиях не было нужды: это была жестокость, холодная, непреклонная.

— Итак, — наконец проговорила она, — Вы всё находитесь в том же самом расположении ума, в котором я вас видела последний раз?

— Я всегда был в одном и том же расположении ума.

— Пусть между нами не будет неясностей, профессор Джилрой, — нараспев проговорила она. — Я не тот человек, над которым можно безнаказанно насмехаться, как вы скоро сможете убедиться. Вы просили меня провести серию опытов, вы завоевали моё расположение, вы признались мне в любви, принесли свою фотографию со словами нежной привязанности, а затем, в тот же вечер, сочли возможным высказать мне самые немыслимые оскорбления, причём в таких выражениях, какие ни один человек никогда бы не посмел употребить в мой адрес. Скажите мне, что эти слова вырвались у вас в минуту умственного помрачения. Я готова всё забыть и простить. Ведь вы отказываетесь от этих слов, Остин? Ведь на самом деле вы не ненавидите меня?

Я мог бы сжалиться над этой уродливой женщиной, столько страсти, любви и мольбы выражал её взгляд, каким бы грозным он ни казался.

Но когда я вспомнил, что я из-за неё пережил, сердце моё сделалось каменным.

— Если вы когда и слышали от меня признания в любви, — сказал я — то вам прекрасно известно, что говорили их себе вы сами, а не я. О моих же настоящих чувствах к вам вы услышали во время последней нашей встречи.

— Я знаю, кое-кто оговорил меня перед вами. Вероятно, он?

И она в ярости стукнула костылём в пол.

— Хорошо, — проговорила мисс Пенелоса. — Вам прекрасно известно, что я могу сию же минуту заставить вас улечься у моих ног, как собачонку. Вам больше не видать меня в минуту слабости, когда можно оскорблять меня безнаказанно. Берегитесь, профессор Джилрой. Ваше положение поистине ужасно. Вы просто ещё не отдаёте себе отчёта в той полноте власти, которую я над вами имею.

Я пожал плечами и отвернулся.

— Ладно, — продолжала она после некоторой паузы, — если вы презираете мою любовь, посмотрим, что вы скажете, когда вас охватит страх. Вы улыбаетесь, но

наступит день, когда вы будете молить о прощении. Да-да, при всей своей гордыне вы будете валяться у меня в ногах и проклянете тот день, когда из меня, своего лучшего друга, сделали самого заклятого врага. Берегитесь, профессор Джилрой!

Я увидел мелькнувшую в воздухе белую руку и лицо, в котором не было почти ничего человеческого, так оно было обезображено яростью. Наконец моя мучительница ушла. В коридоре долго слышались её ковыляющие шаги и стук костыля.

Скверно стало у меня на душе.

Смутное предчувствие надвигающихся бед овладело мной.

Я тщетно силился уговорить себя, будто всё это лишь пустые слова и угрозы ярости. Мне слишком хорошо запомнились её безжалостные глаза, для того чтобы я мог убедить себя в этом.

Что делать? О, Боже! Что делать?

Я больше не хозяин самому себе, моя душа мне не принадлежит.

В любую минуту этот мерзостный паразит может проникнуть туда, и тогда?..

Я должен поделиться с кем-то своей ужасной тайной, — я должен сказать об этом, иначе я сойду с ума.

Если бы у меня был кто-нибудь, кто бы мне посочувствовал, кто бы дал совет!

Обратиться к Вильсону? Нет, об этом нечего и думать.

Чарльз Сэдлер тоже мне не подмога. Он поймёт меня лишь в тех пределах, коими ограничен его собственный опыт.

Пратт-Голдейн! Он человек уравновешенный, наделён здравым смыслом и находчив.

Пойду к нему, всё ему скажу. Боже мой, хоть бы он смог чем-нибудь помочь мне!

6 часов 45 минут вечера. Нет, бесполезно, никто мне ничем не поможет. Я должен биться один на один с этой тварью.

Передо мной два пути: или я становлюсь её любовником, или же она измывается надо мной, как ей вздумается.

Даже если она ничего не предпримет, я буду жить в постоянном страхе ожидания — пытка воистину адская. Но пусть она меня мучает, пусть сводит с ума, пусть наконец убьёт, я ни за что не уступаю.

В конце концов, что может быть хуже: она разлучила меня с Агатой, внушила мне, что я лжец, клятвопреступник, мужчина, потерявший всякое право считаться джентльменом!

Пратт-Голдейн принял меня на редкость любезно и выслушал очень внимательно. Но крупные черты его лица, медлительность взгляда не внушали доверия, и я воздержался от откровенности.

Даже мебель в его кабинете была громоздка, как-то слишком вещественна, слишком материальна.

Да и потом, что бы я сам, на его месте, сказал ещё месяц назад, приведись какому-нибудь незадачливому коллеге поведать мне свою историю о демоническом одержании?

Я, чего доброго, выказал бы куда меньше терпения, нежели он.

По ходу моего рассказа он делал заметки, спрашивал, сколько чаю я пил накануне, сколько часов спал, не изнурял ли себя занятиями, не бывало ли у меня внезапных болей в голове, неприятных снов, звона в ушах, не темнеет ли у меня в глазах — столько вопросов, доказывающих мне, что он видел в моих страданиях лишь переутомление мозга.

Короче, он отпустил меня, высказав мне изрядное число банальностей по поводу упражнений на свежем воздухе и необходимости избегать всякого нервного напряжения.

И выписал мне рецепт, в котором прописал хлораль и капли брома. По дороге домой я скатал его в шарик и выбросил в речку.

Нет, ни один человек не может помочь мне.

Если я обращусь ещё и к другим, то, может статься, это получит огласку — и меня посадят в сумасшедший дом.

Единственное, что я могу сделать, — это собрать всю свою волю, всё своё мужество и молиться о том, чтобы порядочный человек не был оставлен на произвол судьбы.

15-го апреля. Это самая восхитительная весна, которая когда-либо была на свете. Всё такое зелёное, упоительное, прекрасное!

И сколь разителен контраст между окружающей природой и моей душой, опустошённой сомнением и страхом.

День прошёл без происшествий, но я знаю, что стою на краю пропасти. Я знаю об этом и всё же продолжаю жить своей обычной жизнью, как будто ничего не случилось.

Единственный луч света, который в неё проникает, это мысль о том, что Агата счастлива, здорова и находится вне всякой опасности вдали отсюда.

Если бы эта тварь могла наложить руку на каждого из нас, то... о, только не это!

16-го апреля. Эта женщина изобретательна в своих преследованиях. Она знает, что я очень люблю свою работу и уделяю ей много времени. И именно с этой стороны она ведёт свои атаки.

Похоже, дело клонится к тому, что меня уволят с кафедры, но я буду биться до последнего.

Без борьбы ей меня отсюда не выжить.

Сегодня утром на занятиях со студентами у меня на минуту-две появилось головокружение и неустойчивость, какая-то пустота в темени; впрочем, всё довольно быстро прошло. Несмотря на тревожные симптомы, я остался доволен собой: так увлекательно и доходчиво рассказал о функциях красных кровяных телец. Каково же было моё удивление, когда сразу же после урока один из студентов вошёл ко мне в лабораторию и попросил разрешить его сомнения: так он заинтригован существенным различием между моими утверждениями и утверждениями учебников.

Он показал свою тетрадь, что я вижу! В течение двух минут я нёс самую возмутительную, антинаучную ересь.

Естественно, я решительно заявил юноше, что он неверно меня понял, но, сравнив его записи с записями остальных студентов, должен был признать, что он прав: действительно я высказал несколько нелепейших утверждений. Я поспешил сослаться на минутную рассеянность и хоть и выпутался с грехом пополам, но чувствую, что эта история повторится и не один раз, и последствия для меня будут самыми печальными.

До конца семестра остаётся всего лишь месяц. Только бы продержаться!

26-го апреля. Прошло десять дней; и у меня за всё это время не хватило духу открыть свой дневник.

К чему писать о вещах, которые меня унижают и позорят?

Я поклялся, что больше ни разу не открою его.

И тем не менее, такова сила привычки, что я опять сижу и записываю свои ужасные ощущения и переживания подобно тому, как один самоубийца записывал, что он испытывает под действием яда, его убивающего.

Итак, катастрофа, которую я предвидел, не заставила себя ждать! Не далее как вчера университетское руководство освободило меня от исполнения обязанностей профессора и заведующего кафедрой.

Это, надо сказать, было сделано самым деликатным образом, с оговорками, что такая мера временна и продиктована заботой обо мне, а также желанием предоставить мне возможность восстановить силы после переутомления. Но так или иначе дело сделано: я больше уже не профессор.

Лаборатория, однако, пока ещё оставлена в моём ведении, но я думаю, что и её у меня скоро отберут.

Факт, что мои лекции стали предметом насмешек для всего университета.

Моя аудитория всегда была до отказа набита студентами, приходившими посмотреть и послушать, что ещё выкинет или сказанёт чудака-профессор.

Обойдусь без подробностей, надо ли живописать своё унижение?

О, эта дьявольская женщина! Нет такого шутовства, такой глупости, которые бы она не заставила меня совершить.

Я начинал урок в ясных и пристойных выражениях, но у меня всякий раз бывало такое чувство, будто я на пороге умственного затмения.

Когда же я чувствовал на себе воздействие мисс Пенелосы, то противился ему яростно, изо всех сил. От огромного напряжения воли на лбу выступал пот, в то время как студенты, слыша бессвязные фразы, видя мои гримасы, хохотали во всю над обезьяньими ужимками своего профессора.

Затем, когда она полностью завладевала мной, то заставляла меня говорить самые величайшие нелепости. Я отпускал глупые остроты, впадал в сентиментальность, то и дело повышал голос, словно произнося тост, напевал популярные песенки или невежливо уединялся ото всех с тем или иным ассистентом.

Затем сознание вновь прояснялось, я продолжал как ни в чём не бывало и вполне достойно заканчивал занятия.

Не удивительно, что моё поведение стало притчею во языцех. И вполне естественно, что ректорат университета после такого скандала оказался вынужден уволить меня.

Проклятая колдунья!

И что всего ужаснее, так это моё полное одиночество.

Вот я смотрю в банальное английское окно, выходящее на не менее банальную английскую улицу с фланирующими по ней полицейскими, тогда как за мной скрывается какая-то зловещая, таинственная тень, не имеющая ничего общего ни с нашим веком, ни с этим миром.

В университетском городке, в средоточии сей страны науки и учёной премудрости я оказываюсь раздавлен, истерзан силой, о которой науке ровным счётом ничего не известно и перед которою она бессильна.

Ни один магистрат не согласится меня выслушать; ни одна газета не пожелает обсудить то, что со мной случилось. Ни один врач не признает симптомы моего состояния.

Самые близкие друзья увидят в этом лишь свидетельство моего умственного расстройства.

Я потерял всякий контакт с миром.

А, дьявольская женщина! Пусть она остережётся! Она доведёт меня до крайности. Если закон ничего не может сделать для вашей защиты, то, в соответствии с естественным правом, вам не остаётся ничего другого, как самим позаботиться о себе.

Вчера на Грейт-стрит встретил мисс Пенелосу, и она заговорила со мной. Пусть она благодарит Бога, что мы встретились не на уединённой деревенской дороге.

Мисс Пенелоса с ледяной улыбкой спросила, не смягчился ли я немного.

Я не удостоил её ответом.

— Что ж, как видно, вам этого мало, — пригрозила она.

А, берегитесь, сударыня, берегитесь!

Однажды она уже была в моей власти. Быть может, не в последний раз.

28-го апреля. Итак, я уволен и больше не преподаю в университете, по крайней мере мисс Пенелоса уже не может преследовать меня. Два дня я наслаждался покоем.

Отчаиваться ещё рано, да и ни к чему.

Между тем все выражают мне сочувствие, признают, что моя преданность науке и тяжёлый характер проводимых исследований и опытов вывели из равновесия мою нервную систему.

Совет университета направил мне письмо, составленное в самых дружественных выражениях. Мне деликатно рекомендуют предпринять длительное путешествие, и надеются, что я поправлю пошатнувшееся здоровье, после чего смогу возобновить преподавательскую деятельность в начале летнего семестра.

В самых лестных выражениях отзываются о моих трудах и заслугах перед университетом.

Воистину, лишь в несчастье можно получить доказательства своей действительной популярности.

Этой твари, быть может, прискучит истязать меня, и тогда всё устроится. Да поможет мне Бог!

29-го апреля. В нашем сонном городке маленькая сенсация.

Криминальной полиции у нас делать нечего, разве что какой-нибудь буйн-недоучка из числа студентов спьяну побьёт газовые фонари да подерётся с полицейским.

Но прошлой ночью была попытка ограбить местное отделение Банка Англии. Все только и говорят об этом. Утром, возвращаясь с прогулки, встретил своего близкого друга — Паркерсона, управляющего отделением. Никогда не видел его таким взволнованным.

Даже если грабителям и удалось бы проникнуть в помещение банка, им пришлось бы возиться ещё с сейфами, так что получилось, что оборона была лучше подготовлена, чем нападение. И вообще, по правде сказать, оно не выглядело удачным.

На оконных рамах первого этажа остались следы ножиц или какого-то другого подобного инструмента, который, очевидно, просовывали снизу, пытаясь открыть окна.

Полиция, должно быть, уже напала на след: оконные рамы накануне были выкрашены, так что пятна зелёной краски должны остаться на руках и одежде преступника.

4 часа дня. Ах, эта подлая женщина! Будь она трижды проклята! Всё равно! Ей не взять верха надо мной! Вот ведьма!

Из-за неё я потерял кафедру, но ей мало того: теперь она покушается на мою честь!

Я, стало быть, ничего не могу против неё сделать, если не считать... Нет, как бы она меня ни изводила, я едва ли смогу на это решиться.

Час назад, причёсываясь у себя в спальне перед зеркалом, я бросил взгляд на нечто, отчего у меня похолодело на сердце. Я почувствовал при этом такую слабость в ногах, что вынужден был сесть на край кровати, чтобы не упасть. После чего разрыдался.

Вот уже много лет как со мной такого не бывало, но на этот раз нервы мои окончательно сдали.

Я мог лишь всхлипывать в бессильном приступе боли и гнева.

Моя пижама, которую я обыкновенно надеваю после обеда, висела на вешалке, возле платяного шкафа, и правый рукав её, от манжеты до локтя, был покрыт толстым слоем зелёной краски.

Вот, стало быть, что означала её последняя угроза!

Она сделала из меня дурака на людях; а теперь ещё хочет заклеить и как преступника.

На сей раз ей это не удалось, но потом!.. Я не смею даже об этом помыслить!

И Агата... И бедная моя мама! Какой удар для неё на старости лет!

Нет, лучше умереть!

Да, вот до какого позора она меня довела. Именно это она несомненно и хотела сказать, когда предупредила, что я и не подозреваю, до каких пределов простирается её власть надо мной.

Я перечитал свои записи, где передан этот наш разговор, и нашёл там утверждение, что покуда она проявляет своё влияние лишь вполсилы, субъект ещё сознаёт свои действия; но когда она прилагает полное усилие, то он уже ничего не помнит и не сознаёт.

А у меня как раз теперь и нет никаких воспоминаний или представлений о том, что я делал сегодня ночью...

Я готов поклясться, что спал всю ночь крепким сном в своей постели и что мне даже ничего не снилось.

И однако — вот пятна, которые недвусмысленно доказывают, что я оделся, вышел и даже пытался открыть окна в банке, после чего вернулся домой.

Видел ли меня кто-нибудь?

Не исключено, что меня и видели за этим занятием. Может быть, даже шли за мной до самого дома.

О, каким адом стала моя жизнь! Я не знаю больше ни отдыха, ни покоя. Но скоро моему терпению придёт конец!

10 часов вечера. Я отчистил пижаму скипидаром. Думаю, меня всё-таки никто не видел.

Открыть окна я пытался с помощью своей отвёртки. Она оказалась вся перемазана краской, так что её мне тоже пришлось почистить.

Голова у меня болит так, словно сейчас разорвётся. Я принял пять гран антипирина.

Если бы не Агата, я принял бы все пятьдесят, и всё было бы кончено.

3-го мая. Три спокойных дня.

Эта адская ведьма играет со мной, словно кошка с мышкой: отпускает лишь за тем, чтоб снова на меня прыгнуть.

Самый сильный страх овладевает мной, когда всё выглядит спокойным.

Здоровье моё в самом плачевном состоянии, равно как и облик: непрерывная икота и тик в левом глазу.

Я слышал, что Агата с матерью вернётся послезавтра.

Не знаю, радоваться мне этому или наоборот. В Лондоне они были в безопасности; но, попав сюда, могут оказаться втянутыми в липкую паутину, в которой я сейчас бьюсь один. И нужно, чтобы я им об этом сказал.

Я не могу жениться на Агате, поскольку не в состоянии отвечать за свои действия.

Да, мне необходимо им всё сказать, хотя это и грозит разрывом.

Сегодня вечером университетский бал, и я должен пойти туда. Но, видит Бог, я всего менее расположен к развлечениям. Однако нельзя, чтобы обо мне сказали, будто я уже не в состоянии показываться на людях.

Если же меня там увидят, если я смогу немного поговорить со своими коллегами, то тем самым я как бы докажу, что лишать меня кафедры было несправедливо.

11.30 вечера. Я был на балу.

Мы пришли туда вместе с Чарльзом Сэдлером, но ушёл я раньше него.

Во всяком случае я дождусь его возвращения: в последнее время я стал бояться засыпать ночью — что-то ещё я выкину во время сна?

Сэдлер — весёлый и практичный парень, разговор с ним укрепит мои нервы.

В общем и целом вечер удался на славу.

Я беседовал со всеми сколько-нибудь влиятельными людьми, и мне кажется, доказал им, что место моё ещё не вакантно.

Мерзавка также была на балу. Она, конечно, не могла танцевать и сидела вместе с миссис Вильсон.

Не единожды взгляд её устремлялся в мою сторону. Но, оглядывая зал, я меньше всего обращал на это внимание.

Один раз, когда я сидел к ней боком и краем глаза наблюдал за нею, я заметил, что взгляд её обращён на кого-то ещё.

Посмотрев в том же направлении, я увидел, что это был Сэдлер, танцевавший тогда с младшей из мисс Тэрстон.

Глядя на девушку, с которой он вальсировал, понимал, как он должен быть счастлив, что, в отличие от меня, ускользнул из лап этой негодяйки. То-то обидно: он даже не знает, от чего спасся!

Кажется, его шаги раздаются на улице. Пойду спущусь, приглашу к себе. Если он захочет...

4-го мая. И зачем я только прошлой ночью вышел из дому? Собственно, я даже не помню, выходил ли я и что было после. Но вместе с тем, не помню и того, когда лёг спать.

Проснувшись утром, я обнаружил, что правая рука у меня распухла и отекала. Ума не приложу, где и как я разбил руку.

С другой стороны, после вчерашнего вечера я чувствую себя необыкновенно хорошо.

Не могу только никак понять, как случилось, что я не встретил Сэдлера, ведь мне так хотелось его видеть.

Боже мой, при одной только мысли... А ведь это возможно, это даже более чем вероятно... Неужели она опять втянула меня в какое-то грязное дело?

Спущусь к Сэдлеру и расспрошу его.

Полдень. Дела обстоят хуже некуда.

Моя жизнь теперь вовсе не стоит того, чтоб жить дальше. Но если я должен умереть, нужно хотя бы, чтоб умерла и она. Не могу же я в самом деле допустить, чтобы, пережив меня, она довела до безумия кого-нибудь ещё, как сделала со мной. Нет, терпение моё лопнуло.

Она превратила меня в загнанного зверя, в существо, опаснее которого на свете уже ничего не может быть. Бог свидетель, я и мухи не мог обидеть, а теперь, если только эта женщина когда-нибудь попадётся мне в руки — ей не быть живой!

Сегодня же увижусь с ней, и она узнает, чего от меня ждать.

Спустившись к Сэдлеру, я был немало удивлён, застав его в кровати.

Едва я вошёл, он приподнялся на постели и повернул ко мне лицо, вид которого меня совершенно потряс.

— Ох, Сэдлер! — вырвалось у меня. — Что с вами случилось?

Внутри меня словно что-то оборвалось, когда слова слетели с моих губ.

— Джилрой, — ответил он, еле шевеля разбитыми губами, — вот уже несколько недель я задаюсь вопросом, не сумасшедший ли вы. Теперь у меня не осталось ни малейших сомнений. Более того, я уверен: вы — опасный сумасшедший. Не бойся я скандала, способного повредить репутации колледжа, вы сейчас были бы уже в руках полиции.

— Что Вы хотите этим сказать? — воскликнул я.

— Вот что я хочу сказать: вчера вечером, как только я открыл дверь, Вы набросились на меня, дважды ударили кулаком по лицу, повалили наземь и принялись пинать ногами, а затем оставили меня почти без чувств лежать на улице. Посмотрите на свою руку! Она обличает вас.

Да, это была сущая правда: рука у меня, от самого запястья, распухла и вздулась, словно наносила удары страшной силы.

Что же делать?

Хотя он и убеждён в моём сумасшествии, мне необходимо было рассказать ему всё.

Я сел возле его кровати и изложил ему историю своих мучений с самого начала.

Да, я рассказал ему всё, рассказал в таких выражениях, пыл которых победил бы неверие самого закоренелого скептика. Во время рассказа руки у меня дрожали.

— Она презирает и вас, и меня! — воскликнул я. — Вчера вечером она отомстила сразу нам обоим. Она не могла не видеть, как я ушёл с бала, и вас, я знаю, она также видела. Ей известно, сколько времени вам понадобится, чтобы вернуться к себе. И тогда-то она и пустила в ход всю свою преступную волю. О, раны, нанесённые вашему лицу, — сущая малость в сравнении с теми, что нанесены моей душе.

Мой рассказ потряс его. Правда моих слов была неоспоримой.

— Да, да, — в задумчивости проговорил он. — Она видела, как я покинул зал. Я знаю, она способна на такое. Но возможно ли, чтобы она впрямь довела вас до этого? Невероятно! И что вы собираетесь теперь делать?

— Положить этому конец! — вскричал я. — Я доведён до последней крайности. Сегодня я только честно предупрежу её, а в следующий раз говорить не стану, а буду действовать.

— Не действуйте опрометчиво, — предупредил он.

— Опрометчиво? — вырвалось у меня. — Опрометчиво для меня теперь только одно: медлить хотя бы минуту!

Выпалив это, я бросился вон из комнаты.

И вот я на пороге события, которое может перевернуть всю мою жизнь.

Примусь за дело сейчас же.

Сегодня я добился серьёзного результата: хотя бы одного человека мне удалось убедить в реальности чудовищных козней, жертвой которых я стал.

И если случится худшее, то этот дневник покажет, до какой крайности я доведён.

Вечером. Когда я пришёл к Вильсону, меня немедленно провели, и я нашёл его в обществе мисс Пенелосы.

В течение получаса мне пришлось выслушивать его шумную болтовню по поводу недавнего исследования им действительной природы спиритических стуков. За всё это время ни негодяйка, ни я не проронили ни слова. Мы лишь неприязненно глядели друг на друга.

В её взгляде читалось злорадство. Она же в моём, думая, читала ненависть и угрозу.

Я уже начал терять надежду, что мне удастся перемолвиться с ней хоть словом, когда Вильсона вдруг позвали, и он покинул комнату. На несколько минут мы остались с глазу на глаз.

— Итак, профессор Джилрой, — сказала она с присущей ей горькой улыбкой, — или, вернее сказать, просто господин Джилрой, как поживает после бала ваш друг Чарльз Сэдлер?

— Чёртова ведьма! — прорычал я. — Сейчас я положу конец вашим фокусам! Хватит с меня. Выслушайте-ка лучше, что я вам скажу.

В два прыжка я пересёк комнату и грубо тряхнул её за плечо.

— Как есть Бог на небе, я клянусь, что если вы ещё хоть раз проделаете со мной одну из своих дьявольских козней, то поплатитесь за это жизнью. Будь что будет, но я, право слово, лишу вас жизни! Я подошёл к пределу человеческого терпения.

— Наши счёты ещё не вполне улажены, — сказала она в запальчивости, не уступавшей моей. — Я умею любить, но умею и ненавидеть. У вас был выбор — и вы отпихнули мою любовь ногой! Так что теперь вам придется ответить моей ненависти. Осталось приложить уже совсем небольшое усилие, и я покончу с вашим упрямством. И будьте уверены: я непременно с ним справлюсь! Мисс Марден, как я слышала, возвращается завтра.

— Какое вам до этого дело? — я уже не владел собой. — Вы мараєте её уже тем только, что смеете произносить её имя. Да если только вы попытаетесь вредить ей...

Она испугалась. Я видел это, хотя она и силилась выглядеть вызывающе. В моём уме она, несомненно, читала роковую мысль и пыталась от меня.

— Она, должно быть, счастлива, имея такого поклонника, — прошипело чудовище, — мужчину, у которого хватает смелости угрожать одинокой и беззащитной женщине! Мне, видимо, следует поздравить мисс Марден с тем, что у неё есть такой галантный заступник!

Слова эти и так язвительны, но самый тон, каким они были сказаны, и облик этого демона не поддаются описанию.

— Оставьте болтовню, — ответил я. — Я пришёл сюда не для праздных разговоров, а единственно чтобы предупредить вас — и предупредить самыми торжественным образом: следующая злобная выходка, каковую вы себе надо мной позволите, окажется для вас последней!

И с этими словами, поскольку я услышал шаги Вильсона, поднимавшегося по лестнице, я вышел из комнаты.

Да, грозный облик ядовитой гадины теперь её не спасёт. Отныне ей стало ясно, что меня следует бояться не меньше, чем её.

Убийство! Какое кошмарное слово. Но когда приходится убивать ядовитую змею или кровожадного тигра — тогда это совсем другое дело.

Пусть же она впредь поостережётся!

5-го мая. К одиннадцати часам ходил на вокзал встречать Агату с матерью.

Она выглядит такой весёлой и счастливой. Какая же она красавица! И как она обрадовалась, увидев меня.

И чем только я заслужил её любовь?

Я проводил их домой, и мы завтракали вместе.

На какой-то миг мне даже почудилось, будто покров забвения скрыл все тревоги и терзания моей жизни.

Агата сказала, что я выгляжу бледным, больным и усталым. Милая девочка приписывает это моему одиночеству и нерадивости наёмной прислуги. Избави Бог, чтобы она когда-нибудь узнала правду!

Пусть силы зла, если они существуют на свете, бросают свою тень только на меня одного, а жизнь Агаты да будет освещена солнцем!

Я только что вернулся от них. Чувствую себя так, словно родился заново.

Когда она рядом, мне кажется, что я могу перенести любые тяготы.

5 часов вечера. Теперь постараюсь быть предельно точным.

Постараюсь как можно точнее записать то, что случилось.

Воспоминание о происшедшем ещё совсем свежо в памяти, и я могу рассказать обо всём, не упуская ни малейшей подробности. Хотя, пожалуй, едва ли мне когда-нибудь удастся забыть события этого дня.

От Агаты я вернулся после ленча. Только я сел работать за свой микроскоп, как тут же вдруг почувствовал, что сознание оставляет меня. Эти обмороки нагоняют на меня ужас, ведь с некоторого времени я слишком хорошо знаю, что они означают.

Придя в себя, я обнаружил, что сижу в какой-то маленькой комнате, весьма непохожей на ту, в какой был раньше.

Комната, уютная и светлая, обставлена креслами и стульями, обтянутыми хлопчатобумажной тканью с рисунком; на окнах разноцветные занавеси, на стенах — тысяча мелких безделушек.

Инкрустированные настенные часы тикали передо мной, стрелки их показывали половину четвёртого.

Обстановка показалась мне хорошо знакомой, и тем не менее я с удивлением озирался по сторонам, пока взгляд наконец не упал на мою фотографию в рамке, стоящую на пианино. По другую сторону я увидел фотографию Агаты.

Я сразу же узнал, где нахожусь: будуар Агаты.

Но как объяснить моё появление и присутствие здесь? Зачем я пришёл сюда? Не был ли я направлен с какой-нибудь дьявольской целью — для исполнения некой гнусности?

И не совершил ли я уже то, ради чего меня сюда направили? Не иначе как, не то бы мне не прийти в себя.

О, как же я испугался! Что я здесь делал?

В отчаянии я вскочил — и на ковёр свалился какой-то небольшой флакон, лежавший, оказывается, до этого у меня на коленях.

Он упал, но не разбился. Я поднял его.

На этикетке я прочитал: «концентрированная серная кислота».

О Боже!

Вытащив стеклянную пробку, я увидел, как из флакона пошёл густой дым; комната стала наполняться резким, удушающим запахом.

Я узнал флакон: он был из моего набора химических реактивов.

Но с какой стати флакон с серной кислотой я принёс в комнату Агаты? Разве это не та самая жидкость, густая и дымящаяся, которой, как известно, пользовались некоторые ревнивые женщины, чтобы погубить красоту своих соперниц?

Сердце у меня перестало биться. Я посмотрел флакон на свет. Слава Богу! — он был полон.

Значит, до сей минуты ничего страшного не произошло.

Но войди Агата минутой раньше, нет сомнений, что дьявольский паразит, вселившийся в меня, заставил бы меня плеснуть этой жидкостью ей в лицо!

А! эта мысль не умещается у меня в голове!

Но, видимо, так оно и было задумано, иначе зачем бы я принёс этот флакон сюда?

При мысли о том, что я чуть было не совершил, мои ослабевшие нервы совсем сдали. Я упал в кресло, меня сотрясла дрожь, и я забился в конвульсиях. Я наверное, являл собой лишь жалкое подобие человека.

Лишь голос Агаты и шелест её платья привели меня в себя.

Подняв глаза, я увидел её голубые, прекрасные очи, с нежностью и жалостью глядящие на меня.

— Нам следует отвезти вас в деревню, Остин. Вам необходимо успокоиться и отдохнуть. Вы страшно устали.

— О, пустяки! — сказал я, сияясь улыбнуться. — Это всего лишь минутная слабость. Теперь мне уже совсем хорошо.

— Я очень сержусь на себя за то, что заставила вас здесь так долго ждать. Бедный мой друг, вы провели в одиночестве по меньшей мере полчаса. В гостиной был пастор, а поскольку я знаю — вы нисколько не дорожите его обществом, то мне и показалось, что будет лучше, если Джейн проведёт вас сюда. Честное слово, мне думалось, что наш викарий никогда не уйдёт!

— И я благодарю Небо за то, что он не ушёл раньше! — воскликнул я с воодушевлением помешанного.

— Да что с вами, Остин, в самом деле такое? — спросила она, беря меня за руку, когда я, шатаясь, попытался встать. — Почему вас так радует, что священник не ушёл раньше? И что это за флакончик у вас в руке?

— Да это так... — ответил я, быстро пряча флакон с кислотой в карман. — Но мне, однако, надо идти, у меня срочное дело.

— Какой у вас сердитый вид, Остин. Я прежде вас таким никогда не видела. Вы чем-то разгневаны?

— Да, разгневан.

— Но не я тому причиной?

— Нет, нет, моя дорогая. Только это слишком долго сейчас объяснять.

— Но Вы мне так и не сказали, зачем пришли.

— Я пришёл спросить, будете ли Вы по-прежнему любить меня, что бы я ни сделал впоследствии и какая бы тень ни легла на моё имя? Будете ли вы по-прежнему доверять мне и останетесь ли мне верны, сколь бы зловещие обвинения надо мной ни висели?

— Вы знаете, что я вам останусь верна, Остин.

— Да, я действительно знаю. И что бы я ни сделал, Агата, знайте, я сделал это единственно ради вас. Меня к этому вынуждают. Нет иного средства покончить с этим, моя милая.

Я обнял её и стремительно вышел.

Пришло время действовать решительно.

Пока это чудовище грозило только моим интересам и моей чести, я мог еще спрашивать себя, что мне следует предпринять.

Но теперь, когда Агата — моя невинная Агата! — оказалась в опасности, мне стало совершенно ясно, что именно я должен сделать.

У меня не было при себе оружия, но это не могло меня остановить. Что за нужда мне в оружии, если я чувствую, как во мне напрягается и вибрирует каждый мускул, рождая силу, которой одержим только яростный безумец?

Я бежал по улицам и был настолько погружён в задуманное, что едва замечал лица друзей, с которыми сталкивался по дороге. Также я едва заметил, как профессор Вильсон выбежал из дома и со стремительностью, не уступающей моей, помчался в противоположном направлении.

Запыхавшийся, но полный решимости, я подошёл к дому и позвонил.

Мне открыла перепуганная служанка, но испуг её удвоился, когда она увидела лицо человека, стоящего перед ней.

— Немедленно проводите меня к мисс Пенелосе, — потребовал я.

— Сударь, — еле слышно ответила она — мисс Пенелоса скончалась сегодня в половине четвёртого пополудни.

1894 г.

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Научное исследование

Всем отважным мужчинам и женщинам, смиренным и просвещённым, у которых хватило нравственного мужества в течение семидесяти лет противостоять насмешкам и пренебрежению света во имя торжества паиважнейшей истины

Март, 1918

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие умы, гораздо более философичные, нежели мой, уже размышляли над религиозной стороной этого предмета, и многие куда более научно устроенные головы обратили своё внимание на физические проявления его. Однако, насколько известно мне, не было сделано ещё ни одной попытки показать взаимосвязь, что существует между той и другой сторонами этой проблемы. И я чувствую, что если б мне удалось хоть в какой-то мере прояснить её, то тем самым я сильно посодействовал бы прояснению самого важного, как мне представляется, вопроса, касающегося всего рода человеческого.

Знаменитый медиум госпожа Пайпер произнесла в 1899 году слова, которые были тогда записаны доктором Ходсоном. Говоря в состоянии транса о будущности духовной религии, она заявила: «В следующем столетии вещи эти сделаются удивительным образом доступны человеческому уму. Я предскажу ещё и то, осуществление чего вы, несомненно, увидите. Прежде, чем людям ясно откроется возможность их сообщения с потусторонний миром, произойдёт ужасная война, которая охватит различные части земного шара. Весь мир должен быть обновлён и очищен, прежде чем смертный своим духовным зрением сможет рядом с собой увидеть друзей из мира иного, и работа именно в этом направлении позволит человечеству достичь совершенства. Поразмысли же над этим, друг».

«Ужасную войну, которая охватит различные части земного шара», мы уже пережили. Остаётся ждать исполнения лишь второй части пророчества.

*А. К. Д.
1918 г.*

Глава первая

ИСКАНИЯ

Психические исследования — это предмет, над которым я всего более размышлял и по поводу которого я всё же куда медленнее составил себе мнение, нежели по поводу какого-либо иного. По мере того как продвигаясь по жизни, происходят определённые события, которые вынуждают человека признать тот факт, что время безвозвратно проходит и что молодость и даже зрелые годы уже давно миновали. Именно это и произошло недавно со мной. В одном из свежих номеров превосходнейшей газеты, которая называется «Лайт»¹, появилась колонка, посвящённая событию тридцатилетней давности, что в среднем соответствует длине жизни одного поколения. Пробежав взглядом текст, я буквально вздрогнул, когда увидел внизу своё имя и узнал, что читаю перепечатку письма, написанного мною в 1887 году, в котором сообщаются некоторые интересные подробности, касающиеся опытов, проведённых во время спиритического сеанса. Отсюда явствует, что предмет этот интересует меня довольно давно и что я не был слишком уж поспешен в намерении составить себе о нём собственное мнение, поскольку заявление о том, что реальность этих явлений представляется мне несомненной, было сделано мною всего лишь пару лет назад.

Если я и говорю здесь о некоторых своих опытах и встретившихся на моём пути трудностях, читатели, надеюсь, не воспримут это как некое ячество, но согласятся с тем, что это самый лучший способ дать ответ именно на те вопросы, которые скорее всего возникнут в уме читателя.

¹ «Лайт» — знаменитая английская газета, специализировавшаяся на публикации материалов, посвящённых «психическим» и спиритическим исследованиям. Выходила в течение нескольких десятков лет. Среди прочих знаменитых авторитетов этой области на её страницах часто публиковался и А. Конан Дойл. «Лайт» (англ. *light*) значит «свет». (И. Р.)

Придерживаясь такой линии, я смогу дать ответ более обший и одновременно, по природе своей, более безличный.

Когда в 1882 году я завершил своё медицинское образование, то, как и большинство молодых врачей, оказался убеждённым материалистом во всём, что касалось человеческой участи. Но в то же время я никогда не переставал быть и ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный Наполеоном звёздной ночью во время египетского похода профессорам-атеистам: «Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?». Ведь если сказать, что Вселенная была создана непреложными законами, то это лишь вызовет другой вопрос: «Кто же создал эти законы?». Я, конечно же, не верю и никогда не верил в человекоподобного Бога, но верю в Разумную Силу по ту сторону всей деятельности природы — Разум столь бесконечно сложный и великий, что мой ограниченный ум не может постичь о нём ничего, кроме самого факта его существования. Добро и зло представлялись мне столь неоспоримыми, что для обоснования их я не видел нужды ни в каком божественном откровении. Но когда я подходил к вопросу о наших хрупких личностях, якобы переживающих смерть, мне казалось, что многие аналогии, наличествующие в природе, отвергают сохранение личности после смерти тела. Так, когда догорает свеча, исчезает свет; когда обрывается провод, исчезает ток. И когда гибнет тело, исчезает сознание. Каждый человек в эгоизме своём может чувствовать, будто его «я» бессмертно, но пусть он взглянет, скажем, на среднего бездельника, принадлежащего к высшему или низшему классу общества — возникнет ли у него тогда в самом деле мысль, будто есть какая-то явная причина, к тому чтобы и такая личность продолжала жить после смерти тела? Это представляется иллюзией, и я был убеждён, что смерть действительно есть конец всего, хотя и не видел причин, чтобы это как-то должно было отражаться на наших обязанностях по отношению к человечеству во время нашего переходящего существования.

Таково было состояние моего ума в ту пору, когда я впервые столкнулся со спиритическими явлениями. Я всегда смотрел на эту тему как на величайшую глупость на свете; к тому времени я прочитал кое-какие рассказы о скандальных разоблачениях медиумов и поражался тому, как человек, будучи в здравом уме, мог вообще в такое поверить. Однако некоторые из моих друзей интересовались

спиритуализмом, и я вместе с ними принял участие в сеансах с верчением стола. Мы получили связные сообщения. Боюсь, единственным результатом этих посланий для меня стало то, что теперь я смотрел на своих друзей с некоторым подозрением. Очень часто сообщения были пространными, слова в них составлялись по слогам за счёт приподнимания и опускания ножки стола, и мне казалось совершенно невозможным, чтобы всё это было случайностью. Стало быть, что-то должно было двигать столом. И я решил, что тут не обошлось без кого-то из моих друзей. Возможно, и они думали обо мне то же самое. Я был озадачен и обеспокоен этим, ибо они были не теми людьми, которых можно заподозрить в мошенничестве. И всё же я не видел иного объяснения этим сообщениям, кроме сознательных манипуляций со столом.

В это же самое время — приблизительно в году 1886 — мне попала книга, озаглавленная «Воспоминания судьи Эдмониса». Её автор был членом Верховного суда США, человеком высокой репутации. В своей книге он рассказывает о том, как после смерти жены продолжал общаться с ней в течение многих лет. Эдмонис приводит разного рода подробности. Я прочитал его книгу с интересом и полнейшим скептицизмом. Мне она показалась примером того, что и в уме людей практического склада могут быть слабые стороны, своеобразная реакция, думалось мне, на плоские факты жизни, с коими они вынуждены постоянно иметь дело. Где, спрашивается, находился тот дух, тот ум, о котором он говорил? Предположим, с человеком произошёл несчастный случай, повлёкший за собой повреждение черепной коробки, — в результате изменится весь его характер, ум высокого порядка опустится до самого низкого уровня. Наконец, под влиянием алкоголя, опиума и других наркотических веществ характер человека может совершенно перемениться. Это должно доказывать, что дух зависит от материи.

Таковы были доводы, которыми я располагал в те дни. Я был не в состоянии понять, что не сам дух меняется в подобных случаях, но тело, через которое дух действует и которое служит ему способом выражения. Это всё равно как повредить скрипку: она издаст лишь нестройные звуки, но сам музыкант, взявший её в руки, не утратит от того своей способности быть виртуозом.

Любопытство моё было достаточно подстёгнуто, для того чтобы у меня возникло желание и впредь при всяком

удобном случае читать литературу подобного рода. Я был весьма удивлён, обнаружив, что многие великие люди, коих имена стали символом науки, целиком и полностью верили в то, что дух независим от материи и может существовать без неё. Когда я рассматривал спиритизм просто как вульгарные домыслы невежд я склонен был относиться к нему с презрением; но, узнав, что его отстаивают такие учёные, как Крукс, известный мне как величайший английский химик, Уоллес, соперник Дарвина, и Фламарион, крупнейший астроном, я уже не мог позволить себе подобное пренебрежение. Было бы слишком легко отмахнуться от их трудов, исполненных самого тщательного и кропотливого анализа предмета и вытекающих из него выводов, сказав себе: «Пусть их! Видно, в голове у них есть прореха». Надо, однако, обладать большим запасом самодовольства и самоуверенности, для того чтобы ни на минуту не предположить, что такая «прореха» имеется как раз в собственной голове. Некоторое время скептицизм мой поддерживало то соображение, что другие авторитетные учёные — сам Дарвин, Гексли, Тиндаль и Герберт Спенсер — потешались над этой новой ветвью исследований. Но когда я узнал, что их пренебрежение достигло такой степени, что они даже не пожелали ознакомиться с предметом, что Спенсер многократно заявил о своём априорном неприятии подобных исследований, тогда как Гексли признался, что его это попросту не интересует, то я был вынужден допустить, что, как ни были они велики каждый в своей области, в данном вопросе они выказали непростительную слабость, поскольку их подход в данном случае крайне догматичен и всего менее научен. Напротив, по-моему, те исследователи, которые не почли за труд изучить спиритические явления и попытаться вывести управляющие ими законы, пошли по истинно научному пути, пути знания и прогресса. И тогда логика моего рассуждения поколебала мой скептицизм.

Однако мои собственные опыты его вновь несколько укрепили. Стоит напомнить, что я работал тогда без медиума, а это всё равно что уподобиться астроному, не пользующемуся телескопом. Сам я не обладаю медиумической способностью, или «психической силою», и те, кто работали со мною обладали ею ещё в меньшей мере. Всех нас, вместе взятых, едва хватало на то, чтоб собрать минимум магнетической силы (можете назвать это как-то иначе), необходимой для получения движений стола, в итоге которых

получаются сомнительные и зачастую глупые послания. У меня до сих пор сохранились записи тех сеансов и копии по крайней мере некоторых из этих посланий. Они не всегда были совершенно глупыми; например, когда, задавая контрольный вопрос, я спросил, сколько мелочи у меня с собой в кармане, стол по буквам ответил: «Мы приходим сюда, чтобы наставлять и возвышать души, а не за тем, чтоб отгадывать детские загадки». И вслед за этим: «Религиозный склад ума, а не критический желаем развить мы в людях». Никто, думаю, не расценит такое послание как ребяческую шутку. С другой стороны, я постоянно опасался, не объясняется ли всё это невольным надавливанием на поверхность стола, которое производят участники сеанса. Именно тогда произошёл случай, сильно меня разочаровавший и заставивший надолго потерять интерес к этим явлениям. В тот вечер условия были очень хорошие и мы получили длинную серию движений, которые, как казалось, совершенно не зависели от нашего влияния. Из них выстраивались длинные и подробные послания, исходившие от духа, назвавшего своё имя и сказавшего, что он был коммивояжёром и погиб недавно во время пожара театра в Эксетере. Все детали выглядели точными, и он умолял нас написать его семье, которая проживала, как он сказал, в местечке под названием Слэттенмир, графство Камберленд. Я так и сделал, но письмо пришло назад как высланное по неверному адресу. До сего дня я так и не знаю, было ли то розыгрышем, или произошла какая-то ошибка в написании адреса; но таковы факты, и на какое-то время они породили у меня отвращение ко всему роду этой деятельности. Одно дело было изучать предмет, но когда предмет этот начал устраивать изощрённые шутки, то, показалось, пришло время сделать перерыв. Если есть на свете такое место как Слэттенмир, то я даже и сейчас был бы рад узнать об этом.

В то время я занимался врачебной практикой на Южных морях, где и познакомился с генералом Дрейсоном, человеком весьма выдающегося характера. Он был одним из британских первопроходцев в области Спиритизма. К нему обратился я со своими трудностями, и он очень терпеливо меня выслушал. Он уделил весьма мало внимания моей критике в том, что касалось нелепости большинства посланий и совершенной ложности некоторых из них. «Просто по поводу этих явлений у вас в голове пока не сложилось фундаментальной истины, — сказал он. —

А истина эта состоит в том, что всякий дух во плоти переходит в следующий мир точно таким, каков он есть, без каких-либо изменений. В нашем мире куда как хватает людей слабохарактерных и глупых. То же самое, стало быть, должно иметь место и в мире следующем. И вам нет надобности вступать в общение с подобными людьми там, точно так же как вы не делаете этого здесь. Следует выбирать себе собеседников, попутчиков и друзей. Попробуйте представить, что человек из нашего с вами мира, который прожил всю жизнь в собственном доме, никогда не выходил из него и не общался с себе подобными, однажды высовывает голову из окна, чтобы посмотреть, где он, собственно, находится и что это за место, в котором он живёт. Что из этого может получиться? Какие-то грубые мальчишки могут наговорить ему кучу глупостей. И он, таким образом, ничего не узнает ни о мудрости, ни о величии этого мира. Он тогда втянет голову назад, решив про себя, что мир этот — весьма ничтожное место. Именно это и произошло с вами. Во время сумбурного сеанса, лишённого определённой цели, вы заглянули в тот мир и натолкнулись там на каких-то вздорных мальчишек. Не останавливайтесь на этом, идите дальше и постарайтесь увидеть нечто лучшее.» Таково было объяснение генерала Дрейсона, хотя и не могу сказать, что оно тогда меня удовлетворило. Но сегодня я думаю, что оно было всего ближе к истине.

Таковыми были мои первые шаги в Спиритизме. Я всё ещё был скептиком, но по крайней мере стал и исследователем, и когда слышал, как какой-нибудь старомодный критик заявлял, будто объяснять в этой области, собственно, нечего, и что всё это мошенничество, или что все необходимые пояснения может дать хороший фокусник, то я уже хотя бы знал, что такая критика — вздор. Правда, опыта, которым я к тому времени располагал, не хватало, чтоб убедить меня самого, но я не переставал читать литературу и мог видеть, сколь глубоко другие люди проникли в этот предмет, и я признавал, что свидетельства в пользу Спиритизма столь неопровержимы, что никакое другое религиозное движение на свете не может с ним сравниться. Это, правда, ещё не доказывало его истинности, но по крайней мере свидетельствовало, что он вполне заслуживает уважения и что от него нельзя просто отмахнуться.

Возьмите странное происшествие, которое Уоллес справедливо назвал «современным чудом». Я предпочитаю

говорить именно о нём, потому что событие это кажется всего более невероятным. Я имею в виду утверждение, что Д. Д. Хоум (который, кстати сказать, никоим образом не был, как полагают некоторые, платным медиумом, ибо он племянник графа Хоума), выпрыгнув при свидетелях из окна дома, вместо того чтобы упасть, поднялся по воздуху и влетел в другое окно того же дома на высоте 70 футов над землёй¹. Я не мог в это поверить. И всё же, когда я узнал, что факт этот подтверждён тремя свидетелями, присутствовавшими при сём: лордом Данрейвеном, лордом Линдсеем и капитаном Уинном — все трое люди чести, пользующиеся большим уважением, — и что впоследствии они пожелали удостоверить свои показания под присягой, то мне оставалось только признать, что очевидность факта была здесь гораздо лучше удостоверена, нежели в отношении многих удалённых от нас во времени событий, которые весь мир согласился рассматривать как истинные и действительно имевшие место.²

Все эти годы я продолжал участвовать в сеансах со столами, порой совершенно безрезультатными, а иногда дававших результаты тривиальные. Но всё же время от времени мы получали и результаты совершенно удивительные. У меня до сих пор сохранились записи тех сеансов, и я приведу фрагменты одного из них, которые позволили сделать вполне определённые выводы, но вместе с тем это настолько не соответствовало моим тогдашним представлениям о загробной жизни, что в те дни скорее лишь позабавило меня, чем убедило. Но теперь, когда я вижу, что те результаты очень во многом согласуются с откровениями, приведёнными в «Рэймонде»³, и с другими, более поздними рассказами, я смотрю на них другими глазами. Я вполне сознаю, что все сообщения о потусторонней жизни разнятся между собой в подробностях; я полагаю, однако, что и большинство рассказов о нашей жизни

¹ Приблизительно 21 м. (Й. Р.)

² Намек на библейские мифы. (Й. Р.)

³ «Рэймонд» — название книги Оливера Лоджа, выдающегося английского физика и проповедника Спиритизма. Рэймонд — имя сына учёного, который был военным инженером и погиб во время первой мировой войны. В книге содержится большой объём фактического и теоретического материала, касающегося проблем Спиритизма. Особенность книги заключается в том, что основу её составляют спиритические послания Рэймонда Лоджа своим родителям. (Й. Р.)

на Земле в подробностях согласуются друг с другом ничуть не больше, но всё же в главном между ними есть большое сходство, которое в данном случае изрядно далеко от тех представлений, какие были об этом у меня или тех двух дам, что участвовали со мною в сеансе. В общении с нами, один вслед за другим, вступили два духа. Первый по буквам назвал своё имя: «Дороти Потлетуэйт» — имя, никому из нас не известное. Она сказала, что умерла пять лет назад в Мельбурне в возрасте шестнадцати лет, что теперь она счастлива, что у неё есть дело, которым она занимается, и что она училась в школе вместе с одной из присутствующих дам. По моей просьбе эта дама отняла от стола руки и назвала ряд фамилий; при произнесении имени и фамилии директрисы школы стол слегка приподнялся. Это выглядело как подтверждение предыдущего заявления. Далее дух этой девушки сказал нам, что мир, в котором она теперь живёт, располагается вокруг Земли. Ей знакомы также и другие планеты. Так, на Марсе живёт раса гораздо более продвинутая, чем мы, и каналы на этой планете искусственного происхождения. В их мире нет физической боли, но могут быть душевные муки. Ими правят. Они питаются пищей. При жизни на Земле она была католичкой и осталась ею и сейчас, но у неё нет никаких преимуществ перед протестантами. Среди её окружения есть также буддисты и магометане, но все живут в одинаковых условиях. Она ни разу не видела Христа и знает о нём не больше, чем знала на Земле, но верит в его влияние¹. Духи молятся. Они умирают в своём мире, прежде чем вступить в другой. У них есть удовольствия — музыка среди них. Это царство света и веселья. Она добавила, что у них нет ни богатых, ни бедных и что общие условия жизни несравненно счастливее, чем на Земле.

Девушка пожелала нам доброй ночи, и стол тут же оказался во власти гораздо более энергичного влияния, так как движения его стали значительно резче. На мой

¹ По нормам русского правописания, говоря о Христе в 3-м лице, пишут Он, Его и т. д. Мы же в книгах спиритов пишем эти местоимения со строчной буквы. К этому нас обязывает спиритическая идеология: спириты не считают Христа Богом или даже сыном Божиим в буквальном смысле. С точки зрения Спиритизма, каждый человек — точно такой же сын Божий и имеет право заявить о себе: «Я есмь сын Божий». Для спиритов Иисус Христос — не божество, но дух, стоящий на самой вершине духовной иерархии и представляющий для нас, землян, самого Бога.

вопросы последовал ответ, что со мной общается дух человека, которого я здесь назову Доддом. Он прославился как замечательный игрок в крикет, и мы с ним довольно серьёзно беседовали в Каире незадолго до его отъезда на Нил в составе Донголезской экспедиции, где его и настигла смерть. Обращаю внимание читателя, что этот период моих исследований приходится на 1896 год. Ни одна из дам о Додде ничего не знала. Я начал задавать ему вопросы точно так же, как если бы он сидел передо мной, и он отвечал мне быстро и уверенно. Ответы часто были совершенно противоположны тому, что я ожидал услышать, так что невозможно подумать, будто я как-то влиял на них. Он сказал мне, что счастлив и не желает возвращаться на Землю. Живя среди нас, он был «вольнодумцем» (т. е. не верил в Бога), но не страдает из-за того в этой следующей своей жизни. Молитва, однако, великолепная вещь, так как она поддерживает нас в соприкосновении с миром духов. Если бы он молился прежде, то достиг бы в духовном мире более высокого положения.

Это, я должен заметить, представляется противоречащим его утверждению о том, что он не пострадал там от земного «вольнодумства», хотя, конечно, молитвой пренебрегают и многие из тех, кто не являются вольнодумцами.

Его смерть была безболезненна. Он рассказал о смерти Полуэлла, молодого офицера, погибшего раньше него. Когда он (Додд) умер, то увидел людей, пришедших встретить его, но Полуэлла среди них не оказалось.

Додд был занят в том новом мире, но ему стало известно о падении Донголы. Он, однако, не присутствовал в духе на званом обеде, состоявшемся вскоре после этого в Каире. Ему теперь известно больше, чем при жизни. Он напомнил мне о нашем разговоре в Каире. Продолжительность жизни в следующем мире короче, чем на земле. Он не видел ни генерала Гордона, ни духов других знаменитых людей. Духи в их мире живут семьями и общинами. Мужья и жёны не обязательно встречаются, но те, кто действительно любили друг друга, непременно встречаются вновь.

Я дал этот краткий обзор сообщений, с тем чтобы показать, какого характера материал мы получали, хотя надо признать, что образцы, приведённые мною, весьма выигрышны как с точки зрения пространности, так и смысловой цельности. Из этого обзора следует, что несправедливо уподобляться критикам, которые утверждают, будто на

таких сеансах ничего, кроме глупостей, не получается. В данных случаях речь не идёт о глупостях, если только глупостью мы не называем всё то, что не согласуется с нашими предвзятыми и поверхностными идеями. С другой стороны, какое доказательство было тому, что сообщения эти соответствовали действительности? Я подобных доказательств увидеть не смог, так что мне оставалось только удивляться. Сейчас, когда опыт мой значительно расширился, когда я знаю, что аналогичного рода информация была получена слишком многими людьми независимо друг от друга и во многих странах, я думаю, что такое согласование свидетельств по всем законам здравого смысла составляет своеобразный довод в пользу того, что все эти сообщения истинны. Но в то время я не мог вписать подобную концепцию о будущей жизни в свою философскую схему, я только отметил её и прошёл мимо.

Я продолжал читать множество книг о данном предмете и всё более и более ценил то, какая тьма тьмущая существует о нём свидетельств и с какой тщательностью проведены подобные наблюдения. Всё это производило на меня гораздо большее впечатление, нежели те ограниченные феномены, что находились в пределах моего собственного практического достижения. Тогда или несколько позднее я прочитал книгу господина Жаколио об оккультных явлениях в Индии. Жаколио был председателем трибунала во французской колонии Чандернагор; у него довольно юридический склад ума, и при этом он был скорее предубеждён против Спиритизма. Жаколио принял участие в ряде опытов с йогами, которые оказали ему доверие, потому что он был человеком, располагавшим к себе, а также говорил на их языке. В своей работе он подробно расписывает всевозможные меры предосторожности, которые ему пришлось принять, дабы оградить себя от всякой попытки обмана. Чтобы сократить его изрядно длинный рассказ, скажу лишь, что ему довелось наблюдать там все явления, которые мы получаем с медиумами высокого класса; например, всё то, что проделывал Хоум. Жаколио был приобщён к эфирному зависанию тел, управлению огнём, к передвижению предметов на расстоянии, к ускоренному проращиванию растений, к левитации столов. Сами йоги объясняли свои способности тем, что они обладают ими от *питри* (духов); единственное различие между их способами и нашими состояло, по-видимому, в том, что они больше

пользовались прямым вызыванием. При этом они утверждали, что способности эти были переданы им ещё в незапамятные времена и восходят к халдеям¹. Всё это произвело на меня сильное впечатление, ведь оказывалось, что у йогов и у нас, хотя мы ничего и не знали друг о друге, были совершенно одинаковые результаты. И здесь речь не шла об «американских подлогах и подделках» или о «современной вульгарности», в чём столь часто Спиритизм обвиняют в Европе.

В ту пору я испытывал также влияние отчёта Диалектического общества, хотя он и появился на свет в далёком 1869 году. Это весьма убедительный документ. Встретив лишь хор насмешек со стороны невежественных и материалистических газет тех дней, он тем не менее являлся свидетельством, обладавшим исключительной ценностью. Членами Общества были люди с хорошей репутацией и открытым умом, пожелавшие исследовать физическую сторону феноменов Спиритизма. Они приводят полный отчёт о своих опытах и о разработанной ими системе предосторожностей против подлога. По прочтении составленного ими отчёта трудно увидеть, к какому иному выводу могли ещё прийти его авторы, помимо того, что провозглашается ими, а именно: описанные явления, без всякого сомнения, действительно существуют и указывают на законы и силы, ещё не изученные наукой. Наиболее примечательно в данном случае то, что если бы учёная комиссия вынесла вердикт против Спиритизма, то тот определённо был бы воспринят как смертельный удар спиритуалистскому движению, но поскольку их вывод явился подтверждением феноменов, то и не встретил ничего, кроме насмешек. Такая же участь постигла и множество иных исследований, начиная с тех, что состоялись в 1848 г. в Гайдсвилле, и вплоть до произведенных после того, как профессор Хэйр из Филадельфии устремился, подобно святому Павлу, чтобы воспротивиться истине, но был вынужден почтительно склониться перед нею.

Где-то к 1891 году я стал членом Общества психических исследований и получил возможность читать все его отчёты. Мир многим обязан методичной, неутомимой работе этого Общества и трезвости суждения, которою пронизаны все его труды. Но всё же я позволю себе заметить, что

¹ Louis Jacolliot, «Le Spiritisme dans le Monde», Paris, A. Lacroix, 1875. (И. Р.)

что в своём желании избежать сенсационности составители отчётов сами отбивают у людей всякую охоту узнать о великолепной работе, ими проделанной, и извлечь пользу из её результатов. Полунаучная терминология, используемая ими, также отпугивает обычного читателя, и, когда я читаю их статьи, мне порой вспоминаются слова американского траппера из Роки-Маунтинз. Рассказывая мне об одном человеке из университета, у которого охотник был проводником, он охарактеризовал его следующим образом: «Он такой умный, что никогда не поймёшь, о чём он там говорит». Но, несмотря на эти мелкие странности, те из нас, кто жаждал света во тьме, смогли обрести его именно благодаря методичной, неустанной работе Общества. И её влияние также является одной из тех сил, что и сейчас помогают мне оформить собственные мысли. Но есть ещё и другая сила, оказавшая на меня глубокое воздействие.

Хотя я и читал обо всех опытах, проделанных великими исследователями, но мне ни разу не встретилось с их стороны ни малейшей попытки создать такую систему взглядов, которая бы вместила в себя их все. И вот я познакомился с монументальной книгой Мейерса «Человеческая личность»¹, книгой, которая является как бы корнем, из коего в своё время вырастет всё древо знания. Автор не мог в этой книге создать системы, которая бы включила в себя все феномены, называемые спиритическими; но, обсуждая действие ума на ум, которое он сам назвал телепатией, Мейерс высказал своё мнение с такой ясностью и тщательно проработал его с таким множеством примеров, что все, за исключением только тех, кто сам не пожелал видеть и признавать очевидность, рассматривают теперь его труд как научный факт.² И это было огромным шагом

¹ F. W. H. Meyers, «Human Personality and its Survival of Bodily Death». (Человеческая личность и её сохранение после смерти тела). Помимо английского оригинала существует переработанный французский перевод, который во многих отношениях предпочтительней своего прототипа: Frederic Meyers, «La Personnalite humaine; sa survivance; ses manifestations supranormales». (И. Р.)

² Это фундаментальное исследование издано Фредериком Мейерсом, профессором из Кембриджа, в 1903 году. В том же году профессор Ф. Флурнуа из Женевского университета, известный скептик в такого рода вопросах, о важности этого сочинения высказался в следующих выражениях: «Доказательства и рассуждения, выдвинутые Мейерсом в пользу сверхъестественных психических феноменов, представляют собой, по численности своей и весомости, слишком серьёзное и объёмное dossier для того, чтобы теперь можно было его игнорировать, если только нарочно не закрывать на него глаза, и было бы явным сумасбродством пытаться ныне отрицать его всё целиком под тем фальшивым предлогом, будто подобный предмет не заслуживает внимания науки». (И. Р.)

вперёд. Если ум может действовать на ум на расстоянии, то это означает, что в человеке есть силы совершенно отличные от материи, как мы её всегда понимали. Почва у материализма, таким образом, уходила из-под ног, и мои старые принципы оказывались разрушенными. Я утверждал прежде, что пламени не может быть, если свеча догорела. Но здесь пламя оказывалось никак не связанным со свечой и действовало совершенно самостоятельно. Аналогия, стало быть, оказалась ложной. Если мысль, дух, разум человека могут действовать в отдалении от тела, то, значит, они, до известной степени, есть нечто отдельное, отличное от тела. Почему же в таком случае дух не может существовать сам собой даже тогда, когда тело, уже погибло? С теми, кто недавно умер, проявления эти выражаются не только в виде действия мысли на расстоянии, но и приобретают внешность умерших, доказывая тем, что данные проявления осуществляются чем-то в точности таким же, как тело, но всё же действующим вне его и его переживающим. Такие явления, как простейшие случаи чтения мыслей, с одной стороны, и деятельное проявление духа, независимое от тела, с другой, представляют собой звенья одной сплошной цепи доказательств, связанных между собой и друг в друга переходящих. Это обстоятельство представилось мне первым из признаков, слагающих научную систему, а система вносит строй и порядок в то, что до этого выглядело всего лишь нагромождением невероятных и более или менее разрозненных фактов.

Примерно в то же время мне представилась возможность принять участие в интересном эксперименте, ибо я был одним из трёх членов Психического общества, которых оно направило на место событий в «непокойный» дом. Это оказался один из тех случаев полтергейста, когда разного рода звуки и глухие проделки продолжаются в течение многих лет, что очень похоже на классический случай семьи Джона Уэсли в Эпуорте в 1726 году или на то, что произошло с семьёй Фокс в Гайдсвилле возле Рочестера в 1848 году и дало начало современному Спиритизму. Из нашей поездки не вышло ничего сенсационного, и всё же она не оказалась совершенно бесплодной. В первую

ночь ничего не произошло. Во вторую мы слышали сильный шум: звуки напоминали сильные удары палкой по столу. Мы, разумеется, приняли все меры предосторожности, но нам не удалось найти объяснения этому шуму, однако, мы не могли бы поручиться, что с нами не сыграли какой-то замысловатой дурной шутки. На этом дело пока и кончилось. Тем не менее, несколькими годами позже я встретил одного из жильцов этого дома, и он сказал мне, что уже после нашего посещения в саду при доме были отрыты останки ребёнка, закопанные, по-видимому, довольно давно. Согласитесь, что это весьма примечательно. «Непокойные» дома — это редкость, и дома, в садах которых зарыты человеческие останки, надеюсь, тоже. То, что оба этих исключительных обстоятельства объединены относительно одного и того же дома, определённо является доводом в пользу подлинности феномена. Интересно напомнить, что и в случае с семьёй Фокс также есть упоминание о человеческих костях и признаки того, что в подвале дома когда-то произошло убийство, хотя преступление как таковое никогда установлено и не было. У меня нет особых сомнений в том, что если бы Уэсли смогли вступить в словесный контакт со своим преследователем, то они бы узнали, что могло послужить причиной подобной назойливости. Похоже на то, что если жизнь прерывается внезапно и резко, то у человека ещё сохраняется некий неизрасходованный запас жизненности, которая может находить себе выход, проявляясь таким необычным и злонамеренным образом. Позднее я ещё раз столкнулся с подобным явлением, рассказ о чём помещён в конце этой книги.¹

С тех пор, вплоть до начала войны, в редкие часы досуга своей весьма занятой жизни, я продолжал уделять внимание избранной теме. Я присутствовал на целой серии сеансов, давших удивительные результаты, включая множество материализаций, видимых в полумраке. Однако, поскольку медиум некоторое время спустя был ули-

¹ См. «Черитонское бомбоубежище» на стр. 405. (Й. Р.)

чѣн в трюкачестве, я был вынужден отказаться от этих результатов как доказательства. В то же время крайне важно уберечься от предубеждённости, и я думаю, что медиумы вроде Эвзапии Палладино могут поддаться искусу трюкачества, если им изменяет их медиумический дар, тогда как в другое время достоверность их дара не может быть подвергнута никакому сомнению. Медиумичество в низших своих формах является даром чисто физическим и никак не связано с нравственностью наделѣнного им лица; помимо того, эта способность обладает свойством то появляться, то исчезать и не зависит от воли её носителя. Эвзапия была по меньшей мере дважды уличена в грубом и глупом обмане, и в то же время она многожды выдерживала всевозможные тестирования и проверки в условиях самого жѣсткого контроля со стороны учёных комиссий, в состав которых входили лучшие имена Франции, Италии и Англии. Тем не менее, что касается меня, я предпочитаю напрочь исключить из своего учёта эксперименты, проведѣнные с хотя бы единожды скомпрометировавшим себя медиумом, и считаю, что все физические феномены, произведѣнные в темноте, необходимым образом много тем потеряли в собственной значимости, если они не сопровождались при этом какими-то побочными явлениями.

Наши критики обычно утверждают, что если исключить из всего объѣма полученных нами свидетельств те результаты, которые доставлены скомпрометированными медиумами, то никаких свидетельств уже, собственно, и не останется. Это, однако, совершенно не так. До только что упомянутого инцидента я никогда ранее не прибегал к услугам профессионального медиума, и всё же у меня накопились определённые свидетельства. Самый величайший из всех медиумов — Д. Д. Хоум — демонстрировал свои способности средь бела дня и всегда был готов подвергнуться любому контролю, но обвинение в трюкачестве на него ни разу не возводилось. Так же было и со многими другими. Было бы только полезным добавить, что титул публичного медиума является притягательной вывеской, настоящей приманкой для разного рода охотников за

известностью, для любителей разоблачений и жадных до сенсаций журналистов; и когда такой искатель сомнительной популярности производит в темноте некие подозрительные операции и должен к тому же оправдываться перед жюри и судьями (каковые, как правило, также ничего не смыслят в условиях, влияющих на проявление феноменов), то было бы чудом, если бы такой самозванец выбрался из всего этого без соответствующего скандала. В то же время сама по себе система оплаты медиума по результатам, которой практически только и придерживаются устроители сеансов и предполагающая, что если медиум не произвёл явлений, то он и не получит жалованья, есть система глубоко порочная. Лишь в том случае, если профессиональный медиум будет гарантирован в своих доходах, мы сможем устранить сильное для него искушение возместить собственным искусством то, в чём на данный миг ему может быть отказано его природой.

Итак, я обрисовал эволюцию своей собственной мысли вплоть до начала мировой войны. Надеюсь, с моей стороны не будет самонадеянностью утверждать, что развитие это не было слишком уж скороспешным и не носит на себе следов легковерия — два воистину глобальных обвинения, которые выдвигают против нас оппоненты. Оно, напротив того, оказалось слишком неспешным, ибо я был преступно медлителен, помещая на весы справедливости любую мелочь, которая могла бы оказать на меня влияние. Не разразись эта война, я, скорее всего, так и провёл бы жизнь лишь на подступах к истинным психическим исследованиям, высказывая время от времени своё симпатизирующее, но более или менее дилетантское отношение ко всему предмету — как если бы речь здесь шла о чём-то безличном и далёком, вроде существования Атлантиды. Но пришла Война и принесла в души наши серьёзность, заставила нас пристальнее присмотреться к себе самим, к нашим верованиям, произвести переоценку их значимости. Когда мир бился в агонии, когда всякий день мы слышали о том, что смерть уносит цвет нашей нации, заставляя молодёжь нашу на заре многообещающей юности, когда мы видели кругом себя жён и матерей, живущих с пониманием того, что их любимых супругов и чад более нет в живых, мне вдруг сразу стало ясно, что эта тема, с которой я так долго заигрывал, была не только изучением не-

кой силы, находящейся по ту сторону правил науки, но что она — нечто действительно невероятное, какой-то разлом в стене, разделяющей два наших мира, непосредственное, неопровержимое послание к нам из мира загробного, призыв надежды и водительство человеческой расе в годину самого глубокого её потрясения. Внешняя, материальная сторона этого предмета сразу потеряла для меня интерес, ибо, когда я понял, что он несёт истину, то исследовать снаружи здесь стало нечего. Его религиозная сторона явно имела бесконечно большее значение. Так, сам по себе телефонный звонок есть суцая безделица, но он ведь признак того, что с вами желают говорить, и тогда может оказаться, что с помощью телефонного аппарата вы узнаете нечто для себя жизненно важное. Похоже, все феномены, и большие и малые, являются своего рода телефонными звонками, которые, невзирая на свою сутубо материальную природу, кричат рсду человеческому: «Прислушайтесь! Пробудитесь! Будьте готовы! Вот подаются вам знаки. Они приведут вас к посланию, которое желает передать вам Господь». И важно само послание, а не эти знаки. По всей видимости, некое Новое Откровение готовилось быть переданным человечеству, хотя и можно сказать, что оно пока находится только на стадии Иоанна Крестителя по отношению к учению Христа, и никто не в состоянии ещё сказать, сколь велика окажется полнота и ясность этого Нового Откровения. Моё мнение таково, что психические явления, существование которых было вполне и всецело доказано с точки зрения всех, кто дал себе немного труда ознакомиться с действительными фактами, сами по себе не имеют никакого значения и что действительная их ценность заключается лишь в том, что они поддерживают собой и придают объективную реальность огромному множеству знаний, которые призваны глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и которые должны, при верном понимании и усвоении, превратить религию в явление в высшей степени действенное, предметом коего станет не вера, но действительный опыт и истина. Именно к этой стороне вопроса я и хотел бы сейчас обратиться, но я должен еще сделать некоторые дополнения к своим предыдущим замечкам, касающимся моего личного опыта. Дело в том, что с самого начала войны, благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам,

мне удалось найти подтверждение сформировавшемуся у меня мнению об истинности и достоверности общих фактов, лежащих в основании самих моих идей.

Эти благоприятные обстоятельства заключались в том, что у одной дамы, тесно с нами связанной, некой мисс Л. С., развилась способность автоматического писания. Из всех форм медиумичества данная представляется мне нуждающейся в самом жёстком контроле более, чем какая-либо другая, ибо автоматическое письмо очень сильно подвержено не столько обману, сколько самообману, каковой есть вещь более тонкая и опасная. Вопрос в том, пишет ли леди сама, или же, как она утверждает, это делает за неё некая внешняя сила, подчиняющая её себе, наподобие того, как это происходило с израильскими хронистами, писавшими Библию и также утверждавшими, что они находятся под водительством. В случае с Л. С. нельзя отрицать, что некоторые сообщения оказывались неверными;¹ они были особенно ненадёжны во всём, что касалось времени. Но, с другой стороны, множество их было признано правильными и выходило далеко за пределы таких объяснений, как отгадка или совпадение. Так, например, когда затонула «Лузитания» и утренние газеты писали, что, по поступившим сведениям, катастрофа не повлекла за собой человеческих жертв, медиум тут же написала: «Это ужасно, ужасно и сильно повлияет на исход всей войны».

¹ Тем более нельзя отрицать этого в случае с Библией, каковая представляет собой сумбурное собрание медиумических записей. И только безнадежно наивные, доверчивые и легкомысленные люди могут поверить, будто этот свод противоречивых, нелепых и часто мерзостных рассказов продиктован Святым Духом.

Двести лет назад великий духовидец и философ Сведенборг также состоял в общении с миром духов. И один из постоянных его собеседников представился ему Господом Богом (что, надо сказать, не редкость в подобных случаях). Он продиктовал доверчиво внимавшему Сведенборгу множество хороших вещей, но также немало и небывлиц, достойных не всезнающего Бога, но духа, не очень высоко взошедшего в духовной иерархии. И хотя в писаниях Сведенборга нет глупостей и гнусностей, которыми так богата «святая» Библия, никому тем не менее не пришло тогда в голову признать его откровение за Божественное. Так случилось по той простой причине, что в умах тогдашних европейцев это место было безраздельно занято Библией.

Эта книга, уже имевшая достойных кригов со стороны житейского здравого смысла в лице Болингброка, Вульстона, Вольтера, Гольбаха, Таксиля и других, еще дожидается своего критика со стороны здравого спиритуализма. Основу этой критики уже заложил Аллан Кардек. См. его «Книгу Бытия, чудеса и предсказания в объяснении Спиритизма». (Й. Р.)

И действительно, данная трагедия оказалась определяющей причиной американского вступления в мировой конфликт — сообщение, стало быть, было верным в обоих отношениях. В другой раз, она предсказала прибытие важной телеграммы, указав даже дату её получения, а также имя отправителя, человека, от которого всего менее можно было её ожидать. Во всех случаях никто не смог усомниться в подлинности её инспирации, хотя ошибки и бывали весьма существенны. Это походило на то, как если бы пытаться услышать верную информацию по испорченному телефону.

В моей памяти запечатлелся ещё и другой инцидент, относящийся к первым дням войны. В одном провинциальном городке умерла знакомая мне дама. Она была хронической больной, и у её изголовья нашли морфий. Состоялось расследование, в результате которого не было принято никакого решения. Восемью днями позже я участвовал в сеансе, проводимом г-ном Ваутом Питерсом. После серии неопределённых и бессвязных фраз он вдруг сказал: «Здесь есть одна дама, её поддерживает пожилая женщина. Эта дама всё время говорит о морфии. Она уже трижды сказала об этом. Ум у неё затемнён, и она делает это ненарочно. Морфий!» Приблизительно таковы были его слова. О телепатии не могло быть и речи, ибо в ту минуту у меня в голове были совершенно иные мысли, и я никак не ожидал такого послания.

Помимо личного опыта исследователей, дополнительный вес спиритическому движению придавала превосходная литература, возникшая вокруг него за последние несколько лет. Если бы не существовало других книг о Спиритизме, кроме тех пяти, которые появились в течение полутора последних лет — я имею в виду «Рэймонда» профессора Оливера Лоджа, «Психические исследования» Артура Хилла, «Реальность психических феноменов» профессора Кроуфорда, «На пороге Незримого Мира» профессора Баррэта и «Дионисово ухо» Джеральда Бальфура, — то и этих пяти книг, на мой взгляд, хватило бы разумному человеку, чтобы убедиться в реальности этих фактов.¹

¹ Sir Oliver Lodge, «Raymond»; Arthur Hill, «Psychical Investigations»; Pr. Crawford, «Reality of Psychical Phenomena»; Pr. W. Barrett, «Threshold of the Unseen»; Gerald Balfour, «Ear of Dionysius». (И. Р.)

Прежде чем вдаваться в вопрос об этом новом религиозном Откровении и объяснять, как оно нас достигает и в чём заключается, я бы хотел сказать несколько слов по иному поводу. Наши противники, полагая, что они нас тем сильно затруднят, всегда укрываются за двумя родами возражений. Первое, что факты, на которые мы опираемся, недостоверны или ложны; на это я уже дал ответ. Второе, то, что мы затрагиваем предмет запретный, который нам следует немедленно оставить. Поскольку я стоял на точке зрения сравнительно материалистической, то такое возражение никогда меня не волновало; но тем, кого оно смущает, я бы посоветовал принять во внимание следующие соображения. Основное из них следующее: Бог не давал нам способностей, которые бы мы при любых обстоятельствах должны были оставить неиспользованными. Сам по себе факт нашего обладания данными способностями доказывает то, что наш неотъемлемый долг изучать и развивать их. Правда, здесь, как, впрочем, и повсюду, мы можем совершить злоупотребления, если потеряем чувство меры. Однако я повторяю, что обладание этими способностями как таковое является веской причиной того, что пользование ими законно и обязательно.

Следует также напомнить, что этот вопль о «запретном знании», подкреплённый более или менее удачно подобранными цитатами, всегда раздавался только затем, чтобы остановить всякий прогресс человеческого знания. Он прозвучал когда-то в адрес новейшей астрономии, и Галилей должен был отречься от своих взглядов. Он звучал в адрес Гальвани и электричества. Тот же аргумент был употреблён и против Дарвина, которого бы, несомненно, сожгли, живи он несколькими столетиями раньше. То же заклинание звучало, и когда Симпсон применил хлороформ при родах, ведь в Библии сказано: «В болезни будешь рождать детей».¹ Воистину, к доводу, который выдвигается столь часто и столь же часто оказывается несостоятельным, нельзя относиться очень уж серьёзно.

¹ Синодальный перевод в этом месте, как и во многих других, неточен. На самом деле речь идёт здесь не о болезни, но о боли, которая, по замыслу авторов Библии, всегда сопровождает роды. Им было совершенно невдомёк, что это правило отнюдь не является всеобщим. (Й. Р.)

Тем же, для кого теологический аспект является камнем преткновения, я советую прочитать две коротких книги, каждая из которых написана служителями церкви. Одна из них — «Идёт ли Спиритизм от Дьявола» преподобного Филдинга Оулда, стоимостью в два пенса. Другая — «Наше «Я» после смерти» — принадлежит перу преподобного Артура Чамберса.¹ Могу также порекомендовать сочинения преподобного Чарльза Туидэйла, посвящённые этой теме. Позволю себе, помимо того, добавить, что, когда я впервые публично высказал свои взгляды по данному поводу, то одним из первых сочувственных откликов стало полученное мною письмо от покойного архидиакона Уилберфорсского.

Есть некоторые теологи, которые не только противятся Спиритизму как культу, но и идут дальше, утверждая, что феномены и послания исходят от демонов, принимающих личину умерших, которых мы знаем, либо утверждающих, будто они являются небесными учителями. Трудно предположить, что те, кто высказывает подобные утверждения, хотя бы раз лично наблюдали, сколь ободряющее, утешительное действие сообщения эти оказывают на тех, кому они адресованы. Рёскин заявил, что его убеждённость в грядущей жизни пришла к нему от Спиритизма, хотя он и добавляет (а это совершенно нелогично и неблагодарно с его стороны), что, раз убедившись в её реальности, он не пожелал больше иметь к этому никакого отношения. Однако есть многие — *quoque pars parva sum*² — кто без всяких оглядок могут заявить, что они повернулись от материализма к вере в будущую жизнь, со всем, что она с собой несет, только благодаря глубокому изучению Спиритизма. И если именно в этом заключается результат дьявольских трудов и стараний, то можно только сказать, что дьявол этот работник весьма неловкий, ибо результаты, достигнутые им, слишком удалены от того, к чему он по природе своей должен был бы стремиться.

¹ Rev. Fielding Ould, «Is Spiritualism of the Devil?». Rev. Arthur Chambers, «Our Self After Death». (И. Р.)

² К числу коих принадлежу и я (лат.).

Глава вторая

ОТКРОВЕНИЕ

С известной долей облегчения я могу теперь обратиться к менее личной стороне этого великого предмета. Выше я сделал намёк на то, что уже существует некое новое Учение. Откуда оно к нам пришло? Главным образом через послания из мира иного, написанные методом автоматического письма, когда рука человека (он называется медиумом) находится под водительством либо духа, который предположительно является душой умершего человека (как в случае с мисс Джулией Эймз), либо, как то утверждается, высокого духовного учителя (что имеет место у господина Стейнтона Моузеса). Эти письменные послания дополняются большим числом словесных высказываний духов, произнесённых устами медиума в состоянии транса. Иногда они приходят и посредством голосов, звучащих напрямую, как это имеет место во множестве случаев, подробно изложенных адмиралом Азборном Муром в его книге «Голоса»¹. Время от времени оно приходит через сеансы «пляшущих столов», производимые в семейных кружках, как, например, в тех двух случаях, о которых я говорил выше, когда рассказывал о своих собственных экспериментах и исканиях. Порой, как в случае, описанном госпожой де Морган, чтобы заявить о себе, духовные силы пользуются и рукой ребёнка.

После этого мы, разумеется, сразу же встречаемся со следующим возражением: как можем мы знать, что эти послания действительно идут к нам из мира загробного? Как можем мы знать, что пишет не сам медиум, что писанное им начертано без участия его сознания и, если да-

¹ Usborne Moore, «The Voices». Речь идёт о так называемом феномене «прямого голоса», когда в воздушной среде звучит голос духа, или умершего, наделённый всеми акустическими, артикуляционными и т. п. особенностями, отличавшими его при жизни на земле. Если на сеансе присутствуют люди, хорошо знавшие этого человека прежде, у них не возникает каких-либо сомнений касательно тождественности, а стало быть, и реальности звучащего голоса, который в этом случае может быть воспринят звукозаписывающей аппаратурой. Разговор между духом и присутствующими ведётся в таком случае как обычная беседа между людьми. Для проявления «прямых голосов» необходим медиум, обладающий способностью к производству именно этого спиритического феномена. Помимо указанной Конан Дойлем книги, смотрите также книгу Г. Д. Брэдли «К звёздам» и Г. ди Бони «Прямые голоса» (H. D. Bradley. «Towards the Stars»; Gastone di Boni «Voci Dirette»). (И. Р.)

же это и так, что он (или она) не пишет этого под водительством собственного Высшего «Я»? Такая критика, на мой взгляд, совершенно справедлива, мы и сами должны неукоснительно пользоваться ею в каждом рассматриваемом случае, не то весь мир наводнится второсортными пророками, каждый из которых будет провозглашать свои собственные взгляды как откровение свыше, не имея никаких иных доказательств своей правоты, кроме собственного утверждения, и мы тогда окажемся отброшенными назад, к тёмным векам слепой веры. Ответ на этот вопрос состоит в том, что мы требуем знаков, которые бы мы могли проверить прежде, чем принять уже те утверждения, истинность которых мы проверить никак не можем. В старые времена люди также требовали от пророка, чтобы он подал им подобный знак (именно этот знак называли «чудом»), и требование это было вполне разумным и остаётся таковым и поныне. Точно так же, если ко мне приходит человек и приносит описание жизни в мире потустороннем, не представляя никаких доказательств его истинности, кроме собственных заверений, то я предпочту увидеть это описание скорее в мусорной корзине, а не у себя на письменном столе. Жизнь слишком коротка, чтобы расходовать её на изучение достоинств подобных сочинений.

Но если, как то имеет место у Стейнтон Моузеса в его «Учении Духов», сведения, пришедшие, как это утверждается, из мира иного, получены еще и благодаря разного рода паранормальными способностями — а Стейнтон Моузес во всех отношениях был одним из величайших медиумов, когда-либо существовавших в Англии, — тогда предложенный материал действительно представляется мне заслуживающим серьезного внимания. Опять же, если мисс Джулия Эймз может рассказать господину Стеду о таких событиях в пору её жизни на Земле, которые ему совершенно не могли быть известны, и если всё это при проверке подтверждается как действительно некогда имевшее место, тогда у нас есть все основания думать, что и те вещи, которые мы проверить не можем, истинны как и первые. Или снова-таки, если Рэймонд может описать нам фотографию, ни один из отпечатков которой не попадал в Англию и которая, как выяснилось позднее, оказалась точно соответствующей его описанию, или если устами совершенно постороннего человека он может поведать нам все подробности своей прошлой домашней жизни, которые будут критически проверены его родными перед тем, как

они признают их правильными, то будет ли нелогичным предположить, что и в своём описании новых собственных впечатлений и условий жизни, в которых он теперь находится, он также будет вполне добросовестен и точен? Или когда господин Артур Хилл получает послания от людей, о которых он никогда прежде не слышал, и затем при проверке выясняет, что они верны в малейших подробностях, не правда ли, справедливо сделать вывод, что они говорят нам правду и тогда, когда рассказывают о теперешнем своём положении?¹

Подобных случаев множество, и я упомянул здесь только некоторые из них, но моя точка зрения на эти вещи состоит в том, что все феномены (от явлений низшего порядка вроде «движущихся столов» и вплоть до самых высоких, каковым будет вдохновенная речь пророка) являются звеньями одной цепи, одной системы, каждое звено в которой связано с последующим; и что если нижний конец этой цепи был вложен в руку человечеству, то только затем, чтобы упорным трудом и рассуждением мы смогли найти свой путь, в конце которого нас ожидает Откровение.

Не презирайте скромных начал, которыми явились «пляшущие столы» или «летающие бубны», каким бы злоупотреблениям и имитациям эти явления ни подвергались, но помните, что падение яблока позволило открыть закон всемирного тяготения, котёл с кипящей в нём водой дал человечеству паровую машину, а подёргивание лягушачьей лапки направило исследовательскую мысль по новому пути, приведшему нас к открытию электричества. Точно так же и явления невысокого порядка, имевшие место в Гайдсвилле, принесли свои плоды, ибо, привлекая к себе на двадцать лет внимание лучших умов той страны, они оказались началом такой работы, которая, по моему мнению, предназначена оказать на прогресс человечества куда большее влияние, чем всё сделанное доныне.

Люди, к мнению которых я питаю глубокое уважение, и в частности сэр Вильям Баррэт, утверждали, что психические исследования совершенно отличны от религии. Это не подлежит сомнению в том смысле, что можно быть хорошим наблюдателем психических явлений и оставаться при этом недостойным человеком. Но сами результаты

¹ «Если я сказал вам о земном, и вы не верите: как поверите, если буду говорить вам о небесном?» (Иоанн, III, 12). (И. Р.)

психических исследований, выводы, которые мы из них извлекаем, и уроки, которые они могут нам дать, учат тому, что жизнь души продолжается и после смерти. Эти результаты объясняют нам, каковы характер и природа этой новой жизни и какое влияние оказывает на неё наше поведение здесь. Если в этом заключается различие с религией, то я должен признаться, что не очень-то разумею, в чём, собственно, оно состоит. Для меня это и есть религия — самая её суть. Но это вовсе не значит, что из данной сути со временем необходимо выкристаллизуется какая-то новая религия. Лично я не хотел бы такого исхода. Не правда ли, мы уже и так достаточно разбединены в своих религиозных воззрениях? Я бы предпочёл увидеть в этом основополагающем принципе Спиритизма великую объединяющую силу, ибо в любой религии, христианской или другой, только он один и основан на доказанных фактах. Пусть он составит прочный фундамент, на котором каждая религия будет строить (если возникнет нужда в таком строительстве) свою собственную систему, ориентированную на различные типы человеческого мышления. Ведь всегда южные расы будут желать, по сравнению с расами северными, меньшего аскетизма, а западные расы всегда будут более критичны, чем восточные. Невозможно привести всех к одному знаменателю. Но если будут приняты общие предпосылки, истинность которых гарантируется этим учением из потустороннего мира, то человечество тогда сделает огромный шаг к религиозному миру и единству.

Тогда встаёт вопрос «Каким же образом спиритическое учение заменит собою устоявшиеся старые религии и различные философские системы, которые оказывали столь сильное влияние на поведение людей?» На это ответим прежде всего тем, что Новое Откровение будет фатальным лишь для одной из этих религий, или, если угодно, философских систем: для материализма. Я говорю это вовсе не потому, что питаю какие-то враждебные чувства к материалистам, которые, на мой взгляд, как организованная группа, серьёзны и моральны, быть может, как никакая другая; но просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, вызывая тем самым крушение всех вытекающих из него теорий.

Что касается до иных вер, то следует предположить, что принятие учения, принесённого нам из мира иного,

должно глубоко изменить религию, условно именуемую сейчас христианством. Но эти изменения произойдут более в смысле разъяснения и развития, нежели опровержения. Оно устранил серьезные недоумения, всегда оскорблявшие чувства всякого мыслящего человека; оно также подтвердит и сделает абсолютно определенным факт продолжения жизни после смерти, факт, лежащий в основании всякой религии. Оно подтвердит несчастливые последствия греха, хотя и покажет, что последствия эти никоим образом не определены на целую вечность. Оно подтвердит наличие существ более высоких, каковых мы называли «ангелами», а также существование надстоящей нам иерархии, устремленной вверх и в которой дух Христа занимает своё особое место; оно покажет, что иерархия эта кульминирует на высотах Беспредельности, с каковой мы связываем идею о Всемогущем Творце, или о Боге. Оно подтвердит идею о рае и временном состоянии искупления, которое соответствует более понятию чистилища, нежели ада. Таким образом, это Новое Откровение в самых жизненно важных своих точках никак не разрушает все прежние верования, и действительно серьезными людьми, какой бы веры они ни придерживались, оно должно быть встречено как исключительно могучий союзник, а не опасный недруг, порождение дьявола.

Теперь давайте обратимся к пунктам, в которых это Новое Откровение должно преобразовать христианство.

Прежде всего я должен высказать истину, которая и так должна быть слишком очевидной для многих, как бы она ни осуждалась некоторыми: христианство должно измениться или погибнуть. Таков закон жизни: вещи и явления либо приспособляются, либо погибают. Христианство и без того уже слишком долго медлило с переменами, оно медлило до той поры, пока церкви его наполовину не опустели, пока главной опорой его не сделались исключительно женщины и пока образованная часть общества, с одной стороны, и самый бедный класс его, с другой, — как в городе, так и в деревне — не отвратились от него. Давайте попытаемся обрисовать причину происходящего, ведь последствия налицо во всех ветвях христианства и происходят из одного глубоко лежащего корня.

Люди отходят от Церкви, потому что они не могут искренно верить в те факты, которые представляют им в качестве истинных. Их разум и чувство справедливости оказываются одинаково уязвлены. Нельзя увидеть справедливости в искупающей силе жертвоприношения, ни в Боге,

который может быть умилоствлен такими средствами. Помимо того, многим непонятны такие выражения, как «отпущение грехов», «очищение кровью агнца» и тому подобное. Пока ещё мог стоять вопрос о «падении человека», подобным фразам могло быть какое-то объяснение, но когда стало вполне ясным, что человек никогда не «падал», когда благодаря своему теперешнему более полному знанию мы смогли шаг за шагом проследить развитие человеческого рода, пройдя от пещерного и кочевого человека назад в глубь незапамятных времён, в которые человекообразная обезьяна медленно развивалась в обезьяноподобного человека, мы, оглядываясь назад на эту бесконечную вереницу жизней, знаем теперь, что человечество всё время именно *поднималось*, совершенствуясь от одного поколения к другому. И в его истории нет никаких следов *падения*. Но если не было падения, что остаётся тогда от искупления, воздаяния, первородного греха, от большей части мистической христианской философии? Если прежде она даже и выглядела настолько разумной, насколько неразумной предстаёт сейчас, то всё равно она совершенно расходится с фактами.

Опять же, слишком большое значение было придано смерти Христа. Не такая уж это и редкость — умереть за идею. Каждая религия равным образом имела своих мучеников. Люди постоянно умирают за свои убеждения. Тысячи наших молодых людей делают это в настоящее время во Франции. Поэтому смерть Христа, сколь бы возвышенной она ни была в изложении Евангелия, приобрела, по-видимому, неоправданную значимость, как если бы это был какой-то уникальный в человеческой истории феномен — умереть, совершая реформу. По моему мнению, слишком много внимания уделено смерти Христа, и слишком мало — его жизни, ибо именно в этой последней заключается истинное величие и настоящий урок. Это была жизнь, которая даже в тех ограниченных воспоминаниях, что дошли до нас, не содержит в себе ни единой черты, которая не была бы прекрасной, жизнь, полная естественной терпимости к другим, всеохватывающего милосердия, умеренности, обусловленной широтой ума, и благородной отваги; жизнь, устремлённая всегда вперёд и вверх, открытая новым идеям и всё же никогда не питающая горечи в отношении тех идей, которые она пришла упразднить, хотя порой даже и Христос теряет терпение из-за узости ума и фанатизма их защитников. Особенно привлекает его способность постичь дух религии, отменяя в сторону тек-

сты и формулы. Больше ни у кого и никогда не было такого могучего здравого смысла или такого сострадания слабому. Именно эта восхитительная и необычная жизнь является истинным центром христианской религии.

Теперь давайте посмотрим, какой свет наши духовные наставники проливают на вопрос о христианстве. Мнения в том мире однородны не более, чем и в этом. Но всё же, прочитав некоторое количество посланий по этому предмету, можно сказать, что смысл их сводится к следующему: над духами недавно усопших землян имеется множество других духов, их превосходящих и иерархически соотносённых, — назовите их ангелами, если вы желаете говорить языком старой религии. Надо всеми этими верховными духами находится самый Высший Дух, знание о котором оказалось доступно нашим соплеменникам, — не Бог, поскольку Бог столь бесконечен, что недостижим для них, — но тот, который ближе других к Богу и который, до известной степени, представляет самого Бога: это Дух Христа. Целью и предметом его заступничества является планета Земля. Он спустился к нам и жил среди нас в пору великой земной извращённости, в пору, когда мир был столь же злополучен, как и сейчас, — для того, чтоб преподать нам пример идеальной жизни. Затем он возвратился в своё небесное обиталище, оставив нам Учение, которому иные из нас следуют и поныне. Такова история Христа в том виде, в каком нам рассказывают её духи. В ней нет и речи о первородном грехе или об искуплении, но она, на мой взгляд, содержит систему вполне совершенную и разумную.

Если такой взгляд на христианство станет общепринятым, а его поддерживают авторитет и доводы Нового Откровения, идущего к нам из мира загробного, тогда мы получим такую религию, которая будет способна объединить все церкви, религию, которая примирится с наукой, которая сможет противостоять любым нападкам и утвердит христианскую веру на неопределённо долгие времена. Наконец-то станет возможным прекращение войны Разума и Веры, наконец-то из наших мыслей будет изгнан кошмарный бред, а в уме нашем установится духовный мир. Я не вижу, как бы такие результаты могли быть достигнуты быстрым захватом власти в какой-либо отдельной

стране или насильственной революцией.¹ Скорее это придёт как мирное проникновение, наподобие того как сейчас разные грубые идеи, вроде идеи о вечном аде, постепенно отмирают на глазах наших, уступая место более тонким и правдоподобным.² Тогда именно, когда душа человеческая мучима и разрываемая страданием, в неё могут быть заронены семена добра и правды, поэтому духовный урожай определённо сможет быть собран в будущем из посева дней нынешней нашей жизни.

Когда я читаю Новый Завет, обладая тем знанием, какое даёт мне Спиритизм, у меня складывается глубокое убеждение, что учение Христа было во многих важных отношениях утрачено раннехристианской церковью и не дошло до нас. Все эти намёки на победу над смертью имеют, как мне кажется, весьма мало значения в современной христианской философии, но тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Когда мы сталкиваемся со множеством упоминаний о таких достаточно хорошо известных нам явлениях, как левитация, огненные языки, порывы ветра, духовные дары, — одним словом, «сотворение чудес», то нам тогда становится понятным, что самая сокровенная суть этих явлений, непрерывность жизни и общение с умершими были древним более чем наверняка известны. Нас поражает, когда мы читаем: «Здесь он не совершил чуда, ибо в народе не было веры». Ведь разве не согласуется это целиком и полностью с известным нам психическим законом? Или другое место, когда Христос, после того как до него дотронулась больная женщина, говорит: «Кто коснулся меня? Много добродетели ушло от меня». Мог бы он яснее выразить то, что сегодня сказал бы на его месте медиум-исцелитель, за исключением разве только того, что вместо слова «добродетель» тот употребил бы слова «сила» или «энергия»? И когда мы читаем: «Не всякому духу верьте, но испытайте духов, дабы знать, идут ли они от Господа», то разве это не совет, который сегодня дают всякому новичку, приступающему к спиритическим исследованиям? Вопрос этот представляется мне слишком обшир-

¹ Явный намёк на Россию и на марксистов, т. е. великие умы эпохи ясно понимали глупость большевистского эксперимента. (И. Р.)

² Об этом смотрите особо: Аллан Кардек, «Рай и ад, или Божественная справедливость в объяснении Спиритизма». (И. Р.)

ным, для того чтобы задерживаться здесь на нём подробно, но мне думается, что тема эта, подвергающаяся сейчас столь ожесточённым нападкам со стороны наиболее непреклонных христианских церковнослужителей, в действительности является краеугольным камнем всего христианского учения. Тем, кто желал бы основательнее познакомиться с подобным строем мыслей, я настоятельно рекомендую небольшую книгу доктора Абрахама Уоллеса «Иисус из Назарета»¹, если только тираж этой бесценной работы не распродан полностью. В ней автор самым убедительным образом доказывает, что чудеса Христа управлялись силами, действующими в рамках психического закона, как мы его понимаем теперь, и что они соответствовали характеру этого закона в малейших своих деталях. Два примера такого рода я уже привёл. Множество же других представлено в этой брошюре. В высшей степени точна и убедительна история материализации на горе двух пророков, если судить о ней по правилам психической науки. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что выбор пал на Петра, Иакова и Иоанна, которые составляли психическую группу, когда умершего призвали к жизни: они, вероятно, были наиболее медиумически одарёнными по сравнению с прочими участниками сеанса. Далее указывается на необходимость чистого горного воздуха. Сияющие, ослепительные одежды, облако, слова «построим три молельни», которые можно понять также как «построим три кабины», или «три кабинета» — все это означает, что были созданы идеальные условия для того, чтобы осуществить явление (материализацию) духа умершего посредством сосредоточения психических сил. Во всём этом усматривается последовательное сходство приёмов и способов. Что касается прочего, то, например, свод даров, которые святой Павел даёт нам как качества совершенно необходимые последователю христианства, является, по сути дела, перечнем способностей, которыми должен обладать сильный медиум, включая сюда дар пророчества, исцеления, сотворения чудес (или физических

¹ Dr. Abraham Wallace, «Jesus of Nazareth». (И. Р.)

феноменов), ясновидения и многое другое («Послание к Коринфянам», I, XII ст. 8,11). Первоначальная христианская церковь была вся насыщена Спиритизмом и, видимо, не обращала никакого внимания на запреты Ветхого Завета, который предоставлял этот дар в право исключительного пользования и выгоды духовенства.¹

Глава третья ГРЯДУЩАЯ ЖИЗНЬ

Теперь, оставив пока в стороне большую и довольно спорную тему о том, какие изменения эти новые откровения должны произвести в христианской религии, давайте попытаемся проследить, что же, собственно, происходит с человеком после смерти. Все свидетельства, коими мы располагаем по этому поводу, вполне недвусмысленны и согласуются одно с другим. Во множестве посланий, полученных от умерших во многих странах и в самые разные времена, имеются фрагменты, касающиеся дел этого мира, которые могут и могли быть нами проверены. Когда к нам приходят сообщения именно такого рода, будет, кажется

¹ Надо сказать, что, действительно, «чудеса» Христа находятся все в пределах, в коих действуют силы, управляемые психическим законом в том его виде, понимание которого нам даётся теперь Спиритизмом, и что даже в самых мельчайших своих подробностях чудеса эти соответствуют природе этого закона. Согласно философии карденистского Спиритизма, «чудес» в природе не существует и не могло бы существовать, есть только законы, нами не познанные, и действия, на их основе совершаемые знающим, воспринимаются профанами как чудо. По мнению спиритов, величие Божеское заключается отнюдь не в том, что с помощью каких-то чудес Бог постоянно вмешивается в нормальный ход вещей и произвольно его поворачивает в ту или иную сторону, но в том, что Он изначально создал такие законы, которые направляют развитие Вселенной в нужное русло без всякого последующего и могущественного вмешательства извне. Создание таких законов и является самым величайшим из Божьих чудес.

Христианская церковь, запрещая вызывание духов, осуждая Спиритизм, формально опирается на запрет Моисея. Но этот запрет у него находится в той части его законов, каковые имеют временный, т.е. переходный и исторически обусловленный характер, и связан с конкретной исторической обстановкой, в какой жили руководимые им евреи. В самом же Евангелии, созданном в совершенно иных исторических условиях, нет не только ни одного запрета на всё это или хотя бы какого намёка на запрет, но и недвусмысленно указывается на важность этого дела, и вся последующая деятельность апостолов и святых, как ясно всякому знающему предмет, связана с применением Спиритизма, о чём они сами недвусмысленно и говорят в оставленных ими сочинениях.

мне, только справедливым предположить, что, если то, что мы можем проверить, оказывается правильным, тогда и то, что мы проверить никак не можем, равным образом должно соответствовать истине. Когда же, помимо того, мы находим большую степень сходства между посланиями, поступившими из разных и независимых друг от друга источников, и когда их согласованность в малейших подробностях никоим образом не соответствует существующим у нас философским и иным взглядам, тогда, полагаю я, вероятность того, что мы имеем дело с истиной, весьма велика. Ведь нелепо подумать, будто полторы-две дюжины сообщений, полученных мною из различных источников и в целом согласных между собой, оказались бы, однако, все ложными; было бы также глупо предположить, будто духи говорили правду, когда речь шла о нашем мире, и лгали, говоря нам о своём.

Недавно, в одну и ту же неделю, я получил два сообщения, описывающих нашу жизнь в потустороннем мире; одно из них получено через посредство близкого родственника одного высокого духовного лица, тогда как другое было прислано мне женой простого шотландского машиниста. Эти двое не могли ничего знать друг о друге, и тем не менее оба отчёта до такой степени похожи, что представляют, по сути дела, один.

В том, что касается нашей собственной судьбы после смерти или же судьбы наших друзей, сообщения представляются мне в высшей степени утешительными. Отшедшие, все в один голос, указывают, что переход обычно лёгок и в то же время безболезнен и сопровождается необъятным ощущением мира и покоя. Человек обретает себя в духовном теле, которое является точной копией его физического тела, исключая его болезни, слабости и уродства, которым новое тело не подвержено. Тело это стоит или витает близ старого тела и одновременно сознаёт его и окружающих людей. В этот миг покойник ближе к материи,

¹ И подводя итог сказанному об этом запрете, можно спросить, неужели церковь ставит закон Моисеев выше закона Евангелического, т. е., иными словами, неужели же церковь православных, католиков и протестантов есть церковь более иудейская, нежели христианская? (И. Р.)

чем он будет когда-либо позднее, а потому именно в эту пору происходит большая часть тех случаев, когда мысли его обращаются к кому-либо из живых, находящемуся в отдалении, и когда духовное тело его устремляется вместе с мыслями и является этому человеку. Из 250 случаев, тщательно рассмотренных господином Гернеем¹ 134 таких появления произошли именно в мгновение смерти, когда новое духовное тело ещё настолько было близко к материи, что глаза сочувствующего человека могли его воспринять, что однако уже не так легко случается впоследствии.

Всё же, сравнительно с общим числом смертей, случаи эти крайне редки. В основном я склонен объяснять это тем, что умерший человек слишком озабочен своими собственными необычными впечатлениями и переживаниями, для того чтобы много думать о других. Вскоре он, к своему изумлению, обнаруживает, что хотя он и пытается сообщаться с теми, кого видит, но его эфирный голос и эфирные прикосновения равно не способны как-либо воздействовать на человеческие органы, настроенные лишь на более грубые возбудители. Это благодатный предмет для размышлений и исследований, хотя ни более полное знание о световых лучах, которые, как мы знаем, существуют по обе стороны спектра, ни о звуках, существование которых мы можем доказать вибрациями мембраны, несмотря на то что звуки эти слишком высоки для того, чтобы быть воспринятыми нашим слухом, не продвинут нас ни на шаг в психическом знании. Поэтому, оставив всё это в стороне, давайте проследуем за судьбой отшедшего духа.

Теперь он уже сознаёт, что здесь, в комнате, рядом с теми, которые были в ней при его жизни, есть ещё и другие, и среди этих других, а они представляются ему столь же вещественными, как и живые, он узнаёт знакомые лица и чувствует, как ему пожимают руку и целуют в уста

¹ Эдмунд Герней — основатель ОПИ, крупнейший авторитет своего времени в области гипноза, один из авторов альманаха «Иллюзии жизни» (1886 г.), опубликованного через два года после его смерти. (И. Р.)

те, кого он когда-то любил на Земле и потом потерял. Затем вместе с ними и с помощью и под водительством некоего лучезарного существа, которое стояло тут же и ожидало вновь прибывшего, он, к своему удивлению, устремляется сквозь все препятствия и материальные преграды навстречу своей новой жизни.

Это вполне определённое утверждение, и рассказ этот повторяется всеми отшедшими, одним за другим, с настойчивостью, которая внушает доверие. Всё это уже очень разнится от любой старой теологии. Дух не есть падший или отверженный ангел, но просто сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, мудростью и глупостью, так же как и его внешностью. Вполне можно представить, что самые пустые и глупые люди, потрясённые столь необычайным испытанием, будут до такой степени напуганы, что сразу и вдруг переменятся; но эти впечатления скоро притулятся и изгладятся, и тогда былой нрав этих людей утвердится и в новых условиях — и глупцы останутся глупцами, что подтверждается также и некоторыми результатами наших сеансов.

Далее, прежде чем вступить в свою новую жизнь, дух должен пережить пору сна, бессознательности, которая может длиться самое разное время, вообще едва существуя у одних и растягиваясь у других на недели и месяцы. Рэймонд сообщает, что у него такой период длился шесть дней. Подобное имело место и в случае, с которым у меня произошло некоторое личное знакомство. С другой стороны, господин Мейерс говорит, что у него период бессознательности длился очень долго. Мне думается, что продолжительность этого сна определяется общей суммой беспокойств и умственной перенапряжённости в земной жизни, так как более длительный отдых предоставляет большие возможности к забвению их. Это, конечно, лишь простое предположение, но налицо полное согласие мнений относительно существования этой полосы забвения после первых впечатлений духа от новой формы его жизни и прежде, чем он приступит к своим новым обязанностям.

Пробудившись от этого сна, дух слаб, как бывает слабо новорождённое дитя. Силы, однако, скоро возвращаются, и

начинается новая жизнь. Это подводит нас к рассмотрению проблемы неба и ада. Понятие об аде, я должен сказать, вообще отпадает, как уже давным-давно оно выпало из мыслей всякого разумного человека. Эта одиозная концепция выражает собой такой взгляд на Создателя, который по сути дела есть не что иное, как *богохульство*. Подобные представления возникли из-за буквального понимания восточной фразеологии, доведённого до преувеличения, и могли иметь какую-то полезность только в грубую первобытную эпоху, когда люди боялись огня, как сегодня дикие звери боятся путешественников. Не существует ада как места особого и постоянного. Но идея искупления, очищения страданием, т.е. чистилища, подтверждается сообщениями с того света. Без такого наказания в мире не было бы справедливости, ибо невозможно помыслить, чтобы, к примеру, у Распутина и у отца Дамиана была та же самая участь. Наказание вполне определённо и очень серьёзно, хотя в своей наименее суровой форме оно сводится к тому, что более грубые души находятся в более низких областях и обладают там тем знанием, которое им определили их земные деяния, но для них также есть надежда на то, что искупление и помощь тех, кто выше, воспитают их и поднимут до той же высоты, на которой пребывают те, кто сейчас заслужил быть выше их. Высшие духи посвящают часть своей деятельности этому делу спасения.

Оставив, однако, в стороне эти области испытания и искупления, которые, быть может, следует рассматривать скорее как больницу и школу для слабых душ, нежели как тюрьму для отбывающих свой срок преступников, скажем, что сообщения с того света все согласуются друг с другом в том, что условия жизни в потустороннем мире в высшей степени приятны. Они согласуются в том, что сходное стремится к однородному с ним; что те, кто любят друг друга или имеют общие склонности и интересы, объединяются и живут вместе; что жизнь полна интереса и деятельности и что духи ни за что не желают вернуться назад на Землю. Всё это, конечно, известия в высшей степени радостные, и я повторяю: это отнюдь не туманная вера или смутная надежда, но сами неоспоримые факты, которые поддерживаются всеми законами логики и здравого смысла, согласно коим, если множество независимых друг от друга свидетельств дают сходные показания, то показания эти имеют право считаться истиной. Если бы в

отчёте речь шла о душах, в лучах славы мгновенно очищающихся ото всех человеческих слабостей и в непрестанном экстазе обожания роящихся вокруг трона Всемогущего, то такой отчёт можно было бы ещё заподозрить в том, что это — просто отражение распространённых теологических взглядов, равно усвоенных всеми медиумами в молодости. Однако сообщения, приходящие к нам оттуда, весьма отличаются от всех взглядов, принятых здесь. Они, помимо того, (как я уже отмечал) подкрепляются не только сходством содержащихся в них сведений, но и тем фактом, что сообщения эти — последнее звено в длинной цепи явлений, которые все были признаны истинными людьми, тщательно их изучившими.

Что касается жизни после смерти, то нам могут возразить, будто религиозная вера уже дала нам уверенность в бессмертии души. Однако вера, как бы ни была она сама по себе прекрасна в отдельно взятом человеке, как явление коллективное всегда была палкой о двух концах. Всё было бы хорошо, если б всякая вера походила на другую и если бы предчувствия и наития человеческой расы были постоянны. Но мы знаем, что это не так. Верить — значит сказать, что вы абсолютно убеждены в истинности вещи, именно истинность которой вы как раз и не можете доказать. Один говорит: «Я верю в то», другой: «Я верю в это». Но ни один не имеет свидетельств своей правоты и не в состоянии доказать её, и однако люди постоянно спорят как на словах, так и (в старые времена) на деле. Если один физически сильнее другого, то он устраивает гонения на своего оппонента, с тем чтобы обратить его в «истинную» веру. Потому только, что вера Филиппа II была сильнее и понятнее (ему), он счёл вполне логичным убить сто тысяч нидерландцев в надежде на то, что все остальные их земляки обратятся в его, «истинную», веру. А если бы вместо этого было признано, что у нас нет никакого права провозглашать истинным то, истинность чего мы доказать не можем, то мы этим были бы вынуждены наблюдать факты, рассуждать по поводу их и тем самым, возможно, достигли бы общего согласия. Именно в этом, в частности, и видится особая ценность спиритического движения. Его основание опирается на более твёрдую почву, чем только священные тексты, предания и предчувствия. Это религия с двойной точки зрения, религия в самой современной форме выражения, ориентированная на оба мира — этот и

иной, тогда как старые верования сводились лишь к преданиям одного.

Мы не так уж много знаем о грядущей жизни, чтобы брать на себя смелость описывать её с такой же исчерпывающей точностью как, к примеру, маленькую цветочную клумбу посреди площади. Вероятно, что те посланцы, которые возвращаются к нам, все находятся на более или менее одинаковом уровне развития и представляют ту же самую жизненную волну, откатывающуюся от наших берегов. Сообщения обыкновенно приходят от тех, кто скончался недавно, и, как и следовало бы ожидать в таком случае, постепенно ослабевают. В этой связи уместно отметить, что, согласно преданиям, явления Христа своим ученикам или Павлу происходили только первые несколько лет после его смерти и что у ранних христиан нет больше никаких утверждений или упоминаний о том, будто его видали позднее. Число случаев, когда духи, умершие давно и вступившие с нами в контакт, дали убедительные доказательства тождественности своей личности, сравнительно невелико. Один такой очень интересный случай засвидетельствовал господин Доусон Роджер: дух, назвавшийся Мэнтоном, заявил, что он родился в Лоренс-Лидьярде и похоронен в Стоук-Ньюингтоне в 1677 году. После этого было установлено, что такой человек действительно существовал и что он был капелланом при Оливере Кромвеле. Насколько позволяет судить моё знакомство с такого рода литературой, это самый старый дух из всех, возвращение которого было отмечено: те, кто возвращаются, как я уже сказал, умерли сравнительно недавно. Таким образом, все наши взгляды исходят от одного поколения, и поэтому мы не можем считать их окончательными, но лишь предварительными и частичными. До какой степени по-разному духи могут взирать на вещи в зависимости от степени их развития в ином мире, показано мисс Джулией Эймз. Будучи встречена на пороге иного мира такими же новоприбывшими, как и она, мисс Эймз поначалу возымела намеренье создать там бюро сообщений с живущими в мире материальном, но по прошествии пятнадцати лет ей пришлось признать, что на миллион духов не приходится ни одного, который пожелал бы общаться с живыми после того, как все, кого он любил, присоединились к нему там. Она, таким образом, просто оказалась сбита с толку тем обстоятельством, что все, с кем

она, попав туда, встречалась, были такие же новички, как и она.

Хотя отчёт, даваемый нами, и может оказаться неполным, всё же и в таком виде он весьма последователен, логически выдержан и чрезвычайно интересен, поскольку затрагивает нашу собственную участь и участь тех, кто дороги нам. Все утверждают, что жизнь по ту сторону продолжается ограниченное время, после чего духи переходят в какие-то ещё другие стадии существования, но между теми стадиями, по-видимому, больше общения, чем между нами и Страною Духов. Низшие не могут подниматься, но высшие могут спускаться по своему желанию. Тамашняя жизнь имеет большое сходство с жизнью на Земле в её лучшем виде. В том мире жизнь по сути преимущественно духовная, как в этом она телесная. Всепоглощающие заботы о еде, деньгах, всевозможные вожделения, боль и тому подобное исходят от тела и потому там отсутствуют. Музыка, искусства, интеллектуальное и духовное знание значительно обогатились, и развитие их продолжается. Люди одеваются, как и следовало ожидать, поскольку нет никаких причин отказываться от скромности в новых условиях.¹ А тело наше в этих условиях представляет собой точную копию нашего земного тела, но в его наилучшем виде, т. е. молодые мужают, а старики молодеют, и все, таким образом, пребывают в пору наибольшего расцвета сил. Духи живут семьями и сообществами, поскольку, как и следовало ожидать, всё сходное стремится к однородному с ним, и мужской дух находит свою настоящую подругу, хотя там и нет сексуальности в грубом смысле слова и нет деторождения. Так как связи сохраняются и остаются на том же уровне, следует ожидать, что нации всё ещё грубо разделены между собой, хотя язык больше и не является препятствием, поскольку средством общения служит сама мысль. Близость отношений между стремящимися друг к другу душами доказывается, например, тем, что Мейерс, Герней и Роден Нозл — друзья и сотрудники при жизни — после смерти втроем сообща-

¹ На первый взгляд, вопрос об одежде может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Так, на сеансах с материализацией духи, которых мы знали людьми, являются в том костюме, в каком мы видели их при жизни в материальном мире. Но что касается духов, отрешившихся от всего земного, то их одеванье состоит большей частью из драпировки с длинными развевающимися складками, и они представляются, помимо того, с распущенными длинными волосами. (И. Р.)

лись с одним и тем же медиумом, госпожой Холленд, которая прежде совершенно не была с ними знакома, и всё же любое из их сообщений к ней, с точки зрения тех, кто знал их раньше, было выражено в манере, присущей каждому из них при жизни. Эта близость отношений подтверждается также и случаем профессоров Верролла и Батчера, двух знатоков греческой культуры, которые совместно разрабатывали то, что они именуют «греческой проблемой»; господин Джеральд Бальфур, анализируя их труд в своей книге «Дионисово ухо», заключает со всем авторитетом, коим он пользуется, что подобный результат мог быть достигнут только ими, Верроллом и Батчером, и никем больше. Мимоходом надобно отметить, что все эти примеры ясно показывают, что духи либо имеют в распоряжении своё необъятные библиотеки и какие-то архивы, либо способности их развиты до такой степени, что общаются им дар всеведения.¹ Ни один человек не в состоянии привести на память такого множества точных цитат как духи, сообщения которых передаются в «Дионисовом ухе» господином Бальфуром.

Такова в общих чертах потусторонняя жизнь в простейшем своём выражении, ибо на самом деле она отнюдь не проста, и мы улавливаем лишь слабые отблески бесконечных кругов внизу, спускающихся во мрак, и бесконечных кругов вверх, восходящих к божественному сиянию, которое развивает, определяет и оживляет все и вся. Все признают, что ни одна земная религия не имеет преимуществ перед другой, но что характер и утонченность определяют всё. В то же время, все согласны с тем, что всяческих похвал достойны религии, учреждающие молитву, отстаивающие чистоту и благородство души, внушающие презрение к мирским делам. В этом смысле — и ни в каком ином, — т. е. как опора для жизни духовной, любая форма религии может кому-нибудь подойти. Если вращение латунного цилиндра наводит тибетца на мысль, что есть в мире нечто более высокое, нежели его горы, и нечто более ценное, чем его яки, то на данном уровне и это уже хорошо. Мы не должны быть слишком взыскательны в таких вещах.

¹ Сегодня есть основания полагать, что второе предположение гораздо ближе к истине, хотя и превосходные библиотеки там также имеются, и в них хранится множество сочинений, не известных здесь у нас, на Земле, либо потому, что они у нас материально не сохранились, либо потому, что были созданы авторами уже после перехода их туда. (Й. Р.)

Есть ещё и другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть здесь рассмотренным, поскольку на первый взгляд он, пожалуй, способен даже ужаснуть, хотя всё же и поддаётся анализу, коль скоро мы за него возьмёмся. Я имею в виду постоянное утверждение из потустороннего мира о том, будто новоприбывшие не знают, что они умерли, и проходит много времени, иногда слишком много, прежде чем они окажутся способны это понять. Они все согласны с тем, что подобное состояние замешательства и неопределённости очень вредно для духа и тормозит его развитие и что некоторое знание этой первостепенной истины на Земле есть единственный способ уберечь себя от поры тоски и отчаяния в загробной жизни. Не приходится удивляться тому, что они, оказавшись в условиях совершенно отличных от тех, к которым их готовило любое из научных или религиозных учений на Земле, воспринимают свои новые необычные ощущения как странный сон, и чем более правоверны или материалистичны были их взгляды при жизни, тем труднее им окажется принять эти условия со всем тем, что они налагают. По этой самой причине и ещё по некоторым другим, данное Откровение крайне необходимо всему человечеству. Достижением наименьшей практической важности будет хотя бы то, что и людям преклонного возраста придётся понять, насколько им ещё необходимо развивать свой ум: ведь если у них не окажется времени применить свои знания в этом мире, те останутся при них как неотъемлемая часть их умственного богатства в последующей жизни.

Что касается больших подробностей относительно потусторонней жизни, то ими, вероятно, даже лучше и пренебречь по той простой причине, что это большие подробности. Мы все вскоре узнаем их сами, и одно лишь праздное любопытство побуждает нас спрашивать о них сейчас. Ясно одно: в том мире существуют духи и более высокой организации, для которых не только синтез материи, но и изготовление предметов из нее является делом привычным. Во время некоторых сеансов мы видали их за работой в нашей более грубой среде, на которую настроены наши материальные ощущения. Если они могут создавать видимые предметы даже в земных условиях, в ходе некоторых наших сеансов, то чего тогда только не ожидать от них в их собственной среде, когда они работают над сотворением эфирных предметов? О них, вообще говоря,

можно сказать, что они в состоянии воссоздать любой предмет, аналогичный уже существующему на Земле. То, как они это делают, возможно, остаётся предметом догадок и размышлений для менее развитых духов точно так же, как для нас предметом догадок и размышлений являются достижения современной науки. Ведь если бы вдруг какой-то обитатель нечеловеческого мира вызвал одного из нас и попросил его объяснить, что такое тяготение или что такое магнетизм, то как бы беспомощно мы выглядели! Мы можем поставить себя в положение, например, молодого инженера, как Рэймонд Лодж, который пытается дать теоретическое объяснение происходящему в том мире; его теория, однако, опровергается другим духом, также стараящимся понять явления и законы того мира. Он может быть прав, а может и ошибаться, но он делает всё от него зависящее, чтобы сказать, что он думает, и мы на его месте поступили бы так же. Он считает, что эти трансцендентальные химики в состоянии воспроизвести что угодно, любое вещество, и даже столь бездуховные субстанции, как спирт и табак, в которых могут почувствовать острую нужду духи низшего порядка. Эта мысль до такой степени развеселила критиков, что, читая их комментарии, можно подумать, будто это единственное утверждение, содержащееся в книге из четырёхсот страниц убористо напечатанного текста. Рэймонд повторяю, может быть прав, а может и ошибаться, но вся эта история говорит мне только о нестигаемой честности и смелости издателя, знавшего, какое оружие он тем даёт в руки своим врагам.

У многих вызывает протест подобное описание мира иного, поскольку в таком представлении он выглядит, для их понятий, слишком материальным. Он, видите ли, совершенно не таков, каким бы они желали его видеть. Что ж, ведь и в этом мире слишком многое не похоже на то, чего б нам хотелось, однако же всё это существует. И когда мы внимательно рассматриваем это обвинение в материализме и стараемся построить какое-то подобие системы, которая бы могла устроить наших идеалистов, то задача эта оказывается весьма непростой. Должны ли мы для этого быть всего лишь некими эфирными формами, плавающими по воздуху? Ожидается, видимо, только это. Но если бы у духов не было тела, подобного нашему, и если бы при переходе туда мы теряли свою индивидуальность, то гово-

рите тогда что угодно, но это означало бы, что мы перестаём существовать. Что матери за радость, если ей явится некое светозарное и безличное существо, купающееся в лучах славы? Она скажет: «Нет, это не мой сын. Я хочу видеть его золотые локоны, его улыбку, его столь милые мне жесты». Вот чего она хочет, и именно это, я уверен, она и получит; но это не будет заслугой какой-то системы взглядов, отделяющей нас от всего, что оставалось в нас материального, и возносящей в некую смутную область парящих ощущений.

Есть, помимо того, и иная школа критики, которая возражает нам тем, что в грядущей жизни, описанной таким образом, ощущения оказываются слишком ясны, страсти чересчур сильны, а окружающая прочная обстановка вся при этом получается построенной из материала слишком прозрачного и разрежённого. Но давайте не будем забывать, что всё зависит от соотнесения со своим окружением.

Если б мы могли помыслить мир, который был бы в тысячу раз плотнее, тяжелее и темнее нашего, мы ясно увидели бы, что для своих обитателей он будет казаться таким же, каким нам кажется наш, при условии, что сила и ткань в нём будут находиться в том же соотношении. Если, однако, обитатели такого мира соприкоснутся с нами, то мы покажемся им существами в высшей степени воздушными, живущими в какой-то странной атмосфере света и духа. Они, быть может, не вспомнят, что и мы чувствуем и действуем так же, как они, при условии, что наше существо и окружение гармонизируют и соотносятся друг с другом.

А теперь давайте рассмотрим другой случай — с жизненным слоем, который настолько же превосходит наш, насколько мы превосходим мир оловянных солдатиков. Нам тогда также покажется, что люди эти, эти «духи», как мы их называем, обитают в мире туманов и теней. Мы не учитываем при этом, что и там всё находится в соответствии и гармонии, и поэтому область, в которой духи живут и движутся и которая кажется нам миром иллюзий и грёз, для них так же реальна, как для нас реальна наша планета, а духовное тело настолько же вещественно для другого духа, как наше земное тело вещественно для других людей.

Глава четвертая

ПРОБЛЕМЫ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Оставим теперь в стороне широкое поле доказательств, касающихся самого факта существования этого Откровения и его природы, поскольку есть также более мелкие детали, которые заслуживают нашего внимания и невольно всплывают по мере рассмотрения затронутой нами темы. Область, которую населяют души умерших, по-видимому, находится совсем близко от нас, настолько близко, что мы, как они нам говорят, постоянно посещаем их во время нашего сна. Значительная доля той спокойной покорности и смирения, которые мы все наблюдаем у людей, потерявших своих любимых, людей, которые, как нам казалось, от такой утраты должны были лишиться рассудка, объясняется тем, что они виделись с дорогими им покойниками, и хотя забвение кажется полным и люди эти не могут ничего припомнить из своих духовных приключений, пережитых во время сна, успокоительное действие такого общения всё-таки выносится в явь подсознательным «я». Забвение, как я сказал, полное, но всё же иногда оно на какие-то доли секунды почему-то приподнимает свой покров, и в такие минуты спящий пробуждается ото сна, «осенённый ореолом божественного сияния». Это мгновенное самосознание даёт объяснение пророческим снам, большая часть которых сбывается.

Недавно нечто подобное произошло и со мной, хотя, быть может, случай этот ещё и нельзя считать полностью подтвердившимся, а только примечательным. Утром 4 апреля прошлого, т. е. 1917 года я проснулся с таким чувством, будто во время сна мне было передано какое-то важное сообщение, из которого мне запомнилось только одно слово, звучавшее у меня в голове по пробуждении: «Пьяве». При всём желании мне не удалось припомнить, чтобы я слышал его когда-то прежде. Поскольку оно звучало как географическое название, я оделся и тотчас пошёл в кабинет посмотреть в указатель названий в своём атласе. Слово «Пьяве» там действительно значилось, и я обнаружил, что это название реки в Италии, где-то в сорока милях от тогдашней линии фронта на позициях союзников, продолжавших победоносное наступление. В то время я всего менее мог себе представить, что линия фронта ещё до такой степени переместится назад, равно как и подумывать, будто какое-то важное военное событие произойдёт

у этой реки. Тем не менее я был под таким впечатлением от происшедшего со мною, что записал утверждение, будто здесь должно будет произойти какое-то важное событие, и, желая придать своим записям значимость документа, попросил подписаться под ними своего секретаря, а моя жена засвидетельствовала всё это, поставив дату 4 апреля. Теперь уже является историческим фактом, что шестью месяцами позже вся итальянская линия фронта отодвинулась назад и, переходя от позиции к позиции, союзники наконец остановились на берегах этого водного потока, хотя данный рубеж, по оценкам военных специалистов, по стратегическим соображениям был почти непригоден для обороны. К моменту, когда я пишу эти строки — 20 февраля 1918 года — ссылка на название «Пьяве» целиком подтвердила свою правильность, и я полагаю, что кто-то из друзей, живущих в мире ином, предупредил меня о грядущем событии. Однако я надеюсь ещё, что здесь имелось в виду событие и более важное, чем простое прекращение отступления, и что некая окончательная победа союзников, если она произойдёт на этом рубеже, означит собою реальность того необычного способа, каким это географическое название попало в мою голову.¹

Против такой теории снов могут, конечно, с жаром возразить, что все нелепые, уродливые и непристойные сны, которые одолевают нас, никак не могут исходить из высокого источника. По этому поводу я имею вполне определённую теорию, которая, может быть, даже заслуживает обсуждения. Я полагаю, что существует лишь два рода сновидений, и не более: сны, которые являются отражением ощущений освобождённого духа, и те, которые объясняются беспорядочным действием низших особенностей нашей природы, сохраняющихся в теле во время отсутствия духа; первые редки и прекрасны, но память их до нас не доносит; последние же обычны и многообразны, а зачастую фантастичны и грубы. Если учесть, что именно отсутствует в наших обычных снах, то можно сказать, каковы недостающие качества, и по ним судить, какая наша часть составляет в нас дух. Так, в этих снах совершенно отсутствует чувство юмора, поскольку вещи, которые нас там удручали, по пробуждении поражают своей смехо-

¹ Продолжение смотрите ниже: «Записки о Спиритизме», январь 1919, «Пророчество». (И. Р.)

творностью. Чувство соответствия, способность суждения и высокие устремления напрочь отсутствуют. Короче говоря, ощутимо недостаёт всего возвышенного, а всё низменное, например чувство страха, чувственные впечатления, инстинкт самосохранения, проявляет себя с тем большей силой, что ничто высокое его более не контролирует.

Определение границ, до коих простираются возможности духов — это вопрос, сам собою встающий в данной работе. Часто спрашивают: «Если духи существуют, то почему они не делают того-то и сего-то?» На это следует, не ставя под сомнение сам факт их существования, ответить тем, что они просто этого не могут. Судя по всему, возможности их ограничены, так же как и наши с вами. Это представляется всего более ясным, когда сеансы проводятся в форме перекрёстной переписки, иными словами, когда несколько пишущих медиумов работают на расстоянии, совершенно независимо друг от друга, а задачей сеанса является получение такой степени идентичности результатов, каковая не может быть объяснена простым совпадением. Духи, по-видимому, точно знают то, что они вводят в умы живущих, но им неизвестно, в какой мере эти последние усваивают их наставления. Их контакт с нами прерывист, подвержен перебоям. Так, проводя с нами эксперименты в перекрёстной переписке, они постоянно нас спрашивали: «Вы получили это?» или «Всё правильно?» Иногда им частично известно о том, что получилось. Так, Мейерс сказал нам: «Я вижу круг, но не был уверен насчёт треугольника». Вполне очевидно, что духи, даже те из них, которые, подобно Мейерсу и Ходсону, непосредственно занимались при жизни психическими исследованиями и знали все феномены, получающиеся в таких случаях, оказывались в затруднении, когда желали ознакомиться с какой-то материальной вещью, письменным документом, например. Приходится думать, что они могут добиться этого лишь путём частичной материализации самих себя и что у них не всегда есть энергия, для такой самоматериализации необходимая. Это соображение частично объясняет тот знаменитый случай, говорить о котором так любят наши оппоненты, а именно, когда Мейерс не смог прочесть нескольких слов или фразы, находящейся в опечатанной коробке. Вероятно, он просто не мог увидеть документ из положения, которое занимал, и если бы не память, то он бы так и не справился с этой задачей.

Многие ошибки, думается мне, могут быть объяснены таким именно образом. Духи, со своей стороны, утверждают, и это утверждение представляется мне совершенно разумным, что когда они говорят о вещах, принадлежащих к их миру, они говорят нам о том, что им известно и что они могут и готовы обсуждать с уверенностью и полнотой; но когда мы настаиваем (а мы иногда должны настаивать) на своих земных способах контроля, то это тянет их назад, к иному и низшему порядку вещей, и ставит их в такое положение, которое куда более затруднительно и сопряжено с заблуждением.

Другой пункт, который может быть использован против нас, состоит в том, что духам исключительно трудно донести до нас имена, и это-то делает многие из их сообщений столь туманными и неопределёнными. Они всё время ходят вокруг да около и никак не могут сказать слово, которое бы сразу решило вопрос. Пример тому приводится в недавнем сообщении, опубликованном в «Лайте». Там описывается, как молодой офицер, умерший недавно, сумел путём «прямого голоса» передать своему отцу послание при посредстве медиумства госпожи Сьюзен Харрис. При этом он никак не мог назвать своего имени. Ему удалось, однако, дать понять, что отец его был членом Килдэйр-стрит Клуба в Дублине. Поиски позволили найти отца, и тогда выяснилось, что тот, со своей стороны, уже получил в Дублине совершенно самостоятельное послание, в котором сообщалось, что им интересуются в Лондоне и по какой причине. Я не знаю, является ли земное имя такой уж призрачной вещью, никак не связанной с самой личностью, и не отбрасывается ли оно в сторону сразу же, как только мы попадаем туда. Конечно же, это может быть. Но возможно и то, что наше общение с миром потусторонним регулирует некий неведомый нам закон, согласно которому сношения не должны быть слишком непосредственными, с тем чтобы наш ум также не остался без дела.

Мысль о том, что существует некий закон, делающий косвенную речь более лёгкой, нежели прямую, отчётливо выступает из результатов перекрёстной переписки, где иносказания постоянно занимают место называний. Так, по поводу переписки святого Павла, речь о чём идёт в одной из брошюр ОПИ, констатируется, что мысль святого Павла поступала сначала одному медиуму, пишущему

автоматически, а уже от него передавалась двум другим, каждый из которых находился на значительном удалении от другого (в данном случае один из них был в Индии). Духом, который взялся руководить этим экспериментом, был доктор Ходсон. Вы, быть может, подумаете, что появления в других рукописных посланиях слов «святой Павел» было бы вполне достаточно. Но нет, дух действовал по-иному: он сделал все виды косвенных намёков, порассуждал в каждом письме вокруг да около, не называя имени апостола, и изрёк пять цитат из писаний святого Павла. Это лежит за пределами вероятности какого-либо совпадения и действует вполне убедительно, и всё же этот случай является иллюстрацией того, каким чудным путём духи кружат возле предмета, вместо того чтобы пойти прямо к нему. Словно какой-то мудрый ангел, находящийся по ту сторону от нас, советует им: «Не очень-то им всё объясняйте, этим людям. Пусть немного поработают головой. Если вы будете всё делать за них, то они, принимая лишь готовое, станут просто автоматами». Прими мы это к сведению — и всё объясняется. Но каково бы ни было объяснение, факт этот заслуживает внимания.

Касательно общения с духами, стоит упомянуть и ещё одно обстоятельство. Они, видимо, испытывают неуверенность во всём, что касается фактора времени. Как только речь заходит об определении момента наступления того или иного события, они почти неизбежно ошибаются. Земные представления о времени, вероятно, сильно отличаются от временных понятий в мире духов — отсюда и происходит путаница. Я уже говорил, что нам сильно повезло в том отношении, что среди нас постоянно находилась дама, развившая в себе способность пишущего медиума. Она постоянно была в тесном общении с тремя братьями, погибшими в войну. Эта дама, передавая сообщения своих братьев, почти никогда не ошибалась по части самих фактов, но почти никогда и не оказывалась права относительно времени их совершения. Было, однако, одно примечательное исключение, наводящее на размышления. Хотя её пророчества касательно общественных событий исполнялись обыкновенно с опозданием на недели, а то и месяцы, однажды она всё же предсказала прибытие телеграммы из Африки с точностью до дня. Телеграмма была уже отправлена, но задержалась в пути; это, по видимости, дока-

зывает, что наша леди могла предсказывать ход совершающихся событий и рассчитывать время, которое им потребуется, чтобы достичь своего завершения.¹ С другой стороны, я должен согласиться, что она конфиденциально предсказала нам побег своего четвертого брата из немецкого плена, и это соответственным образом осуществилось. В целом, я воздержусь от каких-либо суждений относительно возможностей и неточностей прорицательства.

Но за пределами этих неточностей и ограничений мы, к сожалению, имеем дело с ложью, которую с полнейшим хладнокровием порождают умы лукавые и злонамеренные. Каждый, кто занимался исследованиями в этой области, думается мне, встретился не раз с образчиками предумышленного обмана, которые время от времени попадают среди хороших и правдивых спиритических сообщений. Несомненно, именно о таких посланиях писал апостол, когда он говорит: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов (дабы знать), идут ли они от Бога.»² Слова эти могут означать только то, что раньше христиане не только занимались Спиритизмом, как его понимаем мы, но и сталкивались с теми же трудностями. Вряд ли что может вызвать большее недоумение, чем факт получения послания, в котором содержится пространное и связное описание со всеми возможными подробностями и которое при проверке окажется, тем не менее, полнейшим вымыслом. Однако мы всегда должны знать и помнить, что, даже если один из этих проверенных случаев окажется совершенно правильным, то он имеет больше веса, чем множество других наших неудач, — наподобие того, как получение хотя бы одной телеграммы, содержащей сведения, подтвердившиеся потом как достоверные, является для вас свидетельством существования телеграфного способа общения и получения информации, какие бы помехи и недоразумения ни произошли в почтовом ведомстве впоследствии. Но следует признать, что всё это очень неприятно и делает нас недоверчивыми в отношении любого рода посланий, пока не оказывается возможным удостоверить их истинность. В родстве с этими дурными влияниями состоят

¹ Небольшое уточнение: не «леди могла», но духи, посредников (переводчиком) которых она являлась. (Й. Р.)

² Послание Иоанна Богослова, I, гл. IV, ст. 1. (Й. Р.)

всевозможные «Мильтоны» и «Шелли», неспособные считать слоги в стихах и рифмовать слова, все эти «Шекспиры», не умеющие думать, и все прочие глупые претензии на великое имя, выставляющие в смешном виде наше дело. Всё это, думается мне, намеренные подлоги и обман со стороны обитателей либо этого мира, либо мира иного, но ставить из-за всего этого под сомнение реальность мира спиритического так же неразумно, как и утверждать, будто под вопросом оказывается самый факт существования нашего физического мира потому только, что в нём порой встречаются весьма неприятные субъекты.

Совершенно точно я могу сказать одно: с той поры, как я интересуюсь этим предметом, среди всех этих ложных сообщений мне ни разу не встретилось послания богохульственного, грубого или непристойного. Такие инциденты, должно быть, исключительно редки. Я также полагаю, что голословные утверждения касательно безумия, одержимости медиумов и т. п. являются чистейшим вымыслом. Статистические данные по приютам душевнобольных противоречат таким утверждениям, а средняя продолжительность жизни у медиумов ничуть не короче, чем у всех остальных людей. Мне думается, однако, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали своё дело, и тот, кто тратит время на то, что бегаёт от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в будущем и духовные силы в настоящем, для того чтобы достичь должного понимания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально.

И вот вывод, к которому я пришёл в итоге своих многолетних исканий истины: несмотря на нередкие случаи обмана, о которых сторонники истинного Спиритизма весьма сожалеют, и несмотря на разгул нездоровой фантазии, каковую они никак не поощряют, в этом движении всё же есть внушительная и здоровая суть, бесконечно более близкая к положительному доказательству, нежели какое-либо иное, известное мне религиозное течение. Как я

показал, эта система взглядов — скорее возрождение того, что было, чем открытие чего-то нового, но в наш материалистический век результат того и другого оказывается практически один и тот же. Определённо, миновали те дни, когда зрелое и взвешенное мнение таких людей, как Крукс, Уоллес, Фламарион, Рише, Лодж, Баррэт, Ломброзо, генералы Дрейсон и Тэрнер, сержант Бэллантайн, У. Т. Стед, судья Эдмонис, адмирал Азборн Мур, покойный архидьякон Уилберфорсский и целое море, лавина других свидетельств могут быть отброшены в сторону пустыми фразами вроде «Это всё вздор!» или «Полнейшая галиматья!» Как удачно сказал господин Артур Хилл, мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений.¹ Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть.² Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново только потому, что лично ему требуются какие-то сведения.³ Метод наших оппонентов состоит в том, что они накидываются на того, кто последним подал голос — в настоящее время это происходит с сэром Оливером Лоджем, — и затем обращаются с ним так, как будто он выступил с какими-то совершенно новыми взглядами, коих единственным поборником он является, нисколько не считаясь с тем, что ещё и прежде так много независимых тружеников дало им своё подтверждение. Это нечестная манера критики, ибо в каждом деле согласование свидетельств — самый лучший способ убеждения. Однако у нас имеется множество свидетельств, которые не нуждаются и в таком согласовании, поскольку даже нескольких отдельных фактов вполне достаточно для того, чтобы раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Если б, например, наше знание о неведомых силах основывалось только на исследованиях доктора Кроуфорда из Белфаста, который посадил испытуемого медведя на стул-весы таким образом, чтобы ноги её не соприкасались с полом, и смог зарегистрировать в связи с

¹ NB. (Й. Р.)

² NB! (Й. Р.)

³ NB!!! (Й. Р.)

происходящими психическими феноменами разницу в весе порядка нескольких фунтов, проверив результаты и записав ход опыта с истинно научным знанием дела, то я не вижу, как его можно было бы опровергнуть. Феномены эти существуют и давным-давно были твёрдо установлены для всех людей с открытым, непредвзятым умом. Сейчас можно лишь сказать, что время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства.

Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что явления эти значат, словно группа дикарей, изумлённо глядящих на радиоаппарат и нисколько не интересующихся содержанием передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмёмся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из загробного мира, и за построение такой религиозной концепции, которая будет основана на посюстороннем человеческом разуме и потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр, они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают, или примут, очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях воссозданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала. Доказательства, на которых покоится данная система, столь бесчисленны, что потребовалась бы весьма значительная библиотека, дабы вместить их все; свидетельства же, на которые система эта опирается, идут к нам не от каких-то безвестных и мифических персонажей, живших в неопределённо-далёком прошлом и не подлежащих никакому контролю с нашей стороны,¹ но от самих наших современников, людей, ум и характер которых уважаемы всеми.

Положение в целом сводится, на мой взгляд, к следующей альтернативе: либо надо предположить, что случилась невероятная, невероятная, массовая эпидемия сумасшествия, охватившая два поколения и два континента и поражающая мужчин и женщин, во всех остальных отношениях в высшей степени здоровых; либо же приходится допустить, что за несколько лет из божественного источника до нас дошло Новое Откровение, которое далеко превосходит самые крупные религиозные события, происшед-

¹ Снова намёк на библейские авторитеты. (Й. Р.)

шие после смерти Христа, ибо Реформация была всего лишь оживлением омертвело католицизма, тогда как данное Откровение напрочь изменяет лицо самой смерти и всю судьбу рода человеческого. Между этими двумя предположениями нет места колебаниям: мнение, согласно которому Спиритизм лишь обман да ложь, не выдерживает никакой критики и не может устоять перед очевидностью. Либо явное безумие, либо же идейная революция, позволяющая нам бесстрашно смотреть смерти в глаза и являющая собой для нас великое утешение в тот миг, когда те, кого мы любим, уходят от нас в мир иной.

Я хотел бы добавить несколько практических советов тем, кто знает об истинности мною сказанного. Мы находимся здесь перед лицом крупнейшего и нового духовного движения, величайшего во всей истории человечества. Как мы им воспользуемся? Полагаю, что для нас дело чести заявить о своей вере, в особенности же это касается тех, кто страдает. Исповедуя свою веру, мы не должны её навязывать, но должны положиться во всём на мудрость более высокую, нежели наша. Мы не желаем разрушать ни одной религии. Мы хотим только вернуть в лоно её тех, кто помышляет о материальном, из душного и узкого ущелья мы хотим поднять их на горную вершину, где они смогут вдыхать более свежий воздух и видеть оттуда другие ущелья, другие долины и выси гор. Существующие сегодня религии по большей части выродились и пребывают в упадке, они задавлены догмами и удушены тайнами. Мы можем доказать, что во всём этом нет нужды. Всё, что есть важного, одновременно весьма просто и вполне определённо.

Самая драгоценная помощь приходит к нам от тех, кто понес утрату и жаждет восстановления связи с отшедшими. Но и здесь важно не переусердствовать. Находишь ваш сын, скажем, в Австралии, вы не стали бы требовать от него, чтоб он постоянно откладывал свои дела ради того, чтобы писать вам длинные, обстоятельные письма. Вступив в контакт, будьте умеренны в своих просьбах. Вместе с тем не довольствуйтесь первым приведённым доказательством, удостоверяющим вам личность собеседника. Но действительно получив доказательства, вы, думаю мне, вполне можете пережить тот короткий отрезок времени, который вам осталось прожить здесь вплоть до полного вашего воссоединения. Сейчас я общаюсь с тринадцатью матерями, которые переписываются с погибшими на войне сыновьями; и во всех этих случаях отцы, хотя сами они и не

участвуют в переписке, также убеждены в реальности происходящего. Насколько мне известно, только в одном из всех этих случаев родители были знакомы со Спиритизмом до войны.

Многие из этих примеров имеют свои неповторимые особенности. В двух из них умершие дети сфотографировались рядом с матерями. В одном случае первое послание пришло к матери через постороннего человека, которому был дан её точный адрес. После этого общение велось напрямую. В другом случае метод пересылки посланий состоял в том, что давались указания соответствующих страниц и строк в книгах домашней библиотеки — всё вместе выстраивалось в письмо. Процедура была построена таким образом, чтобы исключить всякое опасение в отношении телепатии. Воистину, не осталось такого пути, которым могла быть доказана истина и которым бы она уже не была доказана.

Как вам следует действовать? Вот в чём трудность. Есть доверчивые люди и есть фальсификации. Надо быть осторожным. Что касается медиумов-профессионалов, то для вас не составит труда получить рекомендации. Но даже и с лучшими из них манифестации могут быть неопределёнными и разочарования не окажутся редкостью. И всё же некоторые добиваются результатов сразу. Мы не можем сформулировать законы, управляющие этими манифестациями, поскольку они действуют как с нашей, так и с той стороны. Почти каждая женщина является медиумом, не упражнявшим пока что своей способности. Пусть она попробует свои силы в автоматическом писании. Опять же и здесь, всё, что делается, должно производиться со всеми предосторожностями во избежание самообмана. Настрой духа при этих занятиях должен быть благоговейно-молитвенный. И если только вы серьёзны, то как-нибудь прорвётесь, ибо, вероятно, кто-то предпринимает аналогичные усилия и оттуда.

Некоторые люди не являются сторонниками общения с умершими по той причине, что это, якобы, препятствует продвижению отшедших. Но этому нет ни малейшего доказательства. Утверждения самих духов говорят как раз об обратном: они заявляют, что общение с теми, кого они любят, очень помогает им и придаёт сил. Не так много, на мой взгляд существует трогательных в своём простом юношеском красноречии страниц, как те, на которых Рэймонд описывает чувства погибших на войне юношей, желающих послать весть родным и встречающих постоянной

помехой этому стену невежества и предрассудка в умах последних. «Вам мучительно думать о том, что сыновья ваши умерли, и всё же множество людей думает именно так. Мне ещё более мучительно слышать, как мальчики говорят мне, что никто больше не хочет с ними разговаривать. Это ранит меня очень больно».

Старайтесь читать книги о Спиритизме. К ним так мало обращаются не только те, кто живет в плену у материального мира, но и сами наши сторонники. Проникнитесь величественной Спиритической Истиной! Встаньте на короткую ногу с неоспоримой очевидностью. Отойдите от материальной стороны этих явлений и постигните возвышенное учение, за ними стоящее, по таким прекрасным книгам, как «После смерти» Леона Дени или «Учение духов» Стейнтон Моузеса.¹ Такими книгами, невеликой стоимости, но высокой ценности, можно заполнить целую библиотеку². Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма — вот движущая сила нравственного прогресса. Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы вступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет.

Следует повторить, что если Новое Откровение и представляется разрушительным в глазах исповедывающих христианские догмы с чрезвычайной непреклонностью, то на самом деле оно имеет совершенно противоположное влияние на ум, который, подобно столь многим нынешним умам, в конце концов пришёл ко взиранию на всю христианскую систему как на сплошное заблуждение и огромный обман. Ясно показано, что Старое Откровение имеет большое сходство с нынешним; хотя время, злоупотребления людей и материализм сильно обезобразили его и исказили, всё же в нём ещё просматривается тот же общий замысел, то же направление мысли, так что невоз-

¹ Leon Denis, «Après la Mort»; Rev. Stainton Moses, «Spirit Teachings». (И. Р.)

² Такого рода библиотека-магазин, имеющая целью распространение спиритических знаний, была создана Конан Дойлем и открыта им в 1925 году на Виктория-стрит в Лондоне. (И. Р.)

можно усомниться в том, что оба они исходят из одного источника. Если Старое Откровение говорит нам о жизни после смерти, о высших и низших духах, о зависимости нашего счастья от собственного нашего поведения, об искуплении страданием, о духах-заступниках (ангелах-хранителях), о высоких Учителях, о единой верховной власти во Вселенной, об иерархии духовных сил, со ступени на ступень всё выше возносящей нас пред ликом Божиим, то все эти идеи и концепции появляются ещё раз и в Новом Откровении и подтверждены в нём множеством свидетельств. Только лишь притязания на непогрешимость и монополию, фанатизм и педантизм теологов, равно как и созданные человеком обряды и ритуалы, изгоняют жизненную силу и самую жизнь из дарованных Богом мыслей — единственно это исказило истину.

Я бы не мог завершить эту маленькую свою книжку лучше, как приведя слова куда более выразительные, чем всё то, что я в состоянии написать, ибо они — прекрасный образец английского стиля, равно как и английской прозы. Слова эти принадлежат перу известного нашего поэта и тонкого мыслителя, господину Джеральда Массея, и написаны им много лет назад.

«Спиритизм стал для меня, как и для многих других, истинным расширением моего умственного горизонта и пришествием неба, превращением веры в действительные факты; без него жизнь всего больше походит на морское плаванье, совершаемое при задранных люках в тёмном и душном трюме корабля, в коем единственным светом, доступным взору путешественника, будет одно только мерцанье свечи; и вот, как будто этому путешественнику вдруг позволили великолепной звёздной ночью выйти на палубу и впервые увидеть величественное зрелище свода небесного, пылающего мириадами огней во славу Творца».

Дополнительные свидетельства

I

СЛЕДУЮЩАЯ ФАЗА ЖИЗНИ

В этой книге я говорил о том, сколь поразительно согласуются друг с другом рассказы о загробной жизни: несмотря на то, что все они исходят из совершенно разных и независимых один от другого источников, согласование это касается самых мельчайших подробностей. Разнообразие при этом возникает от способности видеть более полно, которая позволяет заметить и описать и то, что не попадает непосредственно в поле зрения. Как бы то ни было, но все рассказы о той счастливой стране, попасть в которую однажды обычному смертному дозвоительно стремиться, довольно точны и последовательны. После того, как я написал это своё исследование, мне стали известны три новых и независимых друг от друга свидетельства, которые опять являются подтверждением сказанного. Одно из этих свидетельств приводится королевским адвокатом в недавней его книге «И был мне Голос»,¹ ознакомиться с которой я советую всем исследователям, хотя автор и проявляет в ней ярко выраженный католический уклон. Но это только показывает, насколько нам трудно выйти из привычного круга понятий. Вторым свидетельством является небольшая книжка «Будущий Свет»,² в которой приводятся очень интересные подробности, касающиеся потустороннего мира; книга эта составлена участниками одного дублинского спиритического кружка, столь же серьёзного, сколь и уважаемого. И, наконец, третье свидетельство, и, как мне думается, наиболее поучительное и назидательное, содержится в частном письме, присланном мне господином Губертом Уэйлзом.

Господин Уэйлз — исследователь осторожный, добросовестный и довольно скептический. Путём автоматического письма он собственноручно получил очень интересные сообщения, но, вникнув в них, с недоверием отбросил. Прочитав, однако, мой отчёт об условиях посмертного существования, он отыскал свои старые записки, которым поначалу придал столь мало значения. Он сообщает.

¹ A King's Counsel, «I Heard a Voice» (Kegan Paul edit) (Й. Р.)

² «The Light of the Future». (Й. Р.)

«Прочитав Вашу статью, я был потрясён, почти испуган тем, что сообщения, когда-то полученные мною самим касательно условий посмертного существования, совпадали — мне кажется, вплоть до мельчайших подробностей — с теми, которые Вы приводите в Вашем обзоре, составленном из большого количества материалов, собранных на основе разных источников. Не думаю, что в прочитанной мною ранее литературе можно найти объяснение такого совпадения. Я определённо, не читал ничего ранее написанного Вами по этому поводу. Я намеренно избегал «Рэймонда» и всех иных книг этого рода, с тем чтобы они не повлияли на мои собственные результаты. Читаемые же мною в ту пору «Протоколы ОПИ», как Вам известно, никак не касаются условий существования после смерти. Так или иначе, в разное время мною были получены (как Вы сейчас увидите) сообщения, которые утверждают, что в этом новом периоде существования люди обладают телами, которые, хотя и невосприимлемы нашими органами чувств, для них тем не менее так же вещественны, как для нас наши. Тело это основано на важнейших особенностях нашего земного тела, но в его улучшенном, идеализированном виде. У него нет возраста; оно не ощущает боли. Среди них нет ни богатых, ни бедных. Они носят одежду и едят пищу; они не спят, хотя и говорят о том, что время от времени погружаются в полубессознательное состояние, которое они называют «сном», состояние это — оно мне знакомо — приблизительно соответствует гипноидальному трансу. После некоторого периода времени, который обыкновенно короче, чем средняя продолжительность жизни здесь, на Земле, они переходят в какую-то следующую стадию существования.¹ Люди сходных мыслей, вкусов и чувств стремятся друг к другу и живут вместе. Супруги не обязательно воссоединяются, но любовь мужчины и женщины продолжается и свободна от всего,

¹ Здесь и несколько выше имеется в виду главным образом перевоплощение. Умы, сформированные в традициях протестантского мировоззрения, не понимают идеи перевоплощения и её отвергают. Характерно, что даже после перехода, став духами, такие люди продолжают игнорировать закон реинкарнации — один из главнейших законов жизни. Поэтому и в посланиях духов в странах протестантских идея перевоплощения обыкновенно отрицается. В этом причина огромного превосходства *французского спиритизма* (или карденизма) над *англо-американским спиритизмом*. (И. Р.)

что здесь у нас препятствует её полному выражению. Сразу же после смерти человек погружается в полубессознательное состояние покоя, длительность которого у разных людей различна. Они не в состоянии испытывать телесную боль, но временами бывают подвержены душевным мукам. Мучительная смерть совершенно неизвестна. Принадлежность к той или иной вере не создаёт различий в положении на том свете, и вся их жизнь в целом в высшей степени счастлива, и никто там даже не в состоянии себе помыслить, чтобы он вдруг пожелал вернуться на Землю. Мне ни разу не встретилось само по себе слово «работа» как таковое, но было много указаний на разного рода интересы, которые их занимают. Вероятно, это другой способ говорить то же самое. У нас «работа» обычно означает «средство к существованию», а это, как мне доподлинно известно, не имеет места у них, поскольку все их жизненные потребности каким-то таинственным образом предугадываются. Они говорят, что всё, что мы любим и что необходимо для нашего счастья на Земле, сопровождает нас и в той жизни. Не встретилось мне также и никаких определённых сведений о каком-либо «временном наказании», но у меня есть указания на то, что люди там начинают свою жизнь на том умственном и нравственном уровне, с которым они покидают эту землю; и так как их счастье основывается главным образом на симпатии, то те, кто приходят туда с низким уровнем нравственного развития, поначалу длительное время бывают лишены возможности оценить это счастье и им наслаждаться».

II

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Эта форма медиумизма даёт наилучшие результаты, но по самой своей природе она более всего подвергает человека опасности самообмана. Вопрос в том, не пользуемся ли мы своей рукой сами или ею действительно движет некая внешняя по отношению к нам сила? Сказать это мы можем, лишь оценивая полученную информацию, и даже тогда нельзя полностью списать со счёта влияние наших подсознательных знаний. В этой связи стоит, как мне кажется, привести один из тех, случаев медиумического писания, который говорит сам за себя, убедительно показывая

исследователю, сколь неоспорима очевидность того, что эти послания исходят не от человека, рукою которого они написаны. Такого рода случай приводится господином Артуром Хиллом в его книге «Человек есть Дух».¹ Он был сообщён ему капитаном Джеймсом Бертоном. Насколько я понял, благодаря сообщениям, полученным именно этим медиумом (любителем), удалось установить точное местоположение подземных руин в Глэнстонбери.

«Это случилось где-то через неделю после похорон отца, — рассказывает он. — Я писал деловое письмо, как вдруг почувствовал, что некая посторонняя сила поместилась между моей рукой и движущимися центрами мозга, и тогда рука начала писать без моего вмешательства. Получилось удивительное письмо, подписанное автографом моего отца, — обстоятельство, имевшее, видимо, целью подтвердить, что письмо действительно исходит от него. Я был потрясён. При этом мой правый бок и рука словно бы затекли и онемели. Уже год спустя такие письма стали явлением нередким, но всегда приходили ко мне в тот самый миг, когда я их всего менее ожидал. Я никогда не знал, о чём идёт в них речь, поскольку прочитать их можно было, лишь прибегнув к помощи лупы: настолько микроскопическим почерком они были написаны. В письмах этих сообщалось множество обстоятельств, которые никак не могли быть мне известны.

Так, например, я не мог знать, что у матери, которая жила вдали от меня, пропала любимая собака, подаренная ей прежде отцом. В ту же ночь я получил от него письмо, где он соболезновал матери и говорил, что собака была теперь с ним. «Всё, что мы любим и что было необходимо для нашего счастья на Земле, находится с нами и здесь». Мне был таким способом открыт один из самых священных семейных секретов, известный только матери и отцу и касающийся события, происшедшего за много лет до моего рождения. Секрет этот был открыт мне с такой рекомендацией: «Скажи это матери, и она узнает, что пишу тебе я, твой отец». До сей поры мать не могла поверить моим рассказам, но, когда я сказал ей это, она побледнела и лишилась чувств. С той поры письма эти стали её наибольшим утешением, ибо отец и мать любили друг друга

¹ Arthur Hill, «Man is a Spirit» (Cassell & Co.) (Й. Р.)

в течение всей сорокалетней супружеской жизни, и его смерть разбила ей сердце.

Что касается меня, то я вполне убеждён в том, что личность моего отца продолжает существовать, как если бы он всё ещё находился за закрытой дверью в своём кабинете. Он ничуть не более мёртв, как был бы «мёртв» для нас, живя в Америке.

Я сравнил стиль и выражения, встречающиеся в этих письмах, с манерой, в которой свойственно писать мне — я приобрёл некоторую известность, сотрудничая в журналах — и не нашёл между ними ни малейшего сходства».

Данный случай представляет и другие доказательства своей несомненности, и я отсылаю читателя к самой книге.

III

ЧЕРИТОНСКОЕ БОМБОУБЕЖИЩЕ

Выше я упомянул о своём недавнем опыте, касающемся полтергейста, или проявления духа-проказника. Существа этого рода, по видимости, принадлежат к категории наименее развитых и более близки к земным условиям, чем все иные существа духовного мира, нам известные. Эта сравнительная материальность ставит их на самую нижнюю ступень духовной иерархии и поэтому делает, быть может, нежелательным установление с ними каких-либо отношений. Тем не менее их проявления обладают известной ценностью, потому что грубая очевидность феноменов привлекает к себе внимание людей, заставляя нас признать, что во Вселенной наличествуют иные формы жизни, помимо нашей. Эти силы, находящиеся на границе нашего материального мира, повсеместно и во все времена привлекали к себе внимание людей, которое, правда, не могло задержаться на них подолгу. Именно к этому роду феноменов принадлежат преследование семьи Уэсли в Эпуорте, истории с барабанщиком из Тэдуорта, биллингскими колоколами и тому подобные вещи, бывшие причиной всеобщего испуга в течение некоторого времени, — каждый из этих случаев демонстрирует агрессивность неведомых сил в отношении живых людей. Затем, почти одновременно, произошли события в Гайдсвилле, в Америке, и аналогичные явления в Сидвилле, во Франции, — они

оказались столь разительны, что не смогли остаться незамеченными. Из них выросло всё современное спиритическое движение, которое путём умозаключений от малого к большому, от явлений грубых к более тонким, развило свои выводы и довело их до совершенства, пройдя путь от физических проявлений до письменных посланий, и ныне призвано придать религии самое прочное основание из всех, на которых она когда-либо стояла. Таким образом, сколь бы нелепыми и странными ни казались нам эти явления, именно они явились зародышем, из которого выросло и выросло всё движение современного спиритуализма, и потому заслуживают нашего уважительного, хотя и критического внимания.

В различных районах земного шара за последние годы произошли многие из подобных проявлений, и пресса не упустила возможности представить каждый из этих случаев в как нельзя более комическом виде, полагая, по-видимому, будто использование слова «привидение» подрывает всякое доверие к событию и кладёт конец спорам. Примечательно здесь то, что каждый такой случай рассматривается обособленно, как какое-то совершенно единичное событие, и так у обычного читателя не возникает никакого понятия о доказательной силе, которою обладает накопление множества однородных фактов. Касательно же Черитонского бомбоубежища факты состоят в следующем.

Мистер Джейкис, мировой судья, человек образованный и интеллигентный, проживающий в Эмбрук-Хаузе, Черитон, вблизи Фолкстоуна, построил бомбоубежище рядом со своим домом на случай воздушных налётов противника. Надо сказать, что дом этот очень старый, часть его возведена на фундаменте старинной культовой постройки XIV века. Бомбоубежище он решил вырыть в основании небольшой скалы, почва там — обычный мягкий песчаник. Работу выполнял местный каменщик по фамилии Рольф со своим помощником. С самого начала он столкнулся с такой помехой: неведомо каким образом бросаемые горсти песка гасили свечу, а некоторые из них летели ему прямо в лицо. Он, было, подумал, что виной тому какое-то истечение газов или некое явление, связанное с электричеством. Однако это происходило настолько часто, что серьёзно тормозило работу, на что Рольф и пожаловался

господину Джейкису. Но тот отнёсся к его рассказу с полнейшим недоверием. Преследование рабочих однако продолжалось, причём сила проявлений всё возрастала. пока они не приняли форму воздушных потоков, способных переносить предметы значительных размеров — камни и обломки кирпича. Они пролетали мимо Рольфа и ударялись о стены со значительной силой. Всё ещё продолжая искать физические объяснения, Рольф обратился к мистеру Хескету, фолкстоунскому муниципальному электрику, человеку высокой образованности и ума. Господин Хескет прибыл на место событий и увидел достаточно, чтобы убедиться: указанные явления действительно имеют место и их нельзя объяснить обычными законами. Канадский солдат, квартировавший у господина Рольфа, узнав о случившемся с его хозяином, высказал мнение, что у последнего «просто крыша поехала». Не долго думая, он отправился в бомбоубежище, где предмет спора проявил себя с такою стремительностью и силой, что солдат в ужасе выскочил оттуда наружу. Свидетельницей перемещения кирпичей, к которым никто не прикасался, была также экономка дома. Эти факты начали постепенно ослаблять скепсис господина Джейкиса, и он спустился в бомбоубежище, когда там никого не было. Он уже вышел оттуда, когда пять камней, брошенных изнутри, ударились о дверь. Джейкис приоткрыл её и увидел их на полу возле двери. Сэр Вильям Баррэт также потом спускался вниз, но за время своего недолгого пребывания ничего там не обнаружил. Затем я побывал там четыре раза, проведя в гроте по два часа, но ничего непосредственно не наблюдал, хотя и удостоверился, что на свежей кирпичной кладке есть следы ударов. Силы, проявившиеся в данном случае, пренебрегли теми, кто серьёзно занимается психическими исследованиями, ибо они никак не проявили себя в их присутствии. Тем не менее присутствие этих сил и их действие отметили по меньшей мере семь различных свидетелей. Как я сказал, эти силы оставляли после себя следы своего действия и дело дошло до того, что они извлекли из пола свежезацементированные керамические плитки и сложили их маленькими аккуратными кучками. Предположение, что всему виной озорство помощника каменщика, приходится исключить по той причине, что явления производились и в его отсутствие. Место событий посетил также один физик,

но, поскольку его объяснения сводились к тому, что «движение предметов обусловлено эманацией болотных газов», то это не намного подвинуло дело. Аномалии до сих пор продолжают, и сегодня утром (21 февраля 1918) я получил обстоятельное письмо со свежими подробностями от инженера Хескета.

Каково действительное объяснение этого явления? Могу сказать только одно: я посоветовал господину Джейкису провести раскопки в почве рядом со скалой, под которой он строит подвал. Я осмотрел поверхность земли в этом месте и пришёл к выводу, что почва здесь была когда-то вскопана на глубину по меньшей мере пяти футов. Что-то, насколько я могу судить, было там некоторое время назад зарыто, и вероятно, как и в случае, приведённом мною выше, есть определённая связь между этим фактом и аномалиями. Очень может быть, что господин Рольф, сам того не ведая, является медиумом для производства физических проявлений, и поэтому, когда он оказывался запертым в ограниченном, замкнутом пространстве подвала, то его магнетические силы аккумулировались там, как в кабинете, и оказывались готовыми к действию. Так случилось, что там же оказалась некая действующая сила, которая решила ими воспользоваться, — отсюда и феномены. Когда господин Джейкис спустился в грот в одиночку, то сила, остававшаяся там после господина Рольфа, проведшего в нём целое утро, ещё не иссякла, благодаря чему Джейкису и удалось стать свидетелем некоторых её проявлений. Таково моё объяснение, но по поводу подобных вещей лучше не быть догматичным. Если будут систематические раскопки, то я стал бы ждать эпилога этой истории.

Когда книга эта уже печаталась, мне стал известен второй весьма характерный случай полтергейста. Я не могу открыть его подробности, ибо не уполномочен делать этого, но феномены производятся вплоть до настоящего времени. Довольно любопытно, что случай этот стал известен мне потому, что одно из страдающих от этих посягательств лиц прочитало мои заметки о черитонском бомбоубежище, — дама немедленно написала мне, прося совета и помощи. Место действия довольно удалено от меня, съездить я туда ещё не успел; но, если судить по исчерпывающему отчёту, полученному мною, этот случай

включает в себя все типические черты и сопровождается, помимо прочего, таким феноменом, как автоматическое письмо. Некоторые образчики этих сообщений лежат передо мной. Двое священников безуспешно пытались положить конец проявлениям, которые порой оказываются слишком грубыми. Я думаю, что некоторым утешением людям, страдающим от подобных преследований, может послужить то обстоятельство, что среди множества тщательно изученных случаев полтергейста нет ни одного, когда был бы причинён какой-то физический вред человеку или животному.¹

1918 г.

¹ Возвращаясь к этому последнему случаю, должен сказать, что по прошествии некоторого времени, после того как были написаны данные строки, случаем этим занялся третий пастор, обладающий некоторыми познаниями в области оккультных наук. Рассуждениями и молитвами он добился того, что злые духи наконец оставили свои жертвы в покое. Сколько-то времени духи будут держать своё слово? (А. К. Д.)

**ЗАПИСКИ
О СПИРИТИЗМЕ**

Публицистика

«The unknown and the marvellous press upon us from all sides. They loom above us and around us in undefined and fluctuating shapes, some dark, some shimmering, but all warning us of the limitations of what we call matter, and of the need for spirituality if we are to keep in touch with the true inner facts of life».

A. Conan Doyle

«Неведомое и удивительное окружает и подталкивает нас со всех сторон. Оно роится над нами и кругом нас в неясных и переменчивых формах, как темных, так и ослепительно ярких, но которые все указывают нам на ограниченность того, что мы называем «материей», и на главенство духовности, которую нам следует дорожить, если только мы не желаем утратить связь с сокровенно-подлинными основами жизни».

А. Конан Дойл

Всякое воспроизведение текста, в том числе и частей его, в коммерческих целях допускается только с письменного согласия издательства, составителя и автора перевода.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Сэр Артур Конан Дойл (1859—1930гг.) — крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права — более 40 лет жизни посвятил изучению спиритизма. Всем предубеждённым в данном вопросе скептикам следует понять, что если человек столь рационального и аналитического склада ума изучал предмет этот до такой степени серьёзно, то, стало быть, тема эта не может быть отнесена на счет иллюзии или фигурировать под вывеской «самого дикого из всех суеверий», как считают марксисты, или «наиболее безумного и губительного из предрассудков», как то полагают теософы. И сам Конан Дойл, и другие приверженцы спиритической философии были прекрасно знакомы с такого рода критикой, но тем не менее имели свои причины не признавать её правомерности.

Касательно сомнений в самой реальности этих явлений Конан Дойл писал: «Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново потому только, что лично ему требуются какие-то сведения».

Практически нет таких логических, зрительных, слуховых и осязательных доказательств продолжения жизни и сохранения нашей личности после смерти этого физического тела, которые бы не были получены сэром Конан Дойлем в ходе его исследований. «Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться убеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские причины сомневаться в здравии собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное, чем просто вера, и это — знание... Так вот, я утверждаю

эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не верю, я знаю».

Таким образом, исследования прогрессивно мыслящих медиков последнего времени (Р. Моуди, Э. Кьюблер-Росс, М. Сабома, Дж. Ритчи и других) находят свое подтверждение в исследованиях, проделанных в этой области ранее на совершенно иной методологической основе, поскольку между средствами и приёмами спиритизма и реаниматологии нет ничего общего. Учение спиритизма, стало быть, является могучим союзником современных исследователей посмертного опыта, ибо оно объективно показывает, что впечатления и переживания реанимированных не являются, как пытаются утверждать критики, иллюзией, вызванной действием медицинских препаратов или субъективным восприятием процесса распада сознания.

Говоря о чрезвычайной важности спиритизма, Конан Дойл как и другие серьёзные представители данной школы, в то же время указывает на нежелательность чрезмерного увлечения материальной стороной этих явлений, так называемым «психизмом» или «медиумизмом», ибо не в этом состоит действительное назначение спиритизма: «Мне думается, однако, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели раз возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали своё дело, и тот, кто тратит время на то, что бежит от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь в данной работе показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в ожидающем нас будущем и духовные силы в настоящем для того, чтобы достичь должного понимания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально».

Обращаясь ко всем этим любителям вертеть блюда, подсчитывать удары и крутить столы Конан Дойл вопрошает: «Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что эти явления значат, словно группа дикарей, изумлённо глядящих на радиоаппарат и нисколько не интересующихся содержанием и смыслом передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмёмся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из загробного мира, и за построение такой религиозной

концепции, которая будет основана на потустороннем человеческом разуме и на потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр, они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают, или примут, очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях воссозданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала».

Спиритическое Учение не было понято и признано земным человечеством в ту пору, когда оно было предложено ему Космическими Силами (вторая половина XIX века — первая четверть XX)¹, и претерпело значительные искажения (отсюда и правомерная критика такого выродившегося спиритизма со стороны госпожи Рерих). И в результате этого человечество в XX веке погрузилось во мрак материалистического и безбожного варварства, закономерно приведшего к чудовищному геноциду.

Как бы то ни было, но есть и иной, истинный Спиритизм, к знакомству с которым мы предлагаем читателю обратиться, в том числе и через многолетние искания такого человека, как сэр Артур Конан Дойл. Ещё и сегодня не поздно, и если идеи Третьего Откровения будут человечеством признаны и претворены в жизнь, то участь нашей планеты может ещё измениться к лучшему. Не забудем, что главный принцип такого спиритизма — ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, и главный девиз его: «Без любви к Богу и любви к ближнему — нет спасения!»

Павел Гелева, философ

¹ Безусловно чистыми источниками такого спиритизма являются творения Аллана Кардека и Леона Дени, создававшиеся ими в сотрудничестве с Духовной Иерархией. (П. Г.)

НЕОЖИДАННОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Милостивый Государь! Я полагаю, что весьма полезна практика, бытующая среди сторонников учения о духовном возрождении, равно как и иных деятельных религиозных течений самого разного толка. Она состоит в том, что каждый новый член должен представить собравшейся конгрегации описание того способа, посредством которого ему удалось достичь некоего неопределённого результата, известного среди них как «обретение спасения». Подобная практика оказалась бы в настоящее время полезной и среди спиритуалистов, так как первые шаги искателя истины пролегают по столь одинокой и коварной тропе, что для него всегда поучительно услышать, где споткнулись или оступились на ней другие путники, поскольку сам он не может быть уверен, следует ли он в данный момент за путеводной звездой или же его манит блуждающий огонёк: это выяснится лишь тогда, когда нога его ступит наконец на более твёрдую почву и он так узнает, что им всё было сделано правильно. Нет пользы в том, чтобы говорить смиренному искателю, не уверенному в себе и опутанному предубеждениями раннего образования, о психографии, материализации и других сложных явлениях. Он жаждет такого доказательства, которое будет более в пределах его собственного опыта и которое сможет убедить его рассудок, не будучи при этом столь подавляющим, чтобы ошеломить его или смутить. Это, таким образом, должно быть моей апологией в преддверии того, что я собираюсь сообщить по поводу события, которое, после многих месяцев изучения, наконец абсолютно определённо показало мне, что разум может существовать отдельно от тела.

Несколько месяцев назад я прочитал «Мемуары» судьи Эдмониса, вслед за этим я прочёл книгу Альфреда Рассела Уоллеса, трактат генерал-майора Дрейсона и другие сочинения на эту тему. Оценив приведённые в них доказательства, я мог теперь сомневаться в существовании описанных явлений не больше, чем в существовании львов в Африке, ведь хотя я и бывал на этом континенте, но мне при этом ни разу не посчастливилось увидеть хотя бы одного из них. Я чувствовал, что если человеческое свиде-

тельство — касательно как качества, так и количества очевидцев — вообще может что-либо доказать, то *это* оно уже доказало. Тогда я принялся за работу по организации «Кружка шестерых», который собрался девять или десять раз у меня на дому. У нас были такие явления, как послания, передававшиеся соответственным числом ударов в столе, и даже несколько писаний, проведённых под контролем, но ни разу не произошло чего-то, о чём можно было бы говорить как о бесспорно убедительном доказательстве. Эта сложная машина — человеческое тело — способна выделять странные трюки, и я никогда не был полностью удовлетворён полученными результатами из-за скрытых возможностей бессознательной мозговой деятельности, непреднамеренного мышечного движения и эффекта, производимого дюжиной тяжёлых рук, лежащих на одном лёгком столе. Я был убеждён, что если другим и удавалось добиться получения явлений, то у меня это никак не выходило.

Но вот на прошлой неделе двое друзей пригласили меня принять участие в сеансе с пожилым джентльменом, о котором было известно, что он обладает значительной медиумической силой. Впервые я имел возможность участвовать в сеансе с кем-то, кто не был новичком или исследователем подобно мне. Здесь я должен заметить, что на протяжении нескольких дней я пребывал в сомнениях относительно того, стоит ли мне читать сочинение Ли Хан-та, озаглавленное «Комические драматурги периода Реставрации». Вопрос заключался в том, будет ли засорение ума, произведённое господами Конгривом, Уичерлеем & Ко, как-то компенсировано картиной нравов и обычаев тех дней, собранных на их страницах и разбираться в которых у меня были свои особые причины. Я всё обдумывал этот вопрос, но за день или два до сеанса выбросил его из головы. Во время сеанса наш медиум быстро вошёл в контакт и в состоянии транса произнёс сообщение, содержащее много интересного и серьёзного. Затем он, как ясно-видящий, описал одну-две сцены, проверить которые у нас не было возможности. Встреча, таким образом, уже оказалась интересной, но всё ещё не исключала возможности обмана. Затем мы предложили ему писать. Медиум взял карандаш и после нескольких конвульсивных движений написал по записке каждому из нас. Предназначенная мне гласила: «Этот джентльмен — врач. Передайте ему от меня, чтобы он не читал книгу Ли Хан-та». Теперь, сударь, я должен поклясться, что совершенно никому не было известно о моём намерении познакомиться с данной книгой. Более того, это не могло быть и чтением мыслей, поскольку мысленно за весь день я ни разу не обратился к вопросу о книге. Могу только сказать, что если бы я хотел

получить какое-то контрольное, подтверждающее сообщение, то я не смог бы выбрать ничего более подходящего. Данный случай не может объяснить ни одна гипотеза, помимо той, которую выдвигают спириты. Записка, предназначенная для одного из моих друзей, затрагивала его частные дела и оказалась столь же поразительно верна, как и моя.

Позвольте мне в заключение призвать всех исследователей никогда не отчаиваться в возможности получения личных доказательств продолжения жизни после смерти, но упорно продолжать работу, невзирая на любое количество неудач, пока наконец убежденность не придёт к ним. А она непременно придёт. Пусть исследователь сперва заслужит успех своим терпением и серьёзностью — и он достигнет успеха. Но, самое главное, пусть каждый искатель истины помнит, что явления — это лишь средство для достижения цели, само по себе не имеющее смысла и полезное лишь в силу того, что оно даёт нам уверенность в существовании жизни после смерти, и к этой жизни мы должны подготавливать себя, изгоняя прочь все наши низменные животные чувства и поощряя возвышенные благородные порывы. Если человек переступает порог сеансной комнаты не с этими мыслями, то весь сеанс опускается до уровня театра или цирка, т. е. делается обычным прибежищем для увеселения глупого и праздного любопытства. Пусть человек осознает, что душа человеческая, выходя из телесной оболочки, определяет свою судьбу в точном соответствии со своим состоянием; что это состояние зависит от общего итога его дел и мыслей при жизни в теле; что всякий злой поступок запечатлевается в духе и влечёт за собой соответствующее ему наказание с тою же определённой, с какою человек, шагнувший из окна третьего этажа, упадёт на землю; что ни запоздалое раскаяние, ни какие-либо уловки не помогут злодею укрыться от последствий его собственных действий, и что закон этот претворяется сам собою и неотвратимо.¹ Таков, я думаю, урок, преподанный нам Спиритизмом, а всяческие явления и феномены — лишь свидетельство истинности этого ключевого, наиважнейшего факта.

Благоволите извинить моё пространное вторжение на Ваши страницы.

*С совершенным почтением,
А. Конан Дойл, доктор медицины*

Здесь хочется привести и слова Дж. Конрада: «Каждый шаг — поступок: за него неизбежно приходится отвечать. И тщетны слёзы, скрежет зубный и сожаления слабых, кто мучается, объятый страхом, когда приходит миг оказаться лицом к лицу с последствиями собственных действий». (И. Р.)

ПО ПОВОДУ КРИТИКИ ГОСПОДИНА ШАТТА

Милостивый Государь!

Я с большим интересом прочитал весьма выдержанное письмо «Церковнослужителя широких взглядов», а также ответы, которые оно за собой повлекло. Правда, с моей точки зрения, автор уклоняется скорее именно в сторону узости, а не широты взглядов, но хорошо само по себе то, что каждая ступень развития религиозной мысли имеет своих поборников. Из столкновения многих мнений может, как известно, высесть искра истины.

В целом позиция «Южноморского викария» представляется мне довольно уязвимой. Так, он поддерживает тезу об абсолютной и исключительной боговдохновенности «Библии». Но разве он не знает, что в этой книге есть утверждения, которые, как нам доподлинно известно, неверны? Следует ли эти неправды и заблуждения приписывать самому Божеству? Нелепость предположения очевидна. Неужели же Всевышний, обладатель всякого знания, мог бы впасть в ошибки, которым бы улыбнулся сегодняшний школьник? Принадлежит ли ему авторство утверждения, будто мир был сотворён за шесть дней и что сотворение это состоялось всего лишь около пяти тысяч лет назад, или будто Иисус Навин приказал Солнцу остановиться, нисколько не считаясь с тем, что оно, относительно Земли, и так неподвижно, а вертится именно сама Земля? Если это так, то приходится тогда скорбеть о нас, раз мы создаём себе такие представления о Божестве. Если же это не так, то что остаётся от абсолютной боговдохновенности Писания?

Уинвуд Рид в своей книге «Мученичество человека» замечает, что в эпоху Реформации люди сбросили идолов из камня и глины, для того чтобы поставить на их место идола из бумаги и типографской краски. Давайте возьмём из Библии всё, что есть в ней хорошего, и употребим с пользою. Но во имя благоговения перед Создателем и уважения к собственному разуму, давайте воздержимся от того, чтобы приписывать Всевышнему те свойства, какие уподобляют его самому заурядному, хотя и сильно увеличенному в своих размерах человеку, исполненному мелких страхов, зависти и мстительности — качеств, воистину, достойных осуждения лишь в нас самих. Нам не нужна какая-то книга или некое откровение для того, чтобы сказать нам о его мудрости и силе. Нам довольно звёздных небес, в коих вращаются над нами миллионы миров, дабы понять это с гораздо большей ясностью, чем то могли бы

донести до нас слова какого-нибудь еврейского пророка, и есть в нас некое нравственное чувство, ведущее в равной мере как агностика, так и христианина. Чем шире наши взгляды, тем лучше, ибо какой бы широты ни достиг ум человеческий, он будет всё ещё бесконечно узок в сравнении с той конечной истиной, что должна обнять собою всю Вселенную и всё то, что в ней заключается. Пока что же лучшие наши устремления могут быть выражены словами поэта: «Нет вещи в мире, созданной без цели, нет в нём и *ни единой* жизни, которая была бы предназначена забвению или могла бы быть отринута, словно какой-то мусор, в небытие, ведь в мире, созданном Богом, каждая его частица необходима великому целому».¹

Искрение Ваш,
«Южноморский врач»

P.S. Некий джентльмен, как я вижу, желает знать, в чём, собственно, современная мысль превосходит мысль века XVI-го. Один из признаков прогресса состоит в том, что сегодня дискуссия на эту тему может вестись с учётивостью и без того, чтобы у кого-либо из участников её возникла надобность и тем более желание сложить костёр из своих оппонентов.

НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО

Не бывает ли иногда так, чтобы умершие возвращались в наш материальный мир с краткосрочным визитом? Даже скептический и рациональный доктор Джонсон держится по данному поводу мнения, что утверждать обратное — значит оспаривать неизменное и постоянное согласие свидетельств всех времён и народов, потому что как самые варварские, так и самые цивилизованные из них сообщали о появлениях умерших и верили в них. Он же добавляет, что сомнение отдельных придир едва ли в состоянии опровергнуть бесспорное для многих, тем более что некоторые из тех, кто отрицают появление призраков языком, подтверждают его своими страхами на деле.

1895 г.

¹ That *nothing* walks with aimless feet,
That *not one* life shall be destroyed,
Or cast as rubbish to the void,
When God has made the pile complete

«Дейли экспресс»

7 августа 1906 г.

СТАНОВИМСЯ ЛИ МЫ МЕНЕЕ РЕЛИГИОЗНЫ?(1)

Милостивый Государь!

Мне представляется, что в значительной части корреспонденции, фигурирующей на Ваших страницах в связи с религией, настойчиво просматривается одно и то же заблуждение. И заблуждение это заключается в постулате, будто любая форма ритуала, включая сюда и ритуал хождения в большое каменное здание с целью причащения к великому Незримому, имеет некоторое отношение к истинной религии.

Урок, который преподала мне сама жизнь, гласит, что это совершенно не так.

Я знал самых восхитительных людей, которые ходили в храм, и я знал самых дурных людей, которые делали то же самое. Я знал самых восхитительных людей, которые туда не ходили, и я знал самых дурных, которые также воздерживались от этого. Мне ни разу не встретился человек, который был бы добр потому только, что он ходил в церковь, или зол потому, что не ходил туда. И тем не менее, в большинстве опубликованных статей такого рода практика расценивается как признак возрастания или убывания религии. Но между этими вещами нет никакой связи.¹

Действительными признаками возрастания истинной религиозности в обществе являются:

¹ Любопытными в этой связи представляются нам и соображения немецкого писателя И. Г. Зейме. В своей книге «Mein Sommer 1805» он пишет: «Ничто более не свято, и всюду с религией обходятся презрительно. Причина сего явления лежит главным образом в том, что людям повсеместно навязывают в качестве сути религии вещи, каковые состоят с ней лишь в весьма отдалённом родстве, а то и не имеют к ней вовсе никакого отношения. Холодная, зачастую противоречивая и рассудку противная догматика, пустые формулы и ничего не значащие церемонии повсюду вменяются людям как нечто существенное и неоспоримо важное в то самое время, как первейшие и святейшие принципы разума, действительно составляющие прочнейшее основание, на котором покоится религия, остаются в небрежении. Учение о Боге и Провидении, о добродетели и пороке, равно как о праве и долге, о счастье и страдании затрагивается теологами лишь в той мере, в какой они это находят нужным для обоснования своих целей. То, что человеку всего важнее и вечно должно быть важнее всего — его обязанности и права, — об этом его намеренно держат в неведении и показывают ему лишь вещи, в коих он совершенно ничего не может понять и каковые недолго смогут представляться ему достойными уважения, потому как разум их не одобряет. И так ведут себя все христианские секты». (И. Р.)

1) наличие более мягкого и вместе с тем более широкого взгляда на эти темы, что позволяет людям, независимо от их веры, жить в мире, дружбе и милосердии;

2) улучшение криминальной статистики;

3) снижение потребления спиртного, являющееся показателем того, что человек обретает больший духовный самоконтроль;

4) уменьшение числа внебрачных связей, являющееся показателем того, что человек обретает больший контроль над своей животной природой;

5) появление большего интереса к чтению, к посещению лекций, к занятию наукой, являющееся показателем того, что ум берёт перевес над телом;

6) увеличение счетов в сберегательных банках, говорящее о бережливости и самоотречении;

7) процветание торговли, являющееся свидетельством большей деятельности и эффективности;

8) увеличение числа благотворительных учреждений и проявление со стороны человека чувства ответственности перед животными.

Такого рода практические показатели, которые действительно отражают происходящий прогресс, гораздо более ценны, чем сутобо поверхностные оценки, затрагивающие соблюдение ритуала, которое может идти, а может и не идти в ногу с качеством жизни.

Есть особая агрессивная форма религии, сама именующая себя «догматической верой». Она принесла человеческому роду больше вреда, нежели чума и голод. Ей мы обязаны не только всей кровавой историей мусульманства, но и всеми убийствами, которые покрыли позором, одно за другим, каждое из направлений христианства.

От имени Христа, этого Апостола мира, сия чудовищная школа мысли, всего лишь через несколько веков после его смерти, учинила такие распри и убийства, о каких и слыхом было не слыхано во времена язычества. Было подсчитано, что только по поводу гомойоусианского вопроса — филолого-теологической проблемы, связанной с произнесением дифтонга, — сотни тысяч людей лишились жизни как поборники и жертвы веры. Крестовые походы, убийства альбигойцев и севеннов, тридцатилетняя война, инквизиция, надругательства католиков над протестантами и не менее постыдные надругательства протестантов над католиками, преследования неконформистов Церковью, преследования квакеров неконформистами, неисчислимые семейные трагедии и тирании — воистину, если принять все это во внимание, то читатель будет вынужден

допустить, что вера, в её положительно-агрессивном понимании, принесла более зла, нежели голод и чума, вместе взятые.

Все секты были введены в заблуждение людьми одного и того же склада ума, отмеченного нетерпимостью, и все они повинны в пролитии крови. Я знаю лишь четыре культа, сторонники которых могут, думается мне, сказать, что руки их не запятнаны кровью, и это — первоначальные буддисты, квакеры, унитарии и агностики. Разумеется, атеисты не могут претендовать на это, ибо их эксцессы во Франции (во время революции, а также в 1870 году) были столь же отвратительны, как и у Церкви.¹

И что же было коренной причиной всего этого? Только одно: говорить, будто вы верите в то, что ум ваш не может постичь, и в то, что ваш свободный разум зачастую бы отверг. Например, А. выдвигает утверждения, проверить которые нет ни малейшей возможности, и называет всё это своей верой. Б. имеет право делать то же самое. Затем А. и Б. ненавидят друг друга самой священной ненавистью, и вот вам начало одной из мрачайших глав мировой истории. Мы же, подобные остаткам команды, спасающейся на утлом обломке того мира после кораблекрушения, движемся сегодня по поверхности безграничного океана и, живя в мире друг с другом, имеем и без того довольно дел, чтобы не устраивать яростных ссор по поводу того, что находится за линией горизонта.

Быть может, вы скажете, что как раз в этих самых словах я выказываю религиозную потребность в милосердии. Но это определённо не так. Если человек на своём пути получает помощь и поддержку от папы римского, будучи католиком, или от епископа, будучи англиканцем, или от простого священника, будучи нонконформистом, то в каждом из подобных случаев это будет прекрасно, воистину прекрасно, если только всё это позволяет ему стать более добрым, более благородным человеческим существом. Каждая форма веры восхитительна, когда она совершает это. Но когда она обращается в потребность в милосердии и презирает и оскорбляет тех, кто прибегает к иным методам, то всё это оказывается уже современной

¹ А если мы добавим сюда все зверства, которые совершили над верующими «коммунистические» режимы в России и других странах социалистического лагеря, то всё, соделанное атеистами ранее, о чём говорит здесь Конан Дойл, представится нам лишь робкой репетицией в преддверии той чудовищной бойни, которую человеческие нетерпимость и недомыслие устроили в нашем XX веке. (Й. Р.)

мещанской ярмаркой тех пороков, которые в истории отметили собой самые мрачные и самые кровавые из человеческих преступлений.

Артур Конан Дойл
«Дейли экспресс»
11 августа 1906 г.

СТАНОВИМСЯ ЛИ МЫ МЕНЕЕ РЕЛИГИОЗНЫ? (2)

(ответ сэра А. Конан Дойла)

Господа! У меня не было желания оказаться втянутым в трясину теологической дискуссии; но в ответ на категорический вопрос господина Поллока касательно моего взгляда на ряд текстов я могу лишь напомнить ему слова Основателя Христианской Веры о том, что *буква убивает* и что *добродетель обретается только в духе*.

Настаивать на буквальном значении текстов — значит, говоря словами Уинвуда Рида, «сбросить идолов из дерева только затем, чтобы поставить на их место идолов из бумаги и типографской краски». Эти печатнобумажные идолы были и являются оружием теологов и клерикалов, с помощью его они с самых первых дней христианства посеяли раскол и смуту. Каждая секта может найти себе подтверждение в тексте, и вместе с тем любая другая может найти там же подтверждение для того, чтобы оспаривать первую.

Когда, например, католик находит своё учение о причастии в буквальных словах текста: «Се есть тело моё, и се есть кровь моя», то, кажется, ничто не может быть в словах выражено более ясно. И тем не менее протестант решительно отрицает правомерность такой трактовки и настаивает на метафорическом понимании. Для унитария же существует множество текстов, которые ясно показывают ему, что Христос не имел притязаний на божественность.

Если мы примем во внимание источник происхождения евангелий, их перевод с языка на язык и сам по себе факт, что каждый пересмотр уличал текст в ложности, то нам будет совершенно непостижимо, как было бы можно из таких данных построить какую-либо абсолютно жёсткую и неопровержимую систему.

Но дух Нового Завета в достаточной степени прозрачен — в нём и заключается оправдание христианства.

Артур Конан Дойл

«Дейли экспресс»

31 августа 1906 г.

СТАНОВИМСЯ ЛИ МЫ МЕНЕЕ РЕЛИГИОЗНЫМ (3) (общий итог)

Сэр! У меня не было намерения вновь вмешиваться в интересную полемику, происходящую на Ваших страницах, но столь многие из участников её указывали на моё первоначальное письмо, что могло бы показаться неучтивым, если бы я оставил без внимания их возражения.

Эти возражения по большей части исходят со стороны церковнослужителей. Во все времена любая попытка как-то расширить горизонты мысли и раздвинуть сферу приложения милосердия в истолковании отношений между человеком и его Создателем всегда встречала решительное противодействие со стороны церковников. Однако история учит, что этому противодействию никогда не удавалось остановить постепенное высвобождение человеческого разума из железных оков ритуала и догмы, самое большее, что ему иногда удавалось сделать, — это слегка затормозить подобное высвобождение. Мы в наш век достаточно удачливы уже тем, что и в самом духовенстве, на всех ступенях его иерархии, имеются люди, которые признают, что их религии должны становиться более терпимыми и выказывать более понятливости, если только они не хотят, чтобы цивилизованный мир от них полностью отвернулся.

Но тот, кто знает, сколь велик процент самых серьёзных и мыслящих людей в нашей стране, уже вышедших за пределы догматической веры, согласится, что такой исход ни в коей мере не является невероятным.

Слово «религия» по ходу полемики постоянно используется там, где, как мне кажется, было бы более уместным употребить термин «ритуал». Религия есть связь между каждой человеческой душой и Создателем, и внешним выражением её являются поступки индивида. Все канонические предписания, ритуалы и догмы являются орудиями души в её развитии. До тех пор, пока они содействуют этому развитию, существование их оправданно. Но как только их содействие прекращается, они становятся окаменелыми формами, препятствующими нормальной жизни и росту, и тогда существованию их нет уже никакого оправдания. Но всегда «по плодам их узнают их», и если применять именно этот критерий, то необходимо признать, что Англия сделала значительные шаги вперёд по пути улучшения и поэтому стала более религиозной в истинном смысле слова.

О каких, спрашивается, «благочестивых днях» скорбят здесь некоторые? Те ли это, что были отображены Хогартом и описаны Филдингом? Когда ещё Англия была столь рассудительна, столь разумна, столь благовоспитанна, столь процветающа и трудолюбива, как сегодня? Что же до упадка этих форм и церемоний, то, невзирая на то, что многие оплакивают их, другие могут видеть в этом упадке только зарю более здоровых, добрых и милосердных дней. Я верю, что наши потомки, оглядываясь на наш век, не только будут видеть в нём век тьмы и предрассудка, но и признают за ним значительный прогресс по сравнению с ещё более тёмными веками, ему предшествовавшими.

Настаивать на догме и ритуале, или «религии» в смысле, в котором ошибочно употребляют это слово, — значит неизбежно приводить человечество к вечному расколу на соперничающие фракции, поскольку невозможно себе даже представить, будто какая-то одна секта окажется в состоянии поглотить все другие. Один из Ваших корреспондентов очень хорошо говорит о нашем небольшом земном корабле, плывущем по космическому морю с приданным ему компасом. Но по опыту мы ведь знаем, что нет двух людей, которые бы одинаково видели и читали показания компаса. Божественный Создатель действительно даровал нам такой компас, и это есть разум — благороднейшая из всех человеческих способностей. И разум этот говорит нам, что если только каждая секта ослабит непреклонность своей доктрины и станет настаивать на пунктах, которые объединяют её с соседями, вместо того чтобы подчёркивать и усиливать те, что её изолируют, то появится определённая надежда на постепенное примирение теологических разногласий, которые, как я уже сказал, не имеют никакого отношения к истинной религии и были на протяжении всей человеческой истории только источниками кровопролития и всяческих бедствий, причём в гораздо большей степени, чем все иные причины их, вместе взятые.

Некоторые из Ваших корреспондентов-церковнослужителей называют меня агностиком. Какою бы ни была моя личная вера, этот вопрос представляет для других весьма микроскопический интерес. Но поскольку слово сказано, то я должен заявить, что не являюсь агностиком, хотя и выражаю к этой школе мысли то уважение, которое питаю ко всем серьёзно мыслящим людям. Я сторонник христианской системы в её простейшей и наименее догматической форме, поскольку в целом она есть самая благородная школа мысли, выработавшаяся по ходу развития земного человечества, хотя она и была настолько

сильно обременена фанатиками и формалистами, что порой вообще затруднительно увидеть её первоначальные черты. Не бритая голова¹, но всеохватывающее милосердие в сердце составляет суть этой веры. Я являюсь также убеждённым теистом и глубоко верю в непосредственное влияние, которое Направляющая Сила оказывает на дела этого мира.

Наконец, я должен сказать, что не верю в то, будто Божественное Послание человеческой расе было раз и навсегда передано две тысячи лет назад, но считаю, что каждое произведение в прозе или стихах, при условии, что оно содержит в себе нечто полезное для индивидуальной души, является в определённом смысле посланием Мира Иного — посланием, которое растёт и развивается, как то и положено всему живому.

Свои размышления на эту тему мне бы хотелось завершить словами поэта, созвучными с тем, что было сказано выше: «Все системы и школы нашей мысли преходящи: они приходят в свой день и затем исчезают. Но все они суть искры, вспыхивающие от света твоего, ибо ты, Господь, ярче их всех»².

Артур Конан Дойл

«Ланит»

11 марта 1916 г

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ДУШОЙ, КОГДА МЫ ТЕРЯЕМ СОЗНАНИЕ? (1)

Моё внимание к этому вопросу было довольно энергично привлечено двумя недавними событиями, одно из которых произошло со мной лично, а другое случилось в моей семье.

Первое, и менее значительное, касается лично меня. Две недели назад мне пришлось быть под наркозом у дантиста. Меня привезли туда в кэбе жена и двое сыновей. Затем перед началом операции они уехали. Всё то время, что я находился под действием наркотика, я очень ясно сознавал, что вернулся в движущийся кэб и что я мог очень живо видеть его пассажиров, хотя при этом и понимал, что

¹ Или чрезмерно длинные волосы и окладистые бороды, как принято в православии. (Й. Р.)

² Our little systems have their day,
They have their day and cease to be,
They are but broken lights of Thee;
For Thou, oh Lord, art more than they

они видеть меня не могли. Впечатление это, разумеется, было совершенно субъективно, что, однако, нисколько не мешало ему быть очень отчетливым.

Второй случай гораздо более убедителен. Мой пятилетний сын Эдриан тяжело заболел воспалением лёгких и лежал в полукомадном состоянии с температурой 40 градусов. Моей жене, ухаживавшей за ним, что-то понадобилось в другой комнате, и она на минуту вышла из детской. Старший сын, Дэннис, сидевший на стуле, соскочил в это время на пол и нечаянно наступил при этом на нескольких оловянных солдатиков. Жена, боясь оставлять больного надолго без присмотра, быстро вернулась в комнату. Больной ребёнок при её приходе открыл глаза и сказал: «Дэннис плохой: он топчет моих солдатиков!»

За пять дней своей болезни Эдриан ни разу не вспомнил о солдатиках, стало быть, это замечание выходило за рамки совпадения. Не могло это быть и передачей мысли моей жены, поскольку ясно, что она думала в эту минуту лишь о больном. Я могу объяснить это только предположением (которое, впрочем, подтверждается большим количеством доказательств) о том, что душа в таких случаях может быть и, вероятно, всегда бывает вне тела, и что порой, при довольно редких условиях, определить которые мы пока ещё не можем, она оказывается способна передать телу наблюдения, произведённые ею во время её независимого полёта.

Эти условия должны были существовать в классическом случае сэра Райдера Хаггарда. Напомню, что несколько лет назад он написал письмо в «Таймс», в котором обстоятельно изложил все подробности. У него пропала любимая собака. Во сне он увидел, что она лежит возле железной дороги, место это живо запечатлелось в его уме. Предпринятые розыски действительно позволили найти её в этом самом месте. Нет никакой причины к тому, чтобы именно этот участок железнодорожного пути случайно привиделся ему во сне вместо какого-то иного, соседнего.

Другой классический пример — история редбарнского убийцы в XVIII столетии. В этом случае матери трижды приснилось, что она видит труп дочери спрятанным на известном чердаке. Чердак осмотрели, и тело было найдено. История сообщает великое множество подобных случаев. Все они находят приемлемое объяснение в предположении, что душа обладает способностью перемещения, подобной той, что имеется у воздушного шара, привязанного нитью, — эта-то «нить» мгновенно и возвращает её назад в тело. В таком предположении нет ничего сверхъестественного. Оно лишь раскрывает новый закон в области, до сей поры мало ведомой. По видимости, существует некий барьер,

своеобразный «выключатель» между телесной жизнью и жизнью вне тела. Когда этот выключатель по какой-то причине не срабатывает, то воспоминания из одной жизни переносятся у нас также и в другую.

Эта тема имеет глубокое религиозное значение. Есть, на мой взгляд, нечто крайне удивительное в том, что церкви проявляют так мало интереса к психическим исследованиям. Этот предмет затрагивает самые основы существования церкви. Это единственный путь доказать самостоятельность души, и по меньшей мере он означает собой возможность её существования отдельно от органов тела. Если мы признаём факт, что привязанный воздушный шар может висеть в воздухе и быть отдельным от того, к чему он привязан, то нетрудно сделать и следующий шаг, признав существование этого шара и после того, как привязывающая его к земле нить оборвётся. Самые последние успехи знания — а каждый такой успех воистину возобновлённое божественное откровение — даёт нам причины для уверенности в том, что это так и есть. Мейерс, Герни и Ходсон — такие же посланцы истины из Мира Потустороннего, как Исайя или Амос, но только по британской моде они говорят холодно и ясно, не прибегая к страсти и декламации, украшающей речь на Востоке. Их послание коснулось слуха многих и укрепило их дух, но оно, как мне кажется, не оказало никакого прямого религиозного влияния, чего мы вправе были бы от него ожидать. Лично мне не известен ни один довод в пользу сохранения нашей индивидуальности после смерти, помимо фактов, доставленных психическими исследованиями. Но они настолько сильны, что должны перевесить все прочие, подобно тому как положительное всегда должно перевешивать отрицательное. Одна сотня тщательно наблюдённых, изученных и удостоверенных фактов будет всегда более убедительна, нежели миллион отрицаний, не подкреплённых исследованием.

*С совершенным почтением,
Артур Конан Дойл*

«Лайт»

13 мая 1916 г.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ДУШОЙ, КОГДА МЫ ТЕРЯЕМ СОЗНАНИЕ? (2)

Сэр! Я должен снова писать под тем же заголовком, чтобы поблагодарить многочисленных корреспондентов, откликнувшихся на поднятый мною вопрос. Помимо писем, адресованных в «Лайт», я получил множество примеров,

посланных мне в частном порядке, и аналогичная переписка с читателями была проведена в хорошо известном лондонском еженедельнике «Т. П.'с уикли». В результате удалось собрать огромную массу вполне определённых свидетельств. Этот материал я изложу в более пространной статье, объём которой позволит мне уделить внимание доказательствам и сделать некоторые общие выводы.

Мисс Лилиан Уайтинг и двое других корреспондентов не разделяют моей теории о том, что душа, или дух, в это время вылетает из тела, словно воздушный шар, привязанный на психической нити, с помощью которой она может быть мгновенно возвращена в тело. Они придерживаются по этому поводу той точки зрения, что мы обладаем естественным духовным зрением, которое всеохватывающе и только лишь притуляется телом. Однако, поскольку во всех приведённых случаях в пространственно-временном отношении получены вполне определённые результаты и поскольку выдвигаемая ими точка зрения может объяснить далеко не все случаи, а только некоторые из них, то я продолжаю придерживаться мнения, что вылетание и парение сенситивного организма, ограниченного в своей возможности восприятия, является предположением, всего более приближающимся к объяснению фактов.

Примеров так много, они настолько хорошо удостоверены и настолько выходят за рамки совпадения, что остаётся только удивляться тому, как человек, называющий себя учёным, мог пренебречь ими как «недостойными научного рассмотрения». Такие учёные, составившие себе о Вселенной концепцию а priori, попросту игнорируют самые элементарные факты, стоящие на пути их гипотезы. Остаётся только поражаться тому, что умы столь острые внутри своей специальной сферы оказываются настолько неряшливы и нелогичны, как только они выйдут за её пределы. Невозможно забыть знаменитые слова Гексли, произнесённые после того, как он услышал или прочитал какие-то глупости по поводу спиритического сеанса. «Если это правда, — сказал он, — то это интересует меня не больше, чем поповские сплетни в монастыре». И это человек, который сделал себе имя тщательной классификацией раков и медуз, что, однако, нисколько не помешало ему проглядеть целый класс новых и неизвестных существ из-за того только, что какие-то отдельные ментальные феномены, с которыми он поначалу столкнулся, оказались не соответствующими его предвзятым идеям о том, какими бы им следовало быть. Это так же разумно, как если бы какой-нибудь отшельник, выйдя в мир, отказался признать

существование человеческой расы из-за того только, что первым ему встретился беспризорный мальчишка, произведший на него весьма плохое впечатление. Так называемая наука в течение ста лет отрицала месмеризм. Затем она назвала его «гипнотизмом» и признала его. Несомненно, придёт день, когда она найдёт новое название и множеству психических феноменов, оспариваемых ныне, и тем доставит себе полное умиротворение.¹

*Ваш, и т. г.,
Артур Конан Дойл*

«Дейли мэйл»

7 февраля 1917 г.

«ПРИВИДЕНЩИНА»

Озаглавив таким образом свои комментарии о спиритуализме в «Дейли мэйл», выказал ли тем господин Киплинг Каммен свой ум и чувство юмора?

Каково бы ни было его личное мнение, он должен вполне сознавать, что если сам он дал как нельзя более поверхностный обзор предмета, то зато у множества первоклассных умов убеждённости в сохранении нашей индивидуальности и возможности сообщения после смерти возникла в результате тщательного и длительного изучения улики и фактов действительности.

Люди самых высоких моральных качеств не только в этой стране, но и в Америке, Франции, Германии, России и Италии подтвердили наблюдения друг друга, и многие, бывшие поначалу материалистами, смогли впервые получить более широкое представление о Вселенной благодаря именно психическим исследованиям. Некоторые смогли прийти к таким результатам благодаря вере, но поскольку разные религии ведут человека по разным направлениям, то ему оказывается затруднительным узнать, какой же из них он должен следовать, если только он не достаточно самонадеян, чтобы поверить, будто ему посчастливилось родиться именно там, где религия исповедуется истинная.

Лично я не знаю, не ведаю ни одного весомого довода в пользу продолжения нашей жизни после смерти (ведь

¹ Похоже, этот день, если ещё и не пришёл, то уже грядёт. И наша нынешняя наука действительно собирается доставить себе умиротворение, о котором идёт речь, называя вещь эвфемистическими и неточными именами «новой психологии», «парапсихологии», «экстра-сенсорики» и т. п., вместо запретного, но зато настоящего имени, которое звучит коротко и ясно — Спиритизм. (И. Р.)

все аналогии, имеющиеся в природе, на первый взгляд, дают нам доводы как раз против такого её продолжения), помимо того только, который доставляется нам опытами в психических исследованиях. И поэтому приращение этим исследованиям разных глупых и пошлых названий никоим образом не может быть полезным.

Артур Конан Дойл

«Пэлл-Мэллгазетт»

11 июня 1917 г.

ОТЕЦ ВОГАН И СПИРИТИЗМ

Уважаемые господа!

История его собственного ордена, столь часто подвергавшегося несправедливым нападкам, должна была бы научить отца Вогана тому, что следует быть более умеренным в порицаниях, когда делаешь их другим.

Его статья о Спиритизме на Ваших страницах обнаруживает всю нетерпимость и дух травли, отличавшие в своё время печально известную инквизицию. «Воистину это так, и я объявляю, что мы должны очистить страну от этих шарлатанов!» Используя такие слова, он, видимо, не имеет в виду медиумов-обманщиков, тем более что предложение продолжается с плохо завуалированным намёком в сторону сэра Оливера Лоджа. Если бы падре Воган ограничился выпадом против медиумов-обманщиков, то он имел бы на своей стороне как существующие английские законы, так и всех порядочных спиритов, ибо эти шарлатаны всегда были проклятием движения.

Однако из контекста видно, что он ополчается как раз на тех, кто верит в то же, во что верят те немногие, кто действительно наблюдал и изучил факты. Эти верования сводятся, во-первых, к тому, что умершие, пережив смерть, сохраняются в том же виде, в каком мы знали их прежде; во-вторых, что общение с ними не является абсолютно невозможным; и, в-третьих, что многие люди убедились в реальности грядущей жизни или же были обращены в веру о ней подобными опытами и таким образом извлекли для себя из этих последних огромную духовную пользу. В самом деле, можно сказать, что единственный убедительный ответ материализму заключается именно в феноменах Спиритизма.

Я могу заверить отца Вогана, что люди, верящие в это, так же добры и серьёзны, как и он, и отличаются даже гораздо большей открытостью ума и милосердием. Когда же он говорит о преследовании их за веру и убеждения и о

необходимости «очистить» от них Англию, то переходит на язык, который звучал зловеще в пятнадцатом веке и уж совершенно неуместен в веке двадцатом.

Артур Конан Дойл

«Дейли экспресс»

2 ноября 1917 г.

ГОЛАЯ ПРАВДА

Сэр! Отвечаю на вопрос Вашего корреспондента. Причина того, что духи носят одежду, заключается в том, что благопристойность не прекращается вместе с жизнью. Разве когда-нибудь было в обычае Церкви изображать ангелов голыми?

Артур Конан Дойл

«Лайт»

26 января 1918 г.

В ПОДДЕРЖКУ ГАЗЕТЫ «ЛАЙТ»

Сэр! Прошу принять мой взнос в размере 10 фунтов стерлингов в качестве годовой подписки на Вашу газету. Если у газеты возникнут финансовые трудности, то я всегда готов присоединиться к тем, кто возьмет на себя их покрытие. Богатство, несомненно, изнеживает как отдельного человека, так и всякое предприятие, но Вы, думаю, мне, находитесь в таком положении, что имеете право не просить помощи, а требовать её, подобно тому, как апостол Павел требовал от первых церквей необходимых денег для себя и для своей проповеднической деятельности. Вы представляете самое жизненно важное религиозное дело, какое сейчас только есть на Земле, Вы даёте единственно убедительный ответ против материализма, и немыслимо допустить, чтобы Вы испытывали трудности из-за недостатка средств.

Ваш Артур Конан Дойл

«Дейли кроникл»

11 февраля 1918 г.

ЧЕРИТОНСКОЕ БОМБОУБЕЖИЩЕ

Сэр! В статье под заголовком «Два привидения — причина аварий во время войны» Вы, опираясь на авторитет господина Каннингэма Крэйга, утверждаете, что странные

феномены в Черитоне вызваны «выделением природного газа». Будет ли мне позволено сказать, что подобное объяснение представляется верхом нелепости всякому, кто ознакомился с фактами на месте происшествия? В данном случае существует по меньшей мере семь свидетельств касательно левитации тяжёлых предметов, какими являются обломки кирпича, стулья и ломы, и я сам видел выбоины, сделанные в свежей кирпичной кладке попаданием в нее тяжёлых снарядов. В самом деле, необходимо крайнее легкоеверие, чтобы уверовать в то, будто всё это вызвано выделением природного газа.

Было зарегистрировано множество случаев полтергейста, или проявления озорных духов, и все случаи эти весьма близки к черитонскому феномену, каковой, таким образом, никак не может рассматриваться как совершенно изолированный факт, но скорее лишь как подтверждение множества предшествующих примеров.

Артур Конан Дойл

«Джорнэл оф Сосайети
фор сайикл ризерч»

Январь 1919 г.

ПРОРОЧЕСТВО

Сударыня! Утром 4 апреля 1917 года я проснулся с таким впечатлением, будто во время сна мне была передана некая важная информация. У меня было ощущение, что информация эта имела характер самый утешительный. Однако мне припоминалось всего лишь одно слово: «Пьяве». Оно буквально звучало у меня в голове. Пьяве! Пьяве! Казалось, что это какое-то ключевое слово и, сумею я сосредоточиться на нём, мне тем самым удалось бы добраться до сути и всего сообщения.

Несомненно, слово это где-то попадалось мне во время чтения. Вполне определённо и то, что во время посещения итальянского театра военных действий я переезжал и через саму реку, но названия больших рек мне не запомнились, за исключением разве что Изонцо, по берегам которой в ту пору как раз проходила линия фронта. Слово «Пьяве», таким образом, ничего для меня не значило. Всё это, однако, произвело на меня в то утро такое сильное впечатление, что я сразу же пошёл в кабинет и заглянул в указатель атласа. Так я узнал, что слово это является названием реки, находящейся на расстоянии 50 миль в тылу от тогдашней линии итальянского фронта, по всей ширине которого союзники вели победоносное наступление.

В ту пору всего невероятнее было представить, будто линия фронта сможет ещё настолько отодвинуться назад и достигнуть Пьяве. Тем не менее, повторяю, я находился под столь сильным впечатлением от узнанного во сне, что сразу же решил сделать соответствующую запись. Из неё следовало, будто мне известно, что некоторое важное событие в ходе всей войны должно будет произойти на данном рубеже. Я пометил запись 4-м апреля 1917 года. Всё это по моей просьбе было удостоверено двумя свидетелями. На основании того, что пробуждение у меня сопровождалось приподнятым состоянием духа, я сделал вывод, что событие это должно быть благоприятного свойства, хотя мне и было совершенно непонятно, как это благоприятное для исхода войны событие могло произойти где-то в тылу, а не на передовой.

То, что итальянская армия шесть месяцев спустя была отброшена со своих позиций назад, сегодня является уже историческим фактом. Во время этого отступления я отослал скреплённый печатью конверт в ОПИ, сопроводив его соответствующим объяснением. Армия, отступая, поочерёдно задерживалась на определённых позициях, таких как Тальяменто, где казалось возможным закрепиться, и в конце концов отступление остановилось всё-таки именно на рубеже Пьяве, хотя он и расценивался как непригодный для обороны из-за чрезмерного удаления командного пункта от передовой. Такой была ситуация в феврале 1918 года, когда я писал «Новое Откровение». Описывая это событие, я сказал тогда: «Если только не произойдёт что-то ещё, то можно считать, что ссылка на данное название целиком подтвердила свою правильность, и я полагаю, что кто-то из друзей, живущих в мире ином, предупредил меня о грядущем событии. Я, однако, надеюсь ещё, что здесь имелось в виду событие и более важное, чем простое прекращение отступления, и что некая окончательная победа союзников, если она произойдёт на этом рубеже, означит собою реальность того необычного способа, каким это географическое название попало в мою голову». Это суждение вышло из печати в апреле 1918 года.

А теперь следует напомнить, что первое сражение у Пьяве произошло 17 июня 1918 года. Это не было решающей победой, но всё же это была победа, и необходимо учесть, что дата эта обозначила поворотную точку в ходе всей войны. До этого времени союзники в том году понесли три поражения: во второй битве при Сомме, в битве при Лиссе и во второй битве при Эне. И 17 июня перспективы вырисовывались весьма мрачные. Но после победы

при Пьяве союзники больше ни разу не отступили и на всех фронтах одерживали одну победу за другой, кульминацией чего в Италии и стала вторая битва при Пьяве, имевшая для исхода войны решающее значение. Таким образом, передав мне название «Пьяве», мой ангел-хранитель вручил мне ключевое слово, раскрывающее всю ситуацию.

Неужели же кто-то дерзнёт объяснить это совпадением? Думаю, что такое невысказано. Если даже моему подсознанию и было известно, что есть в Италии река под названием «Пьяве», всё равно это не смогло бы передвинуть итальянскую армию на её берега. Было ли это в таком случае телепатией? Но ни один человек на свете не мог тогда предвидеть такой именно ход событий. Что же, спрашивается, это было? Я утверждаю, что единственно возможное объяснение следующее: мои друзья из мира иного, зная о том, сколь сильно я был озабочен таким положением дел, дали мне утешение и соответствующее знание. Обыкновенный дух, насколько мне известно из теории и собственного опыта, обладает лишь весьма ограниченным и неопределённым даром пророчества. Таким образом, у меня есть некоторые причины надеяться, что моя информация пришла из более высокого источника. Почему именно мне было оказано такое предпочтение перед другими, остаётся для меня вопросом, выходящим за пределы моего разума.

Артур Конан Дойл¹

¹ Скреплённое печатью письмо, на которое выше ссылается сэр Артур Конан Дойл, было получено секретарём Общества психических исследований 7 ноября 1917 года (в роковой, к слову сказать, для России день) с пометкой: «вскрыть конверт только по требованию отправителя». Такое требование поступило 20 ноября 1918 года, и члены лондонского О П И прочитали следующее:

«Уиндлшэм, Кроуборо, Сассекс

4 ноября 1917 г

Весенним утром 1917 года я проснулся со словом «Пьяве» в голове, которое звучало как кульминационный пункт моего сновидения, из коего я однако больше ничего вспомнить не мог. Само слово мне ни о чём не говорило, но я смутно чувствовал, что это какое-то географическое название. Из указателя в атласе мне стало известно, что это название реки на незначительном удалении от тогдашней линии итальянского фронта. На указанные факты я в то же утро обратил внимание жены и шурина, сказав им при этом, что в этом месте обязательно должно будет произойти какое-то важное событие. После этого итальянцы перешли в наступление и река Пьяве оказалась в глубоком тылу. Теперь события пошли в обратную сторону по упоминаниям об этом рубеже я ещё не встретил. Сейчас речь идёт о Тальяменто. Поэтому мне важно изложить события, расставив все даты, и вложить информацию для хранения в нейтральные руки.

Артур Конан Дойл

«Нэйшн»

8 февраля 1919 г.

НОВЫЙ СПИРИТУАЛИЗМ

Сэр! Я замечаю, что господин Клодд сокрушается по поводу моей неспособности понять принципы научного исследования. Это и в самом деле прискорбно, но поскольку я заблуждаюсь вместе с Лоджем и Уоллесом, Фламмарионом и Ломброзо, Рише и Джеймсом, Мейерсом и Круксом, то я всё ещё не отчаиваюсь даже перед критикой господина Клодда.

Что касается довольно грубых и приблизительных проверок полковника Уоррена, то моему оппоненту прекрасно известно, что, если бы рукопись, претендующая на то, что она окончание «Эдвина Друда», появилась, то он первый бы и опроверг её как подложную. Что же касается сообщений с кораблей, то, читай он внимательней, он узнал бы, что подобные подробности отмечались и прежде. Возьмём самый очевидный пример — книгу «У. Т. Стед вернулся?» Джеймса Коутса, изданную в 1913 году «фаулером и Ко», в которой приводятся различные отчёты о гибели «Титаника» и описание того, как он сам утонул. Совокупность фактов такого рода впечатляет и действует убедительно, насколько я могу сказать по прошествии двадцати четырёх лет изучения мною данной области. Чего здесь не хватает, так это серьёзности и активности самих исследователей, которые, вместо того чтобы искать и действовать самим, сидят и ждут, что им принесут всё готовое.

*Ваш, и т. п.,
Артур Конан Дойл*

«Коммон сенс»

12 июля 1919 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ЧУДЕСА — ОТВЕТ ДЖЕРОМУ К. ДЖЕРОМУ

Милостивый Государь!

Мистер Джером К. Джером обращается ко мне со страниц Вашей газеты с настоятельной просьбой ответить на несколько вопросов касательно Спиритизма. Я счастлив сделать это, хотя и вынужден заметить, что, если бы он прочитал, пусть даже бегло, материалы по данной теме, ему не пришлось бы задавать подобные вопросы.

1. Почему на спиритических сеансах с производством физических явлений медиума связывают?

— Потому что иначе скептики заявили бы, что полученные явления он сделал своими руками. В некоторых случаях медиума по тем же соображениям помещали даже в запертую клетку.

2. Почему сеансы проходят в полумраке?

— Потому что опыт показал, что лучшие результаты получаются в темноте. Было бы более убедительно, если бы это было не так. Точно так же было бы более убедительно, если бы фотографии можно было проявлять вне тёмной комнаты. В каждом случае физический закон является препятствием.

3. Для чего нужен бубен?

— Это единственный инструмент, который своим дребезжанием показывает своё местоположение в тёмной комнате. Светящийся крест также подходит для этой цели и иногда применяется в настоящее время.

4. Чем объяснить ребячливый характер получаемых посланий?

— Смерть ничего не меняет, и по ту сторону встречаются все уровни развития интеллекта — от эльфа и феи до архангела. Мы получаем то, чего мы заслуживаем. Приди мистер Джером ко мне и проштудируй по этой теме 120 книг, составляющих мою рабочую библиотеку, он бы узнал, что тон сообщений ни в коей мере не настолько низок, как он полагает. Некоторые из них, напротив, настолько высоки, настолько сложны, что ум смертного едва может им следовать.

Мистер Джером сетует, что стухи в Гайдсвилле не открыли ничего чудесного. Я же полагаю, что, открыв наличие разума, существующего отдельно от обычной материи, они уже открыли кое-что чудесное — воистину самое чудесное и удивительное из того, что удалось узнать нашему веку. Я согласен с тем, что многие проявления кажутся ребяческими, но если взглянуть на силу, стоящую за ними, их вызывающую и производящую, то они тогда перестают быть таковыми и становятся вместо этого отправной точкой важнейших размышлений и экспериментов. Обращение было сделано к невежественному и материалистическому поколению, и, чтобы вывести людей из их ограниченного самодовольства, потребны были именно такие грубые и примитивные явления. Нам бы показалось лучшим, если бы некий архангел появился на Трафальгарсквер и сделал соответствующие заявления, но я подозреваю, что проблема была намеренно затемнена, чтобы нам иметь заслугу в применении своих умственных сил и терпения.

Мистер Джером сравнивает наши современные чудеса с теми, что описываются в Новом Завете. Но я полагаю,

что это всё *те же самые* чудеса. За исключением «воскресения из мёртвых», я не могу назвать ни одного чуда в Новом Завете, которое бы не было авторитетно заверено как имевшее место при спиритических опытах.

Я сам на практике сталкивался с такими явлениями, как порывы ветра, языки пламени и прямой голос. Что же до налёта «забавности», лежащего на наших современных чудесах, и отсутствия такового на чудесах евангельских, то всё зависит от настроения, в котором описывается какое-либо событие. Я не сомневаюсь, что если бы некий циничный журналист рассказывал истории о хлебах и рыбе или о гадаринских свиньях, то он вполне мог бы сделать их уморительными, хотя на самом деле это не отражает сути происходящего.¹

Я не могу осветить здесь все вопросы, но я частично попытался сделать это в своём «Новом Откровении» и буду рад послать экземпляр книги мистеру Джерому. Меня мало волнует проблема увеличения рядов новообращённых, но если бы я смог доставить радость своему старому другу, радость, которую приносит это знание, я бы не пожалел труда ради этого.

*Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл*

«Коммон сенс»

16 августа 1919 г.

МИСТЕР ДЖЕРОМ И ДУХИ

Милостивый Государь!

В связи с тем, что мистер Джером К. Джером уже дважды выступил на Ваших страницах, Вы, быть может, благосклонно позволите мне не отстать от него. По его замечаниям я вижу, что он настроен скептически по отношению к фактам физических явлений Спиритизма. Но из каждого слова его статьи становится ясным, что он никогда не проверял указанных фактов и что, не считая моего собственного краткого изложения сути предмета, которое он прочитал в промежутке между двумя своими статьями, он совершенно не знаком с доказательствами и фактами. При таких обстоятельствах, чего стоит его несогласие во взглядах? Мнение столь умного человека, как он, имеет совсем иной вес, чем мнение первого встречного, если

¹ Такого рода опыт был сделан Лео Таксилем в его «Забавном Евангелии». Весьма назидательное сочинение. (И. Р.)

только этот последний не обладает действительным знанием в затронутой области. Выражаясь яснее, внимательно ли господин Джером прочёл описание лабораторных опытов сэра Вильяма Крукса, данное им самим в период с 1871 по 1873 г.? Прочёл ли он рассказ об исследованиях профессора Кроуфорда из Белфаста в период с 1915 по 1919 гг., составляющий два тома? Читал ли он о недавних опытах доктора Жэле, которые были перепроверены и подтверждены сотнею французских учёных, специализирующихся в различных областях знания? Читал ли он труд профессора Шренк-Нотцинга, немецкого исследователя? Видел ли он книги знаменитого профессора Ломброзо и описание его двадцатилетней работы в этой области? Все эти материалы сопровождаются фотографиями. Обвиняет ли он всех этих выдающихся учёных в подделке фотографий, что было бы сделано ими без малейшей личной причины и воистину с реальным риском загубить свою научную репутацию? Если он не справлялся у этих авторитетов, тогда у него нет права так безапелляционно выражать своё отношение и высмеивать тех, кто изучал перечисленные работы. Если же, с другой стороны, он справлялся у этих авторитетов, и по-прежнему остался скептиком, то склад его ума выше моего понимания. Мне кажется, что самая глупейшая теория, когда-либо изобретённая в человеческой голове, состоит в том, будто огромное число людей во множестве разных стран могли в течение семидесяти лет изучать этот вопрос, заявлять, что они лично добились вполне определённых и значительных результатов (причём иногда они проделывали свои опыты не в одиночку, но собравшись вместе) — и что всё это, тем не менее, оказалось невообразимым вздором и чьей-то злой шалостью. Может ли кто серьёзно по-прежнему придерживаться теории, подобной этой? Я наблюдаю, что противники движения всё более и более отходят от неё и начинают придерживаться альтернативной, но весьма противоречивой точки зрения, согласно которой это знание является запретным.

Цитируя несколько небольших примеров аномальных явлений, приводимых в моей книге, мистер Джером полностью их искажает, демонстрируя тем самым ту чрезвычайную неточность и небрежность, которые кажутся характерными для любого полемиста, нападающего на Спиритизм. Например, вспоминая о даме, путём автоматического письма описавшей ужасную катастрофу «Лузитании», мистер Джером замалчивает тот факт, что это писалось ею в тот момент, когда у нас были все основания считать, что

катастрофа обошлась без человеческих жертв. В этом, собственно, и заключается суть этой истории. Опять же, описывая мой сон, в котором я говорю о Пьяве, он не упоминает того, что до этого момента я никогда не слышал такого названия и что, когда мною была сделана запись об этом сне, линия фронта там ещё не проходила. В этом, опять же, и заключалась вся соль рассказа. Что же касается довода, будто по факту левитации Хоума не следует доверять свидетельству таких трёх здравомыслящих и добросовестных мужей, как лорд Адайр, лорд Ситон и капитан Уинн, видевших всё это воочию, и только на том основании, что лжесвидетельства стоили жизни мнимым ведьмам в Средние Века, то я с трудом могу поверить, чтобы мистер Джером стал серьёзно поддерживать подобный довод. Кстати сказать, я довольно хорошо знаком с «историей колдовства» и могу заверить, что главной особенностью судебных процессов средневековья была неграмотность и общая беспристрастность свидетелей, а отнюдь не их лжесвидетельства.

Мистер Джером крайне озабочен желанием узнать, что есть наша «новая религия». Полагаю, он найдёт нечто очень похожее, если обратится на девятнадцать веков назад и изучит христианство от Христа. Там он прочтёт о точно таких же знаках и чудесах, которые мы называем сегодня «явлениями» или «феноменами»; там он прочтёт о «различии духов», каковое мы называем «ясновидением», и там же узнает о множестве нелепостей и искажений, которые, однако, не смогли помешать новому движению завоевать мир, и именно это, будучи преемником христианства, должен сделать Спиритизм. Однако, на сей раз мы должны следить за тем, чтобы священный огонь не загасили формализм и вмешательство материализма. Я согласен с мистером Джеромом в том, что мы на своём веку стали очевидцами ряда ужасных этапов человеческой истории. В то же время, я уверен, во всей мировой истории не было ничего, что можно сравнить с бескорыстием и благородством поведения Британской империи в целом и всех британцев в отдельности — я говорю о том бескорыстии и благородстве, которые мы выказали в течение пяти лет этой страшной мировой войны.¹ Правда, что наше настоящее и будущее могут не соответствовать столь высо-

¹ Отдавать должное, так отдавать. Если говорить о бескорыстии в этой войне, то нельзя умолчать и о подвиге России, которая, верная своим союзническим обязательствам, в невыгодных для себя военных условиях, открыла второй фронт и, отвлекши тем на себя основные силы Германии, спасла Францию от окончательного разгрома.

кому уровню, но по крайней мере в военное время нация поднялась вся, без исключения, до необычайной степени духовного величия. Сам я вовсе не разделяю той точки зрения, будто Христос был бы способен стоять в стороне и наблюдать жестокость или насилие, не вмешиваясь. Вместо этого я предпочитаю верить, что он был среди нас, что он стал бы первым, кто пошёл на риск принять второе мученичество в защиту справедливости и свободы. Он внёс бы свой вклад в дело изгнания немцев из Бельгии с тою беззаветностью, с какой изгнал торговцев из Храма. Не могу принять бесцветного, бесчувственного, беспомощного прочтения его характера, предлагаемого некоторыми. Однако я уже достаточно сказал и не должен более перегружать Ваших гостеприимных страниц.

*Ваш, и прочая,
Артур Конан Дойл*

«Ивнинг стандарт»

6 ноября 1919 г.

ОПАСНОСТЬ СПИРИТИЗМА

Сэр! Из Ваших публикаций я понял, что господин Мэги вынуждает меня представить письмо господина Форбса Уинслоу, в котором тот отрекается от своих прежних взглядов на Спиритизм, в особенности же от всего, имеющего отношение к психическим расстройствам.

В связи с этим я прилагаю основную часть письма, написанного им в 1912 году. Утверждения, приводимые господином Мэги, были сделаны в 1877 году. Оригинал можно видеть в редакции «Ту уорлдз», Корпорейшн-стрит, 18,

Ставки с самого начала были сделаны так, что выиграть в этой войне Россия ничего не могла, а могла лишь потерять. И она потеряла всё, когда в большой, изнурённой мучительной войною стране власть захватили тлетворные микробы — большевики. По своей сути это были полчища трусливых шакалов, дерзнувших всей массой наброситься на быка лишь после того, как он был изранен и обескровлен в ничейной схватке с тигром. Но после того, как он пал под их натиском, он уже не мог рассчитывать на пощаду. Не могла рассчитывать на пощаду и израненная Россия, попавшая в цепкие лапы большевиков. Россия потеряла всё. И когда весь мир сравнительно благоденствовал, она была лобным местом, была Голгофой, на которой распинали человеческий дух и убивали человеческую мысль. Вот цена благородства царской политики. По-прежнему прав Пушкин: в отношении России Европа всегда была столь же невежественна, сколько и неблагодарна. Всё это, впрочем, ни в коей мере не умаляет тех дифирамбов, которые наш автор поёт своему отечеству. (И. Р.)

Манчестер. Оно было написано в ответ на прямой вопрос по этому поводу, заданный покойным Дж. Дж. Морсом.

Мне хочется верить, что господин Мэги принесёт свои извинения и сообщит адрес того священника, который, как утверждается, предложил 50 фунтов стерлингов за предоставление этого документа. Можно надеяться, что это был последний из тех мифических 10 000 душевнобольных.

*Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл*

«Дейли мэйл»

16 декабря 1919 г.

ХУДОЖНИЦА-МЕДИУМ

(Сэр А. Конан Дойл и миссис Спенсер)

Господа!

На заре нашего движения госпожою де Морган и другими было предсказано, что развитие медиумической практики пойдёт по линии от примитивных материальных явлений, обычных в настоящее время, к более тонким и интеллектуальным доказательствам истинности Спиритизма, которые человеческая раса будет более расположена принять. За последние 50 лет это пророчество вполне доказало свою справедливость. Стуки и щелчки, левитация и даже материализация стали гораздо менее частыми и постепенно вытесняются иными проявлениями. Доказательства, присущие той стадии, были представлены, и она оказалась исчерпанной. С другой стороны, никогда прежде у нас не наблюдалось подобного расцвета более тонких фаз вмешательства духов, их фотографирования, инспирированных обращений, писаний и рисунков, и в особенности такого взрыва ясновидения или «различения духов», каковое святой Павел причислял к наиболее ценным духовным дарам.

Цель данного моего письма заключена, однако, в том, чтобы указать на некоторые из более интеллектуальных доказательств вмешательства духов, которые, быть может, способны воззвать к тем умам, что уже отошли от грубых и примитивных проявлений, оправдываемых единственно потребностями этого материального века, в котором мы живём. О письме под духовным водительством многое можно сказать, ибо ни одна из существующих философий не обладает такой литературой, как та, что возникла вокруг Спиритизма. Тем же, кто воображает, будто послания под водительством имеют незначительную интеллектуальную

ценность, я назову лишь две недавних книги: «Вторую книгу Клода» и «Письма с того света»¹. В этих книгах содержится самая суть спиритуалистического знания, причём последняя из них включает множество пророчеств, которые отличаются немалыми литературными достоинствами по сравнению с тем временем, когда ещё только начинали получать послания. И если только эти две книги не продиктованы действительно свыше, то что тогда нам следует думать о трансцендентных интеллектуальных способностях тех двух женщин, чьими руками эти тексты были написаны?

Однако на рисовании под водительством я бы хотел остановиться особо, потому что, когда шедевр создаётся тем, кто не обладает никакими техническими навыками, и картина эта выставляется для всеобщего созерцания, то даже самые скептические умы оказываются вынуждены признать существование чего-то, что недоступно их пониманию. Недавно стали известны символические рисунки господина Чарльза Хорсфолла, и, проверив их, я определённо убедился, что это действительно рисунки медиумические по происхождению и глубокие по смыслу.

Тем не менее, я могу понять позицию тех, кто, не признавая мистицизма, не в состоянии уразуметь, что существуют предметы столь сложные, что их невозможно представить в рисунке, но только с помощью схемы.

Таким людям я бы порекомендовал ознакомиться с изображением головы Христа, выставленной сейчас в галерее Уокера на Нью-Бони-стрит. Этот рисунок, по моему мнению, является самым совершенным изображением головы Основателя Христианства, которое когда-либо было создано, и я хорошо понимаю поступок великого художника в Париже, который, увидев рисунок, немедленно пал на колени.

Это действительно самое восхитительное произведение, в нём ощущается внутренняя душа, которой так недостаёт в работах старых мастеров, чьи Христы и Девы кажутся мне частенько квинтэссенцией материализма и вульгарности.

И эта-то восхитительная работа была выполнена за считанные часы женщиною, которая, как меня заверили её родные, в нормальном своём состоянии не обладает художническим даром. Вот высший пример работы духовного ума через материальную смертную оболочку.

Артур Конан Дойл

¹ «Claude's Second Book» (Methuen); «Letters from the Other Side» (Watkins). (И. Р.)

«Таймс»

30 декабря 1919 г.

«ОТРЕЧЕНИЕ»

Милостивый Государь!

В ответ на письмо майора Виктора Спенсера, помещённое в Вашей газете, да будет мне позволено отречься от упоминания мною когда бы то ни было имени миссис Спенсер в связи с психическими явлениями. Обратившись к опубликованному оригинальному материалу, можно увидеть, что именно её семья первая упомянула в этой связи её имя и что именно один из близких родственников сказал: «Миссис Спенсер обладает большой медиумической силой». То же самое утверждается и по поводу рисунка, сделанного в перевёрнутом виде: «Закончив, она поразила тому, что же такое она нарисовала. И только перевернув рисунок, можно было увидеть, что это превосходно нарисованная голова Христа». В доказательство моих утверждений прилагаю вырезку с отмеченными в тексте местами.

Майор Спенсер, разумеется, имеет право на собственный взгляд по поводу психических явлений и их значения, но течение событий, полагаю, свидетельствует против него.

*Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл*

«Саутпорт визитер»

22 января 1920 г.

СПИРИТИЗМ И ЦЕРКОВЬ

Сэр! Я должен отметить, что некоторые из моих подобных критиков, по всей видимости, унаследовали духовный дар прорицания, поскольку они нападают на меня прежде, чем узнают, что я, собственно, скажу. Они также не преминули повторить старую позорную историю об американских психиатрических больницах, якобы, битком заполненных спиритами. В этой сказке нет ни слова правды. Единственные статистические данные, которые я смог обнаружить, собраны доктором Юджином Кроуоллом, обследовавшим психиатрические больницы Новой Англии, где Спиритизм явление вполне обыкновенное, и установившим, что из 16 000 душевнобольных спиритами являются только четверо, а 222 оказались (я очень сожалею) священнослужителями. Этот миф обязан своим возникновением утверждению покойного доктора Форбса Уинслоу,

сделанному им в 1876 году, но от которого, однако, в последующем он отказался, сам став спиритом. В моём распоряжении имеется копия его отказа. Что же до утверждений других клерикалов, будто спириты выказывают неуважение к Богу и Христу, то заявления эти обусловлены полнейшей неосведомлённостью в данной области, свойственной столь многим из этих джентльменов, вся работа которых, однако, по словам преподобного Оуэна, состоит лишь в том, чтобы как раз в этих самых вещах хорошо разбираться. Истинный Спиритизм не принадлежит ни к какому вероисповеданию, но лежит в основе всех религий, и его в равной мере могут исповедывать англиканец, католик, сектант и даже унитарий. При этом индуист и мусульманин могут быть спиритами точно так же, как и христианин. Компромисс не может быть достигнут единственно с материалистом, поскольку наши взгляды диаметрально противоположны.

*Ваш, и прочая,
Артур Конан Дойл*

«Саутпорт визитер»

12 февраля 1920 г.

СПИРИТИЗМ И СУМАСШЕСТВИЕ (1)

Милостивый Государь!

Я должен извиниться, что оставил без ответа письмо преподобного Тэрстона. Когда я писал в прошлый раз, я был вдали от дома и вынужден был положиться на свою память. Она не совсем подвела меня, но я всё-таки перепутал два ряда цифр, каждый из которых прекрасно подходит для моей цели. Первый ряд составлен доктором Кроулом, совершенно правильно цитируемым преподобным Тэрстоном. Эти данные показывают, что на 32313 пациентов-мужчин приходится 215 священнослужителей, тогда как общее число спиритов (и мужчин, и женщин), находящихся на лечении, составило лишь 45 человек. Нет также никаких причин к тому, чтобы думать, будто слово «спириты» было применено к одним только медиумам. Это явствует из результатов исследования, проведённого «Бритиш медикэл джорнэл», как сообщено 13 февраля 1879 года. Журнал констатирует: «Мы не преминули просмотреть целый ряд отчётов американских государственных психиатрических лечебниц за последние годы. В этих отчётах представлены таблицы, приводящие причины, послужившие толчком к умопомешательству среди пациентов, общее

число которых составляет 14550 человек. Из этого количества больных лишь четыре случая связано со спиритизмом.» Журнал добавляет: «Перед нами лежит прошлогодний 62-й отчет Комиссариата по призору душевнобольных, в котором не значится ни одного случая, обусловленного спиритизмом».

Следовало бы добавить, что с начала войны в этой стране наблюдалось значительное усиление Спиритизма, и всё же общая статистика по домам умалишённых ещё более снизилась. Доклад от 1 января 1919 года показывает 10%-ное понижение в сравнении с аналогичным докладом за 1918 год.

На факты эти указывается достаточно часто, и поэтому игнорирование или искажение их больше не может иметь никакого оправдания.

*Ваш, и т. г.,
Артур Конан Дойл*

«Саутпорт визитер»

2 марта 1920 г.

СПИРИТИЗМ И СУМАСШЕСТВИЕ (2)

Сэр! Я охотно отдаю должное сдержанности письма преподобного Тэрстона. Но фактом остаётся то, что когда крепкое вино религиозной эмоции достаётся неврастенику, то не имеет большого значения, к какой именно секте он или она принадлежат, потому что нам всем в таком случае предлагается жить под стеклянным колпаком. Неврастеник-католик ожидает стигматов, пуританин заикается на предопределении и, если угодно, спирит безвозвратно погрязает в оккультных исследованиях. Все они находятся в нездоровом состоянии ума, в каковое их повергает чрезмерное увлечение идеями, сама же природа идеи значения не имеет. Я, однако, приводил цифры и утверждения авторитетов, которые, как я надеюсь, убедили Ваших читателей в том, что Спиритизм может выдержать испытание и этого рода, ибо в сравнении со всеми иными видами культа он всего менее располагает людей к умопомешательству.¹

*Ваш, и прочая,
Артур Конан Дойл*

¹ См. по этому поводу также у Аллана Кардека: «Книга Духов», Введение, XII и «Книга Медиумов», конец параграфа 222. (Й. Р.)

«Джон О'Лонион'с уикли»

27 марта 1920 г.

ПО ПОВОДУ ДОВЕРИЯ К МИССИС ПАЙПЕР

Забавно видеть, что столь безобидное словосочетание, как «правдоподобное искажение», вызывает гнев госпожи на Клодда. Он сам, между тем, является наиболее невоспитанным из спорщиков. Каждый, кто не согласен с ним, тут же становится «нахалом», «самозванцем» или просто носителем «тошнотворного вздора». Как известно, именно он поставил в кавычки звание доктора наук у госпожи на Кроуфорда и заявил, намекая на сэра Оливера Лоджа и на меня, что «рыцарем в наше время стать очень легко.»¹ И вот теперь он жалобно визжит, когда его слегка стукнули. В самом деле смешно.

Ваш, и т. п.,
Артур Конан Дойл

«Ту уорлдз»

1 октября 1920 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ СЭРА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА

Мой дорогой редактор!

Только что прибыли в Бомбей. Меня уверяют, что плавание наше оказалось самым жарким из всех бывших когда-то прежде. В Красном море было действительно очень жарко. Я прочёл лекцию о наших истинах пассажирам первого класса, когда мы проплывали южнее Крита, и другую — пассажирам второго класса во время пребывания в Красном море, при этом, как вы понимаете, случилось много споров, большей частью благодушных и умных. Не думаю, что когда-либо прежде на одном корабле собралось бы так много спиритов, так как число убеждённых

¹ В английском официальном языке слово «сэр», стоящее перед именем и фамилией, является титулом и указывает на то, что данное лицо принадлежит к рыцарскому сословию. По английскому обычаю в рыцари посвящает король или королева за выдающиеся военные или государственные заслуги. Но за последние столетия стало также традицией производить в рыцари за чрезвычайные заслуги в науке, искусстве и других областях. Так, Оливер Лодж и Вильям Крукс были произведены в рыцари: английское государство тем показало, что оно ценит их высокие научные достижения. Конан Дойл также был произведён королевой в рыцари в знак высокой оценки его литературной деятельности (имелось в виду создание им образа Шерлока Холмса, одной из страстных почитательниц которого была английская королева). Равным образом в рыцари был посвящён и другой беллетрист и оккультный мыслитель, — Генри Р. Хаггард. (И. Р.)

сторонников велико, а число серьёзных исследователей и того более. Если даже дальше и не произойдёт ничего существенного, то уже и сейчас моё путешествие вполне оправдалось, ибо большой корабль подобен гороховому стручку, из которого горошины разбрасываются по всему миру: на нашем корабле собраны отборные множества людские. Диапроекторов нет, но я показываю психические фотографии по утрам в 10 часов, объясняя их технологию, и обыкновенно у меня столько слушателей, со сколькими я могу управиться. Парсии (индийские зороастрийцы) проявляют особенный интерес к данной теме, при этом они гораздо разумнее многих наших доморожденных критиков. Насколько я понимаю, они все разделяют нашу точку зрения. Есть у меня небольшое число буддистов и мусульман. Феномены у них проявляются так же, как и у нас, но они выполняются как чудеса факирами и не разработаны в смысле научном или философском.

*Всегда Ваш,
А. Конан Дойл*

«Дейли телеграф» (Сидней)

16 октября 1920 г.

ХАРАКТЕР Д. Д. ХОУМА

Милостивый Государь!

Моё внимание только что было привлечено анонимной атакой (ибо я полагаю, что «Джон Доу» — всего лишь псевдоним), имеющей целью опорочить господина Д. Д. Хоума¹. Поскольку сам Хоум не принадлежит более к нашему миру и не может ответить своим посмертным клеветникам и поскольку случилось так, что мне кое-что известно из затронутых по этому поводу фактов, то, может быть, Вы предоставите мне право такого ответа. Мне кое-что известно об этом потому, что недавно я выпустил в свет новое издание биографии Хоума и, занимаясь им, я внимательно ознакомился со всеми документами, имеющими отношение к процессу госпожи Лайон. Отчёт об этом, с заявлением прокурора и письмами госпожи Лайон, был опубликован самим Хоумом во втором томе его исследований, что, согласитесь, было бы достаточно странно со стороны человека действительно виновного.

¹ В русских дореволюционных изданиях фамилия Хоум (Horne) ошибочно писалась «Юм» либо «Хьюм», что по-английски было бы «Ниме». В этом вопросе мы не считаем возможным следовать традиции и пишем так, как будет единственно правильно. (И. Р.)

Одна-единственная проверка покажет, сколь полно характер его неуязвим для предпринятой против него атаки. Хоум был человеком весьма обаятельным и поэтому имел много друзей среди людей несомненно честных и порядочных. К ним относились Бульвер-Литтон, лорд Данрейвен, его сын, лорд Адайр, лорд Линдсей, Роберт Чамберс (издатель), Сэмюэль Картер-Буль (издатель журнала «Арт джорнэл») и множество других почтенных людей, именами которых я мог бы исписать всю страницу. Ваш корреспондент утверждает, будто один из них, доподлинно знавший все факты, имеющие отношение к делу, после суда разорвал отношения с господином Хоумом. Я утверждаю как раз обратное: их дружба, по видимости, ещё более укрепилась и в 1868 году, т. е. двумя годами позже, Хоум был на «ты» с названными мною титулованными лицами. Как бы это могло случиться, если бы он, как то заявляет госпожа Лайон и безосновательно утверждает судья Гиффорд, устроил бесчестную подделку? Надо сказать, что данный судья отличался ярко выраженными материалистическими взглядами и его мнение о медиумизме, в котором он равным счётом ничего не смыслил, ничуть не более неблагоприятно, чем могло бы быть его мнение о христианском божестве, решись он его высказать. Приводить его мнение по поводу Хоума и спиритов — всё равно что ссылаться на суждение римского трибуна о ранних христианах. В обоих случаях обвиняемым не пришлось бы рассчитывать на сочувствие.

Ваш корреспондент возводит обвинение на Хоума, попросту принимая на веру всё то, что говорит миссис Лайон, без учёта того, что сказано самим Хоумом ей в опровержение. Ваш корреспондент опускает тот факт, что судья признал миссис Лайон виновной в грубом лжесвидетельстве. Это заявление было им сделано, когда госпожа Лайон попыталась втянуть в дело господина Уилкинсона, адвоката Хоума. Но было совершенно ясно показано, и это остаётся фактом, что оба — и Картер Холл, представлявший Хоума как его друг, и Уилкинсон, представлявший его как адвокат, — умоляли госпожу Лайон не возбуждать подобного дела и подумать о собственной семье. На это она ответила, что у неё нет близких родственников и что она приняла решение. Это была полубезумная особа, которая отличалась манией писать завещания, а затем отменять их. В данном случае она оказалась настолько связанной первоначальным заявлением, что не могла аннулировать его, и единственным для неё способом выйти из этого дела стало утверждение, будто всё обусловлено

обманом. В поддержку выдвинутого ею обвинения не нашлось ни единой улики, одно только её слово, и поскольку на карту оказались поставленными 35 000 фунтов стерлингов и судья уличил её во лжесвидетельстве, то вся эта история не является шибко-то солидным основанием, чтобы возводить хулу на человека, который ни разу в жизни ни с кого не взял денег за оказанные им медиумские услуги. С какой бы стати он поступил по-иному и с этой женщиной? Разве не очевидно, что она лгала? Такова, разумеется, была точка зрения друзей Хоума, и я сердечно её подтверждаю. Я думаю, что он действовал честно и тактично в самых трудных обстоятельствах, и если господин Доу, нападая на Спиритизм, вынужден вернуться во времена настолько отдалённые, как год 1869, чтобы там позаниматься столь слабый довод как тот, что приведён им, то, значит, его запас возражений не блещет особенным богатством.

Помимо нападок на Хоума, Ваш анонимный корреспондент делает и ещё один важный выпад: он начинает своё письмо с утверждения, будто «большинство медиумов, работа которых послужила основой для моей веры и которые дали мне необходимые доказательства её истинности, либо отбывают теперь свой срок в тюрьме, либо, по общему признанию, очень часто оказывались уличены в обмане». Здесь уж необходим господин Хьюз, для того чтобы изобрести опровержение, адекватное по своей ложности подобному утверждению. Медиумы, с которыми я имел дело, были в большинстве своём любителями, за всю свою жизнь не заработавшими на этом занятии ни шиллинга. Это такие люди, как Ивэн Пауэлл, Слоун, Феникс и другие. Так что подобная тирада является лишь примером наглой клеветы и беззастенчивой лжи людей, ополчившихся против нашего дела.

Артур Конан Дойл

«Интернэйшнл сайик газетт»

Январь 1921

ПРОБУДИСЬ, АВСТРАЛИЯ!

(Главному редактору «Интернэйшнл сайик газетт»)

Мой дорогой Льюис!

Буквально пара слов, чтобы показать Вам, что со мной ещё не покончено, невзирая на все взлёты и падения, постигшие меня здесь. Взлёты постоянны, падения временны, так что всё хорошо. К первым принадлежат мои лекции в

залах, до отказа заполненных публикой, её симпатия и благосклонность, а также огромный интерес и утешение, доставляемые мне моей миссией. Тому у меня имеется достаточно доказательств. Падения же связаны с бойкотом, объявленным мне здешней прессой, что частично обусловлено невежеством, а частично моральной трусостью и страхом обнаружить позднее, что они поставили не на ту лошадку и, помимо того, предоставили ей наиболее благоприятные условия. Австралийцы сильно отстали и находятся в этом отношении далеко позади таких стран, как Исландия или Дания, в знании того, что уже было сделано. Они всё ещё пребывают на той стадии, когда простой народ воображает, будто всё это лишь карточные фокусы и что стоит опытному иллюзионисту вдруг крикнуть: «Эй, престо!» — как тут же Крукс, Ломброзо, Лодж и все прочие несчастные простаки будут посрамлены и поставлены на место! Это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Они славный народ, эти австралийцы — добрый, гостеприимный, прямодушный — но, Боже! они лишены духовности и пребывают в каком-то сонном царстве, не возмущаемом ни единой живой и свежей мыслью. Они находятся на том уровне, на котором была старая добрая Англия перед войной. Но приливная волна всколыхнёт и их — может быть, это происходит уже сейчас. Они в настоящий момент на той стадии, когда встречи деловых людей происходят в час ленча, и при этом они молятся о расстройстве моих планов! Они молились, когда я плыл к ним морем, по крайней мере пресвитерианцы, чтобы я не достиг их страны! Это было близко к убийству, если они действительно надеялись, что их скверные молитвы будут услышаны. В результате оказалось, что наше плавание было восхитительно.

«Гранд-Отель», Мельбурн,
3 ноября 1920

*Искренне Ваш,
А. Конан Дойл*

«Лайт»

18 июня 1921

ФОТОГРАФИИ ФЕЙ

Джентльмены!

В своей недавней статье господин Патрик заявил, что фотографии фей, опубликованные в «Стрэнде», являются грубой подделкой. Фотографии эти были увеличены, и негативы их исследовались несколькими наиболее компетентными профессиональными фотографами Англии, которые

не смогли найти в них изъяна. Господин Патрик даже не удосужился взглянуть на негативы, хотя господин Гарднер готов был представить их на рассмотрение любому исследователю. Его критика, стало быть, не имеет никакой ценности, помимо той, что она является монументальным примером безответственности и неряшливой распущенности, с каковыми он и его собрат господин Уотли Смит подходят к предмету довольно важному.

*Ваш, и т. д.,
А. Конан Дойл*

«Йоркшир уикли пост»

8 октября 1921 г.

ПСИХИЧЕСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Сэр! В Вашем любезном обзоре моей книги «Странствия спиритуалиста» — которая, кстати сказать, стоит 12 шиллингов и 6 пенсов, а не 18 шиллингов, указанных в Вашей газете, — Ваш рецензент комментирует мой отказ предъявить оклендским фотографа́м негативы и добавляет: «Следует ли считать, что на том дело и кончилось?»

Ясное дело, я не мог возить с собой по всему свету негативы, которые мне не принадлежат, но возражение снимается теперь, когда я снова дома и вполне готов посодействовать тому, чтобы Ваш критик или какой иной компетентный наблюдатель получил возможность изучить эти негативы.

Негативы с изображением фей хранятся у господина Э. А. Гарднера, Крэйвен-роуд, 5, Харлсен, С. З. Они были обследованы крупнейшими английскими авторитетами в области фотографии, которые не нашли в них каких-либо изъянов. Если принять во внимание, что данные фотографии — первые снимки, которые дети сделали в своей жизни, то невозможно представить, чтобы они были способны к такой технической манипуляции, которая обманула бы экспертов.

Что же касается обширной подборки чисто психических или спиритических снимков, часть которых я надеюсь в скором времени выставить в Лидсе, то они находятся в руках господина Ф. Барлоу, Бринтайрион, Спрингфилд-роуд, Моузли, Бирмингем, который, я уверен, будет рад оказать содействие любому честному критику, предоставив ему доступ к негативам.

Дело усложняется полнейшим незнанием обычными фотогра́фами психической науки или результатов, накопленных опытным путём после исторического события в

1861 году, когда Мумлер в Бостоне получил на фотопластинке первые экстраснимки. Что можно сделать в этом случае с людьми, никогда слыхом не слыхавшими о психографиях и знать не знающими, что вы имеете в виду, говоря о вещах, являющихся самыми основами в данной области? Психографией¹ называется изображение, получившееся на фотопластинке совершенно без всякого воздействия на неё света, когда образ передаётся каким-то иным путём, неведомым нашей современной науке, хотя здесь и возможна некоторая аналогия с тем, как нынче воспроизводят изображения на больших расстояниях при помощи беспроводной трансляции. Мне самому удалось, будучи в Кру, получить изображение на фотопластинке, принесённой мною и затем мною же и обработанной. Эта пластинка не вскрывалась и не была вставлена в камеру, мы просто держали её в руках, и в результате на ней получилось лицо моей сестры, умершей 30 лет назад. Такая психография — и я полагаю, что нормальная психическая фотография именно такова, — не зависит от законов распространения света, поэтому можно представить, до чего в состоянии договориться фотограф-критик, который станет судить о её достоверности по контрастности и иным подобным тестам.

Господин Трейлл Тэйлор провёл исчерпывающее исследование этих психических фотографий, используя собственный аппарат и свои реактивы. Он являлся главным редактором «Джорнэл оф бритиш фотографии», не будучи спиритом. Тэйлор получил множество снимков в контрольных условиях. При этом он заметил, что при использовании стереоскопической камеры, все окружающие предметы выглядели соответственным образом объёмно и одно только психическое лицо получалось плоским. Это доказывает, что психические изображения поступают на фотопластинку напрямую, а не через посредство объектива. Я надеюсь показать некоторые из снимков Трейлла Тэйлора на выставке в Лидсе.

Фотографические феномены представляют весьма малый раздел одной большой темы, но они очень важны, поскольку являются единственным доказательством, которое может быть показано широкой публике. Трудно и непристойно производить серьёзные медиумические опыты на эстраде перед публикой. Принимая во внимание то, что психическая фотография — это частный путь, ведущий к единому общему знанию, я заклинаю Ваших читателей

¹ Не следует путать «психографию» (психическую разновидность фотографии) с «психографией» — одним из способов медиумического писания. (И. Р.)

навсегда отказаться от объяснения этих явлений с помощью слова «подделка», которым и без того долго морочили публику. Такие объяснения выглядят недопустимой глупостью в глазах всякого, кто самолично занимался этим делом и кто знаком с другими совершенно здоровыми и порядочными людьми, также свидетельствующими в пользу существования данных фактов. С другой стороны, есть ещё такая область, как материализация мыслеформы, которая даёт разумный повод для обсуждения, в особенности если взять её в связи с эктоплазмическими формами. Сделав все возможные допущения насчёт материализации мыслеформ — а к этому прибегает каждый осторожный исследователь, — Вы придёте наконец к вопросу о том, о чьей мысли идёт здесь речь, и ответ на него станет сутью всей проблемы. Большинство из нас, как и доктор Кроуфорд, оказывается принуждено безусловно признать, что речь идёт о независимом от нашей воли, разумном и незримом помощнике или сотруднике, даже когда он производит, как это у него иногда получается, изображения, напоминающие или воспроизводящие модели, уже существующие. Проблем в этой области много, но само по себе глупое отрицание не поможет нам продвинуться вперед.

*Ваш, и прочая,
Артур Конан Дойл*

«Интернэйшнл сайик газетт»

июль 1922 г.

НА РОДИНЕ СПИРИТИЗМА

(Главному редактору «Интернэйшнл сайик газетт»)

Мой дорогой Льюис!

Наша поездка была беспрецедентна в своём успехе, и все нью-йоркские рекорды оказались побиты, когда я в седьмой раз собрал аншлаги в Карнеги-Холле, который по вместимости не уступит нашему Куинз-Холлу. Когда мы проезжали Рочестер, мне пришла в голову мысль: не делает нам чести тот факт, что там до сих пор не стоит достойный памятник, увековечивающий событие, имевшее столь большое значение для будущего.¹ Моя идея заключается в том, что ради этого стоит устроить международный

¹ В Рочестере жила семья Фокс. Установленный ими в середине XIX века контакт с духом, послужил мощным толчком к возрождению Спиритизма. Подробнее смотрите об этом в приложении: «Спиритизм — учение о духе». (И. Р.)

сбор пожертвований со стороны всех, кому событие это пошло на пользу, и таким образом установить изящный обелиск с соответствующей надписью. Если мы не возьмёмся за дело серьёзно, то больше этого не сделает никто. Не провентилировать ли Вам данный вопрос в «Газетт» с тем, чтобы увидеть, как люди это воспримут. Я бы сделал первоначальный взнос в пятьдесят фунтов стерлингов. Думаю выступить с этим предложением в Чикаго, где спириты устраивают в нашу честь большой приём. Но большого проку не будет, пока дело не примет международный размах. Я знаю, как сильно нам не хватает денег во всех направлениях нашей деятельности, но нам действительно нужно вовлечь в это дело некоторых из тех богачей, которым священное знание сделало немало добра.

Артур Конан Дойл

«Ивнинг стандард»

9 августа 1922 г.

ПО ПОВОДУ СПИРИТИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИЙ

Сэр! Совсем недавно Вы бросили мне вызов в связи с тем, что было сказано мною об этом предмете. Я ответил, что напишу Вам, когда буду располагать более полной информацией. Полноты пока ещё нет. Когда же она будет достигнута, то брошюра, которая появится, охватит собой все известные факты. Она должна быть готова в течение осени.¹

Пока что же, раз Вы поставили этот вопрос на обсуждение, я воспользуюсь этим обстоятельством, с тем чтобы попросить публику не делать преждевременных заключений насчёт человека, который, как я думаю, тяжко заблуждается и при этом не располагает теми легальными средствами возмещения морального ущерба, к которым может прибегнуть любой британец. Таким атакам следовало бы быть тем более осторожными, если не было понято, что медиум при современной неосведомлённости публики в этих вопросах является на суд в крайне неблагоприятных условиях.

В то время как готовится более полный обзор данной темы, было бы только справедливо, если бы господин Хопп сразу сказал, что всё расследование, предпринятое его друзьями, направлено к тому, чтобы показать, что брошюра,

¹ Речь идёт о книге Конан Дойла «Факты в пользу спиритической фотографии»: Sir Arthur Conan Doyle, «The Case for Spirit Photography», George H. Doran Company, New York, 1922. (И. Р.)

выпущенная с такой недостойной поспешностью и прежде, чем у него появилась какая-то возможность устроить защиту, является документом, который никоим образом не может выдержать беспристрастного критического разбора.

Обвинение, следует напомнить, заключалось в том, что психическая фотография должна была появиться на меченой фотопластинке, поскольку все пластинки в пачке без вскрытия её подвергли действию рентгеновских лучей, что, как предполагалось, должно было оставить на них определенную метку. Психическая фотография в конце концов появилась на немеченой пластинке, что сочли абсолютным доказательством того, что пластинки были заменены Хоупом. Существовало и несколько более мелких пунктов, но этот был главным, и, будь он устранен, прочее обратилось бы в тривиальность.

Но мы можем теперь требовать исключения этого капитального пункта обвинения. Дело в том, что исследователи, господа Прайс и Сеймор, действовавшие в качестве доверенных лиц господина Дингуолла из Общества психических исследований, не сочли нужным выяснить тот факт, были ли рентгеновские метки сделаны так, чтобы оставаться постоянными, или же они могли исчезнуть.

Что было бы извинительно для других, не представляется таковым для господина Дингуолла: в самом деле, кажется невероятным, чтобы полномочный ответственный за проведение исследований дал своё подтверждение работе, проделанной столь неряшливым и ненаучным образом.

Были приложены все усилия к тому, чтобы опорочить доброе имя человека и перечеркнуть плоды его пятнадцатилетней деятельности в области психизма на основании одного только голословного утверждения, которое можно было бы легко проверить и которое, будучи проверенным, показало бы свою полную несостоятельность.

Опыты, проделанные в других местах с аналогичными пластинками, мечеными тем же способом, доказали, что при пятнадцатисекундной экспозиции фотографический свет оставляет метки нетронутыми, но за этим пределом метки бледнеют и исчезают, так что пластинка становится совершенно свободной от них, хотя с увеличением выдержки, скажем до 25 секунд, метки возвращаются уже в не-обратимой форме.

Так вот, господин Прайс по ходу опыта сделал запись, что хотя длительность экспозиции и не была замерена (только представьте себе такой научный эксперимент!), но он медленно считал до 19 таким образом, что, согласно его же показаниям, экспозиция была достаточно длительной, чтобы достичь как раз той временной точки, когда метки должны были исчезнуть, а вместе с ними исчезла и главная

улика, удостоверяющая подлинность пластины, что и привело к возникновению данного скандала.

Я не стану сейчас занимать места разбором более мелких пунктов обвинения, поскольку они незначительны сами по себе и будут полностью разъяснены в брошюре. Однако друзья господина Хоупа почувствовали необходимость в подобного рода промежуточном заявлении, чтобы предостеречь суд от принятия ошибочного решения. Речь не идёт о том, чтобы предать эту историю забвению, напротив того, она должна быть тщательно расследована и представлена на суд общественности. Тем временем следует напомнить, что голословным утверждениям своих недругов господин Хоуп противопоставил письменное показание под присягой о своей полнейшей невинности в возводимых на него обвинениях.

Артур Конан Дойл

«Лайт»

18 ноября 1922 г.

СПИРИТИЗМ И ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ

Ни в коей мере не претендуя на то, чтобы влиять на политические убеждения моих друзей-спиритуалистов, я желал бы обратить их внимание на тот факт, что нынешняя редакция закона о колдовстве, в том виде, в каком он предлагается лордом Верховным судьёй, совершенно для нас неприемлема, поскольку она делает употребление действительно существующих психических способностей столь же преступным, как и мошенническую имитацию этих способностей. Лично я не буду голосовать ни за одного кандидата, который не возьмёт на себя обязательство голосовать за упразднение столь реакционного закона. Люди, интересующиеся психическими исследованиями, представляют собой теперь слишком многочисленную группу, и если они все станут придерживаться определённой линии поведения, то даже и в этот последний час они смогут оказать значительное влияние.

С совершенным почтением,
Артур Конан Дойл

«Ту уорлдз»

19 января 1923 г.

ГАЙДСВИЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛ

Сэр! Когда я был в Америке, зашла речь о том, что следует воздвигнуть мемориал на пожертвования спиритов всего мира в честь великого события в Гайдсвилле в

1848 году, которое изменило и просветлило жизнь столь многих. Последующая резолюция Национальной Ассоциации Америки постановила (и я полагаю, мудро), что мемориал, построенный в Вашингтоне, принесёт больше пользы нашему делу, чем тот, который был бы воздвигнут в таком труднодоступном местечке, как Гайдсвилль. Меня просили стать секретарём и казначеем движения в Великобритании, и я мечтаю, когда вернусь в Америку в конце марта, привезти с собой изрядную сумму в качестве нашего вклада в это предприятие.

В настоящее время у меня на руках лишь 100 фунтов стерлингов, пожертвованных моей женой и мною. Если Ваши читатели пожелают выслать мне некоторые суммы, пусть даже самые незначительные, они будут приняты с благодарностью. Я буду хранить адреса жертвователей и оставляю их деньги в своих руках до тех пор, пока абсолютно не уверюсь в надлежащем осуществлении проекта. Наша помощь была бы особенно высоко оценена именно сейчас, так как американцы понимают, сколь сильному давлению мы подвергаемся. Они понимают, что мы совершаем своего рода самопожертвование, содействуя сооружению памятника, которого многие из нас никогда не увидят. Это, однако, возвеличит дело, значащее больше, чем деньги. Мы будем признательны и за частные дары, и за церковные пожертвования.

*С совершенным почтением,
Артур Конан Дойл*

«Лайт»

8 февраля 1923 г

МЕМОРИАЛ В ВАШИНГТОНЕ

Леди и джентльмены!

Вернувшись из Соединённых Штатов в июне прошлого года, я привёз с собой в американских деньгах порядка 2000 фунтов стерлингов, почти все из которых потрачены на дело спиритуализма. Я прошу всех, кто разделяет наши убеждения и одобряет мою работу, показать это одобрение на деле, выслав мне денежные пожертвования, которые я смогу взять с собой, когда в марте поеду в Америку, в качестве нашего британского вклада в Международный мемориал в Вашингтоне, который должен быть сооружен в честь прорыва за грань между жизнью и смертью, происшедшего 31 марта 1848 г. в Гайдсвилле. Сведенборг и

Дэвис, разумеется, проложили путь,¹ но не подлежит сомнению, что самый первый из тех прямых контактов, которые с той поры сделались таким бесценным утешением для столь многих из нас, произошел именно тогда, и это воистину величайшая дата в истории человечества со времени Великого Откровения, происшедшего две тысячи лет назад. Давайте же своими делами покажем, что мы понимаем это и высоко ценим.

Артур Конан Дойл

«Лайт»

10 марта 1923 г.

МЕМОРИАЛ В ВАШИНГТОНЕ

Сэр! Отклик на мой призыв о пожертвовании средств на строительство главного мемориала в честь нашего дела оказался столь незначителен, что я не могу заставить себя назвать собранную сумму. Вследствие чего я возвращаю деньги всем сделавшим пожертвования и выражаю им свою признательность.

*Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл*

«Нью-Йорк таймс»

2 сентября 1923 г.

КОНТАКТ С ОСКАРОМ УАЙЛЬДОМ, ПРИЗНАННЫЙ ПОДЛИННЫМ

Милостивый Государь!

Вы когда-то позволили мне использовать Вашу газету, чтобы держать американскую публику в курсе событий, происходящих в настоящее время в Европе в связи с таким наиважнейшим предметом, как психические доказательства спиритических явлений. В прошлый раз я дал описание опытов д-ра Шренк-Нотцинга с медиумом Вилли в Мюнхене. Я рассказал, как он продемонстрировал таинственное вещество эктоплазмы сотне неверующих ученых,

¹ Эммануил Сведенборг — шведский ученый и философ-мистик, теософ-спирит.

Эндрюс Джексон Дэвис — американский медиум, автоматически, т. е. под водительством духов, написавший ряд прекрасных философско-спиритических книг, среди которых: «Век нынешний», «Великая гармония», «Философия духовного общения», «Внутренняя жизнь» и др. (Й. Р.)

включая 26 университетских профессоров, и все они как один были вынуждены признать свидетельства их собственных органов чувств.

Вторая подобная массовая демонстрация только что завершилась в Париже и привлекла значительно меньшее внимание общественности, чем она того заслуживает. В самом деле, одна из странных черт полемики по этому вопросу состоит в том, что, когда получают отрицательный результат — который, естественно, ничего не значит — то в прессе поднимается настоящая буря, в то время как положительные результаты, каковые имеют исключительно важное значение, встречаются с полнейшей апатией. Человеческому навязывается вывод, будто люди инстинктивно отвергают идею о том, что существование наше после смерти действительно продолжается и что мы вполне определённо отвечаем за наши деяния, частные или общественные.

Это новое доказательство было осуществлено доктором Жэле из Метаспсихического института в Париже. Он собрал 34 знаменитости и на успешных сеансах показал обычные психические явления Спиритизма, используя в качестве медиума некоего Яна Гусика, поляка по национальности. Результаты были совершенно убедительны, и все наблюдатели подписали своё полное согласие с ними. Среди подписавшихся фигурируют: доктор Рэм, научный редактор газеты «Матэн»; Синисти, редактор «Пти паризьен»; Юк, редактор «Депэш де Тулуз»; дюжина ведущих врачей парижских больниц; Марсель Прево из Французской Академии; Бейль из префектуры полиции; несколько литераторов и, наконец, трое великих учёных: Рише, Фламмарин и сэр Оливер Лодж.

Явления, которые засвидетельствовали эти джентльмены, суть движения предметов, производимые без касания и на удалении от медиума, а также лёгкое постукивание, происходящее вне пределов досягаемости медиума. Кроме того, зафиксированы и многие другие явления. Свой «символ веры» свидетели этого события заключают такими осторожными словами: «Мы просто подтверждаем наше убеждение, что данные явления не могут быть истолкованы как иллюзия и что обман был невозможен».

Они удостоверяют тот факт, что все эти различные явления выказали признаки разума, стоящего за ними. Действительно, они отвечают на вопросы и повинуются приказам. Поскольку реальность этих фактов, безусловно, не подлежит обсуждению, мы оказываемся перед вопросом: чей это разум? Разум ли это бессознательного медиума, действующий независимо? Или это коллективное сознание

собравшихся? Или же это внешний независимый разум, направляющий эксперимент?

Справедливости ради скажем, что даже среди наиболее опытных исследователей психических явлений нет единого ответа на данный вопрос. Мы должны помнить, что многие из лучших умов континента исходят с позиций крайнего материализма. Сэр Дэвид Брюстер сказал: «Дух есть последнее, что я соглашусь допустить», и хотя этому высказыванию уже 60 лет, оно всё ещё выражает строй мышления большинства. Такие люди, как Рише или Ноттинг, были обращены из материализма в нечто подобное сверхматериализму, которому остался всего лишь шаг, но шаг жизненно важный, для того чтобы возвысить и поднять их до спиритуализма. Чтобы совершить этот шаг, им нужно, полагаю, отойти от того физического уровня, на котором они проделали столь великолепную работу, и более тщательно исследовать ментальную и религиозную стороны проблемы, не забывая тех методов анализа и точного мышления, каковые применялись ими по отношению к явлениям низшего порядка. Не требуется верить, нужно просто перенести их нынешние экспериментальные методы на явления иного уровня. В силу того, что они уже готовы допустить движение эктоплазмической фигуры по комнате, её способность говорить и утверждать себя как индивидуальность, пропасть, которую им предстоит преодолеть, чтобы допустить и истинность этой индивидуальности и то, что развоплощённая душа действительно способна найти средства, чтобы заявить о себе в нашем более низком мире материи, не покажется столь уж большой.

Недавно в Англии возникла любопытная психическая и литературная проблема в результате появления рукописного текста, претендующего быть посланием от Оскара Уайльда. Уайльд был человеком с ярко обозначенной и своеобразной манерой мышления и речи. Можно подделывать почерк, но манеру мыслить и выражать свои мысли вряд ли удастся скопировать полностью, ибо это означало бы, что копиист столь же умен, как и оригинал. Однако и образ мышления, и манера выражать свои мысли в этом послании выглядят вполне достоверно. Здесь есть места, которые и сам Уайльд уже не смог бы улучшить. При жизни он обладал удивительным чувством цвета, которое часто проникало в его сочинения, придавая им особенную яркость. Так, в частном письме ко мне он говорит об «осенней луне цвета мёда». Послание также достаточно

хорошо демонстрирует это качество писателя. «Я движусь в вечных сумерках, но я знаю, что в мире за багровым закатом должен следовать яблочно-зелёный рассвет». Или опять: «Вспыхнувшие розами анемоны, будто звёзды, осветили лесные тропы». И ещё: «Уже май, подобно белому туману, пробирается по узким улочкам и сквозь живые изгороди, и год за годом боярышник приносит кроваво-красные плоды после белой смерти своего мая».

Другой отличительной чертой Уайльда был его причудливый, парадоксальный юмор. И юмор этот явно присутствует в данном послании. «Быть мёртвым — самое скучное занятие в жизни, если, конечно, и обеда в обществе школьного учителя!» Последние четыре слова чисто уайльдовские. «Моя жизнь походила на оплывшую свечу», — пишет он теперь.¹

Хотел бы я посмотреть на человека с действительно критическим литературным чутьём, который бы, прочитав это послание, усомнился в том, что оно действительно исходит от Уайльда. Можно имитировать черты лица, присвоить имя, но невозможно поддерживать обман в течение долгого общения, ведя его от имени великого писателя. Воистину, уже не осталось такого доказательства под

¹ Разумеется, по случаю присутствия на одном из этих сеансов господина Дингуолла, бывшего тогда одним из руководителей О П И, дух Оскара Уайльда не преминул написать весьма занимательное послание, в котором в присущей писателю манере высмеял этого деятеля, много вредившего делу Спиритизма:

«Быть мёртвым — самое скучное занятие в жизни, если только не считать супружества и обеда в обществе школьного учителя. У Вас есть сомнения по поводу того, что это действительно я? Ничуть не удивительно, я и сам порой сомневаюсь в этом. Но в ответ на Ваши сомнения в мой адрес я мог бы сказать: а в себе, простите, Вы насколько не сомневаетесь? Я всегда восхищался Обществом психических исследований. Это самые невероятные скептики на свете. Их кредо — всегда во всём сомневаться. Они ни за что не удовлетворятся, пока не исследуют вас на свой лад: тип-видимость-образ-форма. Настоящее привидение должно было бы сильно их испугаться. Я иногда подумываю о создании здесь, у нас, некой Академии райских скептиков, которая могла бы стать для нас своего рода аналогией Общества психических исследований, бытующего среди живых. Туда бы не принимали никого моложе шестидесяти, и мы могли бы называться Обществом теней бездеятельных — в связи с дряхлостью. Нашей первой задачей могло бы стать исследование, является ли, скажем, господин Дингуолл тем, за кого он себя выдаёт? А также, фантазия он или реальность? Истина или выдумка? И если бы вдруг было решено, что он реальность, то мы, естественно, очень сильно бы в этом усомнились».

небесами, которое бы не было представлено нам, и находящиеся в мире ином должны временами испытывать отчаяние, пытаясь проникнуть в наш затемнённый ум!

Артур Конан Дойл

«Оккалт ревю»

Апрель 1924 г.

ОСКАР УАЙЛЬДА

Милостивый Государь!

Я бы желал со всей учтивостью и вместе с тем со всей решительностью выразить своё полнейшее несогласие с господином К. У. Соулом в том, что он говорит касательно стиля Оскара Уайльда.

У Уайльда, на что часто и указывалось, было два различных стиля, каждый из которых ярко выражен и индивидуален и совершенно отличен от другого. Один — поэтический, полный украшений и вычурности с красивыми словесными эффектами и обильным использованием цвета. В послании он представлен такими фразами: «от багрового вечера до яблочно-зелёной зари»; «вспыхнувшие розами анемоны, будто звёзды, осветили лесные тропы» или «май, подобно белому туману, пробирается по узким улочкам и сквозь живые изгороди». Второй его стиль эпиграмматичен, остроумен, имеет налёт цинизма и полон парадоксов. В послании мы встречаем и это: «Быть мертвым — самое скучное занятие в жизни, если не считать супружества и обеда в обществе школьного учителя». — «Совет, который подают, всегда плох». — «Самому Богу неизвестно, что делать с человеческим усердием». — «Женщина, довольствующаяся тем, что имеет, всегда была бы очаровательна». Трудно, заметив эти аналогии, столь близкое сходство,

Дух Оскара Уайльда неспроста издевается над этим председателем О П И и спрашивает, тот ли он в действительности, за кого себя выдаёт. Дело в том, что главной задачей О П И было доскональное изучение всех спиритических явлений и содействие распространению идей Спиритизма. Однако при этом председателе Общество психических исследований стало на позиции, откровенно враждебные задачам Спиритизма. Председатель и его окружение открыто вредили делу Спиритизма и, подвергали осмеянию все сколько-нибудь серьёзные исследования в этой области. Это обстоятельство и вынудило Артура Конан Дойла (тогда старейшего члена Общества) незадолго перед смертью выйти из О П И и призвать всех других серьёзных изыскателей последовать его примеру — факт красноречивый и дающий пищу для размышлений. Подробнее об этом смотрите «Отречение от Общества психических исследований». (И. Р.)

усомниться в том, что за этими фразами скрывается ум Оскара Уайльда.

Идея о том, будто еженедельные литературные конкурсы с раздачей призов в состоянии произвести обилие «Берри» и «Стивенсонов», наделённых к тому же всеми отличительными качествами оригинала, совершенно определённо не выдерживает критики и едва ли была рассчитана на то, чтобы к ней отнеслись серьёзно. В самом деле, нетрудно создать короткую комическую пародию с помощью преувеличения особенностей стиля, но для того, чтобы писать или говорить точно в том же стиле и с соблюдением всех оригинальных черт автора, нужен ум, равный по силе своему прототипу, а такой ум, несомненно, предпочёл бы показать себя в чём-то более значимом, чем пародия.

Господин Соул претендует на то, будто он по всем упоминаниям определил «вероятные источники». Но ведь когда дело касается человека, вся жизнь которого проходила на виду и который был одним из столпов литературы, то трудно представить, чтобы в его жизни могло оказаться что-то важное, нечто такое, что, возникая сейчас в его памяти, не было бы уже прямо или косвенно упомянуто ранее в том месте или ином. Помимо того, такое объяснение означало бы, что медиумы-автоматисты перерыли всю уайльдовскую литературу. У нас есть их заверение в том, что это не так и что их знакомство с ней было весьма ограниченным. Что касается выдвигаемого ложной критикой предположения, будто медиумы предварительно выучили значительные порции послания наизусть, то оно, разумеется, стало бы прямым обвинением в преднамеренном обмане, что ни в коей мере не может быть оправдано, если учесть характер и общественное положение данных медиумов. Такие предположения делать слишком легко, и они должны быть исключены из рассмотрения.

Приняв во внимание различного рода подтверждения, пропускающие по мере анализа этого послания от Оскара Уайльда, а именно:

- 1) наличие его тяжёлого стиля;
- 2) наличие его лёгкого стиля;
- 3) воспроизведение особенностей характера;
- 4) воспоминания об отдельных эпизодах его жизни, в том числе совсем мало известных;
- 5) воспроизведение его почерка;
- 6) (и, на мой взгляд, далеко не последнее) сходство условий потусторонней жизни, описываемых им, с тем, что наше психическое знание определило бы такому человеку,

как он, — я склонен считать, что данный случай является свидетельством, обладающим исключительной силой. Я совершенно согласен, что «Жорж Пельгам» и «Дионисово Ухо»¹ действуют очень убедительно, но для меня эта уайльдовская история убедительна даже в ещё большей степени.

Искренне Ваш,
А. Конан Дойл²

«Морнинг пост»

26 сентября 1924 г.

ГОСПОДИН МАСКЛАЙН И ДЕЛО СЛЭЙДА

Милостивый Государь!

На Ваших страницах я встретил утверждение, будто ещё отец господина Невилла Масклайна вместе с профессором Рэем Ланкастером разоблачили господина Слэйда в 1876 году. Я не буду ничего говорить по поводу утверждаемого разоблачения, а только замечу, что господин Слэйд тут же поехал прямо в Лейпциг, где представил профессору Цёльнеру и троим его коллегам одно из наиболее полных доказательств психической силы, когда-либо отмеченных научными наблюдениями. Кажется невероятным, хотя и не невозможным, что он сделал подделку в Лондоне и показал, на что он действительно способен, в Германии. Его достижения были удостоверены самим Беллакини, придворным иллюзионистом, который заявил, что такие результаты находятся далеко за пределами искусства.

Пункт, который, однако, я желал бы прокомментировать, состоит в том, что обвинителями были доктор Брайен Донкин и профессор Ланкастер и что улика Масклайна являлась лишь косвенной. По ходу разбирательства он засвидетельствовал, что стол, используемый медиумом, был столом «с секретом». Это, несомненно, повлияло на решение комиссии. Но фактом является то, что теперь стол этот выставлен на обозрение в штаб-квартире Лондонского

¹ Здесь имеются в виду две книги: «О некоторых феноменах транс» Ричарда Ходсона и «Дионисово ухо» Джеральда Бальфура. Русским текстом первой мы располагаем и надеемся опубликовать её со временем. (И. Р.)

² См. также приложение: «Беседы с Оскаром Уайльдом». Сегодняшнему читателю затруднительно ориентироваться в этом вопросе из-за того, что фамилии главного медиума и одного из главных критиков в этом случае совпадают: С. Дж. Соул и, соответственно, К. У. Соул. (И. Р.)

спиритуалистического альянса на Куинз-сквер, 5, и всякий может убедиться, что это самый обыкновенный стол, без каких-либо «секретов».

То пари на тысячу фунтов стерлингов, на которое намекает Ваш сотрудник, просто-напросто рекламная бравада, не имеющая какого-либо значения. Когда я в прошлом году был в Америке, знаменитый Гудини точно так же заявил, что он в состоянии сделать всё, что было сделано медиумами. Я тут же принял вызов и поставил условием, что он должен дать мне описание моего близкого родственника, умершего уже давно, и что это должно быть настолько ясно сделано, чтобы я и сидящие рядом со мной могли по этому описанию узнать его. Мне нет надобности говорить, что о пари более не было речи.

*Ваш, и т. г.,
Артур Конан Дойл*

«Таймс»

17 декабря 1924 г.

ПЕРЕДАЧА МЫСЛИ

Доктор Холдейн претендует, будто телепатия есть не что иное, как результат вибраций тончайших звуковых волн. В очень многих отмеченных случаях феномен заключался в воспроизведении рисованных диаграмм. Действительно ли доктор Холдейн считает, будто звуки пишущего карандаша могут дать понятие о форме рисуемой фигуры?

Артур Конан Дойл

«Лайт»

24 января 1925 г.

БИБЛИОТЕКА-МАГАЗИН СПИРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дорогие друзья!

Мне давно кажется, что одним из слабых мест в нашем психическом движении является полнейший разрыв между нашей превосходной литературой и человеком на улице. Он, как правило, совершенно не подозревает о её существовании. В попытке преодолеть эту трудность я и намереваюсь открыть книжный магазин и библиотеку спиритической литературы в самом центре Лондона, в Эбби-хаузе на Виктория-стрит, напротив Динз-ярда и в двух

шагах от Вестминстерского аббатства. Я бы попросил всех сторонников психических исследований поддержать это рискованное предприятие в тех пределах, в каких это может быть сделано без ущерба торговле психическими книгами, уже осуществляемой Лондонским спиритуалистическим альянсом или издательством «Ту Уорлдз». Я желаю открыть тем новое поле деятельности, а не вторгаться на старое. Будут продаваться только книги по психизму, большой запас которых всегда должен иметься в наличии, и будет делаться всё возможное, чтобы удовлетворить запросы посетителей. Если у кого-нибудь из читателей имеются дубликаты книг, которые они могли бы пожертвовать библиотеке, то они окажут мне услугу, выслав их по указанному адресу заведующему после начала февраля месяца.

*Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл*

«Нортэрн уик-энд Белфаст пост»

12 мая 1925 г

О ФОТОГРАФИЯХ ФЕЙ

Сударь! В Вашем сегодняшнем выпуске я усмотрел намёк на «Фотографии фей», сделанный таким образом, словно бы они уже нашли какое-то объяснение или были как-то дискредитированы. Но это не так. Предпринятые расследования как касательно девочек, так и негативов (причём последние были освидетельствованы лучшими экспертами Великобритании) не смогли сколько-нибудь поколебать значимость имеющихся доказательств. Более того, появившиеся новые факты лишь прибавили им веса. Среди них выделяется письмо, написанное одною из девочек в возрасте 10 лет своей подруге в Южной Африке. В этом письме рассказана вся эта история, как она и произошла в своё время, хотя до широкой публики она дошла лишь несколько лет спустя. Чем являются эти маленькие фигурки и на каком удалении они находятся, остаётся, как я утверждаю в своей книге¹, открытым вопросом, но честность девочек не подлежит сомнению, и подлинность негативов никоим образом не была поставлена под сомне-

¹ Автор имеет в виду свою книгу «Пришествие фей». Sir Arthur Conan Doyle, «The Coming of the Fairies», New York, George H Doran Company, 1922 (Й. Р.)

ние. Разумеется, всё это не имеет никакого отношения к Спиритизму, который соотносится единственно с судьбой души человеческой.

*Ваш, и т. г.,
А. Конан Дойл*

«Лайт»

4 июля 1925 г.

ПРОЕКТ ПСИХИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Дамы и господа!

Я основываю небольшой музей психических экспонатов при Психическом книжном магазине, Эбби-хауз, Виктория-стрит. Положение в самом центре города не преминет привлечь к коллекции внимание, что позволит ей стать мощным центром пропаганды. Я был бы сильно признателен всем, кто пожелал бы дать в дар, одолжить или продать соответствующие предметы. В настоящее время у меня имеется пара восковых перчаток, одолженных мне Психическим колледжем, а также Гарскадденова коллекция фотографий и некоторые другие снимки. При таком ядре у меня не должно быть особых трудностей в том, чтобы собрать стоящую коллекцию. Может быть, те, кто желает помочь мне, будут так любезны, что уже сейчас вышлют мне ряд предметов, с тем чтобы я смог сказать им, насколько выигрышно их удаётся разместить на нашем довольно ограниченном пространстве.

Артур Конан Дойл

СПИРИТИЗМ И ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Спиритизм, несомненно, наиболее важное дело на свете и заслуживает того, чтобы ему уделили время. При этом людей следует порицать только за то, что они пренебрегают им, но отнюдь не за то, что подходят к нему с осторожностью. Я повторил бы здесь от собственного имени слова Теккереля. Он сказал одному оппоненту: «То, что вы говорите, совершенно естественно, но если бы вы видели то же, что довелось видеть мне, вам бы пришлось изменить своё мнение». Нам следует принаравливать свои теории к фактам. Мы же до сей поры принаравливали факты к своим теориям. Если вы пока ещё не среди наших сторонников, то это совершенно правильно с вашей стороны.

Чтобы понять это учение, вам нужно время. Мне самому на то понадобилось много лет. Сейчас же для меня нет ничего важнее этого, потому что я знаю, что здесь истина. Ведь знать — не то же, что верить. Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нём десятки разных, достойных изучения областей. Когда вещи эти коснутся лично вас, тогда только вы и сможете понять и оценить всю их силу.

Я много выступаю с лекциями. Но у меня никогда нет желания обратить аудиторию в свою веру. Я вообще не склонен питать доверие к подобным внезапным обращениям. Всё это мелко и поверхностно. Я стремлюсь единственно к тому, чтобы представить людям дело с наибольшей ясностью. Я просто говорю им всю правду, как она есть, и объясняю им, почему мы знаем, что это правда. На этом моя задача, собственно, и исполнена. Люди могут после этого принять предложенное мною или его отвергнуть. Если они мудры, то они непременно исследуют пути, мною указанные. Если же мудрость им не свойственна, то они просто упустят свой шанс. Я не хочу оказывать на них никакого давления или обязательно превращать их в своих сторонников. Это, в конце концов, их дело, а не моё. Как тонко подметил Лабрюйер: «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыслить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предприятие сие и без того грандиозно».

Наука постепенно выметает из мира застарелую паутину предрассудков и суеверий. Мир походил до этого на старый, запылённый чердак, но вот хлынули солнечные лучи и заполнили весь его светом: рассеянная в воздухе пыль начала при этом оседать на пол. И всё же, что касается до науки и учёных, я могу сказать только одно: именно научное мышление лежит в основании всего нашего материализма. Как велика могла бы быть наука, если бы осознала собственную ограниченность! Показателен сам по себе факт, что многие учёные мужи, когда оказываются затронуты их симпатии и предрассудки, демонстрируют самое смехотворное пренебрежение ко всем собственным принципам. Между тем, среди принципов науки нет другого более непререкаемого, как тот, что всякий вопрос должен быть всесторонне рассмотрен прежде, чем его можно будет признать несостоятельным. На примере беспроводной связи или летательных аппаратов тяжелее воздуха мы могли в последние годы наблюдать в суждениях учёных самые неприличные несообразности. Опаснее

всего заявлять а priori¹, что какая-то вещь совершенно невозможна. И тем не менее это ошибка, в которую впал чуть ли не каждый критик, выступающий от лица науки. Такие учёные пользовались авторитетом, который они заслуженно приобрели в освоенной ими специальности, для того, чтобы подорвать доверие к области, в какой они ничего не смыслят. Сам по себе факт, что человек был крупным авторитетом в физиологии или физике, никоим образом не делает его авторитетом также и в области психической науки.

В мире науки полным-полно глупцов и разных болванов, лишь тормозящих мировой прогресс. Они признаются в том, что ничего по данному поводу не читали, и я уверен, также ничего не видали. И тем не менее они используют положение и имя, приобретённые ими в других материях, для того, чтобы дискредитировать множество людей, которые, как бы к ним ни относиться, несомненно, весьма серьёзны и вдумчивы.

Наука очень помогла нам в создании комфорта, но ещё вопрос, отвечает ли комфорт этот нашим действительным задачам в этой жизни. Несомненно то, что обыкновенно он был нашим бедствием, потому что этот комфорт назвался «прогрессом», и тем у нас создалось впечатление, будто мы действительно движемся вперёд, «прогрессируем», тогда как на самом деле мы не только топчемся на месте, но и неуклонно сползаем назад.

На это, разумеется, могут возразить: «А беспроводный телеграф? А сигнал С О С на море? Разве они не служат благу человечества?» Я целиком согласен, порой всё это оказывается и впрямь очень удачно. Я ценю, например, свою настольную электрическую лампу, а она ведь продукт науки. Наука даёт нам, как я уже сказал, комфорт, а подчас и безопасность. И тем не менее я не склонен превозносить её и её дары, потому что она затемняет и искажает самое для нас жизненно важное, именно — цель нашей жизни и задачи в ней. Мы были помещены на этой планете не за тем, чтобы ездить на автомобиле со скоростью 50 миль в час, или чтобы перелетать Атлантику на самолёте, или посылать в другой конец Земли сообщения по проводам или без оных. Всё это украшения и удобства нашей жизни, но не более того. Однако наши учёные настолько приковали наше внимание к этим украшениям,

¹ А priori — заранее, не зная дела, предубеждённо (лат.).

что мы, хлопоча с ними, забыли за этим занятием главную цель, ради которой мы здесь.

Не то важно, с какой скоростью вы едете, но цель вашего путешествия. Не то важно, посредством каких технических ухищрений вы посылаете своё сообщение на расстояние, а то, сколь значимо само ваше сообщение. И тогда выясняется, что этот так называемый «прогресс» на каждом шагу оказывается нашим бедствием, и всё же до тех пор, пока мы пользуемся словом, мы будем путать этот мнимый прогресс с реальным прогрессом и воображать при этом, будто заняты тем, ради чего Бог послал нас в сей мир, а посланы мы сюда были за тем, чтобы готовиться к следующей фазе жизни. Есть подготовка ума, а есть подготовка духа, и мы пренебрегаем обеими. Стать на старости лет лучше и добрее, изжить в себе эгоизм, расширить свой умственный кругозор, сделаться сердечнее и терпимее — вот зачем мы здесь находимся, вот каковы наши задачи в жизни. Наш мир, вся наша планета — это фабрика душ, но она пока что выпускает скверную продукцию.

Несомненно, прежде мир человеческий был более жесток, чем сейчас, но ведь никогда у него не было и таких преимуществ, как у нас, и всё же никогда ранее столько образованности, знания и так называемой «цивилизации» не превращалось во зло. Мы научились строить воздушные корабли. И мы пользуемся ими, чтобы бомбить города. Мы научились плавать под водой. И это умение пригодно нам лишь на то, чтобы убивать моряков и топить корабли. С помощью химии мы приобрели власть над материей. И мы пользуемся ею, чтобы изготавливать взрывчатые вещества и отравляющие газы. Наше положение всё ухудшается. В настоящее время каждая нация на Земле строит тайные замыслы о том, как ей лучше всего отравить и известить другие народы. Разве Бог для этого сотворил нашу планету, и насколько вероятно, что он позволит миру и далее идти в тартарары?

Наибольшая опасность для человека или нации наступает тогда, когда интеллектуальная сторона оказывается более развитой, нежели духовная. А разве не таково положение в сегодняшнем мире? Наши духовные проводники говорят о том, что все чаши высшего терпения переполнены. Есть война, голод, мор, землетрясения, наводнения и иные напасти, но всё завершится в мире, в неопишуемой радости и красоте.

Я получил указание распространять послание всюду, где, на мой взгляд, есть уши, чтобы услышать. Наши наставники желают, чтобы человеческая раса постепенно

поняла реальное положение вещей, с тем чтобы избежать потрясения или паники. Я лишь один из многих, кто призван нести людям благовест.

Ситуация теперь достигла апогея. Самая идея прогресса была извращена, материализована. Она связана с тем, чтобы быстро ездить, быстро передавать информацию, строить новые машины и механизмы. Всё это лишь убаждение самого заурядного честолюбия. Подлинный же прогресс — это прогресс духовный. Человечество уделяет ему внимание только на словах, а на деле бежит ложною дорогой материального знания. Даже в области психических исследований, существует особая порода психических изыскателей, совершенно не способных воспринять самое очевидное. Они злоупотребляют своими умственными задатками, сиюминутно найдя окольный путь, в то время как перед ними лежит самая прямая и свободная дорога, по которой они никак не желают идти. Когда человеческая раса начнёт наконец своё продвижение в это новое для неё царство¹, данные интеллектуалы составят её абсолютный тыл.

Высший Разум признаёт, что среди всей апатии, охватившей человечество, немало также честного сомнения, переросшего допотопные религии и имеющего право на более свежие свидетельства, а не на те только, что были даны человечеству в античности. И вот свежие свидетельства эти были явлены нам, и они сделали жизнь после смерти столь же ясной и ослепительной, как ясно и ослепительно лишь солнце на небесах. И это-то свидетельство было высмеяно учёными, осуждено церковью, сделано предметом насмешек для прессы и с презрением отброшено в сторону. Это было последним и крупнейшим промахом человечества. Положение сделалось безнадежным. Ситуация вышла из-под контроля. После того, как дар небес был отвергнут, возникла нужда в самых крутых мерах. И гром грянул. Десять миллионов юношей полегли на поле брани, а двадцать миллионов других оказались искалеченными. Это было первое грозное предупреждение Бога человечеству.² Но и оно было оставлено без внимания. Всё тот же

¹ «Царство Божие», которое, как сказано, Великим Учителем, обретается лишь «внутри нас». (Й. Р.)

² Напомним древнее изречение: кого Бог хочет наказать, того он лишает разума. И разума оказались лишены Германия, Россия, а вслед за ними и вся Европа, ибо то, что творилось в Европе и России с 1914 года, весь этот кровавый апофеоз глупости, можно объяснить только массовым ослеплением и помешательством. (Й. Р.)

тупой материализм, как и ранее, возобладал. Тем не менее снова человечеству были предоставлены годы на то, чтобы одуматься, но до сих пор никаких перемен ни в чём не оказалось видно. Напротив того, к старым порокам нации добавили вороха новых, а всякий порок ведь необходимо требует своего искупления. И вот Россия стала выгребной ямой. Германия и не думала раскаиваться в своём поистине чудовищном материализме, ставшем первопричиной войны. Испания и Италия погрузились во мрак атеизма и предрассудка. Франция осталась без религиозного идеала. Англия оказалась во власти смятения и путаницы, переполненная деревянными сектами, напрочь лишёнными силы и мысли. Америка злоупотребила предоставленными ей прекрасными возможностями и вместо того, чтобы стать младшей и любящей сестрой истерзанной Европе, затормозила в ней всякое экономическое восстановление, требуя денег; она обесчестила подпись собственного президента и отказалась присоединиться к Лиге Наций, в которой сосредоточилась тогда вся надежда на будущее и выживание человечества. Все, таким образом, прегресли, но некоторые больше других, и кара всем будет отмерена в точной пропорции.

И кара сия грядёт. Вот в точности слова, которые меня просили вам передать:

«Мы не хотим, чтобы люди пугались, но чтобы они начали изменяться, развиваясь по более духовной линии. Мы не собираемся докучать людям, мы стремимся лишь подготовить их, пока ещё не поздно. Мир не может продолжать жить той жизнью, какой жил ранее. Иначе он разрушит сам себя. И прежде всего мы должны развеять тёмную тучу теологии, зависшую между человечеством и Богом.

Скоро придёт день, когда вся истина станет явной, и все эти извращённые церкви будут сметены с лица земли вместе со своими жестокими доктринами и карикатурами на Бога, каковые они распространяют. Любовь! — это и всё, что требуется. Какое значение, во что вы верите, если только вы сами добры, кротки и бескорыстны, как Христос был кроток, добр и бескорыстен в давние времена?

Откройте людям всю правду о смерти. Бог желает, чтобы они её знали. Именно потому он и позволяет нам общаться с вами. Смерти нет. Это то же самое, как если бы вы просто перешли в другую комнату. Вы оказываетесь не в состоянии поверить в то, что вы уже умерли.

И мы тоже не могли в это поверить. Скажите людям всю правду! О, насколько же она важнее всего, о чем вы говорите между собою. Если бы ваши газеты хотя одну неделю уделили столько внимания психическим темам, сколько посвящают его футболу, то правда о жизни после смерти стала бы известна всем»

Вот что мне было велено передать вам. Распространяйте эту весть повсюду, где могут быть души, способные воспринять ее. Говорите им. «Покайтесь! Переделайтесь! Настало время».

Артур Конан Дойл
1925 г.

МЕДИУМИЧЕСТВО, СИЛЫ ЗЛА И КРУЖКИ «ДУХОВНОГО СПАСЕНИЯ»

Психическая сила во всем многообразии своих проявлений встречается именно в бедных кварталах, но это определено было ее главной особенностью еще с самого начала: рыбаками, плотниками, погонщиками верблюдов — вот кем были пророки во времена античности. В настоящее же время самые высшие психические дары в Англии встречаются среди рудокопов, разнорабочих, грузчиков, барочников и уборщиц. Колесо истории, таким образом, вертится, и все повторяется в нашей жизни.

Медиумическая способность вырабатывается и развивается упражнением. Можно почти сказать, что она «заразна». Это именно и имелось в виду в раннехристианской церкви под «рукоположением». Оно означало передачу способности к «сотворению чудес». Мы теперь не можем делать это так быстро. Но если человек, будь он мужчина или женщина, принимает участие в спиритическом сеансе с желанием развивать в себе эту способность и, в особенности, если сеанс этот происходит в присутствии настоящего медиума, то не исключена возможность того, что силы проявят себя.

Но при некоторых обстоятельствах это их проявление может оказаться даже хуже фальшивого медиумичества, потому что оно может быть употреблено во зло. Уверяю вас, что разговоры о черной магии и злых сущностях не порождение предрассудка. Такие вещи действительно случаются и сосредоточиваются вокруг нечистого медиума. И вы можете тогда попасть в такую область, каковая сродни общепринятым понятиям о колдовстве. В психическом

мире подобное стремится к подобному себе, и вы в таких случаях получаете то, чего вы достойны. Если вы сидите за спиритическим столом со злыми людьми, то к вам придут и злые посетители. Так что есть в этом деле и опасная сторона.

Но что, скажите, в нашем мире не имеет своей опасной стороны, будучи неумело применено или доведено до крайности? Между тем, эта опасная сторона существует совершенно отдельно от правоверного Спиритизма, и наше знание — самый эффективный способ противодействия ей. Я считаю, что ведьмы и колдуны средневековья — вполне реальные факты, и что самый лучший способ дать отпор таким приемам — это культивировать высокие стороны души. Пустить же это дело на самотек — значит оставить данную область силам зла.

Кто-то, возможно, примется доказывать, будто предмет, таящий в себе подобные возможности, лучше вообще не трогать. Ответом на это, вероятно, может служить то, что злоторные проявления, по счастью, оказываются весьма редки, в то время как утешение, ежедневно доставляемое общением с духами, осветило новым светом не одну тысячу жизней. Мы ведь не прекращаем исследование неведомой земли из-за того, что там порой попадают зловредные существа. Точно так же и здесь, повторяю, отказаться от изучения этой области значило бы оставить ее во владении этих самых сил зла и вместе с тем — лишить самих себя того знания, которое помогло бы нам понять образ действия этих сил и свести на нет их усилия.

Говорю об этих злых силах, потому что мы постоянно приходим в соприкосновение с ними. И когда происходит вторжение таких сил, мы совсем не стремимся обязательно отделаться от них. Встреча с ними — часть нашего дела, предмет особых наших забот. Если мы можем помочь какому-либо низшему духу, то помогаем ему; а сделать это нам возможно, лишь побуждая его рассказать нам о своих тревогах. Многие из этих духов отнюдь не злы. Это лишь бедные, невежественные создания, развитие которых застопорилось и которые страдают от последствий узких и ложных взглядов, привитых им ранее в нашем земном мире. Мы стараемся помочь им — и нам это удастся. В чрезвычайно интересном случае, который был тщательно изучен исландским Обществом психических исследований в Рейкьявике, некая грозная и привязанная к земле сущность сама же объяснила, что в бытность свою человеком она была рыбаком весьма грубого и вспыльчивого нрава, покончившим жизнь самоубийством. Она подчинила себе

медиума, буквально поработила его и последовала за ним на сеансы, проводимые Обществом, где неописуемо перепугала всех собравшихся, пока не была экзорцирована средствами, подобными описанным в моём романе.¹ Обстоятельный отчёт об этом случае приведён в «Протоколах» Американского общества психических исследований, а также в «Сайик ризёрч» за январь 1925 года, являющемся органом Психического колледжа. Исландия, следует заметить, — страна, весьма продвинутая в психической науке, и соотношение между численностью её населения и предоставившимися возможностями убедиться в продолжении нашего посмертного существования, вероятно, таково, что ставит её впереди любой иной страны. Епископ Рейкьявикский является председателем Психического общества, что, несомненно, должно послужить уроком нашим английским прелатам, отмежевание коих от всякого изучения данного предмета находится на грани непристойности. Ведь предмет этот имеет самое непосредственное отношение к природе души человеческой и её участи в мире ином, и тем не менее среди духовных наших пастырей приверженцы этих исследований встречаются гораздо реже, нежели среди представителей любых иных профессий.

Итак, мы стараемся помочь этим заблудшим душам — и нам это удаётся. Мы знаем, что нам это удаётся, потому что со временем они сами сообщают нам об этом, и развитие их продолжается. Такие методы часто используются нашими сторонниками. Кружки спиритов, занимающиеся подобной душеспасительной деятельностью, именуются «кружками духовного спасения». Среди скрупулёзных и достойных доверия исследователей в данной области можно назвать Тозера из Мельбурна и Мак-Фарлейна с южноморского побережья. Оба они методично занимались в «кружках духовного спасения» с целью оказать помощь духам, привязанным к Земле. Подробные записи экспериментов, проведённых лично мною в такого рода кружках, можно найти в четвёртой и шестой главах моих «Странствий спиритуалиста».² Могу добавить, что и в моём собственном домашнем кружке, при медиумичестве моей супруги, нам выпала честь принести надежду и знание некоторым из этих несчастных существ.

¹ Речь идёт о романе «Туманная земля», произведении пропагандистском; входит в серию приключений профессора Челленджера (И. Р.)

² Sir Arthur Conan Doyle, «Wanderings of a Spiritualist».

Полные отчёты целой серии подобных драматических бесед можно найти на завершающих ста страницах последней работы адмирала Азборна Мура «Проблески последующей жизни».¹ Следует отметить, что адмирал не присутствовал лично на этих сеансах, но что они проводились людьми, к которым он питал полнейшее доверие, и что результаты были подтверждены письменными показаниями под присягой со стороны участников сеансов. «Высокий характер господина Линдера Фишера, — говорит адмирал, — является достаточной гарантией их достоверности». То же самое может быть сказано и о Э. Дж. Рендале, опубликовавшем множество аналогичных случаев. Он является одним из ведущих юристов Буффало, в то время как господин Фишер — преподаватель музыки в том же самом городе.

Естественное возражение в этом случае сводится к тому, что, даже если не ставить под сомнение честность исследователей, то общее восприятие опыта всё же может оказаться некоторым образом субъективным и не соответствующим действительным фактам. Имея в виду это, адмирал говорит: «Я навёл справки касательно того, действительно ли каждый из духов, давших понять, что они вступили в новое состояние сознания, был удовлетворительным образом удостоверен. В результате выяснилось, что данные многих из них подтвердились, и это послужило достаточной причиной для того, чтобы счесть совершенно бесполезным разыскание их родственников и места их проживания в земной жизни на предмет подтверждения. Такого рода розыски требуют много времени и труда и всегда заканчиваются тем же результатом, именно — подтверждением сказанного». В одном из случаев, который приводится в книге, говорится о некоей светской даме, умершей во сне. Во всех подобных случаях возвращающийся дух не осознаёт, что его земная жизнь завершилась.

Драматичная история, в которой речь шла о духе человека, проявившемся в самый момент несчастного случая, повлекшего за собой смерть (на самом деле этот случай касался сразу нескольких человек и имени, при этом упомянутые, были впоследствии проверены по газетным сообщениям об этой катастрофе), приводится господином Э. Дж. Рендалом. Другой пример, сообщаемый этим же джентльменом, может быть предложен вниманию тех, кто

¹ Admiral Usborne Moore, «Glimpses of the Next State».

ещё не осознал, сколь неоспорима и убедительна очевидность и сколь необходимо нам пересмотреть свои взгляды на природу смерти. Всё это приводится им в книге «Мёртвые не умирают».¹

«Приведу инцидент, уклоняющийся в чисто материальную сторону. Я был одним из душеприказчиков отца, и после смерти и раздела его имущества, говоря со мной уже из мира потустороннего, он как-то раз сказал мне, что я проглядел один пункт в завещании, о котором он был теперь намерен мне напомнить.

Я ответил:

— Твой ум и так всегда был сосредоточен на накоплении денег. К чему ещё и теперь тратить время, которое так ограничено, на разговоры об имуществе? Оно уже разделено.

— Да, — ответил он, — я знаю, но мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы заработать свои деньги, и поэтому я не хочу, чтобы они пропали впустую. Ещё осталась сумма, о которой ты ничего не знаешь.

— Хорошо, — сказал я, — коли так, расскажи, в чём дело.

И он сообщил следующее:

— За несколько лет до отъезда я дал займы под расписку небольшую (хотя как сказать!) сумму Сьюзен Стоун, проживавшей в Пенсильвании, и получил от неё вексель. По законам этого штата я был вправе востребовать деньги через суд без возбуждения дела. Не знаю отчего, у меня возникло нехорошее предчувствие, и до истечения срока платежа я решил на всякий случай заверить вексель у нотариуса в Эйри, штат Пенсильвания, и тот сделал приписку, которая давала мне право удержать имущество зёмщика до уплаты долга. В моих бухгалтерских книгах нет никаких ссылок ни на вексель, ни на эту приписку. Будь любезен, поезжай в Эйри, зайди в нотариальную контору, найди приписку и заberi её. Есть много и других вещей, о которых ты ничего не знаешь. Эта — одна из них.

Я был весьма удивлён, получив подобные сведения столь необычным образом, и, разумеется, справился об этой приписке у названного нотариуса. В результате я узнал, что она сделана 2 октября 1896 года, и ввиду несомненного факта задолженности получил по этой приписке с должника 70 долларов вместе с процентами. И вот я спрашиваю, было ли известно кому-нибудь ещё о существовании этого векселя и приписки, кроме самого должника и

¹ Mr. E. G. Randall, «The Dead Have Never Died».

нотариуса в Эйри? Лично мне, определённо, об этом ничего известно не было. У меня не имелось даже причины подозревать о существовании векселя и приписки. Медиум, в присутствии которого происходила эта беседа, также ничего не мог знать по данному поводу, и тем не менее я получил денежную сумму, объявленную мне столь неординарным способом. Голос, звучавший при этом, несомненно принадлежал моему отцу, как, впрочем, и на сотне иных подобных сеансов, когда мне приходилось с ним разговаривать, и я привожу именно этот пример к пользе тех, кто имеет обыкновение измерять ценность всякой вещи лишь с денежной точки зрения».

Однако самые поразительные из всех этих посмертных сообщений находятся в книге «Тридцать лет среди умерших» доктора Викленда из Лос-Анджелеса.¹ Книгу эту, равно как и множество иных бесценных книг такого рода, можно приобрести только в Психическом книжном магазине на Виктория-стрит в Лондоне.²

Доктор Викленд и его жена, воистину героическая женщина, проделали работу, которая заслуживает самого пристального внимания психиатров всего мира. Если только автору удастся отстоять свою правоту, а позиция его в данном случае весьма сильная, то он тем самым не только революционизирует все наши представления о безумии и сумасшествии, но и существенно изменит наши взгляды в криминологии, поскольку нам станет ясно, что мы наказываем как преступников тех людей, которые гораздо более заслуживают сострадания, нежели осуждения.

Создав теорию о том, что многие маньяки являются попросту жертвами одержания, подчинёнными неразвитым сущностям, и экспериментально выяснив (впрочем метода его в данном случае мне не вполне понятна), что эти сущности до чрезвычайности чувствительны к статическому электрическому полю, пропущенному через захваченное ими тело, он на основе этой гипотезы создал курс лечения, дающий замечательные результаты. Третьим фактором в его системе было обнаружение того, что подобные сущности значительно легче изгоняются из захваченного ими обиталища, когда для их временного приёма в наличии было предусмотрено некоторое свободное от души тело. В этом и заключается героизм госпожи Викленд, весьма очаровательной и культурной дамы, находящейся в гипнотическом

¹ Dr. Wickland, «Thirty Years Among the Dead».

² Библиотека-магазин, основанная и руководимая самим А. Конан Дойлем. (Й. Р.)

трансе рядом с субъектом в готовности принять в себя захватчика, как только тот будет изгнан из одержимого им тела. Личность и характер этого неразвитого духа определяются, когда он говорит устами этой дамы.

Субъекта привязывают к «электрическому стулу» — это привязывание крайне необходимо, поскольку многие из них являются неистовыми маньяками — после чего включается ток. Эта электризация не воздействует на пациента, поскольку характер её статичен, но причиняет сильнейшие неудобства паразитирующему духу, каковой тут же старается найти приют в бессознательном теле госпожи Викленд. Затем следуют изумительные разговоры, подробнейшим образом приведённые в данном томе. Дух-одержатель подвергается перекрёстному допросу со стороны доктора, который увещевает его, объясняет ему все невыгоды его положения и в конце концов отпускает, либо передав его заботам какого-нибудь непременно присутствующего при этой процедуре высшего духа, либо, если одержатель не проявляет готовности к раскаянию, отдаёт его во власть некоего более сурового духовного распорядителя.

Для ученого, не знакомого с психическими исследованиями, такого рода утверждение, будучи подано в неприкрытом виде, звучит просто дикостью, но мне-то нет надобности требовать от доктора Викленда доказательств его правоты, я просто говорю, что наш опыт в кружках духовного спасения содержит в себе общую идею и что, как было признано, доктору Викленду удалось добиться полного исцеления в случаях, которые были неизлечимы всеми другими методами. Как бы то ни было, всё это является очень убедительным подтверждением нашей теории.

По всей видимости, не каждый открыт для подобного вторжения, но лишь те, кто наделен необходимой для того психической чувствительностью. Это открытие, когда оно будет в полной мере разработано, станет одним из основополагающих фактов психологии и юриспруденции будущего.

Итак, повторю: медиумические способности даются лишь избранным и даются они ради утешения человечества и доказательства бессмертия нашего. Они никогда не предназначались для использования в бытовых, житейских целях. Когда же кто-то пытается употребить их для этого, то ничего, кроме неприятностей, как для медиума, так и для клиента не происходит.

Артур Конан Дойл
1925 г.

О ЛЮБВИ И БРАКЕ НА НЕБЕСАХ

Я скажу лишь несколько слов об этом. Хочу, чтобы вы поняли, что каждой женщине предназначен один и только один мужчина, и лишь одна женщина — каждому мужчине. Когда эти двое наконец встречаются, их бывшие пути сливаются воедино, и тогда мужчина и женщина составляют единое целое во всей бесконечной последовательности существования. Покуда же они не встретились, все прочие союзы оказываются лишь случайностями, не имеющими значения. Раньше или позже, но каждый человек обязательно встречает свою половину. Это может произойти не здесь, а на другой планете, где полю соединяются так же, как и на Земле. Или даже это может быть перенесено на дальнейшее. Но у каждого мужчины и у каждой женщины есть своя половина, которую он или она обязательно встретит.

Среди земных браков, может быть, лишь один из пяти оказывается постоянным. Все остальные — просто случайные встречи. Поэтому люди, бывшие на земле мужем и женой, не обязательно воссоединяются на небе, но любовь мужчины и женщины продолжается, и она там свободна от всего, что здесь, у нас, мешает её полному и свободному выражению. Истинный брак затрагивает не тело, но душу и дух человека. Половые сношения суть не более, как сугубо внешний символ, и они ничего не значат и совершенно бессмысленны, более того, вредны, когда нет как раз того, что они призваны символизировать. Многие здесь живут не со своей половиной, многие вообще без неё, что даже и лучше. Но всякий рано или поздно встретится именно со своей. Это вполне определено.

Не думайте, что у вас обязательно будет нынешний муж, или нынешняя жена, когда вы перейдёте в тот мир. Только любовь, действительная любовь, соединяет нас там. Ваш муж или ваша жена, идёт своим путём. Вы идёте своим. Возможно, что вы находитесь даже на разных уровнях. Однажды каждый из вас встретит именно своего мужа и именно свою жену, и придёт великая любовь, и вместе с ней к вам вернётся там молодость, подобно тому как здесь она у вас проходит.

Там нет сексуальности в грубом смысле слова. И там не рождаются дети. Всё это происходит только на земном уровне. Именно эту сторону брака имел в виду великий Учитель, когда сказал: «Там не будет ни брака, ни вступления в брак». Нет! Всё это чище, глубже, чудеснее — соединение душ, полное слияние интересов и знаний без всякой утраты индивидуальности. Всего более вы прибли-

жаетесь к этому лишь тогда, когда в вас впервые вспыхивает высокое чувство — слишком прекрасное для того, чтобы две высокие влюблённые души могли надеяться дать ему физическое выражение в земном мире. Более низкие способы выражения они обретают позднее, но всегда во глубине сердца они будут знать, что то, самое первое, тончайшее, восхитительное единение душ было самым прекрасным мгновением их жизни. То же самое и с духами.

Артур Конан Дойл¹
1925 г.

«Лайт»

12 сентября 1925 г.

«ПСИХИЧЕСКИЕ ФОТОГРАФИИ»

Сэр! Я заметил, что моё имя приводится в одной из нынешних психических газет в связи с фотографиями молодых медиумов Фолкониров из Эдинбурга. Но я должен сказать, что совершенно не знаком с работой этих медиумов и, во всяком случае, не могу ручаться за неё *bona fides*². На тех же страницах помещена репродукция предположительно спиритической фотографии, которая, несомненно, является расфокусированным изображением хорошо известного этюда Альберта Мура «Цветки». Такие случаи передачи могут быть вполне честными, но они приводят в замешательство и пробуждают непротестивостенные сомнения.

Ваш, и прочая,
Артур Конан Дойл

¹ Считаю нужным предупредить читателя, что данная статья, равно как и две предыдущие, не является непосредственным произведением нашего автора: их текст представляет собой «композицию», т. е. составлен нами из подлинных высказываний и фраз Конан Дойла, встречающихся на страницах его книг (исключением является только вставленная нами цитата из Лабрюйера), после чего получившийся текст и был переведён на русский язык. Возможно, кто-нибудь решит, будто данная акция — приписывать крупному писателю произведения, которых он никогда не писал, да ещё при этом умудриться целиком составить их из его же подлинных фраз — есть с нашей стороны неслыханная дерзость и акт вандализма. Не берёмся судить — дерзость это, акт вандализма или дань большого уважения: нам было попросту обидно пройти мимо столь важных мыслей, не обратив на них внимание читателя. Тем не менее, смеем надеяться, что полученный результат с лихвой извиняет проявленную нами некоторого рода вольность. (Й. Р.)

² *bona fides* (лат.) — добросовестность (термин римского права); здесь — со знанием дела. (Й. Р.)

«Крисчен спиритыюзалист»

11 ноября 1925 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «МЁРТВЫХ» СЫНОВЕЙ

Солдаты, которые вернулись

Милостивый Государь!

Мой сын, Кингсли, не был убит на войне. Он был серьёзно ранен в битве при Сомме, но умер, как раз накануне перемирия, в Лондоне от воспаления легких.

Он вернулся где-то через год или немногим больше после своей смерти, когда я сидел на сеансе с Ивэнном Пауэллом. Его голос прозвучал передо мной очень громко и очень серьёзно. Он назвал своё имя, и моя жена, его мать, услышала его раньше, чем я. Я слушал очень внимательно. Затем я услышал слово «прости!», сказанное громким шёпотом. Как я понял, он намекнул на тот факт, что при жизни он не принимал Спиритизма всерьёз. Я подумал так потому, что в его мужественной и прекрасной жизни определённо не было больше ничего, что могло бы причинить мне боль. Я, разумеется, заверил его, что мне нечего прощать ему и что он был совершенно прав, отстаивая своё собственное мнение. Затем я спросил: «Ты счастлив?» Он ответил: «*Теперь я счастлив*». Я ощутил, как на голову мне легла тяжёлая рука, отчего голова моя подавалась вперёд, и почувствовал, что меня целуют в лоб. Таким образом, оказалось, что он частично материализовался. Медиум, которому ничего не было известно о моих отношениях с сыном, был, как полагается, привязан к стулу и не мог приблизиться ко мне. Все участники сеанса слышали наш диалог, так что это не была галлюцинация. С той поры, у меня произошло с ним несколько сообщений, но ни одно не взволновало меня так, как это первое.

*Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл*

«Дейли ньюс»

9 декабря 1925 г.

ПСИХИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Милостивый Государь!

Статья Вашего представителя, посвящённая этому музею, исполнена такого добродушного юмора, что с моей стороны было бы грубостью отнестись к ней слишком уж серьёзно.

В ней он увязывает моё имя с Шерлоком Холмсом, и я предполагаю, что поскольку единственно я являюсь создателем этого незаурядного характера, то в моей натуре должно быть нечто, соотносящее меня с ним. Позвольте мне так считать. В этом случае я бы сказал (и Вы можете присовокупить эти высказывания для дальнейших ссылок), что из всех подвигов ясного мышления, содеянных когда-либо Холмсом, самым величайшим оказался тот, когда он увидел, что предмет, всего более презираемый и высмеиваемый, воистину является великим Новым Откровением и событием, открывающим эпоху в мировой истории.¹

Сегодня под этим мнением подписалось бы значительно больше людей, чем ещё несколько лет назад, и я убеждён, что в самом скором времени данная мысль станет популярной и всему роду человеческому.

Самая большая трудность с посетителями, приходящими в мой музей, заключается в том, что они зачастую ничего не знают о самом предмете, которому он посвящён, хуже того, они наполнены по этому поводу самыми невероятными предрассудками и ложными идеями. И тогда я за несколько минут должен попытаться вложить в них основы великого знания. Вообразите себе человека, пришедшего в геологический музей, ничего не зная о самой этой науке, и представьте себе, что он-то считает себя вполне сведущим, чтобы поправлять хранителя музея в вопросе о полезных ископаемых. Это точная аналогия того, с чем мне постоянно приходится сталкиваться.

Чтобы показать, сколь непригодна для защиты и уязвима для критики природа выдвигаемых ими взглядов, я возьму высказывания вашего корреспондента, касающиеся эксперимента, первоначально произведшего так называемые «перчатки доктора Жэле». Возьмём факты в том виде, как они приводятся в «Журнале Метаспсихического института», являющемся печатным органом, кстати сказать, не спиритического, а научного учреждения, находящегося в Париже.

¹ Здесь в шутиливой форме автор выдвигает довольно серьёзную мысль. Избрать эту форму его, видимо, вынуждает отношение читателей и поклонников, благоговейно внимающих Шерлоку Холмсу и мало интересующихся тем, что говорит сам Конан Дойл. отождествив себя с Шерлоком Холмсом, он приписывает тому высказывание, не встречающееся в рассказах о его приключениях, и предлагает ссылаться на него как на самую важную мысль, когда-либо высказанную этой загадочной личностью. К сожалению, эта мысль Холмса-Дойла сегодня столь же чужда людям, как и в те дни, когда она была высказана. (И. Р.)

Прежде всего, учтём тот факт, что отчёт о происшедшем был подписан Шарлем Рише, профессором физиологии Парижского университета, Гюставом Жэле, бывшим тогда главою названного института, учёным с европейской репутацией, и, наконец, графом де Граммоном, опытным исследователем. Ни один из троих не является убеждённым спиритом.

Происходящее наблюдалось ими при красном свете, и они вполне согласны друг с другом по поводу наблюдавшихся явлений. Гарантией правдивости их утверждений служит их высокая научная репутация. И теперь я прошу Вашего корреспондента честно ответить на вопрос, считает ли он, будто эти трое учёных мужей обдуманно и безответственно лгали? Я полагаю, что если он в здравом уме, то ответом его будет: «Нет, не считаю.»

Тогда единственной альтернативой остаётся то, что они были обмануты. Давайте рассмотрим, можно ли в это поверить. Они заперли за собой дверь на ключ, и поскольку это была их собственная комната (мне это доподлинно известно) и поскольку, помимо того, она находилась в подвале, то приходится отбросить предположение о потайном входе.

Когда Клуски, польский банкир, бывший у них медиумом, погрузился в транс и образовалась эктоплазмическая фигура, как то было уже множество раз записано и сфотографировано с другими медиумами, то её попросили погрузить руки в ведро с тёплым парафином. Все наблюдатели видели, как она это сделала, и в то же время контролировали медиума.

Когда воск тонкой коркой покрыл руки фантома, его попросили исчезнуть. Он сделал это, оставив на столе восковые перчатки, образовавшиеся на его руках.

А теперь мы подошли к пункту, который Ваш корреспондент проглядел и который фатален для его теории имперсонации. Восковые перчатки, как каждый может убедиться, представляют собой сплошной, твёрдый и ломкий предмет, и на запястьях они значительно уже, чем на ладони. Спрашивается, каким бы образом удалось вытащить из них руки, не нарушив при этом их формы? Единственная возможность — это дематериализация самих рук внутри перчаток. Никто ещё не предложил какого иного способа, которым бы удалось это сделать.

Достоверность эксперимента подтверждается ещё одной мерой предосторожности, принятой исследователями: господин Жэле подмешал в ведро с воском холестерин. Независимый химик, анализируя состав перчатки, подтвердил наличие в ней холестерина. Это, разумеется, положительно

доказывает, что перчатки не были принесены в комнату готовыми.

Были взяты отпечатки пальцев духа и отпечатки пальцев медиума, в результате чего господин Бейль, сотрудник парижской полиции, выдал заключение о том, что между ними нет ни малейшего сходства.

Этот эксперимент повторялся многими другими исследователями, в числе которых оказалась и чета Маккензи, получивших перчатки уже в нашем Психическом музее. Всего по различным поводам получено пока что 28 пар таких перчаток.¹ Неужели кто-то может предположить, будто в каждом из этих случаев участники экспериментов оказывались неспособны при красном свете увидеть, как в комнату через запёртую дверь входил кто-то посторонний и свободно по ней разгуливал?

Глупо быть слишком уж доверчивым, но в равной мере глупо быть и слишком недоверчивым. Человек здраво мыслящий выберет середину.

Я могу вполне понять, что репортёру может показаться невозможным достичь за полчаса того уровня опытности и знаний, который дали мне 38 лет работы в этой области. Это естественно. Но не естественно и не разумно, если новичок, сам ничего не видевший и не знающий, объясняет обманом или сумасбродством факты, засвидетельствованные и гарантированные первейшими умами Европы.

Артур Конан Дойл

ЗНАНИЕ И ВЕРА

Все складно расписанные теории о подсознательном разлетаются во прах перед простым утверждением незримого существа, заявляющего: «Я есмь дух. Я — Инис, твой брат». Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские основания сомневаться в здравости собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь завесу, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное, чем просто вера, и это — знание. Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не верю, я знаю.

Артур Конан Дойл

¹ Вот здесь-то вполне уместно вспомнить марксистское мерило истинности, гласящее, что критерий истины есть практика (Й Р)

«Интернэйшнл сайик газетт»

3 марта 1926 г.

МЕДИУМИЗМ ГОСПОДИНА Ф. Т. МАННИНГСА**Милостивый Государь!**

Самые затруднительные и головоломные случаи, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться, связаны с медиумами, психическая способность которых, иногда очень высокого порядка, имеет прерывистый характер, что сопровождается нередко полным отсутствием нравственного чувства, так что подобные медиумы всегда готовы возместить недостаточность своих сил хладнокровными и обдуманно подделками, если это служит их целям. Господин Ф. Т. Маннингс является одним из медиумов этого рода, и наш долг, после того как мы несколько познакомимся с его работой, предупредить других исследователей, что они имеют дело с ним на свой собственный страх и риск. Мы знаем такие случаи, когда психический результат, достигнутый им, оставался далеко за пределами всякого подозрения, но знаем и другие — в частности, недавний в одной семье, — когда его уличили в явном обмане с соответствующими орудиями, служащими для этой цели и находящимися в его распоряжении. Мы надеемся, что это предупреждение поможет избежать подобных инцидентов в будущем.

С совершенным почтением,

*Р. Г. Сонгерс,
Г. Дэннис Брэдли,
Артур Конан Дойл,
Абрахам Уоллес*

«Морнинг пост»

12 апреля 1926 г.

«ФОТОГРАФИЯ» ЛОРДА КАМБЕРМИРА**Милостивый Государь!**

Господин Кэмпбелл Суинтон раскритиковал на Ваших страницах психическую фотографию, которую я выставил в Куинз-Холле. На ней видна человеческая фигура, сидящая на стуле; предполагается, что это покойный лорд Камбермир.

Эту фотографию мне любезно предоставил сам лорд Камбермир-младший, и он, по видимости, принял факты в том виде, в каком я их констатировал. Есть у меня, помимо

того, и письмо от его близкого родственника, сообщающее дальнейшие подробности, а также имя дамы-посетительницы, которая сделала этот снимок. Автор письма заключает его следующими словами: «Я совершенно уверен, что негатив не сфабрикован. Я получил его прямо от неё».

Идея о том, будто эта совершенно ясно видимая фигура сидящего человека есть не что иное, как дефект фотопластинки, слишком нелепа, чтобы служить аргументом, но она показывает, до какой крайности могут пойти наши оппоненты в своих упорных поисках чисто материалистического объяснения. *Ex uno disce omnes.*¹

Ваш, и т. г.
Артур Конан Дойл

P.S. Я не счёл лишним указать на то, что данная фигура не обязательно является духом покойного, но может быть одной из тех мыслеформ или памятеформ, которые, по всей видимости, действительно существуют.

«Морнинг пост»

19 апреля 1926 г.

ФОТО КАМБЕРМИРА

Сэр! Я был бы счастлив позволить Вам опубликовать эту фотографию, но дело в том, что лорд Камбермир и без того уже оказал мне любезность, предоставив право демонстрировать её, и я колеблюсь в том, чтобы идти дальше, пока не получу его разрешения. В настоящий момент, как кажется, связаться с ним трудно, но надеюсь, что я вполне в состоянии ответить на вызов господина Кэмпбелла Суинтона.

Во-первых, позволю себе ещё раз напомнить, что фотографию я получил прямо от лорда Камбермира-младшего через посредничество общего друга. На обратной стороне написано:

«Эта фотография была снята в библиотеке мисс Корбетт 5 декабря 1891 года вечером того дня, когда состоялись похороны Уэллингтона Генри II-го виконта Камбермира. Фигура на стуле с левой стороны фотографии (без ног) имеет полное сходство с ним».

При наличии такого подтверждения Ваши читатели могут судить, сколь позволительно было господину Кэмп-

¹ По одному узнай и всё остальное. (лат.)

беллу Суингтону применить оскорбительный эпитет «фотографическое мошенничество» по отношению к снимку, выставленному мною для публичной демонстрации.

Я бы добавил, что сравнение черт лица невозможно, поскольку лицо затемнено. Лишь время и место связывают фотографию с покойным.

Возможность такого объяснения, что некто, когда делалась экспозиция, присел на мгновение на стул, как я понимаю, полностью отрицается.

*Ваш, и т. п.,
Артур Конан Дойл*

«Морнинг пост»

23 апреля 1926 г.

ФОТОГРАФИЯ КАМБЕРМИРА

Сэр! Прилагаю фотографию Камбермира. Меня уведомили, что по техническим соображениям воспроизвести её в печати невозможно, но судить об этом Вам самому. Как бы то ни было, Вы можете демонстрировать её всем желающим.

А. К. Д.¹

«Морнинг пост»

23 апреля 1926 г.

ДЬЯВОЛ И СПИРИТИЗМ

Милостивый Государь!

Я с огорчением узнал, что одна из Ваших читательниц с пространном адресом: Юго-Запад Лондона — жалуется, будто по прочтении некоего высказывания в одном из моих произведений ею завладел дьявол. Но поскольку эта же самая дама не раз появлялась в полемике всё с той же самой историей, то мы имеем право на разумных основаниях заключить, что её случай единичен. Поскольку, с другой стороны, ящики моего письменного стола и шкафа доверху заполнены письмами, сообщающими мне как раз об обратном, именно о том, что благодаря чтению как раз

¹ Фотография не могла быть воспроизведена в печати по техническим причинам, но была выставлена в редакции «Морнинг пост». (И. Р.)

этих самых произведений у людей возродилась надежда и укрепилась их вера, то я рискну надеяться, что маятник отклонился в правую сторону и что чаша добра перевешивает.

Странно видеть, как некоторые спорщики настаивают на дьявольской природе спиритического общения.¹ Неужели же им не приходит в голову, что если бы это дьявол учил человечество, то он неизбежно стремился бы внушить нам мысль, что нам целиком следует сосредоточиться на делах житейских и выжать из них последнюю каплю наслаждения, потому что после этого, якобы, нет уже ничего, и что поэтому не надо бояться никакого возмездия? Разумеется, менее всего он стремился бы проповедовать, что после смерти жизнь наша продолжается и что качество этой будущей жизни определяется нашим поведением здесь. Если бы вместо того, чтобы использовать эвфемизм «домашний дух», люди заменили его «ангелом-хранителем», то они получили бы более ясное представление о том, что на самом деле значит Спиритизм. Библия также сделалась бы более понятной, если бы люди осознали, что «пророк» был передающим медиумом, а «ангел» — высоким духом. Тогда бы старые записи пришли в соответствие с современной мыслью и люди бы поняли, что Бог не мёртв и не дремлет, но что он и сегодня трудится ради воспитания своих бедных детей человеческих, как делал он это в стародавние времена.

Никогда ещё, по моему мнению, в истории мира не было эпохи, когда божественное откровение проявлялось бы более явно, чем ныне. Но довольно обыкновенная ошибка человеческая состоит в том, чтобы возвеличивать и идеализировать то, что далеко, и недооценивать то, что близко. Через сто или двести лет сегодняшнее спиритическое движение будет рассматриваться с уважением, как один из величайших поворотных пунктов в истории человеческой мысли.

*С совершенным почтением,
Артур Конан Дойл*

¹ «Дьявол не есть существо, признаваемое наукой. Даже явление одержания ставит нас лицом к лицу всего лишь с духами, которые были когда-то людьми, подобными нам, и которые всё ещё движимы теми же мотивами, какие вдохновляют и нас». (Ф. Мейерс) (Примеч. Й Р)

«Крисчен спиритьюзист»

2 июня 1926 г.

БИБЛИЯ

Сэр! Ваш корреспондент, упоминающий моё имя в связи с Библией, должен понять, что мусульманин и индус могут быть спиритами точно так же, как и христианин. Мой взгляд на Библию, равно как и на все иные святыне книги, состоит в том, что они представляют собой золото, лежащее в глине, и что нашему уму предоставлено право отделять одно от другой. При этом в Ветхом Завете более глины, чем золота. В Новом же значительно более золота, нежели глины.¹

Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл

«Морнинг пост»

14 июня 1926 г.

ФОКУСНИКИ И СПИРИТИЗМ

Уважаемые Господа!

Существует некий ненормальный склад ума, который может быть назван «комплексом фокусника» или «гудинизмом». Он основывается на нескольких заблуждениях. Первое заключается в том, будто Спиритизм для своего доказательства зависит от физических феноменов, тогда как самое убедительное в нём сугубо ментально. Второе состоит в том, будто ловкость рук как-то связана с умственными силами и позволяет обладателю её оспаривать

¹ Мы бы вполне согласились с этой оценкой, если бы наш автор говорил здесь не о глине, а о навозе. Собственно, здесь вполне уместно употребить и более энергичное слово, ибо по части мерзостей и жестокостей, в ней собранных, эта книга может состязаться только с сочинениями маркиза де Сада и перечнем преступлений против человечности, совершённых германскими нацистами. Что же до глупостей, несоответствий и противоречий, вписанных в её строки, то здесь она и вовсе не знает равных.

И всё-таки главная гнусность этой книги не в том и не в этом, а в том, что она клеветает на Бога, наделив Его самыми скверными человеческими несовершенствами.

Не спорим, есть на этих страницах золотые истины, но они несколько не выигрывают от того, что окружены ветхозаветными мерзостями. В высшей степени бесполезной работой было бы собрать эти истины в одной небольшой книге, а всё прочее предать забвению. Пусть эту отверженную часть читают только специалисты.

Лорд Болингброк говорит о Библии: «Было бы худой Бог и обидой людям серьёзно смотреть на это жалкое сплетение небылиц, в которых каждое слово есть или верх смешного, или верх ужасного». (И. Р.)

суждение Крукса, Уоллеса, Ломброзо и им подобных. Третье сводится к тому, будто люди, сами при явлении не присутствовавшие, могут быть лучшими судьями в нём, нежели те, на чьих глазах оно происходило. Время от времени фокусник вступает в соприкосновение с действительными психическими силами и тогда сознаёт ограниченность своих возможностей. Так, Келлер подтвердил Эглинтон, Беллакини подтвердил Слэйда, и Говард Тэрстон подтвердил Эвзапию Палладино. Но в целом, в этой затянувшейся битве между новым знанием и старым, фокусники не отличаются особо хорошей памятью.

*Ваш, и т. г.,
Артур Конан Дойл*

«Лайт»

21 августа 1926 г

«ПРОРОЧЕСТВА, СЕЮЩИЕ ПАНИКУ»

Милостивый Государь!

Вы только что опубликовали два письма, одно от господина Говарда и другое от майора Тюдора Поула. В обоих утверждается, что публикация предсказаний, касающихся будущего нашего мира, в тех случаях, когда такие предсказания могут встревожить людей, должна решительно пресекаться. Это вопрос, о котором я много с тревогою думал, поскольку я не только получал такие пророчества, сделанные в очень настойчивой и детализированной форме, но и большое число независимых подтверждений, поэтому мне трудно усомниться в том, что за всем этим лежит некоторая основательная истина.

Наш собственный рассудок всегда должен быть последней инстанцией в суждениях о такого рода вопросах, но нельзя всецело отменять и взгляды, выдвигаемые нашими незримыми коммуникаторами, в особенности когда другие их сообщения указывают на их мудрость и познания. Если сведения, сообщаемые ими, мы принимаем серьёзно, то так же серьёзно мы должны отнестись и к их советам, как сообщения эти использовать.

Верно ли, ошибочно ли — лишь будущее может показать это — но они утверждают, что определённые изменения, духовные и физические, вскорости произойдут на Земле. И изменения эти должны быть вызваны ослаблением материализма и усилением духовности —

словом, более серьёзной оценкой целей человеческого существования.¹ Если послания из мира потустороннего в какой-то степени содействуют этой перемене в мышлении, то ясно, что, они не могут быть целиком пресечены.

Опять-таки, они заявляют, что если бы такие события произошли внезапно и стремительно и оказались бы для нас совершенно неожиданными и необъяснимыми, то они нанесли бы гораздо более сокрушительный удар по человеческому уму — именно в силу своей непредвиденности. Поэтому хотя бы самое смутное предвидение их должно у нас существовать, и конечная цель, к которой всё это сводится, должна быть нами понята. Цель эта, как объясняется в посланиях, исключительно благотворна, сколь бы мучительным ни показалось применяемое к нам лечение, ибо ею является исцеление человечества, которое пробудит его от сонной болезни, во власти каковой оно в настоящее время находится.

Поэтому я полагаю, что мы не можем легкомысленно отмахиваться от предлагаемых ими выводов, а это проявится как раз в том, что мы не будем поднимать по этому поводу сенсационных споров, но спокойно подготовимся вместо этого к тому, чтобы там, «где есть ухо, чтобы услышать», произошла соответствующая передача информации, а также общее и постепенное распространение новостей и доказательств среди тех, кто может вести и поддерживать людей в случае какого-либо космического кризиса.

Иногда я получаю и более решительные советы. «Внедрите эти идеи в сознание людей, и пусть они живут в них. Неважно, если это их испугает: они сонны и погружены в летаргию». Хотя я и чувствую, что время для таких действий ещё не пришло, тем не менее этот совет моего главного информатора является путём, которым мне следует идти. Я вполне понимаю точку зрения двух Ваших корреспондентов, но надеюсь, что, прочитав это, они осознают, что решение такого вопроса не настолько просто, как им бы хотелось, и не зависит исключительно от нас самих.

*Ваш, и т. г.,
Артур Конан Дойл*

¹ Судя по всему, с освобождением России от большевистского ига время это для человечества наступило. (И. Р.)

ИСТОРИЯ СПИРИТУАЛИЗМА

Сэр!

Позволительно ли мне сказать слово по поводу любезного обзора моей книги, который появился в Вашем номере за 15-е число сего месяца и сделан моим другом сэром Рэем Ланкастером? Он утверждает там, будто я был обращён в Спиритизм опытами и исследованиями, проделанными другими людьми. Это весьма далеко от истины. Если бы он сказал, что мое внимание было привлечено к Спиритизму или что мой интерес к нему первоначально был вызван свидетельством Крукса, Уоллеса и других, то тогда бы он был ещё в пределах правды. Но моя настоящая убежденность в истинности Спиритизма основана на опытах, которые я проделал сам, причём эти мои исследования длились на протяжении многих лет. Однако моя убежденность стала абсолютной лишь к концу 1916 года. С того времени мне стало известно, что жизнь после смерти, общение и сопричастность живых и умерших являются реальностью, чему вполне определённых и объективных доказательств, способных удовлетворить профессора Клиффорда или какого иного человека, не затемнённого предрассудком и могущего по достоинству оценить факты, у меня к тому времени накопилось достаточно. Я уверен, что если бы сэр Рэй Ланкастер, с его острым умом, посвятил этим исследованиям столько же времени и имел бы удовольствие проделать те же опыты, то он неизбежно пришёл бы к тому же самому выводу, что и я.

В главе моей книги под названием «Кое-что о современных медиумах» я дал краткий обзор своих опытов, который, думается мне, по объёму несколько не уступает опытам любого другого знакомого мне исследователя. Я не могу понять, как кто-либо может прочесть эту главу и после этого заявить, будто своим знанием психической истины я обязан кому-то другому, помимо самого себя.

Я должен также добавить, что в моей книге нет ни единого факта, который бы я позаимствовал у господина Подмора, как, похоже, думает сэр Рэй Ланкастер.

Артур Конан Дойл

«Вестминстер газетт»

22 ноября 1926 г

ГУДИНИ И ДУХИ¹

Сэр! Мистер Клодд передал Вам рассказ о Гудини, в который я желал бы внести некоторые уточнения. В обычае мистера Клодда всегда было проглатывать без разбору любые выпады против Спиритизма, как бы абсурдны те ни были, и отказываться поверить любым фактам, говорящим в его пользу, как бы ни удостоверяться их подлинность. В данном случае он цитирует книгу Гудини, как будто это некий авторитет, хотя уже доказано, что книга эта от начала до конца изобилует неточностями и ошибками.

О том, что произошло на самом деле в случае, на который ссылается мистер Клодд, рассказано мною в «Американском приключении». Отчёт был записан в то самое время и не вызвал никаких возражений со стороны самого Гудини, когда через год я опять встретился с ним в Америке. Он тогда молча согласился с ним и вовсе не держал в мыслях его оспаривать, пока не начал свою кампанию против Спиритизма.

Мы были тогда все в Атлантик-сити, и он в очень трогательных выражениях говорил о своей матери. Зная, сколь сильно порой проявляется у моей жены её медиу-

¹ В Москве давно выходит газета, сама себя именующая «МК». Называться на большевистский лад такой заикистой аббревиатурой, право, стыдно, а расшифровывать её — сегодня к тому же и неприлично. Как бы то ни было, в одном из февральских за 92 год номеров этого МК была помещена пространная статья «Король Цепей, или Судный день для спиритов», посвященная Гарри Гудини. Гудини действительно был «королём цепей», великим фокусником и иллюзионистом, но увы, весьма бледным мыслителем, что довольно наглядно показано той неловкой травлей, каковую он учинил Спиритизму. Последнему, впрочем, всегда доставалось и всё еще достаётся от множества людей, не имеющих к нему никакого отношения и очень смутно себе представляющих, в чём он (Спиритизм), собственно, заключается. Тем не менее это собственное их невежество в отношении критикуемого и высмеиваемого ими предмета, по видимости, является для гонителей Спиритизма как раз аргументом в пользу правомерности их поведения. Такая вот логика. Непонятно, какие счёты с учением о бессмертии человеческой души имеет и автор названной статьи, некто Виктор Травин, и чем это учение лично ему мешает, что он так торопится вылить на него ведро помоев. «Разоблачительная» часть его статьи составлена сплошь из неточностей, недоговорок, умолчаний, за каждым словом проглядывает лукавство автора, который, пользуясь неискущённостью нынешнего русскоязычного читателя в затронутой теме, злоупотребляет его (читателя) доверием и любознательностью. Чувствуя, что концы с концами у него всё-таки никак не сходятся, автор прячет их (причём буквально!) в воду, благо сюжет это позволяет.

мическая способность, я спросил Гудини, не следует ли нам попытаться выйти на связь с его матерью, чтобы доставить ему некоторое утешение. Он изъявил горячее согласие. Со стороны моей жены это был чистейший акт человеческой жалости, побудивший её принять участие в том сеансе, поэтому странно, чтобы Гудини смог когда-либо упомянуть об этом в пренебрежительном тоне.

Моя жена быстро исписала 15 блокнотных страниц, и, читая их страницу за страницей по мере того, как я их ему передавал, Гудини смертельно побледнел. Затем ему было предложено задать вопрос в уме, т. е. не произнося его вслух. Когда был написан ответ, Гудини сказал: «Всё правильно». Было видно, что он тронут до глубины души, и когда тремя днями позже я встретился с ним в Нью-Йорке, он сказал мне, намекая на этот эпизод: «С тех пор у меня такое чувство, будто я не хожу, а летаю».

Когда он развязал свою неистовую кампанию против Спиритизма, имевшую столь плачевный и печальный исход², Гудини пришлось объяснять и этот эпизод. Чтобы выставить оказанную ему любезность в смешном и нелепом виде, он смог выделить всего лишь два пункта. Первый состоял в том, что моя жена ставила крест наверху страницы, в то время как его мать была еврейкой. Второй пункт заключался в том, что мать его говорила на идиш, тогда как записи были сделаны на английском. Все это кажется благовидными поводами для недоверия, но на самом деле

Не останавливается автор статьи и перед тем, чтобы бросить тень на самого Конан Дойла, полагая, по-видимому, что тот теперь не сможет сказать ничего в свою защиту. И тем автор опять-таки злоупотребил доверием читателя, потому что как раз Конан Дойл может за себя постоять в этом вопросе, как и во многих других.

Полноте, уважаемый! Можете быть уверены, такой остроумный человек, как сэр Артур Конан Дойл, уж нашёл бы, что ответить на подобную глупость. И им немало было сказано и написано о такого рода критике, в частности, ведётся у него речь и о Гудини. Все эти вещи, разумеется, никогда не переводились на русский язык, да и на английском сегодня малодоступны — вот и ловят некоторые любители дешёвых сенсаций рыбку в мутной воде. Желая внести в дело ясность, мы пользуемся случаем предоставить слово самому Конан Дойлу, опубликовав перевод этой и других его статей, а уж читатель, думаю, сумеет из их контекста получить дополнительные сведения и сделать соответствующие выводы. (Й. Р.)

² Гибель Гудини сегодня окутана таинственностью и овеяна легендами, но есть основания полагать, что он в конце концов погиб, не сумев выбраться из того самого «железного сундука», который был «сброшен на дно морское», хотя до этого проделывал данный фокус вполне успешно. На этом печальном примере видно, что нельзя испытывать терпение судьбы бесконечно долго: кто намерен постоянно подвергать свою жизнь бессмысленной опасности, неизбежно оказывается обречён расстаться с нею. (Й. Р.)

лишь демонстрирует незнание методов психической коммуникации, что и было присуще Гудини.

Сначала что касается креста. Нам с женой, конечно, было известно, что Гудини еврей. Но моя жена *всегда* ставит на бумаге крест, когда пишет под водительством, так как она верит, что это предохранит от обмана.

Теперь о языке. Для пишущего медиума важна именно мысль, идеи, проходящие через его мозг и оттуда попадающие на бумагу. Такой пишущий медиум не делает дословной записи на неизвестном ему языке. Подобной способностью обладает медиум, погружённый в транс, но не тот, рука которого находится под обычным водительством.

Таким образом, возражения Гудини тают в воздухе. Есть в этой истории ещё и один трагический штрих, который я мог бы добавить. Вечером того же дня мы проводили ещё один сеанс, о чём говорится в той же книге. И там, устами жены одного известного американского юриста, также присутствовавшего на сеансе, было передано пространное сообщение, якобы от матери Гудини, в котором она выразила свою скорбь по поводу преждевременной кончины, каковая, как ей было известно, ожидала её блистательного сына. Поскольку все мы в то время были в самых дружеских отношениях с Гудини, то это сообщение нас неприятно поразило. Мы ничего не сказали Гудини, так как надеялись, что это могло оказаться попросту недоразумением. Но сегодня уже совершенно ясно, что надежда эта не оправдалась.

*Ваш, и прочая,
Артур Конан Дойл*

«Морнинг пост»

20 декабря 1926 г.

ПСИХОМЕТРИЯ И ДЕТЕКТИВНАЯ РАБОТА

(Сэр А. Конан Дойл и Агата Кристи)

Милостивый Государь!

Дело Кристи является превосходным примером применения психометрии в помощь детективам. Нужно признать, что это сила уклончивая и ненадёжная, но время от времени она оказывается чрезвычайно эффективной. Ее часто используют французская и немецкая полиция, но если ею и пользуется когда-либо наша, то это должно

делаться *sub rosa*¹, ибо наши полицейские оказываются в затруднительном положении, обращаясь за помощью к тем самым силам, преследовать которые их принуждает закон.

В данном случае я получил перчатку миссис Кристи и попросил мистера Гораса Лифа, превосходного психометриста, высказать своё мнение. Я не дал ему никаких указаний относительно того, чего я хочу, ни того, кому принадлежит данный предмет. Он никогда не видел его до того момента, как я положил его перед ним на стол для консультации, и никак нельзя было связать его или меня с делом Кристи. Это было в прошлое воскресенье. Он сразу же получил имя Агата. «Эта вещь связана с несчастьем. Лицо, которому она принадлежит, находится в полубессознательном состоянии. Но она не мертва, как думают многие. Она жива. Вы услышите о ней, я думаю, в следующую среду».

Миссис Кристи была найдена во вторник вечером, но новость эта стала известна мне только в среду, так что все слова психометриста, насколько я мог проверить их (было сказано многое о характере и мотивах, что, однако, выходило за пределы моих знаний в этом деле), оказались правильными. Единственная ошибка состояла в том, что у него присутствовало «ощущение воды», хотя сам по себе вопрос о том, была ли в основании этого ощущения идея воды, остаётся спорным. В тот же вечер я послал отчёт об этом полковнику Кристи.

Артур Конан Дойл

«Дж. К'с ункил»

11 июня 1927 г.

«ГОВОРIT ФИНИЙ»

Сэр, Ваши взгляды всегда представляются мне интересными, пока Вы не начинаете говорить о религии, потому что тогда Ваши мысли легко предсказуемы. Естественно, Вы думаете о Спиритизме то, что принято по этому поводу думать в той школе мысли, каковую Вы представляете. Я возражаю лишь на одно суждение в Вашей статье о книге «Говорит Финий». Я имею в виду то, где Вы каким-то непостижимым образом увязываете воедино Бурскую войну и мои взгляды на религию. Бурская война началась в 1899 году. Но уже в 1879 году, т. е. на двадцать лет ранее.

¹ *Sub rosa* (лат.) — по секрету, тайно.

я пришёл к выводу, что Всемогуший не отдаёт предпочтения ни одной религиозной секте, но что все люди равно суть Его дети. И какое это имеет отношение к Бурской войне, остаётся за пределами моего разума.

Артур Конан Дойл

«Лайт»

1 октября 1927 г.

ТАЙНА «ЭДВИНА ДРУДА»¹

Сэр, история с «Эдвином Друдом» представляется мне настолько важной как с психической, так и с литературной точки зрения, что я уже было собирался прервать свой короткий отдых, с тем чтобы выслать Вам подробный отчёт о ней, но затем решил, что это будет излишним после того, как господин фон Рейтер сделал это с такой ясностью и точностью. Я бы только хотел добавить, что мои руки не касались письменного прибора и что я не обсуждал предварительно этого вопроса с фон Рейтерами.

*Ваш, и т. г.,
А. Конан Дойл*

«Дейли экспресс»

6 октября 1927 г.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ УЛИКИ И МЕДИУМЫ

Сэр! Сейчас, когда господин министр внутренних дел взвешивает ценность так называемых «неподтвержденных полицейских улики», следует надеяться, что он распространит своё расследование и на те случаи, в которых полицейские, как мужчины так и женщины, выступают против медиумов.

Несомненно, существует много примеров мошенничества и обмана среди прорицателей и ясновидцев, но никто

¹ «Эдвин Друд» — роман Ч. Диккенса, который он не успел завершить при жизни, — обстоятельство, как рассказывают очевидцы, сильно омрачившее его последние минуты. Однако ему удалось сделать это впоследствии, причём не раз, и этот роман стал самой настоящей литературной проблемой. Первоначально, насколько мне известно, он был завершён медиумом Джеймсом, человеком совершенно необразованным (чтобы не сказать неграмотным) — об этом факте рассказывает, например, Карл Дюпрель в своей книге «Открытие души потайными науками». Между прочим, этот вариант концовки романа был переведён на русский язык Е.П. Блаватской. Конан Дойл же говорит о других вариантах окончания романа, которые были записаны значительно позднее другими медиумами. (И. Р.)

не обладает более широким опытом в этой области, чем я, а я знаю, что хороший медиум является величайшим источником утешения и наиболее убедительным свидетельством бессмертия, какое только может быть найдено в этом мире сегодня.

И эти-то замечательные и чувствительные инструменты мучают неразумным применением законов, созданных задолго до появления в нашей стране Спиритизма и предназначавшихся, как явствует из самого их названия, для ограничения в стране бродяжничества.

Артур Конан Дойл

«Лайт»

26 ноября 1927 г

ГАЙДСВИЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛ

Сэр! Я обратился к Вашим читателям с просьбой о помощи в собирании средств для мемориала, сооружаемого в Рочестере, деревушке по соседству с Гайдсвиллем, в память о рождении Спиритизма. Очень важно, чтобы этот памятник — прекрасный обелиск — по характеру своему был интернационален. К настоящему моменту я получил от нашей британской общины 22 шиллинга и 6 пенсов. Неужели же я вынужден буду отослать такую сумму как наш британский вклад в это международное дело?

*Ваш и прочая,
Артур Конан Дойл*

«Морнинг пост»

17 сентября 1928 г

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИМЕЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ГУДИНИ

Милостивый Государь!

Что касается вопроса сэра Вильяма Буля, то я не знаю, было ли какое продолжение у эксперимента Мейерса. С другой стороны, имеется множество случаев отыскания документов, завещаний и т. п. с помощью сведений, сообщенных, по видимости, самими покойными через посредство медиумов. Выдающийся пример такого рода — кодовое слово, установленное между Гудини и его матерью, пришедшее при содействии Артура Форда, известного медиума, и признанное правильным единственным на свете лицом, которому оно могло быть известно, именно госпожою Гудини, вдовою великого иллюзиониста.

А. Конан Дойл

«Кейп таймс»

21 ноября 1928 г

СЧАСТЛИВАЯ ВЕРА

Сударь! Вашему корреспонденту, «Убежденному агностик», нет нужды впадать в уныние. Нам говорят, что заветное желание каждого из нас обязательно исполняется в мире ином, и если он действительно стремится, как он утверждает, к полному исчезновению, то нечто подобное этому, хотя бы и временно, может быть ему там устроено.

Но ему не стоит по-прежнему повторять давно опровергнутое утверждение об умопомешательстве, которому якобы Спиритизм сильно содействует. Это полнейшая неправда. Разумеется, существует определенный склад ума, который легко выводится из равновесия любой формой религии. Но религиозная мания поражает обыкновенно тех, чьи верования отмечены унынием, как, например, вера в предопределение. Спиритизм же есть вера, исполненная счастья, и за сорок лет исследований мне не встретилось ни единого человека, который бы как-то пострадал от него.

Миф об умопомешательстве был пущен в ход доктором Форбсом Уинслоу, сказавшим, будто в приютах для душевнобольных находятся 10 000 человек, попавших туда из-за Спиритизма. Сам Уинслоу впоследствии стал горячим приверженцем Спиритизма и признал, что цифры эти были плодом воображения, но зло, порожденное им, пережило его самого, и утверждение это выдвигается до сих пор. Доктор Юджин Кроуэлл провел статистический анализ по домам умалишенных в Соединенных Штатах, включая Нью-Йорк, и среди многих случаев религиозной мании смог найти лишь четыре, обусловленных Спиритизмом. Морселли, знаменитый итальянский психиатр, провел аналогичное исследование с тем же результатом. Поэтому, надеюсь, Ваш корреспондент либо возьмет назад свое утверждение, либо приведет в поддержку его определенные цифры.

*Честь имею, и т. д.,
Артур Конан Дойл*

«Ист Эфрикен стандард»

2 марта 1929 г

УСПЕХ И НЕУДАЧА

Сэр! Предложение господина Шарпа Хилмена, будто о Спиритизме следует судить по его неудачам, а не по его успехам, является точной противоположностью всем научным

методам и, могу добавить, здравому смыслу. Это всё равно, как если бы я принялся отрицать существование телеграфного кабеля через Атлантику из-за того, что пару раз получил по нему невразумительные или не по адресу направленные послания. Во всякой науке в расчёт принимается именно положительный результат, а отнюдь не отрицательный. Так, химик выливает свои неудачи в раковину и строит здание этой науки лишь на своих успехах.

*Ваш, и т. г.,
Артур Конан Дойл*

«Фрифинкер»

5 мая 1929 г

ФОТОГРАФИЯ ПРИЗРАКА В НАЙРОБИ

Милостивый Государь!

Я заметил, что в Вашем номере за 18 апреля Вы обвиняете меня в совершении «другого промаха» в связи с фотографическим инцидентом в Найроби. На самом же деле промахи всё время делаете Вы, поскольку я ни разу не видел в Вашей газете такого утверждения о Спиритизме, которое бы не было неправдой или не оказалось правдой только наполовину; природа же таких полуправд уже давно стала пословицей.¹

Так, например, по данному поводу Вы рассказали своим читателям только половину истории, поскольку ограничились лишь приложением выдержки о ней, где сообщаете, что господин Пальмер на этой фотографии в качестве призрака снял самого себя и тем разыграл публику, а также меня, отправив мне соответствующее письмо. Но после этого он заявил о появлении настоящего призрака, который сильно его напугал. «Когда я увидел его и почувствовал его силу, — пишет он, — у меня пропало всякое желание позировать в качестве призрака далее.» Где же логика? Если Вы верите данному лицу в одном пункте (когда он говорит, что сам позировал в качестве призрака), как можете Вы не доверять ему в другом, т. е. когда он сообщает Вам о появлении настоящего призрака? Ведь для того, чтобы утверждать первое, Вам необходимо признавать второе. И тогда, как можете Вы выдвигать утверждение,

¹ Например у Лихтенбегра читаем: «Die gefaehrlichsten Unwahrheiten sind Wahrheiten maeBig entstellt.» (Самая опасная ложь — это истина, слегка извращённая). (Й. Р.)

будто данный инцидент опровергает существование духов, если для этого Вам приходится прибегнуть к свидетельству как раз о появлении духа?

Артур Конан Дойл

«Фрифинкер»

26 мая 1929 г.

ФОТОГРАФИЯ В НАЙРОБИ

Сэр! Мне очень жаль снова беспокоить Вас по данному поводу, но ведь именно Вы подняли этот вопрос, а господин Пальмер теперь продолжает свою атаку. Вам обоим должно быть интересно узнать, что фотографию я получил от господина Мэлтона из Ноттингэма. Когда господин Пальмер стал претендовать на неё, будучи в Найроби, я не мог сразу опровергнуть его претензии. Я обратился за разъяснениями к самому господину Мэлтону, и тот заверил меня, что снимок сделан им, что это действительно психофотография, что у него есть негатив и что господин Пальмер совершенно заблуждается. Так что, похоже, я был прав с самого начала.

Артур Конан Дойл

«Морнинг пост»

12 июня 1929 г.

АЭНДОРСКАЯ «ВЕДЬМА»

Сэр! Весьма странно, что столь учёный богослов, как епископ Барнс, говорит о «ведьме» из Аэндора. Такое лицо в Библии не упоминается. Она всегда была «женщиной» из Аэндора.¹ Оскорбительное наименование вынесено в подзаголовок, и это отражает полнейшее неведение психических материй, столь характерное некогда для представителей высшего духовенства, делавших этот перевод, и не исчезнувшее полностью среди их преемников и поныне.

Лично я никогда не усматривал ничего дурного в том эпизоде, когда Саул советуется с провидицей. Эта женщина была, как сказали бы мы, ясновидящей, поскольку она описывала царю то, что видела. Как медиум, она прежде

¹ Речь идёт соответственно об английском переводе Библии. В русском синодальном переводе этот персонаж именуется не «ведьмой» и не «женщиной», но «волшебницей», хотя в действительности это обычный ясновидящий медиум или, говоря более современно, экстрасенс, вроде знаменитой Ванги. (И. Р.)

всего заручилась для себя обещанием неприкосновенности, поскольку законы Израиля в отношении спиритического общения были столь же варварскими, каковы они сегодня в Англии. Она являлась, таким образом, средством получения прямого послания от Бога, вместе с пророчеством, полностью осуществившимся. Что может быть предосудительного в таком посредничестве?

Епископ Барнс говорит о сильном влиянии материалистической мысли, выступающей против чудес. Но он не говорит ничего об очень значительном и всё усиливающемся меньшинстве, понимающем, что есть действительные психические законы, производящие следствия, которые могли показаться взирающим на них чудесами, хотя на самом деле происходило лишь то, что более высокий закон временно приостанавливал действие закона более низкого, наподобие того, как полёт стальной иглы к находящемуся над ней магниту противоречит принципу земного тяготения. Поразительно, что все вполне удостоверенные достижения современных психических исследований совершенно неведомы доктору Барнсу и школе, которую он представляет. Эта школа, думается мне, уже прошла свой зенит и клонится теперь к закату.

Артур Конан Дойл

«Морнинг пост»

17 июня 1929 г

АЭНДОРСКАЯ «ВЕДЬМА»

Сударь! Письмо архидиакона Честерского явно не отрицает, но поддерживает моё утверждение о том, что бранное слово «ведьма» не встречается в тексте Библии, но помещено в название главы, дабы потакать известной слабости Иакова I. Поскольку медиум выступает здесь как посланец Божий, то трудно понять, отчего весь этот эпизод всегда приводится как нечто достойное осуждения.

Артур Конан Дойл

«Оккалт ревю»

Декабрь 1929 г

СКАНДАЛЫ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ

Сэр! Я рад заверению господина Томаса Фостера о том, что истории о беглых монахинях и случайных скандалах в женских монастырях «ничем не подтвердились». Никто,

надо полагать, не желает уравновесить ложные обвинения против Спиритизма столь же ложными обвинениями в адрес наших критиков. Но если дела действительно обстоят так, как говорит господин Фостер, то к чему тогда эти стены, подобные тюремным, и откуда печальные истории о тех, кто за них выбрался, и, самое главное, зачем тогда это решительное противодействие инспекции? Я убеждён, что положение Римской церкви сильно ухудшится, если подобные вещи станут доступны публичному расследованию, и что всё это сильно затрагивает её действительные интересы.

*С совершенным почтением,
Артур Конан Дойл*

«Джорнэл оф Сосайети фор сайикл ризёрч»

Март 1930 г.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Леди и джентльмены!

Недавно (22 января сего года) я отослал следующее письмо господину Председателю Совета О П И:

«Милостивый Государь!

В январском номере журнала я только что прочел статью господина Бестермена о медиумических сеансах в Миллезимо. Я расцениваю её как набор искажений и оскорбительных инсинуаций, порочащих доброе имя Общества. Тон оскорбительного высокомерия, с которым отодвигается в сторону авторитетное мнение такого человека, как профессор Боццано, присутствовавший на этом сеансе, мнение, которое с презрением трактуется человеком, там не присутствовавшим и имеющим ничтожный опыт в психических исследованиях, заставляет стыдиться, что подобная чушь могла быть опубликована должностным лицом Общества, заслужившего репутацию научного.

Чтобы оценить всю нелепость, равно как и ничем не вызванную оскорбительность альтернативной теории мошенничества, выдвинутой мистером Бестерменом, нам необходимо ясно видеть, что именно подразумевает эта теория. Она подразумевает, что итальянский дворянин из старинного рода, член законодательного органа страны, пригласил в свой дом друзей, чтобы на них поупражняться в хитроумном надувательстве. Его личная причастность доказывается тем фактом, что левитация его собственного тела и другие явления, произведённые им, принадлежат к

числу наиболее ясно зарегистрированных. Собрав гостей, он заставил звучать в комнате голоса своих покойных родственников и других людей. Одна дама, состоявшая, по видимости, с ним в сговоре, спрятала под короткой современной юбкой длинную средневековую рапиру, шпагу матадора, большую куклу и другие предметы, оказавшиеся таким образом совершенно недоступными критическому взору общества. Она или какой иной соучастник этого розыгрыша якобы произвели большой шарообразный предмет, повисший над собравшимися, и неизвестно каким образом поднимала порывы ледяного ветра. Эти и многие другие чудеса были проделаны столь успешно, что результаты данного сеанса обманули всех присутствовавших, включая сюда почему-то и самого профессора Боццано, так что он даже ручается своей научной репутацией, отстаивая истинность увиденных явлений. Такую именно картину нам предлагает принять бестерменовская теория обмана. При этом не даётся никаких объяснений касательно того, с помощью какого предмета или какой методики оказалось возможным устроить весь этот розыгрыш. Можем ли мы подобную чепуху удостоить имени «психического исследования», и не есть ли она предел пустого упрямства?

Ещё один пример предубеждения можно найти на стр. 15 того же номера при упоминании имён уже настоящих исследователей, господ Дэнниса Брэдли и Джорджа Валентайна в Берлине. Бросается в глаза, что суждения противников Спиритизма сразу же принимаются на веру без малейшей попытки их тщательно проверить.

Я долго ждал, надеясь, что традиции тупого отрицания в духе господ Подмора, Дингуолла и Бестермена отомрут сами собой. Но поскольку нет никаких признаков этого, а одержимость, как кажется, всё более заявляет о себе, то единственный для меня выход в создавшемся положении — это прекратить моё членство в Обществе после 36 лет терпеливого пребывания в его рядах и тем выразить своё публичное несогласие с крайне ненаучной и предвзятой деятельностью этого Общества, которое на протяжении целого поколения не проделало никакой конструктивной работы, но зато направило свои силы на создание помех тем, кто действительно все эти годы работал над самой важной проблемой, когда-либо встававшей перед человечеством, и на то, чтобы исказить результаты этой их работы.

С совершенным почтением
Артур Конан Дойл.»

Те из нас, кто сознает чрезвычайную важность движения, называемого «спиритизмом» или «спиритуализмом», или даже те, кто просто желает видеть честную игру при разборе этого предмета, должны наконец понять, что Общество, изначально предназначенное относиться сочувственно и честно к изучению проблемы, по сути дела превратилось в откровенно антиспиритуалистическую организацию. Всё, что способствует доказательству истинности этого вероисповедания, как бы ни был здрав и достоин уважения источник данных доказательств, подвергается резким нападкам, подавляется, систематически искажается и вызывает противодействие самого безрассудного и порочного толка.

Для поколения, жившего со времени смерти Мейерса и окончания сеансов миссис Пайпер, Общество не проделало никакой сколько-нибудь важной работы и сосредоточило свои силы единственно на создании препятствий тем, кто действительно занят настоящими психическими исследованиями, а также на умалении их заслуг. Последняя статья господина Бестермена, может быть, и незначительна сама по себе, но она звено в длинной цепи предубеждений, исходящих и по сей день от господ Подмора, Дингуолла и мадам Сиджвик (!). Мне представляется необходимым положить этому конец и выяснить, до коих ещё пор Общество должно пребывать в руках этой главенствующей кучки реакционеров, или же они действительно выражают мнение его членов? Нежелательно, чтобы Общество потеряло свою независимость или стало органом Спиритического движения, но всё же вполне естественно ожидать, чтобы к предметам, заслуживающим огромного внимания в силу их чрезвычайной важности, оно не относилось безответственно и легкомысленно, как было это до сих пор, когда у комментаторов вошло в привычку снова и снова глумиться над явлениями, свидетелями каковым им не довелось быть, всё вновь игнорируя полнейшую очевидность того факта, что явления эти действительно имели место.

Я бы попросил тех, кто желал бы по достоинству оценить мною сказанное, прочитать статью господина Бестермена в январском номере журнала, а затем уже прочесть взвешенное и исполненное достоинства предисловие профессора Боццано к книге миссис Хэк «Современные психические тайны»¹, где говорится об этих сеансах.

¹ Mrs. Hack, «Modern Psychic Mysteries» (Rider). (И. Р.)

Данный вопрос более важен, чем может показаться на первый взгляд, так как, я подчёркиваю это, сеансы в Миллезимо проведены на высочайшем уровне, возможном для психических исследований как с точки зрения доскональности описания и разнообразия явлений, так и с точки зрения чистоты и безукоризненности работы медиума. Поэтому если они могут быть высмеяны как устаревшие, то и ко всему, что мы ещё сможем произвести, будет точно такое же презрительное отношение. Я с трудом могу поверить, читая критику господина Бестермена, что он действительно ознакомился с самою книгою. Его статья изобилует фактическими ошибками. Он жалуется, что не сообщается, откуда была принесена шпага. Но на стр. 93 можно прочесть: «Оружие лежало на большом столе на третьем этаже дворца. В тридцати ярдах... по прямой». Об аппортах он говорит, будто максимальная длина принесённых предметов составляла лишь два фута (чтобы наметнуть тем, будто они могли быть спрятаны дамой под юбку). Но на стр. 176 есть рисунок копья длиною в шесть футов, а на стр. 208 — растения высотой в четыре с половиной фута — оба предмета были аппортированы. Он жалуется на незнание того, что такое флексатон, а между тем тот изображён на стр. 97. Однако этот небрежный критик использует преимущества своего официального положения, чтобы отвратить читающую публику О П И от этой как нельзя более важной книги.

Я долго ждал в надежде на какую-либо реформу, но сейчас пришёл к выводу, что ожидать её не стоит и что влияние Общества идёт только во зло. Поэтому я отказался от своего членства, и протест был бы тем более действенным, если бы те, кто согласны со мной, последовали моему примеру. Это никак не помешает их психическим исследованиям. В Британском колледже психической науки, Куинз-гейт, 15, находится учреждение, где они смогут участвовать в настоящих, положительных психических исследованиях, с контрольными медиумами, всегда имеющимися под рукой, с хорошей библиотекой, превосходным ежеквартальным журналом и атмосферой прогресса, а не застоя.

Я пишу эти строки из чувства глубокого долга, поскольку на данный момент я являюсь одним из старейших членов О П И. Я тем не менее убеждён, что это Общество уже давно превратилось из помощника в помеху мировой психической науке и что назрела необходимость в сильном протесте.

Должен добавить, что, провозгласив этот протест, я не в состоянии ни вступать в длинные споры или пространную переписку, ни присутствовать на собраниях, поскольку состояние моего здоровья едва ли позволяет мне покидать дом.

*Искренне Ваш,
Артур Конан Дойл,
доктор медицины,
доктор права*

Январь, 1930 г.

P.S. Я бы хотел напомнить членам Общества слова великого пионера английского Спиритизма, сэра Вильяма Баррэта: «Скептицизм, в высокомерии своём отказывающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».

«Морнинг пост»

6 марта 1930 г.

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Милостивый Государь!

Проснувшись ранним утром 3 февраля, я лежал без сна, как вдруг явственно услышал тяжёлые шаги, направившиеся по коридору в сторону моей комнаты. Они были столь же отчётливы, как и шаги дворцового, когда тот приносит мне утреннюю чашку чая. Они замерли возле моей двери, а затем я ясно услышал покашливание, словно кто-то прочищал горло.

Я включил свет и отметил, что было 3.30 утра. Затем я поднялся и пошёл к двери. Я распахнул её, ожидая обнаружить кого-нибудь на пороге. Свет от моей лампы осветил коридор, но там никого не оказалось. Уверившись, что дело обстоит именно таким образом, я вернулся в постель в состоянии некоторого потрясения, поскольку был болен и не расположен к подобным ночным приключениям.

Через четверть часа или около того сердцебиение утихло, и я крепко заснул.

Двумя днями позже моя жена получила письмо от миссис Озборн Леонард (она известный медиум), сообщавшей, что я ни разу в жизни не являлся ей во сне, но в понедельник утром между 3.30 и четырьмя часами утра у неё было чрезвычайно яркое впечатление, будто она навестила меня и действительно меня видела, и более того,

провела со мной какой-то сеанс лечения. «Всё это было настолько реальным, — писала она, — что не может быть отнесено к сновидению.» В своём письме госпожа Леонард предложила приехать к нам в Кроуборо и провести для меня специальный спиритический сеанс, что она и сделала спустя три дня, с честью выполнив своё обещание, для чего ей пришлось совершить тридцатимильную поездку по глубокому снегу.

Сеанс был очень интересен, но это, так сказать, отдельная история. Когда он закончился, я обсудил с миссис Леонард происшедшее утром в понедельник. Я упомянул ей и о покашливании, которое слышал за дверью. Она сказала: «Это, пожалуй, самое странное. У меня редко бывают неприятности с горлом, но в ту ночь всякий раз, как я просыпалась, я ловила себя на том, что кашляю именно так, как Вы описываете. Это было настолько необычно, что отложилось у меня в памяти».

Таковы факты, и они кажутся мне выходящими за рамки простого совпадения, что позволяет увидеть в них довольно явный случай биллокации. Миссис Леонард почивала в Кенли, но её двойник, или эфирное тело, несомненно, посетил меня в Кроуборо.

А. Конан Дойл

«Таймс»

29 марта 1930 г.

ЛОРД БАЛЬФУР

Сэр! В различных некрологах, напечатанных в связи с кончиной лорда Бальфура, я не встретил ни единой ссылки на то, что он проявлял острый интерес к вещам духовным.

Однако ещё в 1894 году он был председателем Общества психических исследований и в своём председательском обращении за тот год продемонстрировал, сколь острым было его понимание спорных проблем. К тому времени у него накопился значительный практический опыт в области медиумизма, ибо господин Кэмпбелл Холмс в своих «Фактах психической науки» (стр. 388) упоминает, что ещё в 1875 году лорд Бальфур изучал явление материализации в серии опытов с медиумами мисс Вуд и мисс Фэйрлэмб, — часть опытов проводилась в его собственном доме.

Он был чрезвычайно осторожен в выражении своих убеждений, и, хотя однажды мы обменялись с ним письма-

ми по этому поводу, я не в состоянии сказать, что он целиком принял теорию общения, выдвигаемую спиритами. Но всё же я вполне уверен, что он не отвергал её полностью. Как доказательство этому я могу привести тот факт, что, когда несколько лет назад его попросили выступить на ежегодной конференции Национального союза спиритуалистов, то он предложение это принял. Это, разумеется, не означает, что он полностью разделял взгляды спиритов, ибо последние всегда стремятся познакомиться со здоровой и разумной критикой инакомыслящих. Ему, однако, не удалось осуществить своё намерение из-за болезни, повлекшей за собой поездку на континентальный курорт.

Думаю, не ошибусь, утверждая, что он обладал собственными несформированными психическими способностями и что он добился некоторых результатов в опытах смотрения через кристалл. Эндрю Ланг упоминает этот факт в одной из своих книг.

*С совершенным почтением,
Артур Конан Дойл*

«Лайт»

5 апреля 1930 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕЛИКИХ ИМЕН

Милостивый Государь!

Вашим читателям может оказаться интересным узнать, что несколько недель назад я получил сообщение, которое, как указывается, исходит от Томаса Харди. Оно поступило через посредство медиума-любителя, с которым прежде мне удалось получить лишь одно-единственное послание, но бывшее как нельзя более достоверным. Поэтому и к посланию Харди я был склонен отнестись серьёзно, тем более что само по себе оно этого заслуживает. На мой взгляд, по части достоверности оно точно так же говорит само за себя, как и послания Оскара Уайльда и Джека Лондона. Харди даёт в нём посмертный обзор своего творчества, некоторые стороны которого он теперь пожелал пересмотреть и изменить. Уровень его критицизма очень высок и справедлив. Затем, как свидетельство своего тождества, он послал стихотворение, которое представляется мне очень значительным. В нём описывается вечер в деревне Дорсетшир. Не приводя его здесь целиком, я дам только второе четверостишие, которое звучит следующим образом:

Full well we know the shadow o'er the green,
When Westering sun reclines behind the trees,
The little hours of evening, when the scene
Is faintly fashioned, fading by degrees.

Третья и четвёртая строки, по моему мнению, отличаются совершенством и изысканностью. Я не знаю, не являются ли они воспоминанием чего-то написанного при жизни. Был бы счастлив услышать, если кто-то узнает их.

Артур Конан Дойл

ВОСПОМИНАНИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ¹

На заре своей юности я провёл целый год в Фельдкирхе, иезуитской школе в австрийской провинции Форарльберг. В эту школу посылали многих немецких юношей благородного происхождения. Покинув Фельдкирх летом 1876 года, я навсегда сохранил добрую память об австрийских иезуитах и их старой школе.

В самом деле, я питаю дружественные чувства к иезуитам, как ни далеко я ушёл с их путей. Мне видны теперь одновременно их недостатки и их достоинства. Во многом они были оклеветаны, но за все время моего постоянного контакта с ними в те ранние годы я не могу припомнить, чтобы они были менее правдивы, нежели прочие их собратья, или более казуистичны, чем их соседи. Насколько я их знал, это были всё проникательные, серьёзные люди с ясным умом, тёмные лошадки в их среде были редкостью, настолько тщательно и долго длился процесс подбора в члены ордена. Во всяком случае, во всём, помимо своей теологии, они были достойны восхищения, ибо именно эта теология придавала им непреклонный и бесчеловечный облик, что впрочем является наиболее общим проявлением католицизма в его самых крайних формах. Примкнувший к ним потерял для семьи. Их жёсткий, узкий взгляд на вещи сообщает иезуитам непреодолимую, властную силу, что характерно также для пуритан² и всех жёстких, узких вероучений. Они преданы своему делу и не знают страха; и были снова и снова, в ущерб самим себе,

¹ Фрагменты из книги «Воспоминания и приключения» (A. Conan Doyle, «Memories and Adventures», Boston, 1924, Little, Brown & Co. (И. Р.)

² И православных раскольников (И. Р.)

авангардом цивилизации как в Канаде и Южной Америке, так и в Китае. Они старая гвардия римской церкви. Но их трагедия в том, что они, готовые радостно отдать свои жизни за старую веру, в действительности помогли её разрушить, ибо именно они, по утверждению отца Тирраля и модернистов, стояли за всеми теми крайностными доктринами о папской непогрешимости и непорочном зачатии с общей всесжимающей догмой, что и сделало для всякого человека с научным стремлением к истине или просто с интеллектуальным уважением к себе дальнейшее пребывание в лоне Церкви крайне затруднительным. В течение нескольких лет сэр Чарльз Майварт, последний учёный, не порвавший с католицизмом, пытался сделать невозможное, но и он в конце концов оказался вынужден выйти из католической церкви, так что теперь, насколько я знаю, нет ни одного человека, пользующегося сколько-нибудь значительной славой в науке или в мышлении, который бы исповедовал католичество. Всё это «дело рук» экстремистов, о чём теперь скорбят и многие из умеренных сторонников католической веры и что горячо осуждают модернисты. Это зависит также и от внутриитальянского директората, отдающего приказы. Ничто не может сравниться с бескомпромиссным фанатизмом иезуитской теологии или их видимым игнорированием того, насколько они шокируют современное сознание. Я вспоминаю, что когда ещё подростком услышал заявление отца Мэрфи, крупнейшего и неистового ирландского священника, о том, что определённо обречён на вечные муки всякий находящийся вне Церкви, то я смотрел на него с ужасом, и именно в этот миг возникла первая трещина, разросшаяся в такую пропасть, разделяющую ныне меня и тех, кто были моими наставниками.

Всё это подводит меня к разговору о моём собственном духовном развитии, если можно всё это так назвать, в течение тех лет постоянной борьбы. В своём рассказе об иезуитах я уже показал, насколько, даже когда я был ребёнком, всё самое здоровое и великодушное в моей натуре восставало против узкой теологии и немилосердного, нетерпимого взгляда на другие мировые религии. В католической вере усомниться хоть в чем-либо — значит усомниться во всём, поскольку здесь, как нигде, истинна аксиома, гласящая, что сомнение есть смертный грех, и когда непрощенно и непримиримо оно пришло к вам, то всё расшатывается в вашем мировоззрении и вы смотрите на всю восхитительную и взаимосвязанную схему, которой ранее

руководствовались в жизни, другими и более критичными глазами. Если посмотреть на католичество таким взглядом, то в нём всё же обнаруживается много привлекательного: его традиции, его нерушимый и торжественный ритуал, красота и правда многих его обрядов, его поэтический призыв к человеческим эмоциям, чувственное очарование музыки, света и фимиама, его сила как инструмента закона и порядка. Для водительства недумующего и необразованного мира католичество едва ли может быть превзойдено, как то было доказано в Парагвае и в прежней Ирландии, где, помимо земельных бунтов, преступление было едва известно. Всё это я прекрасно видел, но если мне будет позволено назвать характеристическую черту моей жизни, то она заключалась в том, что я никогда не кривил душой и не шёл на компромисс в религиозных вопросах, что я всегда очень серьёзно их взвешивал и что во мне было нечто такое, что делало для меня абсолютно невозможным, даже когда были затронуты мои жизненные интересы, сказать по данному поводу что-то иное, помимо того, что я где-то в глубине себя считал действительно правильным. Судя об этом по всему тому новому знанию, которое приходило ко мне одновременно и через чтение и через мои практические занятия, я нашёл, что основания не только католичества, но и всей христианской веры, в том виде, в каком их представляла мне теология в XIX веке, были столь слабы, столь шатки, что мой ум отказывался строить на них что бы то ни было.

Следует напомнить, что это были годы, когда Гексли, Тиндаль, Дарвин, Герберт Спенсер и Джон Стюарт Милль были нашими главными философами и кумирами, и что даже человек с улицы ощущал сильный и стремительный ток их мысли, тогда как для молодого студента, горячего и впечатлительного, влечение к ним было попросту непреодолимо. Я знаю теперь, что их негативное мышление было даже более ошибочно и гораздо более опасно, чем те позитивные позиции, которые они атаковали со столь разрушительным критицизмом. Бездна разверзлась между нами и нашими отцами так внезапно и настолько необратимо, что когда Гладстон что-то написал в защиту притчи о гадаринских свиньях или о шести днях творения, то даже самые молодые студенты буквально хихикали над его аргументами и не было нужды в Гексли, чтобы опровергнуть их.

Теперь я очень ясно вижу, сколь прискорбно то, что цитирование явных нелепостей из Писания продолжалось даже без всякой объяснительной сноски, которая могла

бы как-то смягчить их в священном тексте, потому что по следствием этого было то, что даже бывшее в нём действительно святым также оказывалось отброшенным в сплошном отрицании, ведь человека нетрудно убедить, что ложное в каких-то своих частях не может и во всех своих остальных составляющих содержать истины. У истинной религии нет врагов худших, чем те, кто выступает против всякого пересмотра и отбора в той странной массе истинно прекрасного и весьма сомнительного материала, который без всякого толка перемешан в одном-единственном томе, как если бы все эти вещи действительно обладали равной ценностью. Том сей — не золотой слиток, но золото в глине, и если это всё-таки понято, то серьёзный исследователь не отложит этот том в сторону, если наткнётся в нем на глину, но будет тем больше ценить в нём золото, что он сам отделит его от глины.¹

Мой ум, таким образом, отделился сразу от всего христианства, а не только от католицизма, что и привело меня к агностицизму, который, правда, ни на минуту не вырожда лся в атеизм, поскольку у меня было слишком острое восприятие восхитительного порядка и равновесия, царя щих в мире, и того, сколь потрясающе огромна должна быть сила, необходимая для их создания и поддержания. Я был почитителен в своих сомнениях и никогда не переставал размышлять над этой темой, но чем более я размышлял, тем более утверждался в своём нонконформизме. В более широком смысле я был унитарием, за исключени ем лишь того, что я взирал на Библию с гораздо большим критицизмом, нежели тот, который обычно демонстриру ют унитарии. Эта отрицательная позиция была настолько тверда, что представлялась мне конечной целью, к которой я ранее стремился. Однако позднее выяснилось, что она была всего лишь распутием на моей жизненной дороге,

¹ Нелишне, думается нам, процитировать здесь и мнение Зейме, который говорит о Библии следующее: «Покуда чистейшим источником божественной истины и святейшей нормы совершеннейшей морали будет признаваться книга, коей содержание темно и противоречиво, редко соотносится с реальной жизнью и полно нравственных несообразностей, книга, коей действительное и общеупотребительное благо покоится на непрочных основаниях сурового теософического энтузиазма, до тех пор подлинная и благотворная просвещённость не сможет укорениться ни в церкви, ни в государстве. Я сам знаю сейчас многих, чей и без того невеликий ум оказался безвозвратно погублен пророческой теологией. Нет ничего легче и обыкновенное того превращения, которое совершается с кардиналом и делает его атеистом. И как показывает история, одно с другим прекрасно уживается.» (Й. Р.)

распутьем, на котором мне было предназначено свернуть со старой, истоптанной тропы на иную, совершенно новую. Каждый материалист, как я теперь могу ясно видеть, являет собой случай остановки духовного роста. Он очистил себе место от своих старых развалин, но ещё не начал строить на нем того, что сможет со временем дать ему приют. Что же касается до психического знания, то мои представления о нем основывались только на изложении отчётов полицейских участков и, как правило, нелепых и злонамеренных заявлениях в печати. Годы должны были пройти, прежде чем я понял, что именно в этом направлении могут быть найдены положительные доказательства, которые, как я постоянно твердил самому себе, были единственными условиями и теми необходимыми критериями, на основе которых я смог бы строить свои отношения с невидимым. Я должен был иметь вполне определённые доказательства, ибо если бы это опять оказывалось делом веры, то я с тем же успехом мог бы вернуться и к вере своих отцов. «Я никогда не приму того, что не может быть мне доказано. Всё зло, принесённое религией, произошло оттого, что люди приняли на веру вещи, которые не могли быть им доказаны». Так я сказал себе тогда, и я остался верен своему решению.

Первые семена тех психических исследований, которые были призваны революционизировать мои взгляды и в конце концов сосредоточить на себе все мои жизненные силы, были посажены мною в годы, последовавшие за моей женитьбой, когда я жил на Южных морях. В те годы я питал обыкновенное для молодого образованного человека презрение ко всему предмету, обозначаемому неуклюжим словом «спиритуализм». Я читал о медиумах, которые сознавались в совершённом ими мошенничестве; я слышал о явлениях, которые противоречили всем твердо установленным научным законам, и искренно жалел славных и серьёзных людей, которых их простота и доверчивость заставляли в фиктивных событиях видеть знаки проявления потустороннего ума. Поскольку в самые восприимчивые годы я воспитывался в школе медицинского материализма и впитал в себя негативные взгляды своих великих учителей, то в моей голове попросту не оставалось места для теорий, которые выступали как раз против каждого из окончательных выводов, составившихся у меня в результате такого образования. Я был неправ, и мои великие учителя были неправы, но я всё ещё считаю, что

их работа оказалась полезной и что их викторианский агностицизм отвечал интересам человеческой расы, ибо он поколебал старую бронированную позицию нерассуждающего евангелизма, которая до их прихода была столь всеобща. Всякому новому строителю необходимо расчистить место. Существовало два различных викторианских движения за перемены: одно было попыткой улучшить старое здание и сделать его достаточно прочным, дабы оно стояло и далее; другое выступало за снос всех руин и возведение на их месте новых построек. Моя позиция, как я показал, была вежливым материализмом, который целиком соглашался с необходимостью некоего великого общего разумного дела, но не был способен ни увидеть, в чём это дело состояло, ни понять, почему оно должно было столь таинственным и ужасным образом приводить свои замыслы в исполнение.

С моей точки зрения, ум (и насколько я мог видеть, душа, как общий эффект наследственного и личностного механизма ума) был эманацией мозга, и природа его была сугубо физической. Как медику, мне было видно, что обломок кости или опухоль, оказывая давление на мозг, производили то, что казалось изменением, происходящим в душе. Я видел также, что наркотики и алкоголь могут легко сделать порядочного человека порочным. Поэтому физиологические доводы выглядели наиболее убедительно. Мне не приходило в голову, что всё это можно было объяснить совершенно противоположным образом и что высшие способности могут проявляться через несовершенный физиологический инструмент лишь так же несовершенно. Разбитая скрипка не издаст ни звука, но сам скрипач от того не меняется.

Первое, что нарушило мою уверенность и заставило меня пересмотреть свою позицию, была проблема телепатии, которая обсуждалась уже Вильямом Баррэтом и другими, ещё прежде появления монументальной работы Мейерса «Человеческая личность» — первой книги, которая дала психическому предмету серьёзное и глубокое толкование и укрепила тем умственные силы, которые его изучение требует. Она достойна, на мой взгляд, занять почётное место в мировой литературе рядом с «Новым Органоном», «Происхождением человека» или какой иной великой книгой фундаментального толка, открывшей новую эпоху в человеческой мысли. Ознакомившись с основными доводами, я начал экспериментировать с передачей мысли.

Я нашёл собрата-единомышленника в лице господина Болла, известного в городе архитектора. Множество раз, сидя позади него, я чертил графики, тогда как он, со своей стороны, чертил почти то же самое; так я констатировал, что, без сомнения, могу передавать свою мысль без посредства слов.

Но если я смог удостовериться в этих выводах на расстоянии шести футов, то я не мог усомниться теперь и в том, что те же результаты могут быть получены и при значительном увеличении этого расстояния. С соответствующим субъектом и при наличии между двумя индивидами некоторой неопределённой симпатии расстояние оказывается не играющим особой роли. Таковы, по-видимому, были факты. Для меня всегда высшим авторитетом оставалась наука и необходимость бесстрашно следовать за истиной, куда бы она ни повела. Поэтому мне стало отныне ясно, что моя позиция была слишком жёсткой. Я уподоблял выделение мысли мозгом выделению жёлчи печенью. Ясное дело, что теперь это никуда не годилось. Если мысль могла переноситься на тысячи миль и производить заметные влияния, то, значит, она целиком отличалась от любого чисто физического материала не только по степени, но и по качеству. Это представлялось мне отныне твёрдо установленным и повлекло за собой соответствующие изменения в моих старых взглядах.

Где-то к этому времени (1886 г.) семья одного генерала, моего пациента, заинтересовалась столоверчением и попросила меня прийти проверить их результаты. Они сидели кругом обеденного стола, который через какое-то время (их руки при этом лежали на нём) начал качаться и наконец получил достаточный размах, чтобы стукнуть одной из ножек по полу. Затем они задавали вопросы и получали ответы более или менее умные и уместные. Ответы эти получались довольно утомительным способом называния букв алфавита и записывания той из них, при произнесении которой стол стукнул ногой. Мне казалось, что мы все вместе толкаем стол и что соединённые усилия нашей воли направлены на то, чтобы опустить ножку в подходящий момент. Всё это меня заинтересовало, но несколько не поколебало моего скептицизма. Некоторые из полученных сообщений не были пустыми банальностями, но были вполне определёнными и исходили от умерших друзей семьи, что, естественно, производило на них весьма большое впечатление, хотя действие всего этого на меня было не совсем таким, поскольку я не знал тех, от лица кого они исходили. Когда я сейчас пишу, эти старые записки лежат передо мной. «Не говорите девочкам, когда увидите

с ними, они сами заговорят с вами обо мне. Поцелуйте мою малышку за меня. Я всё время рядом с ней. Фрэнси». Таков был стиль этих сообщений, перемешанных с немалой долей банальностей. Мы провели порядка двадцати подобных встреч, и я всё время оставался весьма критически настроен по отношению ко всей этой процедуре.

Тем не менее для меня возникла проблема, которую нужно было решать, и я занялся её разрешением, читая все мнения «за» и «против» и спрашивая совета у тех, кто обладал здесь опытом, в особенности у генерала Дрейсона, весьма выдающегося мыслителя и первопроходца в области психического знания, который в то время также жил на Южных морях. Поначалу я узнал Дрейсона как астронома, поскольку он разработал довольно революционную идею, согласно которой в наших нынешних представлениях касательно круга, описываемого в небе продолженной осью Земли, наличествует фатальная ошибка. На самом деле круг этот должен быть значительно шире и описывается вокруг иного центра — такая коррекция позволила бы нам объяснить некоторые вещи, сейчас необъяснимые, и сделала бы астрономию более точной наукой, с соответственно очень важными последствиями для геологии и определения периодичности эпох оледенения, точную дату которых стало бы возможно определить. Его взгляды произвели на меня в то время сильное впечатление, и после его смерти появилось несколько книг, поддерживающих его точку зрения, в частности «Дрейсониана» адмирала де Орси. Если Дрейсон здесь прав — а я думаю, что он прав, — то имя его войдёт в историю. Его мнение по любому поводу заслуживает внимания, и когда он рассказал мне, каковы были его взгляды и эксперименты в области спиритуализма, то это также не преминуло произвести на меня впечатление, хотя тогда моя материалистическая философия стояла на слишком прочных основаниях для того, чтобы оказаться поколебленной. Я был слишком беден, чтобы прибегнуть к услугам профессиональных медиумов, а работать над этим предметом без медиума — всё равно что заниматься астрономией без телескопа. Лишь однажды некий пожилой человек, известный своей психической силой, согласился прийти за довольно скромный гонорар и провести с нами сеанс. Он погрузился в транс, сопровождавшийся громким дыханием, что сильно встревожило его аудиторию, а затем провёл соответствующий тест с каждым из нас. Слова, обращённые ко мне, были действительно весьма примечательны: «Не читайте книгу Ли Хан-

та». Я как раз колебался в то время, стоит ли мне читать его «Комических драматургов периода Реставрации», поскольку, с одной стороны, тема меня интересовала, а с другой, трактовка её отталкивала. Это было очень тонкое и убедительное свидетельство касательно того, как далеко может зайти телепатия, но я не вполне допускал, что это может быть нечто большее. Я, однако, был под столь сильным впечатлением, что написал отчёт об этом в «Лайт», еженедельную психическую газету, и тем самым публично отметил в 1887 году как исследователь этих материй. Это было тридцать семь лет назад, так что я как исследователь уже успел порядком состариться. Начиная с того времени, я много читал и размышлял по этому поводу, хотя лишь в последней фазе жизни я осознал, к чему всё это, собственно, клонилось. На этом вопросе я намерен особо остановиться в последней главе книги, так чтобы те, кого это мало интересует, могли знакомства с ним избежать.¹

На пару лет я прельстился и глубоко заинтересовался теософией, поскольку Спиритизм, во всём, что касалось философии, представлялся в то время полнейшим хаосом, тогда как теософия являла собой очень хорошо продуманную и рациональную систему, отдельные понятия которой, в частности реинкарнация и карма, по видимости, предлагали объяснение некоторым аномалиям жизни.² Я прочитал «Оккультный мир» Синнэта, а впоследствии даже с ещё большим восхищением я прочёл его тонкое изложение теософии в «Эзотерическом буддизме», книге исключительно примечательной. Я также познакомился с ним самим, поскольку он оказался старым другом генерала Дрейсона, и разговор с ним произвёл на меня сильное впечатление. Однако вскоре после этого появился отчёт д-ра Ходсона по поводу его расследования методов и приёмов госпожи Блаватской в Адьяре, что сильно и подорвало моё

¹ См. ниже «Психические изыскания». (Й. Р.)

² Здесь необходимо небольшое уточнение. В действительности понятия о карме и реинкарнации были присущи не теософии, а индуизму, буддизму и Спиритизму, откуда они уже после, если быть хронологически точными, перекочевали в теософию. Далее, вызывает недоумение утверждение нашего уважаемого автора, будто «Спиритизм во всём, что касалось философии, представлялся в то время полнейшим хаосом». Это ни в коей мере не так. Уже давным-давно были написаны книги Аллана Кардека, и благодаря только им одним, Спиритизм стал стройной и продуманной, рациональной системой философии, с которой до сего дня не может сравниться никакая другая. (Й. Р.)

доверие. Правда, миссис Безант опубликовала с тех пор сильную защиту, где она стремится доказать, что Ходсон, должно быть, обманулся, но последующая книга «Жрица Изиды», в которой содержатся многие из подлинных писем госпожи Блаватской, оставляет весьма неприятное впечатление, и посмертная работа Синнэта, как кажется, показывает, что он также утратил доверие. С другой стороны, полковник Олькотт свидетельствует, что эта женщина, несомненно, обладала реальными психическими силами, каков бы ни был их источник. Что же касается Спиритизма, то он, видимо, интересовал её лишь в своём низшем, феноменальном аспекте.¹ Её книги демонстрируют чрезвычайную эрудицию и способность к упорной работе, даже если они и представляют собой, как то часто у неё случается, всего лишь передачу выводов и заключений, сделанных другими людьми. Однако было бы несправедливым отказываться от старой мудрости только из-за того, что она оказалась введена этой чрезвычайной и вулканической личностью. В нашей оккультной школе также было много бесчестных медиумов, но мы старались разоблачать их там, где могли, и теософия сможет усилить свои позиции, если она и вовсе избавится от мадам Блаватской.² Во всяком случае, всё это никак не могло удовлетворить моим запросам, потому что я требую строгих доказательств, и если бы я оказался вынужден вернуться назад к безвопросной вере, то я очутился бы в той самой овчарне, из которой когда-то ушёл.

В начале 90-х годов жизнь моя проходила столь деятельно, я был настолько занят, что у меня не оставалось времени, которое бы я мог посвятить своему религиозному

¹ Совершенная правда. Госпожа Блаватская и её «махатмы» по сути дела знать не знают философии Спиритизма в лице Аллана Кардека и его школы, а потому ни слова и не говорят о ней, чем и объясняется вся их критика в адрес Спиритизма, а также и критика со стороны их последователей (Рерихи и все иные). Теософы, рассуждая о Спиритизме, говорят всего лишь о спиритическом дилетантизме, который, спору нет, был действительно вредоносен. Но таковой дилетантизм имелся и имеется и среди теософов, причём последствия его также никоим образом нельзя приветствовать. Вообще же, вопрос о взаимоотношениях Спиритизма и теософии весьма сложен и заслуживает совершенно особого рассмотрения. (И. Р.)

² Эта резкая критика со стороны Конан Дойля в адрес госпожи Блаватской объясняется тем, что он, в отличие от рьяных поборников Е. П. Б. и мадам Рерих, был хорошо знаком с предметом и ничего не желал принимать на веру; как и всякий серьёзный исследователь, изучая оккультизм, он не поддавался массовому психозу и моде, а проявлял здоровый и умеренный скептицизм. (И. Р.)

развитию. Но мысли мои всё продолжали вращаться вокруг психических материй, и именно в это время я и вступил в Общество психических исследований, одним из старейших членов которого я ныне являюсь. Я провёл мало собственных психических экспериментов, а моя материалистическая философия в ту пору была настолько сильна, что разломать её было бы делом нелёгким. Но поскольку я из года в год читал восхитительную литературу психической науки и опытов, то меня всё более и более впечатляла сила спиритуалистической позиции, равно как и легковесность, а также нехватка достоинства и точных знаний, характеризовавшие высказывания и поведение её оппонентов. Религиозная сторона предмета ещё не пришла мне в голову. Я всё более и более чувствовал, что ручательство в реальности этих явлений со стороны таких людей, как сэр Вильям Крукс, Баррэт, Рассел Уоллес, Виктор Гюго и Цёльнер, является столь сильным аргументом, что мне нечего было возразить на представленные ими точные записи проделанных ими наблюдений и опытов. «Хотя это неправдоподобно, но это правда», — сказал Крукс, и афоризм этот довольно точно выражал тогда мои нарождающиеся убеждения.¹ Еженедельно я получал и соответствующий импульс от психической газеты «Лайт», которая, как я считаю, в течение всей своей долгой карьеры и вплоть до сего дня являла столько ума на квадратный дюйм страницы, как никакая другая газета, издаваемая в Великобритании.

Припоминаю, как в годы, предшествовавшие мировой войне, я принял участие в ряде сеансов, которые проводил в своём просторном кабинете в северной части Лондона один почтенный джентльмен. Медиумами были Сэсил Хаск и Крэддок. Сеансы эти произвели очень смешанное впечатление на мой ум, поскольку в некоторых случаях я был полон сомнений, тогда как в других подлинность результатов представлялась мне совершенно неоспоримой. Возможность того, что настоящий медиум может быть весьма нещепетилен и что, когда эти уклончивые силы не оказывают своего действия, он может имитировать их, является обстоятельством, в высшей степени усложняющим весь предмет, поэтому при изучении его следует сосредоточиваться только на том, в чём вполне уверен, и стараться извлечь из него соответствующие выводы. Помню, что

¹ Правда несколько и не нуждается в правдоподобии. Правдоподобие как раз совершенно необходимо для лжи, а правда вполне может им пренебречь. (Й. Р.)

тогда при тусклом свете красной лампы по комнате расхаживало много призраков, как бы завернутых в простыни, и что некоторые из них подходили близко ко мне, на расстояние до фута от моих глаз, черты их лиц при этом освещались снизу светом, идущим от фосфоресцирующей пластины. Таким образом предстал передо мной и великолепный араб, которого медиум назвал Абдуллой. Лицом он походил на идеализированного У. Дж. Грейса — смуглый, чернобородый, исполненный достоинства, как-то весьма превышающего человеческое. Я пристально смотрел на это странное существо, его нос находился на расстоянии нескольких дюймов от моих глаз, и у меня возникла мысль, не является ли это лицо всего лишь частью какого-нибудь ловко сработанного воскового бюста, — как в ту же секунду его рот открылся и оттуда вылетел устрашающий крик. Я чуть не вскочил со стула. Я ясно увидел сверкающие зубы и красный язык. Всё это определённо показывало, что он прочитал мою мысль и избрал такой действенный способ ответить на неё.

ПСИХИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ¹

Я не навязывал психического вопроса своим читателям, хотя важность его в моих глазах всё возрастала, и теперь он достиг для меня такой значимости, что целиком поглощает энергию моей жизни. И поэтому я не могу закончить эти разрозненные воспоминания о своих приключениях в мысли и действии, не сделав хотя бы самого беглого описания того, что было в моей жизни делом как нельзя более важным. Это дело, по отношению к которому каждый предыдущий этап моей жизни, моё постепенное религиозное развитие, мои книги, открывшие мне доступ к публике, моё скромное состояние, позволившее мне посвятить себя не приносящей дохода работе, мои выступления с трибуны, помогающие мне в передаче откровения другим людям, и мои физические силы, которых всё ещё хватает на то, чтобы выдерживать утомительные поездки и в течение полутора часов заполнять своим голосом огромные залы, — всё это, взятое вместе и в отдельности, являлось с моей стороны лишь бессознательной подготовкой к нему. Тридцать лет я, оказывается, готовил себя к исполнению данной роли, сам не подозревая того, во что это выльется.

¹ Заключительная глава из книги «Memories and Adventures». (Й. Р.)

На ограниченном пространстве главы я не могу вдаваться в особые подробности или приводить полную аргументацию по этому предмету. Да в том и нет никакой необходимости с той поры, как в своих книгах, посвящённых психическим исследованиям, я уже вполне ясно показал, как достиг нынешнего своего знания. Из этих книг первая и вторая, называющиеся соответственно «Новое Откровение» и «Жизненно важное Послание», показывают, как у меня постепенно собирались доказательства в пользу продолжения человеческой жизни после смерти нашего физического тела и то, насколько долго и досконально мне пришлось изучать этот вопрос, дабы расстаться со своими взглядами материалиста-агностика и признать весомость свидетельств, поддерживающих эту новую для меня точку зрения.

Во дни вселенской печали и потерь, когда голос Рахили слышался по всей стране, мне стало ясно, что знание, пришедшее ко мне таким образом, было дано отнюдь не для утешения только меня одного, и что Бог поместил меня в очень специфическое положение для того, чтобы я смог передать его другим людям, всему этому миру, который столь остро в нём нуждается.

Я нашёл в спиритическом движении многих людей, которые видели истину так же ясно, как и я. Но истина эта вызвала возмущение среди «верующих», противящихся как раз тому, что является самой сутью живой религии. Она вызвала негодование и среди «учёных», нарушивших первейшую заповедь истинной науки тем, что они высказывались о вещи, которую не подвергли предварительному рассмотрению и анализу, а также шумные протесты со стороны прессы, считавшей всякое действительное или воображаемое мошенничество типической чертой всего движения, которое журналисты никогда не понимали. Поэтому сторонники истины оказывались приведены в замешательство и воздерживались от публичного изложения своих взглядов. И вот, чтобы сломить этот дух застойности и косности, я и начал в 1916 году свою кампанию борьбы за утверждение спиритической истины — борьбы, которая сможет завершиться для меня только тогда, когда уже всё будет завершено.

Великой помощью и поддержкой в этом деле стала мне моя супруга. Поначалу она всячески противилась этим моим психическим изысканиям, полагая, что это предмет страшный и опасный. Но её собственные попытки вскоре убедили её в обратном, ибо её брат, убитый в Монсе, явился к нам самым несомненным и впечатляющим

образом. С этого мига со всей энергией своего великодушного сердца она устремилась в лежащую перед нами работу.

Нежная мать, она часто бывала вынуждена оставлять своих детей; стороннице домашнего уюта, ей приходилось по несколько месяцев бывать вдали от дома; при всём своём недоверии к морю она с радостью делила со мной мои плавания. Мы уже проехали и проплыли с нею добрых 50 000 миль, рассказывая людям о том знании, проводниками которого нам довелось стать. Мы говорили лицом к лицу с четвертью миллиона человек. Её способность найти общий язык с людьми, ясный рассудок, пламенное милосердие и само её милое присутствие на сценах и трибунах, с которых мне приходилось выступать, в соединении с её советами и симпатией были мне такой помощью, что превратили мою в общем-то тяжёлую работу в игру. И то, что наши дорогие дети делили с нами трудности этих путешествий, также вносило свой свет в нашу с ней работу.

Началом наших публичных изложений этого предмета послужили мои переодические лекции, читанные в течение трёх лет на родине. За это время я посетил практически каждый сколько-нибудь значительный город, причём многие из них дважды и трижды. Повсюду я находил внимательную аудиторию, настроенную критически, как оно и должно быть, но открытую убеждению. Я вызывал антагонизм только среди тех, кто не слышал меня, и все протесты высказывались где-то в другом месте, а не в залах, где я выступал. За всё время этой долгой череды выступлений я не могу припомнить того, чтобы меня хоть раз кто-нибудь прервал. Было интересно отмечать, какою я при этом пользовался поддержкой, ибо хотя я зачастую и бывал очень усталым перед выступлением, а читая свои лекции о войне, нередко отмечал у себя сильное сердцебиение, но я ни разу не испытал ни малейшей усталости или какого рода недомогания во время и после лекции на психические темы.

13 августа 1920 года мы отплыли в Австралию. Соразмерно её населению она понесла во время войны столь же тяжёлые потери, как и мы, и я чувствовал, что мои семья упадут на плодородную почву. Все подробности этой поездки описаны мною в «Странствиях спиритуалиста»,¹ где читатель среди прочего найдёт и некоторые доказательства сверхъестественной помощи, сопутствовавшей нам в наших разъездах. Я обращался к огромным аудиториям

¹ A. Conan Doyle, «Wanderings of a Spiritualist». (И. Р.)

во всех крупных городах Австралии и Новой Зеландии. Не ко времени разразившаяся забастовка корабельщиков помешала мне достичь Тасмании, но если б не это, то можно было бы сказать, что наше рискованное предприятие оказалось в исключительной степени успешным. Вопреки ожиданию я смог оплатить все расходы нашей немалой группы (нас было семеро) и оставить после себя такой баланс, который бы помог моему преемнику, коего я должен был выбрать.

В конце марта 1921 года мы вновь вернулись в Париж, где, с большой дерзостью, я читал по-французски лекции на психические темы. Наше пребывание дома после этого оказалось не очень продолжительным, ибо шли настоящие приглашения из Америки, где спиритуалистическое движение впадо в некоторого рода застойное состояние. 1 апреля 1922 года вся наша группа отправилась в Соединённые Штаты. О том, что произошло с нами, я рассказываю в «Нашем американском приключении».¹ Достаточно сказать, что поездка прошла очень успешно и что от Бостона до Вашингтона и от Нью-Йорка до Чикаго я говорил во всех крупных городах и добился значительного возрождения интереса к этому предмету. Мы вернулись в Англию в начале июля 1922 года.

Я, однако, ни в коей мере не был удовлетворён своим путешествием по Америке, поскольку мы не затронули великого Запада, сей страны будущего. Поэтому в марте 1923 года мы снова отправились в путь и вернулись назад в августе. Наши приключения, которые оказались довольно примечательны с психической стороны, описаны в «Нашем втором американском приключении».² После возвращения из этой поездки домой, я проехал уже 55 000 миль за три года и говорил с четвертью миллиона человек. Я всё ещё, однако, не удовлетворён, ибо южные штаты не были затронуты, и возможно, что мы ещё совершим путешествие в этом направлении.

Я сделал подробную запись наших опытов и экспериментов, но они, несомненно, представляют на данный момент мало интереса для широкой публики. Однако придёт день, и, я думаю, довольно скоро, когда люди поймут, что дело, которое мы сейчас отстаиваем, — наиважнейшая вещь за все две тысячи лет в истории мира, и тогда усилия первопроходцев представят действительный интерес

¹ A. Conan Doyle, «Our American Adventure». (Й. Р.)

² A. Conan Doyle, «Our Second American Adventure». (Й. Р.)

для всех тех, у кого достанет ума следовать прогрессу человеческой мысли.

Я лишь один из многих, трудящихся ради этого дела, но я надеюсь, что могу притязать на то, что привнёс в него боевой и наступательный дух, которого ранее ему так не хватало и который теперь настолько приковал к нему внимание публики, что едва ли можно открыть какую-либо газету и не прочитать в ней каких-то комментариев по этому поводу. Хотя некоторые из этих газет безнадежно невежественны и полны предрассудков, это нисколько не вредит делу. Если вы боретесь за неправо дело, то непрестанная гласность сильно вредит вам, но если ваше дело правое, то правота его всегда утвердится сама собой, как бы её ни искажали.

Многие спириты придерживаются той точки зрения, что со времени, как мы узнали все эти утешительные и восхитительные вещи (а мир человеческий предпочитает по-прежнему их игнорировать и не принимает в расчёт наших доказательств), мы имеем право довольствоваться своей собственной счастливой уверенностью. Такая точка зрения представляется мне безразвратной.

Если Бог послал на Землю некое новое великое послание, исполненное огромной радости, то тогда долг для всех нас, кому оно было ясно открыто, передать его людям, каких бы трудов, лишений, времени и денег это нам ни стоило. Откровение это даётся нам не для эгоистического удовольствия, но для общего утешения. Если больной отказывается от врача, то ему нельзя помочь, но ему по крайней мере должно быть предложено лекарство.

Чем труднее снести стену человеческой апатии, невежества и материализма, тем сильнее оказывается вызов, брошенный нашему мужскому началу и побуждающий нас нападать и вновь нападать с тою же настойчивостью бульдога, с какою Фош атаковал немецкие позиции.

Я надеюсь, что описание моей предшествующей жизни, данное на страницах этой книги,¹ убедит читателя в том, что я сохранил в должных пределах здравость и взвешенность суждения, поскольку до сего времени я в своих взглядах никогда не впадал в крайность и поскольку сказанное мною подтверждалось реальным ходом событий. Но я никогда не говорил чего-либо ещё с той же определённой убежденности, с какой говорю вам сейчас: это новое знание очистит и уже очищает землю и революци-

¹ Напоминаем, что речь идёт не о нашей книге, а о «Воспоминаниях и приключениях». (И. Р.)

онизирует человеческие взгляды по всем вопросам, за исключением только основ морали, которые незыблемо покоятся на христианских принципах.

Все современные изобретения и открытия погружаются в незначительность рядом с теми психическими фактами, которые в скором времени будут определять направление развития общечеловеческого интеллекта.

Предмет был затемнён открыванием всевозможных боковых выходов — некоторые из них довольно интересны, хотя и не имеют жизненно важного значения, другие же совершенно к делу не относятся. Есть целый класс исследователей, которые любят блуждать вокруг да около и тянуть других за собой, если те достаточно слабы, чтобы принять такое водительство. Подобного рода исследователи постоянно селятся найти объяснения, выходящие за пределы возможностей их собственного ума, и никогда не могут согласиться с тем, что простое и очевидное объяснение также может оказаться истинным. Всё горе таких исследователей идёт от их ума, ибо они пользуются им для того, чтобы избежать прямого пути и протоптать какую-то странную окольную тропу, в конце концов заводящую их в тупик, и это в то самое время, как прямой и честный ум твердо держится широкой дороги знания.¹ Когда я встречаю людей подобного типа и затем общаюсь со скромными конгрегациями религиозных спиритуалистов, то всегда думаю о словах Христа, в которых он благодарит Бога за то, что тот открыл вещи эти младенцам и сокрыл их от учёных и мудрых, которые себе на уме. Я думаю также об изречении барона Рейхенбаха: «Научный скептицизм может иногда превзойти в глупости даже тупость невежды».

Но то, что я говорю, ни в коей мере не приложимо к разумным исследователям, опыты которых являются настоящими вехами на пути к установленным истинам. Каждый человек должен пройти через ученичество, чтобы достичь знания. Материя здесь слишком серьёзна, чтобы можно было за неё браться без должной интеллектуальной убеждённости.

Не нужно думать, будто я целиком отрицаю существование обмана и подлога. Но они далеко не так часты, как то обыкновенно полагается критиками, а что касается

¹ «Люди часто пользуются своим большим умом, чтобы делать ещё большие глупости». (Ф. Ларошфуко). «У кого много ума, тому надо иметь его ещё больше, чтобы уметь управлять им». (Английская пословица). (Примеч. Й. Р.)

до их всеобщности, которая является теорией выдвигаемой фокусниками и некоторыми другими подобными судьями в этом вопросе, то такое мнение выходит за пределы разума и доказательства. В своих медиумических опытах, которые были превзойдены весьма немногими из ныне здравствующих исследователей и охватили собой три континента, я столкнулся с обманом не более трёх или четырёх раз.

При этом обман может быть сознательным или бессознательным, и именно существование этого последнего сильно усложняет дело. Сознательный обман обыкновенно возникает из временного отсутствия у медиума действительной психической силы и является соответствующей попыткой заместить её имитацией. Бессознательный обман происходит в том любопытном промежуточном состоянии, которое я назвал «полутрансовым состоянием сознания», когда медиум внешне выглядит совершенно нормальным и всё-таки на самом деле уже едва ответствен за свои действия.

В это время, по-видимому, происходит процесс, в ходе которого его личность оставляет своё тело, в результате чего более высокие начала человека в теле оказываются уже отсутствующими, и поэтому медиум не может более противиться побуждениям, получаемым им через внушение от тех, кто его окружает, или от своих собственных неконтролируемых желаний. Таким образом появляются медиумы, делающие явные глупости, что и подводит их под обвинение в мошенничестве. Но если наблюдатель пренебрежет всем этим и будет ждать, то вскоре, по мере того как медиум более глубоко погрузится в транс, последуют подлинные психические явления, в характере которых невозможно ошибиться.

Это, как я думаю, особенно наглядно проявилось на примере Эвзапии Палладино, но я наблюдал подобное и с некоторыми другими. В тех случаях, когда медиум оставлял свой кабинет и оказывался гуляющим среди участников сеанса, как это произошло с миссис Корнер, с мадам д'Эсперанс и с Крэдкоком (все они медиумы, давшие множество доказательств своей порядочности и реальной психической силы), в этих случаях, я убеждён, вполне вроде бы естественное предположение об обмане с их стороны, является, однако, совершенно ошибочным.

Когда, с другой стороны, обнаруживается, что медиум применяет ложную драпировку или какие иные аксессуары, — а такое иногда случается, — то мы оказываемся в присутствии самого отвратительного и святотатственного

преступления, какое только может быть совершено человеческим существом.

Люди спрашивают меня, и это вполне естественно, что, собственно, делает меня настолько уверенным в том, что всё это правда. Мою глубокую уверенность, думаю, доказывает уже сам тот факт, что я оставил привычную работу, приносящую немалый доход, что я надолго уезжаю из дома и подвергаю себя всем родам неудобств, лишений и даже оскорблений, лишь бы довести до сведения людей открывшуюся мне истину.

Чтобы привести все свои резоны по этому поводу, мне пришлось бы написать не главу, а целую книгу, но кратко я могу сказать, что нет такого физического чувства, которым обладает человек и через которое, каждое в отдельности и независимо от других, я не получил бы соответствующего доказательства, и что нельзя вообразить себе такого метода, посредством которого дух мог бы доказать своё присутствие и который бы уже не был многожды опробован мною. В присутствии медиума мисс Безиннэ и нескольких свидетелей я видел свою мать и своего племянника, молодого Оскара Горнинга, так же ясно, как видел их, когда они были живы, настолько ясно, что я почти мог сосчитать морщинки на лице матери и веснушки у племянника.

В темноте лицо моей матери светилось — мирное, счастливое, слегка склонённое набок, с закрытыми глазами. Моя жена, сидевшая справа от меня, и дама, сидевшая слева, обе видели его с той же ясностью, что и я. Эта дама не знала моей матери при жизни, но тем не менее она сказала: «Как удивительно она похожа на своего сына», что свидетельствует о том, насколько чётко были видны подробности черт лица.

В другой раз ко мне явился мой сын.¹ Шесть человек слышали его разговор со мной и подписали затем протокол этого сеанса. Голос моего сына говорил о вещах, каковые никак не могли быть известны медиуму, который был связан и сидел в кресле, ровно и глубоко дыша. Если свидетельство шестерых человек, пользующихся уважением и хорошей репутацией, не принимается в расчёт, то как ещё может быть удостоверен любой иной человеческий факт?

¹ Об этом см. выше, стр. 484. (Й. Р.)

В следующий раз, при посредстве того же медиума, явился мой брат, генерал Инис Дойл. Он обсуждал с нами состояние здоровья *своей вдовы*.¹ Она была датчанкой, и он хотел, чтобы она обратилась к услугам одного массажиста в Копенгагене. Он назвал его имя. Я навёл справки, и оказалось, что такой человек действительно существует. Откуда, спрашивается, пришло это знание? Кто был тот, столь близко принявший к сердцу состояние здоровья этой леди? Если это был не её покойный муж, то кто же ещё?

Все складно расписанные теории о подсознательном разлетаются во прах перед простым утверждением незримого существа, заявляющего: «Я есмь дух. Я — Инис, твой брат».

Я пожимал материализовавшиеся руки.

Я вёл длинные беседы с прямым голосом.

Я ощущал специфический озonoобразный запах эктоплазмы.

Я слышал пророчества, которые вскоре сбывались.

Я видел образ «умершего», запечатленный на фотографической пластинке, которой не касалась ничья рука, помимо моей.

Я получал через руку моей жены исписанные блокноты, содержавшие информацию, выходившую за пределы её сведений.

Я видел, как по воздуху летают тяжелые предметы, которых не касалась человеческая рука и которые меняли направление движения, покорные воле незримых операторов.

Я видел духов, гуляющих по комнате в полумраке и присоединяющихся к разговору присутствующих.

Я знал женщину, не обладавшую никакой художнической техникой и тем не менее быстро нарисовавшую под водительством духа-художника картину, висящую теперь в моей гостиной и которую немногим из живущих и здравствующих художников удалось бы улучшить.

Я читал книги, которые могли бы исходить только от величайших мыслителей и учёных и которые всё же были написаны необразованными людьми, действовавшими как медиумы незримых умов, столь явно превосходящих их собственный. Я опознал манеру и стиль умершего писателя, которого бы не смог так скопировать ни один пародист, причём строки эти были написаны именно его почерком.

¹ Не правда ли, курьёзное словосочетание? (Й. Р.)

Я слышал пение, находящееся за пределами наших земных возможностей, и я слышал свист, который производился без паузы, необходимой нам для взятия воздуха.

Я видел предметы, бросаемые издалека и попадающие в комнату с запертыми дверями и окнами.

Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него нашлись бы веские причины сомневаться в здравости собственной психики. Почему он должен обращать внимание на болтовню безответственных журналистов или на то, как качают головой не имеющие в этом деле никакого опыта учёные после всех тех доказательств, которые ему удалось собрать самому? В данном вопросе они по сравнению с ним всего лишь дети и должны сидеть у ног его.

Вопрос этот, однако, не таков, чтобы можно было обсуждать его неким отвлечённым и безличным образом, как то имеет место, когда говорят о бэконовской теории или о существовании Атлантиды. Это тема интимная, личная и жизненно важная в высшей степени.

Закрытый ум — это признак, по которому узнаётся душа, прикованная к земле, а это последнее обстоятельство неизбежно означает мрак и страдания в будущем. Если вам известно о надвигающейся опасности — вы можете избежать её. Если же вы ничего не станете делать, то подвергнете себя серьёзному риску. Тут уж потребен некий Иеремия или Савонарола, для того чтоб прокричать это в уши миру. Необходима совершенно новая концепция греха. Конечно, едва ли стоит смотреть сквозь пальцы на сугубо плотские слабости человечества, слабости тела, но они не самая серьёзная часть человеческой порочности, которая ожидает своей расплаты. Гораздо более серьёзными пороками являются закрытость ума, узость кругозора, фанатизм, материализм — словом, грехи не тела, но духа, ибо они действительно постоянны и обрекают человека на пребывание в самых низших слоях и самых низших мирах, пока он не просветится.

Мы знаем это, потому что наши кружки занимаются делом спасения этих бедных душ, возвращающихся к нам, чтобы оплакать свои заблуждения и узнать те истины, которые им следовало выучить ранее, будучи здесь, если бы их умы не оказались в ту пору замкнуты апатией и предрассудками.

Коренная ошибка, которую совершила наука, исследуя данный предмет, состоит в том, что она никогда не заботилась уразуметь тот факт, что не медиум производит спи-

ритические явления. Наука всегда обращалась с ним так, словно бы он был каким-то фокусником, и говорила ему: «Делай то и делай сё», совершенно не понимая того, что *от него* шло весьма мало или вообще ничего, и что всё или почти всё шло *через него*. Я говорю «почти» всё, потому что считаю, что некоторые простые явления, как например стук, могут в каких-то пределах производиться под влиянием воли самого медиума.

Именно этот ложный взгляд науки насторожил скептиков и помешал им понять, что для установления контакта с потусторонними силами абсолютно необходима гармония, которая достигается спокойным и восприимчивым состоянием ума со стороны участников сеанса и созданием непринуждённо естественной атмосферы для медиума.

На самом большом из всех когда-либо состоявшихся сеансов, том, что произошёл в день Пятидесятницы, некий агрессивный скептик настаивал на средствах контроля (своего собственного изобретения) над тем, откуда берутся резкие порывы ветра и языки пламени. «Всё в единодушии», — говорит автор «Деяний апостолов», и это действительно главное условие. Я сидел на сеансах вместе со святыми людьми и тоже чувствовал порывы ветра, видел мерцающие языки пламени и слышал зычный голос, но как могли быть достигнуты подобные результаты там, где не царит гармония?

Это радикальная ошибка, допущенная наукой. Люди хорошо знают, что даже при исполнении самой грубой материальной работы присутствие большого количества металла может нарушить равновесие большой магнитной установки, и тем не менее они не обращают внимания на предостережения тех, кто из опыта знает, что неблагоприятные психические условия могут сорвать психический эксперимент.

Но на самом деле, когда мы говорим о науке в этой связи, происходит попросту смущение мысли. Сам по себе факт, что человек является великим зоологом, как Ланкастер, или великим физиком, вроде Тиндаля и Фарадея, не придаёт его мнению большего веса в этом вопросе, лежащем за пределами его специальности. Есть много безвестных Смитов и Джонсов, которых двадцать лет их практической работы в этой области поставили в гораздо более сильную позицию, нежели та, что занимаема названными нетерпимыми учёными мужами. Что же касается до подлинных лидеров спиритуализма, людей с богатым опытом, огромной эрудицией и глубиной мысли, то именно они являются в данном вопросе настоящими научными

экспертами, имеющими полное право учить весь остальной мир. Человек отнюдь не теряет собственного суждения, когда становится спиритом. Он всё тот же исследователь, каким был и раньше, но теперь он только лучше понимает, что, собственно, он изучает и как следует это изучать.

Сия полемика с самоуверенными и невежественными людьми есть вещь мимолётная и ничего не значащая. Настоящая полемика, которая очень важна, — это та, что ведётся с континентальной школой спиритуализма, изучающей эктоплазму и другие полуматериальные проявления, но у которой не хватило остроты зрения, чтобы увидеть стоящий за всем этим независимый дух. Рише, Шренк-Нотцинг и другие крупные исследователи стоят в этом отношении всё ещё на полпути, и сам Фламмарин не ушёл намного дальше. Шарль Рише на пути допущений дошёл до того, что персональным наблюдением убедился в материализации формы, которая может к тому же ходить, говорить и оставлять после себя муляжи своих рук. Так-то далеко он ушёл. И даже сейчас он всё ещё держится за идею о том, будто эти феномены могут быть всего лишь экстернализацией некоторых скрытых сил человеческого тела и ума.

Такое объяснение представляется мне отчаянной попыткой защитить последнюю траншею одного из стародавних материалистов, который вместе с Брюстером сказал: «Дух — это последнее, что мы согласимся допустить», добавляя в качестве причины сему такой вот довод: «Это сводит на нет работу, проделанную за прошедшие 50 лет». Когда человек всю свою жизнь учил других, что мозг управляет духом, разумеется, трудно самому учиться после этого тому, что дух может действовать самостоятельно от человеческого мозга. Именно их суперматериализм является той настоящей трудностью, с которой мы должны нынче бороться.

И чем всё это кончится?

Не имею ни малейшего понятия. Как бы могли те, кто первыми заметили сокращение мышц под действием электрического тока, предвидеть создание трансатлантического кабеля или дуговой лампы? Все наши сведения говорят нам только о том, что некое великое потрясение в скором времени ожидает человеческую расу, оно в конце концов и стряхнёт с неё апатию и будет сопровождаться при этом такими психическими знаками, что тем, кто будет жить дальше, окажется невозможным отрицать более истины, которые мы проповедуем.

Подлинное значение нашего движения станет тогда зримо, ибо обнаружится, что мы приучили общественный ум к таким идеям и дали вполне определённое учение, одновременно научное и религиозное, к которому люди смогут обратиться за водительством.

Что касается до пророчеств, предрекающих человечеству в ближайшее время несчастья, то я допускаю, что нам следует быть начеку. Но даже люди, бывшие в окружении Христа, самым прискорбным образом обманулись и доверительно заявляли, что мир не переживёт их собственного поколения. Самые разные религии также делали напрасные предсказания конца света.

Я остро осознаю всё это, так же как и трудность, связанную с исчислением времени при взгляде на нас из мира потустороннего. Но, сделав все возможные для этого допущения, следует признать, что информация по этому пункту была столь детализирована и достигала меня из столь многих совершенно независимых друг от друга источников, что я был вынужден отнестись к ней достаточно серьёзно и задуматься над тем, не будет ли в скором времени человеческим опытом пройден некий величайший рубеж, самый, как говорят нам, великий из всех, которые до сей поры приходилось пересекать нашей многострадальной расе?¹

Люди, которые не вдавались глубоко в этот предмет, вполне могут спросить: «А вам-то откуда знать всё это? Вы что, лучше других?» Мы можем ответить только, что вся жизнь изменилась для нас с той поры, как нас достигло это недвусмысленное знание. Смерть более не загораживает нам света. Мы оставили долину и поднялись на гору, и нам видны теперь необозримые просторы перед нами.

Почему нам бояться смерти, которая, как мы теперь точно знаем, есть пора невыразимого счастья?

Почему нам так бояться смерти родных и любимых, если мы можем быть с ними так близко после этого?

Разве я сейчас не значительно ближе к моему сыну, чем то было бы, будь он жив, но служи в этой армейской медицинской службе, которая могла бы услать его по своим надобностям на край света? Не бывает месяца, а то и

¹ Так оно и оказалось. По-видимому, здесь идёт речь о второй мировой войне. Сегодня мы можем сказать, что это прозорливое предупреждение людям в своё время пропало всуе. Что такое «великий октябрь», две мировые войны, геноцид в ленинско-сталинской России, гитлеровской Германии и других местах как не разнужданная игра звериных инстинктов, не знающих удержу? И это-то человек, претендующий на цивилизованность и культуру? (И. Р.)

недели, чтобы я с ним не общался. Ну разве не очевидно, что факты, подобные этим, целиком изменяют весь характер жизни и превращают серый туман исчезновения и разложения в розовую зарю воскресения и вечной жизни?

Вы можете сказать, что ту же уверенность даёт нам христианское откровение. Это правда, и вот почему мы не антихристиане, пока христианство является учением смиренного Христа, а не его заносчивых представителей.

Каждая ветвь христианства представлена в наших рядах, зачастую это оказываются и священнослужители самого разного ранга. Но в описаниях потустороннего мира, данных в священных писаниях, нет ничего определённого. Информация же, которой мы располагаем, описывает небо как мир, наполненный радостным трудом и не менее радостной игрой со всеми родами умственной и физической деятельности, вынесенной из земной жизни, но перенесённой на более высокий уровень: небо искусства, науки, мысли и ума, созидания, борьбы со злом, домашнего уюта, цветов, далёких путешествий, спортивных игр и состязаний, соединения душ, полной гармонии. Вот что описывают нам наши «усопшие» друзья.

С другой стороны, мы слышим от них, и иногда напрямую, о разного рода «адах», каковые суть не что иное, как временные области очищения. Мы слышим о туманах, мраке, бесцельных блужданиях, умственном смятении, угрызениях совести. «Наше положение ужасно», — написал мне один из них на недавнем сеансе.

Вещи эти и реальны, и живы, и вполне удостоверены для нас. Вот почему мы являемся огромной силой для воскресения истинной религии, и вот почему духовенство берёт на себя тяжёлую ответственность, когда оно выступает против нас.

Конечный результат нашего воздействия на научную мысль невообразим. Единственное, что вполне определённо, так это то, что источники всякой силы будут усмотрены скорее в духовных, нежели в материальных причинах.

В религии, быть может, можно будет видеть немного более ясно. Теология и догма исчезнут.

Люди поймут, что такие вопросы, как число лиц в Божестве или непорочное зачатие, не имеют никакого отношения к развитию человеческого духа, которое является единственной целью жизни.

Все религии станут равны, ибо все они воспитывают души кроткие и незгоистичные, каковые суть избранницы Божьи. Христианин, иудей, буддист и магометанин соответственно сбросят различия своих учений и будут следовать собственным верховным Учителям по общему пути

нравственности и забудут свою былую вражду, которая сделала религию скорее проклятием, а не благословением мира.

Мы будем в тесном соприкосновении с потусторонними силами, и знание вытеснит ту веру, которая в прошлом воткнула в землю дюжину различных указательных столбов, с тем чтобы они предопределяли путь по соответствующему числу разных направлений.

Таким будет будущее, насколько мне удаётся его разглядеть сквозь отделяющее нас от него расстояние. И всё это вырастет и расцветёт из семени, которое уже посажено и за которым мы сейчас ухаживаем и которое поливаем посреди холодных порывов ветра этого враждебного мира.

Не подумайте, будто я притязаю на какое-то особое лидерство в этом движении. Я делаю, что могу, но многие другие тоже сделали то, что могли — многие скромные труженики и сотрудники, выдержавшие лишения и оскорбления, но которые в конце концов были признаны как современные апостолы. Что касается до меня, то я могу претендовать только на то, что был инструментом, таким образом устроенным, что он имел некоторую благоприятную возможность распространять данное учение среди людей.

Это есть работа, которую я буду делать как голосом, так и пером и которая займёт весь остаток моей жизни. Какую форму она вскорости примет, я не могу сказать. Планы человеческие — вещь пустая, и орудия лучше лежать пассивно, пока рука великого мастера снова не пустит его в дело.

Содержание

Роман о спиритизме длиною в жизнь

(биографический очерк Йога Раманантаты)	7
---	---

Мистические рассказы

Рука-призрак. Перевод М. Антоновой	29
Игра с огнем. Перевод Ю. Жуковой	42
Джон Баррингтон Каулз. Перевод О. Варшавер	57
Кожаная воронка. Перевод В. Воронина	78
Смуглая рука. Перевод Ю. Жуковой	91
Сквозь пелену. Перевод С. Маркиша	107
Карета призраков. Перевод С. Леднева	113
Серебряное зеркало.	137
Топор с посеребренной рукояткой. Перевод П. Гелевы	147
Джордж Вени и привидение. Перевод В. Полякова	165
Приведение из Лоуфорд-Холла. Перевод П. Гелевы	184
Секрет комнаты кузена Джеффри. Перевод С. Леднева ..	196
Почему в новых домах водятся привидения. Перевод М. Антоновой и П. Гелевы	221
Тайна замка Горсорт-Грэйндж. Перевод Н. Дехтеревой ..	234
Необычайный эксперимент в Кайнплатце. Перевод Н. Дехтеревой	252
Тайна задернутого портрета. Перевод М. Антоновой и П. Гелевы	269
Вот как это было. Перевод Е. Нестеровой	281

Паразит

Перевод П. Гелевы	287
-------------------------	-----

Новое Откровение

Перевод Й. Раманантаты

Предисловие	345
Глава первая. Искания	346
Глава вторая. Откровение	367
Глава третья. Грядущая жизнь	376
Глава четвертая. Проблемы и разграничения	388
Дополнительные свидетельства	
I. Следующая фаза жизни	401
II. Автоматическое письмо	403
III. Черитонское бомбоубежище	405

Записки о спиритизме

Перевод М. Антоновой и П. Гелевы	411
--	-----

**АРТУР
КОНАН ДОЙЛ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМАХ
Том тринадцатый**

Редактор

И. Шурыгина

Художественный редактор

И. Сайко

Технический редактор

М. Бурдо

Корректоры

Л. Лебедева, И. Шитикова

ЛР № 071673 от 01.06.98 г.

Подписано в печать 28.08.98 г.

Гарнитура Балтика. Формат 84×108¹/₁₆.

Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56.

Уч.-изд. л. 31,34. Зак. 1918.

ТЕРРА—Книжный клуб.

113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-300-02152-0

9 785300 021528

**Книжный клуб
Холдинговой компании «Терра»
выпустил в свет:**

Лот № 2101

Р. Стаут

Собрание сочинений в тринадцати томах

Рекс Стаут (1886—1975) — известный всему миру американский писатель, автор ряда традиционных реалистических романов, научно-фантастических произведений и многочисленных детективов. Знаменитым стал его сериал, создававшийся на протяжении 30 лет и переведенный на 34 языка, — о профессиональной паре частных сыщиков из Нью-Йорка — Ниро Вульфе и Арчи Гудвине.

Цена 1 тома 24 р. 60 к.

*Книги можно заказать по адресу:
150000, Ярославль, ул. Павлика Морозова,
д. 5, Почтамт, а/я 2.*

В открытке не забудьте указать название книги,
количество экземпляров и ваш адрес
(обязательно с почтовым индексом).

Лот № 2102

Д. Голсуорси

Собрание сочинений в двенадцати томах

Джон Голсуорси (1867—1933) — выдающийся английский прозаик и драматург, один из крупнейших писателей-реалистов первой трети XX века. В 1932 г. Голсуорси была присуждена Нобелевская премия.

В Собрание сочинений вошли трилогия «Сага о Форсайтах», которая стала вершиной творчества Голсуорси, трилогия «Современная комедия», роман «Остров фарисеев».

Цена 1 тома 23 р. 10 к.

*Книги можно заказать по адресу:
150000, Ярославль, ул. Павлика Морозова,
д. 5, Почтамт, а/я 2.*

В открытке не забудьте указать название книги, количество экземпляров и ваш адрес (обязательно с почтовым индексом).

*Широкий выбор книг издательств
и книжного клуба
Холдинговой компании «ТЕРРА»
можно купить в магазинах по адресу:*

113399, Москва, ул. Мартеновская, 9/13,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 1.
Тел. 304-57-98, 304-61-13

113216, Москва, б-р Дмитрия Донского, д. 2, к. 1
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 2.
Тел. 712-34-54

123022, Москва, ул. Красная Пресня, 29,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 3.
Тел. 252-03-50

129110, Москва, пр. Мира, 79, стр. 1,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 4.
Тел. 218-81-01

113093, Москва, ул. Щипок, 2,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 5.
Тел. 737-04-78

или заказать по адресу:

150000, Ярославль, ул. Павлика Морозова,
д. 5, Почтамт, а/я 2